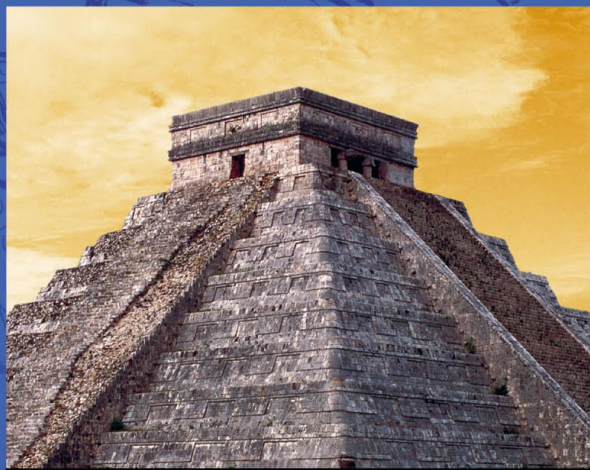

Питер Томпкінс

тайны
мексиканских
пирамид

РУИНЫ ИСЧЕЗНУВШИХ ЦИВИЛІЗАЦІЙ

Питер Томпкинс

Тайны МЕКСИКАНСКИХ пирамид

Руины исчезнувших цивилизаций

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2007

ББК 63.37
Т56

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Томпкинс П.
Т56 Тайны мексиканских пирамид. Руины исчезнувших цивилизаций / Пер. с англ. Л.А. Карповой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 479 с.

ISBN 978-5-9524-2604-7

Книга Питера Томпкинса переносит нас в сердце джунглей Мексики к загадочным пирамидам и ритуальному комплексу Теотиуакана. Автор подробно рассказывает историю обнаружения пирамид древних городов Мезоамерики. Знакомит с результатами многочисленных археологических исследований и теориями исследователей пирамид, связывающих размеры построек в Теотиуакане и расстояния между ними с размерами Земли и строением Солнечной системы. Автор предлагает на суд читателя необычные теории относительно прошлого нашей планеты.

ББК 63.37

ISBN 978-5-9524-2604-7

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2007
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глубоко в джунглях Мексики и Центральной Америки, в тесных объятиях корней и лиан, исцарапанные когтями ягуаров и обласканные гремучими змеями, лежат руины, возможно, тысяч древних пирамид, иногда пирамид на пирамидах. Многие из них еще не обнаружены, покинутые своими безвестными строителями неведь когда по неизвестным причинам. В тайниках этих пирамид могут лежать драгоценные древние рукописи и иероглифические произведения — небесная математика, заключенная в геометрическую форму, — дающие возможность восстановить великолепие цивилизаций, для уничтожения которых Римская католическая церковь сделала все, что было в ее силах. Под топором и факелом испанских завоевателей и последующих правителей древняя мудрость индейцев свелась к суевериям.

На протяжении веков рассказ об этих жестокостях лежал похороненный в архивах. А жители Мезоамерики представлялись миру как невежественные, жестокие и грубые люди.

Подобно тому как египтологи не могли сразу поверить, что в Древнем Египте кто-то довольно точно разместил, благодаря астрономическим наблюдениям, геодезические отметки, сориентировал свои постройки с точностью до секунд по отношению к северу, так и ученые-американисты долго не хотели признать или допустить, что в своих древних, рельефно вырезанных символах и рукописях индейцы майя продемонстрировали такие сложные астрономические вычисления, которые и в наше время может понять не каждый школьник. Теперь ясно, что майя создали календари синодического обращения планет, циклически повторяющихся солнцестояний, равноденствий и солнечных и лунных затмений.

Хотя каменный календарь ацтеков уже стал традиционным сувениром, привозимым из поездки по современной Мексике, в академиях все еще неохотно признают, что его в высшей степени сложный эстетический дизайн включает в себе вечные космические часы, точно отмеча-

ющие циклы движения видимых небесных тел нашей Солнечной системы не только в настоящее время, но и в далеком будущем и прошлом.

Нет науки без измерений. Жрецы индейцев майя провозглашали творцом мира бога Хунаба Ку, чей символ (совмещенные круг и квадрат) был идентичен символу Великого Архитектора современного масонства. На Ближнем Востоке древние взяли на вооружение угловую секунду, при помощи которой они вывели число 1 296 000 для окружности ($360 \times 60 \times 60$), а также секунду времени, при помощи которой они вывели число 86 400 для суточного цикла ($24 \times 60 \times 60$).

От угловой секунды у них произошла мера длины фут, равный 0,3079 м. Сто таких футов, говорили они, составляют одну угловую секунду. Из временной секунды они вывели меру длины локоть, равный 0,4618 м. Тысяча таких локтей, говорили они, составляют расстояние, которое проходит Земля на экваторе за одну секунду времени¹.

При помощи этих единиц измерения жители Ближнего Востока измеряли вселенную и ее циклы, включая результаты измерений наряду с математическими константами ее структуры в свою архитектуру, как это соблюдено в пропорциях зиккуратов Шумера и египетских пирамид (Хеопса, Хефрена, Микерина, Снофру и др.). Жители Мезоамерики делали то же самое (хотя и намного позже), как теперь явствует из изучения их пирамид.

В конце XIX века астрономам Проктору и Локьеру было достаточно одного взгляда на переходы в египетских храмах, чтобы сделать вывод о том, что эти постройки были спроектированы и использовались в древности с целью вести астрономические наблюдения и регистрировать такие важные события, как равноденствия и солнцестояния. Одного взгляда на пирамидальные постройки Юкатана и Чьяпаса с их ступенями и другими деталями, сходными с постройками в Гизе, или гробницами в Микенах, или мегалитами Мэсхоу на Оркнейских островах, достаточно, чтобы показать, что они были построены для ведения астрономических наблюдений. Их архитектура и выступающие детали могли выполнять функцию маркеров восхода, перехода через меридиан и захода небесных тел.

Подобно Великой пирамиде Хеопса в Гизе, пирамида Солнца в Теотиуакане использовалась для регистрации солнцестояний, дней, когда Солнце в зените, и равноденствий. Стелы в Гватемале, покрытые замысловатой гравировкой или лепниной, явно выполняли ту же функцию, что и покрытые глубокими резными изображениями обелиски в Египте.

---

¹ Обе единицы измерения действительно являются соответствующими долями длины земной окружности: $129\,600\,000 \times 0,308$ или $8\,640\,000 \times 0,496 = 39\,916,80$ км, что очень близко к величине 40 000 км, принятой за длину окружности Земли изобретателями метрической системы в XVIII веке.

Изучение необычного влияния на Землю приближающихся к ней и удаляющихся от нее других планет (в комбинации друг с другом, а также с Солнцем и Луной), за чем постоянно велись точные наблюдения и проводилось самое замысловатое кодирование, было осмеяно многими нашими современниками и названо астрологией; до сих пор мы, сбитые с толку наукой, относимся к кормящей нас матери-земле как к грязи под нашими ногами, а к живой вселенной — как к бездонной яме для доставляющих нам удовлетворение запусков наших космических кораблей.

Мы живем в темную эпоху вот уже несколько тысячелетий. Пришла пора возрождения — с мудростью прошлого.

Архитектура, по словам архитектора Роберта Стейси-Джадда, состоит из застывших символов, которые можно переплавить в язык, «в котором размеры и раппорты (повторяющийся фрагмент рисунка) являются словами и предложениями». Огюст Ле Плонжон называет архитектуру безошибочным мерилом уровня цивилизации, достигнутого каким-либо народом, «таким же правильным критерием нации, как и язык; она более понятна и не подвержена изменениям». Если верно то, что столица какого-либо народа отражает уровень его архитектуры, то мы рискуем тем, что о нас будут судить по циклопическим стенам офисного здания палаты представителей США, если у нас не появятся архитекторы, чувствующие космические геометрические величины, такие, которые представил бы себе Р. Бакминстер Фуллер.

Древние цивилизации придавали большое значение числам как точному языку, которым можно было выразить что-либо материальное и духовное и сохранить это; поэтому числа были неотъемлемой частью их построек.

Как подчеркнул Джон Мичелл, памятники их архитектуры содержат как в своих размерах, так и в своем соответствующем географическом положении весь словарь священного языка прошлого. Мичелл считает, что такие сооружения, как Великая пирамида Хеопса, были построены людьми, кое-что понимающими в законах, которые правят межгалактическим течением живой энергии, и разбирались в том, как они применяются по отношению к развитию жизни на земле.

«Решение колоссальной задачи по строительству Великой пирамиды, увенчивающей достижения доисторической науки, — пишет Мичелл, — могли взять на себя только люди, чья вера в ценность своего труда шла от некоего знания универсального закона. Ключ к каждому ремеслу и науке может однажды быть открыт заново внутри естественной гармонии численной структуры пирамиды». К этому он добавляет: «Написанное на поверхности суши буквами из земли и камня универсальное знание о Древнем мире теперь близко — стоит только протянуть руку».

Эрнан Кортес вскоре после падения Мехико.

Кортесу, не подчинившемуся губернатору Веласкесу в Гаване, было тридцать четыре года, когда его армия на девяти (по другим данным, одиннадцати) кораблях высадилась 21 апреля 1519 года на восточном побережье Мексики, где построили г. Веракрус. Кривоногий после травмы, полученной в 16 лет при перелезании через обрушившуюся стену во время амурных походов, Кортес в глазах своих соотечественников был человеком крепкого телосложения, с развитой грудью и широкими плечами. Его борода и волосы были темными и негустыми. Кортеса считали хорошим наездником, фехтовальщиком и большим мастером ближнего боя, в том числе с ножом. Он был также известен как человек распущенный, прожорливый, любящий играть в кости, жадный до денег и женщин. Родившись в испанской области Эстремадура, Кортес обладал редкими храбростью и мужеством, умом и дипломатическими способностями и в то же время был невероятно жестоким. Он докладывал испанскому королю Карлу I (он же император Карл V), как тысячами убивал индейцев, включая женщин и детей, чтобы подавить волю к сопротивлению у местного населения

Часть первая

ПОДГОТОВКА ДЕКОРАЦИЙ

Глава 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ «БОГОВ»

В горах Мексики, в небольшой долине, защищенной от холодных северных ветров громадой потухшего вулкана, лежат грандиозные остатки древней цивилизации. Эти необычные и величественные руины, над которыми возвышаются два пирамидальных кургана, на протяжении веков лежали непо потревоженными. Впервые увиденные европейцами только после того, как Эрнан Кортес со своим небольшим отрядом начал завоевание Мексики в 1519 году¹, они остались источником всевозможных догадок для последующих поколений. Только в настоящее время, с начала XX века, загадка их природы начинает раскрываться.

В то время как Уильям Прескотт и другие рассказывали историю завоевания Мексики в ослепительно ярких подробностях, более страшная история захоронения, уничтожения и уничижения традиционных знаний и верований, надежно хранимых в этих пирамидах, почти совершенно оказалась незатронутой. Переплетаясь между собой, эти истории открывают нам борьбу между двумя могущественными силами, соперничающими за души людей.

Местные историки описывали появление конкистадоров как цепь зловещих бедствий.

Хотя все знамения предсказывали их прибытие и грядущее уничтожение ацтекской империи, сама высадка на сушу испанцев так поразила первого ее очевидца, что, лишившись пальцев на ногах, он быстро набрал высоту, чтобы добраться до расположенной среди гор (около 2300 м над уровнем моря) ацтекской столицы Теночтитлана

---

¹ Первыми ступили в 1517 году на берег Мексики испанцы под руководством Кордо-вы — на Юкатане. В боях с майя экспедиция понесла тяжелые потери, сам Кордова умер от ран. 1518 году Грихальва исследовал берег Юкатана и западнее, где вступил в контакт с посланцами Монтесумы. В 1519 году Пинеда в устье р. Пануко был атакован ацтеками, 4 из 5 испанских кораблей сожжены, их команды погибли в бою (в т. ч. сам Пинеда). С убитых испанцев ацтеки сняли кожу и сделали чучела, а тела съели. (*Примеч. ред.*)

Когда Кортес высадился в Мексике, Монтесума II, которому тогда шел шестой десяток, выглядел как сорокалетний. Испанцы описывали его так: хорошего роста и сложеня, стройный и худощавый, со смуглым цветом лица, а волосы только прикрывают уши. У Монтесумы была негустая черная борода хорошей формы, которая придавала его лицу выражение мягкости и степенности одновременно. Его считали очень аккуратным и чистоплотным человеком, он порази испанцев абсолютно царскими манерами и жестами. Имя Монтесумы было почетным титулом, означавшим «наш сердитый с виду господин», потому что ацтекский правитель получил предостережение: «никогда больше не смеяться и не шутить, как он это делал до своего избрания, и обрести сердце старого, серьезного и сурового мужа». Его считали временным представителем и выражителем воли невидимого, безликого бога, имевшего двойственную природу. «Вы образ нашего господ бога и представитель его на земле. Он заключается в вас и использует вас как флейту, посредством которой он говорит, и слышит он вашими ушами». Считавшийся ученым-астрологом и философом, мастером в различных искусствах Монтесума взошел на ацтекский трон в 1502 году в возрасте тридцати шести лет. Он был избран Советом шести из числа членов семьи его предшественника благодаря своей высокой образованности. Монтесума возглавлял армию и церковь и, имея титул первого оратора, правил страной через Совет трех, в который входили главнокомандующий армией, главный жрец и правитель Теночтитлана. Сообщалось, что Монтесума управлял страной хорошо, справедливо и строго. Чтобы узнать, как его министры выполняют свои обязанности, он имел привычку переодеваться и ходить по своему государству инкогнито. Монтесума рассказал Кортесу, что его предки пришли из далекой страны под названием Ацтлан, где была высокая гора и сад, в котором жили боги

Кортес наступал на Мехико, имея четырнадцать лошадей и несколько пушек; ни лошадей, ни огнестрельного оружия его индейские противники никогда не видели.

Чтобы достичь Теночтитлана, нужно было преодолеть два перевала выше 3 тысяч метров, где падал снег и град и ледяной ветер обрушивался с заснеженных гор. Это также означало пересечение безжизненного плато из вулканического пепла шириной сорок миль. Кортес, численность войска которого была в десятки раз меньше, чем у ацтеков, надеялся захватить ацтекскую столицу скорее хитростью, чем силой.

Помимо индейцев из Тласкалы и других, которые поддерживали Кортеса, важным был и психологический фактор. В легендах народа мещиков (ацтеков) говорилось, что белые боги с Востока когда-нибудь вернуться, чтобы завоевать Мексику

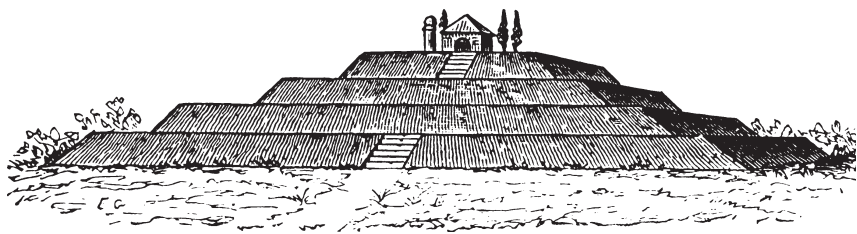

и уведомить царя Монтесуму II о том, что в море плавают башни и небольшие горы, на которых находятся необычные люди из неизвестного мира с очень светлой кожей, длинными бородами и волосами только прикрывающими уши.

Монтесума, стройный аристократ с вытянутым худощавым лицом, знал из священных текстов о том, что Кецалькоатль, человек или бог, когда-то обещал вернуться с Востока в год 1 Тростник. Шел как раз этот год.

Пока Кортес со своим отрядом из четырехсот испанцев (первоначально было 508 бойцов и 100 с лишним матросов на кораблях, но в первых, довольно тяжелых боях испанцы понесли потери) в сопровождении тысяч индейцев (в основном из Гласкалы), радовавшихся возможности восстать против тирании ацтеков (помимо дани, ацтеки требовали пленников — много тысяч — для жертвоприношений и ритуального людоедства), продвигался к столице империи ацтеков, в Теночтитлан прибывали и другие гонимые. Они описывали пришельцев как сверхъестественных существ, которые скачут верхом на безрогих оленях, а впереди них бегут на поводках дикие животные. Пришельцы одеты в железо, вооружены железом и бесстрашны, как боги.

Когда Кортес достиг города Чолула с его сотнями беленых храмов, над которыми неясно вырисовывались развалины самой большой пирамиды в обеих Америках, его, по ацтекскому плану, ждала засада в городе, подкрепленная 20-тысячной ацтекской армией неподалеку. Переводчица и подруга Кортеса индианка Марина узнала об этом. Кортес устроил побоище, в котором погибли шесть тысяч жителей Чолулы (в основном от артиллерийского огня и пожара).

Потрясенный этой вестью, Монтесума II заколебался между сопротивлением и капитуляцией. Ему сообщили, что Кортес и его спутники продвигаются вперед в боевом порядке, поднимая пыль вихрями, их копья блестят на солнце, их флаги трепещут в воздухе, как летучие мыши, а их доспехи громяют на холодном ноябрьском ветру. На Орлином перевале, между заснеженных вершин вулканов Попокатепетль (5465 м) и Истаксиуатль (5230 м), посланцы Монтесумы преклонили колени перед испанцами и воздали им почести как сыновьям Солнца, своим богам. Разве богоподобный Кецалькоатль не одевался в черный бархат, как Кортес? А судя по размерам гульфика на панталонах последнего, шептались они, у него явные задатки бога.

Перед Кортесом простиралась долина Мехико, очаровательная высокогорная равнина, наполовину заполненная неглубокими, так называемыми «лунными» озерами, в которых в изобилии водилась рыба и водоплавающие птицы. В чистых водах озер отражались окружающие их горные леса, а берега оживляли деревни и города народа мешиков (ацтеков).

Когда испанцы впервые увидели расположенную на острове посреди соленого озера Тескоко столицу ацтекского государства Теночтитлан, издали блесневшую великолепными дворцами, храмами и пирамидами, розовыми от покрывающей их штукатурки из вулканического пепла, — город, подобно Венеции поднимающийся из лазурных вод, — они подумали, что это сон.

Хотя многие из испанцев видели до этого красоты Рима и Константинополя, их все же поразил этот ацтекский город с населением 300 тысяч человек, который снабжался пресной водой посредством

В Чолуле Кортеса приветствовали девушки, которые пели, танцевали и играли на музыкальных инструментах; другие девушки несли хлеб и птицу. Знатные люди, вожди и простолюдины, «невооруженные, с жаждущими и счастливыми лицами, толпились в огромном дворе храма Кецалькоатля, чтобы услышать, что скажут белые люди». Однако готовилась засада, подкрепленная 20-тысячной армией ацтеков неподалеку. Но переводчица и подруга Кортеса Марина выведала об этом. Кортес приказал открыть артиллерийский огонь, а затем поджег часть города

акведуков, был пронизан переплетением каналов, сетью тщательно вымощенных улиц, украшен окруженными сводчатыми галереями площадями, вдвое большими, чем, например, площади в Саламанке в Испании. К услугам горожан был рынок, куда ежедневно 70 тысяч индейцев привозили и продавали тысячу видов разнообразной продукции, от ювелирных украшений филигранной работы до гор разноцветных перьев, в том числе и перьев редкой птицы кецаль (кетсаль, или квезал, отряд трогонов).

Испанцы были очарованы такой роскошью, как ботанический и зоологический сады, дворцами с изящными башнями, которые были выше кафедрального собора в Севилье. Дворцы окружали большие

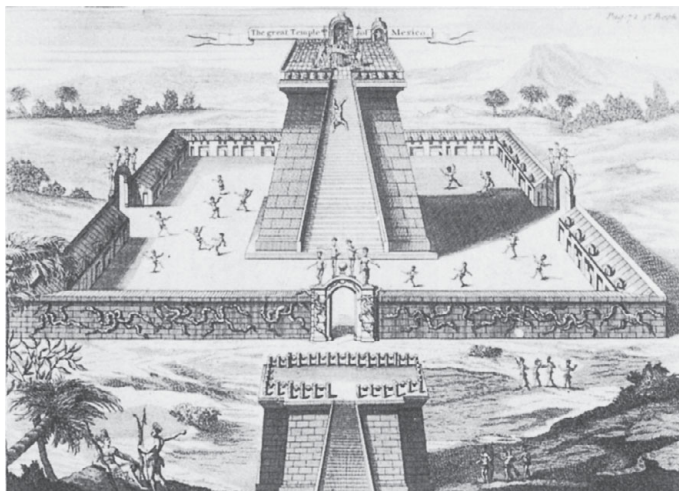
Монтесума планировал узнать Кортеса по знакам отличия бога Кецалькоатля — которые он послал ему вместе с множеством других прекрасных подарков, — так как он верил, что тот и есть бог. Таким образом Монтесума надеялся не отдать Кортесу город Мехико.

Послам было велено сказать Кортесу, что эти сокровища, «все жреческие ризы принадлежат ему». Среди подарков были два круглых календаря величиной с колесо телеги, один золотой, другой серебряный, — оба были покрыты искусно выгравированными иероглифами, и оба они были переплавлены в слитки. Некоторые подарки попали к императору Карлу V, и ими в 1520 году восхищался Альбрехт Дюрер.

С послами Монтесумы шла группа колдунов, которые должны были попытаться не подпустить Кортеса к городу.

В своей знаменитой речи, обращенной к Кортесу (которую последний в точности донес до императора Карла V), Монтесума сказал: «Нас [мексиканских правителей] привел сюда господин, чьими вассалами были все наши предки и который возвратился отсюда на свою родину. Потом он снова пришел сюда спустя долгое время, в течение которого многие его последователи, те, что остались, женились на местных женщинах, создали большие семьи и основали города, в которых они жили. Он хотел забрать их отсюда с собой. Но они не захотели пойти с ним и не захотели принять или считать его своим правителем, и он пустился в путь. Но мы всегда верили, что его потомки обязательно придут, чтобы подчинить себе эту страну и назвать нас своими вассалами»

красивые частные дома с благоухающими садами, в которых под яркими хлопчатобумажными навесами, защищавшими от палящих лучей солнца, придворные Монтесумы вкушали фрукты и овощи, супы, рыбу и мясо под соусами, пирожные и пироги. Все это разнообразили такие деликатесы, как личинки под горячим острым соусом, крылатые муравьи с пряностями и крысы в шоколадной заливке.

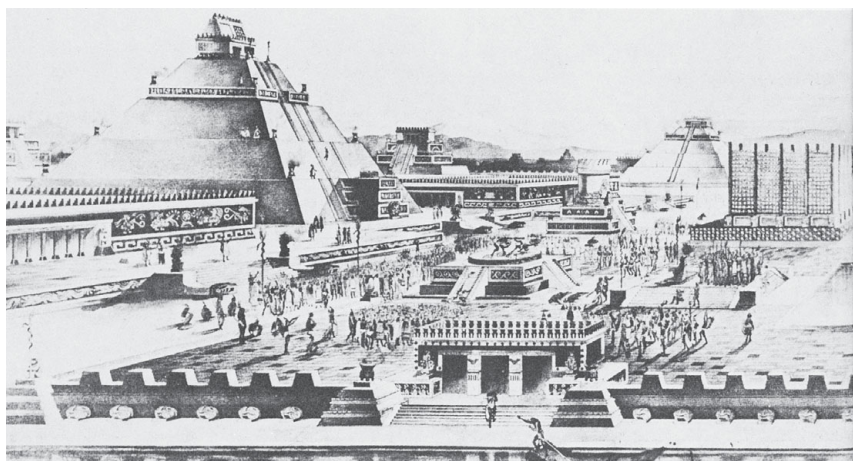
Пирамиды у ацтеков обычно имели две лестницы, которые вели к двум храмам, как у центральной пирамиды (теокалли) в Теночтитлане, посвященной Уицилопочтли и, видимо, Тлалоку. Считалось, что теокалли и оба храма были построены за пять лет до того, как Колумб заново, после викингов, открыл Америку.

Эта пирамида имела 30 м в высоту, а к вершине вели крутые ступени; у основания теокалли имела ширину 100 × 80 м. Одно святилище на ее вершине было посвящено богу войны и солнца Уицилопочтли, главному покровителю ацтеков, другое святилище — Тлалоку, богу дождя

В поисках соринки в чужом глазу испанцы заявили, что их приводит в ужас то, что мексиканцы безудержно предаются противоестественным половым сношениям. Испанцев шокировало и то, что во время оргий после ритуального жертвоприношения ацтекские жрецы (у каждого из них половой член был надрезан вдоль для достижения абсолютной непорочности) жарили жертвы заживо или вырывали у них сердца (по приблизительным подсчетам испанцев, — до 50 тысяч человек в год). Тела принесенных в жертву съедались жрецами и населением города. Это делалось для того, чтобы подкрепить веру в то, что солнечному божеству необходима свежая человеческая кровь, чтобы не остановился солнечный цикл, а с ним и жизнь. Были и другие жертвоприношения — на одних праздниках в жертву приносили только детей, на других жрецы исполняли в экстазе ритуальные пляски, натянув на себя свежесодранные кровавые кожи, снятые с живых людей.

Под предлогом того, что они несут местному населению лучшую религию, испанцы запретили человеческие жертвоприношения. Кроме того, они фактически взяли слабовольного Монтесуму в заложни-

Город Теночтитлан, разделенный на четыре квартала, каждый из которых делился еще на пять частей (кальпулли), на самом деле состоял из двух отдельных частей. Одна из них была собственно Теночтитланом, где стоял Великий храм и где жил Монтесума и другие высокопоставленные чиновники. Другой частью был Тлателолко, где проживали люди низшего сословия и преобладали представители купеческого класса.

Великий храм занимал центр Теночтитлана, города, по словам Кортеса, пяти-сот дворцов, добротнo построенных из камня, стены которых были увенчаны зубцами и украшены изображениями змей.

По словам Кортеса, «на огороженной территории вокруг Великого храма были расположены сорок очень высоких домов», и все они были «усыпальницами владык». Более солидные дома занимали центральную часть столицы, где суша была выше и тверже. Каналы, ярко-зеленые от водных растений, окружали и пересекали в разных направлениях город, который, как описал его ацтекский поэт, «простирался нефритовыми кругами, переливаясь яркими вспышками, подобно перьям птицы кецаль»

ки, от его имени Кортес распоряжался в стране. Были захвачены огромные сокровища. Ацтекских военачальников, сражавшихся ранее с испанцами, по требованию Кортеса сожгли на костре. Положение Кортеса в Теночтитлане ухудшилось, когда стало известно о прибытии в Веракрус с Кубы эскадры Нарваэса (18 кораблей и 1500 человек), посланной губернатором Веласкесом с целью взять «живыми или мертвыми» Кортеса и его солдат. Оставив охранять Монтесуму и город пару сотен испанцев (не считая индейцев-тласкальцев), Кортес с 260 бойцами-испанцами и 200 вооруженными копьями индейцами сумел разбить Нарваэса, люди последнего перешли на сторону Кортеса. А в это время Мексика восстала. С войском в 1300 солдат, 100 всадников и 150 стрелков (а также 2 тысячи индейцев-тласкальцев) Кортес в 1520 году снова вступил в Теночтитлан. Но восстание разгорелось с новой силой. Монтесума, попытавшийся, по требова-

Согласно впечатлениям спутника Кортеса Берналя Диаса дель Кастильо (около 1492 — около 1593, автора «Правдивой истории завоевания Новой Испании»), великого Монтесуму, прибывшего, чтобы встретить Кортеса, несли в роскошном паланкине с балдахином над головой, украшенном яркими зеленовато-синими перьями, золотом, жемчугом и нефритом, который символизировал «зеленеющее или синее небо». Его поддерживали четверо главных сановников, а золотые подошвы его сандалий не допускали, чтобы его ноги прямо соприкоснулись с землей. Другие сановники шли перед Монтесумой, «метя землю и расстилая на ней половики, чтобы он не ступил на нее. Все эти сановники не смели даже подумать о том, чтобы поднять глаза и взглянуть ему в лицо. Только четверо сановников, его двоюродных братьев, которые поддерживали его, имели такую привилегию». По торжественным случаям Монтесума, как и его предшественники, был единственным человеком, обладающим привилегией сидеть на троне или приподнятом сиденье с высокой спинкой

нию испанцев, успокоить своих подданных, получил в ответ град стрел и камней и был смертельно ранен. Запасы пороха у испанцев истощались, еда закончилась. Тогда 1 июля 1520 года под покровом ночи испанцы пошли на прорыв. Ацтеки сразу же ударили по отряду Кортеса. Переносной мост через канал перевернулся, многие испанцы утонули, многие ранеными были захвачены, принесены в жертву и съедены ацтеками. Но все же отряд Кортеса пробился и отошел к северу от озера Тескоко в тихую долину, над которой высилась вершина вулкана Серро-Гордо. Там, в тени двух пирамидальных курга-

Согласно ацтекскому преданию, город Теночтитлан был скопирован со столицы их потерянной родины. Он был расположен на острове посреди озера и окружен кольцами каналов и соединительных дамб.

Кочевники чичимеки, служившие в тольтекской армии, называли себя ацтеками по названию своей мифической родины Ацтлан. В 1345 году они построили город Теночтитлан на болотистом острове в озере Луны. Город соединялся с основной сушей тремя дорогами: одна дорога вела в Тенейак, другая — в Тлакопан, третья в прекрасный прибрежный город Чапультепек. Город занимал площадь около семи с половиной квадратных километров и был построен вокруг храмов и общественных зданий. Согласно ацтекской легенде, их бог Уицилопочтли в облике статуи, обладавшей человеческой речью и даром провидения, побуждал их двигаться вперед, пока они не достигли острова, который, как говорили, обладал такими же магическими свойствами, что и их родина Ацтлан

нов, остатки испанского отряда столкнулись с самым большим количеством вражеских воинов, когда-либо собиравшимся для одного сражения в Вест-Индии. Десятки тысяч индейцев из Отумбы, Тескоко и других городов и селений, расположенных у озера Тескоко и непо-

Испанцы обвиняли ацтекских жрецов, всегда покрытых коркой от засохшей человеческой крови, в том, что они производят 50 тысяч человеческих жертвоприношений в год. Диас обвинил их не только в совершении человеческих жертвоприношений, но и в людоедстве, противоестественных половых сношениях, в иццесте и в пьянстве (до такой степени разнузданном, что, когда они ложились на землю, а алкоголь им вливали струей в глотку»). Диас описывает, как ацтекский жрец наполовину зажарил человека, крючьями стащил его с углей и вырезал у него все еще бьющееся сердце. По его словам, стены храма были усеяны пятнами свежей и запекшейся крови, зловоние было невыносимым.

Говорили, что Монтесуму как деликатесом кормили мизинцами маленьких мальчиков. Человеческие жертвоприношения взрослых и детей были важной чертой многих празднеств. Причем тела принесенных в жертву людей съедались.

Позднее историки приписали тонкие метафизические мотивы ацтекским жертвоприношениям, подчеркивая, что ацтеки верили в то, что Земля уже пережила четыре периода бедствий и что единственным способом предотвратить пятый было принесение в жертву людей. Как «сыновья Солнца», ацтекские жрецы видели, что Землю питает Солнце, которому, в свою очередь, необходимы были жертвоприношения в виде человеческой крови, чтобы питаться самому. Поэтому они и вырывали у своих жертв сердца — иногда тысячами, — чтобы предотвратить космическую катастрофу

«Ночь печали». В полночь 1 июля 1520 года Кортес со своими людьми с боем прорвался из Теночтитлана по дороге на Такубу, используя переносной мост, чтобы переправиться через разрушенную в нескольких местах ацтеками дамбу. Подвергнувшись нападению со стороны ацтеков, Кортес потерял около 900 из 1550 своих испанских солдат, 1300 союзников-индейцев, многие из которых утонули под тяжестью награбленного золота (переносной мост перевернулся), многие ранеными попали в плен, были принесены в жертву и съедены ацтеками. Были потеряны все пушки, почти все огнестрельное оружие и 80 лошадей. Во время этой паузы Кортес с оставшимися ранеными бойцами сумел достичь долины Отумба у пирамид Теотиуакана, где в сражении с многократно превосходящим войском индейцев одержал победу и прорвался в Тласкалу

далеку, сгрудились в этой долине, размахивая копьями, щитами, знаменами и оперенными шлемами, уверенные в том, что они пришли сюда, чтобы своими глазами увидеть смерть последнего испанца.

Понимая, что отступать некуда, Кортес с небольшой группой всадников нанес удар по центру вражеской армии и лично убил ее главнокомандующего, Сиуаку, захватил индейское знамя и высоко его под-

нял, что вызвало панику среди ацтекской армии. Кортес снова прорвался. Всего за 5 дней прорыва и отступления до союзной Тласкалы испанцы с боями прошли 300 км, потеряв из 1550 бойцов-испанцев 900 (а также 1300 союзников-индейцев), все пушки, почти все другое огнестрельное оружие и 80 лошадей. Отступая и прорываясь, в горячке боя испанцы почти не обратили внимания на удивительное зрелище: древний пустой город, над которым высились два гигантских кургана. Никто не мог сказать, кто построил этот огромный церемониальный центр, откуда пришли его строители или куда они делись. Все, что испанцы смогли узнать, это то, что двумя веками раньше, когда люди из племени мешиков (ацтеки) появились в этой долине, они обнаружили загадочный город уже покинутым, покрытым землей и растительностью. Из-за легенды, рассказывающей о том, что боги использовали этот центр в древности, ацтеки называли это место Теотиуакан. Это название в их интерпретации означало либо «кладбище царей», либо «место, где владыки людей очнулись от сна жизни, чтобы стать богами».

Курган большего размера, почитаемый мешиками-ацтеками вплоть до прихода испанцев, назывался на местном языке науатль «Тонатлиу», что означало «Дом Солнца». Курган меньшего размера назывался «Метцли Итцакуаль», или «Дом Луны». Широкий проспект, соединявший два пирамидальных кургана, назывался «Уикаутли», или «дорога Мертвых», из-за небольших холмов, которые его обрамляли с двух сторон. Местные жители считали, что это могилы.

Утверждая, что только великаны могли построить большие пирамиды, ацтеки говорили, что они, вероятно, были возведены в далекой древности, когда землю населяли великаны и мудрецы. В качестве доказательства они показывали испанцам кости мамонтов, откопанные вблизи этого места. Индейцы считали, что это кости великанов. Но испанцы, озабоченные своим собственным выживанием, не обращали на них внимания, отходя на восток к своим союзникам в Тласкалу, где стали готовить реванш.

Глава 2

ИНДЕЙЦЫ РАЗБИТЫ

В 1521 году Кортес вернулся, пополнив свой отряд испанцами с Кубы, а также союзниками из числа местных индейцев (10 тысяч), чтобы нанести окончательное поражение мешикам. Теночтитлан отчаянно защищался больше трех месяцев. В августе 1521 года испанцы ворвались в город, все мужское население которого пало в боях; десятки тысяч ацтеков умерли от истощения (поскольку своих не ели). Кор-

Разрушение Теночтитлана.

Спустя год после «Ночи печали» Кортес вернулся, немного пополнив свой отряд испанцами, имея также 40 лошадей, 9 пушек и 10 тысяч индейцев из Тласкалы. Он также захватил с собой «секретное оружие» в виде 13 плоскодонных судов, построенных в Тласкале и перенесенных по суше к озеру Тескоко. Чтобы захватить Теночтитлан, Кортес планировал наступать со всех сторон по трем дорогам с пушками, отрядами аркебузеров, арбалетчиков и кавалерии, используя суда для поддержки с воды и блокады. Однако прямо перед наступлением индейские союзники Кортеса, которые видели в нем Кецалькоатля, едва не дезертировали, потому что планета Венера исчезла с небосклона, что случается раз в году. Когда с Кортесом-Кецалькоатлем ничего не случилось за время затмения Кецалькоатля-Венеры, и планета вновь появилась на небе, 10 тысяч союзников-индейцев снова стеклись под знамена Кортеса. 13 августа 1521 года после трехмесячной осады и затяжного штурма Теночтитлан пал. Более 240 тысяч ацтеков погибли в боях, от ран и болезней. Жители Теночтитлана, по рассказу одного из очевидцев из числа конкистадоров Лопеса де Гомары, «мучились от голода, и многие погибли голодной смертью (своих ацтеки не ели). Не было пресной воды для питья, только стоячая вода и соленая вода озера... Единственной пищей были ящерицы, кукурузные кочерыжки и соленые травы... Люди ели водяные лилии, семена, олени шкуры и даже кусочки кожи... Они ели даже отбросы. Почти все люди знатного происхождения умерли; в живых остались только несколько знатных людей и маленькие дети».

Как пишет С. Харви Гардинер в книге «Роль кораблей в завоевании Мексики», дерзкие маневры кораблей Кортеса на озере Тескоко были беспреимерными. Не было в истории ни одного похожего победоносного морского сражения, которое завершило бы войну и стало бы концом какой-либо цивилизации. Гардинер пишет: «В постоянно меняющейся панораме, охватывающей историю морских сражений от древнего Саламинского сражения до Корейского, можно увидеть корабли

тес приказал уничтожить Теночтитлан: дворцы, колонны и боги были разрушены. Чтобы не дышать воздухом, насыщенным зловонием разлагавшихся трупов, испанцы разбили свой лагерь в близлежащем селении Койоакан. Группы пленных индейцев разрушали до основания каждое здание ацтекской столицы и этим материалом засыпали каналы. Сравнив с землей руины, Кортес заложил свою собственную великую столицу, город Мехико, скопированную с европейской модели. Тысячи рабов-мексиканцев, среди которых было много квалифицированных скульпторов, плотников, каменщиков и садовников, таскали камень и бревна из руин Теночтитлана. Железные пилы, резцы и молотки позволяли им обрабатывать пористый красноватый камень, добытый в округе, и строить из него великолепные дома европейского типа, над входами в которые испанские идалго могли поместить свои гербы, вырезанные из камня. Там, где когда-то стояли дворцы и пирамиды индейцев, поднялись церкви и монастыри с зубчатыми стенами, контрфорсами и окнами с тяжелыми решетками.

Питаясь только несколькими маисовыми лепешками в день, каждый индеец выполнял строительные работы и подвозил нужные материалы. Воспитанные соответствующим образом с детства, привыкшие терпеть боль, индейцы работали часами, не выказывая усталости, постоянно подвергаясь жестокостям со стороны испанцев.

Индейцев отрывали от их семей для рабского труда на золотых и серебряных рудниках, ставя им клеймо при смене хозяев. Красивых индейских женщин делали наложницами. Завоеватели принесли с собой оспу и чуму. К 1545 году в одной только Тласкале (Тламкале) четверть миллиона индейцев умерли от чумы, всего умереть суждено было трем миллионам человек, так как болезнь распространилась до Табаско и Юкатана. Апологеты испанцев возражали, что их присутствие спасло жизни шестистам тысячам индейцев, которые могли быть принесены в жертву на алтарях в течение первых тридцати лет конкисты. Об индейцах они говорили, что «Бог поистине оказал им большую услугу, вверив их испанцам, которые обратили их в христианство и так хорошо обращались с ними».

Как только у индейцев отобрали землю, последовали периоды великого голода, и все же они должны были платить тяжелые налоги. Тех,

под парусом и на веслах, идущие на таран и на abordаж, операции целого флота, операции специальных подразделений, блокады, рейды по высадке десантных групп, тесную поддержку наземных боевых действий и психологическую войну. Подобно Саламинскому сражению, которое шло за право контролировать Восточное Средиземноморье, сражение в Теночтитлане также затрагивало вопросы господства в мире».

(Надпись на самом рисунке: «Сражение между испанскими судами и мексиканскими каноэ»)

Разграбив Теночтитлан, Кортес каленым железом заклеил лица некоторых из уцелевших жителей и попытался, используя пытки, узнать тайну местонахождения сказочных ацтекских сокровищ. И хотя было найдено золота на 15 миллионов долларов, это была всего лишь часть сокровищ Монтесумы.

За его заслуги король Испании пожаловал Кортесу титул адмирала Южного моря, а также «маркиза долины» (Оахака) — с наследственным владением и десятками тысяч подданных. Но Кортес ожесточился, так как его не назначили вице-королем страны, которую он завоевал. Он подарил сыну Монтесумы одну четверть города Мехико в качестве его феодальных владений, а в Испании организовал браки уцелевших дочерей Монтесумы с представителями испанской знати. Отдав одному из своих подчиненных в жены индианку Марину, свою переодвищю-любовницу, сопровождавшую его во всех походах и боях, без чьего посредничества он едва ли смог бы завоевать Мексику (и которая родила ему сына), Кортес женился на донье Хуане де Суньиге, племяннице герцога Бехарского (несмотря на наличие на Кубе законной жены — доньи Каталины)

кто не мог уплатить, пытали, иногда до смерти. Индейцев, которые отказывались принять католическую веру, пороли кнутом и обривали наголо; им запрещалось занимать какую-либо должность или носить титул в своей деревне. За непосещение богослужений или за проведение какого-либо старого обряда индейца мог получить сотню плетей.

Как считали испанцы, индейцы должны были знать только «Отче наш», «Аве Мария», «Верую» и десять заповедей. Умение читать и писать считалось опасным.

В Испании выдающийся историк и богослов Хуан Хинес де Сепульведа (1490—1573) заклинал авторитетом Аристотеля клеймить ин-

Фламандский художник Теодор де Брай изобразил, как индейцы, потрясенные падением их культуры, вешаются или принимают яд, совершая акт массового самоубийства. В 1530 году Мехико был настолько охвачен ужасом, что индейцы перестали спать со своими женами, чтобы избежать рождения детей, обреченных на рабство. Когда одного старого вождя попросили описать завоевателей, он ответил: «Они требуют кукурузу, мед, хлопок, женщин, золото, серебро. Они не хотят работать, они лжецы, игроки, развратники и сквернословы»

дейцев Нового Света как рабов по своей природе. Он настаивал на том, что, как низшим существам, им пойдет на пользу труд, который они выполняют для стоящих выше их испанцев, и что война с индейцами за то, чтобы они приняли христианство, была не только целесообразной, но и законной. Сепульведа — он никогда не был в Америке и не видел ни одного индейца в его естественной среде обитания — считал индейцев «человекообразными существами, в которых едва ли можно найти хоть какие-то человеческие качества, у которых не только нет никакой науки, но и отсутствуют буквы и которые не сохранили ни одного памятника своей истории, за исключением некоторых неясных воспоминаний о чем-то в живописных изображениях».

Сравнивая индейцев с испанцами, Сепульведа считал своих соотечественников людьми, которым нет равных в «бережливости, воздер-

Предназначенная для выявления и наказания еретиков и инакомыслящих инквизиция использовалась как орудие для обогащения королевской казны, католической церкви и себя самой. Отлавливались тайно исповедовавшие прежнюю веру мориски (крещеные мусульмане) и мараны (крещеные евреи), манихеи и альбигойцы и др. Каждый испанец должен был принимать в расчет инквизиторов, могущих провести допросы с пытками и приговорить к тюремному заключению и даже к смерти.

Суды проходили в обстановке абсолютной секретности. Подсудимый был лишен защитника. Трибунал инквизиции представлял собой обвинителя и судью в одном лице. Имена свидетелей обвинения скрывались от подсудимого. Он не мог использовать женщин, детей и рабов в качестве своих свидетелей, но их могла использовать обвиняющая сторона, которая могла приказать подвергнуть их пыткам, чтобы получить дальнейшие обвинения.

Менее серьезные наказания могли заменяться взяткой. Серьезное наказание означало или заключение в темницу в кандалах, или смерть на костре (иногда предварительно, из милости, душили). Королевская власть не вмешивалась в действия инквизиции, которая могла безнаказанно арестовывать людей, даже занимавших высокое положение в обществе.

Имущество осужденных подвергалось конфискации и отходило в собственность католической церкви и светских властей. Инквизиторы, которые не платили налогов и не отчитывались в произведенных конфискациях, также брали свою долю. На рисунке — в качестве устрашения рубят головы неграм-рабам, завезенным в Мексику

Дона Мартина Кортеса, незаконнорожденного сына Кортеса и Марины, который позже был признан законнорожденным, инквизиция подвергла пытке водой, которую насильно через воронку вливали ему в рот. Мартину Кортесу было предъявлено голословное обвинение в участии в первом крупном королевском заговоре с целью сделать Новую Испанию независимой от Испании, а маркиза Оахаковского, законного наследника Кортеса, — первым королем Мексики

жанности, презрении к обжорству и похоти». В качестве доказательства он приводил их поведение во время разграбления Рима в 1527 году (когда, по признанию испанских же историков, испанские воины проявили себя «самым худшим образом, продемонстрировав самую крайнюю для тех времен жестокость: они жгли монастыри и церкви, насиловали монахинь и рубили мечами беременных женщин»).

Критикуя индейцев, Сепульведа преследовал коварную цель не «будить любопытства и не разжигать алчность у более развитых и активных народов».

Другие священнослужители, противники Сепульведы, особенно монах-доминиканец Бартоломе де Лас Касас, который много раз пересекал океан и провел в Америке основную часть жизни, взывали к

Испанский историк и богослов Хуан Хинес де Сепульведа (1490—1573) говорил, что было правильным вести войну с индейцами по четырем причинам:

1. Из-за тяжести грехов, совершенных индейцами, особенно из-за их идолопоклонничества и грехов, противных природе.
2. Из-за их природной примитивности, что обязывало их служить людям более утонченным по природе, таким как испанцы.
3. Чтобы распространить христианскую веру, что было бы более легко достижимо, если местное население сначала привести к повиновению.
4. Чтобы защитить слабых среди самих индейцев

божественному и естественному праву — с тем, чтобы с индейцами обращались лучше. Он рассказывал испанским королям — часто напрямую — о проступках, совершенных завоевателями Новой Испании. Карлу V (он же Карл I Испанский) Лас Касас доказывал, что Аристотель, которого цитировал Сепульведа, был язычником, который, вероятно, горит в аду, и его философию следует принимать только тогда, когда она согласуется с христианской доктриной. Лас Касас считал, что индейцев следует обращать в христианство без помощи солдат или силы, а только мирными средствами, посредством убеждения и проповедования Евангелия Божьими людьми. Он говорил, что индейцы нисколько не хуже греков или римлян, ничуть не менее разумны, чем египтяне; по его словам, их храмы были ничуть не меньше достойны восхищения, чем египетские пирамиды.

Демонстрируя здоровое пренебрежение к распоряжениям своего церковного начальства, которое запрещало крестить индейцев, пока они не прошли курс обучения христианской религии, Лас Касас считал, что надо крестить не прошедших должного обучения детей.

Чтобы противостоять нежелательным взглядам, подобным тем, что проповедовал Лас Касас, и утаить от мира истинный рассказ об ужасах, творящихся в Новой Испании, Совет по делам Индий запретил хранить или читать памфлеты, опубликованные Лас Касасом в Севилье в 1552 году. Дошло даже до того, что было запрещено переиздавать работы Кортеса, Лопеса де Гомары и других конкистадоров, хотя они

В Новой Испании с «женщин с дурной репутацией» публично сдирали одежду, били плетью и натирали медом, чтобы их кусали насекомые, а еврейские женщины (принявшие христианство, иначе должны были покинуть Испанию), уличенные в исповедовании прежней религии (иудаизма), подвергались пыткам

Пока отряды испанцев рыскали по стране, разрушая памятники и дворцы, сжигая архивы и грабя храмы, несколько монахов, таких как Бартоломе де Лас Касас (1474—1566), пытались сохранить и восстановить записи индейского прошлого. В своих деревнях индейцы старались спасти те произведения искусства и рукописи, какие только могли, закапывая их в своих хижинах или унося их в леса

Монах-францисканец Диего де Ланда, происходивший из знатной семьи Кальдерон (р. 1524), прибыл на Юкатан в 1549 году в возрасте двадцати пяти лет и в этом же году основал первый «майяский» монастырь Сан-Антонио. Там ему было велено построить здание для своих монахов, которые до этого жили в соломенных хижинах. В качестве места строительства Ланда выбрал курган, который майя использовали как «резиденцию жрецов богов», чтобы, по словам Ланды, «изгнать оттуда дьявола». Разрушив одну из самых больших и древних пирамид в Мексике, Ланда в конце концов построил здесь монастырь-крепость.

Когда в 1561 году гватемальская и юкатанская провинции францисканского ордена были объединены, Ланда становится духовным главой новой провинции.

Затем на общественной площади в последней майяской столице 12 июня 1562 года Ланда собрал и сжег в присутствии проживавшей в Мексике испанской знати накопленные рукописные книги и статуи с надписями, принадлежавшие индейцам.

Иезуит Доминго Родригес отметил, что Ланда уничтожил 5 тысяч идолов, 13 огромных камней, служивших алтарями, 22 камня меньших размеров, 27 свитков из оленьей шкуры с иероглифами и другие неописанные ценные диковинки. Когольудо в своей «Истории Юкатана» описал Ланду как «сумасбродного фанатика, черствого до жестокости»

по большей части носили оправдательный характер и были написаны, чтобы получить милости от королевской власти.

Та же самая цензура ждала и произведения целого ряда деятельных монахов, которые с самого начала прибыли в Новую Испанию и приступили к тщательному сбору информации об истории Центральной Америки, много путешествуя по стране. Самыми выдающимися из них были монахи-францисканцы Торибио Мотолиния, Диего Дуран и Бернардино де Саагун.

Нельзя сказать, что этим монахам было легко восстанавливать то, что действительно происходило в долине Мехико и в остальной Центральной Америке до прибытия испанцев. Католическое духовенство, последовавшее за Кортесом в завоеванную Мексику, взяло на вооружение политику уничтожения всего, что имело отношение к самобытной культуре индейцев, политику сожжения всех индейских документов и рукописных книг, политику тщательного стирания памяти об исторических событиях, а также мифов и легенд. Особенно отличались в таких делах епископ Мехико Хуан де Сумаррага и епископ Юкатанский Диего де Ланда. Вот слова Ланды: «Мы нашли большое количество книг, написанных этими символами, но, так как они не содержали ничего, что не отдавало бы суеверием и ложью, мы со-

В Испании император Карл V приказал Хуану де Сумарраге уничтожить ведьм в Наварре, что тот и сделал, приказав сжечь на кострах выявленных и привязанных к столбам женщин, заподозренных в связях с нечистой силой. Будучи назначенным епископом Мексики, Сумаррага хвастался тем, что уничтожил 500 индейских храмов и 20 тысяч «идолов». В воскресенье 30 ноября 1530 года Сумаррага приказал публично сжечь у столба на Пласа Майор в Мехико правителя Тескоко дона Карлоса Ометочина, обвиненного в поклонении богу дождя (Тлалоку).

Инквизиторы обнаружили во дворце Ометочина два тайных храма с «идолами». Во время следствия выяснилось, что индейцы тайно прибегали к своим старым религиозным обрядам, когда не было дождя. Нечто подобное было проделано доктором Вильгельмом Райхом в 50-х годах XX века в США, за что довольные фермеры штата Мэн, занимавшиеся выращиванием ягод, заплатили ему деньги, а Управление по производству продовольствия и лекарств США отплатило ему тем, что его книги были публично сожжены, а сам Райх получил срок заключения в тюрьме (где и скончался).

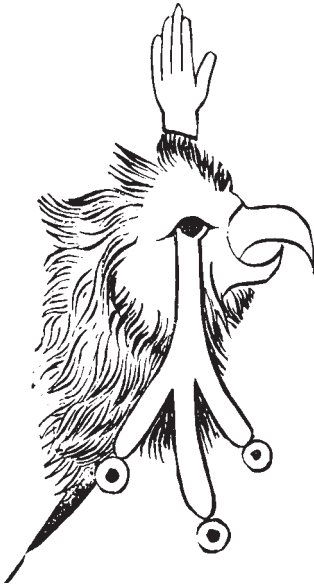
На рыночной площади Тескоко Сумаррага приказал сложить пирамиду из исторических, научных и литературных документов ацтеков, их рисунков, рукописей с иероглифическими письменами, и все это он предал огню под крики и молитвы индейцев.

В этом костре сгорел и свод законов правителя Тескоко Нецауалькойотля (1418—1472, предок дона Фернандо де Альвы Иштгильшочитля), который правил в Тескоко задолго до появления Кортеса и приобрел репутацию местного «царя Соломона» за мудрость и добродетели. Нецауалькойотль был любителем астрономии, растений и животных, а также поэтом и философом

жгли их все, чем очень глубоко были опечалены индейцы, и это нас очень сильно огорчило».

Чтобы исправить такую недалёковидность, монахи-францисканцы прибегли к такому средству: они стали обучать оставшихся в живых образованных мексиканцев письму на своем языке латинскими буквами вместо сложных иероглифов, с целью записать все, что они могут вспомнить из своего культурного наследия, большая часть которого была включена в песни и эпические поэмы, передававшиеся из поколения в поколение.

Из таких источников, включая трех оставшихся в живых представителей мексиканской знати, принцев Иштгильшочитля, Тесосомака и Чимальпаина, монахи узнали, что ацтеки называли себя мешиками в память о легендарном древнем племенном вожде Мешитли, который правил ими в ту пору, когда они покинули свою легендарную родину Ацтлан (от ее названия и образовано слово «ацтек»). Это,

Слово, обозначавшее на языке науатль «Монтесума», писали, изображая сложную картинку из мышеловки tonitli для обозначения слога «мо», голубы орла quauh, пронзенной копьем zo, а сверху все изображение увенчивала кисть руки maitl для слога «ма». Вместе получалось: to-quauh-zo-ma

видимо, был остров посреди большого озера, где ацтеки жили до 1068 года. Лишь в начале XIII века мешики пришли в долину Мехико и в начале XIV века обосновались на острове, расположенном на огромном озере Тескоко.

Ацтеки-мешики говорили, что вокруг озера они находили остатки высокоразвитой цивилизации, которая, по их словам, существовала в этом регионе в течение более тысячи лет и которую они называли цивилизацией тольтеков, что на языке ацтеков означало «художник» или «строитель».

По рассказам ацтеков, тольтеки построили огромную столицу в Толлане, где под эгидой своего вождя Кецалькоатля, ведомого богами, в городе расцвели ремесла, появились «каменщики, плотники, мастера по изготовлению керамики и мозаик из перьев, прядильщицы и ткачи, благочестивые верующие, умелые торговцы. Это были высокие и добродетельные люди, умевшие петь и танцевать; у них были жрецы, разбиравшиеся в астрономии, которые вели точный счет дням, годам и отслеживали движения звезд и планет».

По преданиям ацтеков, для вождя тольтеков Кецалькоатля настали тяжелые времена, и он должен был отправиться на восток приблизительно в 950 году. После этого в долину Мехико вторглись менее культурные племена индейцев с севера, среди последней волны которых оказались ацтеки, которые сожгли свои собственные летописи и переписали свою историю, чтобы похоронить свое темное происхождение и выдать себя за истинных потомков местных благородных тольтеков.

С этой готовой родословной ацтеки-мешики, по их собственным высказываниям, начали жестокую борьбу за гегемонию в Центральной Мексике, простирая свою власть все дальше и дальше и заявляя, что их миссия состоит в том, чтобы собрать все народы вместе для служения их богу войны Уицилопочтли.

К 1519 году, когда испанцы вторглись в Мексиканское нагорье, ацтеки Монтесумы II правили несколькими миллионами человек на территории многоязычной империи, которая простиралась от Тихо-

Монах Бернардино де Саагун.

Бернардино де Саагун был таким красивым юношей, что более старшие монахи из ордена Св. Франциска изолировали его, чтобы оградить от искушений внешнего мира. Урожденный Бернардино Рибейра (родился в провинции Леон в 1499 году), он получил свое имя по названию своего родного города, когда вступил в орден францисканцев.

В 1529 году на корабле, плившем в Новую Испанию, с восемнадцатью другими монахами-францисканцами он научился говорить на языке индейцев-ацтеков от возвращавшихся на родину мексиканских индейцев, которых Кортес возил в Испанию, чтобы продемонстрировать их испанскому двору. Владевший языком ацтеков, Саагун путешествовал по стране, приобретая обширные знания, которые он преобразил в двенадцатитомный труд, затрагивающий антропологическую, мифологическую и

общественную историю древней Мексики, трудолюбиво составленный за пятнадцать лет в стенах монастыря в Тлальманалько у подножия двух вулканов — Истаксиуатль (5230 м) и Попокатепетль (5465 м). Поняв, что испанцы, стремясь уничтожить религию, которую они считали идолопоклонничеством и варварством, уничтожают весь образ жизни ацтеков, Саагун сделал очень многое для того, чтобы вернуть мексиканским индейцам их доброе имя. Брат Саагун разыскивал самых образованных и зачастую самых старых индейцев и просил каждого нарисовать при помощи их ацтекской письменности столько, сколько те могли вспомнить об истории и религии ацтеков, а также их легенды. Он также обучал местных жителей писать их ацтекские слова латинскими буквами. История Конкисты, написанная Саагуном так, как она была рассказана ему индейцами-современниками (которые были свидетелями всех этих событий), вызвала такое неудовольствие испанских властей, что Саагун был вынужден сильно отредактировать первоначальный текст. Честному монаху оставалось только утешать свою совесть тем, что у него сохранился текст оригинала на языке ацтеков. Но даже в таком виде его труд так и не вышел в свет. Оригинал рукописи был предан забвению и не найден по сей день. Во время вторжения французов в Испанию в 1808 году обнаружилась неполная копия, которая была опубликована Карлосом М. Бустаменте в 1840 году, а век спустя ее перевели на английский язык.

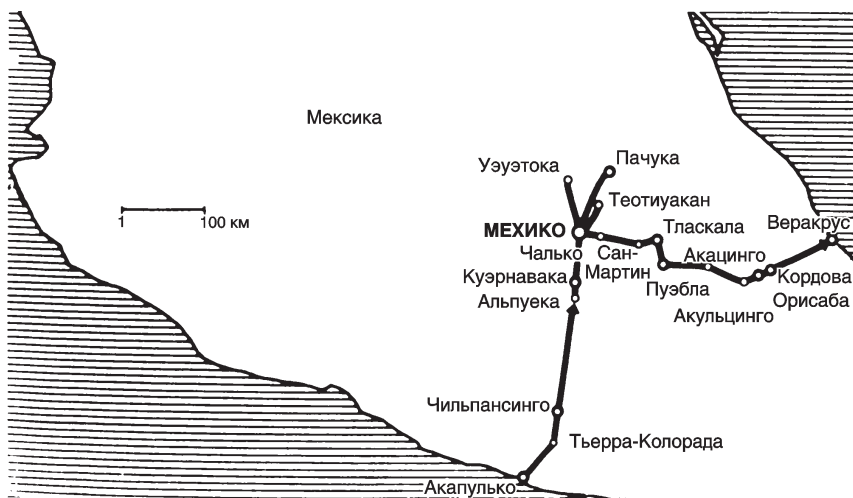
Не признанный современниками, «самый замечательный историограф Америки XVI века» умер в бедности и забвении от простуды в возрасте 91 года. О нем горевала только большая толпа опечаленных индейцев, которых он преданно поддерживал и обучал

го океана до Мексиканского залива, от Центральной Мексики до территории современной Гватемалы. Большинство ацтекских подданных только ждали случая, чтобы поднять восстание против своих хозяев. Но тем самым они помогли уничтожить наследие индейских цивилизаций, способствовали быстрой победе испанцев и установлению испанской власти над всей Центральной Америкой.

В течение века после Конкисты, когда Новая Испания была поистине заперта за семью печатями от остального мира, один англичанин по имени Томас Гейдж сумел посетить Мексику в качестве монаха-доминиканца. Будучи учеником иезуитов и доминиканцев и во Франции, и в Испании, он мог сойти за испанца и поэтому получил возможность заниматься миссионерской деятельностью в Центральной Америке с 1627 по 1637 год.

В Мехико на Гейджа самое сильное впечатление произвели женщины, одежда, дома и улицы. Он отметил, что почти половина населения города развезжала в каретах, многие из которых были дороже лучших карет королевского двора в Мадриде и экипажей в других уголках христианского мира, так как «они не жалели ни серебра, ни золота, ни лучших шелков из Китая, чтобы украсить их». Гейджа восхитили широкие улицы, по обеим сторонам которых располагались золотые и серебряные ювелирные лавки, и поразила свобода, которая предоставлялась женщинам для азартных игр: «День и ночь слишком коротки для них, чтобы закончить игру в *primera*».

Гейдж нашел, что местные мужчины и женщины экстравагантны в манере одеваться. «Одежда людей низкого происхождения, чернокожих и мулатов, так легка, а поведение столь обольстительно, что многие испанцы даже хорошего происхождения (которые слишком склонны к плотским удовольствиям) презирают за это их жен». Заметив, что «их голые черные и коричневые груди прикрывают лишь жемчужные ожерелья с подвешенными к ним пучками волос», Гейдж заключает: «Большинство из них были рабами, хотя любовь выпустила их на волю, чтобы делать чужие души рабами греха и сатаны».

В 1640 году Гейдж отказался от католической веры, раскрыл обаяния вере протестантской и, вернувшись в Англию, донес на нескольких английских иезуитов, подписав тем самым им смертный приговор. В «Обзоре Западной Индии» он обрушился на коррупцию в Римской католической церкви, побуждая правительство Кромбеля к разработке плана вторжения в Новый Свет для захвата испанских владений

На протяжении всего XVI века на основе тщательного анализа фактов, полученных из местных источников, монахи-историографы, вроде Бернардино де Саагуна, пришли к выводу, что в долине Мехико еще до ацтеков действительно существовала поистине великая цивилизация, возраст которой был более двух тысяч лет. Саагун также заключил, что до Толлана центром этой цивилизации был большой покинутый город Теотиуакан с его загадочными курганами, который, по его мнению, был покинут почти за тысячу лет до прихода испанцев. Саагуну также казалось разумным, что такой огромный город мог процветать в течение по крайней мере тысячи лет, прежде чем был оставлен жителями. А это означало, что Теотиуакан был заселен за пятьсот лет до рождения Христа. Саагун описывал этот город как «очень богатый и хорошо расположенный, очень мудрый и могущественный, который постигла злая судьба Трои».

Придерживавшийся более широких взглядов, чем большинство его коллег-церковников, Саагун сумел даже понять метафизику этой пропавшей цивилизации, установив из хроник, что Теотиуакан раньше называли «городом Богов», потому что «здесь хоронили владык и после смерти возводили их в ранг богов; и говорили, что, они не умирают, а просыпаются от сна, в котором они прожили жизнь; вот причина того, почему древние говорили, что, когда люди умирают, они не погибают, а начинают жить заново, словно просыпаясь ото сна, и превращаются в духи богов... и поэтому они говорили умершим: «Господин или госпожа, проснись, так как уже занимается заря, приходит дневной свет, так как желтоперые птицы начинают петь, а разноцветные бабочки порхать»; и, когда кто-либо умирал, они обычно говорили о нем, что он теперь *teotl*, что означало: он умер, чтобы стать духом или богом».

Но отчеты Саагуна и других трудолюбивых монахов, которые добросовестно собирали длинные манускрипты с удивительными подробностями, взятыми из истории, обычаев и верований индейцев, были похоронены в архивах, чтобы скрыть то, что завоеватели сделали с жителями и культурой Центральной Америки.

На родине, т. е. в Испании, где считались достойными опубликования только те книги, которые прославляли церковь и ее служителей, немногим трудам было дано разрешение на выход в свет. Все они основывались на тщательно проверенных источниках. Ни одна книга не могла быть напечатана, если не было лицензии; ее нельзя было ни ввезти, ни вывезти без разрешения. Все общественные библиотеки подвергались доскональному осмотру. Доступ иностранцев в Мексику был запрещен, чтобы не допустить конкуренции, шпионажа и возможно пагубного влияния протестантских ересей.

Не раньше конца XVII века один наблюдательный путешественник из Неаполя сумел посетить Мексику и привезти оттуда подробные

известия. Истовый католик, склонный водить дружбу с высшим духовенством, Джованни Джемелли Карери считался верным подданным Испании (потому что испанский король был также и королем обеих Сицилий, т. е. Южной Италии), и имел поэтому возможность свободно путешествовать и по Мексике. Карери вывез оттуда информацию, из которой получился первый рассказ о стране и ее древностях, написанный сторонним наблюдателем.

Часть вторая

ПЕРВЫЕ НАБЛЮДАТЕЛИ СО СТОРОНЫ

Глава 3

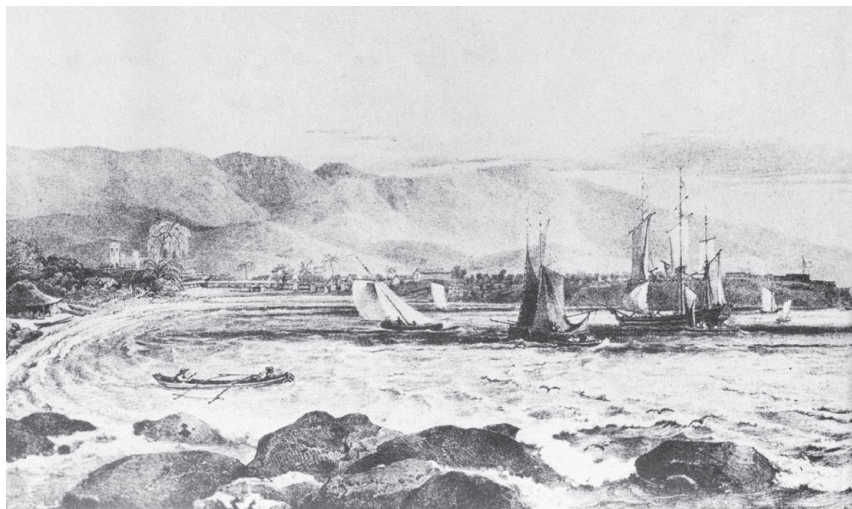
СООБЩЕНИЯ ИЗ НОВОЙ ИСПАНИИ

На последнем этапе своего опасного кругосветного путешествия, длившегося пять лет и приводившего его в Армению, Иран, Индию и Китай, Карери, юрист родом из Калабрии, прибыл в Акапулько в январе 1697 года после ужасного пятимесячного безостановочного плавания из Манилы на небольшом судне с двумястами истерзанными цингой пассажирами на борту.

Карери увидел, что город Акапулько, который, как он ожидал, будет воротами Мексики со стороны Тихого океана, не более чем рыбацкая деревня с хижинами под соломенными крышами, населенная почти исключительно неграми, мулатами и очень немногими индейцами. Только когда в порту находился какой-нибудь корабль, откуда ни возьмись появлялись испанцы. Купцы с корабля, пришедшего из Перу, привезли 2 миллиона песо, чтобы на них купить шелк и фарфор из Китая, ткани из Бенгалии, жемчуг из Ирана, превратив город Акапулько за ночь в пышную ярмарку для расточительных испанцев. Карери, который занимался коммерцией лишь для того, чтобы оплачивать свои дорожные расходы, очень скоро понял, что в Акапулько можно легко сколотить состояние на торговле. Даже местный викарий, чье годовое жалованье составляло всего лишь 120 песо, сумел увеличить свое состояние до 14 тысяч в год, выкачивая деньги из родственников иностранных купцов по 2 тысячи песо за христианское погребение в местной священной земле.

Отправившись верхом на муле по дороге к Мехико через перевалы (высотой иногда более 3000 м), Карери с радостью обнаружил, что горные хребты и долины на этом пути населяют олени, кролики, попугаи и горлицы, с помощью которых можно было улучшить свой поистине ужасающий рацион в первой же придорожной гостинице, которая представляла собой скопление соломенных хижин, где путешественника заели слепни. Имея хрупкое здоровье и постоянно стра-

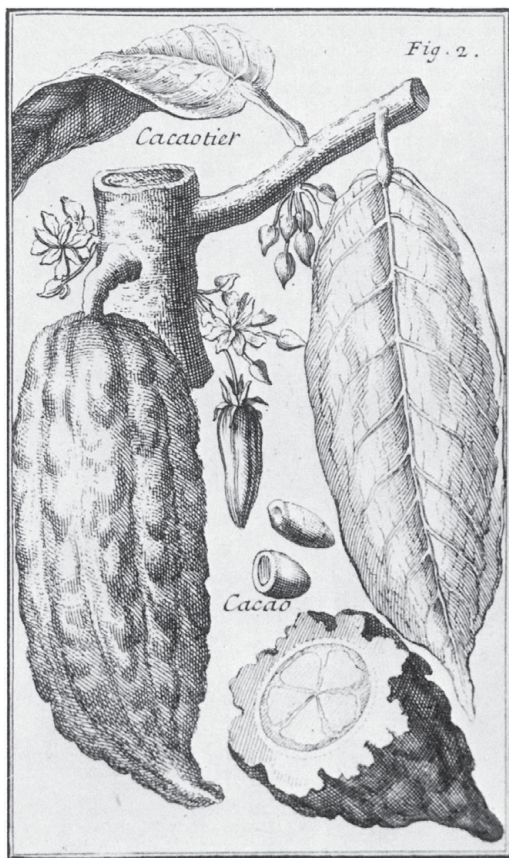

Уже через десять лет после испанского завоевания Акапулько был бурно растущим портом, пунктом ввоза и вывоза огромного количества товаров. Большая часть торговли основывалась на спросе, произраставшем из эллинистических особенностей Нового Света. Испанские моряки сделали возможным кругосветный обмен товаров из Мадрида в Гавану, затем в Веракрус, по суше в Акапулько, а оттуда через Тихий океан к испанским Филиппинам и далее

дая от поноса, Карери путешествовал, чередуя короткие переезды с длительными остановками. По дороге он с удивлением замечал цветущие апельсины, лимоны, яблони, персики и гранаты рядом с экзотическими авокадо, капулинами (род вишни), мамеями, сапотильо (вроде продолговатого яблока) и бананами. Удивило и то, что апельсины и лимоны лежали и гнили на земле, потому что местные жители, привыкшие питаться маисовыми лепешками и фасолью, не утруждали себя сбором фруктов.

По пути Карери обнаружил, что местные почвы, богатые железом, давали щедрый урожай. В лесах в изобилии водились дикие свиньи, ягуары, орлы, цапли и дикие гуси.

Город Мехико предстал перед Карери как столица с населением 100 тысяч человек, которая, на взгляд путешественника, соперничала с Италией по красоте зданий и церквей и превосходила ее по красоте очаровательных и хорошо сложенных женщин. Они, как заметил Карери, предпочитали мужчин-европейцев, пусть даже очень бедных, родившимся в Мексике испанским креолам из-за явного пристрастия последних к женщинам-мулаткам, пристрастия, как он объяснял, приобретенного в детстве, когда они, будучи младенцами, сосали грудь кормилицы-мулатки.

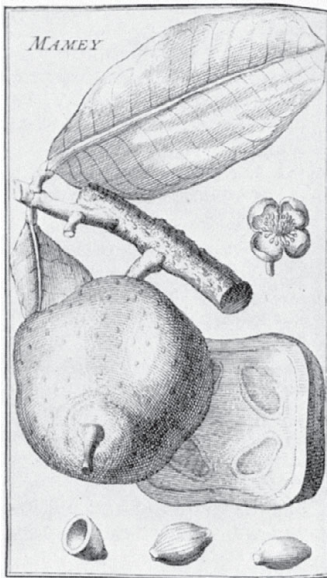

Бобы какао, которые созревают в течение всего года (но обычно урожаи снимались 1—2 раза в год), использовались в качестве средства расчёта на рынках, соотносясь с реалом как 60 или 80 к 1.

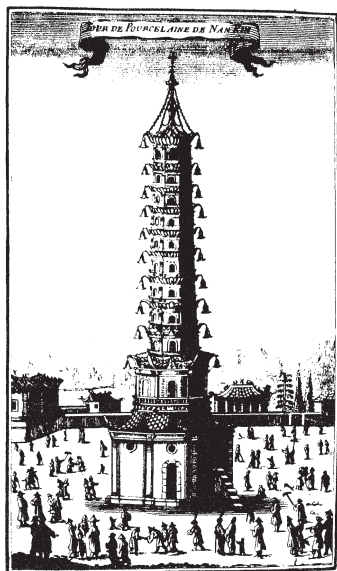
О какао-бобах безымянный конкистадор написал следующее: «Эти семена, которые они называют какао, растирают в порошок, и какие-то другие мелкие семена они тоже перемалывают, а порошок кладут в специальный сосуд с носиком. Затем добавляют воду и помешивают ложкой, и, когда все хорошо перемешалось, они переливают содержимое из одного сосуда в другой, пока напиток не станет пениться. Пену собирают и кладут в чашку, и, когда они собираются пить этот напиток, они взбивают его маленькими ложечками, сделанными из золота, или серебра, или дерева. Чтобы его пить, нужно широко открыть рот, ведь так как у напитка есть пена, то необходимо оставить для нее место, чтобы она исчезла и влилась в горло постепенно».

Этот напиток самый полезный и питательный из всех напитков в мире, потому что всякий, кто выпьет чашку, может целый день ничего больше не есть, даже если он путешествует. И его лучше пить в теплую, нежели в холодную погоду, потому что это холодный напиток».

Другой хронист описывает заботу, с которой мексиканцы выращивают дерево какао с изысканными плодами: «Оно растет только в теплом климате, и, прежде чем посадить его, они сажают два или три других дерева с большими листьями. Когда они вырастают на высоту двух эстадо (1 эстадо — 167 см), они сажают между ними дерево какао, с тем чтобы эти два дерева могли защитить это хрупкое деревце от солнца и ветра и обеспечить ему укрытие. Они очень высоко ценят это дерево, потому что его зерна являются главным денежным средством, находящимся в обращении в этой стране, каждое зерно стоит половину мараведи ($1/34$ реала. — Ред.). Это широко распространенная монета, но очень неудобная после золота или серебра»

Предки жителей Центральной и Южной Америки дали миру не только какао, но и кукурузу, тыквы, картофель, сладкий картофель (батат); обыкновенную остролистную многоветковую и другие виды фасоли; помидоры, перец стручковый, ананасы, авокадо, маниок, хинин, каскару (слабительное), кокаин, мексиканскую кошениль, альпаку, ламу, морских свинок, индеек и каучук. На то, чтобы получить такие виды сельскохозяйственной продукции и вывести таких домашних животных и птиц, вероятно, ушел труд тысячелетий.

*Фарфоровая башня в Нанкине,
увиденная Карери*

В растущем городе Карери увидел, что мексиканцы в основном заняты решением старой проблемы осушения земель и понижения уровня воды в окрестных озерах, чтобы не допустить периодически происходящих затоплений города. Эта программа охватывала миллионы человеко-часов каторжного труда рабов, которые рыли каналы и прочищали подземные водотоки.

Испанский вице-король граф Монтесума «очень любезно» приветствовал Карери, а один старый друг из Неаполя, который не так давно был назначен генерал-губернатором провинции Новая Мексика, представил его обществу. А оно было только радо развлечь путешественника, который мог рассказать им про свои приключения в Пекине и дать яркое описание таких далеких и редко посещаемых европейцами чудес

света, как пирамида Хеопса и Великая Китайская стена.

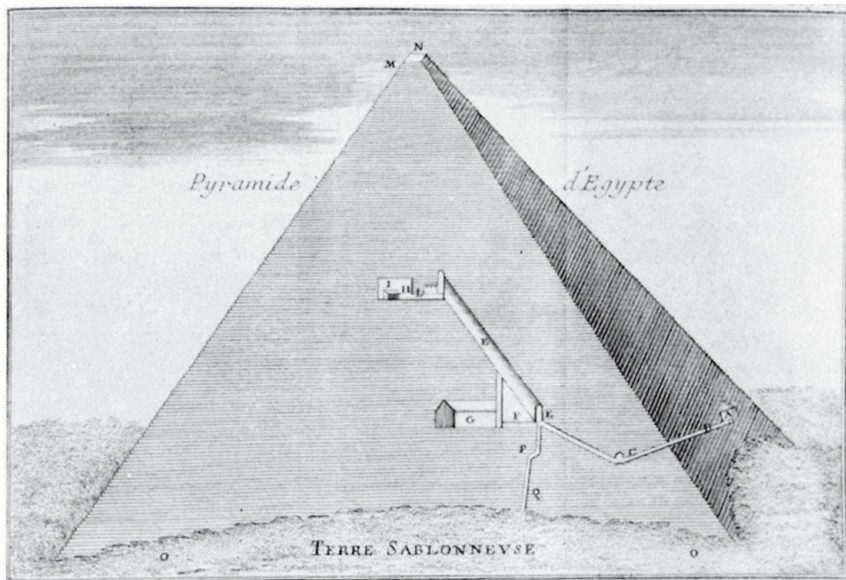
Для Карери Мексика была колонией, грубо эксплуатировавшейся горсткой испанских купцов, заинтересованных главным образом в золоте, серебре и жемчуге. При поддержке высшего духовенства они сумели обратить индейцев в рабство или довести до занятия разбоем, наказанием за которое было нанесение клейма на гениталии (яички) при помощи раскаленной докрасна кочерги, а за этим следовали двести плетей по спине.

Черных и мулатов, которых насильно «влили» в население Мексики, держали строго изолированно; им запрещалось носить испанское платье, в результате чего, как заметил Карери, они одевались самым необычным образом, «надевая на плечи наискось нечто вроде юбки».

Настоящими хозяевами Мексики оказались церковные власти, которые сделали затруднительным для испанцев из Европы внедрение в экономику страны. Будучи по природе любознательным (что часто доставляло ему неприятности), Карери обнаружил, что годовое жалованье архиепископа составляло роскошную сумму 60 тысяч песо, к тому же он имел доступ еще к 200 тысячам песо, доходу от его епархии. Для сравнения: за тридцать лет, прошедших со дня основания городского собора, на его украшение было потрачено 1 052 000 песо.

Когда Карери не ходил на мессу или в театр, он развлекался тем, что разыскивал авторитетных людей, так что благодаря его долгому путе-

Во время своего кругосветного путешествия Карери посетил Великую пирамиду Хеопса близ Гизы, где и сделал этот рисунок.

Карери заметил, что Страбон (64/63 г. до н. э. — 23/24 г. н. э.) считал, что Великую пирамиду первоначально использовали в качестве астрономической обсерватории

Во времена Карери в Мексике в начале XVIII века католическая церковь имела в собственности две трети всего недвижимого имущества. В Мехико выросли 29 мужских и 22 женских монастыря, а также так много церквей с подземными постройками и большими садами, что трудно было найти землю для новых (не церковных) построек в городе, окруженном водами озера

Дон Карлос де Сигуэнца-и-Гонгора. Профессор математики в университете Мехико, главный инспектор артиллерии, критик инквизиции, поэт, астроном, историк и географ, дон Карлос де Сигуэнца-и-Гонгора был самым эрудированным мексиканцем своего времени, человеком эпохи Возрождения, который постарался узнать все о людях, живших в его провинции, глядя вдвоясь в «темные углы», чтобы узнать нужные факты

шествию по Мексике XVII века мир получил первое беглое представление о том, какова была культура этой страны до прихода испанцев.

Самым интересным человеком из тех, с которыми познакомился Карери, был носивший очки священник с вытянутым лицом по имени дон Карлос де Сигуэнца-и-Гонгора. Тогда ему было за пятьдесят, и он исполнял разнообразные обязанности. У дон Карлоса была страсть к исследованию исторического прошлого мексиканцев.

Рожденного в Мексике от знатных родителей-испанцев Сигуэнцу изгнали из ордена иезуитов, но он сохранил дружеские отношения со своими бывшими товарищами по ордену. Поддерживая дружбу с индейцами и пренебрегая своими обязанностями в лоне инквизиции, Сигуэнца сумел убедить индейцев принести ему рукописи и рисунки, которые они тщательно прятали из страха перед перспективой спорить привязанными к столбу на костре, как бывший правитель Тескоко.

Сигуэнца, наоборот, специально поддерживал дружеские отношения с прямыми потомками правителей Тескоко, особенно с доном Хуаном де Альвой, сыном Фернандо де Альвы Кортеса Иштгильшочитля, автора первой истории мексиканского народа, написанной на латыни после испанского завоевания. В обмен на эту дружбу дон Хуан обучил Сигуэнцу языку науатль, показал ему, как расшифровываются многие иероглифы, перевел на испанский индейские мифы и в завершение передал ему бесценное сокровище: полное собрание своих фамильных документов.

В другой раз немалое количество ценных подлинных документов попало в руки Сигуэнцы во время бунтов и последовавшего за ними пожара, который уничтожил центр города Мехико за несколько лет до этого. Наняв на свои деньги нескольких индейцев, Сигуэнца приставил лестницы к окнам пылающих архивов, проложил себе путь при помощи топора и выбросил наружу еще не уничтоженные огнем манускрипты, рукописные книги и сборники указов. С помощью своего пле-

мянника этот бесценный секретный материал он перевез в больницу *del Amor de Dios*, которая стала прибежищем для больных сифилисом, называемым тогда «французской» или «придворной» болезнью, хотя корни сифилиса — на земле Америки, и первыми заразившимися этой болезнью европейцами были матросы Колумба в 1492 году. Там Сигуэнца, будучи священником при больнице, имел жильё.

Там Карери и нанес визит Сигуэнце, который показал ему замечательные документы и рисунки, относящиеся к древней истории индейцев, среди них — рукописная история мексиканцев Фернандо де Альварадо Тесосомака, сына преемника Монте-сумы, некоторые подлинные документы, написанные Чимальпаином Куаутлеуаницином, книга, написанная архиепископом Сумаррагой и пропавшая с тех пор, и — самое главное —

он показал Карери произведения донна Фернандо де Альвы Иштльишочитля (1568—1648; по матери прямой потомок последнего ацтекского властителя Тескоко, по отцу — прямой потомок предпоследнего вождя ацтеков Куитлаука. — *Ред.*).

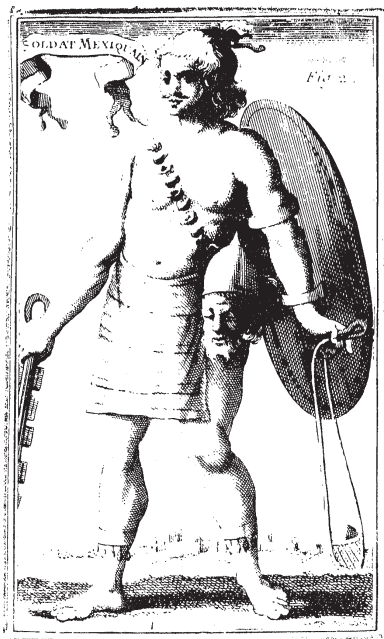
При помощи этих редкостных документов и огромного количества вычислений, основанных на солнечных и лунных затмениях и на траекториях движения комет, изображенных на рисунках, Сигуэнца смог восстановить хронологию индейских царей, проследив их происхождение в глубине веков. Благодаря своей любви к математике Сигуэнца смог найти решение сложных проблем, связанных с календарем индейцев, которые ставили в тупик монахов, занимавшихся этим до него.

У Иштльишочитля Сигуэнца узнал о древнем мексиканском календаре, который исчез во времена Конкисты и посредством которого ацтекские жрецы на протяжении очень больших периодов времени имели возможность вести точную хронологию циклами по 52 и 104 года, отмечая солнцестояния и равноденствия, прохождение Венеры через меридиан и делая много тонких вычислений, связанных с движением небесных тел.

Тщательное изучение этих данных дало Сигуэнце возможность точно установить некоторые даты. Например, он определил, что 1325 год

Из собрания рисунков ацтекских королей и воинов, принадлежавшего Сигуэнце

соответствует году основания города Теночтитлана и зарождения империи ацтеков.

На основании фактов Сигуэнца пришел к выводу, что народ, называемый ольмеками, предшествовал тольтекам. Этот народ пришел с востока, возможно из легендарной Атлантиды (как предположил испанский хронист Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес), и поселился на побережье Мексиканского залива. В том, что континент или группа островов, известная как Атлантида, существовал, Сигуэнца был убежден. Он считал, что они послужили своего рода камнями, вымостившими дорогу в Америку и из нее. Остальные племена Западного полушария, как полагал он, пришли с севера и северо-запада, вероятно из Азии (сейчас это доказано. — *Ред.*). Для Сигуэнцы сходство между мексиканскими и египетскими пирамидами, иероглифами и календарями слишком явно указывало на существование между ними в Атлантике континента или группы островов, а рассказ Платона об Атлантиде тут подходил как нельзя лучше.

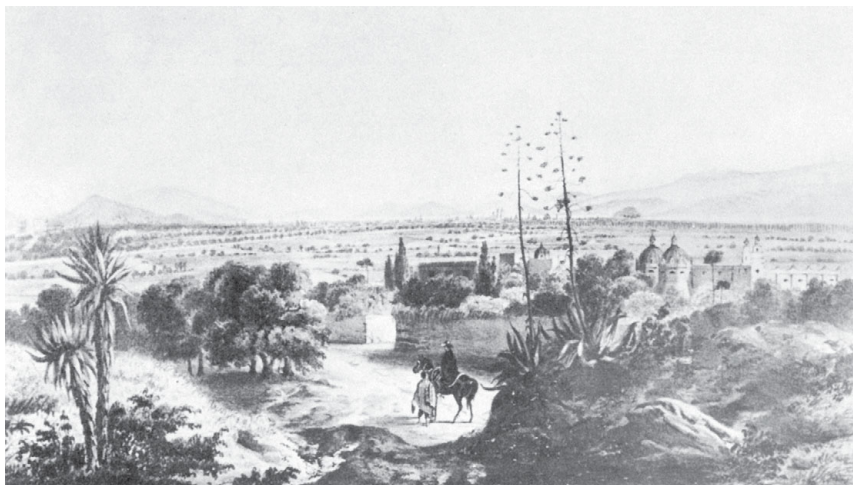
Пирамиды, иероглифы и календари тесно связали Сигуэнцу с семьей Иштлильшочитля, члены которой все еще были титулованными господами Сан-Хуана Теотиуакана. Эта тесная связь дала Сигуэнце возможность провести больше чем простое поверхностное исследование древних руин. В то время как другие приписывали строительство

Портрет Монтесумы, подаренный Сигуэнцей Карери

Путь из города Мехико мимо озера Сан-Кристобаль в Теотиуакан. На переднем плане находится монастырь Акольман. При аутеках Теотиуакан славился породой небольших толстых собак, специально выращенных (предварительно таких собак кастрировали) для стола богатых людей. При испанцах здесь возник монастырь монахов-августинцев, похожий на крепость. На заднем плане видны горы

огромных пирамид тольтекам, Сигуэнца полагал, что они были делом рук более древних ольмеков, которые когда-то жили и у Тласкалы. Так как некоторые авторы XVI века писали, что, по индейским преданиям, пирамиды могут быть пустыми, Сигуэнца предпринял попытку проникнуть внутрь двух самых больших пирамид, но при ограниченных средствах, имевшихся в его распоряжении, он не смог обнаружить какой-либо проход или полость внутри.

Описание Сигуэнцей этих пирамид было такое завораживающее, что Карери решил, что «он не должен пропускать таинственную индейскую древность до отъезда из Мексики». Воодушевившись, он выехал в Теотиуакан, чтобы лично все осмотреть.

По дороге, когда он объезжал озеро Сан-Кристобаль, Карери провел ночь в Акольмане. Внутри этого массивного святилища Карери обнаружил церковь в стиле барокко с уютным внутренним двориком, украшенным барельефами, вырезанными местными индейцами в европейском стиле XVI века.

После ночи, проведенной, подобно иезуитам, на кожаной подушке, которую можно было надувать, как воздушный шарик, и выпускать из нее воздух утром, Карери отправился на заре в деревню Сан-Хуан Теотиуакан, до которой было шесть лиг. Он заметил, что местные жители раскрасили себе щеки соком раздавленных трав, чтобы защи-

тить их от холода, а по волосам размазали грязь, чтобы сделать их мягкими и блестящими.

Имея рекомендацию от дона Карлоса де Сигуэнцы, Карери получил возможность провести ночь в Сан-Хуане вместе с Педро де Альвой Иштгильшочитлем, внуком Хуана де Альвы, который обещал показать ему пирамиды утром следующего дня.

На рассвете они сначала исследовали меньший из «курганов» под названием пирамида Луны, который Карери описал как груду камней, имеющую склон, как у египетской пирамиды, но отличающуюся от нее тем, что она построена не из твердого камня. Он обнаружил основание, имеющее 650 ладоней с севера на юг и 500 ладоней с востока на запад. Высоту, для измерения которой у него не было инструментов, он оценил в 200 ладоней. Если считать, что ацтекская ладонь, или *semitztl*, равна 17,5 см, то получается, что пирамида Луны имеет в основании ширину 105 м, а в высоту 35 м. В настоящее время в реконструированном виде ее ширина составляет 152 м, а высота 42 м. Либо у Карери ладонь имела неправильную длину, либо — что более вероятно — основание пирамиды было настолько засыпано землей и булыжниками, что видна была только меньшая ее часть, как это было в то время с пирамидой Хеопса.

От Сигуэнцы Карери слышал, что эту пирамиду когда-то увенчивал «огромный идол Луны, неуклюже вырезанный из твердого камня», который был уничтожен по приказу епископа Сумарраги. О том, что такой идол высотой 18 футов (около 5,5 м) когда-то стоял на пирамиде Луны, официально сообщалось королю Испании Филиппу II в 1580 году местным магистратом доном Франсиско де Кастаньедой. Это была часть официального описания пирамид Теотиуакана, самого раннего из всех известных. Кастаньеда также сообщал о наличии гораздо большего числа идолов вокруг этой пирамиды, самые большие из которых были «шесть идолов под названием братья Луны». По словам Карери, три больших фрагмента этих идолов по-прежнему лежали у подножия пирамиды.

Пройдя двести шагов на юг, Карери и его гид, индеец благородно происхождения, исследовали пирамиду, известную ацтекам как

*Идол ацтекского бога дождя
Тлалока*

По всей территории Мексики валялись разбитые или изуродованные статуи, с которых было предварительно снято все золото или драгоценности. Испанцы их называли «идолами»

«Тонатиу», или «дом Солнца». По словам Карери, две ее стороны имели длину 1000 ладоней (или 175 м вместо 230), тогда как две других стороны имели длину 650 ладоней. Высота пирамиды, по его оценке, была на четверть больше, чем высота пирамиды Луны. На самом деле не на четверть, а наполовину.

Согласно отчету Кастаньеды, когда-то здесь, на вершине пирамиды Солнца, лицом на запад стоял «идол», сделанный целиком из очень твердого грубого камня, высотой 18 футов (около 5,5 м), шириной 6 футов (свыше 1,8 м) и толщиной 6 футов (свыше 1,8 м). Его называли «Тонакатекутли», или «бог Солнца». Но нельзя было определить, то ли эти статуи образовывали часть первоначального комплекса пирамид, то ли были добавлены позднее другими поколениями.

По словам Карери, он нашел часть этой статуи лежавшей на пути к подножию пирамиды. Согласно его описанию, у нее была прорез в животе, «куда помещали Солнце», а два больших каменных осколка, которые ранее были руками и ступнями статуи, все еще лежали у основания пирамиды. Карери сказали, что статуи, которые когда-то

И хотя Сигуэнца переписывался с такими далекими адресатами, как выдающийся прелат отец Афанасий Кирхер, который был полон решимости открыть тайные знания, встроенные в пирамиды и обелиски или хранившиеся в них, остальной мир был еще не готов к этому

украшали вершины этих двух пирамид, изначально были покрыты золотом, которое сняли испанцы во времена Конкисты.

Согласно Кастаньеде, на земле у основания большой пирамиды также существовал «маленький храм», на верхушке которого стоял идол меньших размеров, называемый «Миктлантекутли», или «бог подземного мира». Но Карери не увидел никаких следов его. Его озадачило то, как индейцы могли вырезать таких «идолов» из твердого камня, не используя металлических зубил. Его также удивило то, как они сумели поднять статуи такого огромного веса на вершины пирамид, если «у них не было ни машин, ни разума, чтобы изобрести такие машины».

Как, вопрошал итальянец, смогли индейцы перевезти тяжелые камни с далеких каменоломен, если у них до появления здесь испанцев не было ни мулов, ни лошадей? На этот вопрос никто в Мексике не мог дать ему удовлетворительный ответ.

По осыпающимся стенам, которые, как видел Карери, протянулись во всех направлениях, и по пирамидам меньших размеров, которые, по его мнению, были воздвигнуты в честь других идолов, итальянец пришел к выводу и уже не сомневался в том, что вокруг

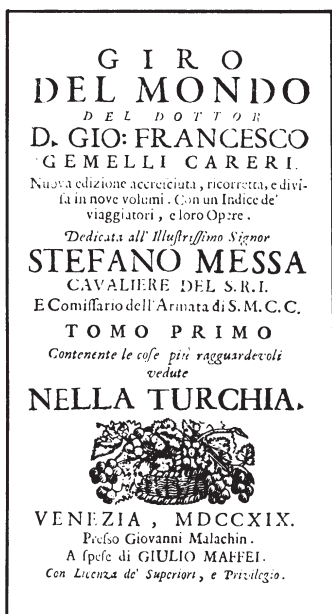

этих пирамид когда-то существовал большой город Теотиуакан. Но когда дело дошло до установления даты возможной постройки этих пирамид, Карери рассудил, что ни один историк еще не определил ничего, что заслуживало бы доверия.

Вторая мысльм Сигуэнцы, Карери приписал эту постройку ольмекам, которые, возможно, были беженцами с Атлантиды, или европейцам, которые пересекли Атлантику. Он подчеркнул, что даже Аристотель знал, что карфагеняне плавали за пределы Гибралтарского пролива в «новый мир», но карфагенский совет старейшин запретил дальнейшие путешествия подобного рода, боясь, что богатство новых открытых земель заставит моряков забыть свой дом. На обратном пути в Мехико начался дождь, и лошадь Карери, утомленная напряженным переходом, упала в грязь и околела. Это событие ослабило интерес Карери к миру пирамид, исследованных для него его другом доном Карлосом де Сигуэнцей-и-Гонгорой. После проведенных в Мексике одиннадцати месяцев Карери отплыл в Гавану на Кубе, а затем, через океан, в Севилью в Испании, где он сошел на берег в 1698 году с запасом кошенили (алая краска), гаванских сигар, индиго, какао и ванили, тщательно спрятанных, чтобы не платить пошлину. Из-за совершенного им кругосветного путешествия король Испани

и Карл II принял Карери, но тот не произвел на короля особого впечатления.

В шеститомном труде «Giro del Mondo», или «Вокруг земного шара за восемьдесят месяцев», который был быстро переведен (и сокращен в объеме), Карери поделился со своими современниками впечатлениями об экзотике Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, а также дал первое и самое лучшее описание Мексики, которое достигло внешнего мира. За свои труды он быстро получил ярлык мошенника, который никогда не покидал Неаполь. Это был вымысел, которого придерживались историки до самого недавнего времени. Оливер Голдсмит и Адам Смит были убеждены, что Карери был обманщиком, а Уильям Робертсон, шотландский историк XVIII века, в свою чудовищно неточную «Историю Америки» отказался включать отчеты Карери.

Первая страница книги Карери «Кругосветное путешествие», опубликованной в 1719 году

Календарь в виде колеса, полученный Карери от Сигуэнцы. Внешняя часть колеса, обвитая змеей, которая является символом времени в Центральной Америке, отображает 52-летний цикл, поделенный на тринадцать повторяющихся частей, каждая из которых состоит из года кролика, дома, тростника и камыша. Следующее кольцо изображает 18 месяцев ацтекского года. А в центре колеса расположены символы четырех времен года

Как пишет Робертсон, ни мексиканцы, ни перуанцы «не имели права вставать в ряд с народами, которые достойны звания цивилизованных». Про дворцы, которые испанские конкистадоры приписывали делу рук индейцев, он писал, что они «больше годятся для того, чтобы быть жилищем людей, только что вышедших из стадии варварства, нежели для того, чтобы быть резиденцией утонченных людей... И качество их храмов и других общественных зданий не настолько высоко, чтобы удостаивать их высокой похвалы... Эти постройки не передают высокой идеи прогресса в искусстве и мастерстве... Если бы здания, соответствующие таким описаниям, когда-либо существовали в городах Мексики, то, вероятно, какие-нибудь их остатки можно было бы увидеть и по сей день... Также кажется невероятным, что за

такой короткий промежуток времени все следы этого хваленого изящества и величия исчезли... Отчеты испанцев кажутся чрезвычайно приукрашенными».

А голландский историк Корнелиус де По в своей работе «Recherches Philosophiques sur les Americains» заявил, что «так называемый дворец, в котором жили мексиканские цари, был хижиной».

Только немногие европейцы прогрессивных взглядов, такие как Джордано Бруно и Монтень, отказались верить в неполноценность и порочность индейцев Центральной Америки.

К сожалению, когда первое издание книги «Giro del Mondo» вышло в свет, дон Карлос де Сигуэнца-и-Гонгора, ответственный за большую часть всего того ценного материала о Мексике, который изложил Карери, умер, будучи слишком бедным, чтобы организовать публикацию своих рукописей. Политика инквизиции состояла в том, чтобы, позволяя людям накапливать рукописи в течение своей жизни, следить за тем, чтобы после смерти владельца эти рукописи не получили дальнейшего распространения. Поэтому двадцать восемь личных рукописей Сигуэнцы вместе с его бесценной коллекцией книг, манускриптов и кодексов были быстро разъединены, украдены или уничтожены. По счастью, иезуиты спасли львиную долю личных рукописей своего бывшего послушника, но, когда в 1767 году их орден был изгнан из Мексики, эти рукописи также были похоронены в каком-нибудь архиве или потеряны.

По иронии судьбы кое-чему из написанного Сигуэнцей было суждено получить известность через не имевшие успеха отчеты Карери. Например, его истолкование мексиканского календаря, взятое из затерянной работы Сигуэнцы «Ciclografia Mexicana», которую Сигуэнца любезно предоставил Карери, когда тот был в Мехико, но которую неаполитанский юрист, слабый в математике, плохо понял и невнятно пересказал.

Де По подверг злобной критике надежность мексиканского календаря, найденного Сигуэнцей и истолкованного Карери, написав: «С захватывающей наглостью и невежеством Карери прослеживает объяснения некоего профессора, креола по происхождению, по фамилии Гонгора, который не осмелился опубликовать работу, написанную им на эту тему, потому что его друзья и родственники уверили его в том, что она изобилует нелепостями». Де По не мог признать возможность того, что мексиканцы отмечали проходящие века при помощи «календарных колес». Такие вычисления, по его мнению, подразумевали длительные астрономические наблюдения, «несовместимые с чудовищным невежеством этих людей». Как, вопрошал де По, могли они совершенствовать свою хронологию, «если у них не было достаточно слов, чтобы сосчитать до десяти»?

После отъезда Карери должен был пройти почти целый век, прежде чем завеса обскурантизма была еще раз сорвана благодаря приезду в Акапулько другого знаменитого путешественника, барона Александра Фридриха Вильгельма фон Гумбольдта.

Глава 4

МИССИЯ ГУМБОЛЬДТА

Когда Гумбольдт 23 марта 1803 года прибыл в Акапулько на борту фрегата с подходящим названием «Atlante», ему было тридцать четыре года, и он был одним из самых известных людей в Европе. Друг Гёте, Шиллера, Меттерниха и Шатобриана, он был почти так же хорошо известен, как Наполеон Бонапарт, с которым ему не удалось отправиться в Египет в экспедицию 1799 года, потому что корабль, на котором Гумбольдт должен был отплыть из Марселя, утонул во время внезапной бури, заставив естествоиспытателя искать приключений в Америке.

Из Гуаякиля (Эквадор) Гумбольдт привез с собой в Мексику своих хороших друзей Эме Бонплана, ботаника, и Карлоса де Монтафура, борца за свободу в Латинской Америке. Эта тройца привезла огромную кучу багажа, в котором были телескопы, геодезические инструменты, минералы, растения, кости мастодонта, шкуры жителей джунглей и образцы птиц.

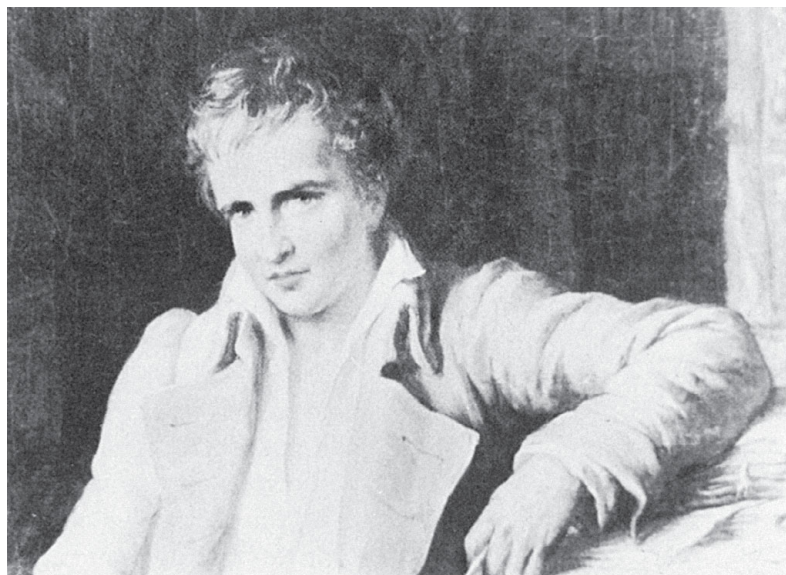
По контрасту с портом Акапулько, который Гумбольдт и его товарищи считали одним из красивейших в мире, мрачные окрестности и выжженный ландшафт вокруг города произвели на них гнетущее впечатление. Их они назвали жалким, нездоровым местом, жарким и тропическим, пристанищем для сбежавших заключенных и накачанных ромом рабов.

Первоначальный план Гумбольдта состоял в том, чтобы, приехав в Акапулько, повторить в обратном направлении путь Карери (т. е. направиться на Филиппины), но из-за того, что его инструменты начали ржаветь, он решил вместо этого возвратиться в Европу (после пересечения Мексики). Этот план был сорван началом эпидемии желтой лихорадки в порте Веракрус на берегу Мексиканского залива (куда пришла по суше с тихоокеанского побережья экспедиция), которая заставила Гумбольдта остаться в Мексике по крайней мере до осени этого года (когда болезнь была менее заразна) или, еще лучше, до следующей весны, чтобы не пересекать Атлантику в зимний период.

В Акапулько Гумбольдт и его спутники провели астрономические наблюдения, чтобы исправить неверные координаты города. Какое-то время они занимались наблюдением за природой землетрясений, частых в этом районе. Наконец, по 40-градусной жаре они отправили-

Гумбольдт стоя разговаривает с Эме Бонпланом, окруженный оборудованием, при помощи которого они проводили исследования и делали научные наблюдения в Южной Америке от устья Ориноко до высокогорья Анд

Портрет Александра фон Гумбольдта в возрасте 25 лет

лись по стопам Карери верхом на мулах по пыльной дороге, которая вела через горные перевалы к столице. Они поднимались медленно из-за большого числа вьючных животных, которые везли их образцы минералов и биологических коллекций, и останавливались время от времени, чтобы осмотреть скалы и растения, провести астрономические и барометрические наблюдения.

Во время лунных ночей Гумбольдт получал точные данные относительно своего местонахождения, так что днем он мог делать схемы расположения встречавшихся ему геологических пород, которые стали бесценными для более поздних исследователей. Он даже нанес на карту простой способ преобразить вьючный путь для мулов в хорошую дорогу, ведущую в столицу, если когда-нибудь дорожное движение станет оправданием этих усилий.

Между Чильпансинго в Южной Сьерра-Мадре и Таско-де-Аларкон Гумбольдт увидел большие серебряные рудники. С рабочими-индейцами, которые днем задыхались под тяжелым грузом руды, а ночью посылали проклятия в ад порохового дыма и пыли, здесь по-прежнему обращались, как с собаками-дворянками.

Покинув Таско, путешественники извилистым путем прошли через сложенные известняками невысокие горы к Куэрनावаке, где Кортес построил свой первый дворец и посадил первую в Мексике сахарную плантацию. Спустя день езды они достигли гребня горного перевала, находившегося на высоте 11 тысячи футов (3352,8 м) над уровнем моря, откуда они могли взглянуть вниз на восток, на город Мехико с его церквами, дворцами и садами, которые с их выигрышной позиции, казалось, плыли по окружавшему их озеру.

Как ботаника, Гумбольдта поразила красота кипарисов, подступающих к Хочимилько, прекрасных больших деревьев, корни которых уходили в воды озера и образовывали мир «плавающих садов под названием *чинампа*. Эти сады обеспечивали изобилие овощей, которые индейцы могли подвезти на лодках по узким водным протокам прямо к домам и монастырям рядом с дворцом вице-короля на огромной Пласа Майор, где когда-то стоял главный храм Теночтитлана.

Когда Гумбольдт и его спутники приблизились к городу, гонец привез им слова приветствия от вице-короля дона Хосе Итурригарая, ко-

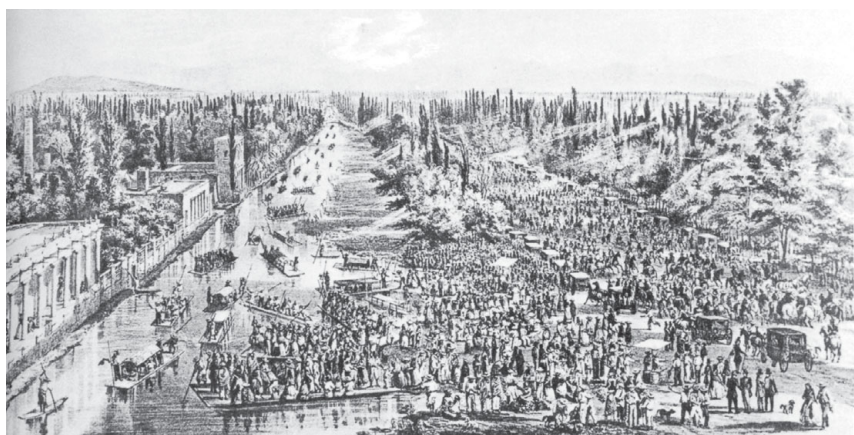
*Эме Бонплан
в возрасте 40 лет*

Вид мексиканских рудников привел почти радикального либерала Гумбольдта к выводу о том, что «в обеих Америках не может быть длительного периода процветания, пока несчастный народ, униженный, но не деградировавший от долгих лет угнетения, не разделит все преимущества, протекающие из прогресса цивилизации и улучшения общественного порядка».

Работая в горном деле (с 1792 года ассессор Горного департамента в Берлине, в 1797 году — обербергмейстер Байройтского и Ансбахского горных округов), Гумбольдт научился удваивать объем выработки продукции на руднике путем улучшения условий труда, применения мер безопасности и предоставления горнякам возможности учиться вечером — часто за свой счет

«Чинампа» — «плавающие сады» долины Мехико, которыми особенно славился Хочимилько, появились более двух тысяч лет назад и были главным источником продуктов питания для жителей всей долины, давая по семь урожаев различных культур в год, из них два урожая — кукурузы.

При надлежащем уходе они могли оставаться плодородными на протяжении веков, и их не нужно было оставлять под паром.

В Хочимилько существовала система каналов различной ширины, проложенных, как правило, под прямым углом друг к другу для образования сети. Водную растительность, засоряющую каналы, срезали и отвозили на специальные участки, где складывали слоями и покрывали хорошим слоем ила, поднятым со дна канала.

Много таких городков-чинампа, окруженных красивыми каналами и возделанными клочками земли, возникло на западном и южном берегах озера Луны.

Дополнительным ценным качеством каналов было обилие рыбы и аксолотлей (неотенических личинок тигровых амбистом), ценившихся за свое нежное мясо и небольшое количество костей

Когда Гумбольдт прибыл в город Мехико, это был самый большой город на американском континенте. Он нашел, что Мехико, «без сомнения, один из самых прекрасных городов, которые когда-либо были построены европейцами в обоих полушариях»

торый предоставил Гумбольдту пропуска для путешествия в любое место Новой Испании. Такого особого обращения Гумбольдт удостоился благодаря посланнику Саксонии в Мадриде, который убедил испанского короля в том, что такой выдающийся ученый и «консервативный» молодой дворянин не станет «раскачивать государственный корабль» своими сообщениями из Центральной Америки. В действительности эта договоренность имела все признаки масонскогоговора с целью оказания содействия осмысленным исследованиям Мексики, возможно связанным с долгосрочными интересами Европы в ее горнодобывающей отрасли.

В городе с его широкими улицами, по обеим сторонам которых стояли железные светильники, и сияющими ночью, освещенными дворцами и церквями, Гумбольдта приветствовали как образованного и ученого гостя. Но именно его обаяние и его явная искренность и легкость в общении, а также его коммуникабельность и яркость речи по-настоящему открыли ему все двери. Куда бы он ни пошел, образованные люди удостаивали его своим вниманием. В Мехико он получал помощь от крестьянина и губернатора, миссионера и епископа, ученого и дворянина; его приглашали во дворец и в хижину, в мастерскую и в гасиенду.

IDEA
DE UNA NUEVA
HISTORIA GENERAL
DE LA
AMERICA SEPTENTRIONAL.

FUNDADA

SOBRE MATERIAL COPIOSO DE FIGURAS,
Symbolos, Caracères, y Geroglificos, Casares,
y Monumentos de Antos Indios,
ultimamente de Calcestos.

DEDICADA

AL REY N^{RO} SEÑOR

EN SU REAL, Y SUPREMO CONSEJO
DE LAS INDIAS

EL CAVALLERO LORENZO BOTURINI BENADJCI,
Señor de la Torre, y de Hono.

CON LICENCIA

EN MADRID: En la Imprenta de Juan de Zúñiga.
Año M. D. CC. XLVI.

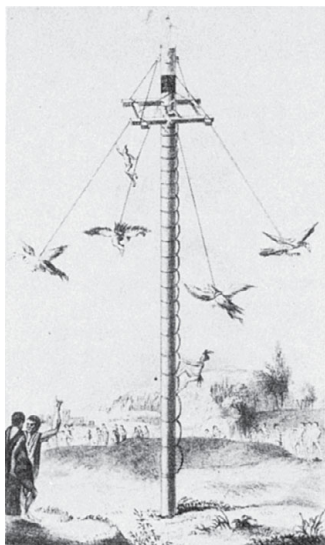

Наверное, самая большая коллекция древних документов Мезоамерики была собрана еще одним итальянцем, Лоренцо Ботурини Бернадуччи, рожденным в 1702 году в епархии Коломбо и пожелавшим проследить свою родословную до IX века. После учебы в Милане и Вене Ботурини перенесла в Мадрид война между Испанией и Австрией. Там он встретился с доньей Мануэлой де Ока-Сильвой-и-Монтесумой, которая убедила его поехать в Новую Испанию, чтобы получить пенсию в размере тысячи песо, которая ей причиталась как прямому потомку Монтесумы II. Вооружившись папской буллой, которая разрешала ему собирать коллекцию, чтобы обеспечить венец Пречистой Деве Гуадалупской, Ботурини рыскал по Мексике в поиске документальных доказательств чудесного явления Пречистой Девы в Гуадалупе и в процессе этого натолкнулся на десятки бесценных древних исторических документов. Будучи арестованным как иностранец, вытравивший деньги на Пречистую Деву, Ботурини был посажен в тюрьму и лишен своих документов.

Когда его депортировали назад в Испанию, в открытом море его захватили английские пираты и ссадили на берег, отняв одежду и личные вещи. Ботурини был оправдан испанскими властями и получил пенсию и работу, состоявшую в написании истории Новой Испании. Но к тому времени его собрание документов в Мексике было украдено и безрассудно уничтожено. Из двухсот рукописей остались только тридцать восемь, частично испорченные солдатами из близлежащих казарм, которых позабавили необычные рисунки. Наиболее ценное, что осталось от трудов Ботурини, было опубликовано в небольшой брошюре под названием «Представление о новой общей истории Северной Америки» с дразнящим перечнем уникальных, но рассеянных по миру рукописей

шего однокурсника из Фрайбергской горной академии дона Андреса Мануэля дель Рио, который по счастливой случайности оказался деканом факультета горного дела в Мехико. Молодой ученый доктор М. Отейса был выбран на роль наставника Гумбольдта в области истории Мексики. Отейса должен был показать германскому ученому, где тот может достать редкие пиктографические письма индейцев, кото-

рые избежали уничтожения во время Конкисты. По словам Гумбольдта, пиктографические письмена были так редки в Новой Испании, что большинство образованных людей никогда их не видели.

Имея доступ к официальным документам и склонность к статистике, Гумбольдт подсчитал, что население города Мехико составляет 137 000 жителей, что было вдвое больше численности населения современного ему Нью-Йорка, с той лишь разницей, что в Мехико проживало всего 2500 европейцев, а остальное население состояло из 65 тысяч креолов, 33 тысяч индейцев, 26 500 метисов и 10 тысяч мулатов¹. Как и Карери, Гумбольдт обнаружил, что в городах и в сельской местности очень много священни-

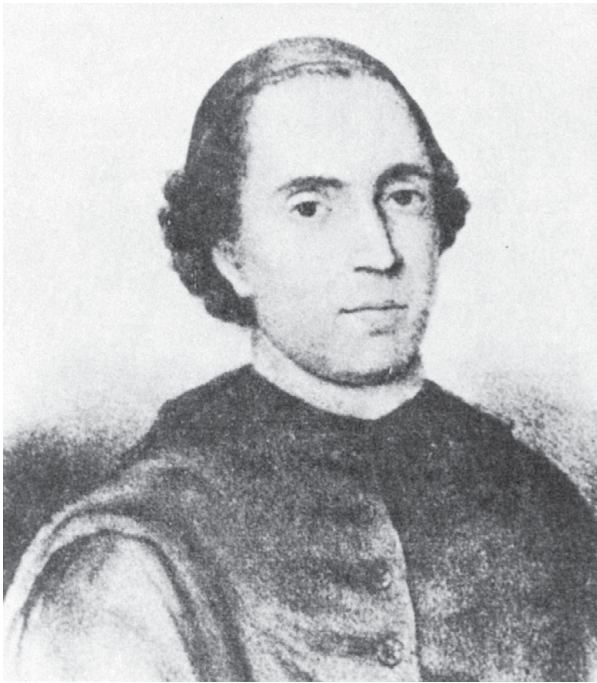
ков, монахов и монашек: один священник — на каждые шестьдесят жителей, или 100 тысяч священников на 6 миллионов душ, населяющих эту страну. Протестанту Гумбольдту показалось, что высшее духовенство Мексики живет припеваючи, а некоторые его представители получают доходы большие, чем доходы тогдашнего президента Соединенных Штатов Томаса Джефферсона.

После нескольких месяцев изучения статистики и географии страны, а также исследования города Мехико как политического, торгового, промышленного и духовного центра Новой Испании, Гумбольдт обратился к древностям этого города, чтобы рассмотреть его как древний центр цивилизации. Он был потрясен, когда обнаружил степень разрушения Теночтитлана, уничтожения древних статуй и рисованных рукописных книг. Он также узнал, что со времени смерти Сигуэнцы еще одно большое собрание книг, рукописей и кодексов было разграблено и уничтожено — коллекция миланского путешественника XVIII века Лоренцо Ботурини Бернадуччи, которая была сожжена, украдена или увезена за границу, где часть ее была захвачена английскими пиратами, которые, не понимая ее ценности, уничтожили ее.

Среди немногих важных реликвий, сохранившихся со времен империи ацтеков, одна, представляющая первостепенный интерес, была обнаружена лишь за двенадцать лет до приезда Гумбольдта. В 1790 году, когда вице-король приказал отремонтировать мостовую на огромной

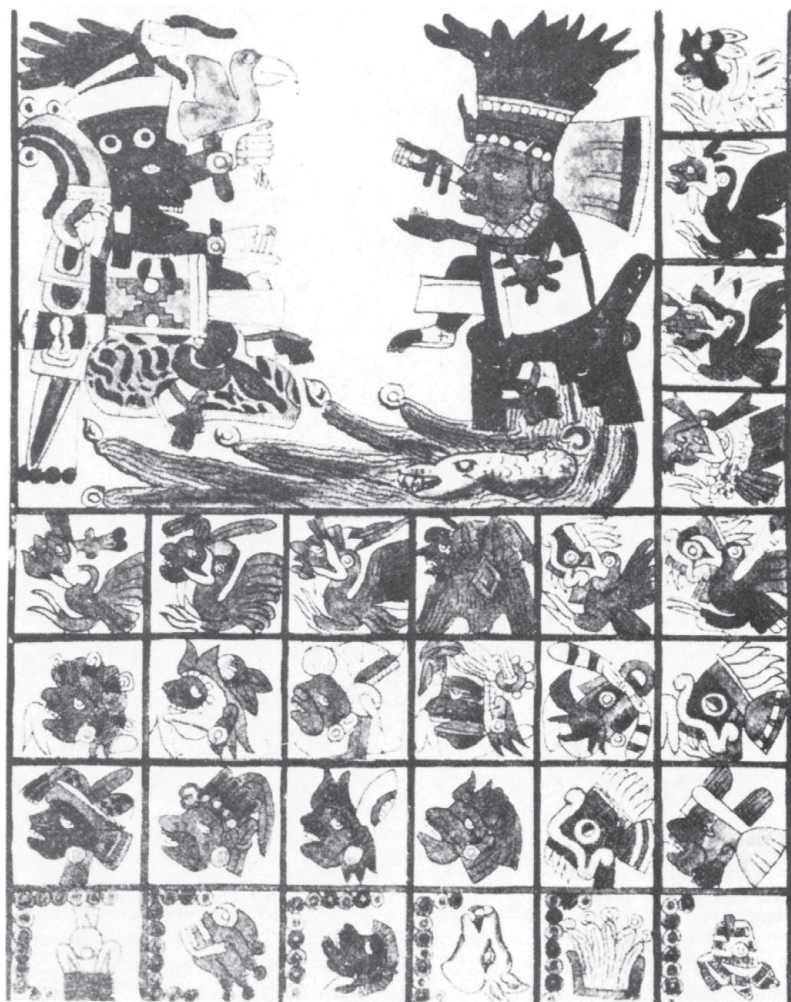
¹ Креолами назывались испанцы, рожденные в Мексике; метисы — результат смешения испанцев и индейцев; мулаты — белых и негров.

Франсиско Хавьер Клавиджеро, который вступил в орден иезуитов в Мексике в 1748 году, нашел в библиотеке колледжа иезуитов оставшиеся работы Сигуэнцы-и-Гонгоры и то, что осталось от коллекции Ботурины. Он ее изучил и использовал в дальнейшем в труде, который позднее историк-иезуит Чарльз Э. Ронон назвал «Голосом Америки XVIII века».

Когда в 1767 году Карл III изгнал иезуитов из Мексики, Клавиджеро нашел себе убежище в Болонье, где он стал свидетелем гонения на его орден в 1773 году. Оставшись не у дел, он написал свою «Storia Antica» (на итальянском языке, так как мало кто в Италии понимал испанский), главным образом для того чтобы сохранить для потомков отчет о достижениях древней цивилизации Мексики и опровергнуть для всего мира ложную информацию о ней таких историков, как де По и Робертсон, которые заделали его чувства как креола.

Святая инквизиция выразила неодобрение сравнению Клавиджеро испанского правления в Новой Испании с угнетением Турцией греков и остановила публикацию его произведения на испанском языке, настаивая на внесении множества поправок. В конце концов рукопись была потеряна. Когда в 1778 году Клавиджеро умер в Болонье, его товарищи по ордену иезуитов отыскивали первоначальный вариант его рукописи, но тоже умудрились потерять его. В начале XX века Мануэль Диас Рамон в некоей рукописи опознал рукопись Клавиджеро, но она также исчезла, чтобы оказаться затем в руках американского дельца. Мексиканский ученый Мариано Куэвас добился ее публикации, но опустил трактат Клавиджеро о происхождении сифилиса, которое Клавиджеро приписывал испанским конкистадорам (на самом деле испанцы заразились от местных индейцев). Современные историки, имеющие доступ к более обширным источникам, обвиняют Клавиджеро в прямом плагиате с неопубликованного труда Торквемады «Monarquía Indiana»

Рукописная книга из коллекции, собранной в Мексике в начале XVIII века исследователем Дж.М.А. Обином.

Благодаря революциям и контрреволюциям в Мексике и двадцати шести сменам правительства в период с 1830 по 1848 год Обин сумел задешево купить у сына Леона-и-Гамы много рукописей и картин, включая некоторые редкие экземпляры, которые очень интересовали его как астронома. Из Мексики Обин сумел нелегально переправить свою коллекцию во Францию, вынудив книги и рукописи из своих переплетов и смешав их в одну кучу, чтобы сбить с толку таможенных чиновников в Веракрусе. Некоторые из них он опубликовал в Париже в 1855 году, но основную часть держал в тайне ото всех, кроме Брассёра де Бурбура.

В 1870 году, потеряв средства, вложенные в акции Панамского канала, Обин был вынужден продать свою коллекцию, в том числе и многие из бумаг Ботурини, французскому Гутилю, который интересовался мексиканскими документами из-за своей матери-мексиканки. Так они и уцелели

Пласа Майор, чтобы улучшить дренаж перед собором, рабочие наткнулись на большой камень, находившийся на глубине двух футов (0,6 м) под землей почти напротив дворца вице-короля. Круглый и плоский камень, глыба прочного серо-черного базальта, двенадцать футов (3,6 м) в диаметре и почти три фута (0,9 м) толщиной.

То, что камень был обнаружен в земле, объяснялось следующим образом: когда Кортес сровнял с землей город Теночтитлан, он приказал все большие статуи и изделия из камня, слишком прочные для того, чтобы их можно было разбить, закопать в землю и тем самым уничтожить следы великой столицы индейцев, которые могли бы напомнить им об их былой славе. Или, как поторопились сформулировать святые отцы, считавшие этот камень «жертвенным алтарем», чтобы «вместе с камнем похоронить память об ужасных деяниях, совершенных на нем».

С превеликим трудом справедливость в отношении реликвии была восстановлена, и все увидели, что нижняя часть камня, та, которой он был обращен в глубь земли, где пролежал более двух веков, оказалась покрытой самой замысловатой и изящной резьбой, такой же непонятной для тех, кто ее обнаружил, какой она была и для Кортеса и его сподвижников.

Но с 1790 года в Мехико жил один историк, который всю свою жизнь занимался изучением древних мексиканских документов и который, как и Сигуэнца, овладел языком ацтеков науатль и научился толковать некоторые иероглифы. Антонио де Леон-и-Гама, которому тогда было за пятьдесят, узнал в этом камне знаменитый календарь ацтеков, о котором писал Сигуэнца, получивший эту информацию от потомков Иштлайшочитля.

Для Леона-и-Гамы обнаружение календаря окончательно доказало утверждение Сигуэнцы, о котором осторожно сообщал Карери: индейцы до начала Конкисты обладали выдающимися знаниями в области математики и астрономии, которые они использовали для ведения точных наблюдений за движением Солнца, планет и звезд, чтобы создать календарь, состоявший из 52-летних циклов; в их году было 365 дней, каждый год был поделен на 18 месяцев по 20 дней в каждом, и индейцы добавляли 5 дней к каждому обычному году и 6 дней — к високосному.

В монографии, которую Леон-и-Гама посвятил этому камню, он попытался показать, насколько ложно было утверждение о том, что древние мексиканцы были «неразумными и примитивными существами». Но его объяснения были слишком неудобны для испанского духовенства. Не имея элементарных познаний в астрономии, католические священники продолжали настаивать на том, что «календарный камень» был жертвенным алтарем. Они доказывали: сам

Каменный календарь.

В одном из огромных камней Леон-и-Гама узнал замысловатый календарь ацтеков. Он считал, что похожий на листок клевера рисунок в его центре изображает легендарные ацтекские эпохи из четырех солнц. В третьем кольце он узнал двадцать ацтекских символов, обозначающих дни месяца, и иероглиф для обозначения дня «4 оцелот», когда Солнце стоит в зените над городом Мехико. Что же касается двух огромных змей, обвивающих внешний край, то Леон-и-Гама полагал, что они олицетворяют Млечный Путь.

Из совершенной формы и единообразия кругов на огромном камне и точного деления его на части, по мнению Леона-и-Гамы, явствует, что индейцы прекрасно разбирались в геометрии. Он также указал на мастерство индейских резчиков, способных с таким совершенством выгравировать надписи на камне, хотя у них, как считается, не было закаленных резцов, а только более твердые камни. Объем и вес камня, по словам Леона-и-Гамы, демонстрируют то, что индейцы знали механику, без которой они никогда не смогли бы выломать камень, весящий свыше 24 тонн, и доставить его с места добычи — предполагалось, что каменоломня находилась на расстоянии 30 км в горах вблизи Лочимилько, откуда большие группы индейцев волокли его при помощи смазанных катков, — до главной площади Теночтитлана. Леон-и-Гама, считавший этот камень часами ацтеков, посредством которого их жрецы могли рассчитывать движения небесных тел, полагал, что отверстия, найденные по периметру камня, могли быть просверлены, чтобы вставить в них гномоны или столбики-указатели солнечных часов, которые отбрасывали бы тени и указывали бы на дни солнцестояний, равноденствия и зенита. В начале XIX века английский астроном сэръ Норман Локьер, который первым понял астрономическую функцию сооружений в Стоунхендже и египетских храмов, был поражен, увидев замечательный каменный календарь жителей Мезоамерики, который, как он определил, отмечал не только ежегодное вращение приполярных групп звезд, но и ежегодное видимое

факт того, что периодически повторяющиеся циклы лет соединены вместе таким сложным с точки зрения эстетики образом, очевидно, означает, что они несут лишь орнаментальную нагрузку. В качестве доказательства церковники приводили тот факт, что те же самые символы можно было увидеть на серьгах, ожерельях и прочих чисто декоративных вещах.

Когда Гумбольдт увидел этот огромный камень, тот подпирал заднюю стену собора. Он был уже умышленно поврежден населением (в том числе индейцами), подавшимися на увещевания священников предавать проклятию все, связанное с их бывшей религией. Будучи астрономом, Гумбольдт быстро подтвердил толкование этого камня Леоном-и-Гамой, поддержав его в длинном эссе, посвященном значению календаря ацтеков. Гумбольдт согласился с толкованием Леона-и-Гамы в том, что восемь треугольников, исходящих из изображения Солнца в центре, указывают на восемь частей дня. Он обратил внимание на то, что ацтеки, очевидно, рассматривали гражданские сутки точно так же, как и иранцы, египтяне, вавилоняне, большинство народов Азии, за исключением Китая, и делили сутки от восхода до восхода Солнца на восемь интервалов по три часа в каждой.

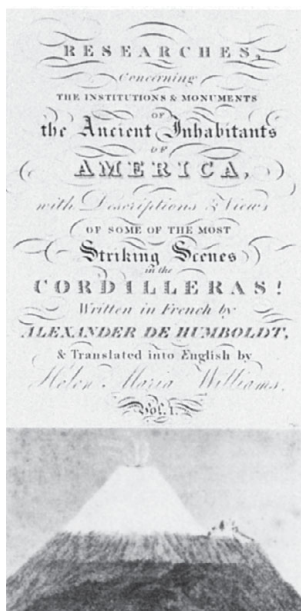
направление движения Солнца. Локьер назвал календарь «достижением, которое осталось непревзойденным в первобытной астрономии».

В начале века археолог Целия Наттолл, которая считала этот календарь «самым драгоценным и замечательным памятником, когда-либо найденным на американском континенте», и «одним из самых восхитительных и совершенных достижений человеческого разума», увидела в солнечном календаре не только отражение древних первобытных наблюдений, но и календарь, предназначенный управлять действиями всех людей в государстве, приводя их совместную жизнь в соответствие с периодическими движениями небесных тел.

Подобно тому как состоящий из четырех частей знак «Оллин» поделил 52-летний цикл на четыре 13-летних периода, он также разделил день на четыре равные части, совпадающие с четвертью частями мира ацтеков, четвертью стихиями — огнем, воздухом, водой и землей. Наттолл пишет, что в подчинении у царя ацтеков были четыре владыки, принадлежавших к роду человеческого, и они управляли четвертью округами, на которые было поделено население, соответствующее с одной из четырех стихий.

По словам Наттолл, земные люди специализировались в сельском хозяйстве и гончарном ремесле, люди воды обеспечивали орошение, поставляли питьевую воду, занимались рыболовством и т. д., люди огня работали с топливом и металлами, обеспечивали освещение и занимались приготовлением пищи, люди воздуха были строителями, каменщиками и ремесленниками. Так как человеку давали имя по дню, в который он родился, это определяло его положение в государстве, его сословное положение и будущую профессию.

По мнению Наттолл, огромный камень был плодом изоциренного ума, «который задумал его как олицетворение замысла, основанного на идее центральной и к тому же всеохватывающей, двойственной и вдобавок учетверенной силы или власти»

В своем труде, посвященном путешествию 1799—1804 годов, более ста страниц Гумбольдт отвел мексиканскому каменному календарю и взаимосвязи между математической и астрономической системами ацтеков, тольтеков, перуанцев, индейцев-нутка и других исконных народов Америки и системами, принятыми у китайцев, индусов, тюрков и других восточных народов.

Он нашел огромное количество материала, доказывающего общее происхождение культур двух континентов, включая системы как солнечного, так и лунного зодиаков, в которых фигурировало много схожих животных, и даже звучание некоторых астрологических терминов было схожим

Гумбольдту также было ясно, что у индейцев год начинался и делился на части днями солнцестояний, равноденствий и зенита. Гумбольдт указал, что большинство названий, которыми мексиканцы обозначали двадцать дней своего месяца, совпадали с на-

званиями, данными знакам зодиака, которые были в употреблении со времен глубочайшей древности среди народов Восточной Азии: тигр, заяц, обезьяна, собака, змея и птица — небесные созвездия, которые носили одни и те же названия в татарском и тибетском зодиаках. Из всего этого Гумбольдт сделал вывод, что народы двух континентов могли почерпнуть свои представления в области астрономии из одного общего источника.

Вывод Гумбольдта о том, что народ Мексики в период испанского завоевания стоял на более высокой ступени цивилизации, чем это было принято считать, и что американские индейцы в древности обладали сложными знаниями в области астрономии, был высмеян критиками. Они допускали, что индейцы могли иметь хронологический календарь, но не соглашались с тем, «что такой дикий народ, как мексиканцы, мог иметь какое-либо представление о причинах затмений».

Гумбольдт обратился к другим объектам для исследования. И хотя он ездил по всей стране с социологическими и географическими изысканиями, в процессе пополнения своих знаний о других мексиканских древностях все же больше полагался на сообщения своих мексиканских друзей, чем на собственные наблюдения. Мимо пирамиды Хочикалько вблизи Куэрнаваки Гумбольдт проехал, даже не подозревая, что она там находится, полагаясь на то, что другие ее опишут. То же самое было и у развалин Митлы. И хотя великий естествоиспытатель ездил в город Тула и выразил свое мнение, что здесь могла находиться столи-

ца тольтеков Толлан, он не стал искать археологических доказательств этого.

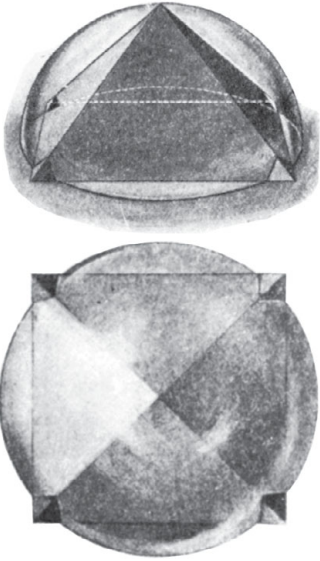
Гумбольдт заявил, что «единственными древними памятниками в долине Мехико, достаточно впечатляющими по размеру и великолепию, для глаз европейца» были развалины пирамид в Сан-Хуане Теотиуакане. Историки подробно описывают, как он путешествовал к этим пирамидам на лошадях и в повозке вместе с Бонпланом и Монтафуром и был «сразу же поражен необычайной геометрической симметрией огромного разрушенного комплекса и тем, как, должно быть, выглядели здания и храмы тысячу лет назад, когда их площадки украшали позолоченные статуи богов». Но более вероятно то, что Гумбольдт опять положился на работу Карери в описании этого места, а в измерениях пирамид Солнца и Луны — на цифры, которые ему дал его молодой друг Отейса.

Гумбольдт внимательно прочитал труды Карери, прежде чем предпринял свое исследование Мексики. Но пока он не прибыл в Акапулько, он не мог знать, писал ли Карери правду или, как утверждали его критики, выдумывал небылицы. Вскоре Гумбольдт обнаружил, что Карери действительно был его предшественником, и был категоричен, защищая подлинность описаний Мехико, сделанных итальянцем: «Объехав огромную территорию, столь подробно описанную итальянским путешественником, я могу утверждать, что нет сомнений в том, что Карери был в Мексике... Описания Карери носят местный колорит, который можно найти только у того, кто имел преимущество видеть все своими собственными глазами».

Забавно, но похоже, что данное Гумбольдтом описание комплекса в Теотиуакане было увидено как бы глазами Карери (т. е. заимствовано).

Едва ли Гумбольдт мог определить, что пирамиды Солнца и Луны в Теотиуакане расположены, согласно его описанию, «с точностью до 52 минут по оси север—юг и запад—восток», тогда как они были и остаются по сей день повернутыми более чем на пятнадцать градусов (или почти на тысячу минут) к востоку от реального севера. Такой исследователь, как Гумбольдт, озабоченный точным вычислением широты и долготы (он заметил ошибку в какие-то секунды в определении местоположения Акапулько и вычислил широту, на которой расположена восточная башня собора в Мехико с точностью до 600 футов (182,88 м) в современном исчислении), вряд ли был способен совершить такую грубую ошибку. Гумбольдт также написал, что склон пирамиды Солнца образует угол 52 градуса, что очень схоже с параметрами пирамиды Хеопса, тогда как на самом деле склон пирамиды в Теотиуакане более пологий — 43 градуса 35 минут, то есть здесь ошибка почти на десять градусов. Гумбольдт также ошибочно описал «множество небольших пирамид высотой около десяти метров, несколько сотен которых сто-

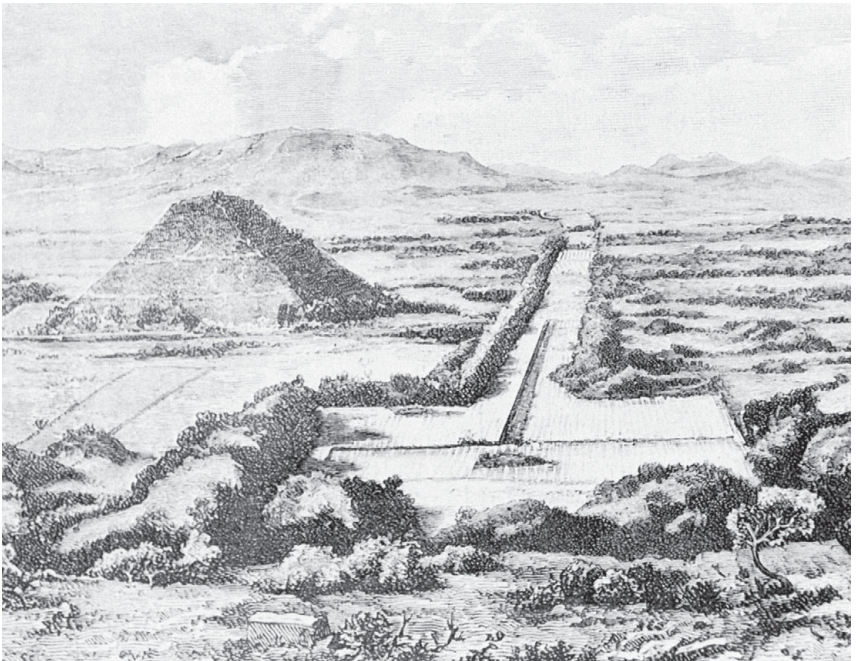

*Пирамида Хеопса как модель
Северного полушария Земли*

яли вдоль широких улиц, точно следуя линиям параллелей и меридианов, ведущих к фасадам пирамид».

Также удивительным является тот факт, что Гумбольдт, который был таким истовым астрономом и географом, не заметил геодезической и астрономической функций пирамид. А его современник и коллега Эдме Франсуа Жомар, с которым он должен был поехать в Египет в экспедицию Наполеона и с которым он позже завел переписку, с блеском подтвердил разрозненные сообщения классических греческих авторов о том, что пирамида Хеопса представляла собой геодезическую масштабную модель Северного земного полушария. Ее вершина изображала Северный полюс, а периметр — точную долю экваториальной окружности Земли или половину градусной минуты.

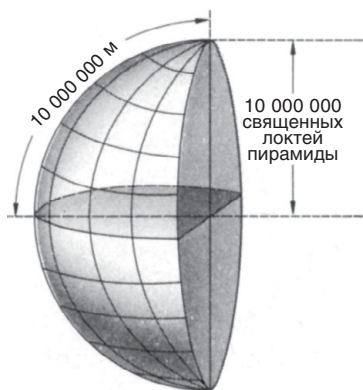
Единственный разумный вывод состоит в том, что Гумбольдт никогда не был в Теотиуакане или если и был, то его посещение было таким поверхностным, что он, возможно, и не увидел комплекса. Внимательное чтение написанного Гумбольдтом о Теотиуакане показывает, что он очень ограничен в своем описании и ни разу не пишет от первого лица.

Для определения размеров пирамид у него была работа Отейсы, который незадолго до него измерил длину стороны основания пирамиды Солнца — 208 метров, или 665 английских футов; опять же из-за обломков у ее подножия получилось короче на 8 метров, или 24 фута. Чтобы донести до европейцев, что это означает, Гумбольдт обратил внимание на то, что северный фасад Дома инвалидов в Париже, где в конечном счете должен был быть похоронен Наполеон, имел длину ровно 600 французских футов. Английских футов было бы 636. Это сбивало с толку, но указывало на тот факт, что, возможно, есть связь между египетскими пирамидами и пирамидами Теотиуакана: 600 египетских футов, как обнаружил Жомар, составляют один египетский стадий, или одну десятую мили, равную шести угловым секундам, или одной шестисотой градуса долготы.

Чтобы дать представление об объеме пирамиды Солнца, Гумбольдт положился на оценку Отейсы, которая равнялась 33 743 201 французскому кубическому футу, хотя на самом деле Отейса измерял ее не во французских, не в английских футах, не даже в метрах, а в мексиканских *вара* (один «вара» равнялся 31 дюйму старого *piéd du roi*). И только ревностного поклонника измерений мог тронуть тот факт, что Гумбольдт и Отейса считали высоту пирамиды Солнца равной 171 французскому футу, или 180 английским футам, что соответствует 2160 английским дюймам (высота пирамиды, по современным данным, равна 63 м).

Пытаясь решить вопрос, были ли пирамиды Теотиуакана построенны целиком человеком или строители воспользовались природными холмами, которые, обработав, покрыли камнем и скрепляющим раствором, Гумбольдт склонялся к тому, что пирамиды были целиком творением рук человеческих, написав: «...их положение на равнине, где нет других холмов, заставляет думать, что вряд ли они были построены на вышедших на поверхность породах». Он также заключил, что индейское предание, рассказывавшее о том, что эти постройки полые, слишком неясно, чтобы ему можно было доверять, и, пока эти пирамиды не пробиты в горизонтальной плоскости, нет способа проверить это.

Гумбольдта удивил тот факт, что эти пирамидальные сооружения — кем бы они ни были возведены — были построены в манере, столь похожей на зиккурат Бела (Энлиля) в Вавилоне, остатки которого он видел. Это привело его к мысли: не имели ли строители родственных свя-

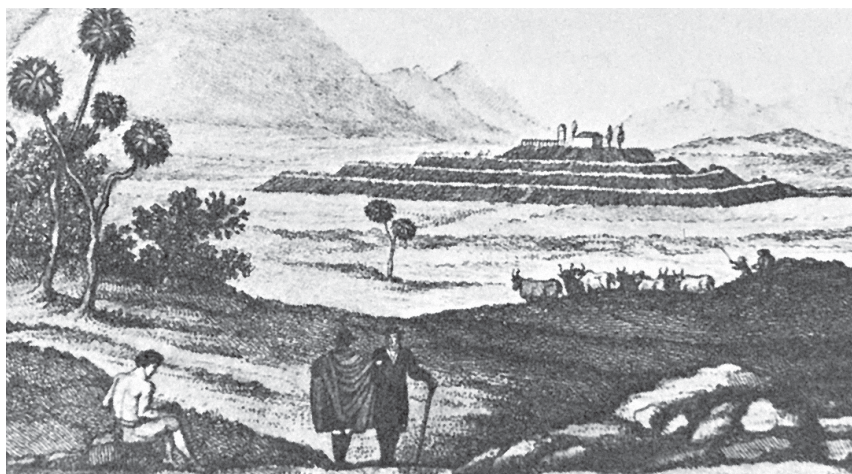
Английский астроном Гершель предположил, что самая практичная система мер должна базироваться на длине полюсной оси Земли, длина которой, по его мнению, была вычислена в древности и равнялась двадцати миллионам священных локтей пирамиды. Отсюда древний дюйм равнялся одной доле в тысяче английских дюймов. Эта идея, впервые предложенная Исааком Ньютоном, была использована астрономом Чарльзом Пьяцци Смитом в качестве основы для своих часто неправильных, но удивительным образом угаданных представлений о Великой пирамиде и древних единицах измерения

зей с монгольской расой с востока Азии, как сначала казалось правдоподобным, или не были ли они каким-то образом связаны с Ближним Востоком, на что указывали данные ботаники и геологии. И снова Гумбольдт, очевидно, не знал о том, что зиккураты Месопотамии также строились как геодезические масштабные модели Северного полушария, подобно штабелю уменьшающихся сверху блоков. Фасад каждого блока давал прямоугольную проекцию, подобно проекции Меркатора, семи классических зон между экватором и полюсом.

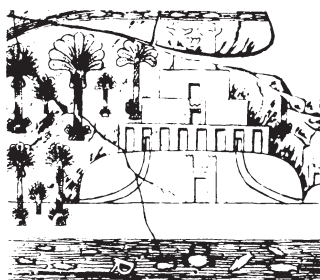
Гумбольдт оспаривал утверждение, что строителями пирамид были тольтеки. Это означало бы, что они были построены в VIII или IX веке. Гумбольдт был склонен согласиться с Сигуэнцей, кое-какие рукописные комментарии которого он прочитал и который приписывал строительство пирамид ольмекам, первому народу, упомянутому в индейских хрониках Новой Испании. Ольмеки, как считалось, пришли с Востока или даже из Европы.

Гумбольдт назвал вождя тольтеков Кецалькоатля «мексиканским Буддой». Забавляясь, он цитировал испанцев, которые описывали его как белого человека с бородой, которого сопровождали чужеземцы, одетые в черные сутаны. Испанцы считали, что Кецалькоатль был либо карфагенянином, либо кельтом из Ирландии — ни тот ни другой вариант Гумбольдт не был готов рассматривать.

Хоть и кажется, что описание Гумбольдтом Теотиуаканского комплекса пришло к нам не из первых рук, первостепенное внимание он уделил

Гумбольдт обнаружил, что пирамида в Чолуле, самая большая в Америке, представляет собой усеченную структуру с четырьмя террасами. Казалось, что ее постоянно использовали вплоть до 1200 года. Изнутри, как обнаружил великий германский ученый, она была сделана из глины и небольших камней, покрытых толстым слоем вулканической амигдалоидной породы. Во внешнем слое камни были связаны между собой при помощи остатков строительного раствора, который местные жители называли *tetzontli*.

В курган можно было войти через небольшое отверстие на восточной стороне. Внутри был запутанный лабиринт ходов, там и сям покрытые фресками стены украшали бабочки и насекомые, нарисованные желтой или черной краской, и имелись следы наложенных друг на друга семи конструкций.

По словам Гумбольдта, пирамиду увенчивала нефритовая статуя Кецалькоатля, «Властелина Дыхания Жизни». Пирамида в Чолуле — самая большая известная в Америке постройка и, видимо, первоначально (сейчас сильно разрушена) превосходила по объему пирамиду Хеопса. Мексиканская легенда доконкистского периода очень схожа с библейским рассказом о Вавилонской башне. Согласно легенде, после потопа, который уничтожил первобытный мир, остались в живых семь великанов, один из которых построил огромную пирамиду в Чолуле, чтобы достичь неба, но боги разрушили пирамиду огнем и смешали языки ее строителей

Великой пирамиде Чолулы. Проведя одиннадцать месяцев в Мексике, Гумбольдт решил уехать через Веракрус, сделав остановку в городе Пуэбла (близ которого находится Чолула), чтобы осмотреть огромную пирамиду, которую он описал как «гору необожженных кирпичей», когда-то посвященную Кецалькоатлю. А Кецалькоатля Гумбольдт считал «самым загадочным существом во всей мексиканской мифологии»,

16 сентября 1810 года Мигель Идальго-и-Кастилья, приходской священник небольшого пыльного городка Долорес в провинции Мичоакан, поднял восстание, которое стало известно как «Grito de Dolores», призывая положить конец испанскому правлению в Мексике. Идальго, родившийся в городке Долорес, что в нескольких милях от города Сан-Мигель-Альенде (названного так по имени его соратника по восстанию капитана Игнасио Альенде), был высоким сухопарым креолом, учившимся у иезуитов. Он производил впечатление своей черной сутаной и белоснежными волосами.

Его революционный пыл возник после того, как он вынужден был наблюдать, как правительственные чиновники вырубают оливковые деревья, виноградники и тутовники, которые он учил выращивать своих прихожан вопреки испанскому закону, запрещающему производить в колониях оливковое масло, вино или шелк. Назвав себя «главнокомандующим Америки», он завладел иконой Пречистой Девы Гуадалупской, Морениты, которая была самым почитаемым символом для местных индейцев, и сделал ее знаменем своей армии. Испанцы и чиновни-

героем, который, по его мнению, правил гораздо раньше, в золотом веке ануаков, «когда все животные и люди жили в мире, необработанная земля давала самые изобильные урожаи, а в воздухе летали птицы с изумительными голосами и оперением».

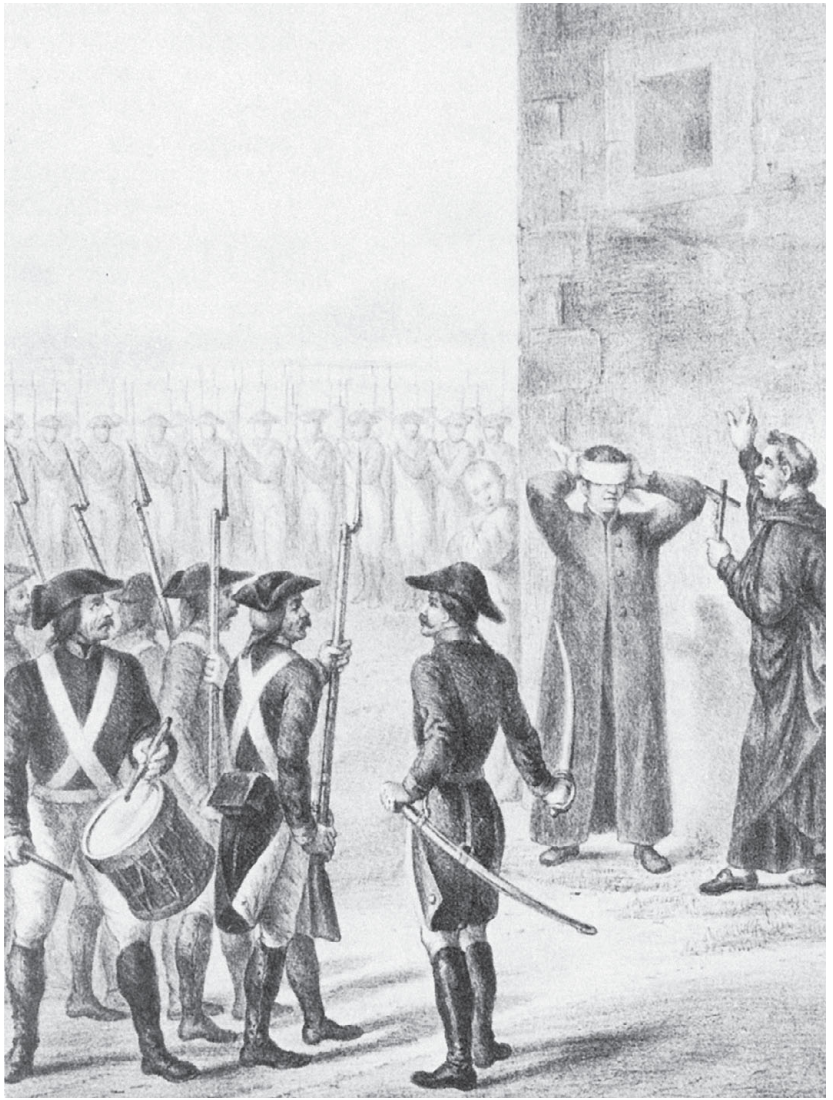
По дороге из Пуэблы в Веракрус Гумбольдт увидел людей, которые несли лед с ледников вулкана Орисаба (5610 м) для изготовителей шербета в Веракрусе точно так же, как изготовители шербета в Османской империи привозили на тележках снег и лед с вершин гор Балканского п-ва и Малой Азии.

Решив навестить Томаса Джефферсона, коллегу-натуралиста, создателя американской демократии (а также масона), Гумбольдт отплыл в марте 1804 года из Веракруса в Нью-Йорк, взяв с собой груз минералов, растений, скульптур и те немногие древние рукописи, которые ему удалось собрать. Все это должно было помочь ему в работе над томами, где было описано путешествие по Южной и Северной Америке. Будучи опубликованными в виде дорожого издания, записки Гумбольдта открыли европейцам глаза на удивительную возможность существования в обеих Америках цивилизаций гораздо более развитых и разумных, чем кто-либо мог предполагать раньше. Это положило конец широко бытовавшей точке зрения, что индейцы, покоренные Кортесом, были всего лишь только дикими гомосексуалистами в перьях, поклонявшимися чудовищным изображениям змеи, которым они, как ненасытным вурдалакам, приносили в жертву тысячи людей.

Пробывание Гумбольдта в Мексике привело к тому, что его стали подозревать в оказании помощи и подстрекательстве к революции в Мексике против испанского владычества, которая действительно вспыхнула через несколько лет после отъезда великого натуралиста. Но хотя к Гумбольдту и обращались некоторые «чуткие души» из-за его склонности к философии и метафизике, а либералы и политические

ки разбежались перед его армией. Но у ворот города Мехико, который хотел атаковать более храбрый Альянде, Идальго заколебался. Когда же солдаты его армии принялись грабить и убивать людей, мексиканские креолы, которые также жаждали освобождения от власти Испании, стали бояться за свою жизнь, особенно после урока Гаити, где местные чернокожие перерезали всех белых местных жителей. Креолы поддержали испанского вице-короля, который приказал незамедлительно казнить всех мятежников, захваченных с оружием в руках. В отвоеванных у восставших городах каждого десятого, выбранного по жребию, вешали или расстреливали. В отместку повстанцы Идальго душили испанцев гарротой. Испанцы отвечали тем, что бросали своих врагов в негашеную известь.

Побежденного и взятого в плен Идальго лишили сана, и расстрельная команда привела приговор в исполнение 30 июля 1811 года, после чего его голову в железной клетке вывесили на всеобщее обозрение как средство устрашения для будущей революционеро

После казни Идальго знамя восстания подхватил другой священник — Хосе Мариа Морелос-и-Павон, в жилах которого смешалась испанская, индейская и негритянская кровь. Он родился в Мичоакане и до двадцатипятилетнего возраста работал сначала чернорабочим и погонщиком мулов. Голодая, чтобы получить образование, он поступил в церковное училище, откуда вышел священником. Приземистый и смуглый Морелос был молчаливым, скромным и талантливым человеком, мучимым малярией и бесконечными головными болями, от которых он постоянно носил тугую повязку на своей лысеющей голове. Так как Морелос был слишком радикальным для креолов, которые жаждали независимости для Мексики, они примкнули к рядам роялистов. Креолы боялись, что разбушевав-

деятели — из-за его приверженности к доктрине либерализма и равенства и после его открытых выступлений против системы экономического и социального угнетения в Новой Испании, Гумбольдт, вероятно, считал себя слишком обязанным королевской власти Испании за очень хороший прием и предоставление ему такой свободы, чтобы рискнуть написать то, что могло быть сочтено подрывом устоев в глазах его высоких покровителей.

Долгое время Гумбольдт мечтал вернуться в Мексику.

Когда революция, которая началась в 1810 году и тянулась долгие десять лет, избавила Мексику от власти Испании, он захотел вернуться и организовать «большое научное учреждение для всей свободной Америки». В октябре 1822 года он написал из Вероны своему брату Вильгельму, что «император Мексики Итурбиде, которого я знаю, будет скоро низложен, и откроется дорога для республиканского правления... У меня есть план закончить свои дни более приятным образом и с большей пользой для науки в той части мира, где меня очень любят и где всё указывает на то, что там я буду счастлив. Так я не умру бесславно, а объединю вокруг себя многих образованных людей и буду наслаждаться независимостью от мнений и суждений, которая необходима для моего благополучия».

Гумбольдт хотел создать в Мехико центр, из которого можно было бы организовывать исследования всех мест, о которых великий ученый только слышал или написал, пользуясь информацией из вторых рук. Но публикация своих трудов слишком дорого обошлась Гумбольдту, и, хотя были упоминания о том, что во Франции собирают 4 или 5 миллионов франков на реконструкцию рудников в Мексике, из этого предприятия ничего не вышло. Гумбольдт, старея и слабея, был вынужден доживать свои дни в удушающей атмосфере прусского коро-

шшаяся гражданская война уничтожит экономику: и торговля, и сельское хозяйство были уже в застое.

Морелоса победил сын поселившегося в Мексике испанского дворянина Августин де Итурбиде, который быстро поднялся от лейтенанта до полковника испанской армии в Мексике. Когда Итурбиде узнал, что Морелос приказал своим повстанцам вычернить себе лица, чтобы узнавать друг друга в ближнем бою, он приказал своему кавалерийскому отряду сделать то же самое. Ночью в канун Рождества 1813 года Итурбиде повел безрассудную, как казалось, кавалерийскую атаку на центр позиций Морелоса, обрушившись на потрясенных повстанцев. Полки Морелоса стали стрелять друг в друга, и повстанческая армия рассеялась перед уступавшими ей в численности силами испанцев (роялистов). Взятую в конце 1815 года в плен Морелоса обвинили в том, что он «еретик, отступник от своей веры, атеист, материалист, деист, развратник, бунтовщик, виноватый в преступлениях против божественной и человеческой власти, ярый враг государства и христианства, собратитель, лицемер, коварный человек, изменник королю и родине, похотливый, закоренелый мятежник против святой инквизиции; лишили сана и расстреляли

Итурбиде.

Получив чин генерала в армии, воевавшей с мятежниками, Августин де Итурбиде так разбогател на незаконных доходах, что превзошел самого себя, забрав слишком большую часть серебра из каравана, который он должен был защищать. Опозоренный, он нашел себе убежище в монастыре Ла-Професа, где разрабатывал план восстания против власти вице-короля с целью отделить Мексику от Испании. Чтобы подорвать мощь армии, он захватил целый караван, который без полмиллиона серебряных песо в Акапулько. Раздав офицерам, а также партизанам-индейцам щедрые обещания, Итурбиде сумел привести свою армию в город Мехико в сентябре 1821 года и въехал в него на черном коне. На нем была шляпа с перьями, и его окружала шайка новоиспеченных генералов, блиставших золотыми галунами. Став генералиссимусом (28.09.1821), Итурбиде вскоре (19 мая 1822 года) провозгласил себя императором Августином I (коронация 21 июля). В первый год его правления 80% национального дохода шло на нужды армии, 11% — самому Итурбиде, а остальное — на управление страной, экономика которой была разрушена 12 годами гражданской войны. Когда конгресс выступил с жалобой, император Августин I распустил его и стал править, повторяя Наполеона I. Но и другие умели играть в такие игры. Один из командиров армии Итурбиде Антонио Лопес-де-Санта-Ана, дослужившийся до генерала, поднял восстание (2.12.1822). Итурбиде изгнали (29.03.1823), а когда он переодетым вернулся на родину, схватили и расстреляли (1824)

левского двора в Потсдаме, так и не увидев больше Мексику (Гумбольдт не только «старел и слабел», как все люди. В 1827 году он переселился в Берлин, где читал в университете курс лекций по физической географии, который лег в основу его труда «Космос». В 1829 году вместе с С. Эренбергом и Г. Розе совершил путешествие по России — через Средний Урал на Алтай до китайской границы. На обратном пути обследовал Каспийское море. Результатом экспедиции стали труды «Фрагменты по геологии и климатологии Азии (2 т., 1831) и «Центральная Азия (3 т., 1843). Возвратившись в Берлин, Гумбольдт в течение ряда лет вместе с Ф. Гауссом создавал магнитные обсерватории, ставшие основой для создания метеорологической сети в Германии. Заслуги Гумбольдта в создании географии как научного страноведения и общих основ физической географии как науки огромны. — *Ред.*)

Но его обширным иллюстрированным произведениям было суждено зажечь неугасимый интерес в целом поколении новых искателей приключений, которые отправились исследовать древности Мексики.

Глава 5

ПУТЕШЕСТВИЕ АНГЛИЧАН

Уильям Буллок, ливерпульский ювелир, любитель-натуралист и собиратель древностей, так проникся чтением работ Гумбольдта, посвященных мексиканским древностям, что решил отправиться в Мексику и привезти оттуда свои собственные находки, чтобы выставить их в Лондоне для публики, чей интерес к экзотике подогревался недавними открытиями наполеоновских ученых в Египте, отчет о которых был незадолго до этого опубликован в монументальном двадцатитомном труде «Description de L'Egypte». Будучи коммерсантом, Буллок оказался в первых рядах целой компании английских предпринимателей, желавших получить прибыль от торговли с независимой Мексикой, открытой теперь для иностранцев.

В декабре 1822 года Буллок вместе со своим двадцатилетним сыном отплыл в Веракрус на борту английского торгового судна, вооруженного двенадцатью пушками для защиты от вездесущих пиратов. И хотя, как ему говорили, в Мексике «самое стабильное правительство», Буллок обнаружил, что порт Веракрус находится в руках мятежников-республиканцев под предводительством генерала Антонио Санта-Аны, в то время как сам себя провозгласивший императором (Августином I) Итурбиде отошел к Пуэбле вместе с верными войсками.

Направившись в глубь страны, от моря в горы, отец и сын Буллоки испытали разочарование от первой же придорожной гостиницы, где

Антонио Лопес-де-Санта-Ана

им не дали спать москиты, лай собак и крики ослов. Утром пришлось «отмыться от помета домашних птиц, которые устроились на ночлег над нашими головами», писал Буллок.

В Пуэбле, первом относительно крупном городе на пути Буллоков, они узнали, что император Августин I отрекся от престола и сбежал из страны (вскоре вернулся и был расстрелян в 1824 году. — *Ред.*), в результате чего президентом Мексиканской республики стал генерал Санта-Ана. И Буллоки последовали по стопам Гумбольдта в Чолулу, где они исследовали развалины пирамиды, покрытые, как они увидели, колючей грушей и другой растительностью, а также камедью. На вершине пирамиды испанцы построили внушительную церковь.

«Именно здесь, — отметил Буллок, склонный к историческим экскурсам, — впервые прибывшего сюда Кортеса приветствовали как освободителя и брата. Но, случайно обнаружив, что под этим скрывается завуалированный план убить его и всех его соратников, Кортес, с присущими ему хладнокровием и решительностью, захватил местных вождей, а чтобы поселить ужас в других, преподал страшный урок, перебив 70 000 жителей (6 тысяч. — *Ред.*) города».

На городского жителя Буллока сильное впечатление произвели широкие улицы Пуэблы, мощенные большими камнями, которые образовывали узор из квадратов и ромбов, а также великолепные выезды и кортежи состоятельных жителей Пуэблы. В их прекрасные экипажи, которые проезжали по улицам и паркам, были впряжены мулы под богато украшенными чепраками, и они сопровождались слугами в белоснежных ливреях.

Чтобы показать, «кто есть кто», и эпатировать местных жителей, Буллок щеголял тростью, переносным стулом и столом, камерой-обскуром, или камерой-лусидой¹ и другими «образчиками изобретательской мысли».

Приближаясь к городу Мехико, Буллоки проехали пригород, который они охарактеризовали как «жалкий и грязный, где люди ходят в

---

¹ Камера-обску́ра (или камера-лусида) представляет собой оптический инструмент, основой которого является ящик с маленькой дырочкой в передней стенке. Изобретен в XVI веке (хотя явление описано Аристотелем в IV в. до н. э.). Камера-обску́ра использовалась для точного срисовывания пейзажей и натюрмортов, спроецированных на задней стенке ящика (который стали делать из двух половинок, фокусируя изображение, а в отверстие ставили собирающую линзу). Предшественница фотоаппарата.

Веракрус.

Вилла Рика де Веракрус, или Богатый город Истинного Креста, был сначала простым палаточным лагерем, когда Кортес, высадившись 21 апреля 1519 года, решил построить здесь город, чтобы обеспечить свой тыл, начиная завоевание Мексики. Как писал Диас: «Избрали мы управителей города, на рынке водрузили позорный столб, за городом построили виселицу...» Веракрус сразу же стал портом прибытия испанских кораблей с Кубы и из Европы.

Для Буллока Веракрус имел вид восточного города с низкими куполами, похожими на купола мечетей, но лишенными элегантности минаретов. К югу от города находились кладбище и скотобойня, к северу — ровная, дышащая желтой лихорадкой болотистая местность, где обитали игуаны, змеи, цапли и дикие утки.

Если Карери жаловался на то, что его заедают виши, то Буллок нашел, что город жаркий, пыльный, с грязными улицами, которые чистят от отходов животные, питающиеся падалью. Гумбольдт, подойдя к описанию научно, отметил, что все здания построены из известняка, образованного мадрепоровыми кораллами

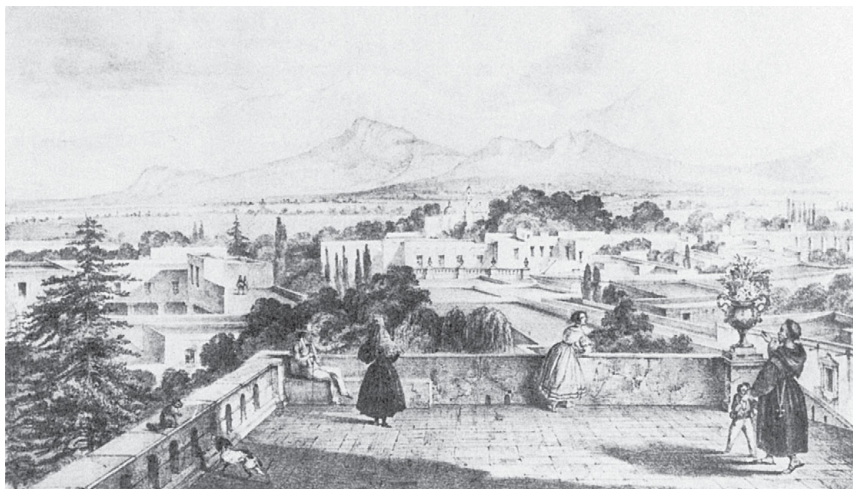

Весной 1824 года Августин I (Итурбиде), как Наполеон, возвращавшийся с Эльбы, попытался вновь взять власть в своей империи, высадившись на лодке в Тамаулипасе с пачкой бумажных денег и отпечатанных прокламаций. Он был арестован и без лишних проволочек расстрелян

лохмотьях», но приятное впечатление на них произвел центр города с его широкими улицами и большими домами.

Будучи, как и любой коммерсант, снобом, Буллок был счастлив заполучить себе в гиды по городу графа Лучезе, дядю герцога Монтелеонского, потомка и наследника Эрнана Кортеса. Лучезе любезно сопровождал своих английских гостей по дворцу вице-королей, который имел длину 700 футов и 1100 окон, выходящих на Пласа Майор. Буллок отозвался о дворце как о «самом прекрасном в мире». На территории, прилегающей к дворцу, Буллоки увидели не только монетный двор и тюрьму, но и ботанический сад с фонтанами и благоухающими растениями, неизвестными европейцам до Гумбольдта, трепещущими под крыльями красивых ручных птиц.

В больнице Иисуса Буллоку даже показали железный сундук, в котором храни-

В Пуэбле Буллок с удивлением увидел, что жены горнодобывающих магнатов содержат свои дома с королевским размахом и ходят в церковь в сопровождении сотен слуг и десятков фрейлин. А город Мехико произвел на Буллока самое сильное впечатление своими улицами длиной до двух миль, идеально ровными и прямыми, которые заканчивались великолепным видом на окружающую долину с заснеженными вершинами вулканов вдали

лись кости Кортеса. Тридцать лет назад останки великого конкистадора были перенесены в больницу из церкви Св. Франциска, где их хотели поместить в хрустальный гроб, укрепленный серебряными решетками и пластинами. Но не так давно роялисты, «друзья семьи», едва спасли останки завоевателя от толпы республиканцев, которые хотели развеять по ветру прах «омерзительного старого испанца». Буллок задумчиво посмотрел на череп с недостающими зубами.

В городе на английского торговца сильное впечатление произвели комфортабельные трехэтажные дома, покрашенные темперой, с богатыми украшениями, рядами кованых железных балконов и внутренними двориками с галереями, наполненными ароматом цветов и деревьев. Он решил, что климат здесь идеальный, вечная весна; его привел в восторг чистый воздух, еще не отравленный смогом. Мехико был мечтой горожанина. Здесь даже казнь уголовных преступников осуществлялась «торжественным и приличным образом», что сильно отличалось от казней, которым он был свидетелем во Франции после революции, где «чернь вела себя самым отвратительным, грубым и непристойным образом». В Мехико же двух индейцев, обвиненных в грабеже и святотатстве, привезли к месту публичной казни на мулах; они были одеты в белые рубахи и колпаки с красными крестами. Затем их тихо задушили гарротой (обруч, стягиваемый винтом), и «публике не были видны ужасные конвульсии, которые часто всем заметны во время казней у нас».

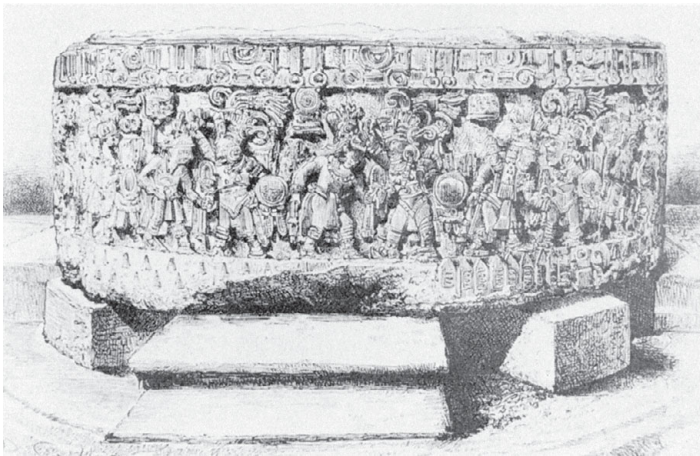
Так как Гумбольдт заявил, что помимо находящихся поблизости пирамид Теотиуакана единственными объектами в Мехико, достойными внимания исследователя древности, являются огромный камень-календарь и другой («жертвенный») камень, обнаруженный рядом с ним, Буллок решил сделать большие гипсовые слепки с обоих, чтобы отослать их в Лондон. При содействии премьер-министра Мексики он сумел получить разрешение духовенства соорудить леса у

Буллок обнаружил, что роскошный дом бывшего императора Августина I Итурбиде превращен в гостиницу для проезжающих почтовых карет

Служители инквизиции ведут «еретиков» к столбу

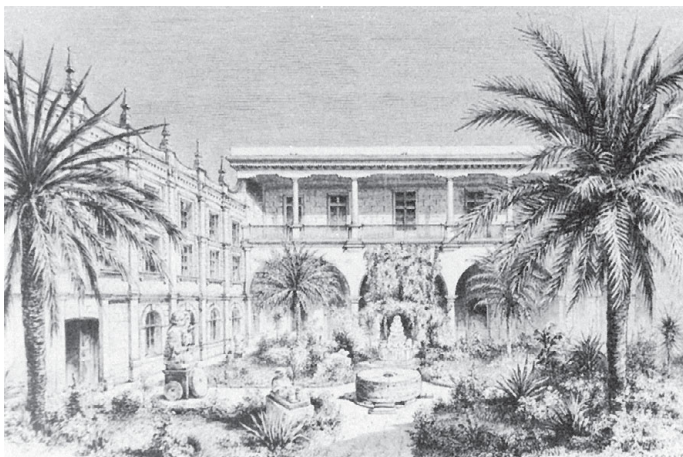

На внешней поверхности этого монолита изображены $6 \times 6 = 36$ единичных символов, что дает нам 9 групп по 4 символа в каждой. Если эти 9×4 прибавить к 4×4 символа, на которых сидят вожди, то получается 13×4 , что эквивалентно 52 годам ацтекского цикла. Каждую группу сопровождает название племени и его столицы. И снова ушло сто лет, прежде чем был найден какой-то смысл в этих загадочных символах

календаря ацтеков и сделать несколько слепков с него. Буллок считал, что этот камень (очень похожий на изображения зодиака в Дендере в Египте) когда-то был частью крыши огромного храма в Теночтитлане. Оригинальный камень с изображением зодиака незадолго до этого был снят и отвезен в Лувр. Как и Гумбольдт, Буллок считал камень ацтеков «доказательством совершенства в некоторых науках, которого достиг народ, его создавший». Мало кто, по его утверждению, даже в самых просвещенных городах Европы смог бы в настоящее время выполнить такую работу.

Примерно в ста метрах от камня-календаря в земле кафедральной площади лежал так называемый жертвенный камень, только верхняя плоскость которого была выставлена на обозрение, чтобы «производить впечатление на простолудинов... и чтобы внушать им отвращение к ужасным кровавым ритуалам, которые когда-то проходили на этом самом алтаре».

У духовенства Буллок вновь получил разрешение открыть края камня и сделать слепки с поверхности, на которой были вырезаны пятнадцать групп фигур, изображающих завоевание индейскими воинами различных городов. Процедура снятия слепков возбудила большое любопытство у зрителей, которые, по словам Буллока, недоумевали, не поклоняются ли до сих пор англичане тем самым богам,

Во времена Буллока университет был во многом пережитком Средневековья в том, что касается руководства и учебной программы. А ученые мужи в основном посвящали себя увековечиванию догматов теологии

которые были у мексиканских индейцев до их обращения в христианство.

Но древняя реликвия, которая больше всего манила Буллока и на которую он больше всего рассчитывал, чтобы поразить (или приятно возбудить) публику в Лондоне, по сообщению Гумбольдта, была заново захоронена в галерее университета в Мехико священниками-доминиканцами (так как они посчитали ее слишком скандальной, чтобы ее могли видеть студенты-христиане).

Буллок испытал большие трудности, пытаясь уговорить власти разрешить ему откопать ее, но благодаря помощи друга Гумбольдта дона Мануэля дель Рио (который «дорос» до профессора минералогии в университете) он наконец получил разрешение. Место захоронения было установлено без особого труда, и через несколько часов раскопок мать-земля исторгла из себя мексиканскую богиню земли, она же богиня-мать всех богов ацтеков.

«Я имел удовольствие, — пишет Буллок, — видеть возрождение этого ужасного божества, для которого в порыве религиозной и кровавой страсти ослепленные верующие принесли в жертву десятки тысяч человеческих жизней».

Буллок считал, что едва ли было возможно, чтобы художник, «сочетающий в себе мастерство и фантазию Брейгеля и Фузели», мог замыслить такой устрашающий образ. Описывая «ужасное гигантское чудовище», Буллок отмечал, что оно вырублено из прочной глыбы ба-

Эта приземистая, массивная двенадцатитонная базальтовая статуя, объединяющая в себе пирамидальную, крестообразную и человеческую формы, откопанная по просьбе Буллока и названная им чудовищной, была быстро перезахоронена возмущенными церковниками. Только позже стало понятно, что эта статуя была воплощением сущности космологической мысли ацтеков. «Нигде в истории искусства, — утверждает профессор Лео Гатц, — ни в одном памятнике не достигалось такого полного слияния человеческих и абстрактно-про- странственных отношений».

По мнению мексиканского искусствоведа Хустино Фернандеса, эта статуя представляет собой «олицетворение космодинамической силы, которая дарует жизнь и благоденствует на смерти в борьбе противоположностей».

Для Фрэнка Уотерса Коатликуэ является конкретным воплощением в камне идей космического существа, которое порождает и поддерживает вселенную. «Она дает общее представление о крестообразном расположении квадрантов вселенной, равно как и о динамическом свойстве времени, которое создает и уничтожает через борьбу».

Льюис Спенс указывает на большое сходство между мексиканской богиней Коатликуэ и Клейто, смертной женщиной, которая от Посейдона родила правителей Атлантиды. Каждая из женщин, по словам Спенса, восседала на священном холме, каждая родила семь пар близнецов, двое из которых — Атлас и Кецалькоатль — были рождены для того, чтобы поддерживать на своих плечах мир

зальта, имеет высоту девять футов (2,7 м), а его очертания наводят на мысль об обезображенной человеческой фигуре, которая «объединяет в себе все, что есть страшного в тигре и в гремучей змее». Вместо рук у этой фигуры были большие змеи, и ее одеяние представляло собой гирлянды переплетенных между собой змей, которое заканчивалось крыльями грифов. Ступни «идола», между которыми лежала голова еще одной гремучей змеи, спускающейся с его тела, были сделаны в виде лап ягуара с выпущенными когтями, как будто хватающими добычу. Ожерелье, лежавшее поверх огромных обезображенных грудей, состояло из человеческих сердец, черепов и отрубленных кистей рук, соединенных между собой кишками. Буллоку потребовалась неделя, чтобы сделать слепок с Коатликуэ («владычица в одежде из змей» — так звали богиню), после чего университетские власти распорядились снова закопать статую, «чтобы спрятать ее от нечестивых взглядов черни».

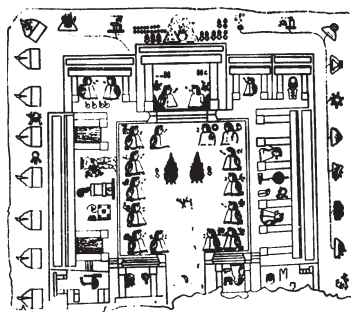
Сады Тескоко

Завершив снятие слепков, Буллок мог теперь посетить пирамиды Теотиуакана. В день Троицы 1823 года в сопровождении сына и своего соотечественника, г-на Джилтона, Буллок выехал в Тескоко, взяв проводника-индейца и рекомендательные письма, написанные супругой бывшего вице-короля, графиней Регла, к властям этого города.

Когда Буллоки покидали город, на огромной площади Мехико они проехали мимо тысячи лошадей и мулов, груженных серебром, которое было приготовлено для отправки в Веракрус, а оттуда в Европу.

Потом они несколько миль ехали по необычной насыпной дороге, проложенной через старое озеро Тескоко, которое за семь недель до их прибытия в город было заполнено водой и мириадами уток, но теперь из-за отсутствия дождя оно вновь пересохло.

Приближаясь к городу Тескоко, который, по выражению Буллоков, являлся «американскими Афинами, где жили историки, ораторы, поэты, художники и великие мужи во всех областях науки, существовавших в те времена», они проехали по мосту Бригантин,

Рисунок XVI века, сделанный со старинного плана внутреннего двора дворца в Тескоко

с которого Кортес спустил на воду свою флотилию, чтобы окончательно захватить и уничтожить Теночтитлан.

На торговой площади Тескоко они увидели то место, где епископ Сумаррага сжег наследие ацтеков: манускрипты и документы, написанные их иероглифами.

На Буллока произвел впечатление дворец древних касиков Тескоко, который имел длину триста футов (свыше 90 м) и составлял часть большой площади. Возведенные на наклонных уступах стены дворца были изначально сложены из огромных глыб базальта, каждая из которых имела 4—5 футов в длину и от двух до трех футов в толщину. Они были вырублены и отшлифованы с величайшей точностью. Многие из этих базальтовых глыб пошли на постройку близлежащей католической церкви.

Буллок справился о знаменитых пирамидах Солнца и Луны в Теотиуакане. Но его расспросы были напрасны, и поэтому он направился в Отумбу, ожидая найти их поблизости от этого места.

В течение двух часов они ехали по красивой местности, где количество испанских церквей и имений (в архитектурном отношении весьма красивых) превышало их число в любой другой части Мексики, где уже побывали Буллоки.

В одном месте они проехали оливковую рошу, самую красивую из всех, которые они когда-либо видели. «Оливковые деревья в Тоскане наполовину ниже этих; многие из них имеют, должно быть, тридцать футов в диаметре». У подножия невысоких гор Буллок описал ландшафт: никакой плодородной почвы или растительности, кругом мягкий серый камень, в котором постоянно проходящие здесь лошади выбили глубокие борозды, достигающие животным до колен.

К вечеру раскаты грома перешли в ливень, который наполнил сухие русла рек, и грязные воды понеслись в большие мелкие озера.

У дальнего склона горы на равнине, расстилавшейся перед ними, Буллок наконец увидел две огромные пирамиды — на расстоянии пяти или шести миль. Час верховой езды — и они уже были в Отумбе, как раз до наступления ночи. «Это было первое место, — отметил Буллок, — которого достиг Кортес после прорыва из Теночтитлана в «Ночь печали» (1 июля 1520 года). Одна старая женщина приютила их в мастерской плотника, где они смогли высушить свою одежду и поспать. Утром, выпив горячего шоколада с хлебом, они стали расспрашивать местного падре о пирамидах, но он ничего не мог рассказать им, хотя они были прекрасно видны из окон его дома, находясь на расстоянии приблизительно полторы лиги (около 10 км).

Когда Буллок и его спутники приблизились к заросшим кустарником курганам, они смогли увидеть «квадратную, полную совершенства, форму самой большой пирамиды» и разглядеть ее уступы. Подойдя сна-

Рисунок Буллока с изображением пирамиды Солнца, которую он увидел с вершины другой пирамиды, где, по его словам, он обнаружил остатки древнего храма

чала к меньшей пирамиде, они нашли ее сильно разрушенной, но поднялись до ее вершины по гудам камней и развалившейся каменной кладки с меньшим трудом, нежели ожидали. На вершине Буллок обнаружил остатки «древнего сооружения с тремя окнами на каждой стороне длиной сорок семь футов (14,3 м) и шириной четырнадцать футов (около 4,3 м), стены которого имели три фута (0,9 м) в толщину и восемь футов (около 2,5 м) в высоту и были сложены большей частью из неотесанного камня». Им показалось, что северная часть этого сооружения была отделена приблизительно на одной трети его длины.

Буллок пишет, что он и его спутники сидели на вершине пирамиды Луны, а Великая пирамида стояла перед их глазами, и они «созерцали этот пейзаж с чудесами древности». Его взор охватывал не только большую часть долины Мехико с окружающими ее горами, но и город Мехико, находившийся на расстоянии около тридцати миль, что совершенно невозможно в настоящее время из-за смога.

Буллок придерживался того мнения, что, когда Кортес пришел сюда через эту

Кортес одерживает победу в сражении у Отумбы, лично убив командующего армией ацтеков (возлежавшего на носилках)

Пульке — это крепкий напиток, изготавливаемый из забродившего сока агавы, цветонос которого достигает высоты 12 м, а листья имеют длину до 3 м. Некоторые растения дают до шестисот литров сладкого сока, который берется из углубления в центре. Из сока затем получают, путем сбраживания, пульке и мецкаль.

Для ацтеков пульке был не только алкогольным напитком, но и лекарством, и, главное, ритуальным одурманивающим средством, связанным с их сложным пантеоном богов. Его также давали захваченным вражеским воинам перед их принесением в жертву.

Чрезмерное питье пульке среди ацтеков регулировал — если не устранил — запрет «пятой чашки». Она предназначалась для жрецов, у которых она вызывала состояние такого экстаза, что часто они начинали танцевать. Даже четвертая чашка не одобрялась, так как она могла привести к состоянию опьянения, что считалось в Теночтитлане наказуемым проступком, за исключением особых случаев (больные, старики или жрецы на определенных празднествах). Первые испанские священники считали пульке отвратительным напитком, подталкивающим индейцев на «идолопоклонничество, воровство, убийства, святотатство, гомосексуализм, кровосмесительные связи и другие мерзости». Но правительство вице-короля вскоре стало использовать его в качестве источника доходов: налог на пульке приносил в казну ежегодно 100 тысяч песо. После того как зеленые листья агавы разомнут, а древесные волокна отделят на камне с помощью воды, остается сизаль — пеньковое волокно, из которого можно соткать полотно, заменяющее льняное. Из него также можно плести веревки. Шипы агавы использовали как иголки; целые листья можно использовать как кровельный материал для домов. Ближайшие к земле побеги, белые и нежные, можно приготовить и съесть. Высушенные листья агавы являются топливом и дают слабый бездымный огонь, а их пепел обладает лечебными свойствами. Когда из центра погибшего растения вытягивают корень, его можно использовать в качестве балки

долину, большие пирамиды находились в том же состоянии, в каком обнаружили их через 400 лет и англичане, — пирамиды были покрыты землей и заросли кустарником. И, только поднявшись на одну из них, Кортес смог увидеть приближение огромной армии индейцев, величину которой Франсиско де Агилар, находившийся в то время с Кортесом, оценил во многие десятки тысяч воинов. Буллок пишет, что поблизости не было никакой другой возвышенности, которая могла бы послужить этой цели, и делает вывод: «Именно в этом месте Кортес принял бой и нанес поражение бесчисленной индейской армии. После ужасной ночи (ночной прорыв из Теночтитлана. — *Ред.*) он прибыл на равнины возле Отумбы, поднялся на возвышенность и обнаружил, что все пространство вокруг заполнено индейскими воинами; отчаяние охватило всех, кроме бесстрашного вождя испанцев». Перефразируя рассказ Бернала Диаса о том, как всего лишь 650 израненных и измотанных испанцев с четырьмя десятками лошадей вырвались с боем из этой ловушки, Буллок пишет с напыщенным романтизмом: «Бесчисленные толпы индейцев пришли сюда и сомкнулись вокруг горстки испанцев, когда неустрашимый Кортес с несколькими всадниками яростно бросился в атаку туда, где развевалось знамя военачальника ацтеков. Предводитель ацтеков (Сиуака) был убит, знамя захвачено, и вся огромная масса индейских воинов в ужасе бросилась бежать с поля, не создавая более препятствий к отходу Кортеса».

Такой романтический настрой Буллока привел к гипотезе о том, что индейцев, подобно троянцам в поэме Гомера, победили, что называется, сверхъестественные силы, поскольку испанцы стали полубогами, спустившимися, вступив в бой, с Теотиуакана, «дома богов».

У подножия пирамиды Луны Буллок выпил пультке и попытался подружиться с местными ребятишками, но они «выглядели очень напуганными нашими белыми лицами и необычной одеждой». Буллоку запах свежего пультке показался приятным, и весьма неприятным, когда пультке доходил до кондиции, принятой у мексиканцев.

Когда Буллок спросил какую-то старуху, не может ли она им сказать, кто построил эти пирамиды, она ответила: «Si, senor. San Francisco» («Да, сеньор. Святой Франциск»).

Недалеко от большой пирамиды, рядом с воротами, англичане нашли огромный камень с выпуклыми орнаментами, которые показались Буллоку очень древними. Мальчик, который пошел за ними, сделал знак рукой сыну Буллока в сторону плантации, где они нашли еще один большой камень, покрытый скульптурными изображениями, с отверстием наверху. Буллок предположил, что это «жертвенный камень».

Подъем на большую пирамиду снова был менее трудным, чем они ожидали. На протяжении всего пути вверх они находили известь и

Согласно старинной легенде, рассказанной Саагуну, пульке был изобретен женщиной по имени Майяуэль, которую позже стали считать богиней и матерью Сенцона Тоточтина, покровителя Тепоцтеко. Они знали, как нужно проквашивать агаву, чтобы извлечь сок. В «Кодексе Борджиа», который был создан в Пуэбле или, возможно, в Тласкале, Майяуэль — видная женщина в белых одеждах цбета пульке. В «Кодексе Борджиа» изображен еще один бог пульке, Патекаатль, который открыл, как нужно приготавливать сок, извлеченный из агавы, чтобы способствовать процессу брожения. Его имя, а также имена его помощников-богов были заимствованы из той местности, где ему поклонялись. До нас дошло несколько названий населенных пунктов, которые устанавливают тождество имен первых изготовителей пульке с гористой местностью под названием Чичинауа. Из-за того что этот напиток сверху покрывала пена, заснеженную вершину также назвали Попокатепетль, что означает «пенная гора».

В «Кодексе Мальябеккьяно», который был, вероятно, создан между 1562 и 1601 годами, есть несколько изображений божеств пульке, включая Майяуэль и Атлакоаия. Эдуард Селер заметил, что лицо какого-нибудь бога пульке обычно рисовали двумя цветами: одна его половина была красной, а другая черной или темно-коричневой с желтыми пятнышками. Такая же раскраска была характерна и для изображений Тлалока и Кецалькоатля. Богов пульке отличали по украшению в форме полумесяца, которое они носили прямо под носом

скрепляющий раствор, смешанный с упавшими камнями. По описанию Буллока, террасы видны отчетливо, особенно вторая, которая, по его оценке, имела около тридцати восьми футов (11,6 м) в ширину и была покрыта слоем красного скрепляющего раствора толщиной от

Собрание каменных календарей и «идолов», копии которых Буллок привез для экспозиции в Англию

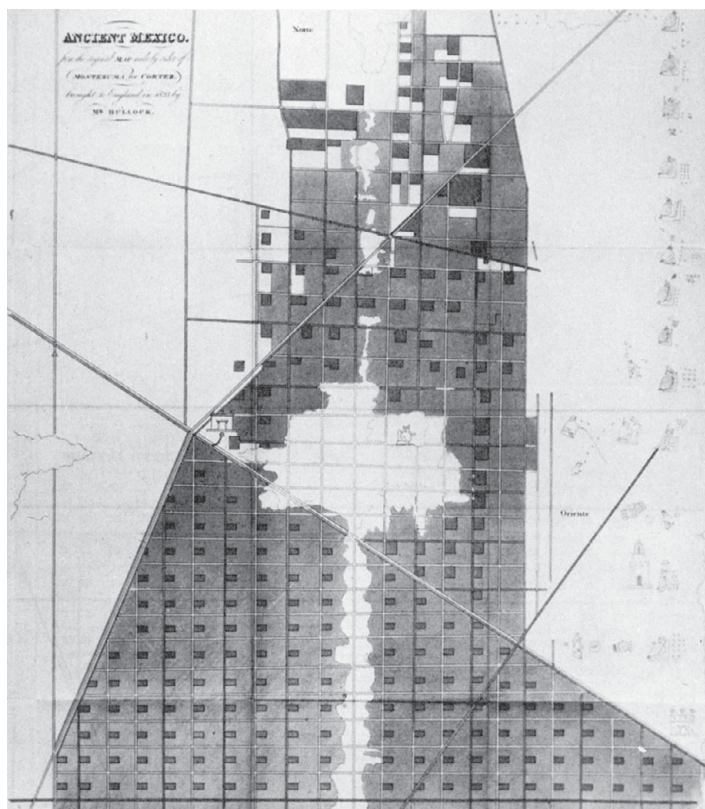
восьми до десяти дюймов (20—25 см), который состоял из мелкой гальки и извести. Но во многих местах выросшие на пирамиде деревья нарушили целостность ступеней, хотя «нигде не повредили общие квадратные очертания», которые, по словам Буллока, «в этом отношении были такими же совершенными, как и у Великой египетской пирамиды».

Куда бы они ни забрались, исследователи находили куски обсидиановых ножей, наконечники для стрел и копий. Достигнув вершины, они наткнулись на «плоскую поверхность значительных размеров, которая была сильно разрушена и повреждена». Здесь они передохнули, и вновь Буллока потянуло на напыщенные восхваления открывшегося перед ними вида — был виден и город Мехико, находившийся на расстоянии около тридцати миль.

На вершине пирамиды Буллок нашел фрагменты небольших статуй, керамических изделий и, что удивительно, устричные раковины, первые, которые он увидел в Мексике. Спускаясь вниз, англичане захватили с собой несколько декоративных керамических изделий, рельефный узор на одном из которых напоминал китайский.

Буллок пишет, что на северо-восточной стороне пирамиды Солнца, приблизительно на полпути вниз, кто-то, видимо, очень давно попытался проделать отверстие. Буллок считал, что любой проход в пирамиде

План Теночтитлана.

Среди рукописей и иероглифических изображений, привезенных в Англию Буллоком, был первоначальный план древнего города Теночтитлана, сделанный по приказу Монтесумы II для Кортеса и дальнейшей его передачи королю Испании. На плане показано, как город поделен на квадраты с садами-чинампа, соединенные каналами и мостками.

Теночтитлан представлял собой «город на воде», в котором у каждого дома было от шести до семи земельных наделов. Каждый надел-чинампа имел около 100 м в длину и от 4,5 до 9 м в ширину. На плане показаны очертания каждого домовладения и имя домовладельца

должен был бы проходить с севера на юг на уровне земли или несколькими футами выше, так как «во всех останках схожих построек было обнаружено, что у них есть входы в этом направлении».

В деревне Сан-Хуан Теотиуакан Буллок со своими спутниками нашли пищу себе и корм для своих лошадей. К вечеру они достигли города Сан-Кристобаль, опять промокнув под дождем. Они ехали по длинной дамбе, построенной для того, чтобы не давать водам озера

Сан-Кристобаль течь в озеро Тескоко; оттуда они возвратились в Мехико.

Находясь под впечатлением от монументальных развалин Теотиуакана, Буллок был немало удивлен тем, что в Мехико, по-видимому, никому до них не было никакого дела, и никто не мог дать никакой информации о них. Трехдневная поездка убедила Буллока в правдивости рассказов о великолепии древней Мексики, подобных тем, что принадлежали итальянскому историку Клавиджеро. То, что увидел сам Буллок, дало ему право не обращать внимания на теории таких очернителей, как де По и Робертсон. «Если бы г-н По, — пишет Буллок, — или наш более информированный соотечественник Робертсон провели один час в Тескоко или в других местах, они никогда ни на минуту не допустили бы, что дворец Монтекумы в Мехико является глиняным домиком или что рассказ об огромном населении Теночтитлана — выдумка».

Чтобы еще больше убедить своих соотечественников в величии древней Мексики, Буллок распорядился сделать модели пирамид в Теотиуакане, чтобы отправить их в Англию. Затем он пустился в обратный путь через Пуэблу и Веракрус — на этот раз в паланкине, привязанном между двух мулов. Англичанин вез с собой небольшой зверинец, в котором было несколько броненосцев, оленей, попугаев, сов и оцелотов. Большинство зверей не были на привязи, к ужасу их квартирной хозяйки в Пуэбле. Он также захватил с собой много различных цветов и декоративных растений, еще неизвестных европейским ботаникам. Его обширная коллекция животных и птиц поразила местных жителей, которые думали, что их везут на родину путешественника для медицинских целей.

Что характерно: во время его пребывания в Мексике Буллоку больше всего понравились те части страны, которые больше всего напоминали ему Девоншир: поля, покрытые зеленью, леса с цветами, с цветущими и плодоносящими деревьями, холмы, которые были разнообразнее, чем в Англии, «одетые таким бесконечно разнообразным множеством деревьев, кустарников и цветов, что ни один уголок Европы не может соперничать с этим».

Что совсем не понравилось Буллоку, так это бои быков, во время которых быков ранили и убивали; не понравилось зрелище, когда лошади, раненные в ходе корриды, волочили за собой свои внутренности, а также вид раненых и умирающих матадоров, которые «устраивали такое же изысканное развлечение в Мехико, как и в Мадриде».

Возвратившись в Лондон, Буллок сделал косметический ремонт своего «Египетского зала» для экспозиции редкостей из Мексики. Жадные до зрелищ зеваки на Пикадилли теперь могли увидеть «чудовищную» Коатликуэ и каменный календарь ацтеков, который стал

известен как «Часы Монтесумы». После немногих редких ацтекских и других рукописей и надписей, а также и рисунков и описаний, сделанных Гумбольдтом, это были первые мексиканские древности, которые достигли Европы, «беглый взгляд на Америку доколумбовой эпохи».

На доходы от выставки Буллок приобрел в Мексике серебряный рудник и был бы предан забвению, если бы не публикация Джоном Мурреем брошюры под названием «Шесть месяцев пребывания и путешествий по Мексике», в которой Буллок подвел итог своим приключениям в Мексике.

Глава 6

НОВЫЙ ВЗГЛЯД ИСПАНЦЕВ НА ДРЕВНОСТИ МЕКСИКИ

Сосредоточившись на пирамидах Теотиуакана и каменном календаре ацтеков, Гумбольдт и Буллок умудрились не заметить целый мир древних и удивительных развалин в лежащих южнее и восточнее лесах и саваннах Чьяпаса, Юкатана и Гватемалы. На протяжении последующих двух десятилетий этим руинам было суждено заинтересовать европейцев и жителей Северной Америки так же сильно, как и открытия Наполеона в Египте.

Первой была найдена пирамида, в которой много лет спустя обнаружили потайную погребальную камеру, такую же впечатляющую и труднодоступную, как и так называемая Царская камера в Великой пирамиде Хеопса во времена халифа аль-Мамуна.

В 1773 году монах Рамон де Ордоньес-и-Агилар, каноник собора в городе Сьюдад-Реаль в Чьяпасе, провинции между Юкатаном и Табаско, услышал от одного индейца такой удивительный рассказ, что в него было трудно поверить. Недалеко от деревни Санто-Доминго-дель-Паленке, в нескольких милях от того места, где, как было известно, проходил Кортес в ходе своего героического гондурасского похода (октябрь 1524-го — май 1525-го) через заболоченные тропические леса, есть целый заброшенный город с прекрасными домами, построенными из камня, и резными скульптурами. Этот город, согласно рассказу, сильно отличается от всего, что есть на Мексиканском нагорье, и полностью зарос лесом. Испытав приятное возбуждение от перспективы стать официальным первооткрывателем такого объекта, брат Ордоньес велел своим прихожанам смастерить ему паланкин, в котором он преодолел шестьдесят миль до мазанок деревушки Санто-Доминго-дель-Паленке.

Оттуда прихожане Ордоньеса несли его еще восемь миль в джунглях, где он наткнулся на множество каменных построек, совершенно зарос-

Санто-Доминго-дель-Паленке.

Основанная в 1564 году в травянистой саванне Тумбалы миссионером-доминиканцем и называемая «маленьким Эдемом», спрятавшаяся под тенью огромных деревьев деревня Санто-Доминго получила дополнительное название Паленке, или «частокол», когда испанцы приказали построить вокруг нее высокие стены, чтобы защитить себя от враждебно настроенных местных жителей, оказывавших сопротивление обращению в христианство

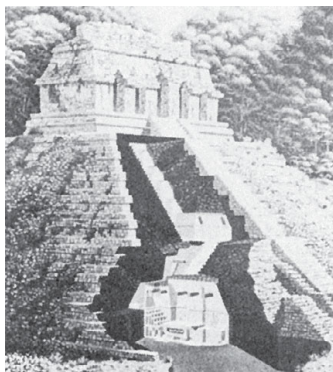
ших деревьями и кустарником¹. Зрелище было таким ошеломляющим, что немедленно побудило Ордоньеса быстро набросать докладную записку своему начальству в городе Гватемале — дону Хосе де Эстачерия, за которой последовала более весомая монография, озаглавленная «История создания Неба и Земли». В ней Ордоньес попытался объяснить, что эти разрушенные здания — их он назвал «Великим Городом Змей» — вероятно, были построены в далекой древности народом, который пришел сюда из Атлантики, вedomый вождем по имени Вотан, чьим символом была змея.

Ордоньес заявил, что он взял материал для этого рассказа из книги, написанной самим Вотаном на языке киче, и утверждал, что оригинал книги был сожжен в 1691 году Нуньесом де ла Вегой, епископом Чьяпаса, который, прежде чем уничтожить его, приказал сделать копии с некоторых частей, которые он показывал Ордоньесу.

Считалось, что Вотан отправился в путь из страны Чивим (неясно, где именно она находится, но полагают, что на другой стороне Атлантики) и прибыл на Юкатан через «Жилище Тринадцати» (Канарские острова) с остановкой на большом острове в Карибском море, которым считают Эспаньолу или Кубу (вероятнее всего, Эспаньола). Отту-

¹ По другим данным, на развалины Паленке в 1759 году наткнулся воинский патруль, заблудившийся в джунглях. (Примеч. ред.)

Потайная погребальная камера в пирамиде Паленке

когда Вотан прибыл в Америку, он составил список названий всех местностей и городов, в которых останавливался. В одном местечке под названием Уэуэта Вотан якобы поместил в темном, сыром подземном доме сокровище, назначив хранительницей этого сокровища женщину, а также ей в помощь других людей. Нуньес де ла Вега пишет, что, будучи епископом, он тщательно изучил свою провинцию, чтобы установить место, где было захоронено сокровище. Найдя то, что искал, епископ приказал хранителям выдать его. Оказалось, что сокровищем были всего-навсего несколько закрытых крышками глиняных кувшинов, зеленых камней и рукописей. Последние, в том числе рукописи Вотана, епископ предал публичному сожжению на рыночной площади.

Вотан якобы четырежды возвращался через Атлантический океан на свою бывшую родину, известную как Валум Чивим. В конце концов

да Вотан якобы доплыл до восточного побережья Мексики, поднялся вверх по течению реки Усумасинта и, пройдя к западу, основал город, который теперь известен как Паленке.

Описывают, что Вотан появился со свитой, облаченной в длинные одежды. Произошел обмен мнениями и обычаями с местными жителями, которые подчинились ему и отдали незнакомцам в жены своих дочерей.

Епископ Нуньес де ла Вега также цитировал книгу Вотана в собственном произведении «Constituciones Diocesanas de Chiapas». Согласно Нуньесу де ла Веге,

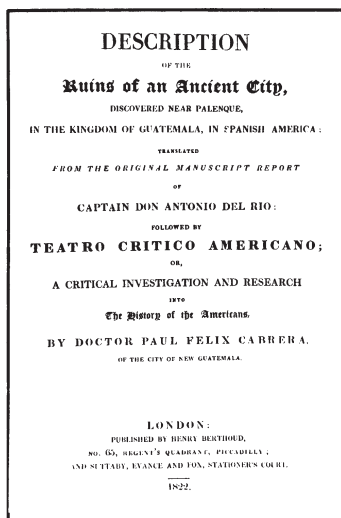
По словам Ордоньеса, Нуньеса и согласно местным мексиканским источникам, жители страны Чивим были хивиты, потомки Хета, сына Хаанана, внука Ноя, изгнанного из Гата (Гефа) в Палестине филистимлянами за несколько лет до Исхода евреев из Египта. Полагали, что один человек из их племени по имени Кадмус был сыном Огигеса, который был на горе Хермон по ту сторону Иордана к востоку от Ханаана, и его, как думал Ордоньес, убил Моисей во время Исхода (который он датирует 1447 годом до н. э., сейчас большинство ученых считает, что около 1200 года до н. э.). Говорят, что племя ханаанеев, вытесненное евреями из Палестины, завоевало Сидон и основало Тир, из которого Вотан отплыл в Америку

Ордоньес решил, что это город Триполи в Финикии (современный Ливан. — *Ред.*). Пишут, что в ходе одной из таких поездок в Валул Чивим Вотан посетил какой-то большой город неподалеку, где строился великолепный храм. Этот храм был задуман так, чтобы достигать до небес, но этого не случилось из-за смешения языков. В своем произведении «Constituciones» Нуньес де ла Вега даже еще более конкретно написал, что Вотан увидел «огромную стену, Вавилонскую башню».

В другой рукописи прибытие Вотана датируется 1000 годом до н. э., что привело современных ученых к предположению, что Вотан и его «мужчины в юбках» могли быть финикийцами. Констанс Ирвин в своей книге «Fair Gods and Stone Faces» соглашается с тем, что Вотан и его спутники вполне могли быть финикийцами, но ставит несколько более позднюю дату. Ирвин пишет, что большой город, который Вотан, возможно, посетил, — Вавилон, самый большой город на Ближнем Востоке, излюбленный рынок (в том числе и для финикийских купцов), город, где стояла огромная Вавилонская башня, перестроенная Набополасаром и его сыном и преемником Навуходоносором в VII и VI веках до н. э.

После смерти Вотана стали ассоциировать с нефритом и змеями. Констанс Ирвин обращает внимание на то, что две переплетенных змеи составляют эмблему исцеления, мудрости и плодородия в Вавилоне, откуда она распространилась на восток и запад, а кадуцей (жезл Меркурия) стал часто встречающимся изображением на финикийских и карфагенских стелах.

Рассказ Ордоньеса о Вотане не вызвал большого волнения в городе Гватемале (центре генерал-капитанства Гватемала), но его описание развалин Паленке побудило его начальника Эстачерию, который был председателем королевской аудиенсии в Гватемале, приказать мэру Санто-Доминго Хосе Антонио Кальдерону провести официальный осмотр руин с помощью итальянского архитектора, проживавшего в городе Гватемале, Антонио Бернаскони. Их отчет, направленный в Мадрид, был вручен королю Испании Карлу III, который, будучи также и королем Королевства обеих Сицилий, был неравнодушен к греческим и римским развалинам. Перспектива найти похожие древности в Новой Испании побудила короля Карла распорядиться провести тщательное

Портрет кисти Гойи его покровителя, короля Испании Карла III (1716, король в 1759—1788 годах), о котором отзываются как об одном из просвещенных монархов XVIII века. После длительного периода обучения в Неаполе Карл III приехал в Испанию в возрасте 43 лет. Во время Войны за независимость в Америке он, вслед за Францией, встал на сторону американских колонистов против англичан. Именно при Карле III иезуиты были изгнаны из Испании и из испанских владений. Он также наложил некоторые ограничения на инквизицию

С собой дель Рио захватил художника Рикардо Армендариса, который сделал черновые наброски зданий и фигур, вырезанных из камня или вылепленных на барельефах, чтобы потом подготовить иллюстрированный отчет на двадцати пяти листах. В своем последнем отчете дель Рио предположил, что Америку могли посетить древние римляне и что существовала связь между Мексикой и Древним Египтом. Он процитировал отца Хасинто Гарриода (XVIII век) в той части, что древние греки и другие народы побывали в северных районах Америки. Этот последний отчет, проиллюстрированный Армендарисом, был отправлен в Мадрид, где Карла III в 1788 году сменил его сла-

иследование архитектурных развалин около Паленке.

Для выполнения королевского указа Эстачерия выбрал капитана артиллерии, расквартированной в городе Гватемале, дона Антонио дель Рио. В треуголке и напудренном парике, «мгновенно переносющийся», как о нем писали, «через джунгли Паленке в облаке новейшего модного аромата», дель Рио верхом отправился в путь, чтобы установить возраст развалин, количество людей, которые были заняты их постройкой, и причину исчезновения населения в этом месте.

Прибыв в Паленке, капитан записал (несколько преувеличивая), что джунгли так густы, что он «не может разглядеть человека на расстоянии вытянутой руки». Для расчистки руин он нанял двести местных жителей с топорами и мачете, которые вскоре обнаружили, помимо уже найденных, и другие необычные постройки: дворцы, храмы и пирамиды, украшенные лепными скульптурами и непонятными иероглифами на тщательно вырезанных изображениях. Все они, казалось, на мили простираются в джунглях, где они веками лежали непо потревоженными. Внутри построек капитан обнаружил лабиринт из комнат, коридоров и подземных переходов, которые он аккуратно измерил.

Изображения с барельефов майя, сделанные Кастанедой, поразительно похожи на мотивы, характерные для стран, где распространен буддизм. Согласно буддийскому преданию, третью неделю медитации Будда провел под деревом Mischalinda, и именно тогда приполз царь змей и простер свой капюшон, как полог, над Буддой, чтобы защитить его от палящего солнца. Именно тогда змея стала священной. Солнце, дерево и змея — три самых священных символа буддизма. Они появляются практически во всем декоративном искусстве, стилизованные и нет, и на всей территории Мезоамерики. Как и у жителей Мезоамерики, буддизм учит, что есть жизнь после смерти, что Земля будет уничтожена пять раз, что четыре разрушительных воздействия уже произошли и что последним будет наводнение. И у буддистов, и у ацтеков были монастыри, чтобы найти уединение и предаваться медитации. И у тех и у других были скульптуры, которым они поклонялись, поставив их в ниши в стенах своих культовых построек

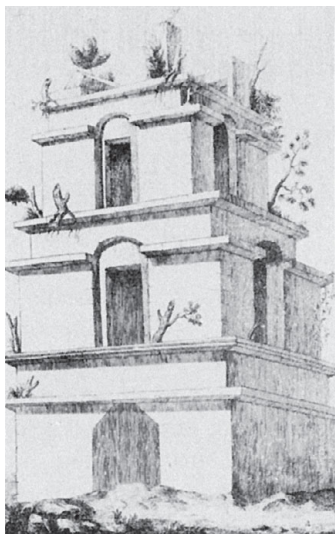
бывший сын Карл IV. Из-за противодействия со стороны католической церкви этот отчет был похоронен в архивах.

К счастью, копия рукописи, сделанная в городе Гватемале, была отредактирована итальянцем доктором Полом Феликсом Кабрерой, который, по отзывам, был «господином, обладавшим бессмысленными знаниями». Кабрера не только подчистил «казарменный язык» капитана дель Рио, но и приложил к отчету предисловие, где он также приписывал руинам Паленке ближневосточное происхождение. В

Король Испании Карл IV был симпатичным, милым, глуповатым рогоносцем. Королева завела себе молодого (р. 1767) любовника Мануэля де Годоя, который фактически правил королевством, сначала будучи герцогом Алькудией, а затем инфантом Кастильским и т. д. Годой сумел не только дискредитировать и подорвать королевскую власть, но и превратить Испанию в пеишу наполеоновской Франции, в результате чего испанский флот был уничтожен англичанами при Трафальгаре (1805). Новой Испании Годой навязал несколько таких продажных и вороватых вице-королей, что это подготовило почву для революции

Башня в Паленке

этом отчете Кабрера также развил мысль Сигуэнцы и Ботурини, которые считали, что ольмеки прибыли на восточное побережье Мексики откуда-то с другой стороны Атлантики, сделав остановку на Малых Антильских островах или Эспаньоле (Гаити). Кабрера высказал предположение, что незнакомцы были карфагенянами и что первые колонисты были посланы из Карфагена в Америку перед 1-й Пунической войной. В Новом Свете, по словам Кабреры, эти карфагеняне, смешав свою кровь с местными жительницами, дали начало народу ольмеков. Отчет Кабреры тоже затерялся в архивах.

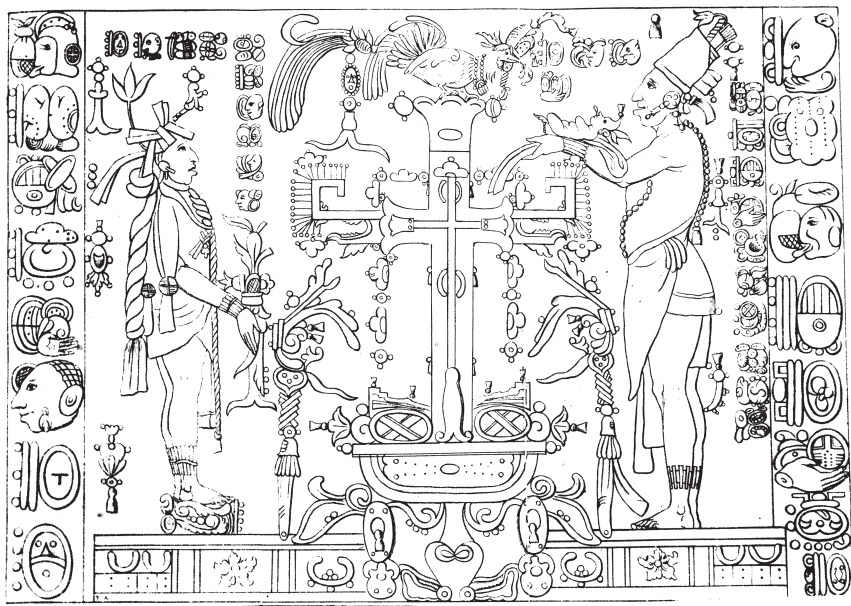
К этому времени Гумбольдт уже придал в Европе такую широкую гласность возможности существования в Америке внушительной доиспанской культуры, что Карл IV, чувствуя себя обязанным привлечь государство к ее изучению, приказал провести тщательное исследование всей Мексики с целью обнаружения любых доиспанских древностей.

Эта задача была поручена Гильермо Дюпэ, отставному армейскому капитану мексиканских драгун, очевидно, только по той причине, что он провел тридцать лет в армии. На роль художника, который делал бы зарисовки со всех найденных руин, Дюпэ выбрал молодого мексиканского любителя древностей Хосе Лучано Кастанеду, которого разыскивал Гумбольдт, зная о его выдающейся коллекции древностей. В 1805 году Дюпэ и Кастанеда отправились в путь, чтобы

Кабрера пишет, что на одном из рисунков Кастанеды изображен Вотан или «хивит из Триполи» в Финикии. По его словам, Вотана называли *сшевга*, или «змея», а позднее его «поместили среди богов». Кабрера добавляет, что Амагуэмекан находился в провинции Чьяпас, где индейцы бережно хранят память о своем происхождении и «о движении своих предков в древние времена, которое началось с добровольного или вынужденного отъезда из Палестины по приходе туда евреев».

Якобы Вотан провозгласил себя «змеем», потомком «Имоса по линии Чан», и сказал, что он прибыл в Америку из далеких мест по велению Бога. Как пишет Манли П. Холл, Вотан основал Паленке, построил храм со множеством подземных помещений под названием «Дом Тьмы» и там оставил архивы своего народа

На всей территории Мезоамерики культ змеи существовал с самых древних времен, распространившись на север до земель, где жили строители курганов-маундов Огайо. Он до сих пор сохранился в ритуалах индейцев зуньи (группа пуэбло) в штате Нью-Мексико (США) и хопи (тоже пуэбло) в американском же штате Аризона. Фрэнк Уотерс подчеркивает, что пернатый змей был самым первым символом на территории Алабамы, Джорджии и Оклахомы и что знаменитый «танец змеи» племени хопи, когда жрецы танцуют, держа змей во рту, представляет собой самый эффектный ритуал, акцентирующий внимание на змеях. Что касается ягуара, то он был и остается символом земли и всего, что с ней связано, со времен появления в Мексике самых первых иероглифов. Эту роль ему отводили и жители Теотиуакана, и ольмеки, и майя, и тольтеки, и сапотеки, и ацтеки

начать прочесывать Мексику в поисках остатков доколумбовой культуры.

На протяжении трех лет они путешествовали по стране, преодолевая труднодоступные горы, пробивая себе путь в густых джунглях, задерживаясь из-за болезней, плохой погоды, разбойников и умеющих обращаться с мачете местных жителей. Их лошади выскальзывали из-под путешественника, падая с крутых обрывов, или их уносили бурные потоки (всадникам удавалось спастись). В самом конце, когда ноги Дюпэ уже настолько распухли, что он больше не мог ехать верхом, он еще и пострадал от оскорбления (из-за своего сильного французского акцента): его задержали мексиканцы как французского шпиона, когда брат Наполеона I Жозеф Бонапарт был

Археолог Генриетта Мерцц указывает на то, что рыба, поедающая цветы лотоса, которую мы видим на этих панелях из Паленке, а также расположение рыб напоминает такарас, или рыбоподобных чудовищ, изображенных на панелях в Амаравати (Индия, штат Махараштра). По ее мнению, такие чрезвычайно символические художественные формы вряд ли могли появиться в двух совершенно не связанных между собой местах, разделенных многими тысячами миль, без какой-то причины

Гордон Ф. Экхольм, выдающийся знаток древней Мексики, обратил внимание на то, что некоторые значительные аналогии между индо-буддийским и позднеклассическим и постклассическим искусством майя можно увидеть при сравнении панелей с мотивами лотоса. Он указывает на то, что главной отличительной чертой панелей с мотивами лотоса в буддийском искусстве является то, что корневище этого растения образует волнообразный узор по всей длине рисунка, изгибаясь в обе стороны во всю ширину панели, и оставляет пустые пространства, которые заполнены листьями, бутонами и цветами. Тот же самый узор прослеживается в этих храмовых барельефах и в Паленке. Волнистая линия, которую образует корневище этого растения, очевидно, не является природной особенностью ни азиатского лотоса, ни его американской разновидности

Открытие Дюпэ

посажен на испанский престол (Карла IV и его сына Фердинанда VII Наполеон в мае 1808 года заставил отречься). Невзирая на все свои злоключения, Дюпэ и Кастанеда все же сумели посетить (и сделать зарисовки) развалины в Хочимилько, Чоуле, Митле, Оахаке и многих других местах, закончив свою работу и в Паленке.

В ходе путешествия на Дюпэ и Кастанеду все большее и большее впечатление производили достижения индейцев до прихода сюда испанцев. В Митле Дюпэ нашел каменные конструкции, которые, как он думал, демонстрировали «неумеренную роскошь, достойную древнего Рима».

Он был под большим впечатлением от симметрии и точных размеров зданий. Резной камень и расположение конструкций были свидетельством того, что строители разбирались в математике и геометрии; памятники материальной

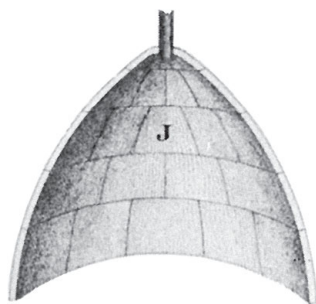

культуры указывали на то, что у них были хорошие познания в астрономии.

Мастерство скульпторов, казалось, создавало «уникальную красоту пропорций», а керамика была необычайно яркой. Превосходно сложенная и великолепно отделанная каменная кладка убедила Дюпэ в том, что использовался какой-то металл, хотя он и не мог найти как следов металлических орудий труда, так и способов транспортировки и установки на место камней весом до тридцати тонн. Увидев добротные акведуки, встретившись им на пути, Дюпэ пришел к выводу, что древние строители имели понятие о гидравлике; а конструкция их дорог и дамб наводила на мысль, что их строители кое в чем могут соперничать с древнеримскими.

Среди развалин Паленке Дюпэ с удивлением обнаружил иероглифы, которые не были похожи ни на египетские, ни на иероглифы из долины Мехико и казались абсолютно оригинальными. Не имея возможности сравнить их с чем-то древним, о чем Дюпэ имел представление (готскими, арабскими, китайскими или финикийскими письменами), он сделал вывод, что имеет дело с народом, неизвестным историкам, люди которого вовсе не обязательно были предками местных индейцев. В конце концов Дюпэ склонился к выводу, что строители необыкновенных построек доиспанского периода в Мексике прибыли с мифической Атлантиды.

Так как Дюпэ не был ни археологом, ни историком, ни натуралистом, ни предпринимателем, его отчет со 145 рисунками Кастанеды был должным образом зарегистрирован в Кабинете естественной истории в Мехико, откуда никто не

стал его направлять в Мадрид из-за возникших в Мексике сепаратистских устремлений.

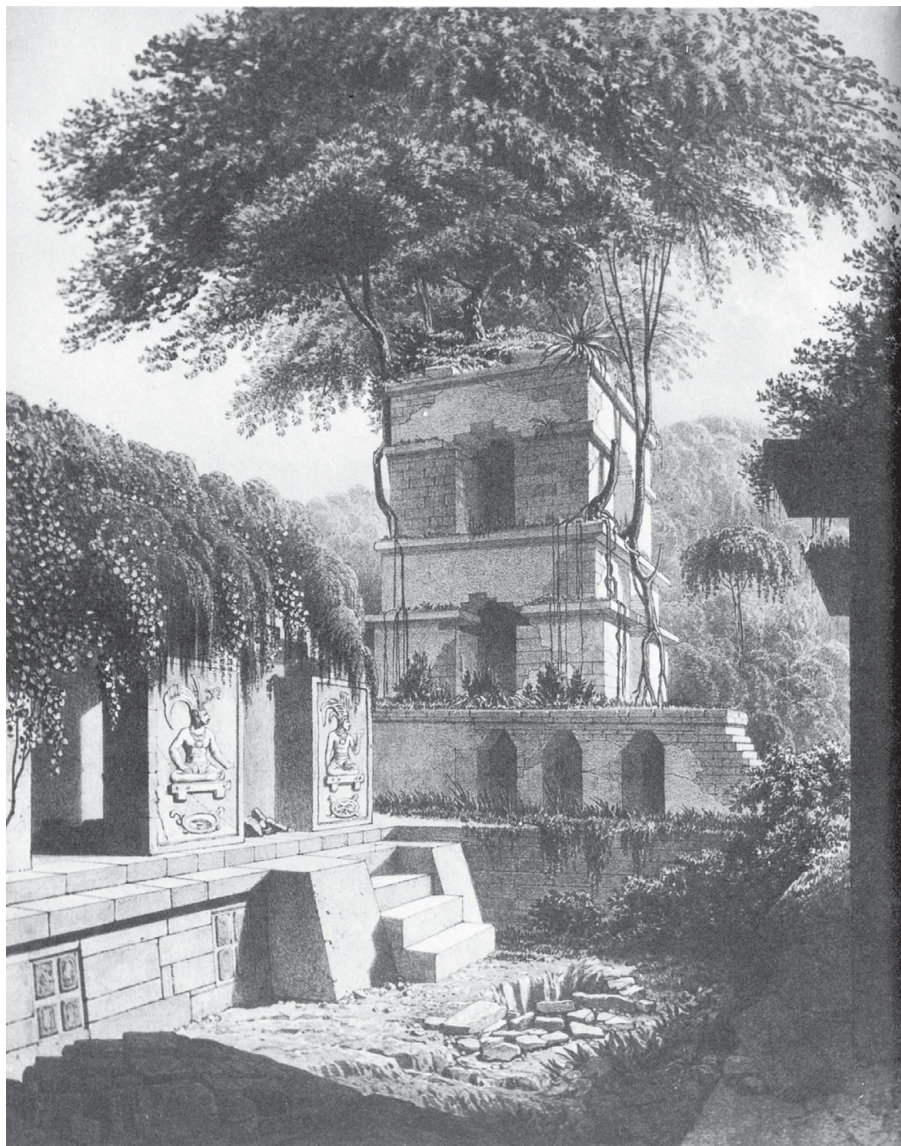

Сделав все от него зависящее, Дюпэ исчез, а Кастанеда остался в качестве преподавателя рисования и архитектуры в университете в Мехико. Там Буллок и нашел его в начале 1823 года. Рисунки Кастанеды произвели такое сильное впечатление своей самобытностью, что Буллок попросил сделать копии с двадцати пяти из них, чтобы выставить в Англии. Но по возвращении в Лондон он обнаружил, что его обошел местный книготорговец Генри Бертхуд, который приобрел у англичанина Томаса Маккая, проживавшего в Гватемале, копию рукописи дель Рио с большим предисловием Кабреры. Бертхуд заказал перевод и опубликовал работу дель Рио под названием «Описание древнего города, обнаруженного рядом с Паленке», издав таким образом первый отчет о руинах Паленке.

Отчет Дюпэ и рисунки Кастанеды, частично испорченные грибом и тараканами, были спасены из испанских архивов французским аббатом Барадером, который опубликовал их в 1836 году в Париже в очень дорогом издании при покровительстве соперничающих друг с другом, но высокопоставленных государственных министров Луи Адольфа Тьера и Франсуа Гизо.

Это издание, озаглавленное «Antiquités Mexicaines», лишь немногие могли позволить себе купить. И все же те, в чьи руки оно попало, были настолько поражены тем, что увидели, что их едва можно было удержать от поездки в Мексику. Эта книга послужила стимулом для целого ряда французских искателей приключений и исследователей, побуждаемых и финансируемых государством, которые явились, чтобы открыть дорогу своим последователям в области торговли, культуры, а за ними и военным (интервенция французской армии Наполеона III в 1862—1867 годах. — *Ред.*).

Вид на башню в Паленке с северной галереи дворца. Такой она была в то время: с ее третьего яруса растут деревья. Чтобы обрести опору, деревья спускают свои корни на землю с высоты около десяти метров. Вальдек рассказывает, что эти корни были натянуты так туго, что дующий ночью ветер извлекал из них звуки, подобные звукам арфы, только глубже. Это заставляло индейцев в сумерках объезжать это место (где, как они считали, обитают привидения) за несколько миль. Колонны справа принадлежат западным галереям дворца. Колонны слева украшены лепными фигурками

Часть третья

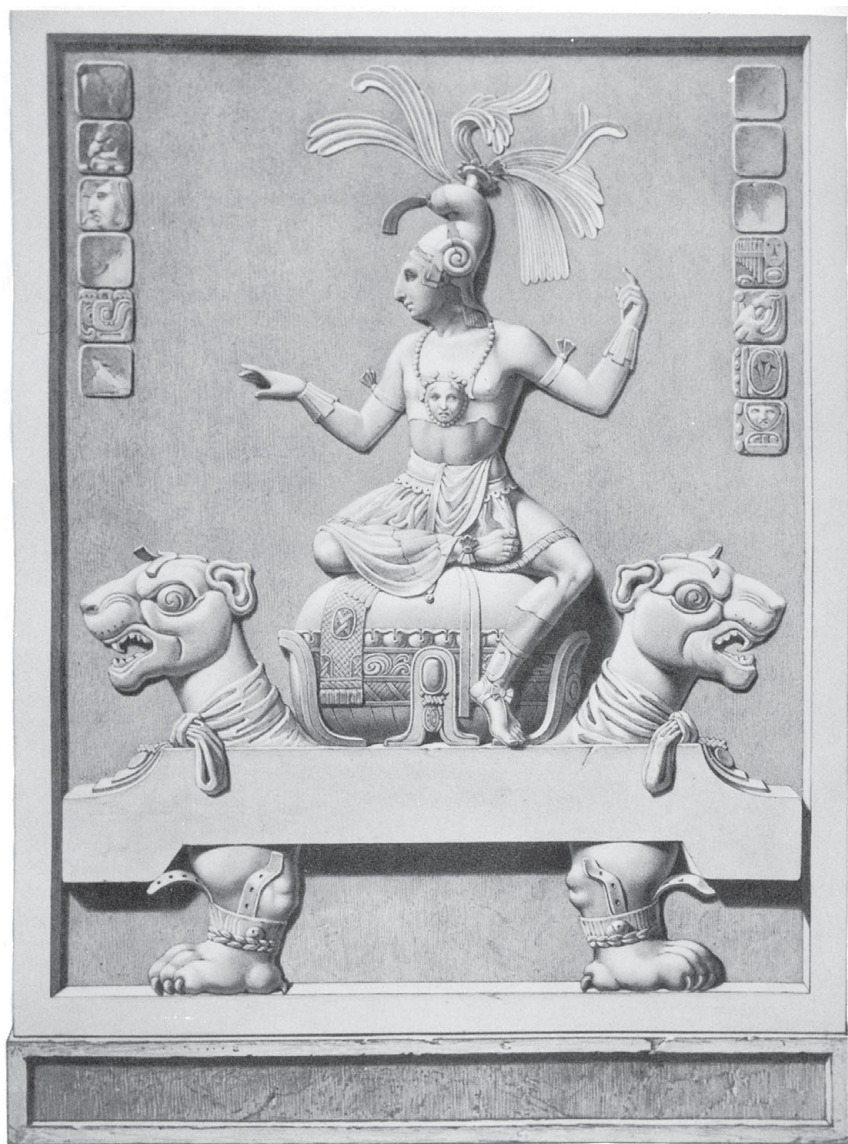
ИССЛЕДОВАТЕЛИ-РОМАНТИКИ

Глава 7

ОТКРЫТИЕ СТРАНЫ МАЙЯ

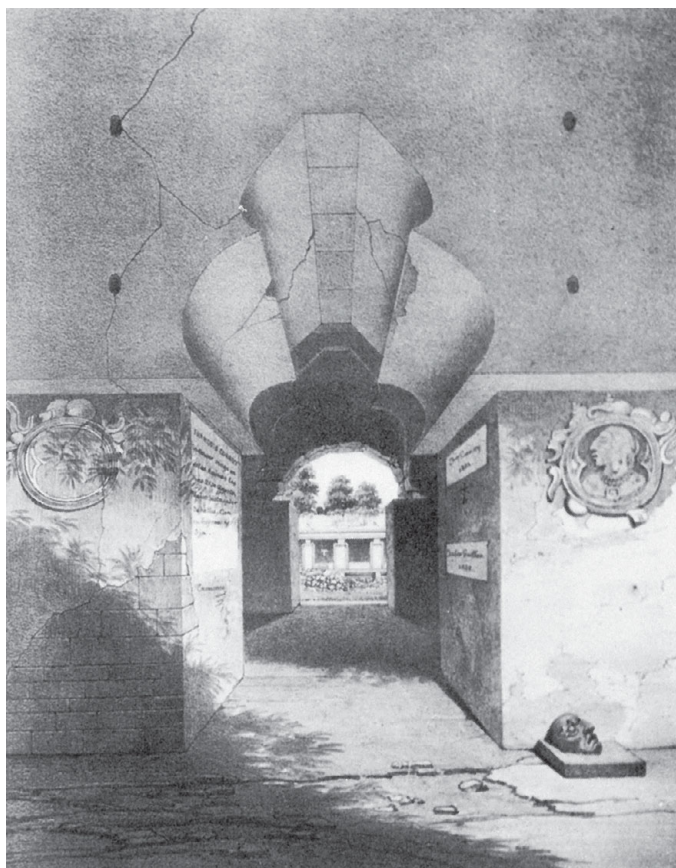
Чтобы проиллюстрировать отчет дель Рио, издатель Бертхуд нанял французского романтика, авантюриста и бабника, бывшего ученика художника Жака Луи Давида, Жана Фредерика графа де Вальдека, испытывавшего такое потрясение от сцен, которые он изображал на гравюрах, сделанных с набросков Рикардо Армendarиса, что он решил, несмотря на свои пятьдесят шесть лет (Вальдек до этого принимал участие в походе Наполеона в Египет, позже участвовал и в англо-бурских столкновениях, воевал в Индии, а умер в возрасте 109 лет... задавленный повозкой на Елисейских Полях — засмотрелся на красивых женщин. — *Ред.*), самостоятельно исследовать эту страну. И он подписал контракт инженера-гидравлика с английской компанией, владеющей серебряным рудником, чтобы доехать туда.

Хвастаясь своей дружбой с Гумбольдтом, лордом Байроном, Бо Бруммедем и Марией-Антуанеттой (которую он, по его утверждению, навел в тюрьме), а также тем, что он сопровождал Наполеона в его экспедиции в Египет, где он стал близким другом Жомара, Вальдек вскоре бросил эту горнодобывающую компанию и поселился в городе Мехико уже не как гражданин Вальдек — знаменитый революционер мгновенно исчез, — а как граф де Вальдек. Там он зарабатывал себе на жизнь, рисуя портреты представителей нетитулованного мелкопоместного дворянства, выпрашивая, у кого только возможно, субсидии на исследование и описание развалин в Паленке. Он проводил дни, собирая редкие книги и артефакты и изучая историю ацтеков, которую он собирался написать, но которую так и не опубликуют. Вечера он проводил в опере, на балете или в театре, постоянно жалуясь на то, что в то время, как он ожидал найти в Мехико хорошо развитые искусство и литературу, он нашел только «цвет общества, известный своим пренебрежением культурной жизнью».

В конечном счете Вальдек получил субсидию, достаточную для поездки в Паленке, сделав своей «базой» соседнюю с Паленке деревню. Он провел много месяцев в хижине, которую он построил на месте развалин, живя там со смуглой крепкой метиской. В этой хижине он мужественно пережил сильнейший ураган. Там он рисовал, в резуль-

Вальдек пишет, что два барельефа были взяты из развалин Паленке и вставлены в стены гостиной дома в деревне, который принадлежал человеку по имени Браво. Он сказал, что продаст их только при условии, если покупатель женится на одной из его дочерей

тате чего на свет появились девяносто совершенно необыкновенных рисунков, — пока у него по ногам не пошли фурункулы, и он решил, что заразился венерическим заболеванием (всего Вальдек провел в районе Паленке 1832—1835 годы).

Когда Табаско охватила очередная смута и холера, Вальдек уехал на Юкатан, чтобы и там делать зарисовки. Там он узнал, что правительство Мексики, подозревая его в шпионских связях с Великобританией, собирается захватить его рисунки. Сделав с них точные копии, Вальдек позволил мексиканцам забрать копии, тогда как оригиналы

Этот трон со львами, первоначально нарисованный Армендарисом, был вот так приукрашен Вальдеком. В Паленке Вальдек обнаружил деревянные балки, каменные колонны и входные столбы — все это было украшено барельефами. Везде на них были символы и человеческие фигуры, некоторые в масках и с бородами, все одетые в богато украшенные наряды, покрытые ниспадающими перьями птицы кецаль, и с необычным оружием в руках

он вполне успешно контрабандой провез в Англию при помощи британского консула.

Не скрывая своих чувств в отношении мексиканцев вообще и губернатора Юкатана в частности, которого он (видимо, от зависти) обвинил в содержании гарема, Вальдек сел на корабль и последовал за своими рисунками в Лондон. Там он использовал их в издании красивого тома, содержавшего двадцать одну гравюру и сто страниц текста, в котором Вальдек делает вывод, что Паленке, упадок которого он отнес приблизительно к 600 году, построили халдеи и индусы.

Стоившая 3200 франков (или несколько сот долларов) книга Вальдека была больше предметом интереса коллекционеров, нежели бестселлером. Когда один ее экземпляр попал в книжный магазин Джона Рассела Бартлетта в Нью-Йорке, Бартлетт немедленно показал ее одному из своих лучших покупателей, тридцатидвухлетнему автору книги «Эпизоды путешествия по Египту и арабским странам» Джону Ллойду Стивенсу (Стефенсу), который был и поражен, и взволнован рисунками Вальдека и возможностью существования в Западном полушарии такой же развитой цивилизации, что и египетская.

Но репутация авантюриста и любителя женщин Вальдека сопровождала и его книгу. Ставили в тупик его рисунки пирамид в египетском стиле, украшенные статуями в романском стиле (явная чепуха). И Стивенс принял решение снарядить свою собственную экспедицию в Центральную Америку, чтобы установить, существуют ли на самом деле эти руины или, как предполагали многие, они являются обманом художника-романтика.

Английский друг Стивенса Фредерик Катервуд (Казэрвуд), который много путешествовал по Ближнему и Среднему Востоку, где делал наброски с памятников древности, также пребывал в сомнениях относительно Вальдека, но с воодушевлением принял предложение Стивенса поехать вместе с ним в Центральную Америку, чтобы сделать рисунки с любых развалин, которые им могут реально повстречаться.

В Лондоне Катервуд прочел книгу дель Рио, в Париже — книгу Дюпэ; теперь очень хотел проверить написанное. Но он задумался над вопросом: как двум иностранцам проложить себе дорогу в джунглях без карты на территории, за которую дерутся революционеры с контр-революционерами?

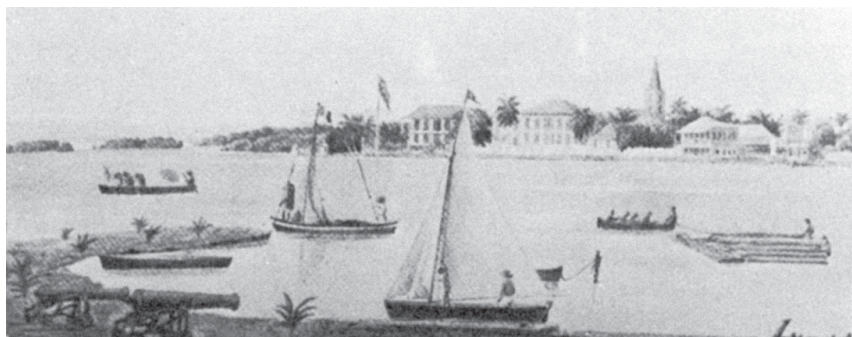
По счастью, Стивенс был знаком с будущим президентом Мартином Ван Бюреном и, когда умер посол США в Мексике, напросился на освободившееся место (как говорили — «добровольный самоубийца»). Никто в Вашингтоне точно не знал, кто у власти в Мексике (Ван Бюрен или Морасан, против которого и подняли мятеж), где столица и т. д. Однако Стивенс и не собирался ехать к Морасану или Ван Бюрену.

3 октября 1839 года Стивенс и Катервуд отплыли из Нью-Йорка на борту британского брига «Мери-Энн» в Белиз, а затем в Гватемалу и Гондурас. Их ближайшей целью было обнаружить в глубине джунглей местонахождение загадочного города Копана, не нанесенного ни на одну карту этого региона.

Они решили искать этот затерянный город из-за одного ирландца, чье настоящего имени они не знали, но которого на войне звали полковником Хуаном Галиндо. Ставший гражданином федерации республик Центральной Америки (в 1838—1839 годах разделились на 5 наци-

Джон Ллойд Стивенс (Стефенс) в возрасте 36 лет

Белиз являлся частью так называемой Центральноамериканской федерации, отделившейся от Мексики в 1823 году и которая включала в себя Гватемалу, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа и Коста-Рику. К моменту, когда Стивенс и Катервуд приехали в Белиз, федерация распалась на 5 государств (1838—1839)

Так называемый храм Креста, увиденный Вальдеком от дверей дворца. У подножия пирамиды находится хижина, которую построил Вальдек в Паленке, чтобы жить в ней вместе со своей любовницей-метиской. По словам Вальдека, дворец имел ширину 273 фута (около 83 м) у основания с восточной стороны и покоился на пирамиде высотой 60 футов (18,3 м)

ональных государств) Галиндо поднялся до должности губернатора Петена. В Копан его привел один неопубликованный испанский отчет о необыкновенном затерянном городе. Когда Галиндо добрался до развалин, они произвели на него такое впечатление, что он заявил, что обитатели Центральной Америки доколумбовой эпохи достигли уровня цивилизации, который превосходил все другие индейские культуры в обеих Америках.

Рисунок Катервуда (Казэрвуда), изображающий часть Большой лестницы иероглифов, заросшей джунглями. Две тысячи ее иероглифов большей частью обрушились и валялись на земле, как простые камни. На переднем плане лежит голова индейца майя в пасти огромной змеи, которая раньше составляла часть главной лестницы. Катервуд и Стивенс с первого взгляда поняли, кем бы ни были создатели этих каменных сооружений, они действительно были частью великой культуры. Огромные монолиты весом тридцать тонн были вырезаны, отполированы и украшены с необычайным искусством. И хотя Катервуд с высокой точностью передал на бумаге архитектуру и скульптуру, Виктор фон Хаген, интереснее всех написавший о Катервуде и Стивенсе, считает, что обезьяны, изображенные на рисунке, подозрительно напоминают макак-резус из Африки, тогда как местными породами должны были быть только обезьяны-капуцины и паукообразные обезьяны

Приехав в Белиз, Стивенс должен был ехать дальше в Мексику исполнять свои обязанности дипломата и найти место заседания правительства, чтобы вручить свои верительные грамоты, но и он, и Катервуд больше стремились начать исследования. На основании отчета Галиндо Стивенс и Катервуд отправились в сумрак джунглей Центральной Америки, «сквозь которые лучи света просачивались, как в соборе», не имея представления о том, что «им придется протиски-

Полковник Хуан Галиндо

Копан, Гондурас.

Сломанную стелу, лежащую рядом с огромной каменной черепашьей, Катервуд назвал «одной из самых прекрасных резных работ майя». Катервуд и Стивенс нашли иероглифы, не похожие ни на что, когда-либо виденное ими за время их многочисленных путешествий и изучения экзотической архитектуры; они выходили за рамки индоевропейских традиций. Рисунки были настолько замысловатыми и сложными, настолько совершенно новыми и непонятными, что Катервуду было очень трудно точно скопировать их, но позднее один историк написал о рисунках Катервуда: «Когда мы принимаем в расчет то, что иероглифическая письменность майя была книгой за семью печатями в то время, когда он посетил Копан, а также то, что он ничего не знал о содержании иероглифов, которые он рисовал, такая точность просто поразительна»

Полвека спустя после того, как Стивенс «споткнулся» об этот «алтарь», наполовину спрятанный в земле джунглей недалеко от Копана, его пророчество о нем подкрепили археологи. Они сделали вывод: алтарь увековечивал память о съезде жрецов-астрономов майя, которые встретились в Копане в 765 г., чтобы ввести какое-то важное изменение в свой календарь

ваться через «сточные люки», впахиваться в водостоки, ударяться о деревья и кувыряться через корни». Преодолев поросшие густым тропическим лесом невысокие горы и справившись со всеми мыслимыми препятствиями, поставленными на их пути местными «начальниками», путешественники в конце концов прорвались через джунгли к остаткам того, что, как они поняли, было целым новым миром. Это были руины такой загадочной цивилизации, что у нее даже не было названия. Это был огромный городской комплекс, жители которого исчезли без следа несколькими веками раньше.

Здесь были постройки, непохожие ни на какие другие, виденные ими обоими когда-либо раньше, пирамиды, уставленные скульптурными фигурами, огромные площади, окруженные ступенчатыми храмами, камни, изрезанные загадочными и совершенно неизвестными иероглифами. Большая часть зданий так заросла травой и деревьями, что Катервуд, стоя по лодыжку в грязи и надев на руки перчатки от туч москитов, с трудом мог их зарисовывать.

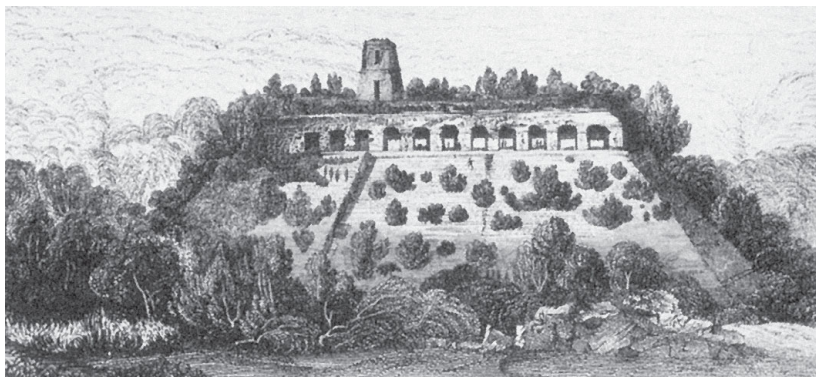
В подлеске Стивенс споткнулся о прямоугольный каменный алтарь, на котором были вырезаны шестнадцать фигур, сидящих «по-турецки», которые, как он пророчески заметил, должны были, «без всяких сомнений, отражать какое-то событие в истории таинственного народа, когда-то населявшего этот город». Более широкое обследование развалин посреди джунглей обнаружило большой город с пятью большими площадями, двумя главными внутренними дворами и тремя высокими, но осыпающимися пирамидами. Весь этот комплекс располагался на возвышенности в ста футах (30 м) над рекой.

Для продвижения работ в Копане Стивенсу пришла счастливая мысль приобрести всю эту землю у ее законного местного владельца, что он и сумел сделать за пятьдесят американских долларов.

После недель, проведенных в исследованиях и рисовании, Стивенс и Катервуд поняли, что они всего лишь едва поцарапали поверхность того, что лежало спрятанным вокруг Копана. Горя нетерпением добраться до Паленке, расположенного в трехстах милях (около 470 км) к северо-западу, они верхом на мулах отправились по извивающимся ленточкам горных тропинок через довольно высокие, поросшие сосной горы Западной Гватемалы, которые пересекали глубокие ущелья и стремительные потоки горных рек. Об этой дороге один из путешественников как-то написал, что она «создана для птиц».

Тишину нарушали только обезьяны, когда они прыгали по деревьям, сорок или пятьдесят одновременно, держа своих детенышей в руках. Стивенсу они казались «скитающимися духами исчезнувшего народа, которые охраняли развалины своих бывших жилищ».

Когда Стивенс приблизился к развалинам Паленке, он предпочел проигнорировать приказ, изданный мексиканским диктатором Сан-

Храм Надписей в Паленке.

Двое англичан, проживавших в городе Гватемале, Джон Герберт Кадди и Патрик Уокер, посвященные в планы Стивенса сначала отправиться в Копан, специально выехали в Паленке, чтобы здесь обойти его. И хотя они опередили его на несколько недель, Стивенс сумел опередить их с публикацией на сто лет

Джон Герберт Кадди

та-Аной, который запрещал туда доступ иностранцам. Первый же взгляд на руины убедил его в том, что ни Вальдек, ни дель Рио, ни Дюпэ не преувеличивали. Ничто в мире, как писал Стивенс, «не производило на меня такого сильного впечатления, как вид этого когда-то большого и красивого города, теперь уничтоженного, заброшенного и затерянного... заросшего деревьями на миля вокруг и не сохранившего даже своего названия».

На стенах дома, известного как «Паласио» (дворец — исп.), Стивенс нашел имя Вальдека, вырезанное рядом с поблекшим изображением женщины, и нацарапанную дату: 1832 год. Он также нашел имено-

на капитана Джона Герберта Кадди и Патрика Уокера.

При помощи измерительной рейки Стивенс начертил поэтажный план «Паласио», который послужил математической основой для рисунка Катервуда. Оказалось, что его размеры — 228 на 180 футов, и этим измерениям было суждено оставаться неизменными многие годы.

Отмечая сходство между иероглифами Паленке и Копана, Стивенс сделал вывод о том, что весь этот район площадью около 60 тысяч квадратных миль, видимо, когда-то населяли люди, говорившие на од-

Панорама Ушмаля, открывающаяся с верхней террасы губернаторского дворца, на которой справа видна «пирамида Карлика», или «Дом чародея». В центре расположено четырехугольное здание «монастыря», названного так испанцами из-за наличия в нем девяноста комнат, похожих на кельи. Катервуд и Стивенс определили, что развалины города занимают площадь две квадратных мили (около 5,2 км²). Местные индейцы верили, что в домах Ушмаля живут привидения, а по ночам все украшения «оживают» и расхаживают по окрестностям. Они считали, что украшения днем безвредны, но, по совету местных священников, постоянно уродовали их при помощи своих мачете, чтобы утихомирить готовые к скитаниям души. Менее чем через двенадцать месяцев после своего первого посещения Ушмаля Катервуд и Стивенс обнаружили дворец, настолько заросший кустарником и небольшими деревьями, что ничего нельзя было различить, кроме верхушки самой высокой пирамиды и основных очертаний других памятников

ном и том же языке или, по крайней мере, использовавшие одни и те же иероглифы.

На протяжении недель Стивенс работал над расчисткой развалин, в то время как Катервуд старался ухватить их невероятные очертания. Вскоре исследователи уже едва стояли на ногах от малярии, и их ноги распухли от паразитов, которые откладывали яйца под ногти пальцев на ногах, а лица — от укусов кровососущих насекомых. Позже оба перебрались на Юкатан, где увидели ряд других значительных майяских центров: Майяпан, Ошкенток, Кабах, Сайиль, Лабну, Нохкабав, Чунхуху, Тулум, Цибильнокак и др. А затем Катервуд вернулся в Англию, а Стивенс — в США, везя с собой материал для книги, которой было суждено стать одним из величайших бестселлеров в стране. В красивом переплете, не очень дорогая и прекрасно иллюстрированная Катервудом книга «Эпизоды из путешествия в Центральную Америку, Чьяпас и Юкатан» донесла до широкой восхищенной публики последние вести о загадочных и неизвестных майя — это слово до той

Ушмаль. Одна из двух арок высотой 6 м и глубиной 7,6 м, которые пронзают фасад дворца правителя в двух десятках метров от концов здания с каждой стороны. На рисунке показаны повторяющиеся мотивы с вытянутыми хоботами. Такое изображение было известно под названием «бог дождя». Основная масса дворца представляла собой огромное трапециевидное здание длиной около 100 м и шириной 12 м, покоящееся на трех ступенчатых террасах. Во всю длину второго этажа дворец имел каменный фасад, покрытый тонкой и замысловатой резьбой и мозаикой из приблизительно 20 тысяч рельефных камней, которых Стивенс описал как «множество богатых, сложных и искусно сделанных украшений, образующих нечто вроде мавританского орнамента». Их смысл и выполняемая ими функция полностью ускользнули от него. Катервуд лазал по самодельной лестнице, чтобы сделать точные рисунки «непонятных предметов, рельефно выступающих на фасаде». Позже он обнаружил, что это иероглифы, которые, как предположил Стивенс, «исходя из их бросающегося в глаза расположения на фасаде», имеют какое-то большое значение. Но даже его широта взглядов была настолько ограничена, что он лишь предположил, что они могли иметь отношение к какому-нибудь прозаическому нюансу, вроде украшения конструктивных элементов здания

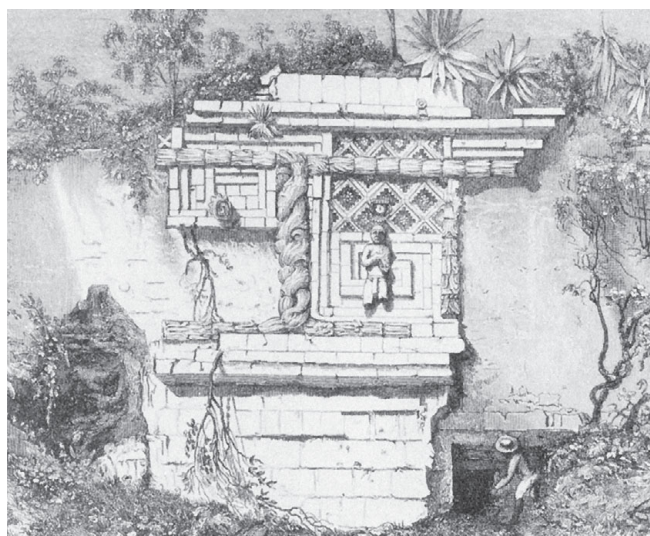
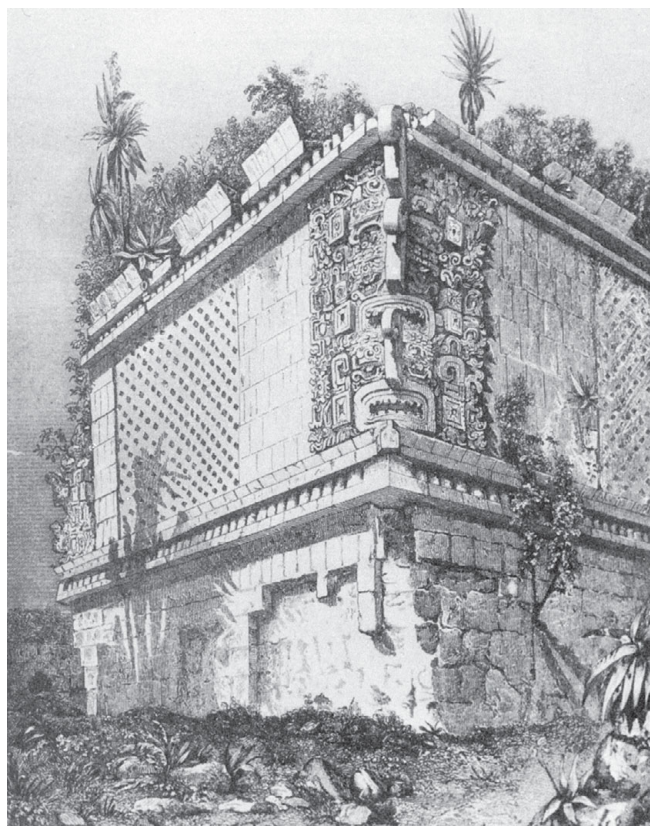

Лабна. Ворота Лабны, города, входившего в Майяпанскую лигу, расположенного между Ушмалем и Чичен-Иццей. Стивенс в сюртуке стоит у ворот. Дворец в Лабне, украшенный мотивами, изображающими маски, и колоннами, один из самых больших на Юкатане. Он имеет более 120 м в длину и более 75 м в ширину. Катервуд отметил, что строительный раствор, при помощи которого он был построен, был похож на найденный среди древних построек в Риме

поры и не появлялось ни в каком словаре. За три месяца эта книга стала первым американским «научным бестселлером».

Эдгар Алан По назвал эту книгу «наверное, самой интересной книгой о путешествиях, которая когда-либо была опубликована». Она была занимательна, помимо научных описаний, и благодаря шуткам Стивенса.

Стивенсу удалось все же приобрести на Юкатане, где Диего де Ланда когда-то сжигал рукописные книги и документы майя, пострадавшую от времени испанскую копию книги «Чилам-Балам», в которую входила хронология древнего Юкатана в том виде, в каком она была рассказана местными жителями испанским монахам в XVI веке. Из «Чилам-Балам» Стивенс смог узнать кое-что об истории и обычаях местных жителей. От любителя древностей дона Пио Переса, написавшего работу «Подлинное описание метода, применявшегося индейцами для исчисления времени», Стивенс узнал о системе счета майя с использованием точек и черточек. Это дало ему возможность понять их солнечный календарь, состоявший из восемнадцати месяцев по двадцать дней в каждом с дополнительными 5—6 днями, очень похожий на календарь ацтеков. Он также разобрался в системе хронологии, основанной на названиях и числах, обозначающих дни и ме-

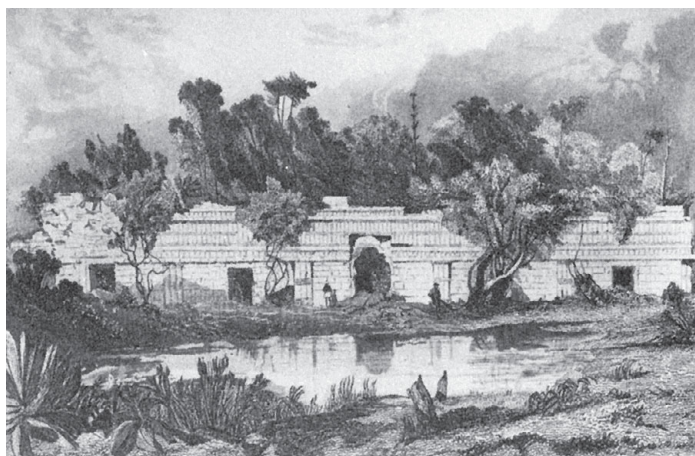

Этот ряд пирамидальных стен (Стивенсу они напомнили фасады голландских домиков), который был назван «Casa de Palomas», или «Голубиный дом», когда-то был покрыт лепными фигурами и орнаментами, только часть из которых уцелела. Арка в центре вела во внутренний дворик, заросший кустарником. Стивенсу виделось что-то печальное именно в этой части развалин. «Когда я шел под огромной аркой, пересекал два внушительных внутренних дворика с разрушенными зданиями по краям и поднимался по большой лестнице к дому на вершине, самым сильным моим ощущением было ощущение прошлого величия этого заброшенного города. Эта постройка возвышалась над всеми другими зданиями, стоя обособленно в своем одиноком великолепии, редко нарушаемом человеческими шагами. Однажды по дороге к нему г-н Катервуд спугнул оленя, а в другой раз — дикую свинью».

Должно было пройти полвека, прежде чем археологи признают в прямоугольных орнаментах «Голубинового дома» чрезвычайно замысловатую астрономическую обсерваторию

Катервуд и Стивенс обнаружили, что четырехугольный внутренний дворик здания под названием «Monjas», или «монастырь», имеет стены, украшенные по всей длине, по определению Стивенса, «самой богатой и сложной резьбой, представляющей необыкновенно великолепно зрелище, превосходящее что-либо иное, что можно увидеть среди развалин». На фасаде, на котором еще сохранились следы краски, были изображены несколько лиц в масках со свешивающимися языками и «два огромных сплетенных пернатых змея, которые пронизывали и охватывали почти все орнаменты по всей его длине». Стивенсу сказали, что еще совсем недавно, в 1835 году, один из фасадов стоял нетронутым, тогда как он и Катервуд нашли их все уже сильно разрушенными и заросшими кустарником, в котором обитали птицы. Разрушение дало возможность Стивенсу заметить, что некоторые здания были возведены на более старых постройках и полностью их поглотили

Развалины Кабаха, расположенного к югу от Ушмала, еще одного города майя, отданного джунглям. Когда Стивенс в первый раз увидел это здание в Кабахе, которое местные жители называли «Дом правосудия», он был «так красиво замаскирован деревьями, что жалко было все это нарушить». Чтобы получить это изображение

при помощи своей камеры-люцины, Катервуду пришлось стоять под зонтом, который держал над ним безмятежный индеец, в то время как тропический ливень наполнял водоем, изображенный на переднем плане и кажущийся озером

Великолепные развалины древнего города Чичен-Ица с его замком (Castillo), посвященным Кукулькану, майяскому Кецалькоатлю, который «отбрасывал необыкновенную тень» на плоскую равнину Юкатана. Эти руины оказали на Стивенса такое же сильное эмоциональное воздействие, как и Паленке. Но он про-

сто украсил произведение Катервуда, отметив, что «у подножия лестницы находятся две гигантских змеиных головы, образующие смелое, выразительное и хорошо задуманное начало подъема к этой высокой вершине; они имеют десять футов (3 м) в длину, а из их широко раскрытых пастей высовываются языки». Не умея дать разумное объяснение этим необыкновенным образцам скульптуры, Стивенс прибег к уловке и добавил: «Нет сомнений в том, что они служили символами какой-то религии, и в умах одаренных воображением людей, которые проходили между ними, чтобы подняться по ступеням, вероятно, будили чувство священного, благоговейного страха»

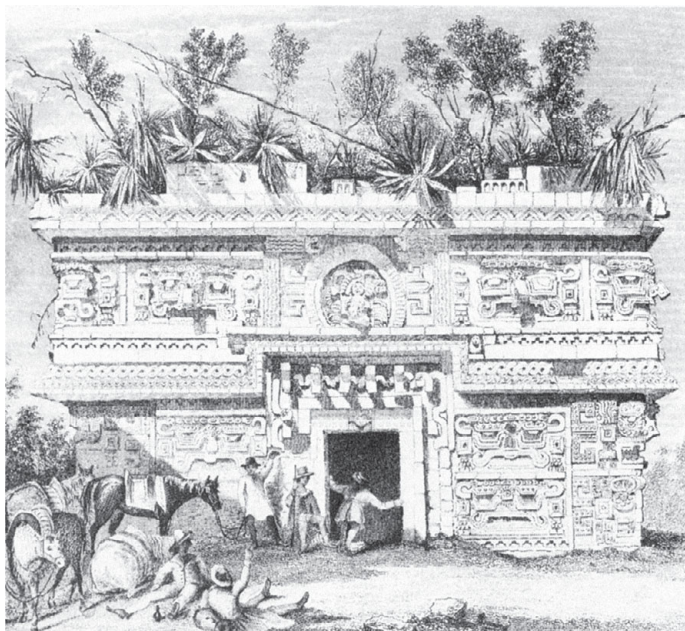
Караколь.

На Стивенса произвело сильное впечатление живописное здание, которое он описал как круглую постройку, «не похожую ни на какую другую, уже виденную нами, за исключением постройки в Майяпане, очень разрушенную», с винтовой лестницей внутри. Обратив внимание на оригинальность плана здания, он заметил: «Вместо

того чтобы раскрывать тайны, оно только плотнее задернуло занавес, который уже и так укрывал своими почти непроницаемыми складками загадочные постройки». Стивенс обнаружил, что стены обоих внутренних коридоров покрыты штукатуркой и украшены росписью, и опять отметил, не имея возможности объяснить это, балюстраду из гигантских змей. Только в конце века археологи поняли, что это здание выполняло астрономические функции

Стивенс нашел еще один хорошо сохранившийся и замысловато украшенный «монастырь», который, по его мнению, был самым древним зданием среди развалин Чичен-Ицы. Над дверным проемом имелись двадцать небольших орнаментальных выступов, покрытых четырьмя рядами иероглифов по пять иероглифов в каждом ряду, и круглая ниша с сидящей в ней фигурой. Стивенс отметил сходство между этим изогнутым, выступающим вперед украшением, похожим на слоновый хобот, и декоративными элементами в Ушмале. Говорили, что это маски Ицамны, многоликого бога дождя, письма и учения. Стивенс также пришел к заключению, что эти иероглифы были похожи на иероглифы в Копане и Паленке

Спортплощадка.

Стивенс назвал площадку для игры в мяч в Чичен-Ице «спортплощадкой», или «теннисным кортом». Он обратил внимание на то, что два массивных каменных кольца диаметром четыре фута, образованные двумя вырезанными из камня переплетенными змеями, были вставлены в стоящие друг напротив друга стены на высоте 6 м от земли и, вероятно, служили для проведения каких-то общенародных игр. Затем он процитировал Эрреру, который писал о том, как развлекался Монтесума: «Царь получал большое удовольствие от созерцания игры в мяч, которую вскоре запретили испанцы из-за травм, которые часто случались во время нее. Они называли ее игрой в тлачтли, которая напоминала наши теннис. Мячи делали из резины, которую дает некое дерево, растущее в жарких странах. Вытекивший из отверстий в дереве и отлитый в форму сок становится черным как смола. Сделанные из него мячи тяжелые и твердые на ощупь, они прыгают и летают так же хорошо, как и наши футбольные мячи, и нет необходимости их надуть. Смысл игры состоял в том, чтобы быстро и резко отбить мяч противника и не дать ему попасть в стену; другие должны были этому помешать и перебить мяч»

Castillo в Тулуме.

Стивенс и Катервуд прибыли на восточное побережье Юкатана в Тулум (в настоящее время он известен как Кинтана-Роо) с острова Косумель на лодке и большом каноэ. Они обнаружили, что Castillo является главным храмом этого комплекса. Испанцы впервые заметили его с моря за несколько лет до высадки Кортеса. Все это место сильно заросло деревьями. Их темно-зеленая листва и загадочные постройки предстали перед Стивенсом «в образе священной рощи друидов». Согласно его описанию, окружавший его пейзаж являл собой самую дикую картину, которую ему доводилось видеть на Юкатане. Расчистив площадку перед Castillo, длина фундамента которого, по их измерениям, составила 30 м, они смогли взглянуть поверх необъятного леса с одной стороны, а с другой — увидеть в глубине чистых вод у подножия скалы «бесцельно скользкую огромную рыбину длиной 2,5—3 метра». Никакой рисунок, по словам Стивенса, не мог передать подлинную торжественность дышащих жизнью зарослей, покрывавших Castillo, «или впечатление, которое произвел на нас звонкий стук топора, впервые нарушивший безмолвие, которое так долго царило в этих окрестностях». Задняя, обращенная к морю стена Castillo поднимается на краю высокой, почти отвесной скалы. С нее, по словам Стивенса, открывается «великолепный вид на океан и живописную береговую линию, а Castillo виден с моря на большом расстоянии». По ночам вой ветра, треск веток в лесу и плеск сердитых волн, разбивающихся о скалы, добавляли нотку романтики в их пребывание на этом месте. Но Стивенс жаловался на то, что «мы были скорее слишком неоригинальными путешественниками, чтобы наслаждаться этим, и нам слишком досаждали москиты».

Вместе с Катервудом Стивенс нашел несколько низких построек, которые из-за низкого расположения всех дверей местные жители приписывали неким «горбунам»

Тулум.

Храм Фресок в Тулуме был обнаружен случайно, когда спутник Стивенса доктор Кабот пошел охотиться на вспугнутых индеек. Доктора Кабота можно увидеть в отдалении слева. Стивенс (в короткой куртке) и Катервуд (в спортуке) находятся перед храмом. Согласно их отчету, храм имеет около 14 м в длину и около 8 м в глубину и покоится на террасе высотой около 2 м. Было обнаружено, что стены коридоров этой постройки покрыты рисунками, «зелеными и заплесневевшими от изобилия растительности»

Исамаль. Эта голова, в настоящее время уничтоженная, имела более 2 м в ширину и почти 2,5 м в высоту, когда ее рисовал Катервуд. Она находилась вблизи самого огромного кургана, по мнению Стивенса, который он видел в этой стране: он имел 180—210 м в длину и около 20 м в высоту, был построен из камней исполинских размеров, а внутри его находились загадочные помещения. На этом идеализированном рисунке доктор Сэмюэль Кабот-младший охотится на ягуара у подножия одной из больших пирамид

сяцы, которая предоставляла возможность древним майя давать название любому дню так, чтобы его нельзя было спутать с каким-нибудь другим днем в течение тысячелетий.

Отметив черты сходства между календарями ацтеков и майя, Стивенс сделал поспешный вывод о том, что обе цивилизации были местного происхождения, что пирамидальные постройки Юкатана были возведены, вероятно, не более тысячи лет назад не египтянами, карфагенянами, греками, римлянами или евреями из пропавших «десяти колен Израилевых», а местными жителями, которые, возможно, были предками и тех индейцев майя, которые были современниками Стивенса и жили на Юкатане, в Белизе, Гватемале и Гондурасе.

Стивенс запланировал еще один большой труд по древностям Америки, который содержал бы свыше ста гравюр Катервуда и в котором хотел свести воедино произведения Гумбольдта, Прескотта, Галлатина и Уилкинсона. Стивенс даже съездил в Пруссию, чтобы засвидетель-

Колодец в Болончене.

Стивенс и Катервуд взяли факелы и спустились на 64 м вниз, в темную, сырую пещеру, откуда далее вниз, еще почти на 25 метров, вела большая, очень скользкая, грубой работы лестница шириной 3,7 м, крепко связанная при помощи ивовых прутьев. За ней еще одна лестница спускалась еще на 23 м. Ползком преодолев душный коридор с низкими сводами длиной около 100 м, они наткнулись на наполненный водой «бассейн» в скалах. К этому времени двое американцев были уже настолько грязны и измучены, что они не только напились из него, но и, сняв одежду, искупались. Эта пещера называлась «Хтакумби Хунан», или «спрятанная женщина», из-за того, что какую-то красивую девушку украл у ее матери и спрятал в ее глубине влюбленный в нее молодой человек. Каждый год, когда в деревне пересыхали колодцы, устраивался праздник открытия пещеры, и жители

деревни начинали исполнять свой ежедневный урок, спускаясь и поднимаясь на сотни метров, чтобы принести себе воды. Так как на Юкатане почти нет рек, имеющаяся в наличии вода течет в карстовых полостях под известняковым покровом, появляясь временами на поверхности в виде карстовых озер-колодцев. Оригинал этого рисунка Катервуда находится в коллекции Генри Шнакенберга из Ньютона, штат Коннектикут

Единственный известный портрет Фредерика Катервуда — автопортрет из книги «Изображения древних памятников». На нем он стоит у развалин Тулума в Кинтана-Роо и помогает Стивенсу измерять фасад храма Фресок. Круглолицый, голубоглазый и светловолосый Катервуд был на шесть лет старше Стивенса. Он был также выше его и более крепкого телосложения. Катервуд имел в своем роду предков шотландцев, происходил из состоятельной британской семьи и получил классическое образование в Оксфорде. В качестве художника, археолога и исследователя он посетил и зарисовал почти все значительные археологические раскопки на Ближнем Востоке, отправляясь в запрещенные районы в одежде мусульманина. В Риме он был настолько очарован архитектурными зарисовками Дж.Б. Пиранези, что создал свою замечательную технику для изображения памятников древности.

Олдос Хаксли во введении к монографии Виктора фон Хагена написал о Катервуде: «От зари и

до темна, день за днем на протяжении недель этот мученик от археологии подставлял себя всем крылатым и ползучим злобредным гадам тропиков. Клещи, муравьи, осы, мухи, москиты — все они кусали его, жалили, пили его кровь, заражали малярией. Но этот человек все равно продолжал рисовать. Испытывающий зуд, распухший, горящий или трясающийся в лихорадке, он заполнял целые папки выверенными планами и профилями храмов, набросками со скульптур майя с такой научной точностью, что современные эксперты по доколумбовой истории могут разобрать дату на стене, изображенной на рисунке Катервуда, которая для него представляла собой непонятные иероглифы».

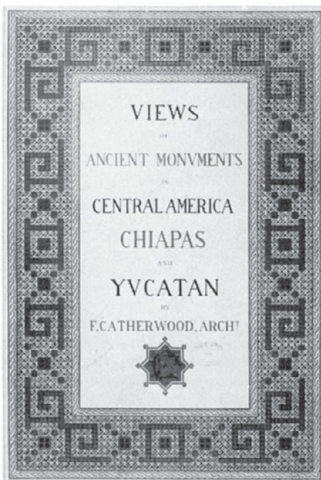
Не получив похвалы за свою работу на Стивенса даже на титульном листе его книг и потеряв большую часть оригиналов в огне, который уничтожил его выставку в Нью-Йорке, Катервуд отплыл в Англию, чтобы выступить в Лондоне

фолиант с двадцатью пятью своими любимыми видами Центральной Америки. Для создания по-настоящему первоклассного произведения Катервуд собрал вместе шестерых выдающихся английских литографов, а печать осуществлял его близкий друг Оуэн Джонс в своих собственных мастерских. В результате 25 апреля 1844 года вышли в свет «Изображения древних памятников Центральной Америки, Чьяпаса и Юкатана». Обычное издание продавалось по пять гиней, а небольшое количество раскрашенных вручную книг, «изящно сделанных умелой рукой», стоили 12 гиней (1 гиней — 21 шиллинг, в 1 фунте стерлингов до 1971 года было 20 шиллингов).

Принц Альберт, супруг королевы Виктории, купил один экземпляр книги, чтобы послать его в качестве подарка Гумбольдту в Потсдам в обмен на экземпляр его книги под названием «Кронос», которую незадолго до этого получила королева.

Тираж из трехсот экземпляров был вскоре распродан, и, чтобы заработать на жизнь, Катервуд сменил свой заветный титул архитектора на звание инженера и в ноябре 1845 года отплыл в тропическую Британскую Гвиану, чтобы организовать строительство железной дороги между Джорджтауном и Махайкой. После того как местного начальника сбил паровоз, когда железнодорожная линия, построенная за непомерную сумму в 127 тысяч фунтов, протянулась на какие-то пять с половиной миль (около 9 км), Катервуд через Панаму переехал в Калифорнию.

Обретя, наконец, успех в железнодорожном деле этого процветающего штата, Катервуд решил провести отпуск в Англии. Чтобы возвратиться назад в Соединенные Штаты, он сел на пароход «Арктика», который отплыл из Ливерпуля 20 сентября 1854 года с 385 пассажирами и командой на борту. В Атлантическом океане «Арктика» лоб в лоб столкнулась с французским пароходом «Веста». Команда «Арктики» захватила спасательные шлюпки и отплыла от корабля, оставив пассажиров — мужчин, женщин, детей — бороться за свои жизни самостоятельно. Ближе к сумеркам «Арктика» затонула со всеми пассажирами, за исключением герцога де Грамона, который, решив возвратиться на свою дипломатическую должность в Вашингтоне, удачно запрыгнул в первую шлюпку с офицерами. Среди тех, кто утонул в океанских волнах, был Фредерик Катервуд, архитектор

ствовать свое почтение великому Гумбольдту. Но издательство Харпера не смогло собрать достаточное количество подписчиков, чтобы осуществить такое дорогостоящее издание. В конце концов от этой идеи отказались. Хотя выводы Стивенса относительно происхождения цивилизации майя остались открытыми для обсуждения, его труды создали ему положение одаренного писателя и способствовали, наряду с работами других путешественников, повторному открытию майя и началу серьезной археологической работе в обеих Америках.

Глава 8

ЕЩЕ ОДИН ШАМПОЛЬОН

Стивенс вместе с Вальдеком и другими исследователями выполнил работу репортера, сообщив миру о сорока разрушенных городах, но необходим был интеллект детектива, чтобы раскрыть более глубинные тайны этих древних памятников. Просто посмотреть на здания и зарисовать их, не важно, насколько красиво или точно, не решало задачи — нужен был еще один Шампольон с Розеттским камнем (египтолог Ф. Шампольон сумел расшифровать древнеегипетское иероглифическое письмо, используя параллельный текст трех видов, написанный на древнегреческом, древнеегипетском демотическим письмом и древнеегипетском — иероглифами. Розеттский камень был найден во время похода Наполеона в Египет в 1799 году — *Ред.*).

Человеком, которому суждено было совершить следующий существенный прорыв к объяснению происхождения и истории загадочных майя, был некий фламандец из-под Дюнкерка, который признался, что чтение в юности книги дель Рио «решило вопрос о его призвании археолога в будущем».

Подбодряемый успехом книги Стивенса и стремясь разрешить еще больше загадок, только что посвященный в духовный сан Шарль Этьен Брассёр де Бурбур в возрасте тридцати одного года отправился в 1845 году в Америку. Высокий, аристократичный и поразительно привлекательный, он овладел искусством журналистики, живя в юности в Париже, где он писал для «Le Monde» и «Le Temps». А искусству написания романов де Бурбур научился, выпуская халтуру, вроде «Селим, или Паша Салоники», под псевдонимом де Равенсбург, отчего у него развился такой же легкий литературный стиль, как и у Стивенса. Затем ему потребовалась репутация ученого человека. Ее де Бурбур получил, учась для получения духовного сана в Риме. Он сознавал, что ему будет легче сблизиться с состоятельными людьми и подобраться к архивам для служебного пользования, если он будет не журналист или романист, а аббат Брассёр де Бурбур. Это духовное

Брассёр де Бурбур.

На борту корабля, плывшего в Америку, Брассёр де Бурбур встретил французского посланника в Мексике Левассера, который сделал его священником при французской дипломатической миссии. Эта должность дала Брассёру официальный доступ ко многим библиотекам Мехико, где он нашел работы Бернардо де Лизаны, одного из самых первых испанских историков Новой Испании, который считал, что Эспаньола когда-то колонизировали карфагеняне, расселившиеся затем на Кубе и Юкатане. Эту точку зрения поддержал Иштлильшочитль, который полагал, что ольмеки пришли в Восточную Мексику с Антильских островов через Флориду.

Копаясь в секретных архивах, Брассёр обнаружил, что, как оказалось, до Кортеса на побережье Мексиканского залива в различное время высаживались 13 разных предводителей и вождей.

Из рукописи Ордоньеса, относящейся к Паленке, которую он также нашел в Мехико, Брассёр узнал, что Кабрера занимался плагиатом и неправильно понял Ордоньеса. Ордоньес считал, что, хотя предки Вотана прибыли на Антильские острова из Северной Африки через Канары, Вотан, шестой вождь, носящий это имя, родился на Кубе, откуда он отплыл вверх по течению Усамасинты, чтобы основать Паленке

звание, наряду с его соответствующими обязанностями, не сильно его обременяло. Чего нельзя сказать о его детективном поиске, который побуждал его без устали искать редкие книги и ценные рукописи. Он был неутомим настолько, что ему суждено было пролить новый свет на происхождение индейцев в Америке.

Оказавшись по пути в Мексику в Нью-Йорке, Брассёр получил возможность заполучить рукописные копии истории Новой Испании, написанные Лас Касасом и Дураном, которые еще не появлялись в печати. В Мехико, благодаря посредничеству дружески расположенного к нему члена кабинета министров, для него раскрылись двери архивов бывшего вице-короля, и Брассёр смог прочитать в оригинале рукопись об истории ацтеков, написанную Иштлильшочитлем. Друзья помогли ему попасть в другие закрытые библиотеки, где он нашел себе занятие на пару лет. Там Брассёр де Бурбур, имея в своем активе двенадцать языков, на которых он говорил, и двадцать языков, на которых он читал, в добавление к ним выучился языку науатль (ацтеков) у потомка брата Монтесумы.

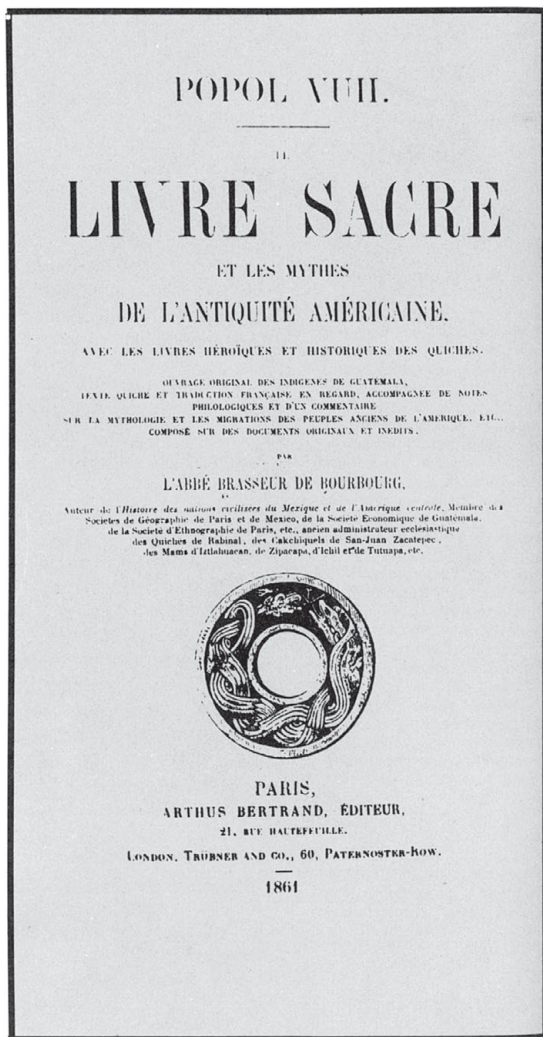
Чтобы исследовать страну, Брассёр поехал верхом на мулах и лошадях по следам Дюпэ, отправившись в Тулу, Керетаро, Гуанахуато и на тихоокеанское побережье. И везде он искал редкие рукописи и артефакты. В Центральной Америке он добрался до Никарагуа, Сальвадора и Гватемалы, где его ждали две необыкновенные находки: «Летописи какчикелей» и «Пополь-Вух». Обе они представляли собой важные исторические документы, которые он перевел, овладев местными диалектами майя какчикелей и киче. «Пополь-Вух» оказался одним из величайших эпосов первобытных времен, собранием мифов, исторических рассказов и обычаев индейцев.

Вернувшись в Париж, Брассёр опубликовал «Пополь-Вух» во французском переводе и получил доступ к частной коллекции уникальных мексиканских документов и рукописей, собранной на протяжении многих лет Дж.М.А. Обином, который ранее ни одному ученому не позволял их видеть. В 1830 году Обин отправился в Мексику в составе научной экспедиции, но потеря всех своих инструментов и, следовательно, орудий труда вынудила его наняться домаш-

«Пополь-Вух», или «об-
щая книга народа», со-
держащая легенды наро-
да майя-киче, была напи-
сана в XVI веке (1530 или
1554—1558) латинскими
буквами на диалекте
киче каким-то креще-
ным индейцем (возможно,
Диего Рейносо), зна-
комым с древними лето-
писями. Впервые она бы-
ла переведена на испан-
ский язык в XVIII веке
испанским священником
Франсиско Хименесом и
опубликована в Вене в
1857 году, оставшись по-
чти без внимания. Ори-
гинальный текст Брассё-
ра с французским пере-
водом на 175 страниц
форматом в одну
восьмую листа был опу-
бликован в 1861 году.

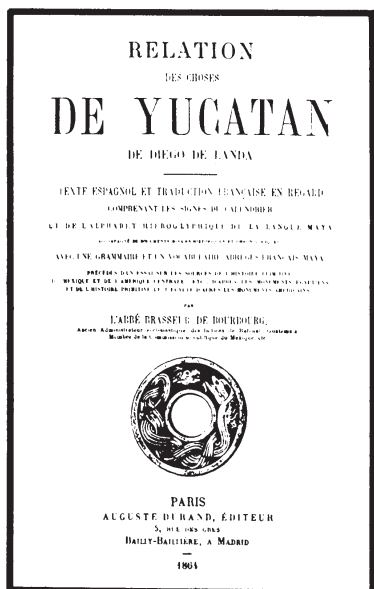
Много таких рукописей
уцелело в более глухих
частях страны майя. На
острова озера Петен-
Ица индейцы племени
ица привезли с собой
много священных книг,
но в 1697 году сюда при-
шли испанцы под предво-
дительством генерала
дона Мартина де Врсуа.
Последняя столица майя
была взята штурмом,
их книги сожжены, а
двадцать один храм раз-
рушен до основания

ним учителем в богатую мексиканскую семью. Работа оставляла ему достаточно досуга для поиска редких древних документов, таких как, например, бесценный ритуальный календарь ацтеков, бывший частью рассеянной коллекции Ботурини и который он получил от монахинь монастыря в Тоналаме всего лишь за восемь песо.

Имея доступ к коллекции Обина и благодаря своей собственной поисковой деятельности среди индейцев, Брассёр сумел составить и опубликовать гораздо более впечатляющую четырехтомную «Исто-

Книга Ланды, написанная приблизительно в 1566 году, содержала историю Юкатана, взятую из местных источников, с описаниями календаря мая и церемоний. В нее также входили изображения иероглифов, обозначавших 20 дней, 18 месяцев, и она претендовала на то, чтобы быть ключом к иероглифическому письму. Брассёр опубликовал эту книгу на французском языке в 1864 году, всего год спустя после ее обнаружения. В предисловии к ней Брассёр описал свою точку зрения на Атлантиду

agina por la babo tiene a. h. ante de si lo poien ellos al principio con a. y al cabo desta manera ^{de} Tambie lo esciuen a partes ^{de} de la una y otra ma Ineray, no pusiera aqui ni tralara dello. sino por dar cuenta entera de las cosas desta gente. Momhati quiere decir no quiero, ellos lo esciuen a partes desta manera. ^{ma} ^{lin} ^{ka} ^{pi}

Signese en a, b, c.

De las letras que aqui faltan carece esta lengua y tiene otras añadidas de la nuestra para otras cosas q las ha menester, y ya no usan para nada destas

рию цивилизованных народов Мексики и Центральной Америки», которую критики приветствовали, назвав ее самой полной трактовкой истории Мезоамерики, которая появлялась в печати. Она произвела такое впечатление на испанских академиков, что они немедленно согласились открыть свои архивы Брассёру, так что в Мадриде он смог сделать даже еще более значительные открытия. Зарывшись в архивы Академии истории, Брассёр нашел затерявшуюся на несколько веков рукопись епископа Диего де Ланды «Relacion de las Cosas de Yucatan», которая и в наши дни является единственным крупнейшим источником информации о древней культуре майя на полуострове Юкатан. Брассёр немедленно перевел ее на французский язык и опубликовал вместе с оригиналом на испанском языке.

Рукопись Ланды разбудила в Брассёре надежды на расшифровку иероглифов майя. В этом он частично преуспел, лишь найдя иероглифы, соответствующие двадцати дням месяца, а также восемнадцати месяцам года и различным силам природы. Но все они были лишь кирпичиками, а не Розеттским камнем, необходимым для раскрытия тайны иероглифов майя.

В Мадриде Брассёр познакомился с Жаном де Тро-и-Ортоландо, потомком Эрнана Кортеса, профессором палеографии в университете, который показал ему документ, хранившийся в его семье на протяжении веков. Это была гадальная книга майя, сначала известная как «Кодекс Троано», пока через некоторое время не обнаружилась вторая ее часть и она не стала «Кодексом Тро-Кортесианус». В этих древних документах Брассёр нашел подтверждение мифов, все еще распространенных среди индейцев Мезоамерики, о том, что от сильного сотрясения земли в Атлантическом океане ушел под воду остров, который простирался на восток в виде полумесяца до самых Канарских островов.

Если верить Брассёру, «Кодекс Троано» относил исчезновение этого континента в Атлантике к 9937 году до н. э. Из этого кодекса и из рукописи науа, претендующей на роль исторической летописи древней Мексики, которую Брассёр назвал «Кодексом Чимальпопока», он сделал революционный вывод о том, что древнейшая цивилизация зародилась не на Ближнем и Среднем Востоке, как это утверждали современные ему европейские историки, а на Западе — на большом континенте, который тянулся от Америки через Атлантику и откуда цивилизация распространилась в Европу и Египет. Тем самым Брассёр объяснял озадачивающее сходство, которое он обнаружил между языками майя-киче и греческим, латынью, французским, английским и немецким языками. Эти языки, как ему казалось, произошли от языка, общего и с майя-киче.

В текстах на языке науатль (ацтекском) Брассёр усмотрел рассказ о мощном наводнении, которое поглотило колыбель цивилизации за ты-

			Cat. Tro						
	5 Kan		12 Kan		6 Kan		13 Kan		1 Chichen
	6 Chichen		13 Chichen		7 Chichen		2 Cemiy		3 Manik
	7 Cemiy		1 Cemiy		8 Cemiy		10 Lamat		4 Lamat
	8 Manik		2 Manik		9 Manik		5 Muluc		6 Oc
	9 Lamat		3 Lamat		11 Muluc		7 Chuen		8 Eb
	10 Muluc		4 Muluc		12 Oc		9 Ben		10 Hix
	11 Oc		5 Oc		13 Chuen		11 Men		12 Cib
	12 Chuen		6 Chuen		1 Eb		13 Caban		1 Eonab
	13 Eb		7 Eb		2 Ben		8 Cauac		2 Cauac
<i>Jaha: 1 Ben</i>			8 Ben		3 Hix		9 Ahau		3 Ahau
	2 Hix		9 Hix		4 Men		10 Umix		4 Umix
	3 Men		10 Men		5 Cib		5 Uk		5 Uk
	4 Cib		11 Cib		6 Caban		2 Akbal		2 Akbal
	5 Caban		12 Caban		7 Eonab				
	6 Eonab		13 Eonab		8 Cauac				
	7 Cauac		1 Cauac		9 Ahau				
	8 Ahau		2 Ahau		10 Umix				
	9 Umix		3 Umix		11 Uk				
	10 Uk		4 Uk		6 Akbal				
	11 Akbal		5 Akbal						
	12 Akbal								

Иероглифы майя, обозначающие дни.

Первая колонка справа взята из «Relaciones» Ланды, вторая — из «Кодекса Троано».

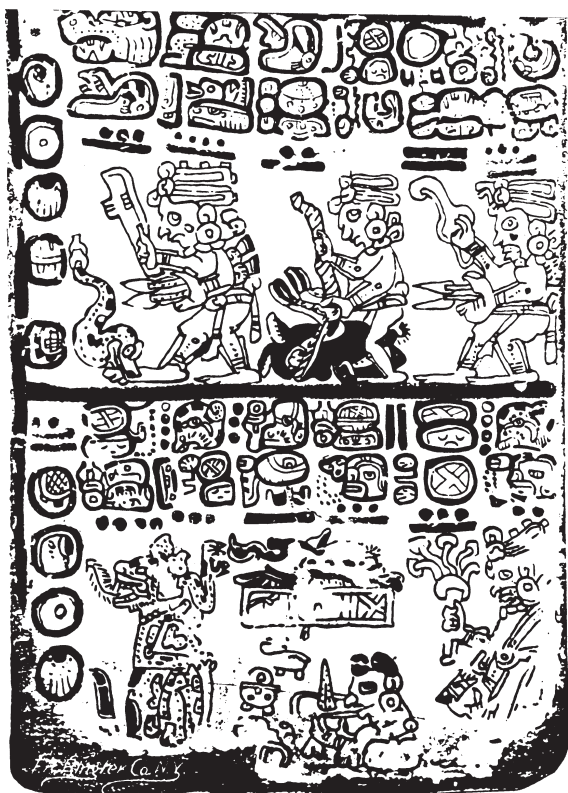
Остальные четыре взяты из рукописей «Чилам-Балам».

Исходя из предположения, что майя изобретали сложные иероглифы с различными значениями как в символическом, так и фонетическом аспекте, Брассёр полностью погрузился в этимологические нюансы значения, которое он придавал тому или иному положению иероглифа. Таким образом, он позволил своим собственным представлениям о древней истории майя увести себя в сторону.

Напротив, его история Атлантиды была построена на смеси, составленной из его толкования мифов майя и их иероглифов. Используя основное толкование иероглифов, данное Ландой, он вложил в иероглифы «Кодекса Троано» смысл, который мог подтвердить легенды об Атлантиде.

Критики, желая умалить достоинства Брассёра как лингвиста, с такой же радостью осудили и его историческую реконструкцию Атлантиды, которая не вписывалась в их представления. Даже сам Брассёр легко признавал слабость своей интерпретации. Его критики (которые считали, что он как беллетрист лучше, чем как документалист), полагали, что его работа была направлена на доказательство своих уже сформировавшихся идей, которые, по их мнению, были фантастическими.

Позднее ученые, которые открыли в этих текстах самые удивительные и замысловатые календарные счетные устройства, благожелательно отнеслись к Брассёру за его попытки копнуть глубже. Он «чуял запах», но не напал на след. Брассер считал, что «Кодекс Троано» содержит описания части катастрофы, которая случилась в конце последнего ледникового периода. Он думал, что значки в кодексе (хотя они часто были грубыми на вид, и их обычно толковали как непостоянные усилия суеверного

гения) содержат на самом деле науку Древнего мира. В необычных рисунках Брассёр усматривал закодированную информацию о географии, геологии и естественной истории древних.

Брассёр также думал, что самые первые миграции были вызваны пролетающими кометами, падающими метеорами и другими бедствиями подобного рода внеземного происхождения. Он цитировал Гумбольдта в той части, где тот писал, что первобытные культуры иногда являлись обломками более развитых цивилизаций, уничтоженных природными катаклизмами. А из-за того, что он серьезно воспринимал утверждение Гумбольдта о том, что миф может быть завуалированной историей,

Брассёра обвинили в том, что он видит историю в каждом американском мифе. И хотя его высмеивали за попытки таким способом раскрыть тайны иероглифов этого кодекса, он объяснял причину, по которой он читал эту рукопись справа налево, давая такой резонный ответ: профили фигур были обращены в ту сторону. Современные знатоки обнаружили, что иероглифы рукописных книг можно читать не только сверху вниз и слева направо, но и по диагонали, чтобы обнаружить скрытую информацию.

Этот кодекс состоит из двух отдельных частей: из части Троано, найденной Брассёром в Мадриде в 1864 году и состоявшей из 35 листов или 70 страниц, которые он переснял в 1864 году, и части Кортесиана объемом 42 страницы, которая была найдена в Эстремадуре в 1867 году и, как полагали, представляла собой отдельную книгу. Последняя, отвергнутая как Королевской библиотекой в Париже, так и Британским музеем, была приобретена частным коллекционером Хосе Игнасио Миро, который показал ее Леону де Росни, первооткрывателю «Парижского кодекса». Объединенный в книгу из 112 страниц, полный кодекс стал самой большой рукописью маяя и был впервые показан миру в Париже в 1892 году

1849
Codice Chimalpópoca,
Historia

De las revoluciones antiguas
Del primer Imperio Mexicano
y Teotihuacan,

Historia general del
Segundo Imperio Mexicano
y del Segundo Reino Teotihuacan.

В колледже Сан-Грегорио в Мехико Брассёр обнаружил рукопись на языке науатль (ацтекском), которую он назвал «Кодексом Чималпопока» в честь своего учителя, обучившего его языку науатль, Фаустино С. Галисия, который был потомком третьего сына Монтекумы. Брассёр полагал, что кодекс был написан шифром, так что каждое слово имело два или более значений в зависимости от ритма и паузы, чтобы дать возможность храмовым писцам скрыть историю катаклизмов и их циклов в более простом и безобидном на слух тексте. В своем переводе кодекса Брассёр сделал вывод, что имел место не один потоп, как описывал Платон, а целый ряд катаклизмов, в результате которых мир приобрел тот вид, который он имеет в настоящее время.

В «Исторической хронологии мексиканцев» Брассёр, опираясь на этот кодекс, написал, что приблизительно в 10 500 году до н. э. четыре периода катастроф изменили мир и что каждый из них был вызван временным смещением земной оси

сячелетия до Великого потопа, который, как это принято было считать, произошел около 4000 года до н. э. Из этого текста Брассёр сделал вывод: американский континент первоначально занимал Мексиканский залив и Карибское море, простираясь через Атлантику до Канарских островов, но в какой-то отдаленный период он в значительной мере был поглощен океаном в результате сильнейшего природного катаклизма. Последующие колебания земной коры, как он полагал, подняли вновь на поверхность части Юкатана, Гондурас, Гватемалу и др.

Брассёр также соотнес миф о Кецалькоатле с Атлантидой Платона и заключил, что тольтеки вполне могли быть потомками тех, кто пережили эту катастрофу.

Постепенно Брассёр стал считать более древними местные культуры Мезоамерики и пришел к мнению, что многие истины современной науки были уже предугаданы обитателями Мезоамерики много веков тому назад. С возрастом сложные идеи Брассёра вышли за рамки понятий, привычных для его ученых современников. Его склонность видеть в древних мифах подоплеку того, что могло быть реальной историей, была для них неприемлемой. Один историк так подытожил эту ситуацию: «К сожалению, по мере выхода в свет его книг одна за другой его идеи становились все более необычными, а его объяснения — все более неубедительными, так что серьезные ученые, которые относились к нему с уважением, все больше и больше теряли доверие к его словам».

Брассёр жаловался, что в Америках не производилось никаких серьезных археологических работ, что глупо пытаться писать всемирную историю, исключив «половину мира» — обе Америки. Он считал, что карианцы Центральной Америки были представителями самой древней известной цивилизации. Это был трудолюбивый, с коммерческой жилкой народ, умевший обрабатывать металлы и драгоценные камни, это были великие мореплаватели и астрономы, которые путешествовали по миру, колонизировали Атлантиду, Средиземное море и Древний Египет. Их астрономия, физика и религиозные культы были похожими, включая сильный культ Сириуса и обожествление крокодила. Из всего этого Брассёр сделал вывод, что либо Египет был колонией Центральной Америки, либо наоборот.

Американский историк и библиофил Хьюберт Хоу Бэнкрофт сказал о Брассёре так: «В реальных знаниях, относящихся к этой им-бранной теме, ему никогда не было равных». Но более поздние труды Брассёра были раскритикованы людьми, по большей части совершенно некомпетентными в этой области, чтобы их понимать. И должно было пройти более века, прежде чем стало ясно, что его интуиция была пророческой.

Глава 9

НОВОЕ «ЗАВОЕВАНИЕ» МЕКСИКИ

Тем временем Уильям Хиклинг Прескотт в своем монументальном труде «История завоевания Мексики» явил миру ошеломляющий рассказ об уничтожении империи Монтесумы, сделав деяния Кортеса известными даже школьникам. Используя деньги своей семьи с наибольшей выгодой и даже не выезжая из своего родного Бостона, Прескотт сумел собрать самую замечательную библиотеку первоисточников. Сначала он выдал большие суммы денег лондонскому книготорговцу на покупку любой интересной книги о Мексике, которая появлялась на рынке. Это был широкий жест, так как книги Вальдека, дель Рио, Барадера и Катервуда стоили каждая целое состояние, а девять томов Кингсборо выходили по цене 150 фунтов стерлингов за штуку, или 3500 долларов за все вместе.

Эдвард Кинг, позднее лорд Кингсборо, эксцентричный молодой англичанин, серьезно воспринял высказанное Гумбольдтом пожелание, чтобы кто-нибудь опубликовал в виде книг все известные мексиканские кодексы и рукописи. Он нанял опытного итальянского художника Агостино Альо, который приступил к созданию литографий и цветных репродукций с оригиналов, имевшихся в Европе и привезенных сюда в различные годы, начиная со времен Кортеса.

Эта работа была проделана в период с 1831 по 1848 год. Длинные комментарии на греческом, древнееврейском, латыни и санскрите, которые в основном поддерживали теорию о том, что предками майя были забытые «десять колен Израилевых», довели объем этого опуса до девяти увесистых томов солидного размера. Это было проявлением литературной изобретательности, на которую не отваживалось ни одно правительство. И мало кто мог позволить или осуществить это. Но автор опуса осуществил, потому что он тоже не мог себе этого позволить. Из-за невозможности сойтись в цене на бумагу ручной работы, на которой был отпечатан тираж, лорд Кингсборо умер жалкой смертью от тифа в долговой тюрьме Дублина. Это был тот изъян, из-за которого Британский музей не включил его имя в свой каталог,

Уильям Хиклинг Прескотт родился в городе Салем, Массачусетс, в 1796 году. Его отец был юристом. Его дед, полковник Уильям Прескотт, командовал американскими повстанцами (1,5 тысячи) в Банкер-Хиллском сражении (17.06.1775) против 2,5 тысячи англичан. Ослепнув на один глаз, молодой Прескотт был вынужден оставить работу в юридической конторе своего отца, из-за паралича второго глаза возникла угроза полной слепоты. Поэтому Прескотт посвятил себя литературе, работая в затемненной комнате с ноктографом и делая пометки при помощи заостренной палочки из слоновой кости. Память Прескотта развилась настолько, что он мог удерживать в голове материал, по объему равный шестидесяти печатным страницам, которые он мысленно «писал» и «переписывал» во время ходьбы или езды

упомянув только художника Альо. Но усилия Кингсборо способствовали тому, что ученые сообщества в разных странах сосредоточили наконец свое внимание на древней Мексике.

С такими мощными, но малоизвестными «боеприпасами» Прескотт решил совершить революцию на рынке и обойти Стивенса, создав еще лучший научный бестселлер. Находясь в Бостоне, он уговорил одного испанского ученого, жившего в Лондоне, обшарить библиотеки Англии, Франции и Испании в поисках материала о Кортесе. Воспользовавшись более либеральным духом, царившим в это время на Пиренейском полуострове, Прескотт затем сделал еще более ошеломляющий ход: он убедил власти позволить ему использовать огромные исследовательские материалы, собранные официальным историографом обеих Индий Хуаном Баутистой Муньосом, который умер в начале XIX века прежде, чем успел воспользоваться этим материалом. Специальным королевским указом Муньосу был разрешен свободный доступ в Национальный архив, а также библиотеки — публичные, частные и монастырские — королевства Испания и его колоний.

Чтобы скопировать эти материалы, Прескотт нанял в Мадриде группу писцов под руководством члена Королевской академии истории немецкого историка Фридриха Вильгельма Лембке. В Бостоне Прескотт получил около восьми тысяч «девственных» рукописных страниц, которые, по его словам, «никогда не касалось дыхание людей».

В эту сокровищницу неопубликованных материалов делали вклад многие историки со всего мира, что помогло Прескотту составить свою «Историю завоевания Мексики» (1843, русский пер. 1885), которая имела мгновенный успех и была быстро переведена на множество языков.

Эдвард Кинг, позже лорд Кингсборо. Кингсборо подхватил идею Лас Касаса о том, что кто-то из потерянных «десяти колен Израилевых» населил Юкатан. Подтверждение версии Кингсборо о происхождении майя от «колен Израилевых» также содержалось в мормонской истории, рассказанной миру молодым Джоозефом Смитом в 1827 году. По рассказу Смита, в 1820 году, когда ему было 15 лет, у него было видение: появилась человеческая фигура, утверждавшая, что она Морони, сын Мормона, «посланный Богом».

Когда Смиту исполнилось 18, во время второго своего появления Морони сообщил ему, где спрятаны золотые пластины с необычными письменами, которые Морони назвал «видоизмененными» египетскими письменами. Если верить переводу с этих пластин, сделанному Смитом, израильтяне (предки нефитов, которых вел Лехи, еврейский пророк племени манассеев) высадились на побережье Юкатана приблизительно после 600 года до н. э., когда племя разделилось.

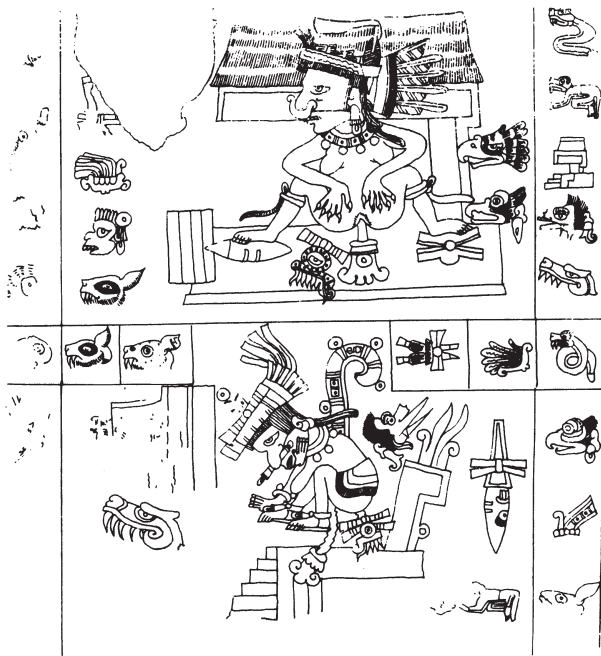
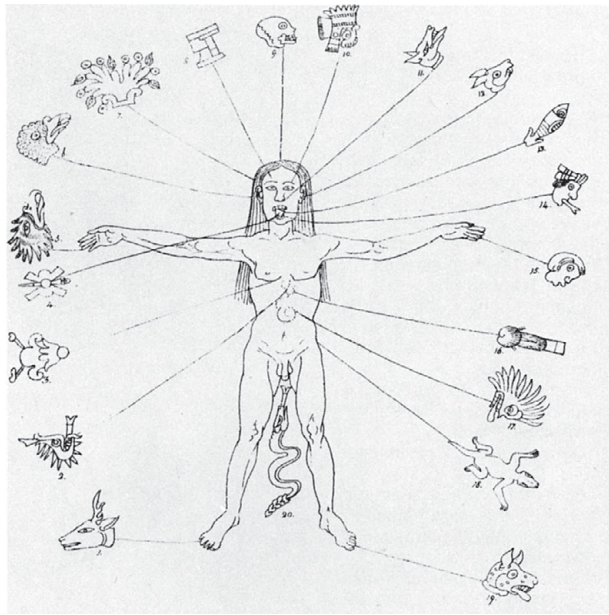
Еще более необычная мормонская версия рассказывает о прибытии израильтян в Америку не через Атлантический, а через Тихий океан

Из Королевства обеих Сицилий Прескотт получил другие бесценные материалы: некоторые от графа Камальдоли из Неаполя, а еще больше от герцога Сенифалько с Сицилии. В Мехико исполняющий обязанности представителя рода Кортеса герцог Монтелеонский раскрыл архивы своей семьи, а министр иностранных дел дон Лукас Алеман оказал Прескотту содействие как официальное, так и личное точно так же, как и человек, которого Прескотт назвал «джентльменом, чьи высокие и достойные уважения качества более, чем его положение, снискали ему доверие общественности и обеспечили ему доступ к любым достопримечательностям Мексики». Этим человеком был дон Анхель Кальдерон де ла Барка, полномочный представитель королевского двора в Мадриде.

Прескотт лишился возможности читать, так как почти потерял зрение. Но он лично изучил четыре тома Стивенса, посвященные его путешествию по Юкатану и Центральной Америке, и был вынужден писать свой шедевр, основываясь на информации, которую зачитывал ему секретарь в его кабинете на Бикон-стрит. Прескотт писал при помощи специального приспособления для слепых, которое не позволяло ему даже видеть свою собственную рукопись, оригинал которой он не мог внимательно перечитать или исправить.

Зная — как Гумбольдт знал, прочитав труды Карери, — что описания населенных пунктов в Мексике только тогда получаются прав-

Иллюстрация Кингсборо из «Кодекса Борджиа», изображающая фигуру Каматли, бога судьбы мексиканских индейцев с двадцатью значками для обозначения дней, связанными с частями тела и указывающими на влияние, которое, как тогда считалось, они оказывают на разные человеческие органы. Сходная интерпретация подробно изложена Родни Колином в его труде «Теория небесного влияния» и состоит в том, что жизненная энергия расходуется от Солнца через различные планеты к соответствующим железам в человеческом теле, которые им подконтрольны

Зная о том, что из космоса могли также исходить и пагубные влияния, мексиканские индейцы таким образом изображали свою богиню похоти

Генерал Уинфилд Скотт.

Во время кратковременной оккупации значительной части Мексики американской армией в 1847 году генерала Уинфилда Скотта (известного как «шустрый старикан») мексиканцы обвинили в том, что он забрал из университета в Мехико оставшиеся рукописные тома произведений дона Карлоса де Сигуэнцыи-Гонгоры и перевез их в Вашингтон, где их, как сообщалось, увидел мексиканский посланник. Веком раньше, когда Франсиско Клавиджеро обращался за справкой к оставшимся работам Сигуэнцыи, завещанным колледжу иезуитов Свв. Петра и Павла, он доложил, что в наличии имеются всего лишь восемь из двадцати восьми известных томов. Тщательные поиски в Вашингтоне в библиотеке Госдепартамента, в Библиотеке конгресса и в Национальном архиве пока не увенчались успехом

доподобными, если их увидеть лично, Прескотт доверился описаниям живой флоры и фауны, а также описаниям деталей таких исторических мест, как пирамиды Теотиуакана, которые были даны в отчетах, присланных ему Кальдероном де ла Баркой и особенно его женой Фанни. Эта шотландка так долго прожила в Мексике, что ее книга «Жизнь в Мексике», основанная на письмах к ее родственникам и друзьям, использовалась в американской армии для обучения солдат генерала Уинфилда Скотта во время военного похода на Мехико в 1847 году, так как об этой стране было слишком мало информации.

К сожалению, описания пирамид Теотиуакана, сделанные Фанни Кальдерон, рассказывали больше о ней и о ее образе жизни, чем об этих мексиканских древностях.

Когда она подъезжала к Сан-Хуану Теотиуакану, дорога, по словам Фанни Кальдерон, становилась все более живописной, и ее внимание надолго привлек открывающийся вид на две огромные пирамиды, «которые упоминаются Гумбольдтом и возбуждают любопытство и приковывают внимание всякого путешественника». К несчастью, добавляет она, наше время было слишком ограничено, чтобы уделить им больше чем просто мимолетный взгляд».

Вместо этого супруги Кальдерон сменили лошадей в Сан-Хуане и так неудачно закусили печеньем и отвратительным овечьим молоком, что Кальдерон спросил хозяина, уж не была ли эта еда приготовлена в тот же год, когда построили церковь! Хозяин гостиницы, по словам Фанни Кальдерон, «выглядел весьма довольным и смеялся не переставая, пока мы не сели в карету».

Фанни Кальдерон де ла Барка и ее муж, испанский посланник в Мексике, однажды на заре весеннего дня отправились к пирамидам Теотиуакана по дороге в поместье своего друга. Их средством передвижения была позолоченная коляска, которая когда-то принадлежала французскому королю Карлу X, запряженная шестеркой лошадей. Лошадьми правили два кучера, одетые в расшитые куртки из оленьей кожи с серебряными пуговицами, огромные сомбреро и высокие фореиторские сапоги. Они испускали дикие крики, побуждая лошадей взять в галоп. Из-за опасения нападения разбойников рядом с коляской скакали несколько хорошо вооруженных всадников. А коляска катилась мимо собора Гуадалупе и пересекала болотистую равнину, которая когда-то была покрыта водами озера Тескоко. Так как Мексика в течение нескольких лет уже находилась в состоянии гражданской войны, везде они видели развалины домов, разрушающиеся пустые деревни, монастыри с разбитыми стенами, заброшенный загородный дворец вице-короля.

«Грабители», жившие в полуразрушенном доме, помогли супругам Барка, когда у них сломалось колесо, в то время как несколько человек с ружьями, «спортивного вида, но довольно грязные», наблюдали за ними, но не досаждали, поскольку оценили «крепкое сопровождение»

Перепутав Теотиуакан с Теночтитланом, Фанни Кальдерон недобрым словом помянула Кортеса за его фанатичный приказ «уничтожить эти окровавленные святилища».

Поэтому в своем труде Прескотт полагался больше на Гумбольдта, чем на Фанни Кальдерон. Описание, сделанное им, оставляет приятное впечатление и дает почувствовать атмосферу местности, но до точности ему далеко:

«На вершине пирамиды Солнца, — пишет Прескотт, — нет никаких развалин. Но усилия путешественника, потрудившегося подняться на ее лысую вершину, с лихвой возместит великолепный вид, открывающийся перед ним: к юго-востоку горы Тласкалы, окруженные зелеными плантациями и обработанными кукурузными полями, посреди которых стоит маленькая деревушка, в прошлом — величавая столица. Немного дальше на юг глаз скользит по прекрасным равнинам, лежащим вокруг города Пуэбла, основанного первыми испанцами, который до сих пор по красоте своих церквей соперничает с самой блестящей столицей Европы. А дальше на запад можно увидеть долину Мехико, расстилающуюся, как карта, с ее уменьшенными озерами, ее царственной столицей, поднимающейся в еще большей славе из своих руин, и ее грубыми холмами, темной массой собравшимися вокруг нее, как во времена Монтесумы».

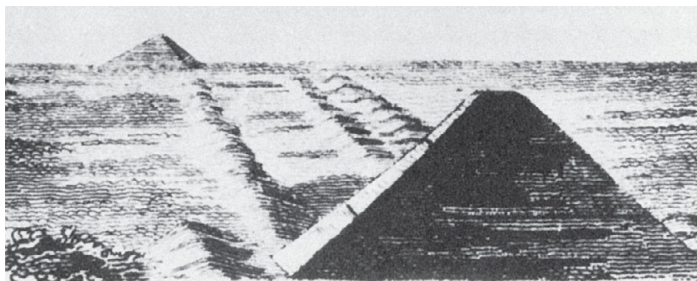
Романтик Прескотт! Чтобы наблюдать такой вид с пирамиды Солнца, чтобы увидеть Пуэблу более чем в 100 км к юго-востоку (через горный хребет) так, как видит это летящий орел, нужно было бы быть таким великаном, какого описывали испанцам ацтеки, или летающим по воздуху Кецалькоатлем.

Чтобы описать вид и состояние ступеней пирамиды Солнца, Прескотт имел два противоречивших друг другу отчета: Буллока и Генри Тюдора, адвоката из Лондона, который посетил пирамиды вскоре после Буллока. Тюдор стоял на том, что «требуется встать особым образом и иметь немного веры для того, чтобы вообще обнаружить пирамидальную форму». Тогда как Буллок утверждал, что «общие квадратные очертания совершенны так же, как и Великая пирамида в Египте».

Так как Тюдор вместе со своими спутниками употребил — наряду с индейками, языком и холодной птицей — две дюжины бутылок кларета и мадеры, при помощи которых они «ухитрились избежать голода», а затем «поднялись из-за деревенского стола, как великаны, освеженные вином», чтобы посетить пирамиды, то, наверное, именно отчет Буллока более соответствует действительности.

Заметив, что оба путешественника видели все собственными глазами, но Буллок «иногда видел то, что ускользало от взоров других путников», Прескотт искусно разрешил проблему, найдя убежище во французском языке: «*Si com je l'ai trouvé écrité / Vos conterai la verité*». В том смысле, что он передает информацию так, как ее прочитал.

Полагаясь на Гумбольдта, Прескотт написал, что пирамиды построены из глины, смешанной с мелкими камнями, и покрыты снаружи легким пористым камнем тецонтли, которым изобилуют близлежащие каменоломни. Поверх него, по его словам, строители положили

Вид на пирамиды Теотиуакана, взятый Прескоттом из книги Фанни Кальдерон де ла Барка «Жизнь в Мексике».

Прескотт пошел дальше Гумбольдта в вопросе относительно того, были ли пирамиды построены из вышедших на поверхность пород или на плоской равнине. Он сравнил их с североамериканскими курганами-маундами и сказал, что они были построены из случайного материала

толстый слой штукатурки, «своим красноватым цветом напоминающую ту, что была найдена на развалинах Паленке».

В описании отверстия, найденного Сигуэнцей на южной стороне пирамиды Луны, Прескотт положился на Чарльза Джозефа Латруба, бывшего губернатора Австралии, который посетил Мексику в 1834 году вместе с Вашингтоном Ирвингом и проник на глубину пятнадцать футов внутрь галереи, которая, по его словам, была облицована необожженным кирпичом и заканчивалась двумя ямами или колодцами. Прескотт ошибочно предположил, что эти ямы могли быть «предназначены для хранения праха какого-нибудь могущественного вождя, как отдельное помещение, обнаруженное в Великой египетской пирамиде».

Подобно первым исследователям таинственных коридоров и шахт в Великой пирамиде Хеопса, Латруб и его спутник по имени Макюин отважились проникнуть в кишасий змеями и скорпионами коридор, вход в который с тех пор оказался потерян. «Частично раздевшись, — писал Латруб, — я двинулся вперед, чтобы получить свою долю славы и опасности. Я лег плашмя на живот и, нырнув в отверстие, стал вслепую протискиваться вперед со свечой по коридору, наклоненному вниз. Я прополз около трех ярдов, когда оказался в открытой галерее, в конце которой, в нескольких шагах от меня, я обнаружил два колодца, которые, как я полагаю, находились приблизительно в центре пирамиды». Там спутник Латруба Макюин «отважно позволил спустить себя на веревке в отверстие слева на глубину, наверное, пятнадцать футов, но не сделал больше никаких открытий».

Так как Латруб не смог обнаружить каких-либо других признаков внутренних переходов, то Прескотта больше всего интересовал

Вид на Тампико, где Чарльз Джозеф Латробу высадился в 1834 году и обнаружил, что все в этой стране ходят вооруженными до зубов, а бандитов так же много, как и зарослей кактусов. Из Мехико Латробу с трудом добрался до Сан-Хуана Теотиуакана в повозке, запряженной десятью мулами под выцветшими попонами, хвосты которых перехватывали усеянные медными клепками ремешки. Обернувшись назад на озеро Тескоко, он увидел Мехико похожим на мираж: «...белые здания и разноцветные купола столицы словно плыли, подобно флоту белоснежных парусов, по синей поверхности воды». Между озером Тескоко и озером Сан-Кристобаль Латробу заметил дамбу с насыпной дорогой шириной три метра и высотой более метра, которая препятствовала соленым водам одного озера вливаться в другое. Дамба была построена благодаря подневольному труду индейцев, сотни которых, надорвавшись, умерли. Латробу сообщал, что во время рытья котлована для постройки собора Гуадалупе были найдены огромные кости, которые, как он предположил, принадлежали мастодонтам, которых древние мексиканцы будто бы использовали для перевозки огромных блоков более древней дамбы.

Латробу увидел Теотиуакан, стоящий «в цветущих тенистых роцах, орошаемых многочисленными ручьями», и любовался множеством движущихся столбиков пыли на высоте до 30 м над равниной, где «огромные пирамиды можно прекрасно различить на расстоянии многих километров».

Взобравшись на пирамиду Солнца, Латробу обнаружил, что ее поверхность представляла собой «смесь пористого шлака и амигдалоидной породы», и правильно расценил, что настоящее основание пирамиды «лежит ниже современного уровня почвы, скрытое обломками, свалившимися сверху».

В низине между двумя пирамидами меньшего размера у подножия дома Луны Латробу описал большой квадратный массив с лепным изображением лица, добавив к описанию местное поверье, что всякий, кто сядет на него, упадет в обморок

Джон Тейлор из Лондона.

Для обозначения длины стороны основания пирамиды Солнца Прескотт дал цифру 682 футов (207,9 м), а высоты — 180 футов (54,86 м). Это были цифры измерений Гумбольдта, переведенные в английские футы. И ни одна из них не отличается большой точностью. Затем Прескотт усугубил свою ошибку, сравнив размеры пирамиды Солнца с размерами пирамиды Хеопса в Египте, используя цифры Доминика Денона, полученные из «Египт Illustrated», который появился в Англии в 1825 году. Прескотт ошибся почти на 30 футов (9 м), если сравнивать с почти абсолютно точными цифрами, полученными Жомаром в 1799 году, о которых он, очевидно, не имел представления

вопрос, кто построил эти огромные сооружения. «Были ли это, — вопрошал он, — призрачные ольмеки, чья история, подобно истории древних титанов, скрыта туманом легенд? Или, как обычно считают, это были мирные и трудолюбивые тольтеки, о которых мы знаем только из едва ли более достоверных преданий? Что стало с народом, построившим их? Остался ли он на этой земле и смешался, объединился с агрессивными ацтеками, которые пришли следом за ним? Или эти люди ушли на юг и нашли более широкую ниву для распространения своей цивилизации, как это показывает более развитый характер архитектурных останков в отдаленных регионах Центральной Америки и Юкатана?»

Не умея найти ответ, Прескотт сделал вывод: «Все это — загадка, на которую Время набросило непроницаемый покров, и ни один смертный не может поднять его. Народ канул в небытие, могучий, многочисленный и хорошо развитый, о чем свидетельствуют его памятники. Но он исчез безмянным. Он вымер без следа».

Следы, если бы Прескотт имел возможность увидеть пирамиды, возможно, были бы у него перед глазами — быть может, немного лучше спрятанные, чем в Египте (из-за сильнее осыпавшихся стен), но, тем не менее, очевидные. В то время в Лондоне шла работа над составлением пи-пропорции на основании раз-

Хуарес.

Бенито Хуарес был индейцем из крестьянской семьи, родившимся в горах. Осиротев в детстве, он был привезен в Оахаку в качестве слуги, где один брат-францисканец отправил его учиться в школу. Тихий и сдержанный, обладавший отличным логическим мышлением, Хуарес учил испанский язык и другие предметы так хорошо, что попал на юридический факультет. Будучи избранным в мексиканский конгресс, он стал губернатором штата Оахака, который принял обанкротившимся, а оставил после себя с активным балансом в 50 тысяч песо.

В качестве главного судьи Верховного суда Хуарес стал преемником президента, но был вынужден бежать из столицы, так как между католиками-роялистами и либералами республиканцами возобновилась борьба при поддержке

последних масонами в обеих Америках. По иронии судьбы, внимание американских читателей к политике Хуареса было привлечено лондонским корреспондентом «Нью-Йорк трибюн», эмигрантом по имени Карл Маркс. Хуарес, находясь в ссылке, получал оружие и боеприпасы из Нью-Орлеана.

В начале 1861 года, после самой опустошительной гражданской войны, которая когда-либо охватывала Мексику, Хуарес смог въехать в столицу в небольшой черной карете. Получив прозвище Индеец, он выбрал себе такой лозунг: «Сила — ничто, закон и благоразумие — все». Но когда мексиканский конгресс в узком кругу избрал Хуареса президентом, в стране царил еще такой беспорядок, что он был вынужден управлять страной, опираясь на указы, один из которых лишил церковь собственности и распускал религиозные объединения, ведя к возобновлению гражданской войны.

По словам Манли П. Холла, «богом» для Хуареса была «Мать-свобода, которой служили священники освобождения». Но его действия были направлены не против Бога, а против богословских институтов Мексики.

Мировоззрение представителей высшего духовенства, которые накопили и хранили огромные богатства, носило авторитарный, монархический и антидемократический характер, вдобавок они считали себя обязанными продолжать вмешиваться в политику.

Католическая церковь в Мексике продолжала взимать высокие поборы, установленные в период колониализма, которые были выше, чем в любой католической стране Европы, а также обязательную церковную десятину. Денежные взносы при вступлении в брак были такими непомерными, что многие простые люди не могли себе позволить заплатить их, и бедняки создавали семьи «во грехе», т. е. без благословения духовенства.

меров пирамиды Хеопса — то есть ее высота так относится к ее периметру, как радиус к окружности. Над ней работал книготорговец, математик и астроном-любитель Джон Тейлор. Но чтобы экстраполировать что-либо похожее с сооружений Теотиуакана, потребовались бы более точные измерения и научная реконструкция — проекты, к которым мексиканцы были еще не готовы и не желали тратить на них ни одного песо. Они были разорены полувековой гражданской войной.

Освободительное восстание, опрокинувшее находящуюся при последнем издыхании диктатуру генерала Санта-Аны и открывшее дорогу движению, известному как «Реформа», целью которого было уничтожение в Мексике феодализма, превратилось еще в одну гражданскую войну между консерваторами-роялистами и либералами-конституционалистами, которых возглавлял реформатор Бенито Хуарес. За это время обе стороны стали крупными должниками зарубежных стран и не выполняли свои обязательства по выплате долгов. На самом деле Хуарес просто-напросто предпочел не заметить нелепое требование Франции 50 миллионов песо плюс 12 миллионов по репарациям за невыплаченный заем у некоего швейцарского банкира, который впоследствии принял французское гражданство. Но Карл Луи Наполеон Бонапарт, с 1852 года Наполеон III, стал использовать этот долг в качестве предлога, чтобы насильно установить в Централь-

Наполеон III.

Желая превзойти достижения своего дяди в области культуры, археологии и политики в Египте, чтобы объединить ссорящиеся политические партии своей империи «под мантией имперской славы», Наполеон III решил предпринять некоторые действия в Мексике

Церковь отказалась отпустить грехи, женить или хоронить любого мексиканца, который поддерживал конституцию 1857 года. Священника, как и армейского офицера, нельзя было судить гражданским судом за гражданское преступление. Он оказывался перед церковным судом, даже если ему предъявляли законное обвинение, например в денежном долге. Все это приводило в ярость мексиканских юристов, потому что в развитых странах уже шестьдесят лет как действовал принцип равенства перед законом.

Огромное число монахов осталось не у дел, их миссионерские организации уже не существовали, тогда как монашеские ордена все еще сохраняли за собой большие помещения для собраний при соборах и управляли большими поместьями. Эти монахи, пишет историк Т.Х. Ференбах, которые когда-то были самыми лучшими представителями мексиканского духовенства, теперь стали, «вероятно, самыми бесполезными и развращенными»

Жан Фредерик граф де Вальдек.
Когда французское правительство стало настаивать на том, чтобы платить Вальдеку не полностью и незамедлительно, а выплачивать деньги ежегодно из-за его преклонных лет, Вальдек, которому тогда было уже за девяносто, посмеялся в последний раз. Большой любитель женщин, он тратил свое ежегодное жалование на развлечения с парижскими красотками за счет правительства, а в возрасте ста лет он женился на семнадцатилетней — приписывая свою мужскую силу и долголетие тому, что каждую бесну на протяжении шести недель он питался хреном

ной Америке сильную католическую империю под покровительством Франции.

Чтобы завоевать какие-то позиции, не расстраивая ни мексиканцев, ни своих избирателей, Наполеон воспользовался известностью, созданной Прескоттом, Стивенсом, Вальдеком и Брассёром, и приказал своему министру общественного образования Виолле-ле-Дюку сформировать комиссию для изучения древностей Мексики, в особенности комплекса пирамид в Теотиуакане.

Ответственным за организацию группы французских экспертов, которым предстояло изучить эту проблему, был назначен Жан Баптист Луи барон Гро, советник Наполеона по Мексике, который до этого уже посещал Теотиуакан и обнаружил значительное сходство между мексиканскими и египетскими пирамидами.

Французские наблюдатели должны были исследовать это место, установить число пирамид, их расположение и пропорции, определить, из чего сделаны блоки, их слагающие, и отправить несколько блоков в Париж. Французы также должны были провести раскопки во внутренних галереях и установить, есть ли там сводчатые потолки. Кроме того, они должны были записать все предания, сохранившиеся у окрестных индейцев, какими бы абсурдными или тривиальными они ни казались.

Чтобы сделать по-настоящему серьезные работы о мексиканских древностях, французское правительство поручило Брассёру де Бурбурю написать текст, соответствующий гравюрам, созданным на Юкатане Вальдеком, которого правительство не сочло в достаточной степени научно подготовленным, чтобы написать свой собственный текст.

Таким образом, Вальдек и Брассёр объединились в интересах поддержания величия Наполеона III.

Чтобы занять в Мексике более серьезные позиции, Наполеон III публично заявил, что республиканский президент Мексики Бенито

Фердинанд Максимилиан Габсбургский и Шарлотта Кобургская. Высокий, голубоглазый и светлородый Максимилиан был убежденным либералом, интересующимся искусством и наукой. Он хотел создать в Мексике правительство, состоящее из честных министров. Умный и трудолюбивый, он добросовестно служил на посту королевского губернатора и главы австрийского имперского флота. Шарлотта, дочь короля Бельгии Леопольда I, была принцессой с амбициями. После несчастья, которое ее постигло в Мексике, она сошла с ума и жила в уединении в Бельгии до 1927 года

Хуарес не выполнил своих обязательств по выплате займа. Была организована военная экспедиция, а католического монарха эрцгерцога Максимилиана Габсбурга, брата австрийского императора Франца-Иосифа, выбрали для того, чтобы навязать мексиканцам.

В поднедень 28 мая 1864 года австрийский военный корабль «Новара» вошел в гавань Веракрус с новым тридцатидвухлетним императоро-

ром Мексики на борту, с которым была также двадцатипятилетняя императрица Шарлотта, дочь короля Бельгии.

По практически пустым улицам их привезли на станцию хлипкой железной дороги, которая была спешно построена французами, чтобы доставить свои войска из приближенного района, где свирепствовала желтая лихорадка, в Пасо-дель-Мачо в предгорьях. Там Максимилиан и Шарлотта пересели в старый почтовый дилижанс, чтобы узнать, что генерал Хуареса Порфирио Диас находится поблизости с отрядом партизан, собираясь напасть из засады на свиту императора. Монаршая чета увидела также сельскую местность, опустошенную за сорок лет гражданской войны. Чтобы одолеть крутой подъем на скалистое плато Орисаба, Максимилиан с супругой пересели на лошадей, а затем опять в кареты, чтобы торжественно въехать в Мехико 12 июня. Это важное событие Максимилиан отпраздновал всеобщей амнистией для всех политзаключенных.

Глава 10

МАКСИМИЛИАН И ТЕОТИУАКАН

Несмотря на большое заблуждение Максимилиана, которое состояло в надежде создать обширную империю Габсбургов от р. Рио-Гранде на севере (граница Мексики и США) до Ла-Платы на юге (Южная Америка) с помощью своего младшего брата Людвиг-Виктора, который должен был жениться на одной из бразильских принцесс, Максимилиан был убежденным либералом, честно верившим в то, что его призвал народ Мексики, чтобы положить конец гражданской войне и организовать «эффективное неподкупное правительство», основанное на свободе и искренней любви к прогрессу».

Он не понимал, что в стране, которую корреспондент лондонской «Таймс» назвал «прогнившей до сердцевины», где не существовало образования, а воровство и коррупция широко процветали среди чиновников всех уровней, император Мексики был не более чем пленником реакционной группы клерикалов-консерваторов. Им была нужна иностранная интервенция и воцарение над народом Мексики самодержца только для того, чтобы отменить указы Хуареса, отнявшие у церкви ее собственность и привилегии. Что же касается «мандата народа», то эту ситуацию в сжатом виде сформулировал британский посланник в Мексике сэр Чарльз Уайк, который издевательски заметил, что Максимилиану, возможно, это и удалось в нескольких деревнях, «населенных, вероятно, парочкой индейцев и обезьяной».

В конце своей первой поездки по стране Максимилиан обнаружил, что самое худшее в ней — это судебные чиновники, армейские офице-

ры и большая часть духовенства. «Никто из них, — писал он, — не знаком со своими обязанностями, живя только ради денег. Судьи берут взятки, офицеры не имеют понятия о чести, а духовенству не хватает христианского милосердия и морали».

Вдобавок ко всем своим проблемам Максимилиан быстро разгневал римского папу Пия IX, который предупреждал его в Риме, что «права людей велики, и необходимо их удовлетворять, но права церкви еще больше и более священны». Рассердив папу и настаивая на отделении государства от церкви, на свободе вероисповедания и на национализации церковной собственности, Максимилиан тем самым подписал себе смертный приговор.

Видя себя просвещенным гуманистом, император обратился к улучшению культурного и образовательного уровня своей новой страны и к приведению в порядок и украшению ее столицы, бродя, подобно Монтесуме, по улицам города инкогнито, чтобы убедиться, что все идет так, как нужно.

Вместе с Шарлоттой он сначала попытался жить в центре города в Паласио Насьональ, но комнаты там были маленькие и тесные и вели одна в другую, как в железнодорожном составе, поэтому Максимилиан решил переехать в бывший дворец вице-короля, в любимое место Монтесумы — Чапультепек.

Там молодая чета обнаружила, что помещения такие грязные и находятся в таком жалком состоянии, что Максимилиану пришлось свою первую ночь провести на бильярдном столе, чтобы избежать постельных паразитов. Обладавшая более романтическими взглядами на вещи Шарлотта была очарована открывавшимся видом на город и долину, вокруг которой располагались озера, зеленые поля и заснеженная вершина вулкана Попокатепетль в отдалении. Этот вид она считала лучше вида на Неаполитанский залив.

Будучи бездетной, — очевидно, из-за венерического заболевания, переданного ей Максимилианом, который заразился от бразильской проститутки во время своих путешествий, — императрица посвящала много времени государственным делам и культурным устремлениям. Вместе с молодой красавицей индианкой, своей фрейлиной Жозефой Варелой, которая была прямым потомком ацтекского царя-поэта Нецауалькойотля, она посетила много памятников древней культуры Мексики и доезжала до Ушмаля. Там Шарлотту поразили необыкновенные символы культа фаллоса, которые стали для нее болезненным

Сэр Чарльз Уайк

Дворец на холме Чапультепек.

На «горе кузнечиков» на окраине Мехико в XVIII веке вице-король Хосе де Гальвес приказал построить дворец на том же самом месте, где возникло первое поселение народа мещиков (ацтеков) и где у Монтесумы имелась летняя резиденция, окруженная садом. В нем, под высокими кипарисами с окружностью ствола почти 20 м у основания, жили дикие звери. Мощный водяной источник, бивший из скалы, ацтеки заключили в акведук, который понес его воды к великому городу Теночтитлану, где его струя, по словам Кортеса, была толщиной с тело человека

напоминанием о том, что ее пора занятий любовью закончилась. А в это время Максимилиан с самыми доверенными лицами из своей свиты находился в Чапультепеке, так как жена его садовника в садах Борда в Куэрनावаке (к югу от Мехико) рожала ребенка от императора. Это было излюбленное пристанище Максимилиана, и он приказал проложить от Куэрनावак в столицу хорошую дорогу, охраняемую французскими войсками от разбойников. На то, что Максимилиан взял себе в любовницы индианку, мексиканцы смотрели благосклонно, считая это символом его любви к своей новой стране. Но итог этого союза имел печальные последствия. Сын Максимилиана, которого назвали Консепсьон Седано-и-Легисано по его «законным» родителям, вырос во Франции, был мотом и транжирой, щеголял бородкой, как у своего отца, и гордился тем, что его знают как «внебрачного сына императора». 10 октября 1917 года в Венсене (Большой Париж) он был расстрелян как немецкий шпион.

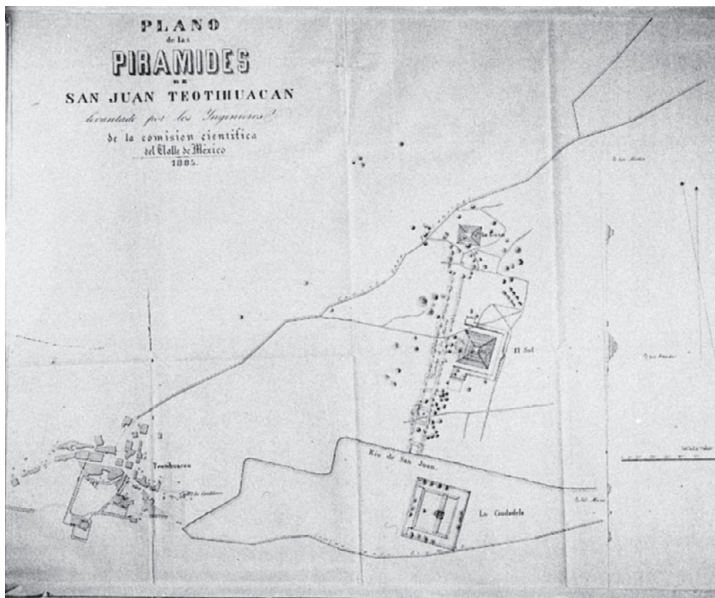

На всей территории страны майя есть следы древнего культа фаллоса, сходного с тем, что был у финикийцев, и с культом Осириса, который был связан с жизнью и смертью и плодородием во всех его формах. Почти все народы древности поклонялись вагине и фаллосу как, соответственно, женскому и мужскому символам созидательной силы Бога. Согласно Манли П. Холлу, Эдем, Врата Храма, Завеса Тайн и Священный Грааль — все это важные женские символы. Тогда как пирамида, обелиск, конус, свеча, башня, кельтский монолит, шпиль, колокольня и майское дерево — мужские, фаллические символы. Незвестный конкистадор, описывая культ фаллоса в Мексике, писал: «В других провинциях, особенно в Пануко, поклоняются той части тела, что находится между ног у мужчины. Он (фаллос) стоит у них в храме, а также на площади вместе с барельефами, изображающими всевозможные удовольствия, которые только могут доставлять друг другу мужчина и женщина. И на этих картинах ноги у них (людей) задраны в самых разнообразных позах»

Чтобы соединить резиденцию в Чапультепеке с Национальным дворцом на Пласа Майор, Максимилиан велел начать строительство одной из самых великолепных улиц в мире, намеренно стараясь превзойти Елисейские Поля в Париже — столице своего покровителя Наполеона III. Сначала она называлась Императорской дорогой, а позднее получила более демократичное название — проспект Реформы.

В первую годовщину своего восхождения на трон Максимилиан основал Академию наук и литературы и провел переговоры с известным в Мексике коллекционером книг Хосе Марией Андраде о великолепной библиотеке из пяти тысяч томов печатных книг и рукописей, относящихся к истории и культуре Мексики, из которых можно было бы сформировать ядро императорской библиотеки на пользу всей нации. Он также учредил национальный театр под руководством

Благодаря тщательным астрономическим наблюдениям комиссия наконец получила более точные координаты обеих больших пирамид. Было установлено, что пирамида Луны располагается севернее экватора на 19 градусов 41 минуту и 52,8 секунды и западнее Парижа на 6 часов 35 минут и 18,32 секунды. Пирамида Солнца оказалась на 26 угловых секунд ближе к экватору и на 2 временные секунды ближе к Парижу. (Современные координаты пирамиды Солнца: 19° 41' 30" северной широты и 98° 50' 30" западной долготы.) Комиссия также установила, что западная сторона пирамиды Солнца не лежит на астрономическом меридиане, проходящем с севера на юг, как предполагал Гумбольдт и другие, но находится под углом приблизительно 15 градусов к востоку от северного направления. Однако Альмарас заметил, что линия, соединяющая вершины двух пирамид, все-таки указывает почти точно на северный магнитный полюс, что не особенно его впечатлило, так как местоположение магнитного полюса беспрестанно меняется. Но это показало ему, что строители пирамид, возможно, имели лучшее представление о видимом движении небесных тел, вызванном вращением земли вокруг своей оси, чем предполагали раньше. Альмарас допустил, что их ошибка в пару градусов могла произойти из-за незнания того факта, что Полярная звезда не находится — и не находилась — у настоящего небесного полюса, а кружит вокруг полюса на меняющемся расстоянии, что во времена Альмараса составляло 1 градус 25 минут

поэта Хосе Соррильи и из своих собственных средств выделил деньги для наград за лучшие пьесы.

Национальный музей был переведен из университета в Национальный дворец, где он и оставался на протяжении ровно одного века, прежде чем переехал в современный Антропологический музей. Для музея Максимилиан стремился получить из-за границы различные ре-

ликвии, вроде щита Монтесумы и оригинала рукописного отчета Кортеса императору Карлу V (он же испанский король Карл I), которые оказались в императорской коллекции Габсбургов в Вене. Максимилиан начал также собирать портреты бывших правителей Мексики, которые оказались разбросанными по разным уголкам за годы гражданской войны.

В области образования Максимилиан надеялся организовать такую образовательную систему, чтобы Мексика могла «занять свое место рядом с ведущими народами мира». О Брассёре де Бурбуре он был такого высокого мнения, что предложил ему руководить образованием и музеями в своем новом правительстве, но Брассёр отказался, сказав: «Мне не нравится путешествовать с армией».

Максимилиан был настолько обескуражен тем, что он посчитал ужасающим отсутствием интереса у мексиканцев к памятникам своего собственного прошлого, что назначил первую действительно научную комиссию для изучения мексиканских древностей, сделав особый упор на развалины Теотиуакана. Комиссия состояла из нескольких видных мексиканских инженеров под руководством инженера Рамона Альмараса.

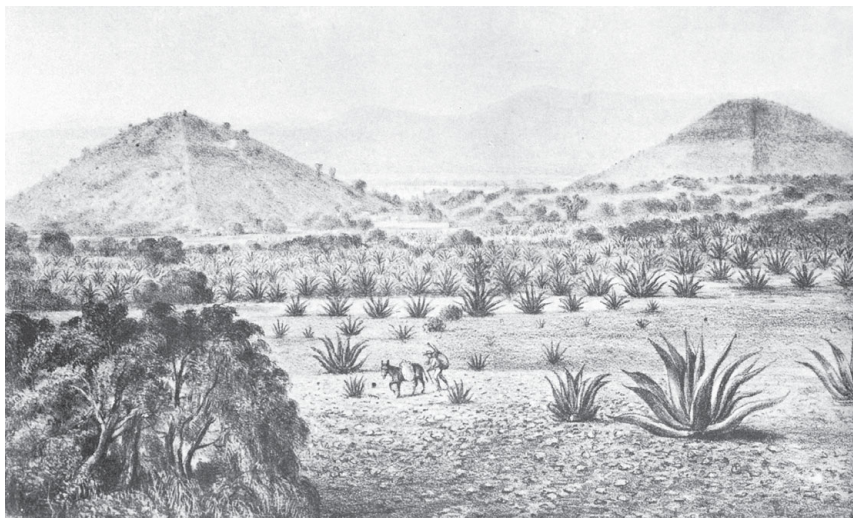
Чтобы добраться до вершины пирамиды Луны, Альмарас нашел лестницу, представлявшую собой зигзагообразный пандус, который начинался на середине фасада, пропорционально уменьшался и заканчивался в центре верхнего уровня. Эти зигзаги были отчетливо видны на плане, который он представил. Он также отметил, что к южному фасаду пирамиды Луны примыкало — как он выразился, «прислонялось» — другое пирамидальное сооружение, достигавшее в высоту двадцати одного метра.

На этом уровне Альмарас обнаружил глубокую яму на поверхности пирамиды. Очевидно, это было отверстие, проделанное Сигуэнцей и Латрубом, которое шло с севера на юг, а боковые раскопы шли в различных направлениях. Их он приписал искателям сокровищ.

Единственным, что показалось Альмарасу достойным внимания, был квадратный колодез, который спускался вертикально вниз; его стенки были сложены из рядов кирпичей, сделанных из вулканической породы и скрепленных между собой глиной. Только южная стенка этого колодеза была слегка разрушена.

Это отверстие так хорошо сохранилось, что Альмарас надеялся вывести из его размеров основную единицу измерения, которую использовали строители всего комплекса. Он очень тщательно измерил колодез, сторона которого равнялась 1 м 6 см.

Интуитивно Альмарас предположил, что так как в настоящее время общепринятыми единицами измерения являются метр, ярд, эль и

Пирамиды Теотиуакана; пирамида Луны на переднем плане.

Описывая пирамиду Луны, Альмарас писал, что она покоится на прямоугольном основании длиной 156 м и шириной 130 м и занимает площадь 20 280 м², или 5 акров, что было измерением с погрешностью в 2%. Высоту пирамиды Альмарас оценил в 42 м, что на один метр отличается от самого точного измерения, имеющегося на настоящий момент.

Альмарас также видел пирамиду Луны как сооружение, изначально образованное из трех наложенных одна на другую конструкций, высотой приблизительно 10 м каждая, и только один ее уровень можно было ясно различить на высоте 21 м от основания. Альмарас утверждал, что на восточном склоне пирамиды не видел никаких признаков уровней; он выглядел как наклонная плоскость без каких-либо расщелин или изломов. По словам Альмараса, время, погода и человеческие руки разрушили большую часть первоначальной поверхности пирамиды, что вызвало осыпание и стирание выступов, так что пирамиды, лишённые своих изначальных очертаний, на первый взгляд казались скорее кучами камней, чем возведенными человеком монументами

вара, которые приблизительно равны по длине, то похожая единица вполне могла быть использована в Теотиуакане. Но куда бы еще ни посмотрел Альмарас, он везде видел слишком разрушенные постройки, покрытые камнями и землей, чтобы их можно было точно измерить. Наконец, в развалинах близлежащего кургана, или tlaltel, как его называли мексиканцы, Альмарас нашел хорошо сохранившуюся скульптуру, лежавшую лицом вниз в грязи, у которой сохранились четкие очертания. Статую подняли и увидели, что это покрытый резьбой параллелепипед высотой 3 м 19 см с квадратным основанием, сторона которого равна 1 м 65 см. Стало ясно, что ее высота почти с точностью равна ширине колодца 1,06 м, взятой три раза, а ширина равна ширине колодца, умноженной на полтора.

К тому, что было известно о внешнем облике пирамиды Солнца, комиссия добавила немного, разве что подтвердила, что она оказалась поделенной на три этажа и имела зигзагообразную дорожку, которая вела к ее вершине и находилась в лучшем состоянии, чем дорожка, ведущая вверх по склону пирамиды Луны

Но по какой-то причине вместо того, чтобы взять эту единицу, равную 1,06 м, которая отличалась не более чем на 6% от другой общепринятой единицы, метра, Альмарас выбрал единицей этой длины 80 см, которая более чем на 20% отличалась почти от всех других единиц (кроме вары). Он сделал это на основании того, что статуя, по замыслу, должна была иметь 4 единицы в высоту и 2 единицы в ширину вместо более очевидных размеров 3 на 1 или, возможно, 9 на 18 ладоней.

Альмарас также остановился на единице, равной 80 см, потому что расстояние между пирамидами Солнца и Луны было действительно 800 м, что давало круглое число 1000 единиц, которое было близко его сердцу, симпатизировавшему французской десятичной системе мер.

Альмарас не сделал попытки сравнить эту единицу, равную 80 см, с какой-либо другой древней единицей измерения, которые были найдены Жомаром при исследовании Великой пирамиды Хеопса (по-видимому, потому, что Альмарас не знал о работе Жомара).

Из-за земли и камней, лежавших вокруг основания пирамиды Солнца, Альмарасу и его коллегам-инженерам было непросто измерить даже длину одной из ее сторон. Но они получили цифру 232 м вдоль западного фасада, что приближалось к 231 метру длины основания Великой пирамиды Хеопса, правильно измеренной Жомаром (хотя Альмарас также не мог знать этого факта, потому что точная длина

стороны основания пирамиды Хеопса официально была установлена не раньше 1825 года, когда основание пирамиды было расчищено от камней, скопившихся за тысячу лет).

Проводя разведку вокруг основания пирамиды Солнца, члены комиссии наткнулись на огромную платформу шириной 40 м и высотой 6 м, которая окаймляла пирамиду Солнца с северной, восточной и южной сторон, образуя плоскую возвышенность с облицованными юткосами.

К югу от пирамиды Солнца, в районе, который первые испанцы называли Цитаделью, члены комиссии обнаружили схожую платформу вдвое шире первой, стены которой имели высоту 10 м, за исключением стены, выходящей на дорогу Мертвых: она имела высоту только 5 м. На этих платформах симметрично располагались четырнадцать загадочных *tlalteles*, или курганов, по четыре с северной и южной сторон и по три с восточной и западной.

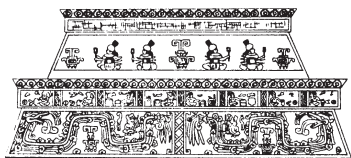
В центре большого четырехугольника, образованного платформами, находились остатки другого кургана с лестницей на западном фасаде, а немного впереди него был еще один курган меньшего размера.

Альмарас пишет, что во всем комплексе пирамид он нашел десятки курганов меньшего размера, которые выглядели как кучи камней. Некоторые из них были расположены симметрично, другие же были разбросаны без соблюдения какого-либо явного порядка. На площади перед пирамидой Луны он обнаружил группу курганов, которые, казалось, образуют нечто вроде окружности вокруг центрального кургана. Здесь были проведены значительные раскопки отчасти, по словам Альмараса, искателями археологических древностей, но в большей степени «алчными и невежественными» людьми, которые искали сокровища. Но больше всего Альмараса возмутило свидетельство того, что вся эта территория ранее использовалась в качестве каменоломни для «варварских жилищ» местных жителей. В деревне Сан-Хуан он увидел, что многие камни с ценной резьбой были разбиты и положены в стенную кладку домов ее жителей.

В одном из курганов Альмарас обнаружил восемь обработанных камней свыше метра в ширину, внешние поверхности которых были покрыты резными изображениями гротескных фигур с головами змей и тигров. Эта резьба, очевидно, образовывала круглый памятник радиусом более пяти метров, у которого теперь были отбиты края, и весь он был разломан, хотя один фрагмент резьбы сохранился достаточно хорошо, чтобы Альмарас смог сделать с него рисунок. В этом же кургане имелись и другие каменные скульптуры, в очертаниях которых Альмарас узнал ягуара и фигуру, которую он не смог идентифицировать.

Альмарасу сказали, что при более ранних раскопках одного из курганов был найден небольшой каменный гроб, в котором находился

череп, различные бусины и любопытные предметы из берилла, змеевика, гелиотропа (разновидность халцедона) и обсидиана, а также большое количество золотой пыли в золотых чашах. И ему захотелось хорошенько распотрошить один из курганов и, может быть, прокопать проход в основании двух больших пирамид, но предпринять эти

*Восстановленный flattel
или храм, построенный
на платформе*

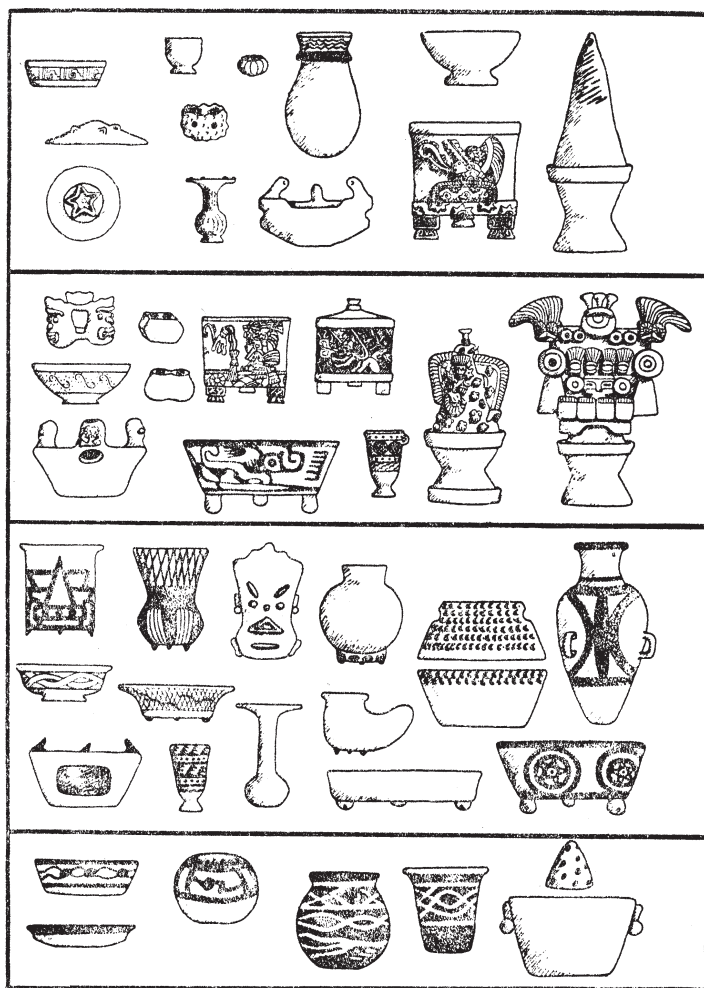
две попытки ему не дало отсутствие рабочих рук и денежных средств. Альмарас также предложил, чтобы вся территория разрушенных построек была должным образом и тщательно нанесена на карту, «как умные и уважаемые люди уже неоднократно предлагали сделать».

Альмарас пишет, что в самом начале своей работы в Теотиуакане он принял решение не делать выводов относительно древних времен, а только заниматься изложением того, какое положение занимали предметы, когда он их увидел. В конце он не мог устоять и выразил мнение, которое только подтвердило тот факт, что первые впечатления — самые правильные. Альмарас написал, что сначала подумал, что эти пирамиды были предназначены для того, чтобы изображать систему планет, но в конце заключил, что это были просто храмы и гробницы прославленных людей. Альмарас также сделал такой вывод: развалины представляли собой плод труда нескольких различных эпох, поскольку обнаружены постройки, возведенные на основаниях и руинах сооружений более раннего периода, как будто бы для того, чтобы скрыть или защитить более древние. Альмарасу также показалось, что многие дома были покинуты своими строителями из-за какой-то серьезной катастрофы.

Альмарас был сильно озадачен явно древним возрастом исследованных сооружений и тайной людей, их построивших, поскольку история их была совершенно неизвестна.

Он изумлялся масштабам работы, проделанной древними строителями: нужно было добыть из карьера камень и перевезти огромное его количество на большое расстояние. И все это, как заметил Альмарас с некоторой долей пафоса, «даже не послужило тому, чтобы сохранились имена архитекторов, богов или монархов, во время правления которых был построен этот комплекс».

В конце в качестве предупреждения он написал, что должен признать, что все его рассуждения — не более чем предположения, не базирующиеся ни на историческом материале, «с которым у меня не было возможности проконсультироваться», ни на археологических знаниях, «которым у меня не было возможности себя посвятить». Главным образом эти рассуждения основывались на том, что почерпнул Альмарас, сидя за одним столом со своими коллегами.

Различные виды керамики, найденные в Теотиуакане

Для проведения по-настоящему научного и подробного исследования Теотиуакана, по словам Альмараса, необходимо было больше денег и больше рабочих рук. Но сундуки Максимилиана были пусты; от правительства империи потребовали сполна возместить невыплаченные долги банкирам, все издержки французской интервенции плюс тысячу франков за каждого французского солдата, служащего на мексиканской земле. Политическая и военная ситуация ухудшилась настолько, что культурным забавам, вроде исследования пирамид, больше не представлялось возможным уделять какого-либо внимания. Соединенные Шта-

Арчил Франсуа Базен, 1811 года рождения, воевал в Алжире, в Крыму и Северной Италии до того, как приехал в Мексику, где в 1864 году получил звание маршала Франции. При дворе Максимилиана у него развилась склонность к очень молодым девушкам. На одной из них он женился — при этом присутствовал Максимилиан — и вскоре позабыл о своих обязанностях военачальника. Чтобы скрыть свое пренебрежение служебными обязанностями и некомпетентность, Базен обманул Максимилиана и оставил его в уязвимом положении как в военном, так и в политическом смысле. На Базене лежит ответственность за разгром Франции во Франко-прусской войне 1870—1871 годов (Базен отсиживался со своей сильной армией в крепости Мец, а после сдачи Наполеона III в плен в Седане (1—2 сентября 1870 года) Базен 27 октября 1870 года сдал пруссакам Мец со 173-тысячной армией, что позволило противнику развернуть наступление на Париж и дальше). Он был признан виновным в ведении переговоров с врагом и капитуляции. Но его приговор, состоящий в разжаловании и смертной казни, был заменен двадцатью годами тюремного заключения. В 1874 году он бежал в Италию, а оттуда в Мадрид, где и умер в 1888 году

Диас, генерал республиканской армии, в сражении с французскими интервентами

Максимилиана, императора Мексики, привезли из его резиденции на казнь, которая должна была состояться на холме за пределами Керетаро утром 19 июня 1867 года, всего три года спустя после его прибытия в Мексику.

Максимилиан и два оставшихся у него генерала, Мирамон и Мехия, были разбужены звуками горнов и барабанов. Когда Максимилиан спросил Мирамона: «Мигель, это значит — пора на казнь?», Мирамон ответил: «Не знаю, сеньор, ведь меня раньше не расстреливали»

ты после окончания Гражданской войны, где победил Север, заняли твердую позицию не признавать правительство Максимилиана и поддерживали соперничавших с ним республиканцев Бенито Хуареса. Как только смута в США закончилась и стало ясно, что доктрина Монро может быть еще раз проведена в жизнь, Наполеон III был вынужден отказаться от мечты создать католическое государство в Центральной Америке, решил сократить свои потери и оставил Максимилиана в

шатком положении. Он приказал своему главнокомандующему, маршалу Базену, тайно начать вывод французских войск из Мексики. Базен даже предложил продать большое количество французского оружия за наличные деньги оппозиционному генералу Порфирио Диасу, который романтическим образом бежал из тюрьмы в Пуэбле, спустившись из окна по веревке с завязанными на ней узлами. Когда Диас отказался, Базен приказал уничтожить оружие, чтобы оно не попало в руки ослабленной армии Максимилиана. В то же самое время Базен лицемерно уговаривал Максимилиана спастись, издав позорные «Черные указы», по которым все республиканцы, захваченные с оружием в руках, подлежали казни без промедления. Это был конец. И хотя к этому времени Максимилиан приобрел немало сторонников благодаря своим обезоруживающим манерам и личному обаянию, теперь он обнаружил, что загнан в угол. Вскоре республиканцы осадили его в Керетаро. Став жертвой предательства и попав в плен, Максимилиан был расстрелян специальной командой на близлежащем холме. Умирая, как идальго, он крикнул: «Да здравствует Мексика!»

И снова произошло разделение на части и распродажа ценных книг и рукописей, связанных с Мексикой и ее памятниками древности. Доверенное лицо Максимилиана отец Августин Фишер, священник-иезуит, который сильно пил и о котором ходили слухи, что по всей Мексике живут его многочисленные незаконнорожденные дети, попытался продать кое-какие личные бумаги Максимилиана.

Коллекция Андраде, за которую не было уплачено, была поспешно упакована своим владельцем в течение последних дней империи и на мулах перевезена в Веракрус, откуда была переправлена в Европу и продана на аукционе в Лейпциге за 16 500 долларов. Много редких печатных книг и памфлетов по Мексике были приобретены американским историком Хьюбертом Хоу Бэнкрофтом и в настоящее время составляют часть библиотеки Бэнкрофта в Калифорнийском университете.

Казнь Максимилиана положила конец дальнейшим археологическим теориям относительно Теотиуакана. Мексиканцев больше интересовало собственное ближайшее будущее, чем чудеса своего далекого прошлого.

Глава 11

ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Интерес всего мира к древностям Мексики мог в течение последующих десятилетий угаснуть, если бы не усилия трех французов, ставших гражданами Америки, двое из которых были искателями приключений, а один — барон-разбойник Пьер С. Лорийяр.

Дезире Шарнэ в гуще мексиканских джунглей вместе со своей камерой-обскурой

В 1850 году, находясь в отпуске, школьный преподаватель из Нового Орлеана Клод Жозеф Дезире Шарнэ, молодой тогда человек (в возрасте двадцать с небольшим), был настолько потрясен таинственной красотой Мексики, что вернулся во Францию, чтобы убедить министра искусств в правительстве Наполеона III Виолле-ле-Дюка послать его в командировку с заданием запечатлеть древние развалины Мексики при помощи камеры-обскуры, предшественницы фотоаппарата. В 1858 году, неся аппарат на спине и оберегая большие стеклянные пластины, на которых он смешивал свою собственную эмульсию, Шарнэ возвратился в Мексику, чтобы провести три года в утомительных путешествиях из Митлы в Монте-Альбан, Чичен-Ицу, Ушмаль и Паленке. В результате этих поездок образовался целый том первых, безусловно, тусклых фотографий, сделанных с памятников древности Мексики, к которым Виолле-ле-Дюк приложил такой же безжизненный академический текст. Неудивительно, что авторы пришли к заключению, что некая развитая цивилизация когда-то охватывала Северную, Центральную и Южную Америку задолго до начала христианской эры и достигла пика своего развития за несколько веков до испанского завоевания. К этому времени она разрушилась и пребывала в упадке.

Шарнэ сопроводил свои фотографии личными мемуарами, в которых он в развлекательной форме описывал, какое разочарование постигло его, когда он пытался фотографировать в Мексике в самых ужасающих и неудобных условиях. Будучи больше популяризатором, нежели традиционалистом, Шарнэ приправил свои мемуары непристойными байками о красивых мексиканских девушках, встречавшихся ему, описав, как шестнадцатилетнюю девушку похитили из повозки, в

Шарнэ взбирается по склону вулкана Попокатепетль (5465 м), с которого в прозрачном воздухе он мог одновременно видеть купола Мехико и колокольню в Пуэбле

которой они вместе путешествовали, и изнасиловали шестеро здоровых разбойников.

Еще он рассказал о том, как один индеец, веря в то, что все иностранные археологи являются врачами, привел к нему свою бесплодную жену и упросил осмотреть ее не функционирующий должным образом детородный орган, и Шарнэ прописал ей лекарственное средство из алоэ и камфарные свечи.

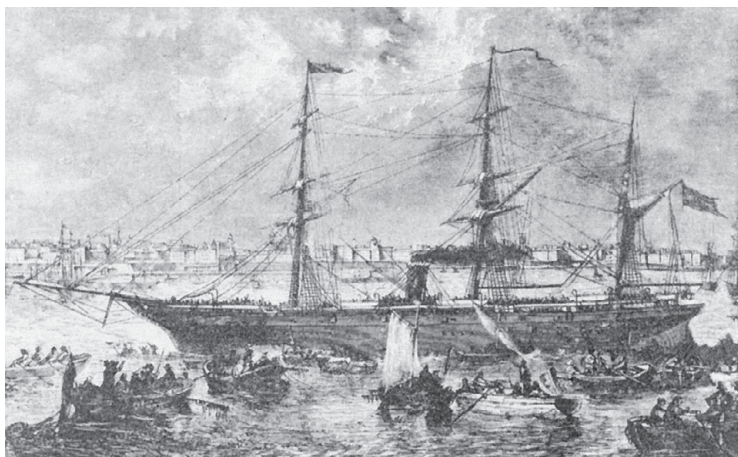
Была там и история о том, как проститутки в Мехико жертвуют часть своих ночных заработков Деве Марии, в молитве прося о регулярном притоке клиентов.

В надежде на то, что правительство Наполеона III профинансирует еще одну его поездку в Мексику, Шарнэ льстиво посвятил свойopus «императору, от которого не скроется ничто полезное, благородное или великое, который умеет почитать достоинства и поощрять скромную работу».

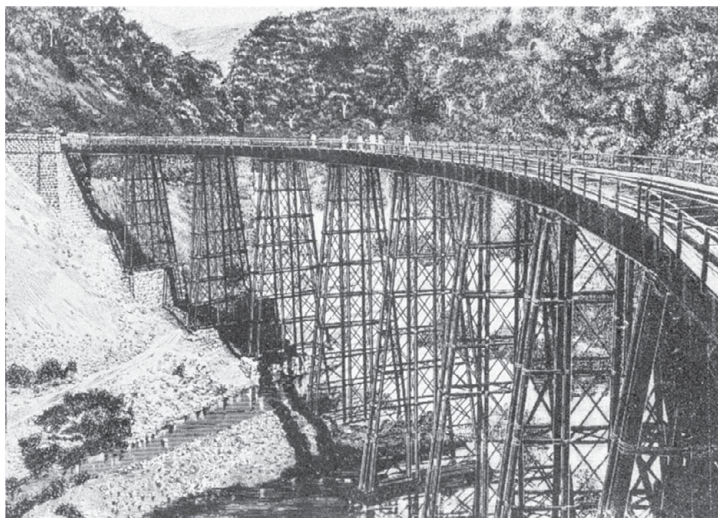
В отличие от аббата Брассёра, которым он восхищался, Шарнэ был не против путешествовать вместе с армией. В итоге он возвратился в Мексику в 1864 году, где ему было велено не торопиться и ждать окончательного ввода французской армии Базена, который последовал за князю Максимилиана в 1867 году.

Будучи по-прежнему полным решимости добиться успеха, Шарнэ провел последующие двадцать лет в поисках покровителя, пока ему не удалось убедить табачного магната Каролины Пьера Лорийяра профинансировать для него — совместно с французскими властями — надлежащую исследовательскую экспедицию в Мексику. Шарнэ жаловался — и не совсем незаслуженно — на то, что большинство писателей, особенно в Северной Америке, привыкли описывать руины в Мексике, основываясь в большей степени на том, что им рассказали случайные путешественники, а не на каких-либо тщательных исследованиях мест

К тому времени, когда Шарнэ возвратился в Веракрус, порт уже регулярно обслуживался парусно-моторными судами

По недавно построенной железной дороге Шарнэ поднимался от уровня моря, а за окном вагона мелькали все более и более величественные ландшафты; он проезжал мимо кофейных, табачных и банановых плантаций, где маленькие домики, укрытые апельсиновыми рощами и ползучими растениями, выглядели из-за огромных тенистых деревьев. Впереди виднелись очертания ослепительно ярких гор, над которыми возвышалась заснеженная вершина вулкана Орисаба (5610 м).

Когда поезд покинул густые леса умеренной зоны, полные певчих птиц, в ландшафте произошли резкие и разнообразные изменения. Они пересекли безводную пустыню и въехали в горы с глубокими ущельями, превосходно подходящие для вооруженных грабежей

Мексиканские бандиты останавливают почтовый дилижанс

На новеньких железнодорожных станциях в ленивых позах в ожидании нападения бандитов стояли деревенские стражники, вооруженные до зубов и одетые в большие войлочные сомбреро, отделанные серебром, ленточками и кисточками. Они были специалистами по выслеживанию тайных пристанищ бандитов, так как в большинстве сами в прошлом были ими. Бывшими бандитами были знаменитые *Rurales* президента Порфирио Диаса, у которого был свой способ их вербовать: в левой руке он держал пять пуль, а другую руку протягивал для рукопожатия. Новобранец мог сделать свой выбор

развалин. Поэтому он пожелал получить от мексиканского правительства разрешение на проведение настоящих раскопок с целью найти в земле остатки прошлого.

В апреле 1880 года, ровно двадцать два года спустя после своего первого появления в гавани Веракрус, Шарнэ вернулся сюда и обнаружил, что город значительно похорошел: дома сияли свежей краской, а башни и шпили — побелкой, купола украшали пирамидальные орнаменты, покрытые розовой и голубой глазурью.

Когда-то убогую площадь, которую во всех направлениях пересекали грязные ручьи, теперь покрывала очаровательная мраморная мосто-

Когда поезд достиг Пуэблы, Шарнэ нашел, что это самый чистый и самый лучший с точки зрения архитектуры город в Мексике, украшенный восемьюдесятью церквями с колокольнями, расписанными тысячами оттенков

вая и украшал тенистый парк, в котором скакали белки. Будучи таким же любителем женщин, как граф де Вальдек, Шарнэ проводил вечера, восхищаясь хорошенькими женщинами в пестрых светящихся сисююс (с исп. — «светлячок»), прогуливающих по сводчатым галереям с «красивыми магазинами и великолепными кафе». Благодаря французскому влиянию (в ходе интервенции 1860-х) кормить в Веракурсе также стали лучше. Здесь подавали отличную рыбу, вполне съедобную птицу, множество тропических фруктов, а вина были не дороже, чем в Париже. Только вездесущие черные грифы, о которых уже писал Буллок, были теми же самыми, что и в первый приезд Шарнэ.

Благодаря постройке железной дороги (при участии английских инженеров) Шарнэ получил теперь возможность доехать до Мехико на поезде. Это было огромное облегчение по сравнению с предыдущей его поездкой, когда ему пришлось воспользоваться ухабистой почтовой дорогой и тесниться в одной из «колесниц», запряженной четырнадцатью мулами, которые двигались караванами (по двенадцать повозок в каждом), возглавляемыми надсмотрщиками. Такие караваны отправлялись в полночь, после того как живописные погонщики ловили своих пасущихся с колокольчиками на шеях мулов при помощи лассо.

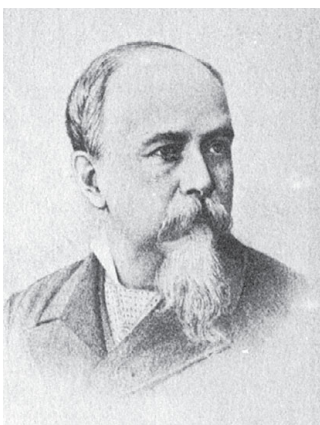
На этот раз поезд поднялся из тропиков в умеренную зону, набрав высоту по извилистой колее и пересекая ущелья глубиной более

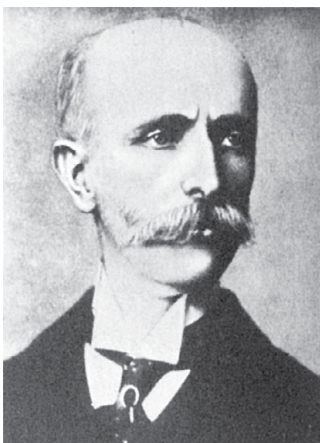
Руководствуясь теорией о том, что «двум кошкам не ужиться в одном мешке», Диас сделал себя верховным диктатором Мексики, и это положение он занимал на протяжении свыше тридцати лет благодаря простому приему — избавляться (тем или иным способом) от любого политического соперника. Тем, кто помогал ему, Диас давал работу, следуя теории, что «собака с костью в зубах не лает и не кусает»

Мануэль Ромеро Рубио, побудивший меньшинство, состоявшее из científicos, защищать демократию в Мексике, стал у Диаса министром внутренних дел, возглавил Rurales и был просто сильной закулисной фигурой. На деньги, полученные от своих нелегальных публичных домов и игорных притонов, он нанял банду индейцев-апачей, которым ежемесячно платил не за что иное, как за нападения на врагов режима

Хосе Ив Лимантур. Худощавый невысокий мужчина французского происхождения, который считал индейцев «темными, драчливыми, ленивыми, вороватыми людскими», унаследовал мантию своего шефа и возглавил científicos после смерти Рубио. Будучи министром финансов и силой, стоящей за Диасом, он в конце концов предал своего нового начальника и отнял у него власть

Científicos в Мексике.

Пока Шарнэ был в Мексике, *científicos* сочинили закон, согласно которому они могли конфисковывать общественные земли, которыми совместно пользовались крестьяне, так что 50 миллионов акров земли перешли в частные руки часто за мизерную плату: один сентаво за акр. Один такой покупатель, Луис Террассас, таким образом стал владельцем поместья в 7 миллионов акров, или 2 832 800 гектаров, то есть больше, чем штат Нью-Джерси, на территории которого он держал полтора миллиона голов крупного рогатого скота, в то время как 95,5% сельских семей в Мексике оказались без земли. Появились 10 миллионов обездоленных людей, которых было легко привлечь на фабрики, построенные иностранными инвесторами, где эти люди, подобно рабам, должны были работать за жалкие гроши четырена-

дцать часов в сутки даже по воскресеньям, которые считались выходными. Непокорных, которые теоретически были свободными гражданами, могли подвергнуть порке за любое нарушение. Мелкая кража могла повлечь за собой двести ударов. Женщин подвешивали и обливали водой с едким перцем.

Если крестьяне отказывались отдавать землю, приходили *Rurales* и солдаты федеральной армии, а вместе с ними насилие и убийства. Упрямых индейцев, которые показывали карты закрепленных за ними земель, подписанные королем Испании, окружали, сгоняли в одно место и продавали в рабство на плантации сизаля на Юкатане по цене 70 песо за голову — дополнительный барыш *científicos*. Многие женщины восставших индейцев, подобно гречанкам во времена Байрона, предпочитали бросаться вместе со своими малолетними детьми в море.

Выжившие индейцы остались без лесов, воды и каких-либо средств к существованию при отсутствии земли. В Соединенных Штатах генерал Грант объявил инвесторам, что «семь миллионов аутеков (?! — Ред.) ждут, когда начнется строительство железных дорог». Рокфеллеры, Олдриджи, Гульдэ, Гарриманы, Гугенгеймы и Маккормики ухватились за возможность купить дешевую землю и почти даром нанять рабочие руки для железнодорожных и горных концессий. Креолы *científicos*, действуя в качестве посредников и юристконсультов, быстро сколотили состояния благодаря большому гонорарам за юридические услуги, манипуляциям с акциями, взяткам и таким лобким аферам, как продажа оружия и боеприпасов индейцам-мятежникам, которых официально истребляло правительство.

И хотя миллионы исчезли в карманах *científicos*, почти ничего из этого богатства не просочилось вниз. Практически ничего не было потрачено на школы или образование. Реальная заработная плата сократилась и стала меньше, чем была сто лет назад при испанцах.

Считая мексиканцев слишком тупыми для парламентской демократии, *científicos* с успехом сделали фарс из процесса выборов, открыто заполняя бюллетенями урны для голосования и запугивая избирателей при помощи шаек вооруженных *Rurales*. Все назначения на посты в конгрессе и кабинете министров, а также на посты губернаторов исходили от Диаса при поддержке *científicos*, но губернаторов и судей можно было отстранить от должности простым большинством голосов в марионеточном конгрессе Диаса.

Профсоюзные организации были объявлены вне закона, забастовки подавлялись при помощи армии. От бунтарей, оказавшихся в ее рядах, можно было избавиться по «закону о побеге»: убит при попытке к бегству.

Для противников, которые были слишком на виду, у Диаса имелаась команда наемных убийц, которые могли вызвать любого нужного человека на дуэль обычно с фатальными для него последствиями. Если такого наемного убийцу все же помещали в тюрьму, то очень скоро он попадал под амнистию.

Судьи поступали так, как им скажут, и только официальные юристы выигрывали свои дела. Шефом полиции был родной племянник Диаса Феликс Диас. Репортеров, которые слишком близко подбирались к правде, избивали или убивали из-за угла. Одного нежелательного редактора приговорили к сроку тюремного заключения за материал, опубликованный в поддельном выпуске его собственной газеты, мошеннически состряпанном друзьями судьи, который вынес приговор. Мексиканских писателей, которые искали убежища в Соединенных Штатах, выдавали властям Мексики, где они подвергались наказанию. В обмен на это США имели уступку в виде, например, морской базы в бухте Магдалена.

Зарубежным корреспондентам платили за то, чтобы те пели хвалу Диасу по всему миру, в результате чего госсекретарь США Элиху Рут заявил: «Я считаю Порфирию Диаса, президента Мексики, одним из величайших людей, которому человечество должно поклоняться как герою». Налицо был замысел создания ряда диктатур, финансируемых Соединенными Штатами, от Муссолини до Трухильо и Франко. Сети этих диктатур было суждено заразить планету на сто лет вперед. Подробно описанная такими авторами, как Карлтон Билз, такая политика привела к кровавой пролитию по всему миру

300 м, на дне которых растительность по-прежнему оставалась тропической.

Единственной деталью, оставшейся без изменений со времени предыдущей поездки Шарнэ, было засилье бандитов, из-за чего поездка должна была сопровождаться вооруженная охрана.

В Апане поезд нагрузили бочонками, полными «густой, тягучей, желтоватой жидкостью с отвратительным запахом». Это был самый лучший в Мексике пульке, как писал Шарнэ, «настолько же превосходящий все остальные напитки, насколько шамбертен превосходит обычный кларет».

Когда поезд достиг равнины Отумба, он прошел вблизи пирамид Теотиуакана, по-прежнему покрытых травой и кустарником.

На окраине Мехико Шарнэ заметил множество красивых вилл там, где когда-то были только болота. В городе же главная площадь, или по-испански *zocalo*, которая когда-то была плохо вымощенной, стала прекрасным садом под сенью эвкалиптов более 2 м в обхвате и

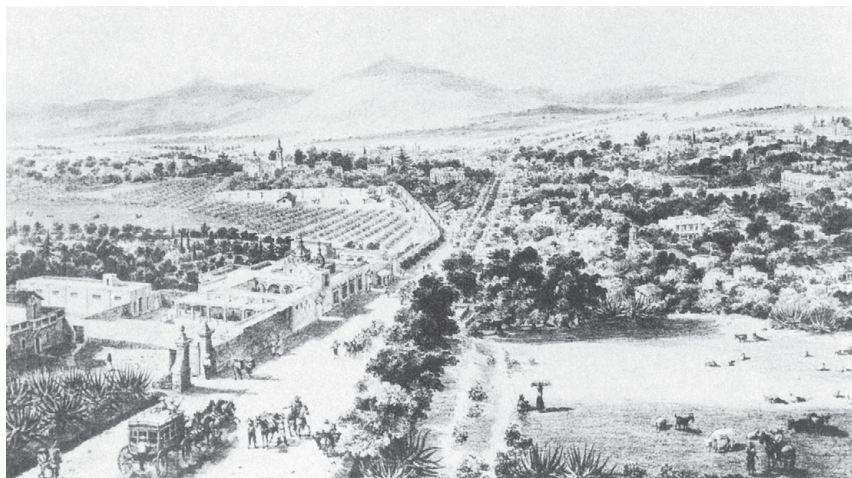

Место для гулянья — дубовая аллея у собора на Пласа Майор в Мехико. По вечерам здесь при свете луны гуляло «общество», и кавалеры имели возможность завоевывать самых красивых женщин, осторожно выглядывающих из-за своих испанских шалей

свыше 30 м в высоту. Под ними раскинулся красивый сад с павильоном для концертов.

Но самым заметным изменением для Шарнэ было отсутствие на улицах священников. После того как Хуарес в 1867 году вошел в город, все священники исчезли, отправившись в ссылку или став частными гражданами, занявшись бизнесом или женившись. Даже монахи женились или стали протестантами и начали служить библейским обществам из Нью-Йорка и Бостона, которые расплодились, как грибы после дождя вместе с притоком иностранного капитала, выпрошенного генералом Диасом.

По словам Шарнэ, везде чувствовался новый дух предприимчивости, который превратил дворец губернатора в место встреч с гражданами. Исключение составляло конечно же огромное большинство индейцев, как поторопился уточнить он. Тонкий налет прогрессивности служил повязкой на открытой ране. Крестьяне в своих хлопковых одеждах и соломенных сомбреро по-прежнему не допускались на главные улицы столицы. Они должны были надевать европейские брюки, которые можно было взять напрокат на один день у торговцев на окраинах города.

Дилижанс, или повозка, запряженная лошадьми, проезжает мимо Такубы по дороге из Мехико в Тулу

Мексиканских индейцев считали слишком отсталыми и невежественными для того, чтобы управляться самостоятельно, и их совершенно лишила власти или слова в правительстве группа заправил-креолов, известная как *científicos*. Они считали, что могут «научно» превратить Мексику в государство западного образца с иностранным капиталом, и действовали как элита за спиной диктатуры Порфирио Диаса.

В этой атмосфере мнимого процветания Шарнэ безуспешно пытался пробудить в мексиканцах свежий интерес к своим историческим руинам. Он разработал теорию, согласно которой в Центральной Мексике когда-то существовала обширная империя тольтеков, распространявшая свою власть из легендарной столицы под названием Толлан на Теотиуакан, Толуку, Хочикалько, Чолулу и даже Чичен-Ицу, расположенную в 1100 км к востоку. Из отрывков произведений Фернандо де Альвы Иштлильшочитля, которого он считал во всех отношениях достойным доверия (как Геродота или Плутарха) и чьи произведения, наконец, готовились к публикации другом Шарнэ, мексиканским историком Альфредо Хавьеро, — Шарнэ вынес убеждение в том, что остатки тольтекской столицы Толлана должны быть найдены в земле современной деревни Тула в провинции Идальго к северу от Мехико.

Вооружившись необходимым разрешением у друга в министерстве образования, Шарнэ, наконец, сел на поезд, который провез его мимо Такубы, где до сих пор можно было увидеть огромный одинокий кипарис, под которым Кортес оплакивал своих соратников, павших в

Панорама городка Тула, провинция Идальго.

Шарнэ сказали, что глупо искать древний город Толлан рядом с селением Тула и что этот город — выдумка, которая, как и Кецалькоатль, никогда не существовал. Но к проведению раскопок Шарнэ побудило знание того, что двадцать лет назад бедный пастушок, ковыряясь во влажной земле Тулы, нашел сосуд, содержащий пятьсот унций золота, который он продал за несколько медяков

«Ночь печали». В Куаутитлане, вооружившись мощным ружьем для защиты от бандитов — глядя на него, пассажиры заулыбались, — обретя уверенность, Шарнэ сел в запряженный мулами дилижанс и отправился в путь по такой пыльной и каменистой дороге, что от нее его попутчиков тошнило.

У подножия горы Коатепетль, где река извивается, протекая по узкой долине, дилижанс галопом пересек ее мутные воды и высадил Шарнэ в том месте, которое он считал местом расположения когда-то великой столицы тольтеков. Это была тихая индейская деревушка с населением 1500 человек, спрятавшаяся в тени огромных ясеней. На близлежащих полях виднелись только несколько не подающих надежд курганов, поросших растительностью. Но, работая с группой местных землекопов, Шарнэ вскоре наткнулся на большие блоки черного базальта с явными следами скульптурной работы. Они имели более двух метров в длину и тридцать сантиметров в диаметре, и ему показалось, что это ступни гигантских статуй, которые, очевидно, использовались в качестве кариатид (их он назвал «атлантами»), предназначенных для того, чтобы поддерживать очень большое здание.

В 1940 году мексиканский археолог доктор Хименес Морено показал, что Тула действительно была столицей тольтеков, построенной приблизительно в 900 году, значительно позже того времени, когда был разрушен и покинут Теотиуакан. В свою очередь, Тула была уничтожена в XII веке вторгшимися ацтеками, которые унесли с собой большую часть ее каменных построек и скульптур, чтобы построить Теночтитлан. Из всех построек, обнаруженных в Туле Шарнэ, мексиканское правительство со временем реконструировало и восстановило пирамиду высотой 9 м, разделенную на пять уровней, украшенную прекрасными фресками, а также несколько гигантских кариатид высотой 4,5 м, известных как «атланты» и вооруженных необычным оружием

Там были также обломки огромной каменной гремучей змеи, голова которой когда-то являлась основанием большой колонны, а хвост поддерживал капитель, что во многом походило на то, что Шарнэ видел двадцать лет назад в Чичен-Ице. Как и в Чичен-Ице, он также нашел здесь тяжелое каменное кольцо диаметром почти два метра с отверстием шириной тридцать семь сантиметров, которое явно было частью площадки для игры в мяч.

Так как фигуры на фризах, найденных в Туле, изображали собой тех же самых правителей и воинов, что и в Чичен-Ице, то создавалось впечатление, что и те и другие были сделаны одними и теми же тольтеками.

Немного в стороне Шарнэ обнаружил остатки большой пирамиды, покрытой густой растительностью, сквозь которую он все же смог разглядеть ее поверхность с толстым слоем штукатурки. Это было волнующее и важное открытие. Но, даже при невероятно дешевых рабочих ру-

По мере продвижения раскопок в окрестностях Тулы Шарнэ нашел остатки, как оказалось, целого дворца, с длинной стороны 19 м и внутренним двориком с садом, которые вместе занимали свыше 230 м². На одной стене был барельеф, изображавший двух бородатых мужчин, который озадачил Шарнэ, поскольку изображенные мужчины были явно не индейцами

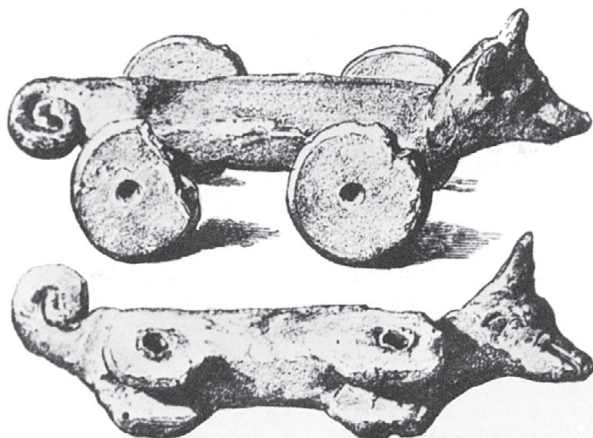
как (наем одного землекопа стоил меньше, чем наем мула), раскопки самой пирамиды обошлись бы в гораздо большую сумму, чем Шарнэ мог получить от Лорийяра.

Несомненно, Шарнэ полагал, что находится на месте древнего Толлана, а сильное сходство между его рисунками орнаментов и тем, что он видел в Чичен-Ице, привело его к убежденности, что цивилизация тольтеков была источником высокой культуры для всей Центральной Америки.

Но профессиональные археологи, которые считали Шарнэ ненадежным и увлекающимся романтиком, встретили его открытия с той же сдержанностью, с которой были встречены сделанные в тот же период открытия Генриха Шлимана под холмом

На Монте-дель-Фраиле на высоте около 4000 м, откуда можно было обозреть пирамиду Чолулы, Шарнэ обнаружил кладбище, которое, как он считал, принадлежало тольтекам. Производя раскопки захоронений, он наткнулся на несколько колесниц из терракоты, видимо, древних игрушек, показывающих, что жители Мезоамерики были знакомы с колесом. Когда Шарнэ ска-

зали, что это современные подделки, он уронил один из этих предметов со словами: «J'ai laissé tomber l'objection, qui serait une insulte à ma bonne foi». Позднее в Мезоамерике были найдены и другие игрушки на колесиках, похожие на колесницы из терракоты, сделанные финикийцами. Самое трогательное объяснение того, что майя знали, но не использовали колесо, предложил Стейси-Джадд. Он предположил, что выжившие и оказавшиеся на Юкатане жители Атлантиды извлекли урок из гибели своей бывшей цивилизации, чрезмерно увлеченной колесом!

Гиссарлык в Турции древней Трои и в Микенах (Греция). Они решительно отрицали, что Шарнэ нашел Толлан.

И только в 30-х годах XX века, когда результаты его раскопок были, после того как был открыт Монте-Альбан (что оживило веру в правдоподобность старых преданий), заново изучены, стало ясно, что Шарнэ, видимо, был прав, а артефакты, найденные в Туле, непосредственно относились к тольтекам, как и говорил Шарнэ, только к несколько более позднему времени, между закатом великого города Теотиуакана около VIII века и приходом ацтеков в XIII.

Глава 12

ПЕРВЫЕ НАСТОЯЩИЕ РАСКОПКИ

Огорченный тем, как его современники приняли результаты его раскопок в Туле, Шарнэ решил энергично взяться за раскопки Теотиуакана и посмотреть, не сможет ли он доказать, что этот город также был городом тольтеков, сопоставимым с Тулой. Эта идея нашла еще меньшую поддержку.

Благодаря железнодорожному строительству при диктатуре Порфирио Диаса Шарнэ теперь имел возможность доехать из Мехико в

Шарнэ был поражен разнообразием человеческих типажей, воплощенных в масках, часто изготовленных с большим художественным мастерством. В них были кавказские, греческие, китайские и японские черты. Были также головы по типу майя со скошенными назад лбами. Такие он уже видел на Юкатане. Они, казалось, подтверждали теорию Виолле-ле-Дюка о притоке сюда европейцев и азиатов и заставили Шарнэ сделать примечание о том, что многочисленные народы, вероятно, сменяли один другой и слились воедино на этом континенте, «который до недавнего времени считался таким молодым, а на самом деле такой старей».

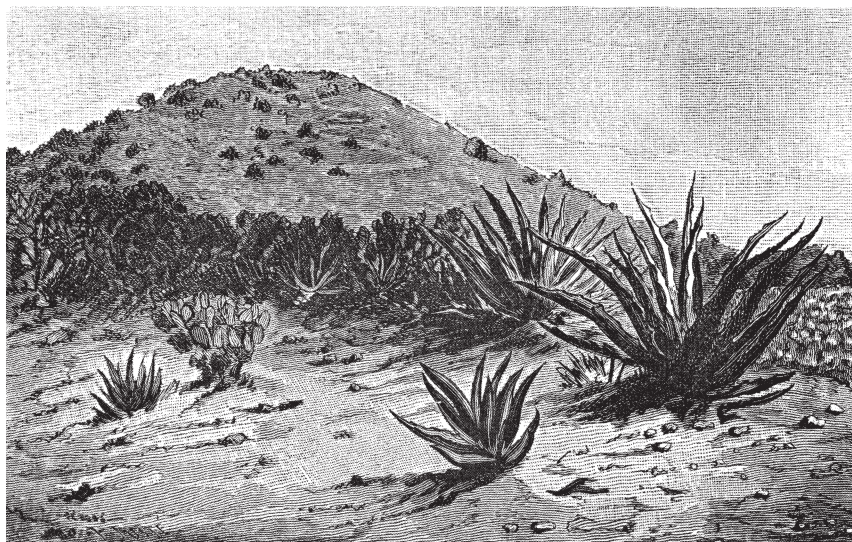
За пятнадцать лет изучения тысяч глиняных голов и фигурок доколумбовой эпохи искусствовед Александр фон Вутенау обнаружил портреты различных рас и типов людей: монголоидной, в том числе японского и китайского типов, негроидной расы и всех типов белой расы, особенно семитского типа с бородой и без нее

Сан-Хуан Теотиуакан в комфортабельном железнодорожном вагоне всего лишь за шестьдесят минут или чуть более того.

От Сан-Хуана Шарнэ добирался до пирамид пешком. Его взгляд наткнулся на всевозможные обломки, которыми были усеяны поля: кусочки керамики, маски, большие и маленькие фигурки. Там были божки, приношения, разбитые чаши, каменные топоры и разнообразные куски обсидиана (вулканического стекла) обычно черного цвета, из которого можно было сделать твердое режущее лезвие. Обсидиан для древних обитателей этой долины был материалом для изготовления ножей, инструментов и оружия (как и во многих других местах по всему обитаемому миру). Переходя через русло реки, которая протекает через Теотиуакан, Шарнэ находил много обсидиановых камней сероватого и черного цвета.

Под палящим солнцем Шарнэ забрался на пирамиду больших размеров, которая, согласно его измерениям, поднималась под углом 47 градусов там, где еще сохранялось цементное покрытие. Был погожий, ясный день, и Шарнэ был вознагражден открывшимся ему с вершины пирамиды видом на озеро в долине Мехико, заснеженный пик вулкана Истаксиуатль, возвышающийся над хребтом Сьерра-Невада, а на севере и северо-востоке виднелись очертания других хребтов.

Шарнэ превзошел Прескотта, нарисовав в своем воображении огромный мертвый город, который когда-то окружал эту пирамиду, вос-

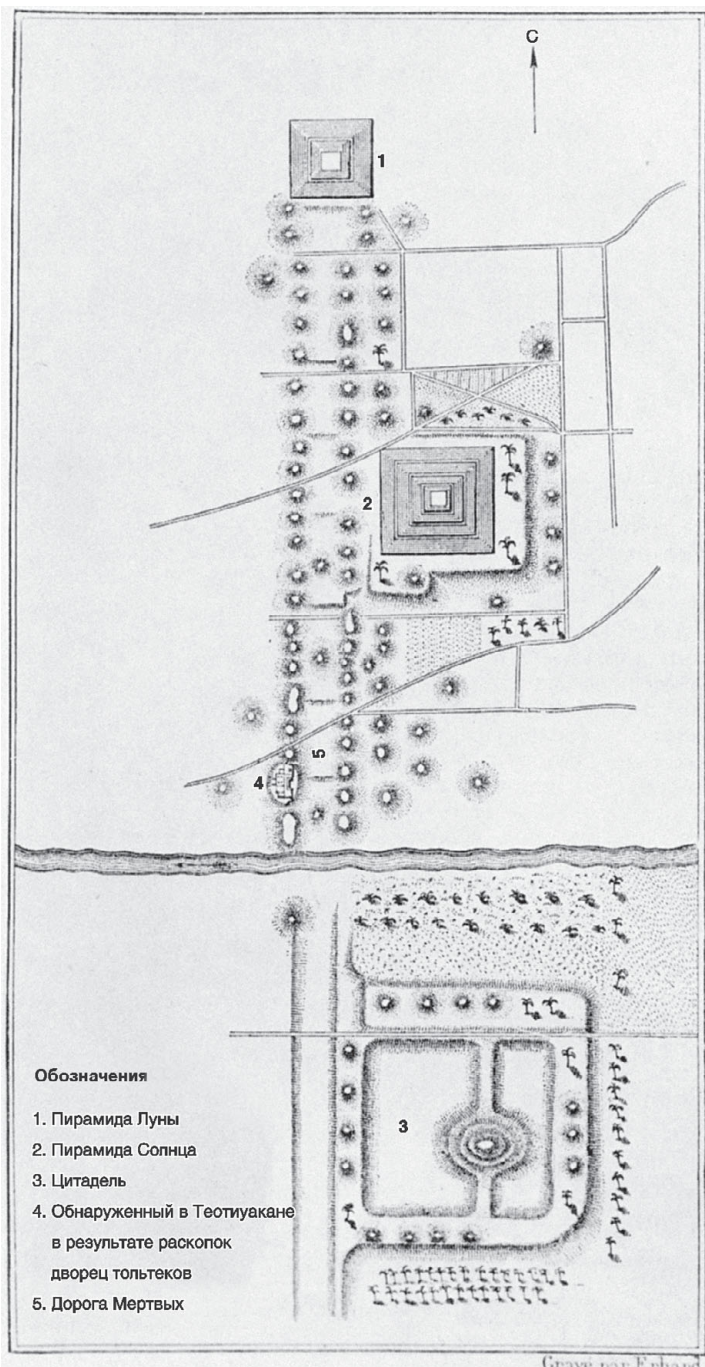

Как и Гумбольдт, Шарнэ обнаружил, что пирамида Солнца поделена на четыре яруса, три из которых были еще видны глазу. Но его описание пирамиды так сильно совпадает с основанными на слухах рассказами, которые повторил Гумбольдт, что едва ли оно выглядит оригинальным. Более яркими кажутся его описания того, как он нашел на вершине пирамиды Луны превосходную сергу из обсидиана, тонкую, как листок бумаги, которую притащили на поверхность земли муравьи, строившие себе дом

кресив перед мысленным взором его жилища, храмы и пирамиды меньших размеров, «облицованные розовой и белой штукатуркой». Они стояли в окружении зеленеющих садов, которые пересекали красные дорожки, выложенные красным цементом, — и все это купалось в потоке солнечного света».

Вместе с сопровождавшим его индейцем Шарнэ затем исследовал останки курганов-маундов, известных под названием «Цитадель», которые он поэтически сравнил с огромным теннисным кортом высотой около 5 м и длиной 80 метров. Заметив пятнадцать курганов средней величины и один высокий курган в центре, он интуитивно пришел к заключению, что это место, вероятно, использовалось скорее для публичных церемоний, чем в качестве цитадели.

Проводник привел Шарнэ к какому-то изобилующему пещерами карьере, расположенному в 4 км к западу от пирамиды Луны. Очевидно, там добывали большую часть камня для строительства пирамид. Там Шарнэ обнаружил три узкие галереи, которые разветвлялись в различных направлениях под углом 45 градусов друг к другу и вели к различным пещерам. Одна из них представляла собой несколько боль-

Обозначения

1. Пирамида Луны
2. Пирамида Солнца
3. Цитадель
4. Обнаруженный в Теотиуакане в результате раскопок дворец тольтеков
5. Дорога Мертвых

ших залов, подпираемых невероятно тонкими колоннами. Другая была похожа на ротонду и заполнена человеческими останками, которые, как ему сказали, принадлежали жертвам разбойников, использовавших эту пещеру для их захоронения.

Если верить словам проводника Шарнэ, пещеры тянулись на 5 км и доходили до пирамиды Солнца и дальше, где, как поговаривали, вся земля изрыта пещерами.

Поскольку Шарнэ, как и в Туле, был прежде всего заинтересован в проведении раскопок с целью обнаружения следов древнего города Теотиуакана (где он надеялся найти остатки дворцов или жилых домов, чтобы установить, что город построен руками тольтеков), а для этого были нужны землекопы, то он вместе со своим проводником возвратился в деревню Сан-Хуан, чтобы собрать добровольцев.

Своим жильем в деревне Шарнэ был совсем не доволен. Единственным местом, где можно было поспать, был пол в пустой комнате, находившейся в доме, в центре которого располагался дворик, вымощенный кирпичом. Комната была лишена мебели, потому что, как выразился Шарнэ, «любой, кто хотел, мог лечь рядом с вами, а омоения приходилось делать у колодца в присутствии половины населения деревни, собравшегося во дворе».

Шарнэ помнил, что до того, как была построена железная дорога, эта деревня была шумной почтовой станцией, где можно было сменить мулов (более двух тысяч в день) по дороге в Мехико и обратно, «когда целый день было слышно, как хлопают руки торговков кукурузными лепешками и кто-то шумно распивает пультке». Теперь деревня словно вымерла.

Шарнэ пишет, что ужинал в тот вечер больше для того, чтобы не обидеть своего хозяина, нежели потому, что ему понравилось меню. Он также своей учтивостью хотел заручиться поддержкой местных властей, которые выделили бы ему на завтра достаточное, чтобы начать раскопки, количество людей.

Убежденный в том, что деревня Сан-Хуан занимает часть древнего города Теотиуакана, Шарнэ решил выкопать четыре траншеи прямо на небольшой площадке недалеко от Главной площади, которую обычно использовали для боя быков.

Две первые траншеи не дали никакого результата. В третьей землекопы обнаружили дюжину детских и полдюжины взрослых могил, кости в которых рассыпались в пыль, когда Шарнэ брал их в руки.

Наряду с несколькими обсидиановыми ножами в могилах были найдены останки собак и птиц, предназначенных для еды умерших во время их скитаний в потустороннем мире. Дети были захоронены в круглых сосудах с прямыми краями. Их скелеты были почти целыми, но черепа, тонкие, как бумага, при касании рассыпались на кусочки.

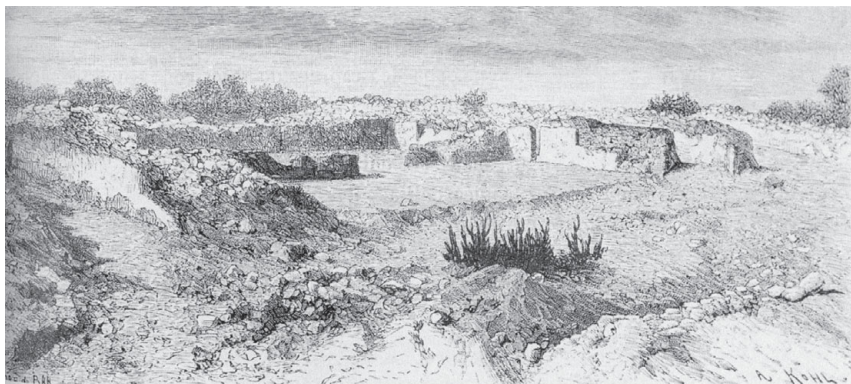

Приближаясь к очаровательной церкви в стиле барокко, расположенной в конце большой улицы, обсаженной хорошо политыми тополями и кедрами, Шарнэ почувствовал смятение от того контраста, который она являла собой с крошечными индейскими хижинами, внутри которых жались друг к другу целые семьи, лежа на утоптанном земляном полу. Полураздетые или в лохмотьях, они «задыхались летом и замерзли зимой, питаясь горсткой бобов и маисовыми лепешками, муку для которых женщины получали, растирая зерна в ступках, сидя на коленях перед своими лачугами».

Отметив в своем дневнике, что дети индейцев умирают в большинстве своем на первом году жизни, а мужчина едва зарабатывает шиллинг в день, чтобы обеспечить семью из восьми или девяти человек, Шарнэ раздал индейцам несколько медяков, чтобы они вышли пультке за его здоровье

Шарнэ взялся за устроенную в виде террас площадку, обращенную к дороге Мертвых, и нашел среди наземных и подземных построек стены с лепниной, расходящиеся во всех направлениях поверх слоев керамики, украшений и детрита. Они привели его к выводу, что город строили и перестраивали несколько раз, а когда одно здание разрушалось, то новый жилец, вместо того чтобы расчистить землю от старого мусора, просто разравнивал его и клал новый пол на спрессованный детрит

Из того факта, что тела не были кремированы, Шарнэ сделал вывод, что он наткнулся на бедный квартал древнего города.

Полный решимости показать, что Теотиуакан был таким же процветающим городом, как и Тула, Шарнэ стал искать более удачное место для раскопок. К северу от реки он заметил фрагменты стен, разбитый цемент и террасы. Стоило только землекопам приналець, и через три дня раскопок ему удалось откопать десять комнат, которые образовывали часть большого дома с внутренними двориками, жилыми комнатами на различных уровнях, крыши, поддерживаемые колоннами. А одно помещение имело 223 м по периметру! Стены, толщиной почти 2 м, были построены из камня и строительного раствора и покрыты толстым слоем цемента: у своего основания они имели наклонный подъем на высоту около 1 м, а затем поднимались перпендикулярно.

Шарнэ отнес это здание к категории «дворец», потому что в нем было несколько комнат, которые казались помещениями для приемов. В них были стены, украшенные лепниной и фресками, на которых можно было еще различить красные, черные, синие, желтые и

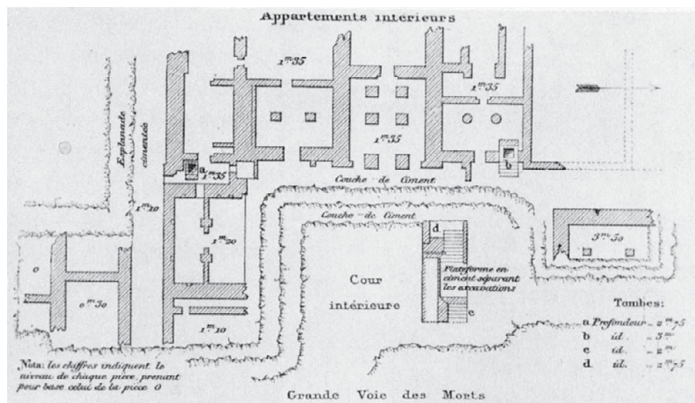

Мануэль Ороско-и-Берра

белые цвета. Шарнэ хотелось бы раскопать «спальные покои», которые, как он чувствовал, находятся за пределами дворца, но большая их часть находилась под кукурузным полем, которое нельзя было трогать.

Проникнувшись убеждением, что он только «слегка поцарапал» поверхность огромного спящего города, который может открыть огромные сокровища, Шарнэ телеграфировал своим друзьям в Мехико, историкам Альфредо Хавьеро и Мануэлю Ороско-и-Берре (которые делали вид, что интересовались археологией Мексики),

призывая их присоединиться к нему и посмотреть на его находки. Другая телеграмма была послана, чтобы убедить правительство Мексики начать систематические раскопки в Теотиуакане. Ни правительство, ни друзья не удостоили его вниманием. Один друг сообщил, что у него болит голова, а другой сослался на «менее поэтический недуг».

В качестве утешения Шарнэ удалось отделить от стен некоторые фрески, которые он откопал, и послать их в Париж, где их выставили на Трокадеро. Там они со временем пробудили достаточный интерес у археологов, в результате чего раскопки в Теотиуакане не прекратились.

Решив также сделать слепки с каменных барельефов в Паленке, которые он не сумел сфотографировать во время своего предыдущего визита, Шарнэ в конце концов сумел получить неохотное разрешение правительства Мексики поехать по стране, включая мятежные районы Юкатана. Но ему было поставлено условие, что он возьмет с

собой полковника артиллерии, который должен был «наблюдать, разделять с ним его труд и открытия». Предполагая — и очень вероятно, что так оно и было, — что Шарнэ действует в качестве чьего-то шпиона, правительство выбрало покладастого ветерана, принимавшего участие в войне против Максимилиана, дона Переса Кастро. Чтобы вести записи всего, что они могут обнаружить во время своих путешествий, мексиканцы выбрали молодого француза Альбера Лемера, рожденного в Мексике.

В Паленке путешественники увидели, что ни о чем не подозревающий человек может пройти в нескольких метрах от развалин города и не заметить их. Большая часть храма Креста разрушилась с тех пор, как Шарнэ впервые увидел его двадцать два года назад, а многие барельефы исчезли благодаря любителям собирать всякие обломки и благодаря растительности. Корни деревьев и кустарников разрушили многие стены, и они рассыпались.

«Но мое восхищение этим величественным местом, этими разрушенными храмами, этими пирамидами, — записал Шарнэ, — очень глубоко, более того, неодолимо».

Чтобы получить слепки с оставшихся барельефов, Шарнэ использовал способ, изобретенный французом Лантемом де Лавалем, который состоял в том, чтобы наклеить шесть слоев мокрой бумаги на барельефы и дать этой массе высохнуть. Таким способом Шарнэ смог получить 30 м² отпечатков, которые весили четверть тонны, вместо почти 14 тонн — столько весили бы слепки, сделанные из гипса.

Но работа была нелегка. Почти непрекращавшийся дождь вынуждал Шарнэ переделывать десятки отпечатков. Сырость пробирала до костей, а на шляпах исследователей выросла плесень. Скользя по грязи, они часто оказывались в ней спиной и другими частями тела. По ночам капли воды, срывавшиеся с зеленоватого мха стен, струились по их шеям.

Днем Шарнэ и его спутники становились жертвами массы насекомых, главным образом мексиканских разновидностей москитов и клещей. Правда, для борьбы с малярией у Шарнэ теперь был хинин из коры хинного дерева, открытый в 1820 году двумя французами, Кавенту и Пеллентье (на самом деле алкалоид хинина был открыт в 1813 году

Таким способом Шарнэ преодолевал некоторые трудные переходы в Мексике

Кухня Шарнэ в Паленке. В отличие от Стивенса и де Вальдека, которые питались кукурузной мукой и игуанами, обед Шарнэ (спасибо господину Лорийяру) обычно был таким: суп-пюре из черных бобов с бульоном из улиток, оливки из Валенсии, колбаса из Арля, цыпленок с чесноком и красным перцем, жареный тогпе со шнитт-луком и гарниром из пальмовой сердцевинки и спаржи, тефтели из черных бобов, блинчики, американские сыры, бордоские и арагонские вина, кофе, гаванские сигары и спиртной напиток Xtabentum

В Чичен-Ице Шарнэ и его компаньоны поднялись на «Кастильо», который, как они убедились, был по-прежнему покрыт растительностью, в которой жили птицы, змеи и игуаны. Чтобы не попасть в засаду мятежников, они укрылись в главном зале и выставили часовых. Чичен-Ица чем-то напоминала Шарнэ искусство Индии, особенно это касалось огромных фигур идолов, украшавших фриз вокруг «Дворца монахинь». В Ицамале, расположенном приблизительно в 100 км отсюда, гигантские лица, глядящие со стены рукотворной пирамиды, напомнили Шарнэ египетского сфинкса. В Ушмале в архитектуре дворца правителя исследователь обнаружил греческое влияние; в Паленке — ассирийские мотивы; в Митле — китайские. Другие скульп-

Ф.И. Гизе, профессором Харьковского университета. — *Ред.*): его использованию содействовала жена испанского посла в Перу.

Другим изменением к лучшему по сравнению с первой поездкой Шарнэ в Паленке — тогда он ел в ужасающих количествах обычную кукурузную муку, разведенную водой, а также суп из речных улиток — были вкусные французские обеды, которые готовил опытный повар. В дополнение к ним шли гаванские сигары, кофе и местный спиртной напиток под названием Xtabentum.

Как только бумажные отпечатки барельефов были благополучно упакованы и отправлены во Францию, Шарнэ и полковник выехали в Чичен-Ицу в сопровождении охраны из пятидесяти солдат, отданных в их распоряжение губернатором Мерида для защиты от юкатанских мятежников. Их так и не смогли утихомирить с 1847 года, когда началось восстание; они совершали набеги из своих лагерей, находящихся под защитой непроходимых тропических лесов Юкатана и Кинтана-Роо.

За прошедшие десятилетия большинство крупных городов Юкатана были сожжены мятежниками, а половина населения до сих пор жила, держа оружие под рукой, тогда как другая половина работала на полях или спала.

Крепость Кукулькан.

Эта пирамида высотой около 23 м имеет четыре лестницы по 91 ступени в каждой, то есть всего 364 ступени. Если добавить самую верхнюю платформу, то получится 365 — по числу дней в году. 18 ступеней более крупного размера изображают 18 месяцев года. 52 панели в больших ступенях соответствуют веку у майя, равному 52 годам

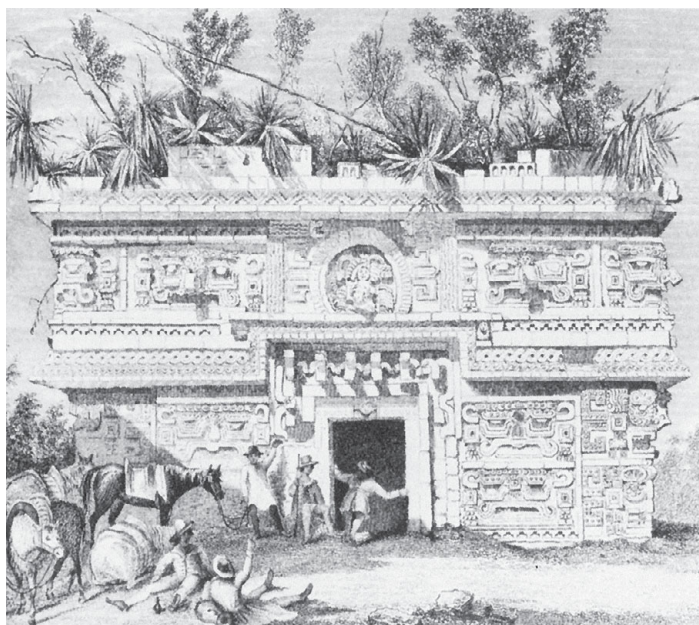
туры вызывали ассоциации с Малайей, Камбоджей и Явой, по которым Шарнэ путешествовал в промежутке между своими поездками в Мексику. Он обнаружил, что ступенчатые пирамиды Юкатана сильно напоминают пирамиды в Ангкор-Тхоме и Ангкор-Вате. Все это подтверждало для него теорию его первого покровителя, Виолле-ле-Дюка. Но чтобы доставить удовольствие своему теперешнему покровителю Пьеру Лорийяру, Шарнэ пожелал сделать что-нибудь оригинальное. Он захотел заново открыть и назвать в честь Лорийяра наименее известные и самые обширные руины, оставшиеся от народа майя, под названием Яшчилан (Йашчилан), расположенные на границе с Гватемалой, о которых Стивенс писал, что это город-призрак.

С огромным трудом Шарнэ организовал экспедицию, которая медленно продвигалась вверх по течению реки Усумасинта, и уже нахо-

Женский монастырь в Чичен-Ице, гораздо более разрушенный и заросший, чем в те времена, когда его в последний раз, пятьюдесятью годами раньше, видел Стивенс

Монастырь, каким его увидел Стивенс в 1840 году

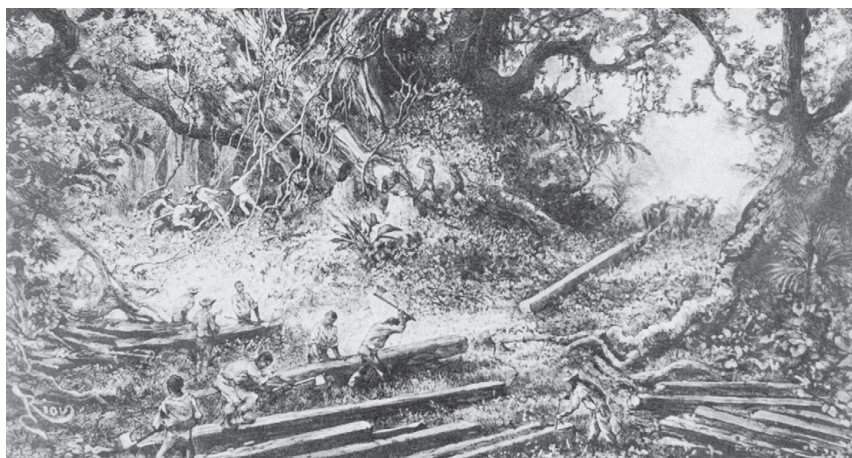

дился в одном дне пути от своей цели, когда обнаружил, что его обошел англичанин-одиночка Альфред Персиваль Модсли, который был занят тем, что расчищал место и делал красивые рисунки и фотографии многочисленных стел.

Когда Шарнэ наконец приплыл в Яшчилан на каное, присланном Модсли, англичанин только взглянул на выражение его лица и сказал с добродушным смешком: «Все в порядке. Нет причин вам выглядеть таким расстроенным. То, что я опередил вас, простая случайность. И случись иначе, это тоже было бы случайностью. Вы не должны опасаться меня, ведь я всего лишь любитель, путешествующий

Останки храма в Лорийяре

Будучи служащим британской колониальной службы, Модсли настаивал на том, что он приехал в Центральную Америку, чтобы просто скрыться от холодной английской зимы. Всего Модсли совершил семь экспедиций в Центральную Америку, проводя значительное количество времени на руинах Копана, Киригуа, Паленке, Яшчилана, Тикаля и Чичен-Ицы. Результаты исследований в виде отливок, великолепных фотографий развалин, особенно иероглифических текстов, карт и планов, а также чрезвычайно хороших рисунков с рельефных фигур, сделанных его компаньонкой мисс Анни Хантер, были опубликованы между 1889 и 1902 годами в двадцатитомном издании под, возможно, намеренно расплывчатым заглавием «Биология Центральной Америки, или Вклад в научные знания о флоре и фауне Центральной Америки». Модсли с величайшим трудом пробирался в Копан с вереницей мулов, нагруженных тоннами гипса, решив сделать слепки со стел. Когда слепки, наконец, попали в Англию, они бесславно закончили свой путь в подвалах Южного отделения Кенсингтонского музея

Альфред Персиваль Модсли за работой

ради своего удовольствия. Вы другое дело. Но я не собираюсь ничего публиковать. Да ладно, я уже подготовил место, а что до развалин, так я передаю их вам. Вы можете дать название городу, заявить, что открыли его. Да делайте что хотите! Я не буду вам никак мешать. Вы можете даже обойтись без упоминания моего имени, если пожелаете».

Шарнэ ответил, что он глубоко тронут добротой англичанина и «ему лишь доставит наслаждение разделить с ним славу исследователей города», а дальше он уже не замечал этого человека. Он назвал этот город Лорийяром «в честь необычайно щедрого человека, который частично оплачивает расходы экспедиции». Это название просуществовало едва ли дольше, чем пребывание Шарнэ в городе-призраке, и было бы известно миру разве что как реклама табака, если бы Шарнэ не посвятил ему главу в книге «Древние города в Новом Свете», которую он опубликовал, возвратившись во Францию. Эта книга была замечательна скорее своими литографиями, которые были, главным образом, копиями работ других людей, нежели своим скучным текстом.

После одной из своих последних поездок на Юкатан в 1886 году Шарнэ вернулся во французский Алжир, где написал два сентименталь-

В городе Лорийяре Шарнэ нашел каменное дверное перекрытие, которое он считал самым удивительным памятником из всех, виденных им в Америке. Предположив, что на нем изображена церемония в честь Кецалькоатля, он считал, что стоящая на коленях фигура — это жрец, протягивающий веревку через свой язык. Шарнэ процитировал Саагуна и епископа Ланду, писавших, что жрецы подвергались епитимье: им протыкали языки, уши и интимные части тела четырьмя или пятью сотнями палочек толщиной дважды превышающей большой палец, которые были связаны концами между собой и образовывали длинные шнуры. Он также цитировал Клавиджеро, который утверждает, что кровь, которая вытекала из этих нанесенных себе ран, бережно хранили на листьях растения под названием аксойатль. Вспомним, что в другой части света поклонявшиеся индуистскому многоликому по своей сути богу Шиве и его жене Кали также имели обыкновение подвергать себя истязаниям, протягивая веревку через свои пронзенные языки

ных романа, озаглавленные «Индийская принцесса» и «Сквозь девственный лес». В них он писал о красоте индианок и метисок в Мексике, чью «чистую кожу, прекрасные формы и тонкие вышитые рубашки, обтягивающие их крепкие груди» он не может забыть. Как он признался, на одной из них, «черноволосой, в тунике из легкого газа, который едва скрывал красоту ее тела, с глазами полными робких обещаний», он чуть не женился. «Только призвав себе на помощь огромное мужество, я смог проснуться ночью, оседлать мула и быстро уехать».

Перед смертью Шарнэ перевел на французский язык письма Кортеса к Карлу V и «Историю происхождения индейцев», написанную Х.Ф. Рамиресом. Но его главным достижением было то, что он поехал на развалины в Мексике и, взяв кирку и лопату, показал, что в ее земле в ожидании раскопок лежат руины огромных городов.

Глава 13 ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛУБИН

На уровне отчетов и описаний Шарнэ шел по пути Джона Ллойда Стивенса. На более высоком уровне (в т. ч. в философии и антропологии) последователем Брассёра де Бурбура стал один из самых необычных и, наверное, несправедливо забытых исследователей страны майя Август Ле Плонжон. Он был сыном французского военно-морского офицера, женившегося на дочери губернатора Мон-Сен-Мишель. Ле Плонжон не получил должного внимания, потому что его теории относительно майя и их возможной связи с исчезнувшим континентом Атлантида были преданы анафеме академиками, к ним относились с тем же презрением, каким обливались идеи его современника Чарльза Пьяцци Смита, королевского астронома Шотландии, посвященные Великой пирамиде Хеопса.

Оба этих человека, вместо того чтобы предлагать на обсуждение многословные научные труды на эти темы, обладали достаточной храбростью, чтобы исследовать на месте и искать подтверждение своим

Эллис Ле Плонжон

идеям, вызывающим такое возмущение у их ограниченных коллег-викторианцев.

Будучи в Нью-Йорке, Ле Плонжон — а ему тогда было за сорок — женился на двадцатидвухлетней англичанке по имени Эллис Диксон, которая тогда жила в Бруклине. Весной 1873 года они вместе отплыли в Центральную Америку на период, который растянулся на двенадцать лет, проведенных в дебрях Юкатана. В Мериде Ле Плонжон научился говорить на языке майя до того, как отправиться тщательно исследовать развалины в Чичен-Ице (которые вновь поглотили джунгли и которые находились в зоне действий юкатанских

мятежников). Когда армия уже не могла больше защищать Ле Плонжонов в обугленных стенах поместья в Чичен-Ице, они перебрались в укрепленную церковь, расположенную в 3 км от Чичен-Ицы, в Писте. Оттуда супруги каждый день ходили пешком к месту древних руин, где осмотрели десятки зданий, сделали более пятисот фотоснимков и двадцать листов точных копий настенных росписей.

Благодаря владению языком майя и своему бесстрашному, но мягкому характеру Ле Плонжон, который часто вместе со своей женой отваживался углубляться в лес далеко от деревни или в безлюдные места, пришел к выводу, что местные жители «всегда почтительны, честны, вежливы, скромны, терпеливы и храбры». Жестокость повстанцев он приписывал их реакции на отвратительную систему кабальной зависимости, навязанную владельцами плантаций сизаля на Юкатане, против которой местным жителям оставалось только бунтовать.

Постепенно полюбив индейцев майя, которые дали ему милое прозвище Большая Черная Борода, Ле Плонжон добился от них, чтобы они доверили ему знания, тщательно скрываемые ими от ненавистных испанцев, за которые многих из предков этих крестьян повесили или сожгли.

Подобно Карлосу Кастаньеде, Ле Плонжон узнал, что местные индейцы в то время по-прежнему занимались магией и гаданием, что их мудрецы умели окружать себя облаками, материализовать необычные и удивительные предметы и даже как будто делались невидимыми. Иногда казалось, пишет Ле Плонжон, что место, где они занимались этим, как будто качается, словно при землетрясении, или кружится, как будто его уносит торнадо. Иногда казалось, что они купаются в ослепительно ярком свете, а из стен будто бы исходят языки пламени,

Август Ле Плонжон родился на острове Джерси в 1826 году, в тот год, когда его кумир Стивенс обнаружил работу дель Рио. Первое приключение молодого Ле Плонжона произошло, когда ему было 14 лет, по пути в Америку, когда он стал одним из двух людей, выживших в кораблекрушении. Выучив в Южной Америке испанский, Ле Плонжон оказался в Калифорнии во времена золотой лихорадки 1849 года. Там он стал окружным землемером в городе Сан-Франциско, занимался юриспруденцией и получил степень доктора медицины.

После нескольких путешествий по земному шару Ле Плонжон в 60-х годах возвратился в Перу, где основал частную больницу, в которой применял электричество и лечебные ванны, проводя лечение бедных, а также жертв революций. В свободное время Ле Плонжон изучал архитектурные развалины инков и развалины доинкских времен и написал парочку религиозных книг об Иисусе Христе и руководство по фотографии. Его склонность к оригинальным и авангардным идеям была настолько сильна, что по осадочному слою, содержащему ископаемые устричные раковины, найденному близ руин Тиуанако в Боливии, он делал вывод о том, что этот великий и загадочный город, вероятно, когда-то находился на уровне моря, опережая более чем на полвека работу Х.С. Беллами

и написал парочку религиозных книг об Иисусе Христе и руководство по фотографии. Его склонность к оригинальным и авангардным идеям была настолько сильна, что по осадочному слою, содержащему ископаемые устричные раковины, найденному близ руин Тиуанако в Боливии, он делал вывод о том, что этот великий и загадочный город, вероятно, когда-то находился на уровне моря, опережая более чем на полвека работу Х.С. Беллами

которые гасятся невидимыми руками в самой глубокой темноте, в которой вспышки молнии делают темноту еще чернее.

Ле Плонжон пришел к выводу, что за прозаической жизнью индейцев Юкатана было спрятано «богатое, живое течение тайной мудрости и практики, источники которой скрывались в очень древнем прошлом, далеко за границами обычного исторического исследова-

Каждый день по всей земле, пишет Ле Плонжон, людей, работающих в поместьях, безжалостно и без достаточных на то оснований бьют надсмотрщицы, затем на ночь им надевают колодки, чтобы на следующее утро они снова вышли на работу. Если бы эти работники, по словам Ле Плонжона, изложили свои обиды владельцу усадьбы, то получили бы единственную компенсацию — двойную порцию ударов за то, что осмелились пожаловаться. Если они обращались с жалобой к судье, «так как по закону у них было такое право», то судья, конечно, «являлся другом или родственником плантатора. Да и сам судья мог быть плантатором. На его собственной плантации с его слугами обращались точно так же».

Ле Плонжон не мог вступить за какого-нибудь бедняка, выпоротого за какой-то пустяк, чтобы жертва потом не получила более сурового наказания

Ле Плонжон пишет, что третий рассказ о погружении под воду Атлантиды был написан на дверном перекрытии внутреннего помещения в юго-восточном крыле здания в Ушмале под названием Акаб-Оиб, которое было таким же целым на тот момент, как и в день, когда резец скульптора закончил над ним работу. Надпись, по словам Плонжона, «увековечивает разрушение Му, Западных Стран, откуда пришли Священные Тайны». Но его метод ее дешифровки оставлял многое воображению

ния». Он ощущал, что время от времени эта маска приподнималась настолько, что он успевал мельком увидеть «мир духовной реальности, иногда неопиcуемой красоты и, с другой стороны, невыразимого ужаса».

Из того, что он узнал о верованиях майя, Ле Плонжону стало ясно, что в доколумбовские времена майя применяли на практике гипноз, вызывали способность к ясновидению и использовали магические зеркала для предсказания будущего. От стопятидесятилетнего индейца Ле Плонжон узнал, что еще существуют люди, умеющие расшифровывать значения загадочных иероглифов, разбросанных по развалинам городов майя. В них содержится история народа, который населял эту землю.

Из рельефных изображений на юго-восточной стене сооружения в Чичен-Ице, которое Ле Плонжон назвал «гимнастическим залом»,

ему удалось, по его словам, разобрать слово Чак-Мооль и точно указать место, где нужно копать, чтобы найти то, что может оказаться изображением этого древнего героя.

Это предприятие казалось совершенно невероятным. Землекопы с трудом спустились на глубину более 7 м и собирались уже отказаться от дальнейшего продвижения, когда наткнулись на твердую поверхность и обнажили то, что Ле Плонжон посчитал одним из величайших археологических открытий в обеих Америках: удивительную скульптуру — не на барельефе, а целую.

Находка произвела на него такое впечатление, что он захотел показать ее миру на празднестве в Филадельфии в 1876 году. Только как ее туда доставить?

При помощи инженерной изобретательности, нескольких древесных стволов и лиан Ле Плонжон и его рабочие из числа майя сумели поднять многотонный монолит на поверхность земли и протащить его в повозке, запряженной волами, через джунгли к Мериде. Там местные власти немедленно заявили свои права на эту находку, которая была увезена на военном корабле, присланном правительством из центра, которое решило, что этот трофей принадлежит Мексике, в Мехико, где он и лежит по сей день, такой же загадочный и необъяснимый, как и в тот день, когда он был откопан Ле Плонжоном.

Разочарованный Ле Плонжон послал в Филадельфию набор фотографий и небольшие артефакты, но они тоже попали не по адресу и в конце концов оказались в руках Стивена Солсбери-младшего, богатого холостяка и филантропа из Вустера, Массачусетс, активно участвовавшего в работе Американского общества любителей древностей. В результате, хотя Ле Плонжону не удалось оставить свой след на празднике в Филадельфии, Солсбери согласился опубликовать отчеты Ле Плонжона в журнале этого общества. Это был приятный союз на какое-то время, но теории Ле Плонжона вскоре стали неприемлемы для его коллег из Новой Англии. Всякий, кто мог говорить о циклах жизни на более развитых планетах и мирах, чем нынешний, рисковал иметь неприятности от правящих кругов, которые разделяли библейскую историю происхождения мира.

Даже идея Ле Плонжона о том, что между жителями Западного полушария и Азией, Африкой и Европой существовали связи в гораздо более древние времена, нежели кто-то другой считал это возможным, — а эту идею разделяли Сигуэнца и Брассёр, — заставляла многих людей качать головами.

Мысль о том, что финикийцы и другие, вполне возможно, пересекали Атлантику задолго до Колумба, была достаточно шокирующей; Ле Плонжон пошел еще дальше. В качестве объяснения необычайного сходства между архитектурой, скульптурой и артефактами Цент-

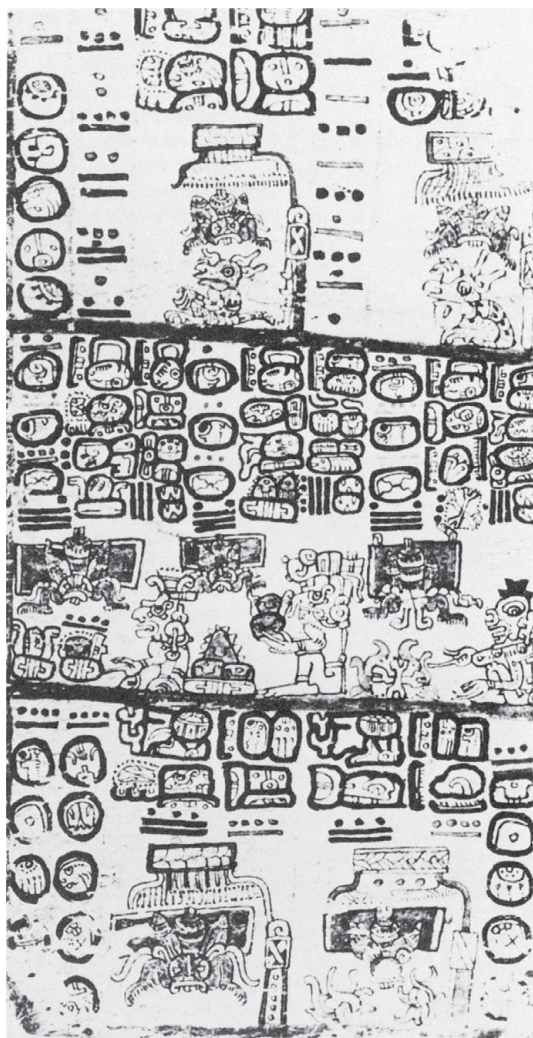
Август и Эллис Ле Плонжон со статуей бога Чак-Мооля, которую они откопали на глубине более 8 м в земле Чичен-Ицы и отмыли, чтобы выставить на всеобщее обозрение в 1876 году на празднествах, посвященных столетию США. Обвиненный в пропаганде идей, связанных с древней Америкой и противоречащих мнению людей, считающихся авторитетами в археологии, Ле Плонжон ответил: «А кто они, эти мнимые авторитеты? Конечно же не доктора и не профессора, стоящие во главе университетов и колледжей в Соединенных Штатах. Ведь они не только абсолютно ничего не знают о цивилизации древней Америки, но и, судя по письмам, имеющимся в моем распоряжении, большинство из них отказываются узнавать что-либо о ней. Могут ли они истолковать хоть одно предложение из книг, в которых записана мудрость майя, их космогонические, географические, религиозные и научные знания? Из какого источника они обрели свои мнимые познания? Не из произведений испанских летописцев, это уж точно. Эти авторитеты писали об исконных жителях Америки только на момент завоевания Америки их соотечественниками и спустя много времени после него. Так называемые ученые мужи в наше время первыми противятся новым идеям и носителям таковых»

ральной Америки и Азии, Африки и Европы он предложил следующее: колонисты из племени майя плавали на запад из Центральной Америки и развивали цивилизации Полинезии (и, каким-то образом перемавнув Тихий океан), Индокитая, Бирмы, Индии, Персидского залива, Вавилонии и Египта — и все это за несколько тысячелетий до нашей эры (!).

В поддержку этой революционной гипотезы он указывал на легенды майя, в которых говорится о знатоках, известных как «Наакал», или «достойные», которые путешествовали по миру и обучали других своему языку, строительному искусству и астрономии. Ле Плонжон цитировал индийского поэта и мудреца Вальмики, жившего в IV—III веках до н. э., который в эпической поэме «Рамаяна» (в переводе Ипполита Фоссе) описывал завоевание в далекой древности южной части полуострова Индокитай племенем, известным как племя великих мореплавателей, сеющих ужас воинов и искусных архитекторов. Это племя славилось красотой своих женщин и неисчерпаемыми сокровищами (Вальмики описывал завоевание ариями с севера. В VI—V веках до н. э. арии из государства (махаджанапады) Синхала (Пенджаб) во главе с Виджаей завоевали о. Шри-Ланка (Цейлон). И ныне сингалы здесь — господствующее большинство. — *Ред.*).

Ле Плонжон предположил, что «наги» у Вальмики были на самом деле... древними майя, которые плавали вдоль побережья Индийского океана, добирались до реки Инд, а затем двигались на север к Кабулу. Другие, по его утверждению, продолжали свой путь на запад через Индийский океан к Персидскому заливу, откуда они попадали в Вавилон, Сирию и в конце концов в Египет. Он привел слова халдейского историка Бероса о том, что цивилизацию принес в Месопотамию Оаннес, который прибыл из Персидского залива, и обратил внимание на то, что «оапа» на языке майя означает «тот, кто живет в воде».

Ле Плонжон добавил, что приход древних халдеев в Месопотамию исторически совпал с возникновением письма, искусством строить города и развитием наук, особенно астрономии (все это возникло благодаря шумерам в 4—3-м тысячелетиях до н. э., а халдеи, семитическое племя, вышли из Аравии и утвердились на юге Вавилонии в конце 2-го тысячелетия до н. э., постепенно воспринимая древнюю шумерскую культуру. — *Ред.*). Он также указал на то, что египтяне утверждали, что их предками были чужестранцы, прибывшие через Суэцкий перешеек и поселившиеся на берегах Нила (шумероиды с севера. — *Ред.*). Они принесли с собой культ Солнца и многие искусства задолго до возведения на престол Менеса (около 3000 года до н. э.) и официального начала истории Египта. В языках Междуречья (Месопотамии) и майя Ле Плонжон указал на похожие слова, такие как «*та*» — место, «*паа*» или «*пана*» — мама и «*таб*» — узел. Он заметил, что в языках

Одним из главных аргументов, выдвигаемых против Плонжона, было то, что он явно произвольно толковал «Кодекс Троано». Если верить Ле Плонжону, автор рукописи «Кодекс Троано» в начале второй ее части посвятил несколько страниц детальному описанию различных явлений, сопровождавших катастрофу Атлантиды, которая в тексте называлась «десять стран Му». Версия Ле Плонжона звучит следующим образом: «В шестой год Кан и одиннадцатый Мулук, в месяц Зак произошли ужасные землетрясения, которые беспрерывно продолжались до тринадцатого Чуэн. Страна гор и ила, «страна Му», была принесена в жертву. Дважды поднявшись, она внезапно ночью исчезла, причем океан вокруг не переставая содрогался от вулканических толчков. Так как это происходило на ограниченном пространстве, то от них суша проваливалась и поднималась несколько раз в различных местах. Наконец земная твердь сдалась, и десять стран оказались разорванными на части и разброшанными далеко друг от друга. Неспособные противостать силе подземных

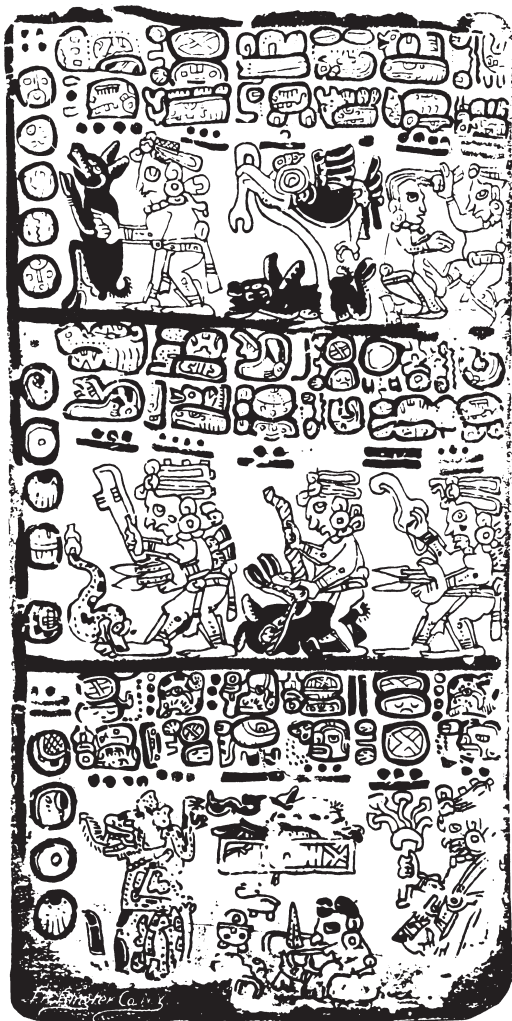
толчков, они погрузились под воду вместе с шестьюдесятью четырьмя миллионами жителей за восемь тысяч и шестьдесят лет до написания этой книги». Тем фактом, что эта катастрофа, как считается, произошла тринадцатого Чуэн, по словам Ле Плонжона, может объясняться все еще живущее суеверие, приписываемое этому несчастливому числу. Если верить Ле Плонжону, в результате этой катастрофы майя начали вести подсчеты в своем новом календаре, основываясь на числе тринадцать: недели у них насчитывали тринадцать дней, века равнялись четырежды взятым тринадцати годам, а большой цикл равнялся тринадцати, умноженному на двадцать, или двумстам шестидесяти годам. Было ли случайностью, задает он вопрос, то, что 9500 год до н. э., дата, названная Платоном, так точно совпала с его датой, от которой ведет начало календарь майя?

Ле Плонжон цитирует «Кодекс Кортесианус», который он называет более много-словным, чем «Кодекс Троано», чтобы дать дальнейшие подробности гибели Атлантиды. «Своей сильной волей Хомен заставил землю трястись после заката, и ночью Му, страна гор и ила, погрузилась в пучину». Хомен, как объясняет Ле Плонжон, был ниспровергателем гор, богом землетрясений, мудрецом, который заставлял все вещи двигаться, подобно массе червей; это были наделенные человеческими качествами, а затем обожествленные вулканические силы. «Майя, — пишет Ле Плонжон, — обожествляли все явления природы и их причины, а затем представляли их в виде людей или животных. Целью майя было сохранение для посвященных секретов своей науки».

Перевод (или, скорее, толкование) Ле Плонжона продолжаетеся так: «Страна Му, средоточие жизни этого бассейна, была погружена под воду Хоменом в течение этой ночи. Место мертвого правителя теперь безжизненно; оно больше не двигается после того, как дважды поднялось из своего грунтового основания. Царь глубин, прокладывая себе путь наружу, бросал его вверх и вниз,

убил его, погрузил его в пучину. Дважды Му поднималась от своего основания. Потом ее сильно подбрасывало вверх и обрушивало вниз землетрясением». Согласно Ле Плонжону, на одной странице «Кодекса Троано» изображается, как царица Му (ее держат за волосы) попадает в руки своих врагов на девятый день десятого месяца года Кан; это седьмой Эб месяца Якс года Кан. По его утверждению, картинка изображает царицу, едущую на восток по морю. На следующих пластинах царица Му стоит на коленях в мольбе и, представленная в виде символического черного попугая, теряет власть над страной майя, политически раздробленной, что символизирует разрубленный олень. Какими бы оригинальными ни были толкования Ле Плонжона, современные ученые оспаривают его выводы и предполагают, что олень, скорее всего, является символом созвездия

Если верить Ле Плонжону, то это изображение принца Ко в ходе сражения. На принца падает тень от крылатого змея, духа майя, который бьется рядом с ним и ведет его сторонников к победе. Ле Плонжон утверждает, что это не изображение Кукулькана, который обычно является образом правителей этой страны; это изображен крылатый змей Нонока Кан, дух-защитник майя. По мнению Ле Плонжона, это та путаница, в которую постоянно попадают авторитеты, изучающие майя

Еще позднее, в Хочикалько, по словам Ле Плонжона, он расшифровал еще одну надпись, которая, как оказалось, была сделана в память о той же самой катастрофе.

Когда американцы дискутировали на тему расшифровок Ле Плонжона и Брассёра, Ле Плонжон обратил их внимание на то, что, пока Брассёр не нашел «Кодекс Тро-Кортесианус», а затем и труд епископа Ланды в Мадриде, ни один американист даже не знал, на каком языке были написаны все эти древние рукописи. Он пожаловался на то, что ни один американист, претендующий на звание авторитета в области палеографии Америки, не может с уверенностью истолковать более двенадцати иероглифов майя, и никто из них не может перевести целое

столь далеких народов слово «*kul*» обозначало «зад», «седалище», а «*kun*» — «женские половые органы».

Не довольствуясь своим «революционным переворотом» основ древней истории, Ле Плонжон бросился в еще более спорную тему, тему Атлантиды. Он пишет, что в Чичен-Ице в помещении, укрытом от стихий, он нашел барельеф, который он расшифровал как подтверждение «перевода» «Кодекса Тро-Кортесианус», сделанного Брассёром. По его словам, при помощи иероглифов здесь описана катастрофа, в которой этот континент-остров скрылся в морской пучине.

Позднее Ле Плонжон заявил о нахождении фрагмента настенной росписи в жилых покоях одного из зданий в Кабахе, который для него снова стал подтверждением даты, взятой Брассёром из рукописи «Тро-Кортесианус», относящейся к погружению под воду десяти стран, среди которых была «страна Му», вероятно принимаемая Ле Плонжоном за Атлантиду Платона. В этом кодексе, пишет Ле Плонжон, также описывалось образование необычно изогнутой линии островов, известных индейцам майя как «Страна скорпиона», а нам — как острова Вест-Индии (Большие и Малые Антильские).

предложение. По его мнению, большую часть всего, что было опубликовано в его время на тему письменности майя, можно поставить в один ряд только с комедийной литературой, только не очень смешной. «Даже прекрасно отпечатанные документы Смитсоновского института на эту тему настолько же не имеют смысла, насколько они претензиозны. И я бросаю вызов всякому американисту, облеченному авторитетом или его не имеющему, чтобы он опроверг это утверждение».

Когда некий член Парижского этнологического общества предостерег Ле Плонжона от оказания поддержки Брассёру: «Иначе вы разрушите свою собственную репутацию и потеряете плоды своих трудов: все авторитетные американисты осудят вас, как осудили Брассёра», — Ле Плонжон ответил ему словами Фемистокла перед Саламинским сражением: «Ударь меня, но выслушай!»

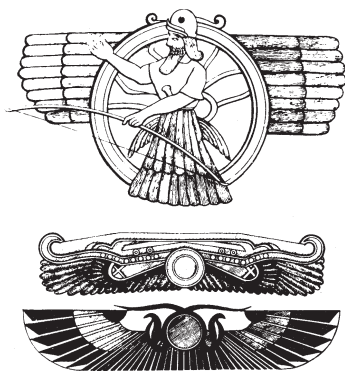
Любой, кто внимательно взглянет на анализ (сделанный Ле Плонжоном) набора табличек, которые он нашел в, как он выразился, «мавзолею» в Чичен-Ице, может немедленно оценить свободный полет его фантазии, однако также не может не впечатлиться оригинальностью толкования. Из того, что писали его оппоненты, ясно, что, как и в случае с Эммануэлем Великовским на век раньше, они даже не побеспокоились проверить то, что он имел смелость сказать, заранее считая высказанные идеи слишком безумными, чтобы к ним можно было отнестись с доверием.

Утверждение Ле Плонжона, что он разгадал тотем «царицы Му» в виде птицы, поедающей сердца, и тотем ее брата и мужа принца Аака — в виде черепахи, а также то, что их история могла быть источником египетского мифа об Исиде и Осирисе, американисты не смогли проглотить, особенно когда Ле Плонжон предположил, что царица Му приплыла из страны майя в Египет, где ее приветствовали и снова сделали царицей ее бывшие соплеменники (сейчас подобные «идеи» опровергаются комплексно, вплоть до генетических исследований).

Когда Ле Плонжон объявил, что одна треть из расшифрованных им древних египетских слов совпадала со словами языка майя и что грамматические формы этих двух языков похожи, он, наконец, получил поддержку. Пьер Лорийяр дал ему субсидию, чтобы Ле Плонжон мог

MAYA	EGYPTIAN
⊙. ◊. Λ.	⊙. I. ^.
■. □.	□. ■. ■.
☉. ☽. ☾.	☉. ☽. ☾.
☿. ♁. ♃.	☿. ♁. ♃.
I.	II.
□. □. ☿.	□. □. ☿.
I. II.	III. II.
Δ. Δ.	Δ. Δ. ☿.
⊙. Λ.	⊙. II. ✓
□. □. ■.	□. ■. III. □.
☉. ☽. ☾.	☉. ☽. ☾.
☿. ♁. ♃.	☿. ♁. ♃.
■. □. ■.	■. □. ■.
■. ■.	■. ■.
T. Δ. Δ.	☿. ☽. ☾.
☉. ☽. ☾.	☿. ☽. ☾.
☿. ♁. ♃.	☿. ♁. ♃.
■. □. ■.	I. III.
I. III. III.	I. III.
┌. ───┘	

Сравнительная таблица алфавитов майя и египтян

Ле Плонжон считает, что круг, разделенный крестом на четыре части, к которому добавлены крылья, символизировал «четыре священных строителей» у индусских оккультистов дьянчоханов, которых схожим образом изображали в Египте, в Междуречье (в частности, в Ассирии) и в Гватемале. По мнению Ле Плонжона, они представляют собой то же самое, что и кабири и титаны в теологии Гесиода, Амфаспанды у последователей маздакизма, Элохим и Серафимы у евреев, архангелы у христиан и магометан — эти четыре Каноба у майя, небесные архитекторы, посланные «Им, Великим и Бесконечным», который создал вселенную из хаоса

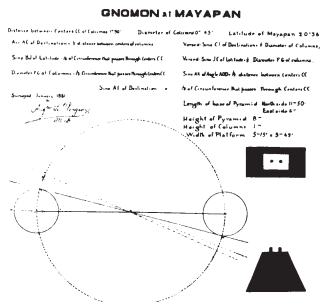

Рисунок Ле Плонжона, иллюстрирующий то, как майя, подобно египтянам, вычисляли широту при помощи столбика-указателя солнечных часов

и дальше расшифровывать символы древнего языка майя.

Самым интересным для Ле Плонжона, который, очевидно, был масоном, было его открытие, как он назвал, следов масонских ритуалов в скульптуре майя, из которых он сделал вывод: «священные таинства» практиковались в древней стране майя еще «одинадцать с половиной тысяч лет назад» (!), а современное масонство является пражунком этих таинств.

Он также полагал, что «из первоисточника узнал» значение нескольких символов, указывающих на то, что древние ритуалы инициации были похожими во всех странах и были предназначены для того, чтобы лучше разъяснить законы, управляющие материальным и духовным миром и таким образом приближать человека к Богу.

Видимо, Ле Плонжон первым понял, что постройки в Чичен-Ице использовались в качестве астрономических обсерваторий. Из изображения столбика-указателя солнечных часов в Майяпане он сделал вывод о том, что майя умели вычислять как широту, так и долготу.

Ле Плонжон не сомневался в том, что майя достигли совершенства как математики, астрономы и мореплаватели (последнее необоснованно — было прибрежное плавание, а не очень далеко), были знакомы с плоскостной и сферической тригонометрией, что дало им возможность вычислить размеры Земли, расстояние от полюса до полюса и длину меридиана. Он полагал, что майя, как и египтяне, воплотили свои космогонические и религиозные идеи в своих священных постройках, особенно в пирамидах.

Когда, сделав измерения различных построек майя, Ле Плонжон обнаружил, что круглые цифры получаются только в метрах, он сделал вывод: возможно, майя разделили окружность не на 360 частей, как египтяне, а на 400 и в качестве единицы измерения взяли одну сорок миллионную долю длины земной окружности.

В поддержку идеи Ле Плонжона говорил тот установленный факт, что майя называли окружность тремя именами: «ка-ан», или «двазмея», что обозначало верхний небесный свод; «ка-бала» — «два-сокровенный», или скрытый, и «кан-бак» для обозначения полной окружности. Это слово имело значение и «замкнутая в круг змея», и число 400.

Далее Ле Плонжон отметил, что многие пирамиды на Юкатане имели высоту 21 м, а их вертикальные сечения вписывались в полукруг, диаметр которого совпадал с длиной основания священной постройки. Таким образом, он полагал, что для посвященных эти постройки символизировали Землю. В этом он также оказался пророчески правым.

Возмущенный вандализмом, который совершался в стране майя зачастую от имени науки, когда отдельные люди выламывали резные украшения из археологических памятников и переправляли их для продажи в европейские и американские музеи, Ле Плонжон потратил годы на то, чтобы скопировать, сфотографировать и сделать слепки с такого количества резных изображений, какое ему было по силам.

Проведя двенадцать лет на Юкатане, Ле Плонжон возвратился в Нью-Йорк в 1885 году — голубоглазый, с кирпичным загаром, но лысеющий и с длинной белоснежной бородой патриарха. Вместе со своей женой Эллис он поселился в Бруклине.

Те многочисленные слепки, которые он с таким трудом и такими затратами привез с собой из страны майя, Ле Плонжон предложил музею «Метрополитен», но его директор, признававший только классическое европейское искусство, отправил их в подвал «из-за нехватки места». Там они и остались.

Говоря, что он и его жена «по крайней мере, частично подняли завесу, которая так долго скрывала историю человечества в Америке в далекие времена», Ле Плонжон, выражая недовольство, спрашивал, будет ли ей позволено упасть снова. «Неужели состоятельные люди в Соединенных Штатах не приложат никаких усилий, чтобы совершенно сорвать эту завесу?»

На тот момент ответ был отрицательный.

Чтобы пробудить интерес к дальнейшему исследованию майя, Ле Плонжон намекнул на существование древних книг майя, написанных мудрецами с Юкатана, которые, по его словам, были спрятаны задолго до прибытия испанцев, чтобы эти книги не попали в руки завоева-

В исследовании Ле Плонжона на этой табличке изображена царица Му в детстве. Она сидит на спине пекари, американского дикого животного, внешне похожего на диких свиней Евразии (однако пекари отделились от свиней в эоцене, 50 миллионов лет назад, и с тех пор развивались независимо; теперь это два разных семейства. — Ред.), под царским зонтиком из перьев, который, по словам Ле Плонжона, был символом царской власти в Месопотамии, Индии и Египте, а также и в стране майя. Царица Му, пишет Ле Плонжон, советуется с Х'Менами, или мудрецами, которые открывают ей ее судьбу, читая ее по оттенкам испарений, поднимающихся из панциря броненосца, который медленно растрескивается на огне жаровни.

По словам Ле Плонжона, лицом к царице сидит прорицатель, в котором узнается жрец высокого ранга — по синим и желтым перьям его церемониальной мантии. Завиток, который исходит изо рта предсказателя, изображает его предсказание, а положение его руки имеет особое значение для оккультистов. Крылатый змей символизирует духа-защитника империи майя. Позади жреца, пишет Ле Плонжон, сидят фрейлины царицы

телей-тольбеков из Тулы. Он сказал, что позаботится о том, чтобы они были найдены, но только при условии, что правительство США согласится защитить эти сокровища от случайного захвата их мексиканцами. Но это условие Госдепартамент не был склонен рассматривать.

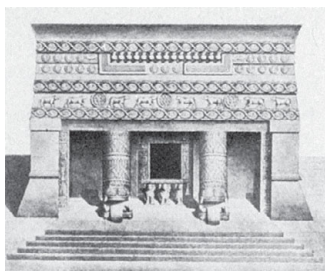
Единственным настоящим другом, оказывавшим поддержку Ле Плонжону в Нью-Йорке, был молодой англичанин по имени Джеймс Черчурд. Его идеи относительно древности цивилизации на нашей планете удивительно совпадали с идеями Ле Плонжона, за исключением того, что, по мнению Черчурда, исчезнувший «континент Му» находился в Тихом океане — в отличие от Атлантиды Платона, которая находилась в Атлантике. Подобно Ле Плонжону, Черчурд основывался на расшифровке некоторых очень древних табличек, которые, по его словам, были написаны теми же индейскими жрецами «Наакале», о которых упоминал Ле Плонжон. Но они, как считал Черчурд, были созданы не на Юкатане, а на исчезнувшем в Тихом океане «континенте Му», родине поселенцев, которые позже стали развивать страну майя.

Здесь, по словам Ле Плонжона, царица уже не ребенок, а привлекательная молодая женщина, которая сидит под царским зонтом вместе со своим поклонником. Она советуется со жрецом, или Х'Меном, чье лицо скрыто под головой совы. По обычаю, пишет Ле Плонжон, пожилая женщина, выступающая в роли ее представителя, говорит жрецу, что молодой человек, сидящий на скамеечке, хочет жениться на царице. Но молодая царица отказывает ему, на что, согласно Ле Плонжону, указывает обращенный назад завиток, который исходит из ее рта. Ле Плонжон добавляет, что у майя был обычай — равно как и у египтян и некоторых других народов, — чтобы женщины царской крови выходили замуж за своих братьев, отсюда и невозможность этого брака царицы Му

Черчуорд описал, как он наткнулся на «Наакальские таблички», когда был государственным служащим и боролся с голодом в Индии — хотя, очевидно, был агентом британской разведки. Он описал, как он попал в монастырь, расположенный в долине у истоков реки Брахмапутры, где подружился с верховным жрецом. Со временем жрец начал обучать Черчуорда расшифровывать надписи, сделанные на языке, который, по мнению жреца, был «самым первым языком человечества». Наконец, старый жрец, последний из оставшихся жрецов «Наакал», которому было тогда за семьдесят и которого Черчуорд называл «великим учителем», принес какие-то сухие древние таблички, обожженные на солнце. Они были написаны на языке жрецов «Наакал». Жрец сказал, что на табличках записаны сведения о географии, истории и религии «страны Му», а также о природном бедствии, постигшем этот континент.

Расположение Ле Плонжона к своему другу Черчуорду так возросло, что он

Воссозданное Ле Плонжоном здание в Чичен-Ице; из работы Стейси-Джадда.

О Ле Плонжоне говорили, что его «тщательные и подробные анализы и выводы основывались на состоянии фасада, который никогда не существовал». В этом состояла проблема реставрации и реконструкции. Согласно суждению Стейси-Джадда, Ле Плонжон неправильно воссоздал храм Ягуаров в Чичен-Ице и допустил несколько ошибок

показал ему большую часть своей неопубликованной работы о Юкатане и завещал ему свое литературное наследие. Как два кулика из одного болота, Ле Плонжон и Черчуорд стали объектами преследования любого ученого, вооруженного, так сказать, «дробовиком» научной критики.

В 1908 году в возрасте 83 лет Ле Плонжон скончался, не сделав ничего, чтобы найти «спрятанные книги», и не получив возможности вернуться на Юкатан. Спустя 12 лет, в 1920 году, когда его жена Эллис поняла, что и ее вскоре не минует смерть, она вверила некоей миссис Генри Блакуелл записки, фотографии и поэтажные планы тех мест в развалинах Ушмаля и Чичен-Ицзы, где находились книги майя. Но с этими скудными указаниями так и не было ничего сделано по крайней мере в течение двадцати лет. Между тем духовные и интеллектуальные достижения майя опять были проигнорированы, а археологические исследования в стране майя превратились в банальные поиски добычи для украшения музеев мира.

Хронология Ле Плонжона, которая, согласно его гипотезе, заполняла пробел во времени между крушением Атлантиды по Платону приблизительно в 9500 году до н. э. и историческими документами Шумера и Египта, датируемыми приблизительно 4,5—5 тысячами лет спустя, вызвала слишком большое возмущение у его современников, равно как и его открыто выражавшаяся неприязнь к кровопролитию, совершавшемуся на планете европейскими колонизаторами.

Разочаровавшись в Ле Плонжоне, Стивен Солсбери-младший вместе с Чарльзом П. Баудичем, ведущим светилом антропологического музея Пибоди в Кембридже, задумали послать на Юкатан более управляемого молодого человека, который стал бы их глазами и ушами в стране майя. Чтобы оплатить его дорогу и обеспечить ему свободу в проведении исследований, они прибегли к уловке и использовали влияние на президента своего товарища, сенатора из Массачусетса Джорджа Ф. Хора, чтобы его назначили консулом США на Юкатане и в Кампече.

По иронии судьбы, Эдвард Х. Томпсон, этот веселый голубоглазый молодой человек шести футов ростом, который также был родом из города Вустера, штат Массачусетс, попал в поле зрения Солсбери благодаря статье, которую он написал для «Popular Science Monthly», будучи еще студентом Политехнического института в Вустере. В этой статье, многозначительно озаглавленной «Атлантида — не миф», Томпсон предположил, что загадочная цивилизация майя на полуострове Юкатан, возможно, была отделившейся ветвью цивилизации, которая когда-то существовала на исчезнувшем континенте Атлантида.

Воодушевленный книгами Брассёра, Томпсон утверждал, что хотя и нет доказательств существования Атлантиды, но такие широко распро-

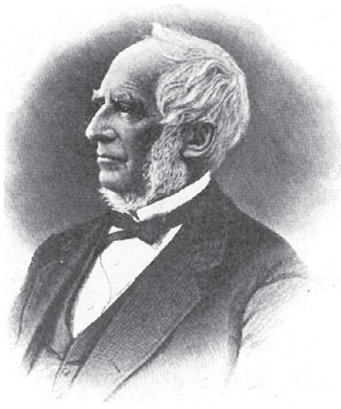
страненные предания о ней и такие стойкие легенды должны иметь какую-то историческую основу. Отсюда вытекают законные основания полагать, что «вероятно, в какое-то время в далеком прошлом группа людей, являвшихся представителями цивилизации, все следы которой потеряны, оказала ощутимое влияние на народы, исконно проживавшие в Мексике и на Юкатане».

Томпсон указал на предания, существующие у далеко живущих друг от друга народов о загадочном появлении на берегах Мексиканского залива «людей Змеи», или *чанес*. Согласно легендам, светлокожие люди, высокие и голубоглазые, высадились в Тамоанчане неподалеку от Туспана между Тампико и Веракрусом. Они носили необычную одежду и эмблемы в виде сплетенных змей на лбах. Борты их судов, как гласит предание, блестели, подобно чешуе змеи. Томпсон обратил внимание на то, что вожди «ольмеков» были известны как *чанес* или, у народа майя, каноб, «мудрецы змеи», или как «Ах-Цай» — «люди гремучей змеи».

Так как статья Томпсона появилась за три года до выхода книги об Атлантиде Игнатия Донелли, ставшей бестселлером, она привлекла к себе достаточно внимания, чтобы Томпсон получил работу и стал самым молодым консулом США, которого когда-либо посылали в Мексику.

Со своей невестой Томпсон прибыл на Юкатан в 1885 году, когда Ле Плонжон уехал оттуда навсегда.

Как и Ле Плонжон, Томпсон бросился в работу с энтузиазмом. Он научился бегло говорить на языке майя и уходил в лес, чтобы из первых уст услышать от местных жителей их легенды, которые они рассказывали, прорубая себе дорогу в зарослях. Он осматривал разрушенные города или сидел ночью у лагерного костра. Путешествуя налегке и деля с индейцами их пищу, Томпсон вскоре посетил более

Стивен Солсбери, один из основателей Американского общества любителей древностей

Эдвард Х. Томпсон, прошедший на Юкатане почти четверть века

сотни древних городов и храмовых центров. По его собственным словам, он стал «почти индейцем майя, веря в то, что тщательное изучение потомков древних строителей может оказать помощь в воссоздании идей и методов давно прошедших времен».

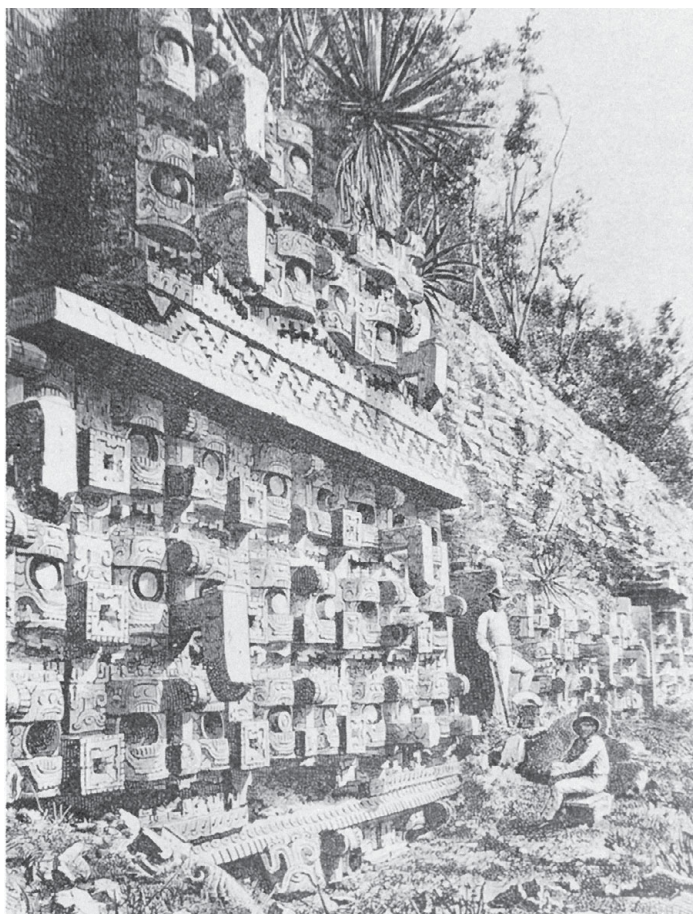
Но так или иначе либо Томпсону не хватило вдохновения Ле Плонжона, либо он не установил нужные связи. Он пишет, что вскоре среди его друзей числились Х'Мены, (мудрецы современных майя) и что он был принят в круг братьев Ш'Тол, одного из главных тайных обществ майя. Но даже ему было очевидно, что это общество было не более чем «расплывчатое воспоминание о ком-то из древних, которых можно сопоставить с масонами».

В отличие от Ле Плонжона, которому майя дали прозвище, приберегаемое ими для тех, кем они восхищаются, Ахмеехналь («тот, кто носит длинную бороду»), Томпсона всегда почтительно называли «доном Эдуардо».

Не обладая ни знанием иероглифов майя, ни воображением и любопытством Ле Плонжона, Томпсон к тому же имел слабую базу для толкования резных изображений на постройках, которые он обнаружил. И все же сухие описания обнаруженных им развалин, отправленные в Кембридж, очевидно, больше удовлетворяли его покровите-

Фигура атланта, сделанная из камня и покрашенная, из верхнего храма Ягуаров в Чичен-Ице

Один из фасадов с замысловатыми украшениями, который Томпсона попросили скопировать для выставки в Соединенных Штатах

лей, нежели фантастические идеи Ле Плонжона, которые в будущем, может быть, нарушат устоявшиеся теории.

Томпсон в высшей степени удовлетворил своих покровителей, приложив огромные усилия для того, чтобы сделать для них слепки с фасадов зданий в Лабне на площади около 100 м². Прибытие этих слепков в Бостон только натолкнуло кураторов Томпсона на мысль запросить еще большие по размеру образцы из Ушмаля. Это следующее поручение стоило Томпсону четырнадцати ужасных месяцев, проведенных в охваченном лихорадкой районе, где один за другим его сорок рабочих превратились в «желтокожие карикатуры на самих себя». В конце, сам уже находящийся в состоянии лихорадочного бре-

Сенот в Чичен-Ице, кишащий игуанами, имеет овальную форму диаметром 180 футов (55 м) и представляет собой углубление в скалистой породе с отвесными краями, которые уходят вниз на 60 футов (18,3 м) до поверхности воды. На глубине 40 футов (12 м) от темно-зеленой поверхности воды лежит слой ила. Одна из легенд, побудившая Томпсона погрузиться в этот ил, содержится в отчете Карлу V, который был написан и отправлен мэром близлежащего (к востоку от Чичен-Ицы) города Вальядолид в 1579 году: «У властителей и знатных людей этой страны был обычай после шестидесяти дней поста и воздержания приезжать на заре к этому подземному озеру, бросать в него индианок, принадлежащих этим людям, наказывая им просить для своих хозяев благоприятного года для исполнения их нужд и желаний. Женщины, которых насильно бросали в воду, были не связаны, и они падали в воду с громким шумом. В полдень те из них, кто мог, громко кричали, и им спустили веревки. После того как женщины, полумертвые, поднимались наверх, вокруг них зажигали костры и курили копал. Придя в себя, они рассказывали, что внизу видели много своих соплеменников, мужчин и женщин, которые оказали им прием. Когда брошенные в воду женщины пытались посмотреть на них, на их головы сыпались тяжелые удары, а когда склонялись вниз под воду, то им казалось, что они видят бездны и впадины, а люди, их соплеменники, отвечали на вопросы относительно того, хорший или плохой год ожидает хозяев сброшенных женщин»

да, Томпсон тем не менее сумел доставить огромные слепки на Всемирную выставку 1893 года в Чикаго. Наградой ему стала дружба с мясным магнатом Аллисоном В. Армором, который предоставил Томпсону достаточно средств для достижения цели его жизни: стать владельцем развалин Чичен-Ицы. За сумму, приблизительно равную семидесяти пяти долларам, Томпсон купил себе около 250 м² джун-

глей и большую площадь основных развалин майя, куда можно было попасть только по пешеходной тропе в джунглях, идя по которой в ночь вступления во владение собственностью, Томпсон споткнулся о кости последнего жителя сожженной усадьбы, убитого повстанцами.

Древние руины были знакомы Томпсону, так как двумя годами ранее он был помощником Модсли, делая вместе с ним наблюдения, измерения и фотографируя, хотя никаких раскопок не проводилось (помимо тех, что были сделаны Ле Плонжоном).

В течение длительного периода времени, проведенного Томпсоном в Чичен-Ице (с 1885 по 1910 год), ему не удалось раздобыть столько материала, сколько это удалось Ле Плонжону за три месяца. Но все же Томпсону посчастливилось найти дверное перекрытие, на котором стояла дата, расшифрованная как 618 год, что было расценено как удача. Но большая часть отчетов Томпсона по-прежнему лежала неопубликованной под сводами археологического музея Вустера.

Главному притязанию Томпсона на временную славу суждено было закончиться печально для инициатора. Томпсон хотел с помощью драги покопаться в священном «колодце» (сеноте) Чичен-Ицы. Прочитав у Ланды, что это место использовалось для жертвоприношений, как человеческих, так и драгоценностей, Томпсон решил достать из озера артефакты, которые украсили бы музей Пибоди в Кембридже. Спуск вниз почти на 20 м и затем в 12-метровую толщу черного ила (по дру-

гим данным, общая глубина сенота 58 м) означал необходимость достать какое-то эффективное водолазное снаряжение и получить некоторую подготовку. И то и другое он получил на Длинном причале в Бостоне у капитана Ефраима Никерсона.

После нескольких лет работы на озере вместе с 6 греческими водолазами и нескольких чуть не закончившихся печально спусков под воду, во время которых у Томпсона лопнули барабанные перепонки, было найдено достаточно золота, нефрита и красивых артефактов (а также десятки скелетов принесенных в жертву девушек), чтобы удовлетворить своих спонсоров в Бостоне, которым все это было контрабандно, втайне от общественности переправлено. Только после того, как Томпсон необдуманно огласил результаты своих подводных погружений в «Нью-Йорк таймс», правительство Мексики очнулось и возбудило против него иск о возвращении своего движимого имущества и наложило арест на собственность Томпсона в Чичен-Ице на миллион песо.

Чтобы собрать ренту со своих крестьян-арендаторов, Томпсон угрозил им более суровыми мерами и получил в ответ сожженную усадьбу, уничтоженную библиотеку и коллекции археологических экспонатов. Вынужденный вернуться в Бостон без гроша в кармане, Томпсон держался на плаву благодаря дотации из Фонда Карнеги. В конечном итоге спустя годы после смерти Томпсона музей Пибоди пошел на встречу мексиканцам и вернул на родину памятники материальной культуры майя, продержав их у себя полвека.

Постепенно, по мере того как археология становилась наукой, а продажа «культуры» стала кормить академии, интерес к значению и ценности артефактов для науки начал убывать, однако стали расти аппетиты имеющих средства людей по отношению к награбленным (чаще всего тайно) памятникам культуры.

Часть четвертая

ЗАНАВЕС ПОДНИМАЕТСЯ

Глава 14

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОРМУШКА БАТРЕСА

Первым урожденным мексиканцем, на которого сильное впечатление произвел подход Шарнэ и Ле Плонжона к проведению раскопок с целью установить размеры и значение мексиканских памятников древности (а также сокровищ), был Леопольдо Батрес, один из бывших соратников генерала Диаса. Он имел возможность заговорить о таком непростом и потенциально дорогостоящем времяпрепровождении, потому что имел личные связи с диктатором, которому приходился родственником. Родным отцом Батреса был Мануэль Ромеро Рубио, который стал правой рукой Диаса, отдав пятидесятилетнему диктатору в жены свою юную дочь Кармен.

Так как Батрес был родным сыном вождя всемогущих *cientificos*, его обращение к археологии было не такой уж безумной идеей. К тому же он был достаточно хитер, чтобы связать свой интерес к сокрытым сокровищам Мексики с оптовой и розничной продажей предметов древности.

Пораженный отчетом Рамона Альмараса о том, что небольшие курганы в Теотиуакане, расположенные параллельно дороге Мертвых, содержали сокровища и золотой песок, которые при осмотрительном обращении могли представлять более чем просто археологический интерес, Батрес упрямил Диаса, которому приходился шурином, назначить его «инспектором и покровителем археологических памятников Мексики». Эта синекура давала возможность Батресу искать сокровища и проводить раскопки в любых местах, которые ему взбредут в голову, — и все за счет государства.

Чтобы придать своей деятельности законную силу, Батрес сказал во всеуслышание, что, по его мнению, Теотиуакан является «одним из самых интересных городов в мире археологии».

Какие бы сокровища или артефакты ни находил Батрес во время своих раскопок в Теотиуакане, открыто об этом не говорилось. И тем

MONOGRAFIAS DE ARQUEOLOGIA MEXICANA

IV
CICLO O PERIODO
DE 13 AÑOS.

PIEDRA DEL AGUA

Descifrada por

LEOPOLDO BATRES

не менее интерес к раскопкам не угас, и Батрес начал выпускать монографии для обоснования своих усилий.

Среди мусора, лежавшего у пирамиды Луны, Батрес нашел монолитную статую женщины «гигантских размеров», известную как «жертвенный камень». Но он утверждал, что это название было незаслуженно дано ей испанцами, которые были чрезмерно озабочены жертвоприношениями ацтеков. О более древних тольтеках, которые, по мнению Батреса, построили Теотиуакан, было известно, что они приносили в жертву только цветы, фрукты, семена, бабочек и иногда птиц.

По осколкам керамики и артефактов, которые он нашел при раскопках, и из того факта, что он нигде не обнаружил предметов, связанных с ведением войны, или военных укреплений, Батрес, подобно Шарнэ, заключил, что город Теотиуакан был построен тольтеками, которые, по его мнению, были исключительно религиозными людьми, обладали художественным вкусом и были совершенно не воинственными. Эти выводы оказались и поверхностными, и ошибочными.

У юго-восточного угла пирамиды Луны, на ровной площадке перед ней, Батрес наткнулся на большой земляной курган, покрытый подлеском. Раскопав его, он обнаружил постройку с поразительными настенными росписями, на которых были изображены исторические и религиозные персонажи, животные, бабочки, совы, жуки, человеческие челюсти, геометрические формы и концентрические круги красного и зеленого цвета с черными контурами. Росписи были выполнены различными оттенками красного цвета или с зеленым, желтым, синим, черным, белым и серым красителями. В понимании Батреса, религией тольтеков была «зоологическая мифология», в которой бабочка символизировала бессмертие души, идеализированный жук «пинауицтли» олицетворял их астрономическую систему, а сова была духом зла.

Помимо храмов Батрес нашел еще много построек, подобных тем, которые раскопал Шарнэ. Очевидно, они были предназначены для жилья: в них имелись большие залы с колоннами, соединенные коридорами с комнатами меньших размеров; главный вход шел через вестибюль с квадратными колоннами, основания которых были раскрашены красной краской. С каждой стороны от внутренних дверных проемов на

Леопольд Батрес

Дорога Мертвых, которую увидел Батрес с вершины пирамиды Луны в 1884 году. Раскапывая курган по западную сторону от дороги Мертвых — а это произошло всего лишь год спустя после пребывания Шарнэ в этих краях, — Батрес обнаружил прекрасно сохранившийся «храм» с лестницей, обращенной на запад. Из-за того что его стены были украшены мифологическими сценами, Батрес стал доказывать, что эта постройка не была ни могилой, ни частным жилищем, как полагали его предшественники, а религиозным центром. Вскрывая один за другим курганы, расположенные вдоль дороги Мертвых, Батрес показал, что все они — «храмы», стоящие на платформах из самана или необожженного кирпича. Они располагались группами по пять или шесть храмов вокруг пространств, в центре которых стояли храмы меньших размеров. Ни в одном из них не было ни могил, ни тел. Поэтому Батрес предположил, что вся эта ровная открытая площадка шириной 40 м, находящаяся между террасами, когда-то, вполне возможно, использовалась для каких-то религиозных церемоний и что дорогу Мертвых следует переименовать в «La Via Sacra», или «Священную дорогу»

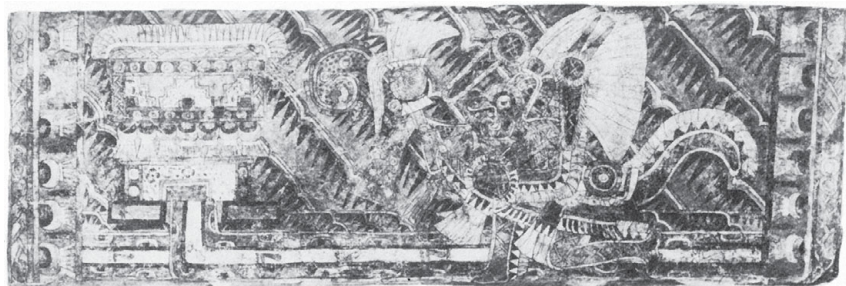
высоте сорока сантиметров от пола Батрес нашел отверстия, которые, по его предположению, использовались для крепления кожаных ремешков, удерживающих занавески.

В этих жилищах — одно из них было одноэтажным — были стены, сделанные из кусков лавы, скрепленных между собой при помощи глины и известкового раствора и облицованных штукатурным гипсом, гладко отполированным и покрашенным красной и белой краской. Крыши были сделаны из того же материала и поддерживались деревянными стропилами толщиной 10—15 сантиметров, такими прочными, что они до сих пор выдерживали удары лома.

Жилища оказались без окон, но в каждом в центре был дворик, расположенный на 30 сантиметров ниже уровня основного пола.

Настенная роспись в храме Земледелия, Теотиуакан

Большие головы ягуаров, вырезанные из камня, с открытыми пастьми и длинными клыками, раскрашенные красной, желтой и синей краской, казались Батресу символами какой-то силы, которую он не мог определить. Любопытный скульптурный барельеф из лассо, свернутых кольцами тросов и пляшущих языков пламени, раскрашенный красным, зеленым и синим, Батрес истолковал как символ «узла» лет и праздника обновления священного огня, которое происходило каждые 52 года

В нем могла скапливаться дождевая вода, стекавшая с наклоненных внутрь дворика скатов крыш. Там она могла храниться в резервуаре либо уходила в водосток в центре.

Везде, где Батрес проводил раскопки, он находил сеть акведуков, покрытых слоем превосходно выровненного известкового раствора, по которым могла течь вода, и она текла — из множества источников, которые били из-под Серро-Гордо.

Expedición científica á las Ruinas de San Juan Teotihuacan, por el Inspector y
Conservador de monumentos arqueológicos de la República Mexicana

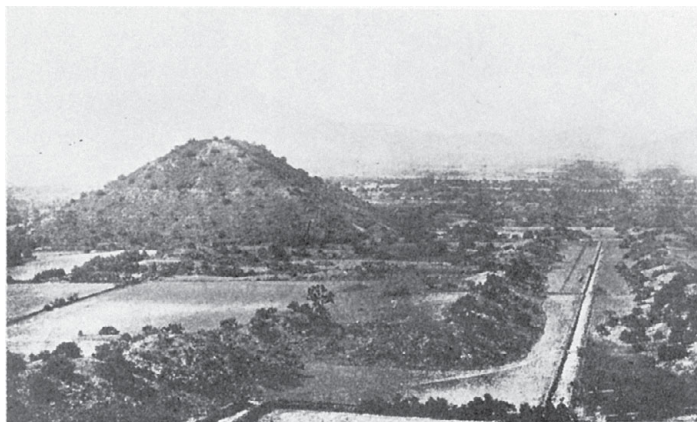
Leopoldo Batres.

1884 á 86.

Alfarería Colteca clasif. Batres Colección del Museo Nacional

Тысячи черепков, оказавшихся на поверхности, иллюстрировали огромное разнообразие гончарных изделий с ножками и без — квадратные, цилиндрические, гладкие, с резьбой, с отверстиями, одноцветные и многоцветные, на тонкой белой основе из гипса. Но большое количество разнообразных по стилю черепков, найденных на различных уровнях, и тот факт, что многие здания, в которых и под которыми они были найдены, оказались — и зачастую неоднократно — построенными на фундаментах ранее стоявших здесь домов, убедили Батреса, как и в свое время Альмараса, что реконструкция истории города будет нелегким делом

Дорога Мертвых, а также северный и восточный склоны пирамиды Солнца до того, как Батрес начал раскопки

Батрес также обнаружил, по его определению, «подземную» часть города с комнатами на разных уровнях, назначение которых он не мог понять. Их он укрепил стальными балками в надежде на то, что пришедшие за ним археологи, возможно, разгадают их назначение.

Глядя на равнину, расстилавшуюся вокруг больших пирамид, Батрес увидел великое множество других курганов высотой от 3 до 4,5 м, расположение которых привело его к выводу, что древний город, вероятно, когда-то занимал площадь около 12 км²: 4 км с севера на юг и 3 км с запада на восток. С южной стороны города, как полагал Батрес, ограничивали разрушенные здания на двух низких террасах, известные как Цитадель.

Батрес заключил, что внутри большого города не было ни одного квадратного метра площади, который не был бы безупречно вымощен слоями небольших камней, скрепленных между собой известковым раствором, на глубину от 10 до 100 см.

Самое поразительное открытие, сделанное Батресом, убедило его в том, что какая-то катастрофа, вероятно, постигла город. Где бы он ни копал, он находил следы сильного пожара, который уничтожил дома. Батрес обнаружил, что стены в верхней части, там, где они соединялись с плоскими крышами, были опалены, а многие балки упали на пол, где они и лежали, обугленные.

Внутри жилищ он находил скелеты мужчин, женщин и детей, лежавшие в различных позах. На некоторых до сих пор были ожерелья из мелких камушков, которые выдержали жар огня.

Батресу трудно было поверить в то, что иное бедствие, а не землетрясение с последовавшим за ним пожаром могло так сильно разру-

Череп взрослого человека, найденный Батресом в доме Жрецов, и череп принесенного в жертву ребенка, найденный Батресом у угла пирамиды Солнца

шить город. И все же он продолжал сталкиваться с необыкновенной аномалией. Во время своих раскопок он периодически находил прекрасно сохранившиеся крыши домов, внутри которых были камни, аккуратно лежавшие на своих местах и соединенные друг с другом похожим на глину раствором; они образовывали компактную массу, которую ему приходилось разбирать, кусок за куском, с большой осторожностью, чтобы не повредить настенные украшения. Такие находки заставили его задать себе вопрос: не могли ли сами жители огромного города намеренно уничтожить его? «Может быть, те, кто построил город, бежали от нашествия варварских племен с севера и, надеясь вернуться когда-нибудь, из уважения и благоговения перед своими богами засыпали свои святилища мусором, чтобы защитить их от осквернения богохульниками?»

Эта точка зрения звучала ошеломляюще. Она означала, что работа по захоронению города вместе со всеми его храмами была бы так же велика, как и усилия по его строительству. Эта поистине колоссальная задача требовала какого-то очень изощренного объяснения.

Батрес хотел продолжать раскопки в Теотиуакане, чтобы установить правду о том, что произошло. Он даже надеялся откопать весь город целиком вместе с его потенциальными сокровищами, но у него кончились средства. К 1890 году Батресу стало ясно, что потребуется более миллиона песо, чтобы продолжить работу.

Его покровитель Диас в конце своего третьего срока пребывания в президентском кресле был все еще не уверен в своем переизбрании. Страна находилась в кризисе, казна была пуста, надвигался финансо-

вый крах. Среди крестьян свирепствовал голод, эпидемии тифа и оспы, индейские племена подняли восстание.

Поэтому Батрес покинул Теотиуакан и отправился искать в Мексике другие места, потенциально более выгодные, которые были бы меньшим бременем для государственной казны.

Чтобы оправдать свои усилия и исправить свой неприглядный, в глазах общественности, образ, Батрес выпустил (разумеется, за счет государства) серию глянцевого иллюстрированных брошюр, отпечатанных очень крупным шрифтом, в которых он не рассказывал ничего интересного или ценного, но в основном спорил со своими оппонентами, которые нападали на него в прессе, обвиняя в том, что он незаконно присваивал себе золото во время раскопок в горах.

Затем у Батреса возник спор с департаментом канализации и водоснабжения города Мехико. Они копали новые дренажные каналы, которые были так зловонны, что никто другой и близко к ним не подходил. Батрес же настоял на том, чтобы проводить под землей целые дни, и не с кем-нибудь, а со своим сыном Сальвадором, для того чтобы, по словам Батреса, защищать «бесценные сокровища, которые в противном случае попадут в руки посредников, которые учитывают только свой собственный финансовый интерес, уничтожая, подобно коню Аттилы, все, что стоит у них на пути».

Каждый год Батрес отправлялся разрабатывать новое место.

В 1902 году он исследовал развалины Монте-Альбан, в 1903 году — долину Мехико и La Quemada, в 1904-м — Тескоко и другие, где откопал огромный монолит. О Монте-Альбане Батрес написал бессодержательную книжку, в которой нападал на все точки зрения, не предлагая взамен ничего. Главная его жалоба состояла в том, что ему приходилось поставлять достаточное количество воды для землекопов, а она обходилась в два доллара за каждый баррель, привезенный на место раскопок на ослах.

На протяжении пятнадцати лет, с 1890 по 1905 год, в Теотиуакане не было в действительности сделано ничего, за исключением разрушительных действий инженера по имени Антонио Гарсиа Кубас, который углублялся в южный фасад пирамиды Луны, руководствуясь той теорией, что он найдет вход в коридоры и помещения внутри пирамиды приблизительно в тех же самых местах, в каких они были найдены в Великой пирамиде Хеопса. Кубас не нашел вход, зато серьезно повредил постройку.

Затем, в 1904 году, настали лучшие времена. Порфирио Диас был переизбран президентом, на этот раз на удлинённый шестилетний срок. Когда он объезжал столицу в своем новеньком «мерседесе» по хорошо замощенным, прекрасно освещенным и сухим улицам, мексиканцы снимали шляпы. Как выразился Т.Р. Ференбах в своей яркой

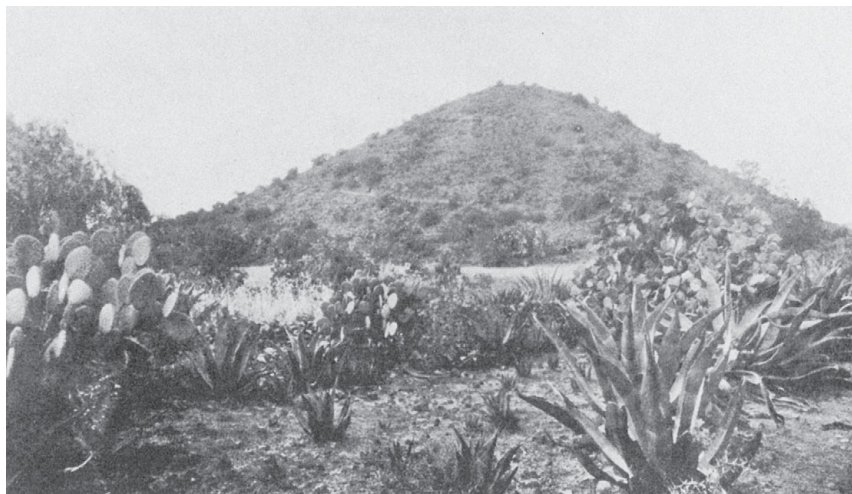
La Quemada

книге по истории Мексики «Кровь и огонь», «первое десятилетие XX века казалось еще одним десятилетием, когда золотистые вечера тихи, а история словно остановилась».

Обманчивое впечатление! «На горящих полях Морелоса и Юкатана для мужчин, стоящих на коленях, с кровоточащими пальцами, в мрачных рудниках, мастерских и душных фабриках это было худшее из времен. Почти вблизи столицы неимущие по-прежнему вопили и молили под кнутом надсмотрщика».

Как только Диас вступил в должность, Батрес обратился к нему с идеей сделать Теотиуакан великим национальным памятником, что улучшит государственный имидж Мексики, откопать пирамиду Солнца и придать ей ее первоначальный вид ко времени празднования столетия начала войны за независимость (оно должно было состояться в сентябре 1910 года и совпадало с днем восьмидесятилетия Диаса), таким образом вызвав резонанс достаточный для того, чтобы навсегда сохранить за диктатором его пост.

Эта идея — которая обеспечила бы Батресу еще шесть лет непрерывных и хорошо финансируемых раскопок — затронула тщеславие Диаса. Средства были предоставлены, и 20 марта 1905 года под покровительством министерства образования и изобразительных искусств Батрес начал широкомасштабные раскопки в Теотиуакане, являвшиеся частью программы празднования столетия начала борьбы за освобождение страны от власти испанцев. У Батреса было достаточно денег, людей и власти. Чтобы способствовать продвижению работ, он стал

Северный и восточный склоны пирамиды Солнца до того, как Батрес начал свои раскопки

жить вблизи места раскопок в небольшой двухэтажной крепости с узкими, похожими на щели окнами. Основной задачей было: просто откопать постройки, восстановить и укрепить их открытые поверхности. Но политические соображения диктовали ему сконцентрировать все усилия на пирамиде Солнца, довести до конца свое любимое занятие ради Диаса и оправдать деньги, которые Батрес тратил на раскопки и реставрацию этого поистине грандиозного памятника.

Батрес понимал, что для того, чтобы выяснить, действительно ли под грубым земляным курганом существует архитектурная конструкция, и таким образом попытаться определить изначальную цель ее постройки, ему придется счистить целиком весь слой грязи и камней с пирамиды Солнца. Либо надо было оставить все как есть. Полумеры здесь не годились.

Батрес предположил, что под грязью и камнями пирамида Солнца представляет собой конструкцию из пяти ступеней, которые уменьшаются по мере того, как пирамида поднимается на высоту 63 м, в то время как высота пирамиды Хеопса в Египте 146,6 м. Но пирамида Солнца стояла на фундаменте таких же размеров, что и пирамида Хеопса, и имела лестницу шириной два метра, зигзагом поднимающуюся по одному ее склону до святилища на ее вершине. Батрес подозревал, что внешние поверхности могут оказаться покрытыми слоем известки, подходящим для фресок. Он также подозревал, и не без оснований, что такую пирамиду, вероятно, строили понемногу, начиная с небольшого центрального ядра и нарачивая последующие

Северо-восточный угол пирамиды Солнца, где Батрес решил искать край стены погребенной конструкции

Батрес обнаруживает край стены в северо-восточном углу пирамиды Солнца

слои камня и земли до приобретения ею своих окончательных размеров.

Следующей задачей Батреса было вычислить, в каком месте следует начинать снимать с пирамиды покров из земли и обломков, чтобы добраться до узнаваемой поверхности погребенной конструкции, в которой лишь смутно можно было различить четырехугольную ступенчатую пирамиду с четырьмя видимыми уровнями. После тщательного внимательного осмотра всего кургана он обнаружил подходящее место возле основания северо-восточного угла.

Углубившись на четыре метра, Батрес откопал стену, сложенную из камней и известкового раствора. Стена имела прекрасно очерченный край, который он принял за северо-восточное ребро пирамиды. Используя эту стену как стартовую площадку — хотя он признавал, что разумнее было бы начинать с вершины, — Батрес приступил к своей грандиозной работе.

На месте раскопок появились тачки и вагонетки и в конце концов даже паровоз, рельсы для которого были проложены прямо до подножия пирамиды. Рабочие Батреса начали снимать грязь со скоростью восемьдесят—сто тонн в час. Но даже

при таком темпе работ прогресс был невелик. Требовалось убрать несколько сотен тысяч тонн отложений, прежде чем «спящий великан» начнет освобождаться.

Критики сразу же подняли крик о неслыханной трате правительственных средств для того, чтобы убрать одну гору земли и обнажить другую, особенно в то время, когда нужно было накормить голодные рты мексиканцев (что было правдой). Остряки в Мехико шутили: «Сеньор Батрес, который проводит раскопки пирамиды, уже накопил в ней два автомобиля!» Батрес, уверенный в одобрении своего патрона, невозмутимо продолжал свое дело. По современным стандартам, его работы были удивительно экономичны. Его каменщики получали плату, равную двадцати пяти американским центам в день; каждый осел обходился в два цента в день. На свои собственные нужды, так как они были особыми, Батрес получал семьдесят пять центов в день. Он нанял,

Поезд Батреса на лошадиной тяге

как казалось, чрезмерное количество сторожей для круглосуточной охраны этого района, но это, по-видимому, было нужно для обеспечения безопасности всевозможных обнаруженных при раскопках предметов — гончарных изделий, керамики и скульптур — от жадных рук любителей покопаться в грязи и охотников за сувенирами.

Как только самый верхний слой грязи начали снимать с пирамиды, Батрес был счастлив продемонстрировать, что она представляет собой не просто кучу камней и земли, а «храм, превосходно распланированный и построенный». Он даже нашел поверхности, покрытые твердым и гладким слоем штукатурки, который был украшен разноцветными фресками. Батресу казалось, что пирамида изначально была облицована резным камнем в стиле *talud tablero*, то есть когда утопленные панели и антаблементы на наклонных плоскостях были окружены выступающими каменными карнизами в виде пластин, закрепленных выдающимися вперед камнями. И все же Батресу — если не всем вокруг — было ясно, что большая часть первоначальной поверхности пирамиды была разрушена, либо нарочно, человеческими руками, либо временем и растительностью. И снова Батрес заподозрил, что вся эта конструкция, возможно, была намеренно разбита и засыпана землей, чтобы скрыть ее от людских глаз.

Затем пришла беда. Поверхность, которую он расчищал — это была явно не первоначальная поверхность, — была сделана из необожженных кирпичей, скрепленных между собой при помощи грязи. Под сильным дождем грязь начала растекаться, образуя жидкий поток, который угрожал уничтожить всю постройку. Если бы не вязкость растекающейся глины, которая сделала распад медленным настолько, чтобы его можно было остановить при помощи спешных восстановительных мер, вся поверхность пирамиды могла раствориться.

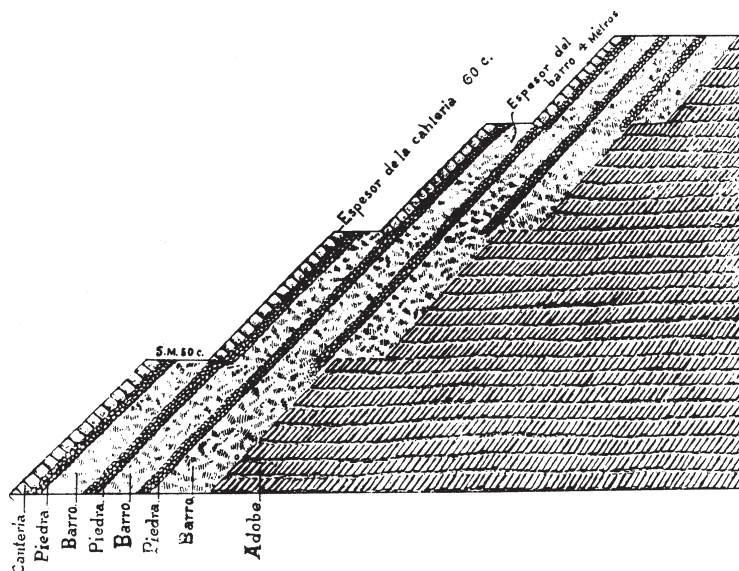
Юго-западный угол пирамиды Солнца на той стадии, когда первые два уровня были расчищены людьми Батреса

«Когда дождевая вода устремилась вниз с вершины пирамиды, как настоящий водопад, — писал Батрес, — она полностью унесла бы с собой ее верхний слой, если бы я не ограничил ущерб, установив деревянные водостоки для сбора воды, низвергавшейся с верхних, еще нераскопанных, частей пирамиды и, отведя воду по деревянным каналам, направил ее прочь от этого сооружения».

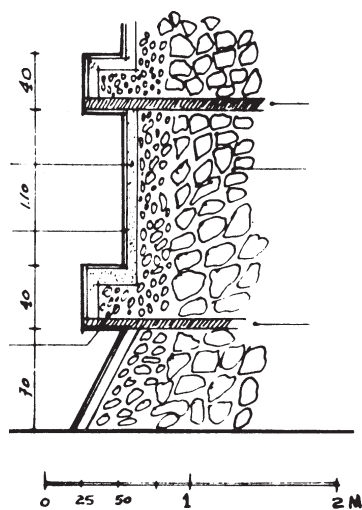
Чтобы предотвратить причинение еще большего ущерба и спасти очертания постройки в том виде, в каком они предстали в результате раскопок, Батрес прибег к методу, который заключался в том, чтобы между слеplенных между собой при помощи глины кирпичей вводить смесь извести и цемента, укрепляя раствор кусочками вулканических пород. С этой целью он организовал группу искусных каменщиков, которые при помощи небольших ложечек раскапывали промежутки между кирпичами, отделяя их один от другого на глубину десяти сантиметров, убирали старый раствор и, не двигая кирпичи со своих мест, вновь скрепляли их при помощи смеси строительного раствора с кусочками лавы.

Во время раскопок юго-восточного угла пирамиды Батрес нашел каменные стены, выступающие с ее поверхности, как ребра. По его предположению, они предназначались для удержания первоначальной поверхности на ее месте. Также ему встретились несколько контрфорсов из камня и саманного кирпича, очевидно предназначенные для обеспечения устойчивости конструкции. Камни были положены диагональными рядами, и каждый ряд образовывал полосу различной ширины.

Пока Батрес продолжал работать на пирамиде, продвигаясь вверх несколько более медленными темпами из-за необходимости проведения укрепительных работ, он решил направить другие группы людей проводить раскопки вокруг основания пирамиды. У подножия запад-

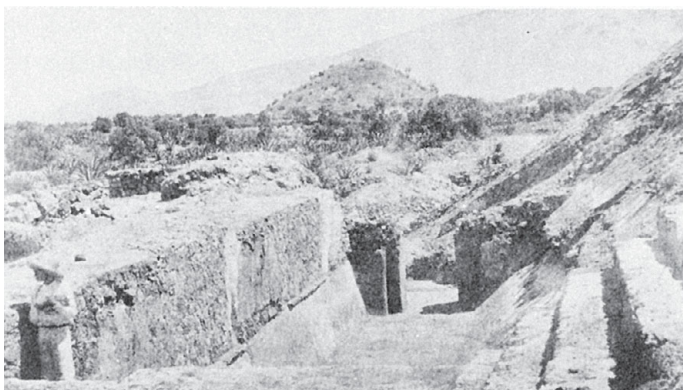
Батресу было очевидно, что строители Теотиуакана везде применяли архитектурный мотив *talud tablero*, представляющий собой прямоугольные панели, вставленные в скосы наружной каменной кладки. Саманные кирпичи размером 40 × 30 × 10 см укладывались горизонтально для вертикальной нагрузки и вертикально — для боковой. На кирпичи был положен толстый слой из мелоченных камней, смешанных с грязью. Поверх всего этого лежал слой вулканических пород толщиной от 4 до 6 м, за которым следовал слой из смеси бетона и грязи. Затем шла *tablero* или кладка из отесанных камней, на которых были вырезаны огромные ягуары или иероглифы

ного фасада они раскопали огромный курган, связанный с первым уровнем пирамиды, очертания которого были видны на плане, опубликованном комиссией Максимилиана.

А тем временем другая группа начала исследовать дальний, западный, конец платформы, окружающей пирамиду. Под кукурузным полем они обнаружили остатки большого поселения, которое Батрес назвал «домом Жрецов» из-за того, что оно находилось всего в двадцати метрах от угла пирамиды Солнца.

Убрал огромное количество земли и камней с кургана, примыкающего с западной стороны к пирамиде Солнца, на первом его уровне Батрес нашел три храма, огороженную комнату и три лестницы, ведущие вверх на следующий уровень. Храм в центре был похож на трехступенчатый зиккурат, поднимающийся более низкими ступенями с угловатыми поверхностями. С южной стороны центрального храма, на его верхней части Батрес обнаружил прекрасно отполированную поверхность белого цвета, а также небольшое овальное углубление, которое, по его мнению, служило для каких-то религиозных целей. В центральном храме Батрес нашел камень с вырезанными на нем выпуклыми символами, которые казались образцами письменности «более развитой, чем письменность мексиканцев»

Батреса поразила красота стен, показавшихся из-под земли, с изумительной резьбой и многоцветными фресками. Он понимал, что они, должно быть, производили сильное впечатление, когда краски были свежими.

Под слоем обломков метровой толщины Батрес обнаружил, что платформа вокруг пирамиды имела 39,2 м в ширину и 6 м в высоту, и ее откосы были выполнены в стиле talud tableado. Он решил, что эта

Президент Порфирио Диас и члены его кабинета приехали посетить пирамиды в Сан-Хуане Теотиуакане в апреле 1906 года

платформа предназначалась для придания устойчивости пирамиде и предотвращения смещения ее у основания.

Работы под руководством Батреса продолжались чуть больше года, когда начали кончатся деньги. Чтобы включить денежный насос, он решил пригласить президента Диаса приехать и посмотреть на место проведения раскопок и лично удостовериться, что для достижения впечатляющего результата нужны дополнительные средства.

В семь часов утра 6 апреля 1906 года генерал Порфирио Диас сел в поезд, отправлявшийся из Мехико, и через час приехал на станцию Сан-Хуан. Там он и сопровождавшие его министры сели в вагоны на конной тяге и под лучами весеннего солнца поехали смотреть достопримечательности, поднимая огромные клубы пыли.

Им показали различные фрески и резные *tabletos*, недавно раскопанные храмы и платформу вокруг основания пирамиды. Затем всю компанию пригласили совершить утомительное восхождение к вершине пирамиды Солнца, чтобы полюбоваться открывающимся с нее видом. Свита, состоявшая из министров, находившихся под впечатлением от работы Батреса, получила еще более сильное впечатление от «мужественной стойкости» семидесятишестилетнего главы государства, который карабкался на вершину без видимых усилий, возможно, благодаря примеси крови индейцев-сапотеков с гор Монте-Альбан, которая текла в его жилах (Диас был метисом).

В разгар дневной жары все спустились с пирамиды и укрылись в одной из пещер, в которых побывал Шарнэ, где их угостили типично мексиканским обедом. Сообщалось, что гости были в очень хорошем настроении и обменивались анекдотами на историческую тему. В пят-

Жители старшего поколения Сан-Мартина вспоминают, как их деды рассказывали о тех временах, когда разбойники, грабившие повозки с серебром, ехавшие на юг из Пачуки в Мехико, вдруг исчезали под землей в Теотиуакане и появлялись вновь далеко за Амекамекой, что в 75 км к югу.

По отчетам геологов, вулканическая активность, происходившая в долине Теотиуакана миллионы лет назад, оставила трубчатые отверстия и круглые пещеры на этой территории. К северу от Серро-Гордо лава текла шесть миллионов лет назад. Одна из гигантских подземных полостей, оставленных вулканическим потоком, до сих пор расположена на восточной стороне позади пирамиды Солнца и в настоящее время называется «La Gruta» (исп. — грот). За пирамидой Луны вход в пещеры ведет к туннелю, который был исследован в 1964 году, в результате чего было установлено, что он описывает почти полный круг вокруг пирамиды

надцать часов тридцать минут президент отправился на поезде обратно в Мехико, «очень веселый и довольный».

На следующий день газеты опубликовали подробности поездки президента, отметив, что пещеры, в которых он обедал, были переименованы в «пещеры Диаса». Контролируемые со стороны científicos, газеты подчеркнули, что за один год работы были раскопаны и укреплены два нижних яруса пирамиды, а в передовой статье была высказана мысль о том, что было бы неплохо, если бы через два года этот

необыкновенный памятник был очищен и восстановлен в своем первоначальном виде.

Чтобы ускорить работы и закончить их в срок к сотой годовщине начала борьбы за независимость Мексики, по словам Батреса, ему необходимо будет нанять еще 400 рабочих и получить еще 100 тысяч песо. Когда деньги не поступили, Батрес в гневе подал в отставку и уехал исследовать развалины майя на Юкатане.

Глава 15

ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ АМЕРИКАНЦЫ

В Чичен-Ице Батрес обнаружил Эдварда Х. Томпсона, который занимался тем, что нырял вместе со своими греческими водолазами за артефактами в священный сенот. Хоть Батрес и был официальным «покровителем памятников старины Мексики», он не возражал против действий Томпсона, демонстрируя определенное понятие о чести, принятое среди воров.

К октябрю в столице приняли план Батреса: можно было возобновить работы на пирамиде Солнца в Теотиуакане. Через несколько месяцев начали вырисовываться очертания постройки. В процессе разбора обломков Батрес нашел необычные артефакты и диковинки. На южном фасаде пирамиды он нашел свисток в форме птички. Когда Батрес дул в него и перебирал пальцами по четырем небольшим отверстиям, вырезанным на спине птички, он смог извлечь семь нот гаммы, отличной от гаммы нашего «хорошо темперированного клавира».

Более мрачной находкой были согнутые скелеты нескольких шестилетних детей, специально похороненных заживо: по одному ребенку в каждом углу на каждом уровне пирамиды. Как и скелеты, обнаруженные Шарнэ, они рассыпались в прах, как только были раскопаны, за исключением одного, который Батресу удалось сохранить, немедленно покрыв лаком.

На вершине пирамиды Батрес нашел горизонтальную платформу с «остатками центрального храма», которые никто, кроме него, не заметил (начиная с XVIII века). Под трехметровым слоем обломков камней он нашел большое количество фигурок, вырезанных из нефрита, яшмы, алебаstra и даже из человеческих костей, а также множество ракушек различных размеров, тоже вырезанных из различных материалов, и змей из камня-змеевика и обсидиана. По этим находкам Батрес сделал вывод, что сооружение под названием пирамида Солнца в более древнее время, вероятно, было посвящено пернатому змею Кецалькоатлю, богу во многих проявлениях.

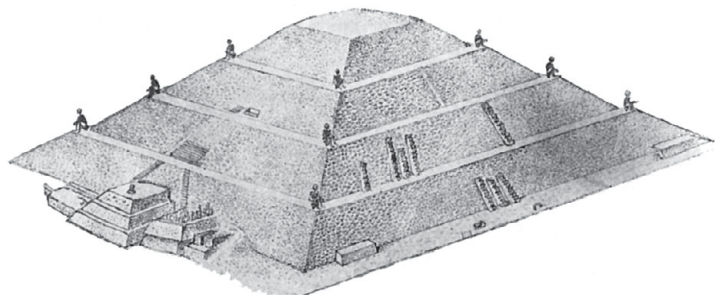
Второй ярус пирамиды, расширенный Батресом, имел 16 м в высоту, угол наклона склона 47 градусов и лестницу шириной 7 м, которая вела к проходу 3 м шириной на следующем ярусе, а тот, в свою очередь, расширялся до 9 м на западном фасаде.

На третьем ярусе высотой почти 14 м имелась разбитая лестница шириной по 5 м с каждой стороны от центральной линии. На нем также имелись вертикальные ребра, скрепленные глиной. Четвертый ярус поднимался на высоту 6 м, а в центре его была лестница, которая имела более крутой наклон

Необнаруженной находке на пятом ярусе пирамиды так и не было дано удовлетворительное объяснение. В то время как Батрес в первый раз исследовал пирамиду Солнца в 1906 году, один из археологов, работавших с ним, сообщил о толстом слое слюды, который покрывал вершину пятого яруса. Этот материал был, очевидно, унесен в ходе реставрационных работ.

По случайному совпадению «Храм из слюды» был найден и к югу от пирамиды Солнца, приблизительно в трехстах пятидесяти метрах, если идти по дороге Мертвых, где местный сторож и сейчас разрешит взглянуть через стеклянную загородку на пол, покрытый слюдяными пластинами. У слюды есть два замечательных качества: она обладает высоким электрическим сопротивлением и слабой проницаемостью для быстрых нейтронов. Поэтому она выступает в роли изолятора или замедлителя ядерной реакции. Возникает вопрос: почему два не связанных между собой места в Теотиуакане были покрыты слюдой? Батрес этот вопрос даже и не поднимал; для него, очевидно, было достаточно того, что слюда обладает коммерческой ценностью.

Чтобы закончить раскопку пирамиды ко времени приближающегося празднования столетия начала войны за независимость, которое должно было состояться 16 сентября, Батрес изо всех сил понукал рабочих. Его покровитель, генерал Диас, собиравшийся отметить свой восьмидесятый день рождения 15 сентября, теперь позволил себе поверить, что он стал незаменимым, и ему следует баллотироваться еще на один ше-

Восстановленная Батресом пирамида Солнца с adosado (примыкающая наклонная часть — исп.) с западной стороны и детскими скелетами по углам, где они и нашел

стилетный срок. От успешного избрания Диаса зависело дальнейшее финансирование работ в Теотиуакане. К сентябрю 1910 года на раскопку пирамиды Батрес израсходовал 566 798,06 песо (или 45 тысяч долларов). Необходимы были дополнительные средства, чтобы сделать результат достаточно грандиозным (и чтобы оправдать уже сделанные расходы).

В почти законченной Батресом реконструкции пирамиды не сохранилось ни одного ее первоначального покрытия, только крепежные камни центрального массива. Батрес подсчитал, что в общей сложности он снял с поверхности пирамиды в направлении север—юг слой мусора толщиной семь метров, а в направлении восток—запад — четыре метра. Откопанная пирамида имела 225 м в основании в направлении с севера на юг и 219 м — в направлении с востока на запад. Ее высота составляла 62 м, что оказалось на 4 м больше цифры, установленной комиссией Максимилиана в 1864 году. Чтобы закончить свое дело, Батресу пришлось ожидать переизбрания своего покровителя.

Но из-за того, что Диас сделал безрассудно смелый жест, пообещав разрешить формирование оппозиции, он оказался перед фактом того, что его переизбрание уже не могло пройти в отсутствие оппозиции. Оппозиция же объединилась вокруг богатого землевладельца с севера Франсиско И. Мадеро, который, хоть и получил образование в Калифорнийском университете, не рассматривался Диасом в качестве серьезного противника. Имевший едва 5 футов (152 см) роста, с пронзительным птичьим голосом, Мадеро вряд ли казался Диасу крутым парнем; Диас смеялся над его склонностью к вегетарианству и спиритизму.

Однако, когда вокруг Мадеро начали собираться люди, Диас быстро приказал арестовать его, а вместе с ним и шестьдесят тысяч его

Получившему образование в Калифорнийском университете Франсиско Мадеро было 32 года, когда он безуспешно попытался противостоять Диасу на выборах 1905 года. В 1908 году Мадеро опубликовал книгу «La Sucesion Presidencial en 1910», которая тут же была изъята из продажи Диасом из-за выражавшегося в ней мотивированного изложения проблем Мексики и критики режима Диаса, использовавшего неконституционные методы правления. Возглавив вооруженное восстание против Диаса, Мадеро проявил такое небывалое великодушие к побежденным, что завоевал этим уважение людей. После шести месяцев правления в качестве временного президента он был избран главой государства значительным большинством голосов

сторонников, по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Мадеро, переодевшись механиком, сумел бежать через американскую границу в Сан-Антонио, штат Техас. Выборы прошли без него.

16 сентября празднование столетия начала восстания за освобождение Мексики от власти Испании и дня рождения Диаса началось, как и было запланировано, с грандиозных торжеств, которые обошлись правительству в 20 миллионов песо (или больше, чем было потрачено на социальное обеспечение за год). Пышные процессии, которые увидели полмиллиона стоящих зрителей, изображали такие великие моменты в истории Мексики, как противоборство Кортеса и Монтесумы. В парке Чапультепек 50 тысяч горожан стали участниками народного гулянья. В Национальном дворце под тридцатью тысячами электрических звезд две тысячи высокопоставленных чиновников пиروвали за столом, уставленным золотыми приборами, выпив десять вагонов французского шампанского, которое подавали пятьсот колоритно одетых лакеев.

В ходе торжеств Диас мимоходом объявил толпе результаты выборов: 99% голосов за него.

В комнате дешевого отеля в Сан-Антонио Франсиско Мадеро и несколько его соратников заявили — не без некоторых оснований — о том, что выборы были проведены жульнически, и призвали к восстанию против Диаса, чтобы заставить его уважать волю народа. Мадеро и его сподвижники потребовали эффективного избирательного права, смещения científicos и закона, запрещающего президенту становиться своим собственным преемником.

К удивлению Диаса, по всей стране недовольные граждане подняли восстание. В различных районах страны группы вооруженных лю-

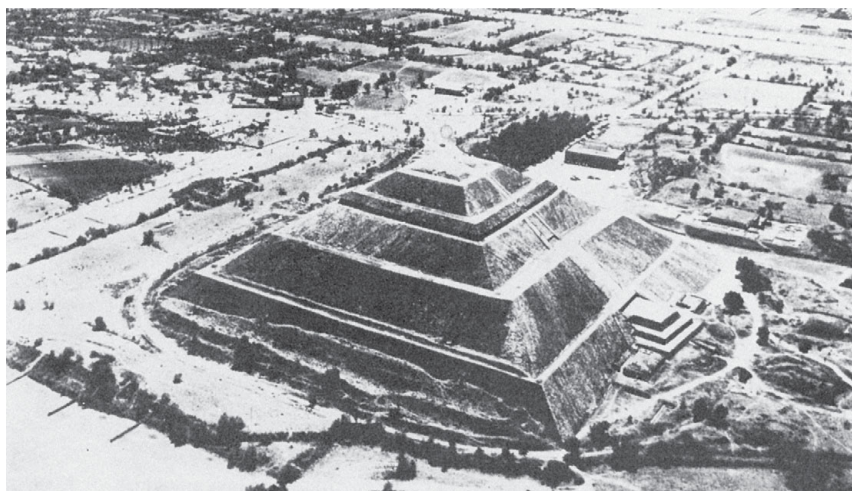
Грубые манеры Диаса сглаживались его супругой доньей Кармелитой, которая надевала мужу-солдафону белый галстук на официальные церемонии и научила диктатора пользоваться золотой тарелкой и хлебом вместо маисовых лепешек, чтобы собрать с тарелки бобы. Во дворце Чапультепека чета Диас жила с большим размахом, нежели Максимилиан и Шарлотта

Когда Эмилиано Сапата бросил клич «Земля и свобода!», он быстро нашел поддержку у целой армии низкорослых темнокожих крестьян в белых штанах и островерхих сомбреро, которые были вооружены острыми мачете и иконами Пресвятой Девы Гуадалупской. Повстанцы были готовы до конца бороться за возвращение украденных у них земель.

Потерпев поражение в ходе гражданской войны, Сапата тем не менее укрепился в опустошенном штате Морелос, но захвативший в 1914 году власть и разбивший в 1914—1917 годах большинство крестьянских отрядов Карранса направил против него федеральные войска. Когда их атака провалилась, Карранса прибегнул к вероломству. В 1919 году полковник федеральных войск Хесус Гуахардо притворился, что переходит в лагерь сторонников Сапаты с шестьюстами своими солдатами. Сапата, хотя и был предупрежден о предательстве, согласился встретиться с полковником при условии, что с каждым из них будет всего лишь тридцать человек. Полковник явился с шестьюстами, и, когда Сапата вошел в здание усадьбы, где была назначена встреча, прозвучал сигнал трубы, и безоружный Сапата был убит (в следующем, 1920 году убили и Каррансу. — Ред.)

Своим критикам Батрес отвечал, что он принял все необходимые меры предосторожности для сохранности пирамиды Солнца, в то время как с нее снимали пласты камней и земли. По его словам, «все постройки в Теотиуакане» представляли собой многослойные конструкции из камня, саманного кирпича или вулканического пепла и строительного раствора, и даже можно было найти настенные росписи, одну под другой, подобно «огромным палимпсестам». Батрес утверждал, что был вынужден снять внешний слой пирамиды, чтобы обнажить ее истинную форму. Он отверг обвинения в преследовании политических целей, выдвинутые против него революционными оппозиционерами, поскольку был близким другом и верным слугой генерала Диаса. Батрес написал: «Нет ничего легче, чем критиковать, не имея благородного стремления показать, обуздать или исправить. Такая критика сводится к злобному желанию причинить личный вред другому человеку, как в моем случае. И обвинителям все равно, какой вред наносится науке и истории, когда они приписывают воображаемые (надуманные) повреждения нашим археологическим памятникам»

дей стали примыкать к таким вождям, как Доротео Аранго, больше известный как Франсиско Вилья, и Эмилиано Сапата. Сапата был высоким крепким крестьянином с большими черными усами, который давно уже был недоволен незаконным изъятием земли у крестьян.

Диас систематически обескровливал свою армию, удаляя из нее способных и честолюбивых офицеров и благоволя к продажным и легко управляемым прислужникам. Теперь он оказался со страдающими подагрой и ревматизмом генералами, которым было за восемьдесят, полковниками за семьдесят и лейтенантами за шестьдесят лет, и списком личного состава, наполовину заполненным мертвыми душами, которые получали плату, обмундирование и питание по обычной норме, но не существовали в реальности. Оказалось, что даже его хваленые Руралес (как позже милиционная армия при фашистском режиме

Археолог Целия Наттолл

Гамио.

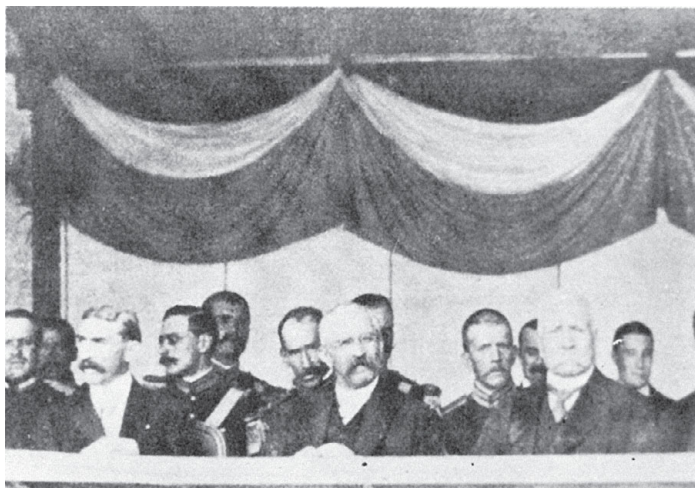
В 1917 году Мануэль Гамио во время раскопок главной дороги из Мехико в Куэрнавака обнаружил заросший холм под названием Куикуилько, покрытый потоками лавы доисторической эпохи. Оказалось, что это огромная древняя пирамида в форме усеченного конуса с четырьмя галереями и лестницей в центре

Муссолини) лучше справляются с гражданами, избивая и убивая их по одному, нежели в борьбе с организованными группами людей; вскоре они бежали под натиском восставших.

Когда у дворца на главной площади собралась толпа, шумно требовавшая отставки Диаса, диктатор приказал президентской гвардии открыть огонь, от которого погибли двести демонстрантов. Справедливому народному гневу больше нельзя было сопротивляться. Руководитель científicos Хосе Лимантур, унаследовавший этот пост от отца Батреса, дезертировал из рядов сторонников Диаса и заключил сделку с Мадеро, который в конце концов стал президентом. Обезумевший от боли в гнилом зубе Диас поспешил в сопровождении охраны сесть на поезд, отправлявшийся в Веракрус, где его посадили на корабль, отплывавший во Францию, чтобы бывший диктатор больше уже никогда не возвращался в Мексику.

С изгнанием Диаса, несмотря на усилия Лимантура, закончилась власть científicos, Батрес лишился своего титула главного инспектора памятников и немедленно подвергся нападкам за то, что выполнял свою работу больше с энергией и энтузиазмом, нежели с осторожностью, за то, что очистил пирамиду Солнца, «как луковицу», боясь не успеть закончить работы вовремя ко дню рождения Диаса.

Его обвинили в том, что он снял с пирамиды все остатки оригинального покрытия из тесаного камня, оставив всего лишь обезображенную сердцевину с несколькими выступающими якорными камнями. Затем его подвергли критике за то, что он жестоко искалечил пирамиду, сделав ее состоящей из пяти ступеней

Посол США Генри Лейн Уилсон сидит справа от Порфирио Диаса и его крайне непопулярного вице-президента, о котором Диас сказал: «Рамон Коррал верный человек, который делает, не обсуждая, то, что я хочу»

вместо «археологически правильных четырех», грубо уменьшив ее размеры и обезобразив ее поверхность неправильными гранями. Ожесточенный и разочарованный, Батрес удалился из поля зрения публики, оставив эту сферу деятельности открытой для молодого соперника, которого его противники готовили к этой работе еще с 1906 года.

Самым решительным соперником Батреса в Мексике на протяжении более десяти лет была гражданка США Целия Наттолл, археолог-любитель, которую Батрес сумел сильно разозлить. Г-жа Наттолл, которая была одарена как умом, так и финансами, сделала несколько интересных открытий на острове Жертвоприношений недалеко от Веракруса, которые Батрес присвоил. Кроме того, Батрес препятствовал другу Целии Наттолл Альфреду П. Модсли в проведении раскопок в Монте-Альбани, а также присвоил лавры за работу в Митле, проведенную Маршаллом Х. Савилем. Батрес дошел до того, что приказал выгравировать золотыми буквами свое собственное имя на дверном перекрытии самого прекрасного дворца.

Наслаждаясь отщипением, г-жа Наттолл теперь запустила в печать все то, что было известно о Батресе. А именно: что, будучи оптовым и розничным торговцем предметами старины, он ограбил страну, отняв у нее ее археологические сокровища и постоянно отправляя их контрабандным путем на экспорт из тех мест, где они должны были находиться под охраной. Одновременно с этим г-жа Наттолл с ошеломляющими подробностями разоблачила произвольную и вводящую в

Франсиско Вилья (настоящее имя Доротео Аранго; известен также как Панчо Вилья). Родившийся в Орегоне и получивший образование в Гарварде корреспондент Джон Рид (его прах похоронен в Москве у Кремлевской стены — честь, оказанная ему за его книгу «Десять дней, которые потрясли мир») стал близким другом Франсиско Вилья в то время, когда освещал события мексиканской революции. Рид написал, что Вилья является воплощением крестьянской души всего континента, погруженной в раздумья о своем бедственном положении, в котором она находится со времен испанского завоевания и конфискации земель Диасом.

Прежде чем стать губернатором Чиуауа, Вилья в течение двадцати двух лет раз-

бойничал. В возрасте шестнадцати лет он убил правительственного чиновника, по общему мнению, за изнасилование сестры. Оказавшись вне закона, Вилья стал местным «Робин Гудом», грабившим богатых, чтобы накормить бедных. В период голода он убил тысячи голов скота, накормив тем самым целые районы. Проявляя заботу о целых деревнях, он изгонял солдат Диаса, пытавшихся захватить их земли.

Как писал Рид, большой страстью Вилья были школы, потому что он считал, что земля для людей и школы для их детей решат все проблемы в стране. Когда Вилья пришел к власти в Чиуауа, он организовал более пятидесяти школ и хотел послать своего сына учиться в США, но не смог себе этого позволить. Взяв в свои руки управление штатом, Вилья приказал, чтобы всякого испанца, пойманного в течение последующих пяти дней в пределах границ штата Чиуауа, ставили к ближайшей стенке и расстреливали. Когда консул США высказал ему упрек, Вилья ответил: «Сеньор консул, мы, мексиканцы, имели на своей земле испанцев в течение трех веков. Их характер не изменился со времен конкистадоров. Они разрушили империю индейцев и поработили народ. Мы не просили их смешивать свою кровь с нашей. Мы дважды выдворяли их из Мексики и позволяли им вернуться, имея равные права с мексиканцами, а они использовали эти права для того, чтобы украсть нашу землю, сделать людей рабами и поднять оружие против свободы. Они поддерживали Порфирию Диаса. Их дея-

заблуждение классификацию Батреса его археологических находок. Ясно и четко она показала, что археология в годы диктаторского режима Диаса была всего лишь еще одной кормушкой для его ближайшего окружения.

Батреса публично обвинили в получении доходов от выдачи незаконных разрешений на вывоз из страны предметов искусства, в подделке многих значительных экспонатов Мексиканского музея с целью продажи их оригиналов за границу, в том, что он приказал взорвать арку в Ушмале, чтобы украсть статую, и в том, что он захотел скрыть свои преступления, написав псевдонаучную книгу, разоблачающую подделки.

Целия Наттолл обратила внимание на то, что, когда знаменитый «Кодекс Санчес» перешел в руки немецкого посланника в Мексике, Батрес вскоре после этого получил высокую германскую награду — орден Красного Орла.

Падение Батреса, которое г-жа Наттолл планировала в течение нескольких лет, было таким же абсолютным, как и ее триумф.

На протяжении лет она готовила Батресу преемника, молодого мексиканца по имени Мануэль Гамио, для которого она организовала стипендию в нью-йоркском Колумбийском университете. Свою работу она вела при помощи главы департамента этнологии и антропологии профессора Франца Боаса, специалиста по древней культуре Мексики, на том основании, что археология этой страны больше всего нуждается в директоре музея, имеющем самую тщательную подготовку в самых современных методиках проведения археологических исследований.

тельность была пагубна для политики. Именно испанцы составили заговор, из-за которого Уэрта воцарился во дворце. Когда был убит Мадеро, испанцы во всех штатах республики устроили праздничные банкеты. Они навязали нам величайший предрассудок, который когда-либо знал мир, — католическую церковь. За одно это они заслуживают смерти. Я считаю, что мы еще добры к ним». Когда Рид спросил его, почему он не стремился стать президентом, Вилья ответил: «Я боец, а не государственный деятель. Я недостаточно образован, чтобы быть президентом. Как мог я, который никогда не ходил в школу, надеяться иметь возможность разговаривать с иностранными послами и образованными господами из конгресса!»

Вилья считал, что армия является самой мощной опорой тирании. «Не может быть диктатора без армии». Вместо этого он предлагал переселить ветеранов на землю, которую они могут обрабатывать и заодно обучать местных жителей основам военного дела. А если «родина подвергнется агрессии, нам всего лишь нужно будет позвонить по телефону из дворца в Мехико, и через полдня весь народ Мексики поднимется, оторвавшись от своих полей и фабрик, и во всеоружии, организовано, встанет на защиту своих детей и домов. Как было бы хорошо сделать Мексику счастливой страной!» (В 1917 году отошел от политической борьбы, поселился на ферме, но его там в 1923 году, на всякий случай, убили. — Ред.)

Благодаря неоднократным ходатайствам к мексиканским властям г-жа Наттолл организовала молодому Гамио отпуск с его ответственной работы в Национальном музее, чтобы он мог учиться в Колумбийском университете, выразив надежду в том, что когда-нибудь он возглавит отдел археологии Национального музея и станет инспектором исторических памятников вместо ненавистного ей Батреса.

Вместе с революцией 1910 года все это и произошло, и Международная школа американской археологии, финансируемая различными академическими институтами США, начала в Мексике с того, что Гамио сменил Боаса, возглавив отдел археологии.

К сожалению, не все усилия США в Мексике были такими же благотворными, как усилия г-жи Наттолл. Посол Соединенных Штатов Генри Лейн Уилсон, фактически состоящий на службе у магната Гунгенгейма (Пренхайма), считал своей главной задачей защиту миллиардных капиталов североамериканских капиталистов в Мексике и решил избавиться от Мадеро.

Посылая в Вашингтон ложные сообщения о склонности Мадеро к радикализму, Уилсон изо всех сил старался создать образ Мадеро-большевика. Добродушный либерал XIX века, Мадеро, по более точным описаниям историков, был «человеком, стремившимся делать добро, чьи честность и милосердие были неоспоримы», он стремился к компромиссу и примирению всех партий, настаивая на том, чтобы все изменения происходили на законодательной основе.

Преувеличивая степень разрушения иностранной собственности во время восстания против режима Диаса под предводительством Мадеро и возбуждая ложную тревогу в США в связи с тем, что в Мексике «жизнь и собственность каждого североамериканского гражданина находится в опасности», посол Уилсон составил заговор с целью заменить Мадеро своим ставленником, генералом Викторiano Уэртой. Один историк написал о нем, что это «аморальный пьяница, не знающий понятий чести и верности, поддерживаемый католической церковью и армией».

Уэрта намеренно заманил брата Мадеро в ресторан, якобы на переговоры, где подверг его жестоким пыткам, приведшим к его смерти. Затем Уэрта приказал арестовать самого Мадеро и зверски убить его. В ту же ночь Уэрта встретился с послом Уилсоном в посольстве США, чтобы получить от него официальную поддержку.

В окружении близких друзей Уэрты пытался управлять страной из бара, пока Вилья, Сапата и другие повстанцы не двинулись на столицу. Таким образом, результатом вмешательства посла Уилсона стала кровопролитная гражданская война, которая длилась до 1917 года включительно, во время которой противоборствующие стороны совершали зачастую невероятные зверства. Люди Уэрты отказывались брать пленных;

они бросили губернатора Чиуауа под колеса мчащегося поезда, а других привязывали к столбам в муравейниках, чтобы их съели жакиво. В конце концов победила армия еще одного претендента, либерала Каррансы, разбившего в 1917 году основные силы повстанцев Вильи и Сапаты.

Гражданская война — мрачное время для археологии, когда копают в основном не ради артефактов, а чтобы захоронить трупы. Мануэль Гамио, один из немногих не дрогнувших духом, продолжал свою тихую работу на протяжении всех лет, что длилась гражданская война. Применяя технику стратиграфии, которой он выучился в Колумбийском университете, раскапывая культурный слой вокруг Мехико и тщательно отмечая каждый пласт, он сумел составить отчет о проживании человека в Центральной Мексике на протяжении более чем 1400 лет. Снимая сверху вниз слой за слоем и отсчитывая время назад, Гамио нашел культурные слои времен ацтеков и тольтеков, а затем и следы более древней цивилизации, которую он окрестил «архаической». Это была новая область для исследований.

Глава 16

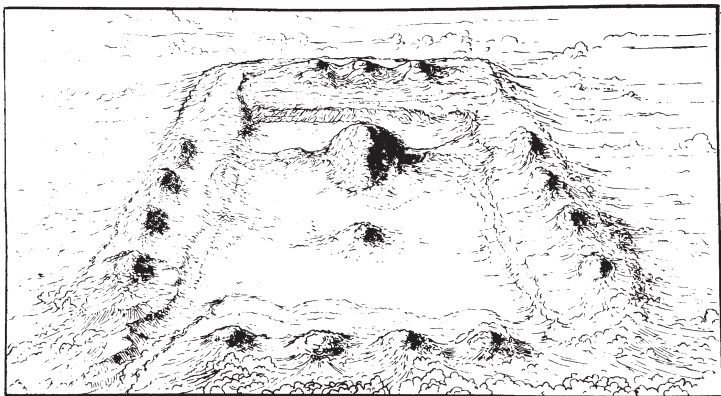
МЕКСИКАНЦЫ ДЛЯ МЕКСИКИ

Только в 1917 году с установлением демократической федеративной республики в стране был восстановлен относительный порядок, достаточный для возобновления исследований ее прошлого. Новая либеральная конституция открыла путь для возрождения национальных талантов. Появились такие мастера своего дела, как Диего Ривера, Хосе Ороско и Давид Сикейрос. Пробудился интерес не только к истории Мексики, но и к ее национальному и общеобразовательному развитию.

При Мануэле Гамио, возглавлявшем отдел антропологии в Национальном музее, было решено провести тщательное изучение не только развалин Теотиуакана, но и всей долины Теотиуакана с точки зрения истории, геологии, антропологии и социологии. Впервые в истории Мексики группы молодых отечественных ученых отправились проводить на месте длительные исследования мексиканских памятников старины. Была надежда, что они смогут восстановить в деталях культуру различных народов, которые населяли долину Теотиуакана с древнейших времен.

Самые древние следы человеческого жилья, найденные в пластах лавы Сан-Анхеля, представляли собой стены из саманного кирпича; им дали название «отоми». Студенты Гамио установили, что самый первый «архаический» город в Теотиуакане был построен на равнине с небольшим уклоном, орошаемой сетью хрустальных ручьев, которые

Когда Гамио впервые взялся за территорию Цитадели, он обнаружил, что она целиком покрыта слоем земли, под которым едва можно было различить ее очертания. Оставив без внимания вопрос, кто мог засыпать ее и зачем, Гамио решил раскопать то, что сможет

брали свое начало на вулкане Серро-Гордо. Лава, в избытке имевшаяся вокруг, была главным строительным материалом для этого города. Почва здесь — местное название ее *tepetate* (исп. — белый строительный камень) — была очень плотная и твердая, отчего делать для построек фундаменты было не обязательно; стены не подвергались разрушению от влажности.

Большие залежи твердого, блестящего вулканического стекла обсидиана, найденного в северо-восточной части долины, поставляли сырьем для ножей, наконечников для стрел и другого оружия, а также для ювелирных и иных украшений.

К февралю 1918 года Мануэль Гамио получил разрешение от министра сельского хозяйства возобновить изучение развалин Теотиуакана. Путем стратиграфических исследований, произведя шестнадцать раскопок в различных местах, он попытался определить хронологическое развитие открытых им архитектурных сооружений. Гамио считал, что постройки Теотиуакана датируются более ранним временем, нежели сооружения в преимущественно низинном ареале культуры майя, которым, по его мнению, было две тысячи лет. Он предполагал, что самые древние развалины Теотиуакана могут быть на пятьсот или тысячу лет старше построек майя.

С окончанием Первой мировой войны, когда интерес иностранных государств к Теотиуакану возобновился, Гамио решил взяться за территорию самого города, в котором, как он полагал, им откроется одна из самых внушительных церемониальных площадей в Мексике, известная как Цитадель.

Как и в случае с пирамидой Солнца — до того, как Батрес ее раскопал, — курганы и насыпи Цитадели, за исключением одного, были совершенно засыпаны землей, на которой процветала местная растительность и много деревьев *pirul*. Исключение составлял курган на восточной стороне, который был частично раскопан Батресом и открывал взору храм с хорошими пропорциями на обычном пирамидальном основании с карнизами *tableto*.

Так же как и Батрес, Гамио понимал, что, как только он разроет эту постройку, ее нужно будет защищать, иначе ее быстро разрушат дожди или развитие свежей растительности в глинистом строительном растворе. Гамио также было ясно, что никто не сможет оценить первозданную красоту этих древних памятников, пока их четкие геометрические линии не будут восстановлены.

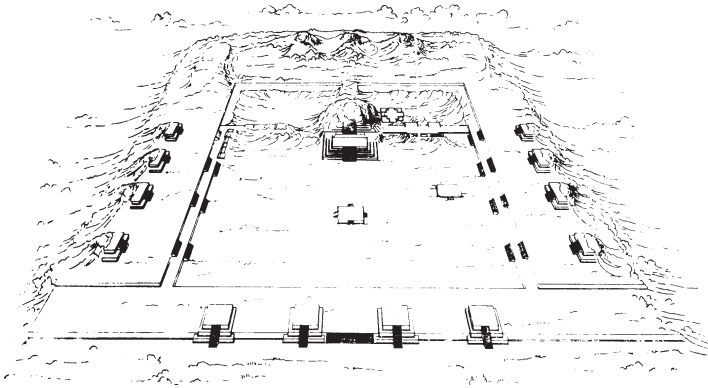
И все же Гамио не хотел подвергнуться суровой критике, которая вылилась на Батреса, когда он потерял политическую поддержку Диаса.

Чтобы избежать подобного развития дел, Гамио воспользовался талантами Игнасио Маркуины, чертежника и архитектора с превосходной репутацией, который сделал чрезвычайно точные рисунки появляющихся на свет божий фрагментов стен, карнизов и лестниц, воссоздавая каждый памятник в том виде, какой он мог иметь изначально. На основе этих рисунков Гамио сконцентрировал свое внимание на закреплении всех частей первоначальной постройки, которые были найдены на своем месте, или каждой оригинальной отвалившейся части, немедленно возвращая ее на место и закрепляя ее свежим цементом. Как и Батрес, он заменял старый строительный раствор цементом, смешанным с кусочками вулканических пород, но утверждал, что его метод был более передовым, чем примитивная техника, применяемая Батресом.

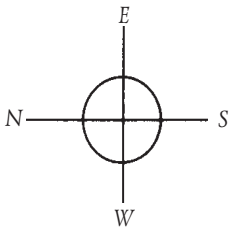
Чтобы ограничить огромный объем работ, что стало бы следствием такого проекта, Гамио решил раскапывать только те стороны насыпей и храмов Цитадели, которые были обращены вовнутрь, оставляя внешние стороны ее северной, южной и восточной границы надежно укрытыми под вековыми (или тысячелетними) слоями земли.

Весной 1919 года были сделаны первые замеры глубины раскопов в большом центральном кургане Цитадели. К июню Гамио получил взволнованное сообщение о том, что из кургана появляются огромные скульптурные головы змеев, а также все признаки других монолитов, вырезанных в виде необычно стилизованных животных, опознать которых сначала никто не мог. К сожалению, только что начался сезон дождей, и продолжить раскопки Гамио смог не раньше сентября.

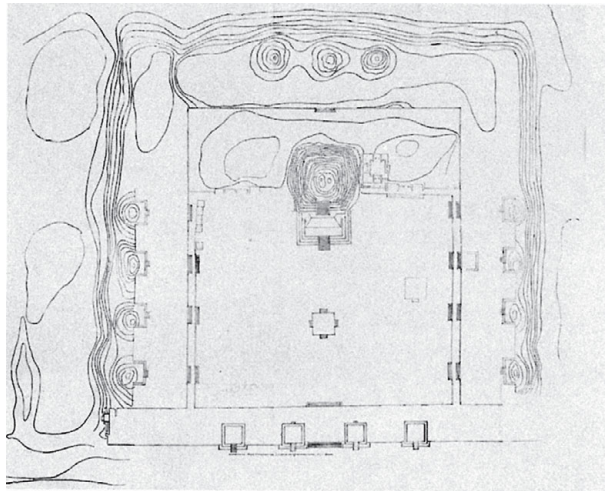
Тщательно исследуя склон кургана, землекопы обнаружили, что они имеют дело с двумя пирамидами, одна из которых построена напротив

Оказалось, что вся Цитадель представляет собой огромный квадрат со стороной 400 м и периметром около 1600 м, занимающий площадь 16 гектаров. Здесь находилась платформа шириной 40 и высотой 7 м, которая была обращена к дороге Мертвых. С остальных трех сторон походяже платформы имели ширину 80 м и располагались вокруг центрального двора площадью почти 16 гектаров. На этих платформах стояли симметрично расположенные пятнадцать курганов, указывающих на наличие храмов. Внутри двора находились два кургана меньших размеров и один очень большой. Это сооружение было ошибочно названо испанцами «Цитаделью» из-за его высоких насыпей, которые, как они предполагали, предназначались для обороны, но истинное назначение этого комплекса осталось загадкой

Во время раскопок насыпи вокруг центрального двора Гамио обнаружил, что насыпь состоит из двух ярусов с обычными карнизами *tableto*, которые через равные промежутки прерываются каменными лестницами высотой 7 м, ведущими к плоским искусственным возвышениям, на которых размещаются пятнадцать храмов. Храмы на северной и южной сторонах были обращены внутрь комплекса, а те, что располагались на восточной и западной сторонах, были обращены на запад, на дорогу Мертвых. У каждого храма была своя собственная лестница, которая вела на его плоскую крышу

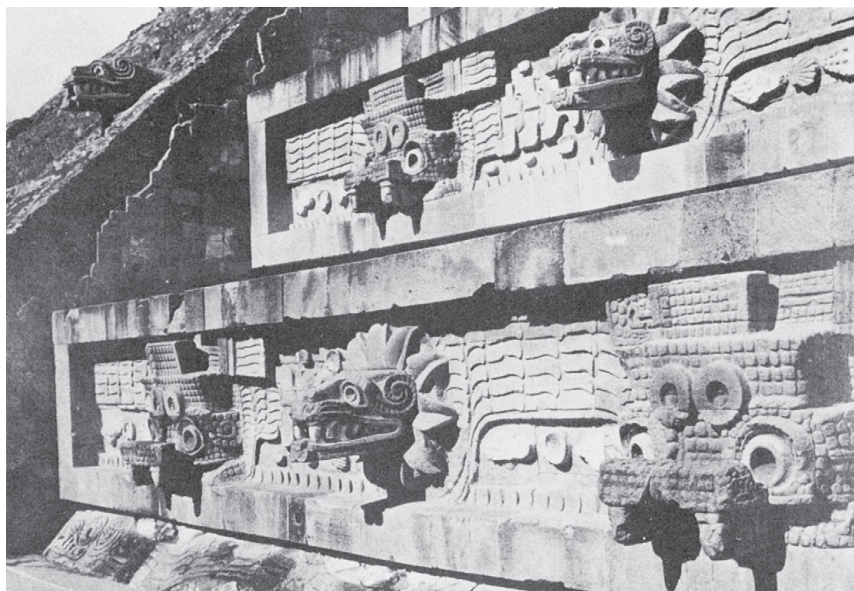
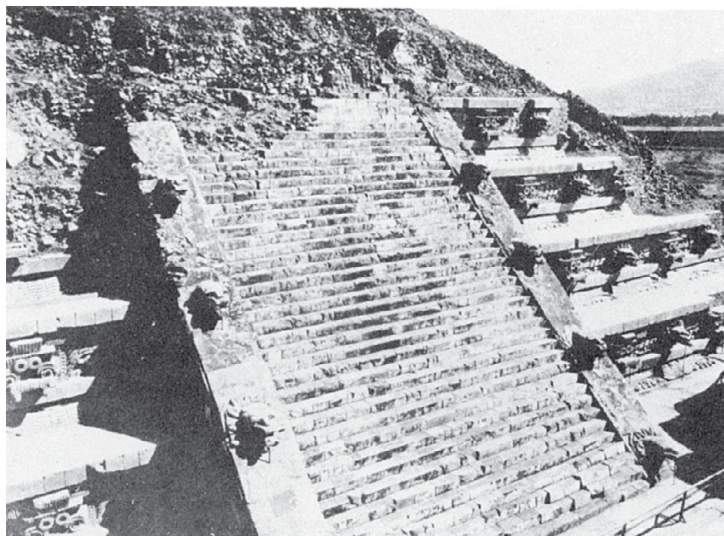
Холм в центре Цитадели до того, как Гамио начал его раскопки

другой и частично перекрывает ее. Гамио посчитал это доказательством того, что в Теотиуакане процветали две следующие одна за другой эпохи. Чтобы раскопать обе пирамиды, было необходимо сделать между ними проход. В процессе этих работ часть передней пирамиды пришлось разрушить, чтобы обнажить фасад стоящей за ней пирамиды, которую Гамио счел более изящной с художественной точки зрения и более ранней, чем передняя пирамида. Однако оказалось, что она была построена в более поздний, «упаднический» период.

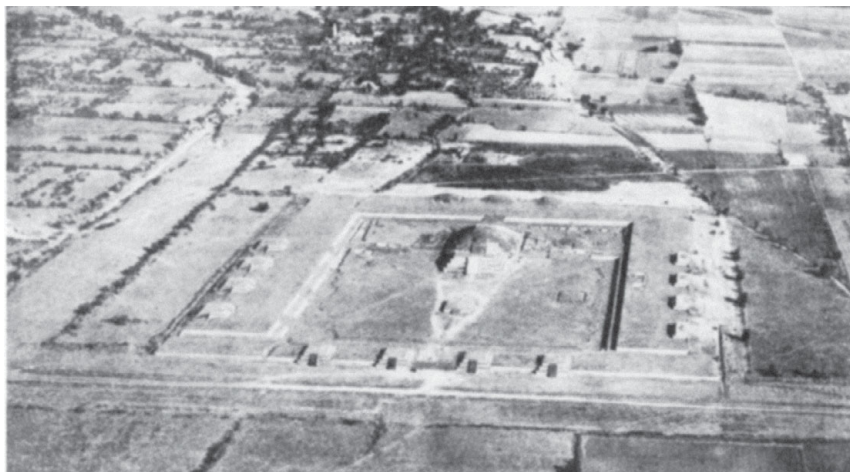
По мере того как снимали слои земли, перед глазами представало необычное зрелище. Задняя пирамида, построенная на основании около 25 тысяч квадратных метров, поднималась шестью ступенями на высоту 22 м. Каждая ступень состояла из тяжелых каменных карнизов с многоцветными скульптурными изображениями Кецалькоатля в виде огромных извивающихся змеев с головами выступающими из воротников, имевших форму лепестков. У каждой змеи в центре туловища была большая голова, похожая на человеческую, с клыкастой челюстью, прямыми, в виде полосы, усами и круглыми сферами вокруг глаз, которые из-за морских раковин и моллюсков, изображенных рядом, были истолкованы как символы бога дождя Тлалока, хотя все это можно было истолковать и как изображение бога Тескатлипки, «Дымящегося зеркала».

Внушительная лестница, из которой выступали головы пернатых змеев, вела на самую верхнюю террасу, где были найдены шесть могил рядом с шестью глубокими колодцами, в которых находились большие деревянные колонны. Скульптуры и лестница, которые были закрыты

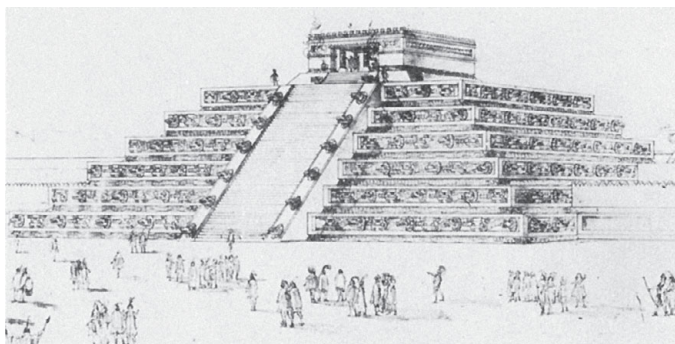

Через равные интервалы на фасаде пирамиды Кецалькоатля выдаются вперед огромные, вырезанные из камня головы пернатых змеев, символов Кецалькоатля. Глаза некоторых из них до сих пор блестят обсидиановыми вставками. Чередуясь со змеем, виден символ, который приписывают богу дождя Тлалоку, с кругами вокруг глаз, но более вероятно, что это изображение ягуара бога Тескатлипоки. По барельефу проходит узор, напоминающий волны. Пространство между ними заполнено вырезанными изображениями раковин, встречающихся в Карибском бассейне

Батрес утверждал, что с западной стороны Цитадели на платформе, обращенной к дороге Мертвых, первоначально находились три кургана с храмами, но Гаммо и его сотрудники сровняли с землей курганы и постройки внутри них, своевольно заменив их — то ли из соображений симметрии, то ли эстетики, то ли по каким-либо другим причинам — четырьмя «выдуманными» курганами. Батрес настаивал, что знает, о чем говорит, потому что несколькими годами раньше он раскопал один из этих храмовых курганов и сфотографировал его. И при первоначальном инспектировании, проведенном комиссией Максимилиана, в описании фигурировали только три кургана. Батрес обвинил Гаммо и отдел антропологии в уничтожении больших частей Цитадели, буквально в разрушении их до основания с целью построить совершенно произвольные новые здания, которые он назвал «выдуманными». По словам Батреса, он посвятил свою жизнь сохранению этих памятников, а теперь их разрушают и заменяют «гротескными» реконструированными постройками, и нет надежды на их восстановление

Реконструированная пирамида Кеопса до наложения на нее другой пирамиды. Автор реконструкции Игнасио Маркуина

первой пирамидой, отлично сохранились. Их считали самым удачным соединением архитектуры и скульптуры, пока что найденных в Теотиуакане. Но передняя пирамида, подобно большей части других курганов, была почти совершенно лишена своей каменной кладки за время, прошедшее с колониальных времен, когда Цитадель использовалась в качестве источника камня для постройки церквей и мостов.

Гамио старался не нанести во время раскопок большого ущерба памятникам, и все же, тем не менее, он подвергся нападкам со стороны человека, которого он заменил. Батрес, ставший уже старым и сварливым, заклеил работу Гамио как «грубое разрушение» Цитадели, «совершаемое людьми, не имеющими ни ума, ни совести».

Это было серьезное обвинение, но прошло почти незамеченным, равно как и более существенный вопрос *произвольной* перестройки древних памятников. И подход Батреса, и подход Гамио к своей работе был в большей степени антропологическим, нежели научным. Они искали скорее красивые храмы чужих богов, нежели видели возможность того, что сами размеры построек, которые они раскапывают, могут содержать научные сведения.

Продолжающийся уже на протяжении нескольких столетий спор, зачастую поверхностный, о том, было или нет основание пирамиды Хеопса намеренно задумано как научный инструмент для регистрации доли земной окружности как стандартной единицы измерения, не разрешился до 1925 года, когда основание пирамиды было наконец расчищено от обломков камней, и английский инженер Дж.Х. Коул смог определить длину четырех сторон пирамиды с точностью до миллиметров. Ответ, как и утверждали историки на протяжении свыше двух тысячелетий, состоял, разумеется, в том, что основание Великой пирамиды соответствовало длине дуги земной окружности, равной одной восьмой градуса, или 750 футам у древних, или 500 локтям с точностью до миллиметра.

К сожалению, различие в длине основания пирамиды Солнца в Мексике, вычисленной Гамио и Батресом, составляло метры, а не миллиметры, так что никакой рациональной системы из ее измерений вывести было нельзя.

Если дальнейшие раскопки построек Теотиуакана должны были дать что-то еще, помимо эстетического волнения первооткрывателей, то их следовало бы проводить, используя научный подход.

По иронии судьбы именно научную несостоятельность Гамио связывали с началом новой эры «научного» изучения Теотиуакана. Вскоре распространилась идея, что, возможно, понадобится исследовать целый город.

Но средств не хватало. Вклад Северной Америки в археологию Мексики шел, главным образом, через такие фонды, как институт Карнеги,

Гамио и Морли у пирамиды Солнца, Теотиуакан

чей новый директор Сильванус Г. Морли был больше заинтересован в расшифровке надписей на стелах майя на Юкатане, чем в какой бы то ни было реконструкции Теотиуакана.

Но он все же открыл рот от удивления, когда Гамио показал ему недавно раскопанную пирамиду Кецалькоатля, а затем повел его обедать в грот Диаса. Узнав, что Батрес пытался дискредитировать правильность работ, проведенных в Цитадели, Морли дал в прессе пылакое интервью, в котором он подверг критике Батреса и похвалил работу Гамио. Он сказал, что ни в Новом, ни в Старом Свете нет ничего, что могло бы сравниться с развалинами Теотиуакана.

Если бы не тот факт, что мир в то время был охвачен глубокой депрессией, возможно, деньги на проведение дальнейших изысканий в Теотиуакане и поступали бы. Но и так уже раскопки стали протекать вяло, пока экономически состоятельные шведы, которые в разгар депрессии конца 1920-х — начала 1930-х годов все еще могли позволить себе роскошь археологических исследований, не выделили средства Зигвальду Линне, который подхватил лопату землекопа в Теотиуакане.

За короткое время Линне показал поистине урбанистическую сторону этого комплекса, который до этого считался, главным образом, церемониальным центром. К востоку от пирамиды Солнца Линне обнаружил большой комплекс из маленьких домиков, между которыми находились дворцовые покои. В одном таком комплексе, охватывающем в совокупности 3300 м², Линне раскопал скопление из 175 комнат, построенных вокруг сети коридоров, с двадцатью одним внутренним двориком и пятью большими площадями. Здесь, зажатые между более значительными зданиями религиозного назначения, проходили узкие улицы, которые вели в жилые районы, где люди

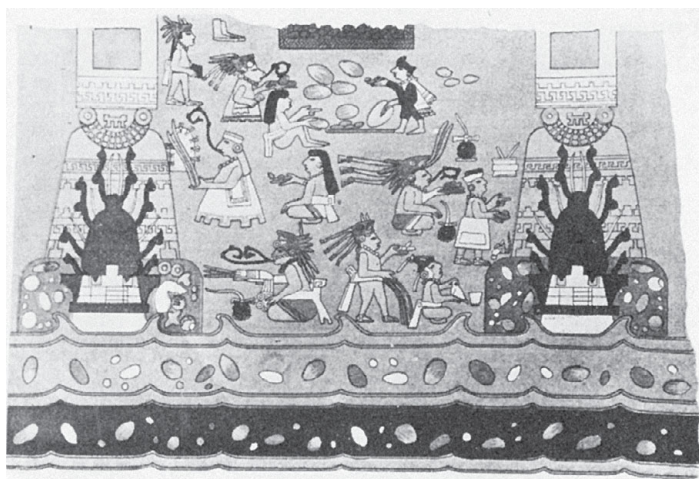

Житель Филадельфии Сильванус Г. Морли, очень небольшого роста, стройный мужчина, был известен по всему Юкатану своей высокой и объемистой соломенной шляпой, в которой он щеголял. Его называли «близорукуим сгустком энергии», который одновременно и располагал к себе, и возмущал. У него был высокий гнусавый голос и непривычный пенсильванский акцент. По-испански он говорил ужасно, смешивая рода и времена, хотя словарный запас у него был довольно большим.

Имя Сильванус ему не подходило: он ненавидел джунгли, особенно тряскую езду верхом на муле по выжженным солнцем тропам или через удушающе влажные леса. «Только лжецы и чертовы дураки любят джунгли», — говорил он, но терпел их на протяжении двадцати лет, чтобы привезти домой, как он называл, «приз». Морли был полон решимости найти и расшифровать надписи на каждой встретившейся ему стеле, имея в виду конечную цель — определить время подъема и падения цивилизации майя, о которой было известно мало или почти ничего.

Временами, находясь в полубессознательном состоянии и боясь выпасть из седла, «Ван», как его называли друзья, связывал себе ноги под брюхом животного и ехал вперед, несмотря на солнечные ожоги, жажду, болячки от седла, синяки от ударов о скалы и уколы колючками кактусов. Дж.Э. Томпсон, который стал в Англии ведущим специалистом по культуре майя, описывал, как Морли «сидел на корточках перед только что найденной стелой и перерисовывал иероглифы; зачастую вокруг его запястий были повязаны носовые платки, чтобы пот, катящийся градом по его рукам, не попадал на бумагу».

В конце концов Морли научился путешествовать с большим комфортом. За ним ехал вещевого обоз из сорока коробок, двенадцати куаков и более двенадцати тюков со стульями, походными кроватями и другим багажом, который делал жизнь в пути сносной, насколько это возможно. Когда он ехал к месту своих исследований через леса и кустарники, ему требовалось тридцать четыре мула, две трети из которых были нужны для перевозки багажа, а остальные для его команды, которая включала в себя проводника, четырех погонщиков мулов и повара-китайца

жили в тесных жилищах, разделенных небольшими двориками и улочками.

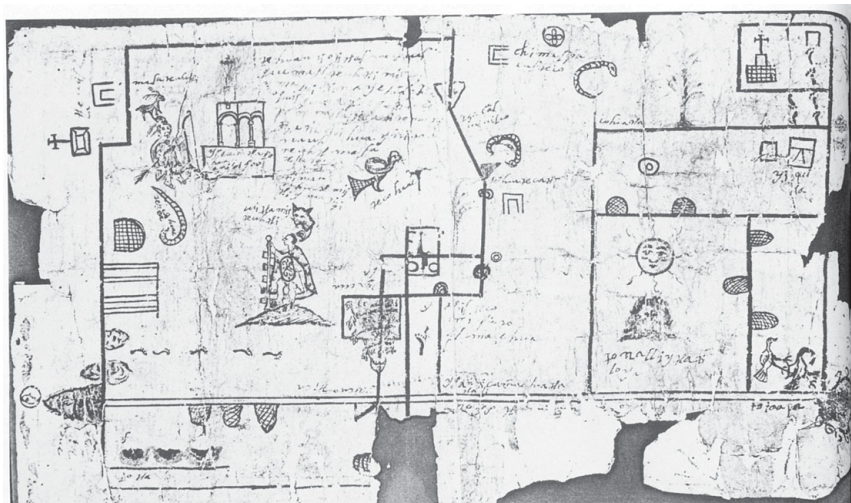
Наряду с монументальными постройками религиозного назначения в ходе раскопок появились остатки общественных бань, театров и площадей для игры в мяч.

Линне нашел внутренние дворы домов с просторными бассейнами для воды, в которых до сих пор на своем месте находились прекрасно отшлифованные и притертые каменные затычки водостоков. Под полами этих домов были обнаружены схроны, заполненные домашней утварью, ювелирными украшениями, керамикой и предметами из обсидиана. По кухонной утвари Линне сделал вывод, что эти здания использовались для жилья.

Во второй группе домов было сорок пять жилых покоев, стоявших вокруг прямоугольного двора, который с четырех сторон был окружен возвышениями, а в его центре стоял алтарь. Казалось, что некоторые дома были задуманы как гостиницы, что указывало на возможность существования жилья для размещения тысяч паломников.

За Линне последовал Педро Армильяс, который на деньги фонда под названием «Группа викингов» раскопал здания с фресками, которые дали удивительную информацию о религиозных обычаях жителей Теотиуакана. На настенных росписях были изображены захватывающие сцены с богами Теотиуакана.

Другие рисунки, которые были сделаны минеральными красками, смешанными с незабродившим соком мексиканской агавы, на поверхности из известняка, смешанного для стойкости красок с кварцевой пылью, указали археологам на цивилизацию, для которой были характерны скорее цари-жрецы, нежели воины-принцы.

В Теотиуакане в каменном ящике Батрес обнаружил две рукописи, одну из которых он передал Маршаллу Х. Савиллю, а тот подарил их Нью-Йоркскому музею естественной истории, где она сейчас хранится на полках Гордона Экхольма. Другая рукопись, которую он передал Эдварду Эйрису, в настоящее время находится в Чикаго в библиотеке Ньюберри.

Обе карты, очевидно сделанные вскоре после завоевания, содержат необычную информацию и символы, не встречающиеся больше нигде. В ходе недавней реставрации рукописи Эйреса обнаружился вспомогательный документ, на котором обнаружен почерк и печать Урбана VIII (1568—1644), который был папой римским с 1623 по 1644 год.

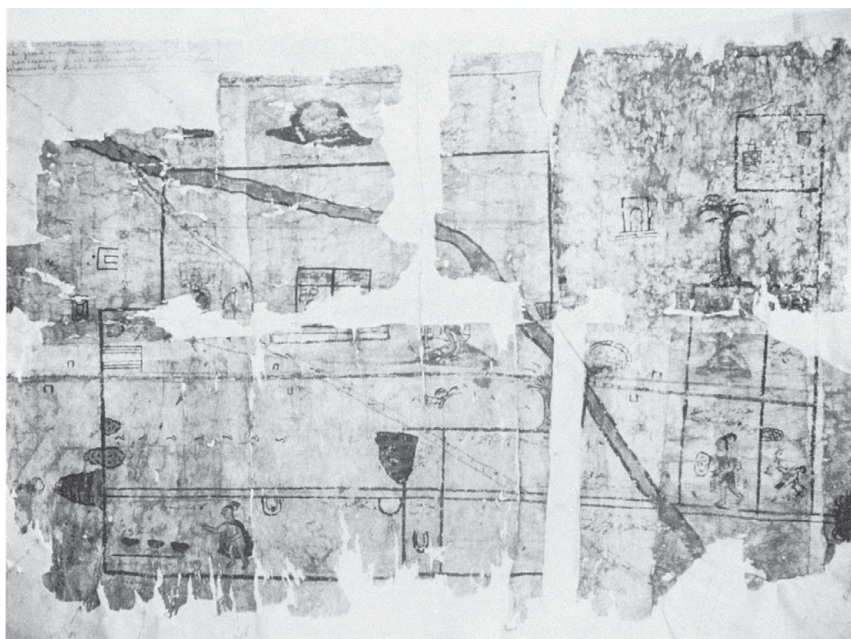
В рукописи Эйреса пирамида Луны обозначена как «дом луны», а дальше, вниз по дороге Мертвых, находится «место сверкающих змеев». Пирамида Солнца, которая нарисована в надлежащем месте и правильно соразмерена по отношению к пирамиде Луны, обозначена как «сияющий дом».

Стэнсбери Хагар, руководитель департамента этнологии в Бруклинском институте наук и искусств, одним из первых понял астрономический характер мексиканских памятников и предположил, что курганы меньших размеров могут изображать планеты или другие звезды.

Хагар считал, что дорога Мертвых, которая также была известна как Звездный Путь, возможно, символизировала Млечный Путь. Он указал, что индейцы в Соединенных Штатах называли Млечный Путь Тропой Мертвых, потому что считалось, что духи идут по нему с Земли в Страну души, которая находится среди звезд.

Хагар высказал гипотезу, что Мишкоатль, Облачный Змей, возможно, олицетворяет Млечный Путь.

Хагар считал, что Теотиуакан был священным городом, потому что он воспроизводил на земле предполагаемый небесный план заоблачного мира, «где обитали боги и духи умерших»

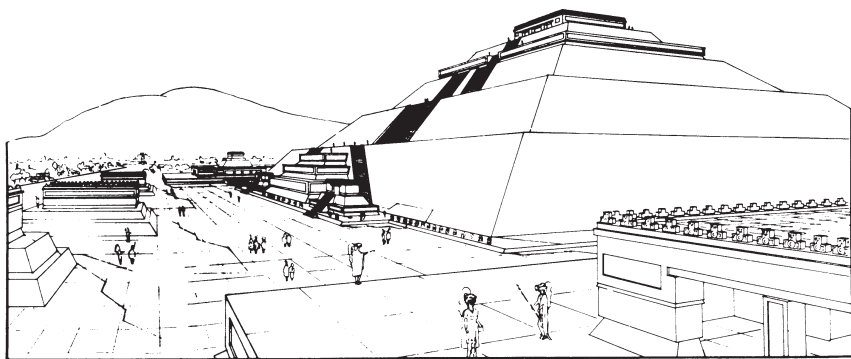

По его мнению, Цитадель была храмом Солнца с двумя огороженными пространствами, посвященными солнцестояниям и равноденствиям, а ее главный курган имел отношение к Солнцу и летнему солнцестоянию, в отличие от Пирамиды Солнца, которая была посвящена Солнцу как небесному телу. Хагар предположил, что большие размеры этого зодиакального огороженного пространства, вероятно, указывали на преобладание культа звезд над культом Солнца в Теотиуакане. Хагар обратил внимание на то, что следы ног, видные на карте, могли указывать на созвездие Козерога в момент декабрьского солнцестояния. Красный круглый предмет, расположенный с внешней стороны правого нижнего угла Цитадели в обеих рукописях, Хагар истолковал как (возможно) черепаху, символ летнего солнцестояния.

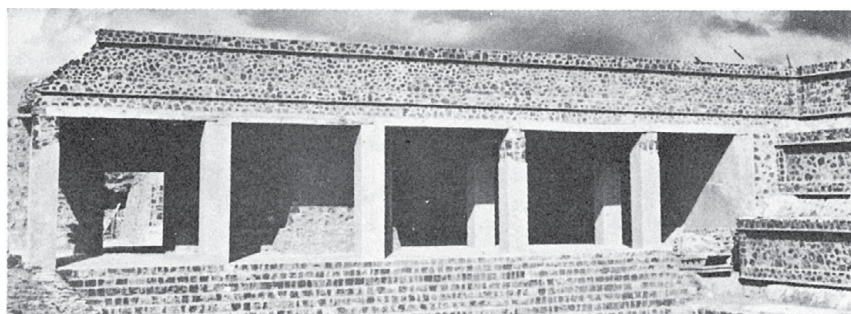
Слово *itzquitla* на полях он истолковал как искаженное слово «собака», что было названием знака дня, связанного с зимним солнцестоянием.

Третье огороженное место в Цитадели с двумя небольшими курганами и двумя птицами одного размера, черной и белой, Хагар истолковал как символ весеннего равноденствия, которое попадает между знаком дня Куаутли, или орла, и Коскакуаутли, или грифа. «Очевидно, — писал Хагар, — мы еще не поняли ни значимости, ни утонченности, ни широкого распространения по всей древней Америке астрономического культа, частью которого была схема расположения небесных тел и по крайней мере одним из главных центров которого был Теотиуакан». Но должно было пройти еще какое-то время, прежде чем появились новые доказательства функционирования Теотиуакана как астрономического центра

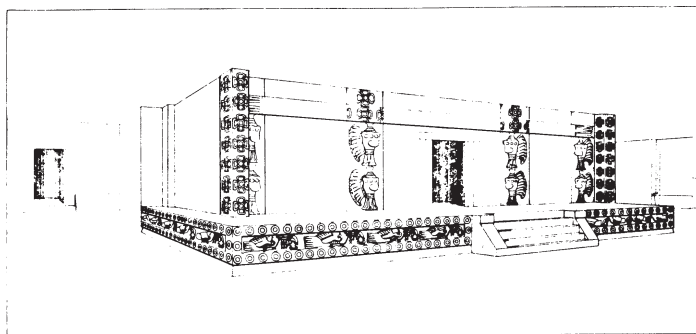
Впечатляющая, но маловероятная реконструкция пирамид Теотиуакана, сделанная мексиканским архитектором Дж.А. Гомесом Рубио

Дворец бога Кецальнапатля («Кецаля-бабочки»)

Еще большее количество изображений богов — некоторые из них уже появлялись в Теночтитлане — были обнаружены на фресках Лореттой Сежурне, мексиканским археологом, французкой по рождению. Проводя раскопки на бобовом поле в Теотиуакане, она обнаружила развалины дворца под названием Сакуала, который занимал площадь около 4200 м².

И тем не менее все это были несистематические работы. Загадка, связанная с тем, когда, как и почему был построен Теотиуакан, так и оставалась неразгаданной. Чтобы раскопать весь древний город, нужны были солидные финансовые вливания. Это произошло в 1960 году, после того как в 1958 году на пост президента Мексики был избран Адольфо Лопес Матеос. Будучи умным экономистом, Лопес Матеос понимал, что основные работы по раскрытию и реставрации, по крайней мере, церемониального центра Теотиуакана могут привлечь как своих, так и иностранных туристов, которые, в свою очередь, возможно, пополнят государственную казну.

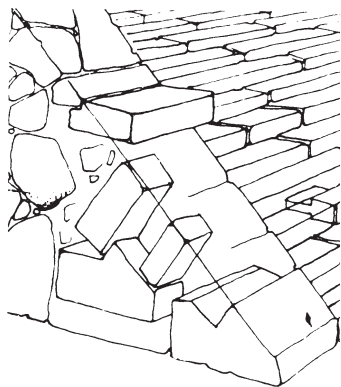
Фундамент Дворца оперенных раковин

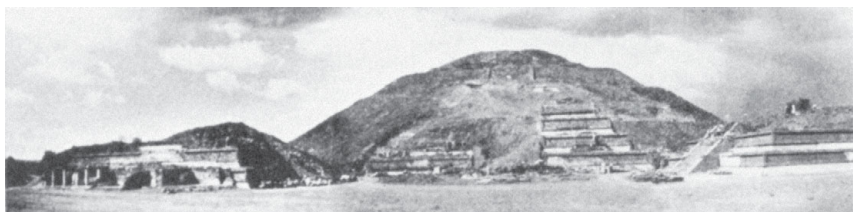
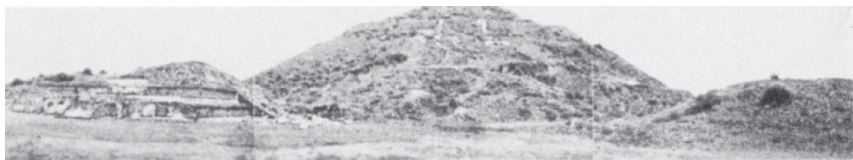
Семнадцать миллионов песо были ассигнованы на двухлетнюю программу. Были наняты десятки археологов для надзора за шестью сотнями землекопов. Теплилась надежда, что дюжины храмов, похороненных под слоем земли вдоль дороги Мертвых, можно будет раскопать и восстановить, с тем чтобы дать посетителям более яркое представление о великолепии древнего города.

Под руководством Хорхе Акосты, мексиканского археолога, родившегося в Пекине в 1904 году, чьи раскопки в Туле подтвердили утверждения Шарнэ, что этот древний город когда-то был центром процветающего царства тольтеков, впервые начались раскопки вокруг пирамиды Луны. Через несколько месяцев площадь перед пирамидой и три окружающих ее гектара площади были совершенно расчищены от обломков. Также была расчищена большая часть дороги Мертвых. Площадь перед пирамидой Солнца можно было восстановить лишь частично из-за вреда, причиненного предыдущими раскопками (включая детище Батреса — железную дорогу).

В ходе работ вокруг площади Луны были откопаны остатки здания с еще одной большой лестницей с огромными змеиными головами, которая вела во внутренний дворик с квадратными рельефными колоннами, где Акоста нашел комнаты с одними из красивейших фресок Теотиуакана. Это был прекрасный дворец Кецаляпапалотля, «Кецаля-бабочки».

Для изучения огромного количества керамики, скульптур, инструментов и украшений, откопанных в ходе этих объемных работ, была создана специальная научная лаборатория под руко-

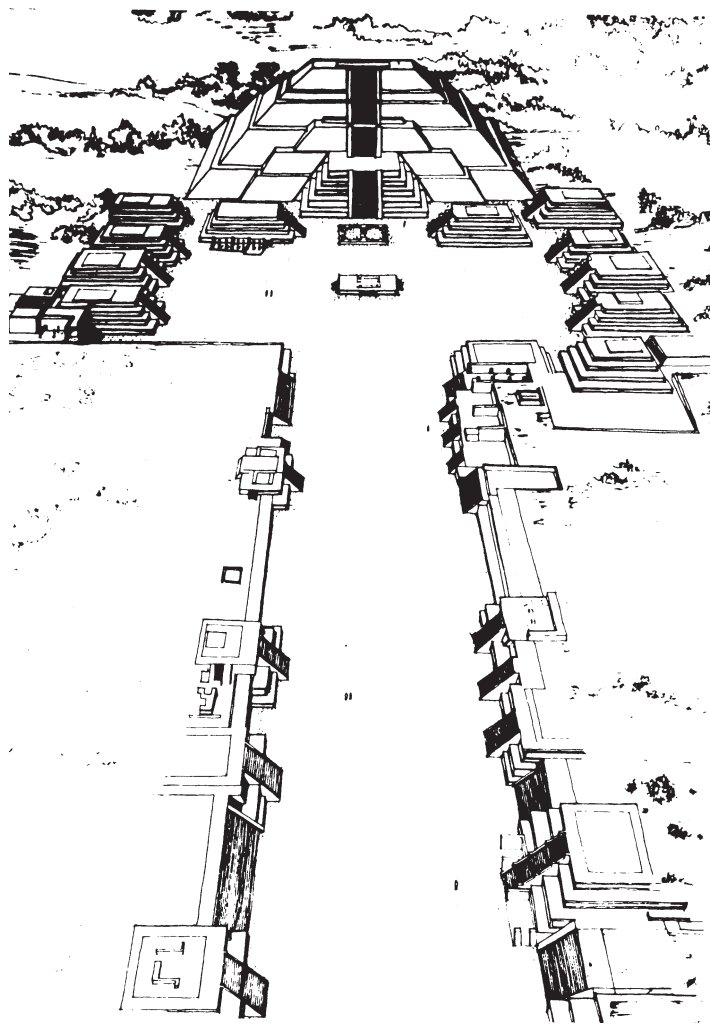
Пирамида Луны по мере того, как Берналь и Акоста расчищали и восстанавливали ее

водством пятидесятилетней Флоренсии Мюллер, мексиканского специалиста по керамике, которая первоначально обучалась в Сент-Луисе, штат Миссури.

На этом этапе к Хорхе Акосте присоединился другой пятидесятилетний мексиканский археолог, Игнасио Берналь, решив приступить к основному проекту — раскопать и восстановить оставшийся без внимания едва ли не главный памятник Теотиуакана, пирамиду Луны.

Гамио обнаружил ее в виде холма, покрытого землей и растительностью, и такой он ее и оставил. Были откопаны только небольшие части внешней конструкции пирамиды Луны. Показались остатки лестницы шириной пятнадцать метров на южной стороне, выходящей на дорогу Мертвых, которая была сильно разрушена Гарсиа Кубасом, оставившим в ее центре отверстие-выемку объемом несколько тысяч кубических метров.

По мере того как Берналь и Акоста принялись осторожно снимать землю с остальной части южного фасада, на свет появились четыре ступени и значительные остатки пятой ступени, достаточные для того, чтобы рискнуть предпринять ее реконструкцию. Это была далеко не легкая работа даже для археологов XX века, особенно пото-

*Умозрительная реконструкция пирамиды Луны
из путеводителя Хорхе Акосты по Теотиуакану*

му, что никто из них не мог быть уверен в том, что эта постройка уже не подвергалась реконструкции две тысячи лет назад. Не только расположенные с внешней стороны камни уже выпали из их «первоначальных» гнезд, но и под наружной поверхностью пирамиды Луны археологи обнаружили следы двух еще более «первоначальных» построек, которые когда-то, вполне возможно, образовывали внешнюю поверхность пирамиды.

Благодаря тщательному исследованию археолога Понсиано Саласара 565 оригинальных камней лестницы были найдены среди каменных обломков, валявшихся вокруг пирамиды. Один камень по-прежнему лежал на своем изначальном месте; к счастью, это был угловой камень. От этого камня можно было восстановить весь угол подъема. Так как вся лестница была искусно сконструирована из камней необычной формы, сцепленных друг с другом таким образом, чтобы избежать скольжения, то можно было восстановить сорок восемь ступенек, которыми заканчивалась лестница на одной трети пути вверх по южному фасаду пирамиды Луны.

По мере того как рабочие продолжали расчищать остальную часть церемониальной площади, Берналь и Акоста встали перед трудным выбором: то ли восстанавливать здания в том виде, в каком они пребывали в более поздний — и худший для них — период в Теотиуакане, то ли разобрать эти остатки, чтобы реконструировать более древние — и более впечатляющие — здания под ними. Они решили сконцентрировать свои усилия, главным образом, на восстановлении города в тот период, который они считали расцветом его славы. В то же самое время они оставили в первоначальном виде ряд построек более позднего времени, «периода упадка», когда город, очевидно, уже утратил свою роль великой столицы и его стали населять люди «более низкого культурного уровня», не способные, по мнению Акосты, понимать величие прошлого.

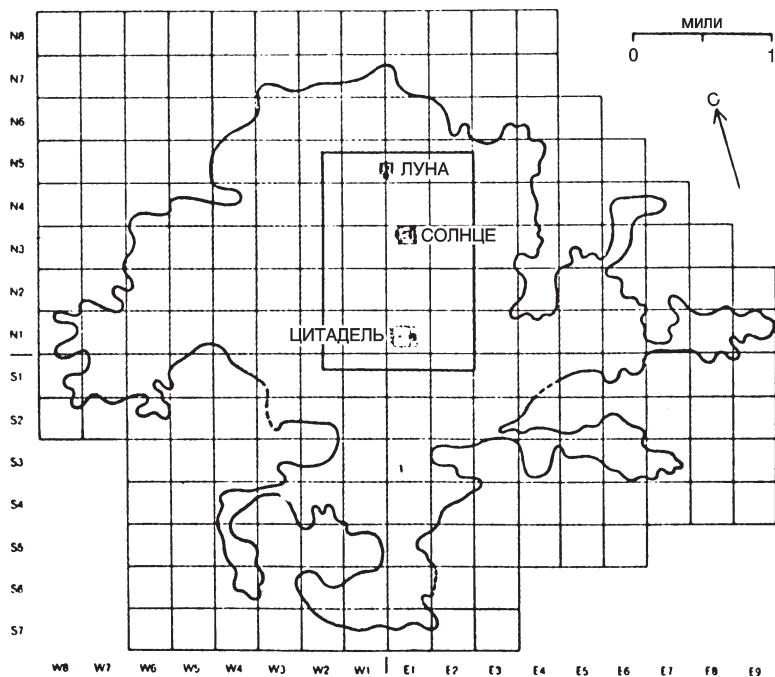
Как только восточный и западный склоны пирамиды Солнца были расчищены (северная сторона была оставлена в своем первоначальном состоянии, она оставалась покрытой землей), посетителям предоставили возможность увидеть захватывающее зрелище: восстановленные огромные пирамиды, соединенные широкой дорогой (с храмами по обеим сторонам), продленной до возрожденной Цитадели.

Как и ожидалось, прекрасно восстановленный Теотиуакан вызвал приток туристов, как своих, так и иностранных, что вскоре пополнило государственную казну, к радости правительства, которое еще не понимало, что в ходе работ была едва лишь «поцарапана» поверхность великого города Теотиуакана.

Глава 17

СТОЛИЦА ИМПЕРИИ

Человеком, который должен был дать толчок к открытию истинных размеров Теотиуакана, оказался молодой американец французского происхождения Рене Мийон, который по окончании Колум-

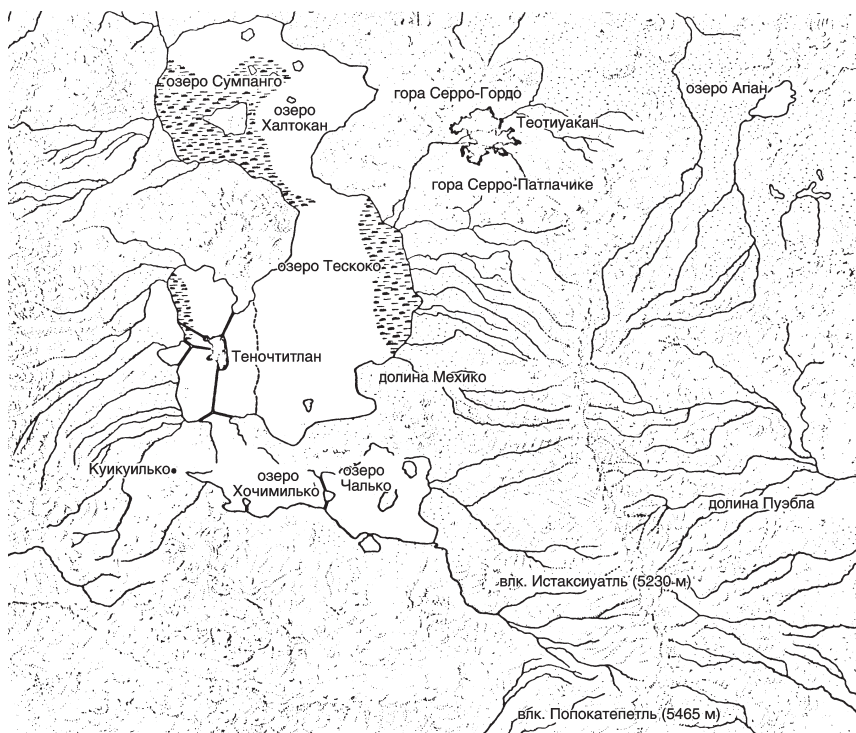

Неровная граница Теотиуакана показана на карте сплошной линией, которая приближается к краям сетки, состоящей из пятисотметровых квадратов, вычерченных командой Мийона. Эта сетка тянется параллельно идущей с севера на юг дороге Мертвых, главной улице города

бийского университета в 1950 году приехал в Мехико. Двадцатидевятилетний Мийон был так заворожен увиденным, а также тем, как такой город, как Теотиуакан, мог быть построен в долине Мехико, что он решил посвятить свою карьеру определению его истинных размеров.

После нескольких лет исследовательских работ в Теотиуакане и окружающей его долине он смог в 1962 году, будучи профессором антропологии в Рочестерском университете, получить от Национального научного фонда в Вашингтоне достаточную сумму, чтобы начать подготовку фотограмметрической карты всего района Теотиуакана как основы для всестороннего археологического исследования с целью установления точных размеров древнего города.

До 1922 года единственной топографической картой церемониального центра и сердца Теотиуакана была карта, составленная в 1865 году комиссией Максимилиана. В 1922 году Гамио сделал более подробную карту этого же района, но она не охватывала территорию в северной части, которая была на карте Рамона Альмараса.

Теотиуакан имел стратегическое расположение на самом удобном пути из долины Мехико в долину Пуэбла и далее к Мексиканскому заливу

Мийон решил, что правильно составленная карта должна будет показывать полную протяженность древней городской территории, с тем чтобы можно было уточнить плотность застройки и определить, каким образом располагались и какое отношение имели друг к другу здания.

Чтобы ограничить район фотосъемки, Мийон со своими коллегами сначала сделал полевую съемку для установления нейтральной полосы, которая была по крайней мере 300 м в ширину и не имела никаких следов построек. Сначала он подсчитал, что это дает ему возможность определить площадь города как 25 км². В конце ему пришлось охватить площадь 38 км², что вызвало временную остановку в его работе, пока шли поиски дополнительных средств для ведения расширенного проекта.

Когда средства были найдены, работы уже продолжались под эгидой мексиканского Института антропологии и истории, новым директором которого стал Игнасио Берналь.

Карта должна была самым подробным образом представить такую большую городскую территорию доисторического периода, которую когда-либо пытались изобразить графически. Фотосъемка происходила в апреле 1962 года, когда преобладала безоблачная погода, необходимая для аэрофотоснимков с высоты 1200 м. Одновременно на земле проходила комплексная археологическая разметка с целью перевести необработанный фотографический материал в законченную карту, содержащую всю возможную структурную информацию, представляющую интерес с точки зрения археологии. Эта работа была закончена через пять лет (после нескольких перерывов), в 1967 году. Схема на кальке представляла гипотетическую реконструкцию города в том виде, который он имел в период своего расцвета.

Когда работа была сделана, результаты оказались ошеломляющими. Из мозаики перекрывающихся друг друга фотографий и рисунков появилась фантастическая картина. Наконец-то Мийону стало ясно, что Теотиуакан был огромным, хорошо спланированным городом, заложенным с большим размахом, городом, который был полон жизни еще две тысячи лет назад. Больше и речи не могло быть о том, что это всего лишь ритуальный центр. Он оказался первым и самым значительным городом на американском континенте, занимавшим площадь, по мнению разных ученых, от 7,5 до 21 км², последняя цифра превышает площадь Рима в период расцвета империи. На пике развития население Теотиуакана с пригородами насчитывало двести тысяч человек, которые образовывали весьма сложно расслоенное общество. Совершенно очевидно, что Теотиуакан был религиозной, культурной, экономической и политической столицей, а также самым большим из известных торговых центров в Мезоамерике.

Мийон понимал, что, будучи священным городом, в котором деятельность тысяч людей была связана с храмами, Теотиуакан должен был быть средоточием религии, обладавшей большой привлекательностью для верующих. Это был город, подобный Риму в Европе, Мекке в Аравии или Бенаресу (Каранаси) в Индии.

С точки зрения экономики это явно был один из самых крупных городов в мире в доиндустриальную эпоху, в котором тысячи жителей (в пригородах) были, возможно, заняты ремеслами и, возможно, до ста тысяч торговали на огромных рыночных площадях. Проводимые через определенные промежутки времени торги привлекали огромное количество покупателей и торговцев, которые имели свои собственные кварталы на территории города.

С политической точки зрения Теотиуакан был, очевидно, самым влиятельным центром Мезоамерики на протяжении почти всего первого тысячелетия нашей эры, располагаясь на главных торговых путях, ведущих в долину Мехико и из нее. Это была столица государства, чье

Реконструкция огромного города Теотиуакана, как ее представлял себе Фелисиано Пенья из Национального музея антропологии

могущество постоянно возрастало и которое распространяло свое господство все шире и шире.

Аэрофотосъемка показала широкие улицы, ведущие на восток и запад от Цитадели, о которых никто и не подозревал, но существование которых быстро подтвердила наземная рекогносцировка. В других местах расположение улиц и групп домов, образующих большие комплексы, существование которых можно было предположить, изучив карту, также было подтверждено полевыми партиями.

Церемониальные и/или административные здания, расположенные вдоль дороги Мертвых, можно было теперь четко отличить от жилых районов. Исследование поверхности и раскопки указали на то, что Теотиуакан был поделен на районы, или *barrios*, то есть группы зданий, явно отделенных от окрестных построек и образующих легко различимые объединения.

Изучение карты показало, что город был разделен на сектора. Дорога Мертвых образовывала ось север—юг; второстепенную ось в направлении восток—запад образовывали две большие улицы, которые определяли центр города, где располагалась Цитадель.

Удивительной особенностью северной и северо-западной частей города было большое количество стен, огораживающих огромные участки, прилегающие к зданиям. Большая часть этих массивных, длинных, отдельно стоящих стен были обнаружены при наземном осмотре благодаря разрушенным участкам по их обеим сторонам, находившимся на поверхности земли. Хотя, чтобы обнажить их, часто необходимы были раскопки.

Хотя Мийон полагал, что большинство жителей города жили, вероятно, тем, что обрабатывали землю за его пределами, было ясно, что очень существенная часть населения занималась ремеслами внутри

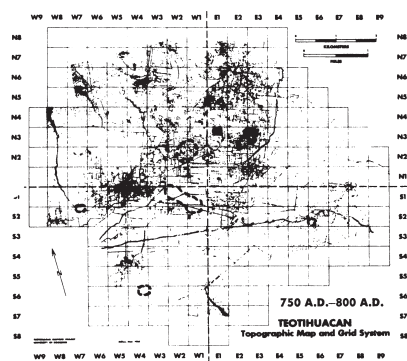
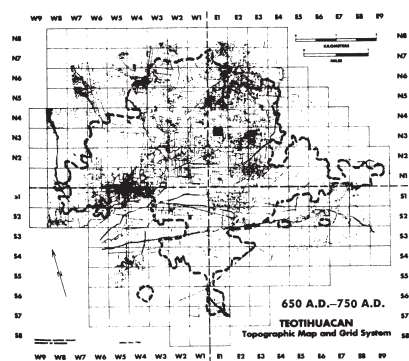
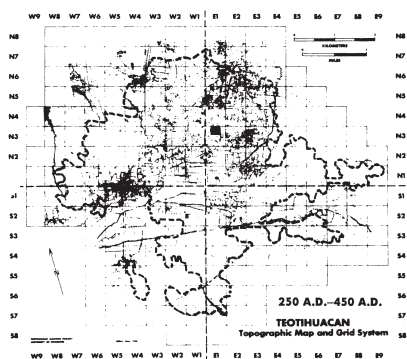
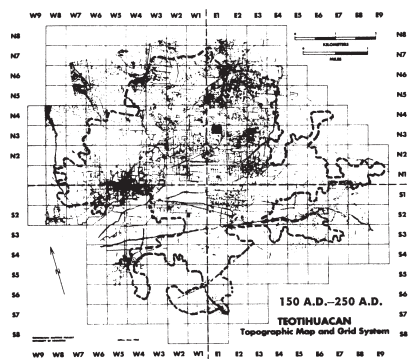
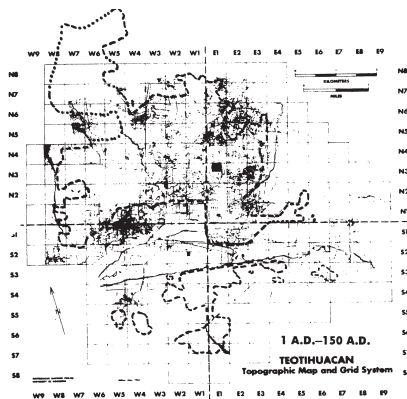
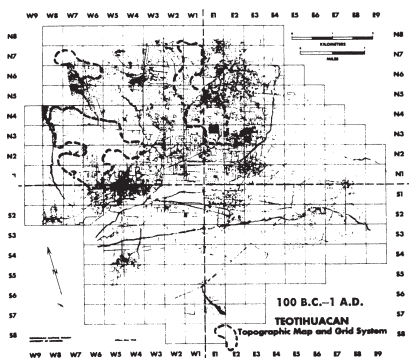
города. В основном это были ремесленники, обрабатывавшие обсидиан, которые работали приблизительно в пятистах мастерских.

Мийон и его ближайшие коллеги Брюс Друит из университета Торонто (Канада) и Джордж Л. Коуджил из университета Брандейса (штат Массачусетс, США) также нашли доказательства существования свыше ста других мастерских, в которых изготавливали гончарные изделия, статуэтки, гнили и шлифовали базальт, раковины, сланец. Они предполагали, что ремесленники разных профессий проживали в отдельных кварталах, и считали, что многие занимались строительными ремеслами и были каменщиками, штукатурами и плотниками.

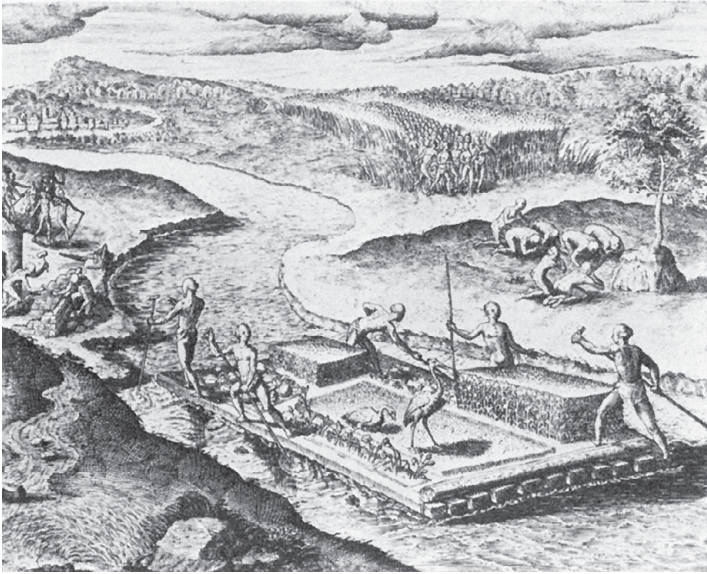
Изучая при помощи стереоскопа снимки, сделанные с воздуха, Мийон сделал еще одно удивительное открытие: он обнаружил огромную платформу напротив Цитадели и ее копию таких же размеров, расположенную южнее. Эти два больших возвышения окружали огромную площадь, которая оказалась больше главной площади Цитадели. Мийону казалось невероятным, что такая большая постройка могла существовать и так и не быть замеченной. На следующий день он и его коллеги отправились на место и с легкостью обнаружили очертания двух огромных возвышений с остатками жилых комплексов на них, «хотя они и не бросались в глаза».

Мийон выдвинул гипотезу, что эта огромная территория когда-то была главной рыночной площадью города с комплексом для чинов-

Развитие города Теотihuакана со времени его возникновения приблизительно в 100 году до н. э. до его падения около 800 года н. э. Между 450 и 650 годами город, хотя он и занимал не более 20 км² (или 12 квадратных миль), имел, если верить карте Мийона, самую высокую плотность населения; в нем было более 2 тысяч жилых комплексов. Пика своего могущества и влияния город, вероятно, достиг около 500 года, и большую часть того, что можно увидеть в Теотihuакане в настоящее время, археологи относят к этой эпохе.

В ходе своих исследований Мийон обнаружил, что в Теотиуакане было много тщательно проложенных каналов и систем водоотвода, которые были искусственно проложены до спрямленного русла реки, питавшейся водой из восьмидесяти постоянных источников и притоков. Все вместе они образовывали внутри города сеть и несли свои воды в озеро, расположенное в 10 милях (16 км) от города, но, возможно, находившееся ближе к нему в древности. Благодаря этим озерам и системам водоснабжения древний Теотиуакан имел возможность снабжать водой все свое огромное население с его чинампас, или плавучими садами, на которых можно было снимать несколько урожаев в год.

Ричард Форд из Мичиганского университета проанализировал растительные остатки, найденные более чем на тридцати наложенных один на другой кухонных полах и очагах в жилом комплексе Теотиуакана для высокопоставленных людей. Он считает, что практически все съедобное потреблялось в пищу, включая бобы, кашу, перец чили, а также большое разнообразие дикорастущих растений, таких как семена сумаха. Форд обнаружил остатки побегов лапчатки гусиной (гусиной лапки) и листья портулака. Он также нашел следы того, что в пищу употреблялась рыба, мясо оленя, кроликов и другой дичи

К 650 году, видимо, начинает определяться некая тенденция к упадку, и многие жители, по-видимому, перебираются в восточную часть города. Но город еще процветает, несмотря на незначительное снижение количества населения. Карты Теотиуакана с 100 года до н. э. по 800 год н. э. были подготовлены Мийоном в 1967 году. С 1966 года дополнительные данные значительно видоизменили некоторые из показанных районов. Карты опубликованы с разрешения профессора Рене Мийона и любезно предоставлены Мексиканским обществом антропологии

ников, построенным на огромных возвышениях. Вместе с Цитаделью все эти постройки, очевидно, образовывали религиозный и торговый центр древнего города; это был мегакомплекс, окруженный широкими улицами и площадями, нечто вроде острова посреди него. Мийон считал, что такой план города является одним из самых грандиозных архитектурных достижений в истории народов доколумбовой эпохи в Новом Свете.

Другие комплексы, обнаруженные на карте, — один к западу от пирамиды Луны, другой в непосредственной близости к северу от Цитадели — продемонстрировали, что город был очень тщательно спланирован. Мийон пришел к заключению, что дорога Мертвых, вероятно, была спланирована очень давно, еще при закладке города, возможно даже, перед строительством каких-либо постоянных зданий, не считая пирамид.

С помощью карты Мийона теперь появилась возможность воссоздать заново приблизительную историю развития Теотиуакана. Поскольку системы научной терминологии, разработанные различными археологами для подробного описания каждого исторического периода развития Теотиуакана, сбивают с толку дилетанта и не удовлетворяют ученых, то самым простым способом соотнести его развитие с какими-то датами будет использование христианского календаря.

Благодаря карте Мийона и черепкам, найденным во время раскопок, оказалось, что район Теотиуакана был впервые заселен во второй половине 1-го тысячелетия до н. э., когда здесь появилась горстка деревень. Участвовавшие в раскопках археологи в основном согласились с тем, что именно в период между 150 годом до н. э. и рождением Христа Теотиуакан превратился в большое поселение, занимавшее площадь более шести квадратных километров, большая часть которого стала затем северо-западным сектором разросшегося города. В этом районе Мийон нашел остатки общественных зданий с каменными стенами и твердыми глиняными полами; они были размещены не так, как дома в разросшемся городе. Этот район продолжал оставаться самым густонаселенным на протяжении всей истории существования города.

В ходе изучения карты обнаружили гораздо более обширные жилые районы с осколками керамики I века до н. э. Так как та же самая керамика была найдена и на пирамиде Солнца, Мийон сделал вывод о том, что пирамиды Солнца и Луны, вероятно, были построены в более древний период существования Теотиуакана, приблизительно в 1—150 годах, а не несколькими веками позднее, как предполагал Гадио и другие. Первые попытки установить даты с помощью радиоактивного углеродного метода были противоречивыми,

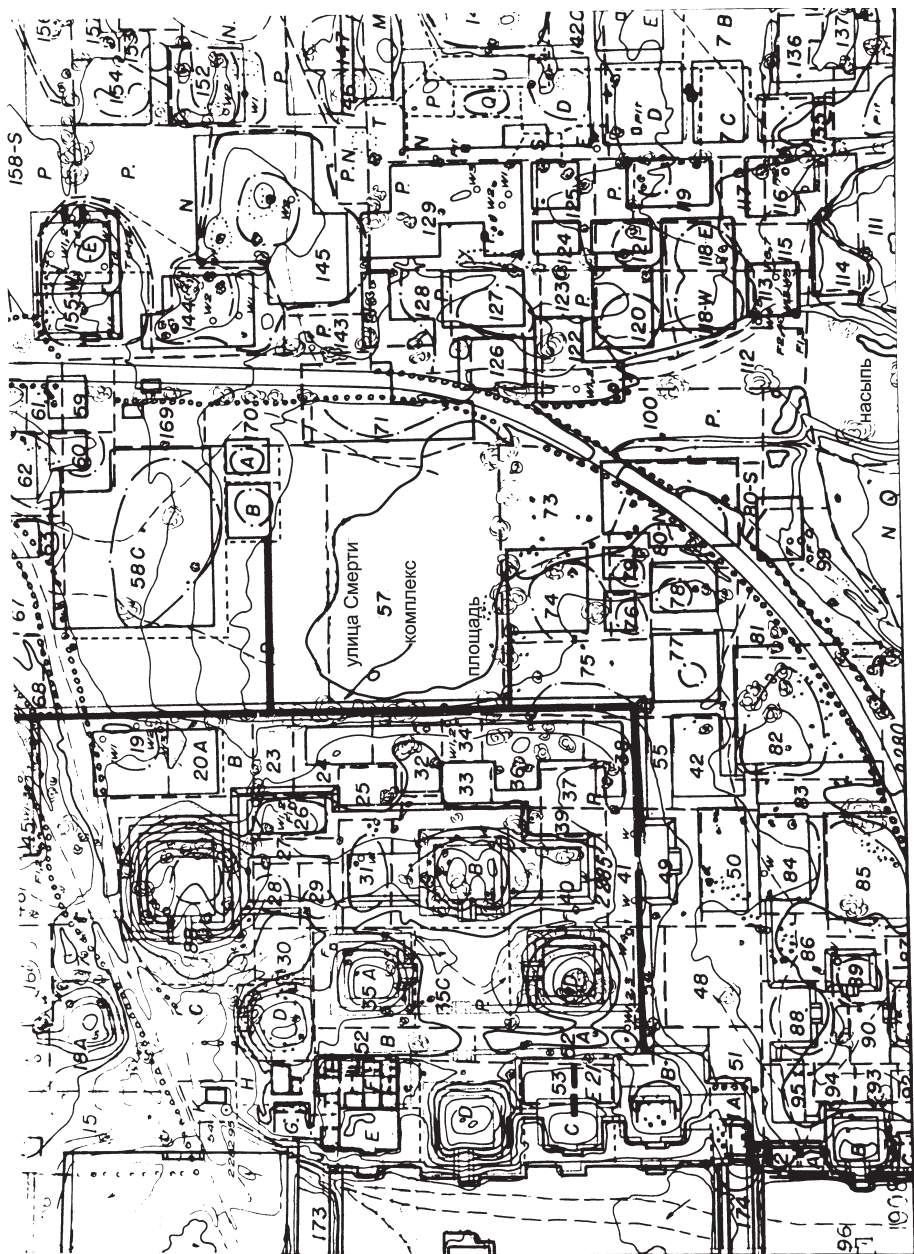
а более поздние доказывали, что пирамида Солнца или ее большая часть была построена к 150 году.

Историки и антропологи утверждают, что для строительства двух пирамид потребовался бы совместный труд огромного количества людей, а это указывает уже на существование большой метрополии со стабильным обществом и централизованной властью. Эти специалисты рассматривают Теотиуакан как город, построенный по планам архитекторов-жрецов.

Между I и II веками, по мнению Мийона, город быстро рос и занял господствующее положение в долине Мехико, располагаясь на площади более 20 км² (с пригородами). Мийон обнаружил следы строительства на протяжении этого периода более двадцати храмовых комплексов, в основном по обеим сторонам дороги Мертвых, которая стала такой длинной, что путешественники и торговцы не могли пройти через долину, не пройдя через город.

Есть свидетельства того, что в период с 150 по 200 год город сдвинулся в южном и восточном направлениях, частично оставив северо-западную часть. Карта Мийона ясно показывает, что к 200 году город был разделен на четыре квадрата или сектора, сходящиеся в точке на дороге Мертвых напротив входа в Цитадель. Основываясь на раскопках, проведенных в рамках проекта по составлению карты, Мийон считает, что именно в этот период была построена в том виде, какой она имеет в настоящее время, Цитадель и была завершена самая верхняя часть пирамиды Солнца. Мийон считает, что Цитадель, которая продолжала развиваться на протяжении последующих двух столетий, вместе с прилегающей к ней территорией образовывала символический, а также географический, политический и религиозный центр города. И больше нигде в Новом Свете доисторического периода нет ничего, что приближалось бы к Теотиуакану по масштабности замысла.

Есть доказательства ведения обширных строительных работ между 200 и 450 годами; происходит кардинальное изменение модели заселения. Складывается впечатление, что во всех частях города начинают строиться постоянные жилые комплексы с каменными стенами, в основном состоящие из нескольких квартир; эти комплексы заменили более ранние постройки, возведенные из относительно недолговечных материалов. Высокие безликие стены и узкие улицы, по словам Мийона, стали обычным явлением в большей части центра и северных районах Теотиуакана. Город приобрел тот вид, который он и сохранял до своего упадка. Этим периодом датируются такие прекрасные храмы, как храм Оперенных раковин («Крылатой улитки») с его монументальными каменными колоннами, покрытыми глубокой резьбой.

В течение второй половины этого периода, то есть приблизительно в 350—400 годах, влияние Теотиуакана, по-видимому, распространилось на все другие части цивилизованной Мезоамерики. На протяжении четырех столетий, по словам Мийона, его политическое и религиозное владычество было неоспоримо. Этот период увидел также кульминацию мечты архитекторов города: город стал религиозным центром, в котором были дворцы для духовенства и аристократии, а также большие жилые комплексы для коммунального проживания крестьян, ремесленников и специалистов.

Между 450 и 650 годами город, хотя он и не расширил свою площадь более чем 20 км², имел, согласно карте Мийона, самую высокую плотность населения, которое проживало в более чем 2 тысячах жилых комплексах. Возможно, пика своего могущества и влияния город достиг приблизительно в 500 году, и большую часть того, что можно увидеть в Теотиуакане сегодня, археологи приписывают этой эпохе.

К 650 году, по-видимому, стала проявляться тенденция к упадку, и некоторые жители, очевидно, перебрались в восточную часть города. И все же город по-прежнему процветал, несмотря на небольшое уменьшение населения. Где-то около 750 года какая-то большая катастрофа постигла город. Обугленные пространства вокруг почти всех храмов и общественных зданий города навели Мийона на мысль, что они были сожжены умышленно. Мийон и его коллеги обнаружили много доказательств того, что городской центр после сожжения и разрушения так и не был отстроен заново.

Но вопрос о том, был ли город разграблен захватчиками, остается без ответа. Единственное, с чем согласны все, это тот факт, что разрушение было внезапным и катастрофическим.

После 750 года Теотиуакан стал городом-призраком. По найденным свидетельствам Мийон восстанавливает такую картину: горстка людей живет в местечке, которое превратилось в деревню площадью один квадратный километр; какие-то беженцы, спасаясь от тяжелых воспоминаний, поселяются ближе к озеру Тескоко и в близлежащем Аскапотсалько. Но что стало с остальным населением города, остается загадкой.

Чтобы объяснить внезапный конец Теотиуакана, не связанный с какой-то неизвестной катастрофой: сильным землетрясением или насильственным вторжением, — на обсуждение предлагались несколько теорий, включая резкую смену климата, внезапное истощение почвы, массовый неурожай, ужасную эпидемию малярии, желтой лихорадки или тифа или восстание крестьян против слишком требовательных правителей. Было высказано предположение из области научной фантастики, что жителей города увез космический корабль, прибывший на землю откуда-то с другой планеты, и в ходе этой опе-

рации город и его пирамиды были осмотрительно скрыты под землей, чтобы спрятать их местонахождение от других пришельцев из космоса.

Климатологи утверждают, что постепенное уменьшение годового количества осадков привело к тому, что город, начиная со второй половины 1-го тысячелетия, оказался в полусухом климате. Исчезновение лесов на склонах гор вызвало эрозию и еще большее уменьшение влаги в почве. Безусловно, долина Мехико в районе Теотиуакана когда-то была влажной, здесь произрастали обширные леса, изобиловавшие дичью, а озера кишели рыбой и водоплавающей птицей. Один археолог предполагает, что уничтожение лесов было вызвано добычей и переработкой в негашеную известь известняка (который обжигался) для многочисленных строительных работ в городе. Другие выдвигают гипотезу, что имело место неоднократное вторжение варварских кочевых племен с севера, и одна такая орда сокрушила город.

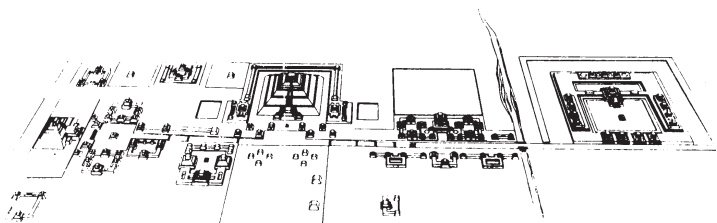
Могли или нет племена тольтеков разрушить большой город, но к 850 году они уже поселились в этом регионе. Мийон считает, что, хотя это и произошло в более позднее время, Цитадель подверглась архитектурному вмешательству, которое могло носить оборонительный характер. Этому нет доказательств, за исключением убитых людей, найденных Батресом в «Доме Жрецов» (то ли это были нападавшие, то ли, наоборот, убитые нападавшими защитники).

Мийон и другие исследователи задавали себе вопрос, не могли ли конфликты и противоречия внутри жилых комплексов — или среди жителей различных жилых комплексов, кварталов, принадлежавших к разным классам или слоям теотиуаканского общества, — создать неразрешимые проблемы для иерархии города и сыграть значительную роль в распаде общества Теотиуакана. Он обращает внимание на то, что большие скопления жилых комплексов не пережили падения Теотиуакана и не стали больше фундаментом, на котором продолжались бы традиции городского поселения в Центральной Мексике.

Археологи задают вопрос: было ли совпадением то, что к концу IX века мощный кризис (в том или ином виде) постиг все классические цивилизации Мезоамерики, при этом многие огромные культовые центры, разбросанные по всему региону, такие как Тикаль, Уашактун, Копан и Паленке, были внезапно брошены их жителями, часто по неизвестной причине, и отданы во власть тропического леса?

Историки описывают IX век в Мезоамерике как период упадка, переселений народов, массовых войн, долгих и жестоких нашествий, за которыми последовала ужасающая сумятица.

К концу века в долине Мехико появились племена тольтеков, которые начали строить на остатках империи Теотиуакана лишь для того, чтобы через три века исчезнуть, уступив место ацтекам. И загадка, кем были жители Теотиуакана и что могло случиться с ними, осталась такой же неразрешимой в настоящее время, как и в тот день, когда их величественные памятники увидел Кортес, с боем отступая из Теночтитлана после «Ночи печали».

Часть пятая

НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

Глава 18

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ВЫКЛАДКИ

Из карты Мийона стало ясно, что огромный город Теотиуакан был построен мастерами-строителями в соответствии с хорошо продуманным планом. Оставался вопрос: не мог ли такой громадный комплекс также служить и дополнительной цели, как Стоунхендж, пирамида Хеопса или зиккураты Шумера, Элама и Вавилонии? Не мог ли Теотиуакан, подобно другим большим храмам древности, служить геодезическим и астрономическим маркером, определяющим местоположение человека в пространстве и времени, чтобы отвести ему место во вселенной?

В отличие от пирамиды Хеопса, которая была измерена до миллиметра, или зиккуратов Месопотамии, точные размеры которых даны в клинописных текстах, точных размеров на схеме Теотиуакана не было. Тем не менее было очевидно, что, кем бы ни были те, кто проводил планировку этого города, они должны были использовать какую-то единицу измерения в качестве мерил. Она могла быть или не быть соотносима с размерами Земли, как в случае с пирамидой Хеопса, линия основания которой длиной 500 локтей (или 750 египетских географических футов) точно равна расстоянию, которое проходит Земля на экваторе за половину секунды, если учесть, что в одних сутках 86 400 секунд, а в окружности Земли 86 400 000 локтей (длина локтя колебалась от 37 до 55,5 см. — *Ред.*).

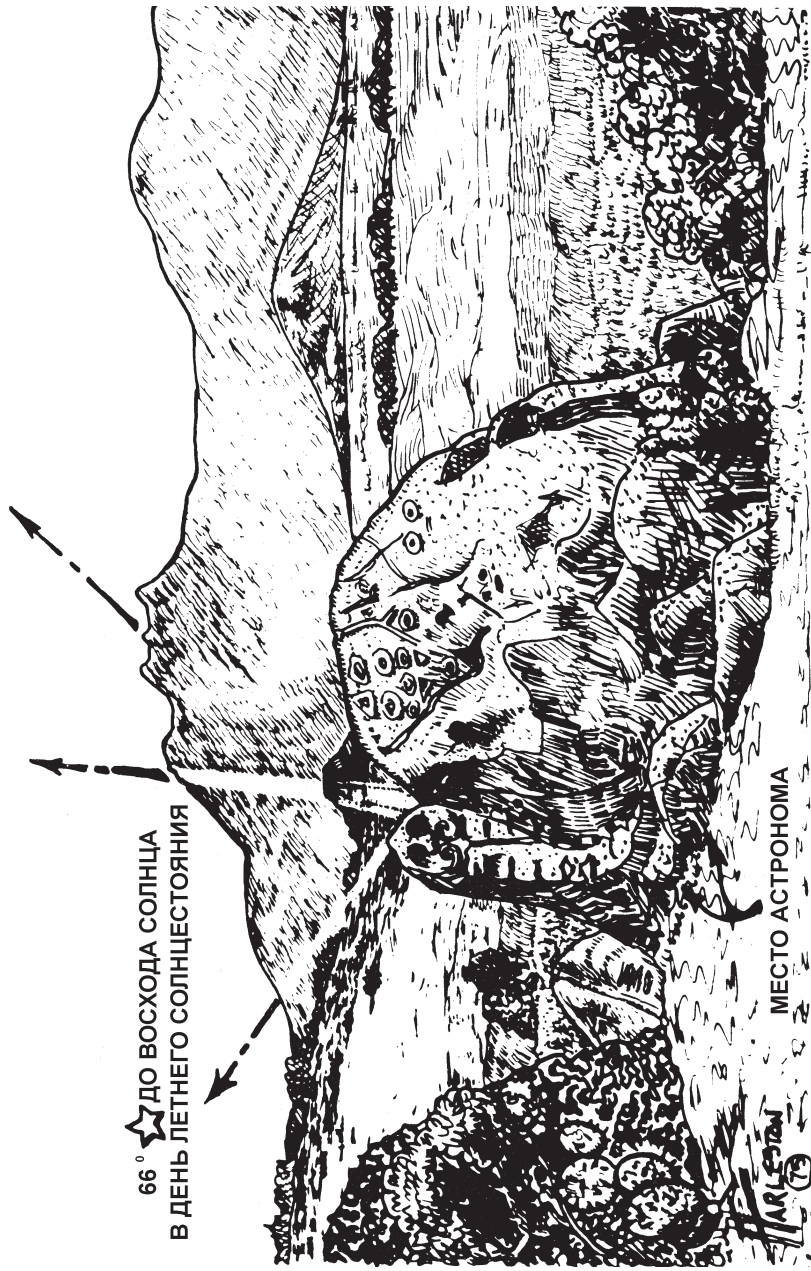
За исключением Ле Плонжона, по-видимому, никто из первых археологов и реконструкторов мексиканских древностей со времен Альмараса — большинство из них стремились найти сокровища и откопать идолов — не знали о работе Жомара и Смита, как не знали о споре относительно размеров египетских пирамид, соотносимых с размерами Земли.

В отличие от пирамиды Хеопса с ее точеными угловыми впадинами и тригонометрически восстанавливаемыми линиями, заросшая

87° ☆ ОТ ПИРАМИДЫ СОЛНЦА
27,9 КМ. ДО УАК-КАНА 13

90° ☆ ОТ ПИРАМИДЫ СОЛНЦА
27,9 КМ. ДО УАК-КАНА 14

66° ☆ ДО ВОСХОДА СОЛНЦА
В ДЕНЬ ЛІТНЬОГО СОЛНЦЕСТОЯННЯ

МЕСТО АСТРОНОМА

ARISTOTELI

(7)

кустарником и обвалившаяся каменная кладка Теотиуакана не давала археологам уверенности в том, из какого точно места был обрушен людьми, вымыт дождем, выбит землетрясением тот или иной камень, или же он был действительно заменен каким-нибудь строителем в далекой древности.

Хотя фотограмметрическая работа Мийона над составлением карты, сделанная в рамках проекта Рочестерского университета, предоставила избыточное количество всесторонних измерений, особенно в крупном масштабе — расстояния от одного до трех километров, — детали были лучше показаны на рисунках Игнасио Маркуины в «Архитектуре доиспанского периода». В их основе лежал тщательный осмотр района Цитадели. Его проводил Педро Досаль при помощи методов, использовавшихся в гражданском строительстве во втором и третьем десятилетиях XIX века. Маркуина считал, что эти более ранние данные надежнее, чем информация, представленная в 1960 и 1964 годах картами из архивов Мексиканского института антропологии, или даже чем информация, полученная к 1970 году в ходе осуществления Рочестерского проекта.

Маркуина, который руководил реконструкцией большей части Цитадели, указал, что многие размеры, особенно большие, от 150 до 200 м, могли считаться точными с поправкой 1%, что означало отклонения величиной более метра.

С такими пределами погрешности казалось маловероятным, что в Теотиуакане обнаружится какая-то общая единица измерения, пока в 1972 году американский инженер Хью Харлстон-младший, который четверть века прожил в Мексике и проникся красотой Теотиуакана, не принял вызов и не прибег к уловке. Харлстон решил создать «математическую модель», чтобы наложить ее на схемы полевых измерений, полученных Мийоном и Маркуиной, руководствуясь теорией, что когда и если большой процент точек совпадает только с небольшим полем на стройки, то может возникнуть размеренно соотношенная схема.

Для Харлстона ключ к решению проблемы лежал в *соотношении больших измерений*, то есть если он делил расстояние между центром пирамиды Солнца и центром пирамиды Луны (это почти 800 м, или более 2600 футов) на общую протяженность всей церемониальной зоны с севера на юг (она составляет чуть больше 2400 м), то результат $2400 / 800$ дает соотношение три к одному. Оно очень мало меняется, если любое из расстояний ошибочно на несколько метров. Харлстон рассудил, что сравнение *соотношений* покажет важные взаимосвязи, несмотря на любые ошибки, допущенные при реконструкции, особенно если брать большие площади.

Первое соотношение 3 : 1 указало ему на то, что надо искать систему, которая могла в основе своей иметь числа, кратные трем. Если

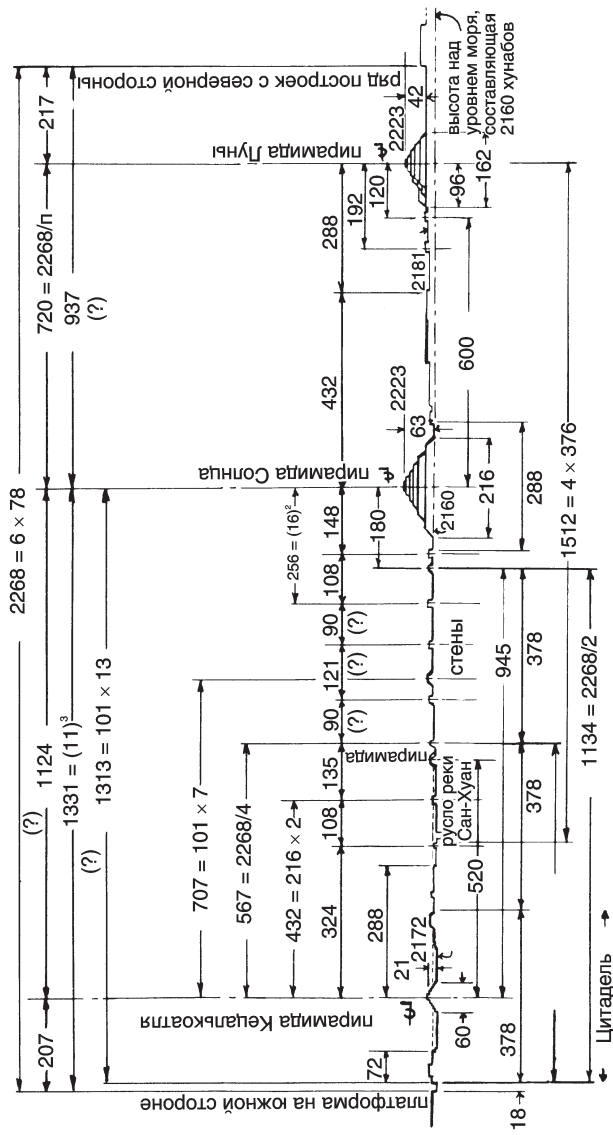
предположить, что ошибки при реконструкции или толчки землетрясений (хотя геологи уверяли его, что этого не происходило) сместили центры между двумя главными пирамидами не более чем на 5—6 м, отчего расстояние между центрами вершин стало 806 вместо 800 м, и если одна сторона цитадели имела длину 402 м вместо 400, то отношение 806 к 402 составило бы 2,005 вместо 2,000. В результате получилась бы пропорция, имевшая расхождение всего лишь в две десятые от одного процента. Это был такой параметр, при котором Харлстон мог получить надежные результаты.

Мийон уже находил периодически повторяющуюся большую единицу измерения в жилых и полужилых постройках с обнесенной стенами прилегающей к ним территорией, которая составляла 57 м, или удвоенную эту величину, или ее долю. Длинные улицы также, как оказалось, имели длину, равную этой величине, умноженной на какое-то число.

Имея буссоль, пару разметочных циркулей и все карты, какие он только смог найти, Харлстон установил на своих циркулях расстояние 57 м и начал искать другие совпадения.

Почти сразу же он увидел, что линия основания пирамиды Луны с севера на юг имеет длину 171 м, или ровно 3×57 . Основание пирамиды Солнца, отмеченное на карте цифрой 228 м, равнялось 4×57 . Стена Цитадели длиной 399 м равнялась 7×57 . Вдоль дороги Мертвых Харлстон обнаружил отметки 114 и 342 м, что равняется 2×57 и 6×57 .

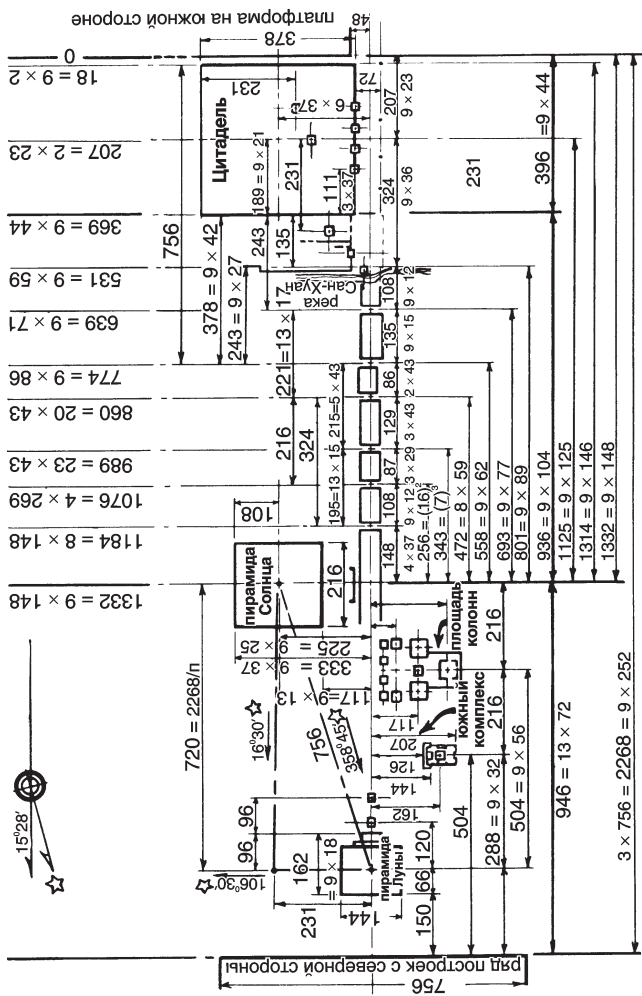
Так как единица измерения 57 явно периодически повторялась, Харлстон решил посмотреть, какая ее доля может дать ему меньшую, пропорциональную ей единицу. Поскольку 57 делится только на 3, он взял получившиеся 19 м за исходную единицу и стал искать при помощи своих разметочных циркулей что-нибудь, что подходило бы под эту мерку. В Цитадели и вокруг площади Луны он быстро нашел несколько возвышений, которые представляли собой квадраты со стороны как раз 19 м. Предположив, что он попал на верный след, Харлстон стал искать еще более мелкую единицу измерения. Разделив 19 на 3, он получил 6,333, что на первый взгляд ничего не давало, пока его не озарило, что это число близко напоминает число 6356, что в километрах представляет собой полярный радиус Земли, вычисленный Д. Гершелем и П. Смитом во время изучения ими результатов геодезических измерений Великой пирамиды Хеопса. Харлстон задал себе вопрос: а не могли ли жители Теотиуакана использовать в качестве основной единицы измерения долю полярного радиуса, такую как «священный локоть» Гершеля и Ньютона, равный 0,6356 м, 10 миллионов которых составляют полярный радиус? Идея была заманчивая, но все дело было в том, что среди цифр, встречавшихся в

Проекция, сделанная Харлстоном с восточной стороны дороги Мертвых, на которой видны три главные пирамиды, расположенная между которыми указаны приблизительно линиями и ограничены линиями, проходящими через центры сооружений. Получились такие ключевые цифры:

- 162 — основание пирамиды Луны
- 216 — основание пирамиды Солнца
- 378 — основание Цитадели.

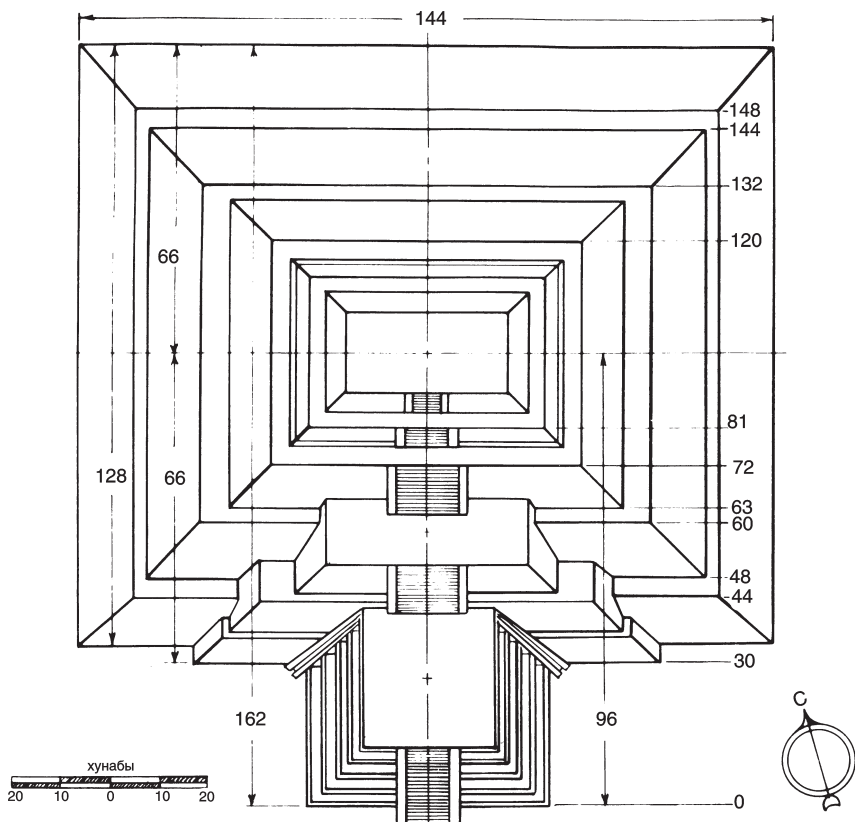
По словам Харлстона, вся церемониальная зона имеет длину 2268 единиц и равна шести длинам Цитадели, или сорокадвум длинам основания пирамиды Луны. Отдельные стены вдоль дороги также имеют габариты, являющиеся кратными числу 2268, включая отношение 2268/720 (720 — длина линии между центрами пирамиды Солнца и пирамиды Луны, проведенная с севера на юг), равное 3,15, что явно напоминает число пи или константу, выражающую отношение длины окружности к ее диаметру

Пирамида Солнца.

Харлстон обнаружил, что, если он начинает от пирамиды Солнца и идет на юг, измеряя стены, он получает бажное множество чисел до самого северного фасада последней большой платформы, расположенной с внешней стороны на расстоянии 18 единиц от стен Цитадели. Она была найдена и указана Мэйноном на его первой карте, в которой Харлстон признал четко обозначенный проспект Церемониальных Шестий. Проводя измерения в обратном направлении от этой точки, Харлстон, к своему удивлению, получил ряд чисел, кратных 9. Это указало на замысел, который стал ясен ему только позднее. Тем временем Харлстон заметил, что большая часть исходных чисел, обозначавших размеры в комплексе Теотуакана, сбеглась к 9 (имеется в виду сумма цифр чисел): 162, 207, 216, 225, 369, 504, 551, 639, 720, 801, 936, 1125, 1314, 1332 и т. д.

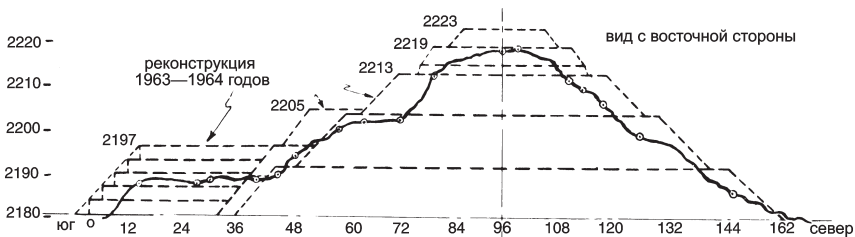
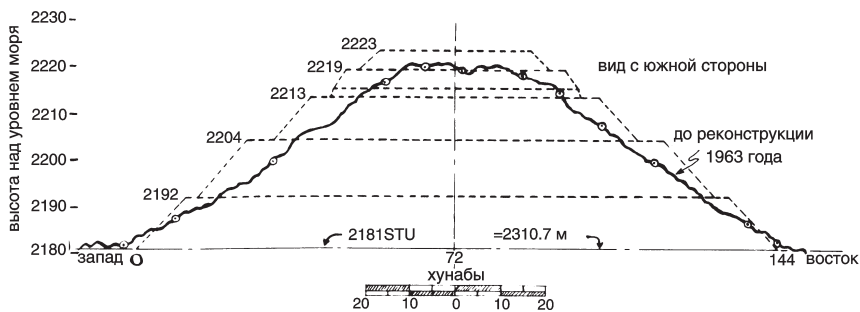
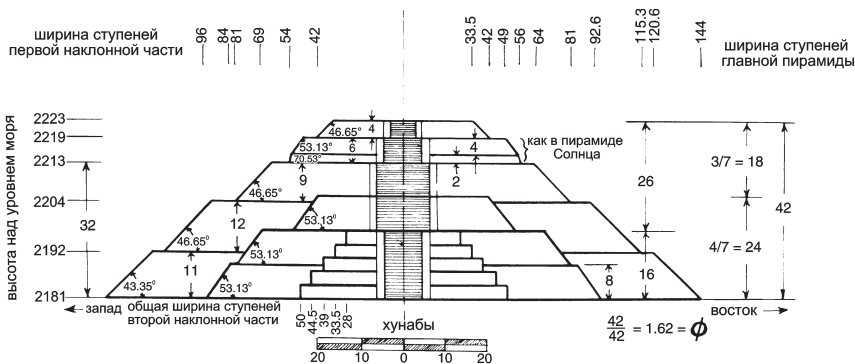

Пирамида Луны.

Харлстон обнаружил, что длины сторон основания пирамиды Луны с юга на север — он использовал третий южный край *adosado* в качестве базовой нулевой отметки — повторяют те же самые цифры, использовавшиеся в Цитадели и пирамиде Солнца: 30, 48, 60, 72, 81, 128, 132 и 162 условные единицы. Он обнаружил, что размер 132 единицы дублирует расстояние от центра пирамиды Кецалькоатля до восточного края Цитадели и может быть представлен как 11×12 , 2×66 и 3×44

Теотиуакане, по-видимому, не существовало никаких других признаков десятичной системы счёта, только тройки, шестерки и девятки.

В поисках более мелкой единицы Харлстон разделил 6,356 м на 6 и получил число 1,059 — снова удивительный результат, так как это была очень значительная величина в царстве математики, а именно корень двенадцатой степени из 2 — число, которое, будучи умноженным само на себя 12 раз, даёт в результате 2. Харлстон спрашивал себя: не могли ли древние жители Теотиуакана прийти к такой основной единице измерения, разделив полярный диаметр Земли

не на 20 миллионов частей, как теоретически допускали Гершель и Смит в случае с числом 0,6356 м, а на 12 миллионов частей, чтобы получить единицу измерения равную 1,059 м. Ни для одной из этих единиц не требовалось знание метра, но Харлстону пришлось использовать какую-нибудь традиционную единицу, с которой он мог работать, и он предпочел переводить найденные им величины в метры вместо футов или локтей, потому что мир к этому времени (во всяком случае, большинство стран) принял метр за основную единицу измерения.

Чтобы проверить свою теорию о том, что жители Теотиуакана использовали единицу измерения, равную 1,059 м, Харлстон приступил к измерению длин зданий, стен и платформ, основываясь на этом числе. Он тут же получил числа: 18, 24, 54, 72, 108, 144, 162, 216 и 378 — все числа округленные.

Пирамида Луны, тщательно восстановленная Саласаром, дала Харлстону такие длины, как 30, 48, 60, 63, 72, 81, 96 и 144 единицы, а протяженность основания с севера на юг — 162 единицы.

На площади у подножия пирамиды Луны располагались различные храмы, имевшие размеры 18 на 18 единиц и площадь 324 квадратных единицы.

В пирамиде Солнца измерения нижнего и верхнего уровней каждого яруса дублировали измерения Цитадели и пирамиды Луны, давая логическую цепочку чисел: 9, 12, 18, 27, 36, 54, 81 и 108 — все кратные трем. Длины, равные 162 и 216 единицам, повторяли длины пирамиды Луны и Цитадели и в сумме давали 378, общую длину стен Цитадели.

Вдоль дороги Мертвых появились пограничные отметки на расстоянии, равном 378 единиц и 378×2 , то есть 756 единиц. Общая длина церемониальной зоны составляла 6 раз по 378, или 36 раз по 63 единицы, что равнялось высоте пирамиды Солнца.

Длина пирамиды Луны с севера на юг, уже известная нам величиной 162, умноженная на 14, составляла также 2268 единиц, или длину церемониальной площади.

Позади пирамиды Луны находился ряд построек, протянувшийся с запада на восток и расположенный почти перпендикулярно по отношению к главной улице, проходящей с севера на юг. Харлстон обнаружил, что эти пограничные постройки тянулись на 378 единиц в каждую сторону, то есть всего на 756 единиц, что составляло двойную ширину Цитадели, равную расстоянию от центра пирамиды Солнца до центра пирамиды Луны.

Убежденный теперь в том, что он нашел возможную стандартную единицу измерения (или СЕИ), которую использовали строители Теотиуакана, Харлстон назвал эту единицу «хунаб», что в переводе с языка майя означало «универсальная мерка».

Изучая цифры, полученные при измерении Цитадели, Харлстон заметил, что если его базовую единицу умножить на 378 и на 100 000, то получается очень точное число, обозначающее длину окружности планеты, средняя величина которой равна 40 049 589,35 м. Затем Харлстон обнаружил, что основание пирамиды Кецалькоатля, равное 60 единицам, будучи умноженным на 100 000, дает полярный радиус Земли. Это заставило его задуматься над тем, не могла ли пирамида Кецалькоатля, подобно пирамиде Хеопса и ступенчатым зиккура-

$$\frac{72}{68} = 1.059 = \sqrt[12]{2}$$

$$\frac{68}{42} = 1.62 = \phi$$

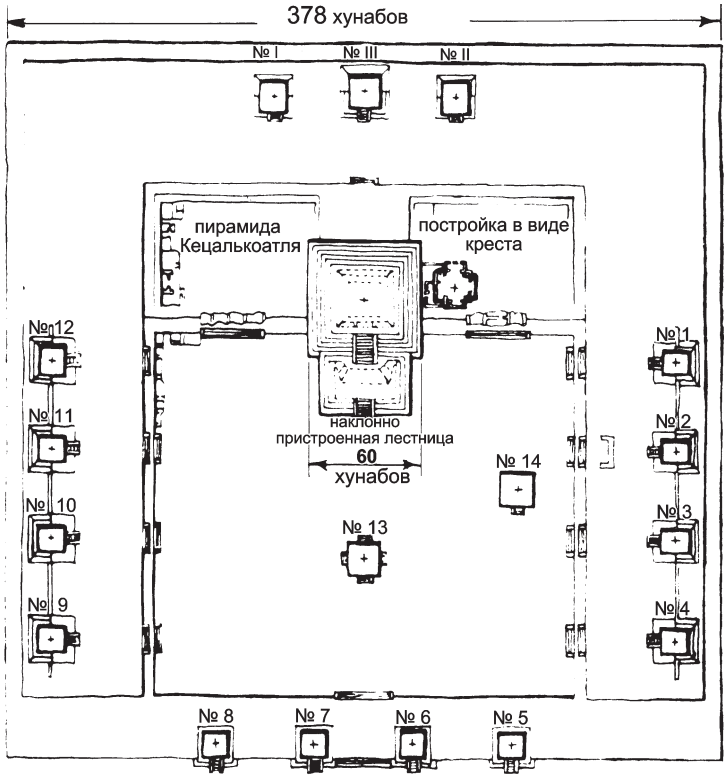
В своей математической реконструкции пирамиды Луны Харлстон следовал основным принципам реставрации, в общих чертах намеченным мексиканским археологом Понсиано Саласаром, который восстановил в 1964 году пирамиду Луны, сохранив те же самые длины, высоты и углы наклона. Но комбинированные данные привели к появлению более вероятной конфигурации, при которой вершина восстановленной пирамиды Луны находилась бы на той же самой высоте над уровнем моря, что и вершина пирамиды Солнца, так как ее цоколь был выше, чем у пирамиды Солнца. Таким образом, пирамида Луны образована тринадцатью базовыми компонентами. В нее входят: основной массив пирамиды, состоящий из пяти ярусов, первая прилегающая наклонная часть, или *adosado*, с южной стороны пирамиды, состоящая из трех пролетов, за которой следует дополнительная наклонная часть еще из пяти пролетов.

В восстановленной модели Харлстона высота первой *adosado* такова, что делит пирамиду Луны по вертикали на две части, одна из которых равна $\frac{3}{7}$ ее высоты, а другая $\frac{4}{7}$. Эти пропорции проявляются в горизонтальной линии западного основания пирамиды Кецалькоатля, которая «разрезает» Цитадель на 162 СЕИ (стандартные единицы измерения) на восток и 216 СЕИ на запад. Длина основания пирамиды Луны в направлении север—юг, включая *adosados*, измеряется 162 СЕИ, а линия основания пирамиды Солнца составляет 216 СЕИ, снова давая ту же самую пропорцию: $\frac{162}{378}$ и $\frac{216}{378}$, или $\frac{3}{7}$ и $\frac{4}{7}$.

Углы наклона откосов первого яруса пирамиды Луны имеют величину 43,35 градуса, как и в пирамиде Солнца. В реконструированной модели Харлстона если продлить стороны вверх до условной точки пересечения, то получится треугольник с высотой 68 СЕИ. Это означает, что соотношение высоты усеченной пирамиды, равной 42 хунабам, и этой величины составит $\frac{68}{42}$. И снова получается 1,62 — золотая середина.

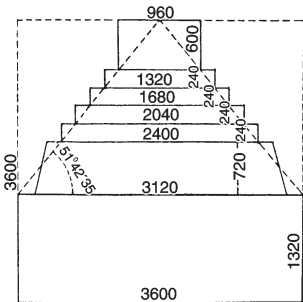
Сочетание высот тринадцати частей пирамиды Луны дало Харлстону величины, которые охватывают ряд чисел от 2 до 42, которые оказались важными коэффициентами для всех измерений Теотиуакана, соответствуя другим космическим соотношениям

Харлстон решил, что в Цитадели может найтись какая-то соотносимая с размерами Земли единица, когда подсчитал, что длина Цитадели, равная 378 хунабам, поделенная на 60 хунабов пирамиды Кецалькоатля, может изображать длину окружности Земли, поделенную на ее двойной радиус, или $378 : 120 = 3,15$ — величина π (точное значение числа $\pi = 3,14159\dots$).

Но он упустил тот факт, что длина стены Цитадели составляет также 1296 египетских футов, или 864 локтя. Эти длины египтяне и жители Месопотамии использовали для вычисления длины окружности Земли

«Вавилонская башня» (зиккурат «Этеменанки», VII век до н. э.) по представлениям Смита

там Месопотамии, быть спроектирована как масштабная модель Земли, являясь частью цитадели, заключающей в себе математические, геодезические, астрономические и, возможно, космические данные.

Как и в зиккуратах Шумера, Элама и Вавилонии, квадратное основание пирамиды Кецалькоатля покрывает площадь ровно 3600 квадратных единиц измерения Харлстона, или 43 482 квадратных английских фута (или 4040 м^2), что примерно равняется одному английскому акру ($4046,86 \text{ м}^2$). Оно также соответствует земельной мере Месопотамии (Междуречья), равной 60 двойным локтям, как в зиккуратах Шумера и стран—наследников его культуры, о чем документально свидетельствует глинописная табличка Смита.

Поскольку жители Междуречья использовали каждый фасад ступенчатой пирамиды в качестве символа девяностоградусного сектора земного полушария, деля все пространство между экватором и Северным полюсом на семь полос или зон, уменьшающихся по ширине для соответствия уменьшающемуся градусу долготы, Харлстон решил посмотреть, не может ли точно такая система быть применима и к реконструированной пирамиде Кецалькоатля.

Планы профилей пирамиды Кецалькоатля, сделанные Мексиканским институтом антропологии, показывают, что постройка поднимается шестью ярусами на высоту 17 м, на вершине которой покоится седьмой ярус высотой 5 м, что вместе составляет 22 м, или 21 единицу измерения Харлстона. Но так как углы нижних шести ярусов не были точно восстановлены, то Харлстону было необходимо использовать величины ширины восстановленной горизонтальной поверхности по линии восток—запад, чтобы прийти к вероятной первоначальной длине каждой ступени.

Из различных цифр, данных ему мексиканским институтом, Харлстон сделал несколько математических реконструкций, пока не нащупал одну, которая казалась самой близкой к вероятному внешнему виду оригинала.

Чтобы найти угол или широту, символами которой были различные ступени, Харлстон разделил длину каждой ступени на 60 и получил косинус угла этой широты. Первая ступень дала результат 23,449 градусов, что почти соответствует широте Северного тропика (тропика Рака — $23^{\circ}07'$ с. ш. Другие ступени дали широту Северного полярного круга и магнитного полюса. Система оказалась той же самой, что у жителей Междуречья.

Но это все же не обязательно является доказательством того, что единица измерения Харлстона, равная 1,059 м, была именно той, которую действительно использовали строители Теотиуакана. Если пропорции были правильными, то результаты подтвердились бы, какая бы

Храм покровителя Вавилона Мардука, отождествляемого с планетой Юпитер (семиты, воспринявшие и частично переименовавшие шумерские пантеон богов и мифологию, часто смешивали Мардука с Белом). Было обнаружено, что длины семи ступеней вавилонского зиккурата обозначены на табличке Джорджа Смита, согласно которой площадь самой нижней части была 3600×3600 дюймов ($91,44 \times 91,44$ м.) или $12\,960\,000$ квадратных дюймов ($8361,3$ м²).

Пирамида Кецалькоатля, реконструированная мексиканским архитектором и археологом Игнасио Маркуиной в 20-х годах XX века, также состояла из семи ступеней. Зиккураты в шумерских Уре, Уруке и, немного позже, в Вавилоне имели высоту 300 футов (91,4 м), что примерно равно высоте 25-этажного дома. Высота пирамиды Солнца в Теотиуакане соответствует 18 этажам. Как показал Ливии Стеккини, ступенчатая пирамида, или зиккурат, переводит криволинейные данные на плоскую поверхность, чтобы сделать проекцию земного полушария с минимумом искажений. Каждый фасад каждой главной ступени символизирует 90-градусный сектор, а уровни могут символизировать зону между двумя параллелями, обозначающими широту, в ряде проекций Меркатора.

Вавилоняне, в основе культуры которых шумерские знания и культура, делили пространство между экватором и Северным полюсом на семь полос или зон, каждая из которых уменьшалась по ширине, чтобы соответствовать уменьшающемуся градусу долготы. Линия основания соответствовала экватору, а первая ступень — тридцатой параллели. В типичном месопотамском зиккурате первая ступень была поднята на высоту, соответствующую 33 градусам широты вместо 30 градусов, так как на 33-градусной широте находился Вавилон. После этого каждая ступень поднималась на высоту, соответствующую шести градусам широты. Разделив длину ступени на две трети, получаем легко запоминающийся расчет величины косинуса широты.

Шумерские, а через две тысячи лет вавилонские зиккураты включали в себя ряд картографических проекций за несколько тысяч лет до того, как в XVI—XVIII веках в Европе произошло качественное усовершенствование картографии. Зиккурат Набу в Барсипки был построен из нескольких ступеней, и говорили, что он был раскрашен семью «земными цветами».

Вавилоняне предпочитали считать шестерками, и их математические системы были шестеричными и семеричными, то есть счет шел шестерками и се-

единица измерения ни использовалась. Однако все указывало на то, размеры пирамиды Кецалькоатля были соотносимы с моделью Земли, подобно зиккуратам и пирамидам на Ближнем Востоке.

Чтобы посмотреть, какая информация могла быть зашифрована в пирамидах Солнца и Луны, Харлстон сделал комбинированную их реконструкцию, используя незначительные отклонения от восстановленных моделей, сделанных Мексиканским институтом антропологии. На пирамиде Солнца он возместил то количество недостающего матери-

мерками. Такое предпочтение было, очевидно, характерно и для египтян. Ливьо Стеккини показывает, как градусы широты параллелей, изображенных ступенями зиккурата, можно получить, умножив высоту ступени на шесть. Так, $6 \times 5^{1/2}$ становится 33 градусами широты для первой ступени.

Схожая система проявляется в пирамиде Кецалькоатля в Мексике. Вертикальная и горизонтальная проекции, сделанные Мексиканским институтом антропологии, предоставляют преобразованные измерения, которые показывают высоту известных ступеней, идущих шестью ярусами до отметки 17 м, а седьмая конструкция высотой более 5 м находится на вершине. В единицах измерения Харлстона каждая главная вертикальная ступень приобретает высоту $2^{2/3}$ хунаба, а верхняя конструкция — 5 хунабов, что поднимает пирамиду на высоту 21 хунаб, или 7×3 . Так как 21 хунаб символизирует 90 градусов широты, то каждая ступень — $11^{3/7}$ градуса широты.

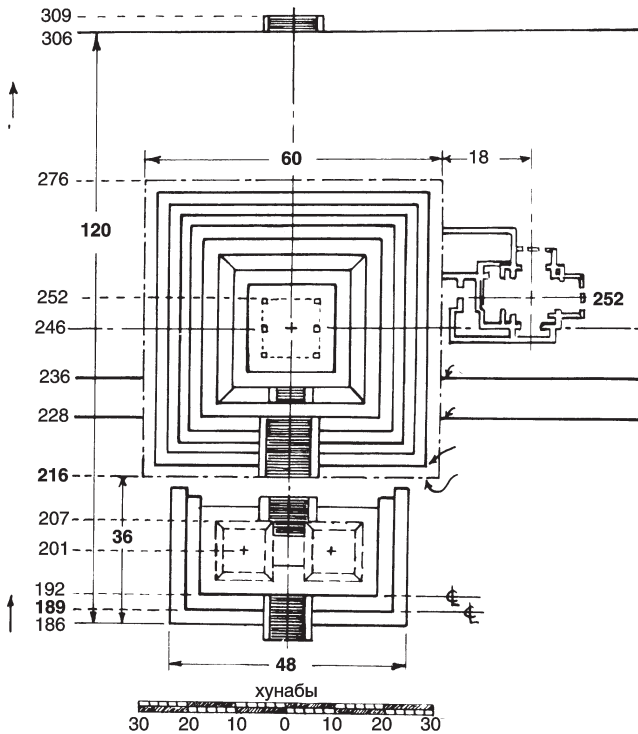
Ступень №	Длина ступени	Косинус	Широта, градусы	Обозначает
1	15	1,0000	00,00	Экватор (длина 1° широты равна здесь длине 1° долготы)
2	13	0,8667	29,93	Тридцатая параллель
3	10	0,6667	48,19	
4	$8^{1/2}$	0,5667	55,48	Широта = долгота (экватор)
5	7	0,4667	62,18	
6	$5^{1/2}$	0,3667	68,49	
7	4	0,2667	74,53	Магнитный полюс

ала, который, как указывали источники, был снят Батресом с первого, второго и третьего уровней.

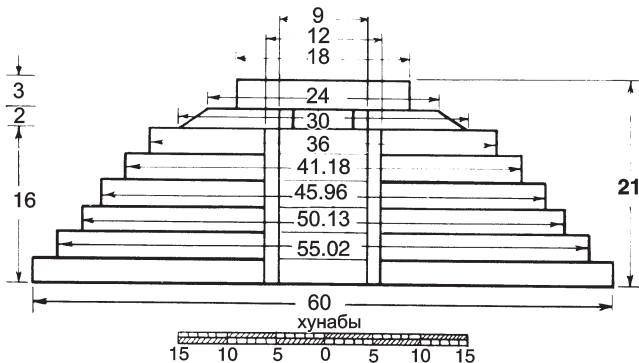
Он сразу же отметил соотношение 1 : 2 : 3 между пирамидами Кецалькоатля, Луны и Солнца, которые, как оказалось, имели высоту соответственно 21, 42 и 63 его единицы, или хунаба.

Но Харлстону и в голову не пришло, что эти же самые цифры также составляли 48, 96 и 144 древнеегипетских локтей (1 локоть = 0,462 м), на которых была построена Великая пирамида Хеопса.

План восстановленной пирамиды Кецалькоатля, сделанный Харлстоном, на котором габариты даны в хунабах. Однако, будучи измеренной в египетских единицах измерения, ширина приобретает очень интересную величину, равную 204 футам, или 136 локтям, а ее высота — 72 фута, или 48 локтей

Реконструкция Харлстона показывает, что ступени пирамиды Кецалькоатля, возможно, изначально были задуманы увеличивающимися в длину, а их длины указывали на различные важные широты планеты. Измеренная в хунабах, длина ступеней увеличивается с приростом $2\frac{1}{3}$. Но измеренная в пядях, их длина равномерно увеличивается на 24 единицы с основания, равного 360 пядям

Перевод метрических размеров пирамиды Солнца в хунабы показывает теоретическая реконструкция Харлстона. Сплошные линии указывают на реставрацию, проведенную Батресом с 1906 по 1910 год и Мексиканским институтом антропологии и истории с 1963 по 1964 год. Пунктирные линии повторяют логику построения Цитадели и основаны на почти точном заполнении тех частей, которые были «оставлены за скобками». Подпорки образовали сохраняющие стенки для недостающего материала, восстановить который в 1910 году стоило бы слишком много денег и времени. Математически упорядоченные длины ярусов пирамиды следуют за рядом все возрастающих величин. Отдельные высоты, а также высоты над уровнем моря тоже являются величинами, кратными 3

Харлстон был убежден, что на четвертом ярусе Батрес на самом деле практически сохранил камни на своих «изначальных» местах (как он решительно утверждал в ответ на критику) и что оригинальный замысел был близок к тому, что мы видим в настоящее время.

Заметив, что нижняя часть четвертого уровня слегка выпуклая и образует с вертикалью треугольник с углом почти 19,69 градуса, Харлстон был поражен тем, что такой же была и широта, на которой находился Теотиуакан. Это означало, что, когда Солнце проходило над пирамидой в день равноденствия, его лучи падали на северный фасад четвертого уровня под тем же самым углом 19,69 градуса по отношению к вертикали.

Проводя наблюдения за тем, что на самом деле произойдет в день равноденствия, Харлстон отметил, что это явление реально состоялось два дня спустя после равноденствия. Так как тень не исчезла в этот день, это означало, что угол наклона был 19,5 градуса вместо 19,7, что могло быть ошибкой реконструкции, или же угол должен был передавать какой-то другой смысл. Однако, наблюдая за западным фасадом пирамиды в день равноденствия, Харлстон получил возможность

Хью Харлстон-младший показывает на нижний четвертый уровень, находящийся в тени. Только две тени лежат на пирамиде Солнца в полдень в день равноденствия (21 марта и 23 сентября) — на ее западном и северном фасадах, как показано на фотографии с Хью Харлстоном. Тени появляются только на нижней части четвертого яруса. Тень на западном фасаде уходит при приближении солнечного света за промежуток времени, который наводит Харлстона на мысль, что проектировщики пирамиды разделили минуту на 63 их секунды (67 ньютонových секунд), — то же самое число, которое обозначает высоту самой пирамиды Солнца в хунабах. Тень с северного фасада уходит по прошествии двух дней после равноденствия, когда она то набегаёт, то уходит в полдень, подавая сигнал об этом событии и обеспечивая дважды в год поправку к календарному счету, делая таким образом пирамиду живыми часами

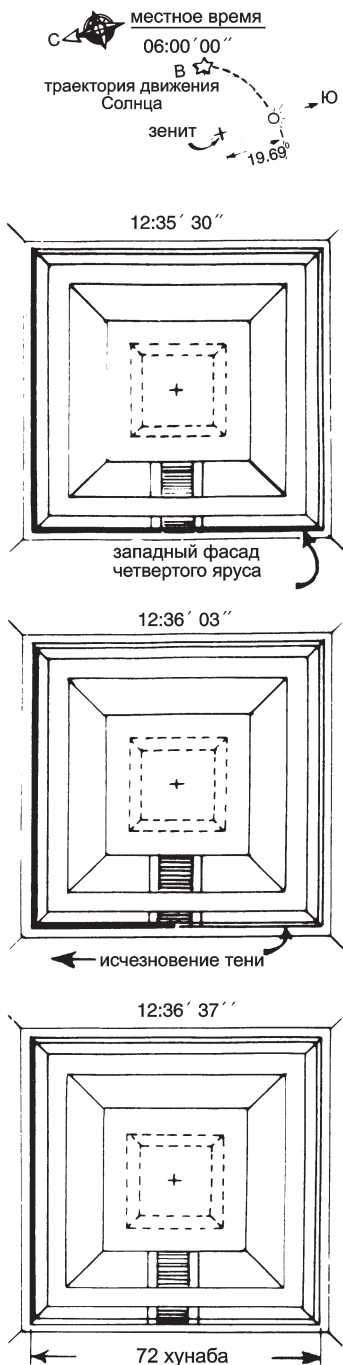
стать очевидцем уникального эффекта. Когда Солнце пересекло точку зенита в 12 часов 35 минут и 30 секунд (местный полдень на широте Теотиуакана), нижняя часть западного фасада четвертого яруса пирамиды, находящаяся в тени утром, осветилась солнечными лучами, двигавшимися с юга на север. Это явление длилось 66,6 секунды; оно делает пирамиду Солнца вечными часами, и по сей день передающими свое беззвучное послание каждый раз в день равноденствия точно так же, как это делает Великая пирамида Хеопса или южный угол «Кастильо» в Чичен-Ице. Все эти постройки должны были быть спроектированы архитекторами, имевшими немалые знания в области астрономии и геодезии, необходимые для достижения такого эффекта, **до** начала их строительства.

Анализ Харлстона, каким бы интересным он ни был, остался косвенным. Не было веского обоснования его идеи о том, что строители Теотиуакана использовали корень двенадцатой степени из 2 в качестве константы. И казалось едва ли возможным, что они могли прийти к ней так же, как и он, через метр. К тому же, поскольку между Ближним Востоком и Мезоамерикой осуществлялся, по-видимому, какой-

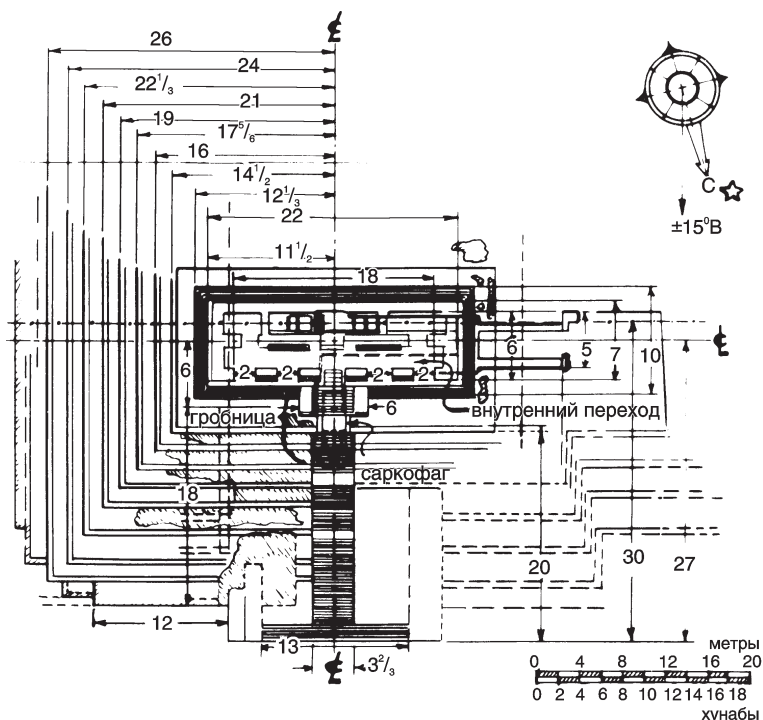
то обмен технологиями, а также религиозными и философскими идеями (очевидно, в одном направлении — с востока на запад. — *Ред.*), казалось резонным допустить, что любая соотносимая с размерами Земли единица измерения, используемая в Мезоамерике, должна быть связана с единицей, применявшейся при строительстве Великой пирамиды Хеопса, или, по крайней мере, они имели какой-то общий источник (намек на Атлантиду. — *Ред.*). Когда к комплексу Теотиуакана применили древнеегипетский географический фут — а основание пирамиды Хеопса имеет длину 750 таких единиц, — получили поразительные результаты. Самое точное измерение в комплексе Теотиуакана — это ширина Цитадели, определенная Маркуиной как 399,48 м, а Харлстоном — как 378 его хунабов. Переведенное в географические футы, использовавшиеся при строительстве Великой пирамиды (и в античном мире), расстояние 399,48 м составляет 1296 футов, или 864 локтя.

Здесь приводились цифры, которые использовали древние для определения окружности Земли как в угловых секундах, так и в секундах времени. Из этих величин они вывели и свой фут, и локоть. Эти два числа, 1296 и 864, являются основными для всей древней системы мер. И в других местах комплекса Теотиуакана фут и локоть возникают в простых и значащих числах. Расстояние 800,6 м между пирамидами Солнца и Луны, определенное Харлстоном и Маркуиной, равно 2600 древним географическим футам.

Так тень на нижней части четвертого яруса пирамиды Солнца — постоянная и четко очерченная деталь конструкции — исчезает в день равноденствия

Храм Надписей в Паленке, измеренный Харлстоном в хунабах (1 хунаб — 1,059 м), которые проявляются в беспорядочных дробях. Вычисленные в египетских футах и локтях, те же самые измерения дают необычную прогрессию из четных чисел от 12 до 90

Измерения пирамиды Кецалькоатля, сделанные Харлстоном (на основе данных Института антропологии и истории — ИАИ), дают нам ее ширину, равную 204 футам, или 136 локтям. Ее высота достигает 72 футов, или 48 локтей. Эти цифры так же важны, как и цифры, полученные Харлстоном. По его реконструированным измерениям, переведенным в географические футы и локти, высота пирамиды Луны — 144 фута, или 96 локтей. Ее восстановленная ширина — условная — составляет 558 футов, или 372 локтя. Пирамида Солнца имеет высоту 216 футов, или 144 локтя. Все эти цифры Харлстон считает важными. Поскольку пока еще неизвестен способ точного измерения основания пирамиды Солнца, так как определен только ее северо-западный угол, возможно, бесполезно рассуждать о длине ее стороны. Но если бы она равнялась 218 хунабам, согласно теоретическим выкладкам Харлстона, то она почти до миллиметра совпала бы с длиной стороны Великой пирамиды Хеопса: 750 футов, или 500 локтей.

Еще более поразительным является перевод в футы и локти измерений, сделанных Харлстоном в реконструкции храма Надписей в Паленке. В то время как его измерения в хунабах получились в основном нечетными: 26, 21, $17\frac{5}{6}$, $14\frac{1}{2}$, $12\frac{1}{3}$, $11\frac{1}{2}$, $3\frac{2}{3}$, — будучи переведенными в географические футы египтян, те же самые числа становятся четными: 90, 72, 60, 50, 42, 40 и 12.

Так как фут и локоть у древних подразделялся на «палмы» (ладони) и «фингеры» (толщина пальца), а у ацтеков среди единиц измерения также были ладони и пальцы, то такое же точно деление могли использовать и жители Теотиуакана. Если измерять в ладонях, то все величины измерений в Теотиуакане просто следует увеличить в 6 раз или в 24 раза, если измерять в пальцах. На древнем Ближнем Востоке палец составлял 0,01925 м и являлся одной из неотъемлемых единиц измерения: 96 пальцев равнялись их фатому (морской сажени), 9600 пальцев — одному стадию, а 96 000 фингеров — их миле; преодолев 21 600 таких миль (или 60×360), вы совершили бы кругосветное путешествие. Арабы также считали, что палец равен 6 зернам ячменя, или толщине 36 волос верблюда. Таким образом, если локоть был равен 864 волосам верблюда, то окружность Земли составляла 86 400 000 локтей, или взятую 100 000 раз ширину Цитадели в Теотиуакане (выраженную в локтях).

Доказательства использования пальцев (фингеров), ладоней (палмов), футов, локтей и фатомов в Мезоамерике так же незыблемы, как и пирамида.

Доктор Даниэль Г. Бринтон, заведующий кафедрой археологии Пенсильванского университета, в своих «Очерках американиста», опубликованных в 1890 году, недвусмысленно пишет о единице измерения ацтеков: «Фут как единица измерения был принят в качестве официального и обязательного стандарта как в торговле, так и в архитектуре». К этому он добавляет, что существует достаточно доказательств того, что он был «широко распространен, очень точен, официально определен и защищен». Цитируя Эрреру, он показывает, что, как и у древних евреев, у ацтеков каждый, кто подделывал единичные меры длины, считался государственным вором, врагом общества и подвергался суровому наказанию.

После долгого и скрупулезного изучения предмета Бринтон пришел к выводу, что фут и локоть (равный полутора футам) были основными единицами измерения не только у ацтеков, но и у майя (в том числе майя-киче, цонталь и др.). К этому он добавил, что «так как ацтекский термин, обозначающий стандартную линейную единицу измерения, был заимствован, очевидно, из языка майя, то это предполагает, что эта единица и была взята у этого народа».

У майя фут назывался «ок». Их локоть — «кук» или «ноч кук»; Бринтон пишет, что он был равен приблизительно 18 дюймам, или

полутора футах. Их фатом, равный шести футам, назывался «цап» или «цапоул»; половина фатома имела название «бетан» и составляла их ярд, равный трем футам.

Один «каан» имел площадь 36 фатомов, а 20 каанов составляли «виник», или земельный участок, необходимый мужчине для обеспечения одной семьи зерном. Если верить Бринтону, самой маленькой линейной единицей измерения у майя была ширина пальца на руке, или «у ню каб», и ширина большого пальца «у на каб» (наш дюйм или французский дюйм). У майя также существовали три различные пяди, из которых больше всего использовали «наб» (расстояние от кончика большого пальца до кончика указательного пальца). Но у них также были «чи наб» (расстояние от кончика большого пальца до кончика мизинца) и «кок» (ширина ладони с прижатыми к ней пальцами и отставленным в сторону большим пальцем).

Отец Томас Кото решительно утверждает, что локоть, или «чумай», был обычной меркой, использовавшейся в строительстве индейцами майя. «Когда они строят себе дома, они используют локоть для измерения длины бревен. Точно так же они измеряют длину веревок». Поля индейцев майя разделяли фатомы, равные четырем локтям; а единица, равная трем фатомам, представляла собой круг, обведенный вокруг человека с раскинутыми руками. У ацтеков также были фингеры (пальцы), пяди и футы, равно как и локоть, который они называли «семмолисипитль» от слов «се» — один и «молисипитль» — локоть. Фатом у них назывался «семматль», а половина фатома, или ярд, — «сениолатли». Для измерения больших длин они использовали «октакатль», и, хотя эта единица не была установлена, Бринтон считал, что раз «ок» у майя обозначает фут, то эта единица, возможно, равнялась 10 футам. В обеих Америках он обнаружил много доказательств существования такой единицы.

Отец Дуран сообщает, что вдоль дорог ацтеки ставили столбы или камни, на которых были отметки, показывающие, сколько таких установок до следующего города с рынком. Такая система широко применялась по другую сторону океана — на всем Ближнем Востоке. К сожалению, Дуран не измерил или не выяснил расстояние между такими двумя столбами.

Если кажется удивительным, что никто не смог быстро установить, какой же могла быть соотносимая с европейской или какой-либо другой единица длины у ацтеков, то следует помнить, что почти у всех завоевателей есть основное неизменное правило: уничтожать систему мер своих жертв и возводить на месте руин их священных храмов новые постройки с навязанной системой мер.

Можно было бы на этом данную тему оставить, но возможная сложность может в конце концов привести к дальнейшей ясности. У егип-

тян или жителей Ближнего Востока существовала единица «бема», равная 40 фингерам (пальцам), длина которой составляла 0,77 м; 300 таких единиц точно уместаются в стороне основания Великой пирамиды. Ее широко использовали в качестве меры, равной 10 палмам (ладоням).

Если хунаб Харластана разделить на 60 пальцев, то получится единица измерения, равная 0,01765 м, что на самом деле является ацтекским пальцем. Как пишет В.М. Кастильо в своей работе «Unidades Nohuas de Medida», 40 таких единиц составляют ацтекскую бему, равную 0,706 м. В применении к комплексам Теотиуакана и Паленке ацтекские пальцы, ладони и бемы дают даже более значимые результаты, чем хунабы Харластана.

Основание пирамиды Кецалькоатля, равное уже не 60 хунабам, получает более рациональную величину 90 бем, или 360 ладоней-палмов, а ее ступени поднимаются с увеличением в 4 бемы вместо $2\frac{1}{3}$ хунаба. Периметр пирамиды Солнца становится 12 960 бем, а длина стороны его основания — 1296 фингеров. Так как числа 1296 и 864 были ключом к разгадке астрономических и геодезических тайн Великой пирамиды, они могут в свое время раскрыть и загадки пирамид Мезоамерики.

Является ли совпадением то, что окружность, равная 1 296 000 единиц, имеет радиус 206 265 единиц и что 20 6264 является длиной как английского, так и египетского локтя, что еврейский шекель весит 129,6 грамма (автор ошибается, шекель, или сикль, в разные периоды весил от 9 до 17 граммов, заимствован народами Ближнего Востока у финикийцев. — *Ред.*), английская гинейя 129,6 гран, а размер священного пространства в иерусалимском храме Соломона составляет 1296 дюймов?

Число 129 600 было не только числовой базой для астрономических измерений в такие далекие времена, которые можно проследить документально, оно также было любимым числом в мистическом символизме Платона. У.Х. Вуд в своей книге «Идеальная система мер и весов» пишет, что числа, на которые делится 129 600 без остатка, легко запомнить: 1728, 864, 720, 432, 360, 216, 180, 90, 40, 36, 20, 16, 10, 8, 5, 4, 2. При строительстве храмов их везде использовали как священные числа. Плита Иги-Гал-Би в Вавилоне содержит в себе их все плюс 144, 162 и 810, которые появляются в Теотиуакане, выраженные в хунабах и локтях.

Вуд обращает внимание на то, что, по закону йоги, все периодические действия, развивавшиеся под воздействием Невидимого, измеряются идеальными циклами, выраженными в геометрической форме числом 1296 в тысячах или тысячах тысяч. Третья ступень йоги представлена одной третью 1296, т. е. числом 432, что считается символом посвящения и стоит в гармонии с красотой и порядком в природе. Возвышенная жизнь ученика Будды требовала цикла, равного 4320 миллионам лет.

Алан Уоттс в своей книге указывает на индийский миф, в котором говорится, что с течением времени жизнь в мире делается все хуже и хуже, пока, наконец, разрушительный аспект Самого Себя, бог Шива, не спяшет ужасный танец, который поглотит все огнем, — не напоминает Тескатлипоку? За этим последует, согласно мифу, 4 миллиона 320 тысяч лет всеобщего мира, во время которых Сам будет просто самим собой, не будет играть или прятаться. А затем игра начнется опять с мира истинного величия, который начнет разрушаться только спустя 1 миллион 728 тысяч лет. И каждый раунд этой игры спланирован так, что силы тьмы показываются только на одну треть этого срока, торжествуя в конце краткую, но совершенно иллюзорную победу.

В примечании к работе «Древняя культурная антропология» о происхождении некоторых вавилонских чисел Чарльз Мьюзес пишет, что жрецы древней шумерской цивилизации, как и позже ее наследники вавилоняне, а также древние греки, а в новейшее время многие современные физики, астрономы и астрофизики, были убеждены в том, что в космических структурах запечатлен сравнительно небольшой «алфавит» в высшей степени фундаментальных чисел. Как выражается Мьюзес, перефразируя Платона, «Бог не только придает геометрические формы, но и дает им арифметическую оболочку».

Среди этих чисел, по сей день широко используемых, Мьюзес называет 360 градусов в окружности, 60 минут в часе, 60 секунд в минуте и 24 часа в сутках. Он также отмечает 7 дней недели и 12 месяцев в году. Беря 4 состояния материи плюс квинтэссенция и добавляя к ним единицу и тройку, Мьюзес составляет ряд из чисел 1, 3, 4, 5, 7, 12, 24, 60 и 360. Далее он переходит к показу того, как все эти числа просто и однозначно относятся к схемам циклического порядка.

Используя в качестве примера хозяйку и ее гостей, которых надо рассадить за круглым столом, Мьюзес показывает, как число перестановок увеличивается с 12 вариантов для 5 гостей до 60 вариантов для 6 гостей и 360 вариантов для 7 гостей. По словам Мьюзеса, семеро гостей олицетворяют небесные тела, например Вавилон. Астрономия в Шумере и Вавилоне, которая существовала исключительно для астрологических целей, развивалась, изучая 5 видимых планет плюс Солнце и Луна.

Все они, казалось, вращались на фоне звезд в сравнительно узком поясе, меняя схему своего расположения, о котором Мьюзес отзывается как о «большом круглом столе неба», и обгоняли друг друга благодаря разнице в скоростях, которую можно было наблюдать. При наличии 7 небесных тел количество вариантов их взаимного расположения составляло как раз 360. Если считать 6 небесных тел, помещая Солнце в центр, — такую систему обычно использовали для толкования гороскопов, — то получалось число 60. С пятью небесными тела-

ми, если не считать Солнце и Луну, число вариантов сокращалось до 12. И это представляло собой деление неба на 12 зодиакальных знаков или 12 месяцев в году.

Согласно рассуждениям Мьюзеса, удвоенная дюжина, или 24, возникает из объединения 12 знаков зодиака с 12 часами суток. Таким образом, из 360, 60 и 24 получился круг временной из $24 \times 60 \times 60$, или 86 400 секунд, и круг пространственный из $360 \times 60 \times 60$, или 1 296 000 секунд.

Когда коллега, инженер из Луизианы Альфред Э. Шлеммер, предложил Харлстону исследовать Цитадель на предмет указаний на ее возможное использование в качестве огромного календарного комплекса, построенного на основе чисел 13 и 52, Харлстон понял, что четыре храма одинаковых размеров на северной, южной и западной платформах Цитадели плюс еще один, странно расположенный в ее внутреннем дворе, все вместе составляли число 13. У всех этих храмов было по тринадцать ступеней на каждой из четырех сторон, что в итоге давало число 52 — такую продолжительность имел у ацтеков век. Харлстон заметил, что расстояние между центрами храмов на западной стороне, измеренное в его единицах, составляло 3 раза по 52, или 156.

Это привело его к гипотезе, что строители Теотиуакана могли проводить церемонии в различных храмах, специально спланированных и расположенных так, чтобы заключать в себе математику их календаря.

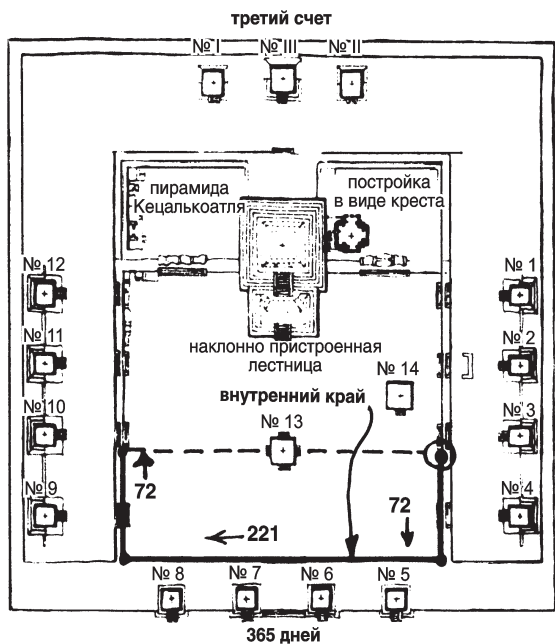
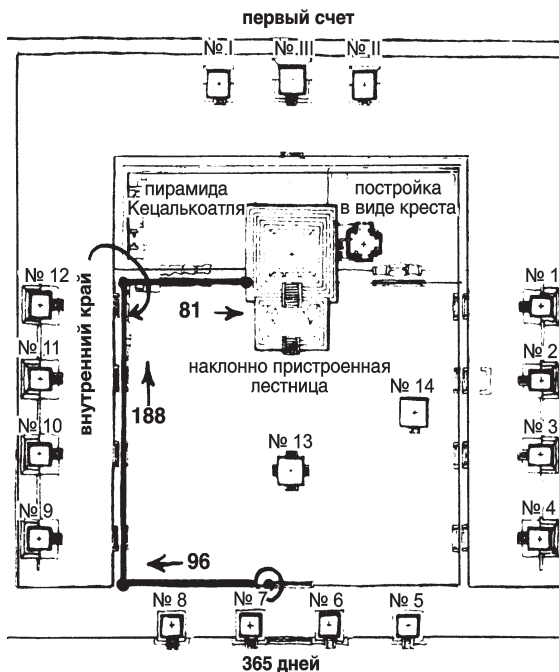
Он полагал, что если жители Теотиуакана добавляли к своему календарю 1 день каждые 4 года, повторяя это тринадцать раз за 52-летний цикл (возможно, они использовали четыре стороны своих тринадцати храмов для ежегодной церемонии), а затем добавляли еще один день в конце трех 52-летних циклов (возможно, они использовали три больших храма на восточной стороне Цитадели для празднования этого 156-летнего цикла), то их календарные церемониалы вполне могли охватывать пять поколений людей, чтобы получить календарь гораздо более точный, чем григорианский, правильный до $\frac{9}{10}$ секунды в год. Ему не требовалась бы дальнейшая коррекция на протяжении еще 97 500 лет.

Для этого жителям Теотиуакана пришлось бы, конечно, использовать звездный год, наблюдая за тем, когда какая-либо звезда вновь появится в том же положении на небе по прошествии 365,2564 дня. С такой долей суток, чуть более четверти, или 0,25, им в конце концов пришлось бы добавить еще целые сутки сверх «скачка» лет, чтобы сохранить правильность своего календаря. Чтобы быть точным, это должно было происходить один раз каждые 156 лет.

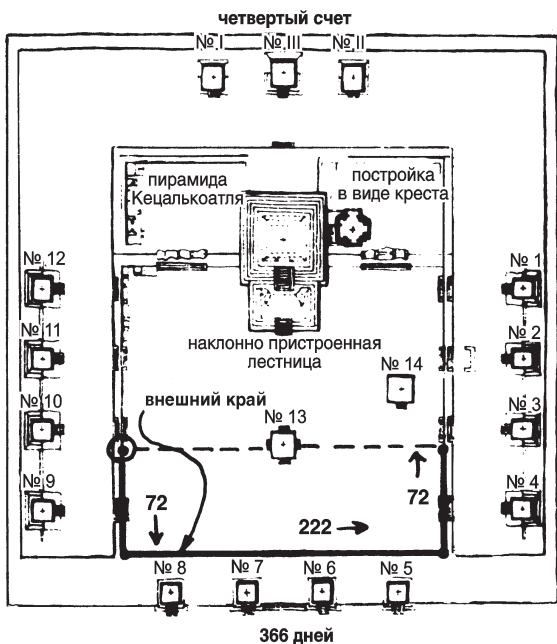
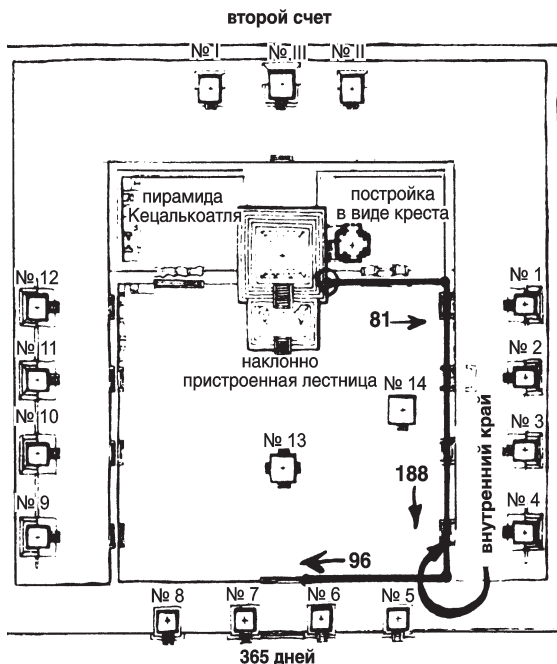
Подстегиваемый результатами своей гипотетической реконструкции, Харлстон стал искать, нет ли в Цитадели других измерений, ко-

торые указывали бы на календарную систему. Начав от входа и двигаясь по часовой стрелке вокруг периметра внутреннего двора, Харлстон с удивлением получил три подсчета по 365 единиц и один подсчет из 366 единиц — явные указания на годичный цикл. Всего получилось 1461 день или 1461 единица, и это совпадает с египетским циклом, связанным с Сириусом.

Уже в 1962 году похожая идея была выдвинута Джорджем Кублером, автором произведения «Искусство и архитектура древней Америки», который предположил, что Цитадель «вероятно, использовали для проведения ритуалов, связанных с календарными циклами». Кублера поразило то, что три группы из четырех возвышений вокруг площади Цитадели, добавленные к пирамиде Кецалькоатля, составляли тринадцать ритуальных точек, которые могли быть использованы для проведения церемоний, деля календарный цикл из пя-

Четырехлетний календарный счет Харлстона

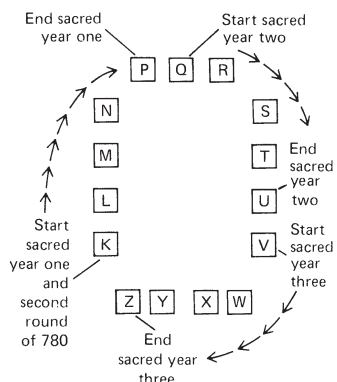
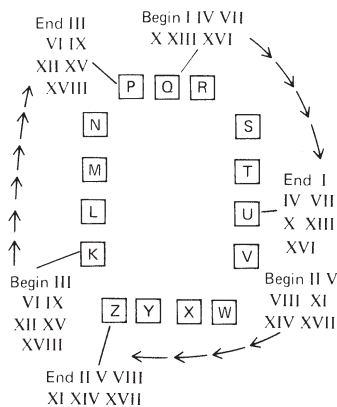

тидесяти двух лет на четыре части по тринадцать лет в каждой.

Идею Кублера поддержал и развил Дэвид Р. Дракер в своей докторской диссертации для Рочестерского университета. Дракер, который работал в Цитадели в качестве помощника Мийона, предположил, что жители Теотиуакана, хорошо знакомые с техникой счета дней у майя в связанных между собой календарях из 260, 360 и 365 дней, могли использовать следующие одну за другой возвышенности в Цитадели для празднования постоянно развертывающегося счета дней для каждого из этих циклов и синодическое возвращение Венеры через 584 дня.

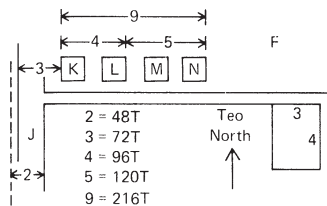
Если, по словам Дракера, каждый венерианский год праздновался на каждой следующей от стоящей справа платформе в направлении против часовой стрелки, после 104 календарных лет из 365 дней каждый (равных 146 священным годам) на пирамиде Кецалькоатля про-

Календарный счет Дракера в Цитадели.

Дракер взял платформу Q за отправную точку, потому что она была самой большой, и стал двигаться дальше по часовой стрелке, считая по двадцать. Он предполагает, что каждые 52 года на пирамиде Кецалькоатля проходила церемония, а на каждом кургане, возможно, стоял храм с каким-нибудь флагом или эмблемой на крыше, что символизировало его роль. Дракер считает, что такая система была бы совершенной для отчисления 360 дней, или *тип*, так как последний день заканчивался на главной пирамиде, и там же все начиналось с начала

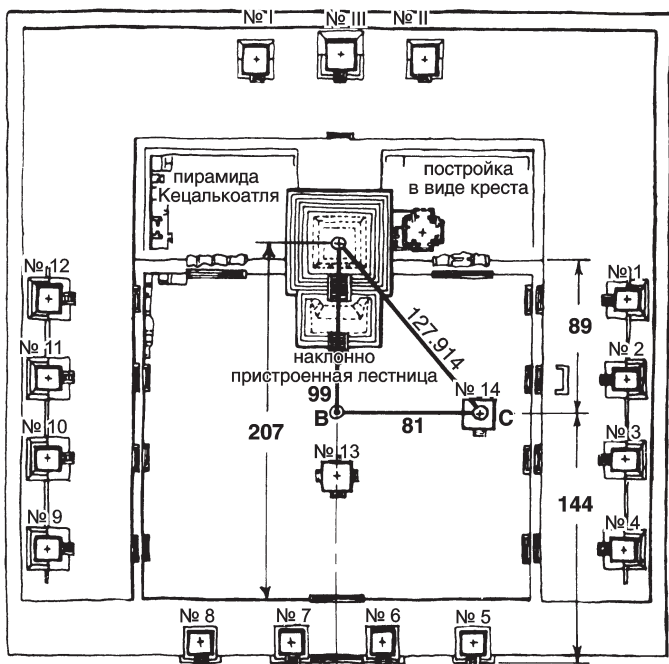
Отношения между четырьмя квадратными возвышениями на F J и территорией дворца выражены как простые целые числа

исходило соединение неопределенных и венерианских лет. Там проходила церемония, которую можно было увидеть с площади.

Более того, Дракер считает, что жители Теотиуакана распланировали весь свой город, основываясь на календарной системе, которая, вероятнее всего, досталась им в наследство от ольмеков. Дракер обращает внимание на то, что в начале и конце 105-дневного промежутка времени после дня, когда Солнце стояло в зените, Солнце садилось перпендикулярно дороге Мертвых на широте Теотиуакана 19°42'.

Харлстон заключил, что, возможно, стоит исследовать возможность того, что и другие геодезические, астрономические или физические данные могут быть отражены в реальной геометрии построек Цитадели. Например, не было ли там треугольников, стороны которых содержат информацию, намеренно закодированную строителями.

Чтобы исключить элемент иррациональности и случайности при использовании любого желаемого размера для подгонки ответов, Харлстон в своих поисках установил некоторые простые ограничения. Любые используемые линии должны были падать на целые числа, определенные границами маркеров

В Цитадели Харлстон нашел пропорцию, выражающую величину ϕ , начав от центра пирамиды Кецалькоатля. $207 / 127,9 = 1,618 = \phi$ и $144 / 89 = 1,618$. Как и во многих постройках Античности и эпохи Возрождения, эти отношения, выражающие ϕ , удовлетворяют эстетически и объясняют чрезвычайно изящный вид Цитадели.

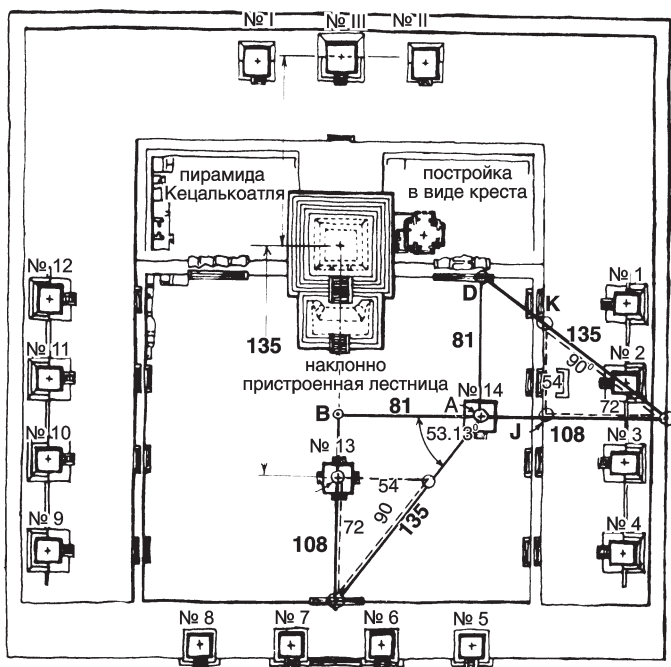
Константа, известная древним и обозначавшаяся греческой буквой ϕ , является пропорцией, называемой «золотое сечение». Было обнаружено, что в природе она связана с расходящимися витками спирали морских раковин и других организмов. Математическим путем это число получается двумя способами: в качестве предела ряда числовых делений под названием «последовательность Фибоначчи» (по имени итальянского математика) или просто путем извлечения квадратного корня из 5, прибавления к нему 1 и деления этой суммы на два:

$$\phi = \frac{\sqrt{5} + 1}{2} = \frac{2,236068 + 1}{2} = \frac{3,236068}{2} = 1,6180339885\dots$$

Это число обычно сокращают до 1,618 или просто — 1,62

в Цитадели, таких как стены, края платформ, центры платформ, центры пирамид, края лестниц и т. д. Треугольники должны быть прямоугольными и располагаться с севера на юг или с востока на запад.

В рамках этих параметров Харлстон вскоре нашел два десятка прямоугольных треугольников Пифагора, и ему стало ясно, что проектировщики с исключительной точностью знали не только величину π , но и ϕ и ϕ в квадрате — числа, которые имеют математически аб-

В Цитадели Харлстон обнаружил несколько пифагоровых треугольников с соотношением сторон 3 : 4 : 5

страктные взаимосвязи и оказываются базовыми для устройства вселенной.

В случае с *ти* Харлстон обнаружил девять интегральных треугольников, все стороны которых заключали в себе главные параметры Цитадели, такие как 189, 222, 246, 147, 165 и 216 единиц.

Удивительно, но треугольник со сторонами 216 и 165 единиц имел гипотенузу, равную 271,810596 единицы, сильно приближавшуюся к величине константы e , натуральному логарифмическому основанию 2,718281828 для гиперболических логарифмов. Другие двенадцать треугольников дали e с исключительной точностью.

Харлстон обнаружил, что вероятность того, что множественные повторения таких чисел являются совершенно случайными, приближается к нулю по мере того, как число повторений увеличивается.

Когда Харлстон увидел, что сообщение, которое несет в себе Цитадель, может содержать такие «современные понятия», как величина логарифмической гиперболической функции, он задал себе вопрос, нет ли в ней также треугольников, которые дали бы величину другой базовой (Эйнштейна) константы, скорости света, которая должна была

Треугольник в Цитадели, в котором заключены величины π и ϕ

Треугольник в Цитадели, в котором заключены величины e и ϕ

бы быть выражена в одной миллионной своей величины, а именно числом 299,7925.

Харлстон обнаружил, что треугольник со сторонами 144 и 262 единицы (то есть 12 в квадрате и 100 ϕ в квадрате) дал величину скорости света с точностью до 1,0028, а другой со сторонами 162 и 252 — дал диагональ с точностью 99,93%.

Для Харлстона коррелятивная информация, почерпнутая из треугольников, определенная схемой стен Цитадели, ее платформами и другими разграничивающими постройками, обладала такой сложностью и точностью, что он мог сравнить ее только со считыванием компьютерной программы.

По словам Харлстона, здесь была модель, чьи пространственные очертания предоставляли точные универсальные математические и другие константы при минимуме общих точек. Это выглядело так, как будто четырехмерный усовершенствованный компьютер снабдили перфокартами, чтобы он показал идеальную архитектурную модель, которая объединила бы в себе основные универсальные константы, геодезическую, атомную, астрофизическую и другую космическую информацию в минимальном количестве структур, которые должны были соответствовать прямоугольным декартовым координатам на модели Земли в оптимальном масштабе.

Так как вероятность того, что проектировщики и строители Теоуакана намеренно спланировали строительство таких треугольников, чтобы они объединяли в себе величины π , ϕ , e и скорости света, казалась расплывчатой, то появился более приемлемый вывод. Проектировщики, возможно, действовали с какого-то более высокого разумного уровня, имея преимущество обладания большей космической и поэтому более простой математикой, посредством которой они могли интуитивно почувствовать действующие отношения, которые автоматически включали бы в себя основные константы нашей трехмер-

ной математики. А мы, подобно слепому, ощупывающему слона, можем описывать ее только при помощи декартовых координат.

Возможно, этот комплекс пирамид был намеком, предназначенным для последующих поколений, чтобы они расширяли границы своего разума для более ясного понимания космоса и связи человека с вселенной.

Глава 19

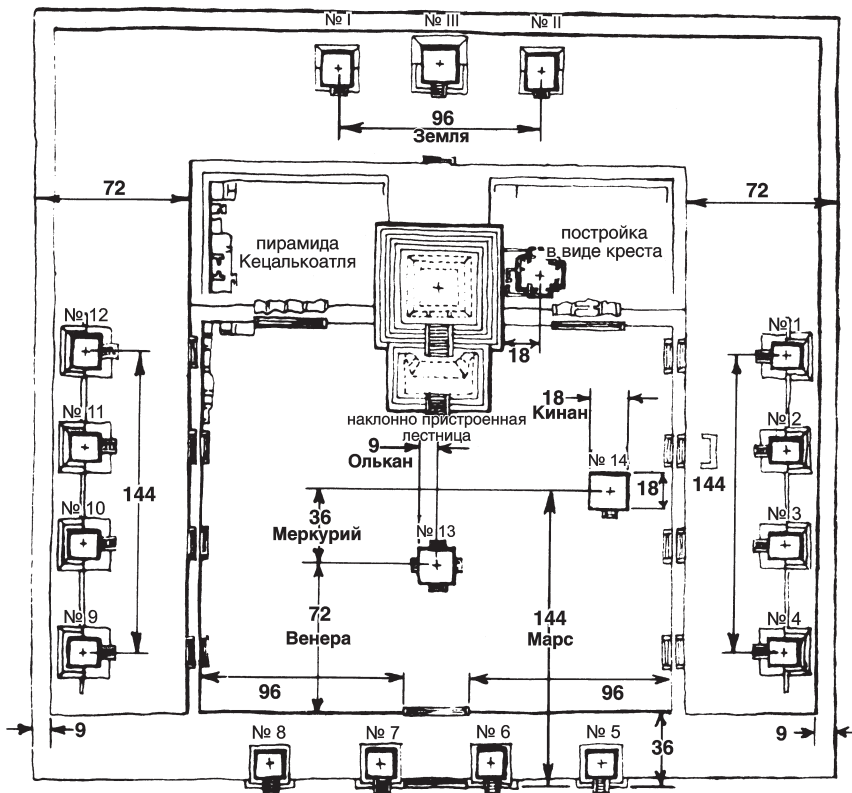
КОСМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Подобно собаке, грызущей кость, Харлстон продолжал терзать длину хунаба и рычать на зубоскалов. Если пирамида Солнца служила своим проектировщикам в качестве геодезических часов, а Цитадель — в качестве гигантского календаря и хранилища данных, связанных с треугольниками, то какова, спрашивал себя Харлстон, была функция огромной, шедшей с севера на юг оси Теотиуакана, неверно названной дорогой Мертвых? По мере того как он продолжал свою исследовательскую работу, Харлстон начал видеть признаки того, что она могла служить огромным планетарием, масштабной моделью нашей Солнечной системы.

Если одна сторона основания пирамиды Кецалькоатля, равная 60 единицам, использовалась жителями Теотиуакана в качестве изображения радиуса Земли, то радиус Солнца должен быть соразмерен 6500 единицам, а диаметр — 13 тысячам единиц. В поисках такого разграничителя Харлстон увидел, что это было приблизительно расстояние от края до края долины Теотиуакана.

Зарывшись в бумаги и собирая пыль в архивах Мексиканского института антропологии, Харлстон наткнулся на какой-то старый документ, считавшийся совершенно устаревшим и представляющим исключительно академический интерес. Некоторая часть этого документа по-прежнему имела вид изображавших дорогу Мертвых карандашных набросков на расчерченной на квадраты бумаге.

В процессе анализа этого документа Харлстон увидел, что длины между стенами по отношению к центральной линии пирамиды Солнца давали интегральные пропорции, схожие с величинами, уже проявившимися в Цитадели и пирамидах Солнца и Луны: это были длины, равные 108, 144, 135 и 324 единицам. Уже Мийон обнаружил, что улицы, протянувшиеся с севера на юг, располагались через равные интервалы, причем определенные постройки размещались на них через неизменные промежутки не только вдоль дороги Мертвых, но и вдоль ее продолжения к северу от пирамиды Луны. Он предположил, что нулевая отметка церемониальной зоны и приблизительный географиче-

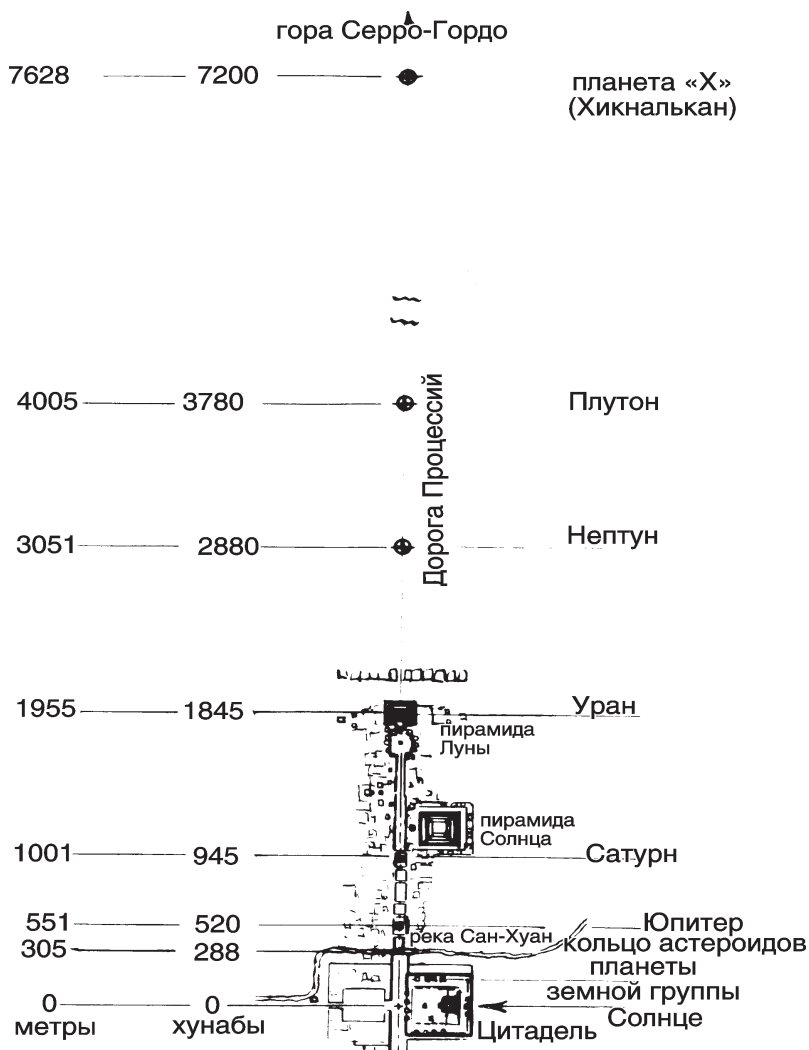

Орбиты планет земной группы.

От центра Цитадели до края платформы № 13 Харлстон намерил расстояние, равное 9 хунабам. Затем он понял, что расстояния от Солнца до планет земной группы соответствуют расстояниям от различных стен до центров платформ и дают величины, равные 9, 18, 36, 72, 96 и 144 единицам, что соответствует орбитам Меркурия, Венеры, Земли, Марса плюс две дополнительные, возможно, существовавшие планеты, расположенные к Солнцу ближе, чем Меркурий. Эти планеты Харлстон назвал Олькан и Кинан, что означает «Разум Солнца» и «Душа Солнца»

ский центр древнего города находились на пересечении центральной линии Цитадели с осью, или дорогой Процессий.

Взяв эту точку за центр масштабной модели Солнечной системы, Харлстон смог найти маркеры вдоль оси Процессий, которые дали ему величины, связанные с орбитами различных планет. Если за отправную точку взять центральную линию пирамиды Кецалькоатля в Цитадели и произвольно приписать земной орбите величину, равную 96 хунабам, то планетам Меркурию, Венере и Марсу выпадают правильные величины их орбит: 36, 72 и 144 единицы.

Орбиты планет юпитерианской группы.

Ведя отсчет от центра пирамиды Кецалькоатля, символизирующей Солнце, и двигаясь в северном направлении по дороге Процессий, Харлстон обнаружил, что все известные планеты плюс еще одна потенциальная планета попадают на определенные отметки, симметрично расположенные в порядке, который оказался бинарной прогрессией, начинавшейся с 9, то есть: 9, 18, 36, 72, 144, 288. Это иллюстрируется реальными расстояниями до орбит Меркурия, Венеры, Марса и кольца астероидов (9×4 ; 9×8 ; 9×16 и 9×32 единицы, в то время как земной орбите дается величина, равная 96 единицам, а это число явно отражено в Цитадели). Именно здесь Харлстон пришел к заключению, что более ранние указания на числа, кратные 9, появившиеся на всей территории церемониальной зоны, могли быть преднамеренными

Отправившись из этой же точки в северном направлении по дороге Мертвых, Харлстон обнаружил, что русло реки Сан-Хуан, которое, очевидно, было отведено в сторону от своего первоначального направления жителями древнего Теотиуакана, так что река стала протекать под дорогой Процессий параллельно Цитадели, дало величину, равную среднему максимуму орбиты астероидов, или 288 хунабам, или удвоенной орбите Марса. Это был только неясный намек. Но еще дальше, у отметки 520 хунабов, остатки пирамиды были соразмерны длине орбиты Юпитера. Эта величина на 3% отличалась от идеальной орбиты.

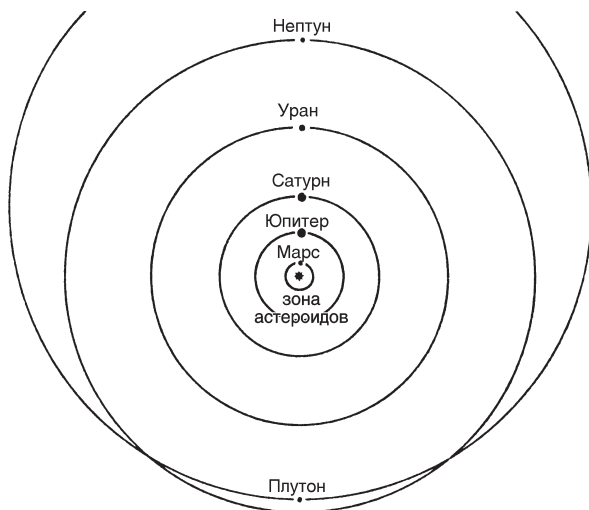
Взволнованный, но все еще полный сомнений, Харлстон прошел по дороге Мертвых со стальной рулеткой. На расстоянии 1000 м, или 945 хунабов, к северу от центральной линии Цитадели находится место, где когда-то было возвышение, в настоящее время исчезнувшее. Во время восстановительных работ, проводившихся между 1962 и 1964 годами, эта часть дороги Мертвых была заасфальтирована, чтобы по ней могли ездить перевозившие туристов вагончики на колесах с резиновыми шинами. Согласно расчетам Харлстона, это место могло отмечать среднюю длину орбиты Сатурна, которая в настоящее время составляет 9,55 астрономической единицы, что приблизительно на 2% больше, чем идеальная орбита планеты.

Затем настала очередь центра пирамиды Луны, которая соответствовала 19,2 астрономической единицы или практически точной удаленности орбиты планеты Уран.

Окрыленный тем, что он считал необыкновенной согласованностью этих маркеров на дороге Процессий, Харлстон обошел пирамиду Луны сзади и взобрался на склон горы Серро-Гордо, чтобы посмотреть сверху, что еще можно обнаружить. На расстоянии 2880 и 3780 хунабов от Цитадели он наткнулся на два типично храмовых кургана, еще не восстановленные Мексиканским институтом антропологии и истории. Первый курган был отметкой правильной удаленности от Солнца орбиты Нептуна, равной 30 астрономическим единицам (точная цифра 30,06 а. е.). Нептун был открыт в 1846 году. Второй курган служил отметкой удаленности Плутона, равной 39 (точное значение 39,4 а. е.) астрономическим единицам. Плутон был открыт в 1930 году. Поднявшись по склону Серро-Гордо еще выше, на расстоянии 7200 хунабов к северу от центральной линии пирамиды Луны Харлстон обнаружил остатки древнего храма, известного местным жителям как храм Шочитли (или «Цветок»). Его остатки были едва заметны, потому что охотники за сокровищами сбросили большую часть постройки в овраг, чтобы замаскировать следы своего пребывания.

Исходя из предыдущих данных, полученных в Теотиуакане, Харлстон теоретически предсказал характеристики находящейся в этом

Исходя из предположения, что закон углового момента действителен для всей известной нам вселенной, советский ученый О.Ю. Шмидт, именем которого был назван Институт геофизики в Москве, сформулировал теорию гармонии расстояний между планетами, согласно которой квадратный корень расстояний от планет до Солнца увеличивается от планеты к планете на постоянную величину. Теория Шмидта в настоящее время доказана не только для планет нашей Солнечной системы, но также и для спутников больших планет.

В 1963 году Ллойд Мотц, который в то время был адъюнкт-профессором астрономии в Колумбийском университете, сформулировал следующую точку зрения: планетарные системы должны появляться и развиваться вокруг звезд данного типа так же единообразно, как образуются кристаллы соли, независимо от того, появились ли они на Земле, Марсе или планете, расположенной на расстоянии в несколько миллионов световых лет.

В недалеком прошлом, в XVIII веке, были известны (помимо, естественно, Земли) только пять планет: Меркурий, Марс, Венера, Юпитер и Сатурн. Но еще в начале XVII века, когда Иоганн Кеплер открыл, что орбиты планет имеют скорее эллиптическую форму, нежели форму правильной окружности, и что даже эти эллипсы неправильные, эти отклонения были отнесены на счет какой-то еще неоткрытой планеты (или планет).

В середине XVIII века астролог Иоганн Давид Тициус Виттенбергский заметил глубинную численную связь между удаленностью орбит планет нашей Солнечной системы. Его открытие, которое сделал достоянием гласности немецкий астроном Иоганн Элерт Боуд в следующем, XIX веке, стало известно как закон Боуда. Он выводит среднюю величину удаленности орбит планет путем умножения последовательности чисел на 3 и прибавления к каждому результату 4,

месте неизвестной планеты «х», расположенной от Солнца на расстоянии почти вдвое большем, чем Плутон. Назвав ее Шикналькан (на языке майя «Летающий Змей»), Харлстон приписал ей среднее расстояние до Солнца, равное 11 212 800 километрам, или 75 астрономическим единицам, диаметр приблизительно в три раза больший

получая числа 4, 7, 10, 16, 28, 52, 100, 196, 388, которые приблизительно соответствуют положениям планет.

Недавние уточнения, внесенные такими учеными, как Альфред Шлеммер и Чарльз Мьюзес, показывают, что работает более сложный закон.

В 1781 году Уильям Гершель, королевский астроном Гринвичской обсерватории, понял: то, что считали звездой, было на самом деле планетой. Планета, названная сначала его именем, позднее получила название Уран.

В сентябре 1845 года англичанин Джон Адамс вычислил, где следует искать вторую новую планету, и послал результаты в Гринвич, но директор обсерватории рассмотрел его работу только через 9 месяцев. Параллельно работал француз Урбан Леверье, который пришел к такому же заключению, проведя независимые вычисления, о чем сообщил 18 сентября 1846 года в Берлинскую обсерваторию. И планета Нептун была открыта в первый же вечер после получения письма, в ночь осеннего равноденствия 23 сентября 1846 года астрономом И. Галле.

В 1930 году в обсерватории, построенной в Флагстаффе, Аризона, богатым жителем Бостона Персивалем Лоуэллом, астроном Клайд Томбоу получил снимок новой планеты, которая оказалась Плутоном. Эта планета имела такую необычную орбиту, что в 1976 году она приблизилась к Солнцу ближе, чем Нептун. Из-за того что такое доказательство указывает на глобальную систему, охватывающую все от макро- до микрокосмоса, оккультисты основывали свои системы счисления на периодах обращения планет, которые напрямую зависят от их удаленности от Солнца. Тот факт, что 12 земных лет равны одному году Сатурна, приводит оккультистов к выводу, что 12, умноженное на 30, или число 260, должно иметь большое значение в этой системе

диаметра Земли, или 37 000 километров, и угол наклона к плоскости эклиптики 4,74 градуса (для сравнения — у Плутона $17^{\circ}7'$).

В оккультной литературе, конечно, часто встречаются упоминания о неоткрытых планетах в ледяных просторах космоса за Плутоном. А российский (отец грек, мать армянка) философ и мистик Георгий

Иванович Гурджиев (1877—1949) утверждал, что на нас оказывают влияние две такие неоткрытые планеты, находящиеся от Солнца дальше Плутона.

Физики, философы и медиумы — все они приводили в качестве доказательств данные о возможности существования планет, расположенных по отношению к Солнцу ближе Меркурия и дальше Плутона, которые еще официально не открыты. Несколько ведущих астрономов, включая Дж.Дж. Си, У. Пека, Т. Гугрилла и Дж. Форбса, предсказали существование планет с меняющимися периодами обращения. Но то предполагаемое место, которое они занимают, согласно академической мысли, не соответствует их дислокации по Харлстону. Доктор Уильям Х. Пикеринг, работавший в своей частной обсерватории на Ямайке в 30-х годах XX века, теоретически допустил — основываясь на всестороннем изучении пертурбаций Урана и Нептуна и периодических комет — существование еще двух планет, расположенных от Солнца дальше Плутона, и предсказал, что у первой из них, которую он назвал «S», будет сидерический период обращения (т. е. полный оборот вокруг Солнца) 333—336 лет при среднем расстоянии ее орбиты до Солнца 48,04 астрономической единицы), или половина расстояния Харлстона).

Цифры Пикеринга превосходно согласуются с цифрами, полученными доктором Чарльзом Мьюзесом, математиком, физиком и кибернетиком, который расположил такую планету — он предложил назвать ее Пан — в 48,4 астрономической единицы от Солнца с периодом обращения 342 года.

Другой математик, Джозеф Л. Брейди из Ливермора, Калифорния, пытаясь объяснить основные ненормальности в орбите кометы Галлея, предположил существование планеты, расположенной ближе к месту, указанному Харлстоном. Она двигалась бы по орбите в обратном направлении с периодом обращения 512 лет; ее масса в 300 раз превышала бы массу Земли, а угол наклона к эклиптике составлял бы 60 градусов.

Внутри границ Цитадели, где, по мнению Харлстона, размеры объектов могут указывать на орбиты планет земной группы: Меркурия, Марса и Венеры, система размеров может указывать на существование еще двух планет, расположенных к Солнцу ближе, чем Меркурий. Им он дал названия Олькан и Кинан, что означает «Разум Солнца» и «Душа Солнца».

Джеффри Ходсон, медиум-теософ, используя, как он называет, «эфирное зрение», сумел определить местонахождение планеты, расположенной к Солнцу ближе Меркурия, существование которой под названием Вулкан теоретически допускал астроном Леверье, который успешно предсказал открытие Нептуна. Используя данные Ходсона и

Леверье, другой астроном, Джордж Сатклифф, смог определить период обращения Вулкана. Если верить Сатклиффу, Вулкан можно увидеть только в очень редких случаях прохождения его через меридиан в виде маленького черного диска на поверхности Солнца, потому что он излучает и отражает только сильное инфракрасное излучение.

В анализе доктора Мьюзеса есть место как раз для одной такой планеты, орбита которой проходит между Меркурием и Солнцем с периодом обращения, равным 42,9 дня, но в отношении Вулкана проводилось мало систематических исследований из-за сложностей наблюдения вследствие его близости к Солнцу.

Затем от Альфреда Шлеммера поступили данные, поразительно подтверждающие обоснованность цифр Харлстона, который на протяжении ряда лет анализировал повторения крупномасштабных землетрясений по всему земному шару, ведя записи о том, где они имели место и насколько сильными они были. Из этих накопленных данных Шлеммер, к своему глубокому удовлетворению, установил, что торнадо и землетрясения повторяются циклически в пределах широкой полосы, опоясывающей земной шар. Эти циклы, по его словам, обусловлены влиянием, оказываемым на Землю некоторыми движениями других небесных тел нашей Солнечной системы. Эти движения называются торсионными из-за скручивающего эффекта, которому подвергается Земля, когда она вращается вокруг своей оси и обращается вокруг Солнца. Когда Луна, например, находится в перигее (самое близкое расположение к Земле) каждые $27\frac{1}{3}$ дня, ее влияние на Землю усиливается на 6%. Постоянно меняющиеся схемы движения планеты, как и меняющееся гравитационное поле Солнца, вызывают большие возмущения в земной коре, и все это становится причиной землетрясений (одной из причин. — *Ред.*).

Желая проверить, не имеет ли периодичность землетрясений отношения к длине вращательного пути Земли вокруг своей оси, Шлеммер предложил список из тридцати восьми чисел, которые оказались константами. Поделив 365,242189 дня на 1440 (количество минут в сутках), Шлеммер получил число 0,2536404097, посредством которого он смог точно экстраполировать расстояния от Солнца до орбит планет. Он также сумел предсказать теоретическое существование шести дополнительных планетарных оболочек между Меркурием и Солнцем, которые могут или не могут быть заняты сгущениями материи под названием «планеты» или просто вращающимися полями, причем первые три либо имеют неконденсированную структуру, либо сгорели.

К удивлению Харлстона и Шлеммера, девятнадцать из констант Шлеммера совпали с цифрами, полученными Харлстоном вдоль дороги Процессий в Теотиуакане. Они сочли это настолько поразитель-

На рисунке Харлстона изображено его и Шлеммера авангардистское представление, почерпнутое из ацтекского мифа о планете «с содранной кожей», близнице Марса, под названием Кецалькоатль или Шумер. Считается, что люди из космоса намеренно «счистили ее поверхность, как кожуру апельсина» и поместили ее в океаны Земли, где она приняла форму современных континентов, оставив от планеты лишь бесплодную сердцевину.

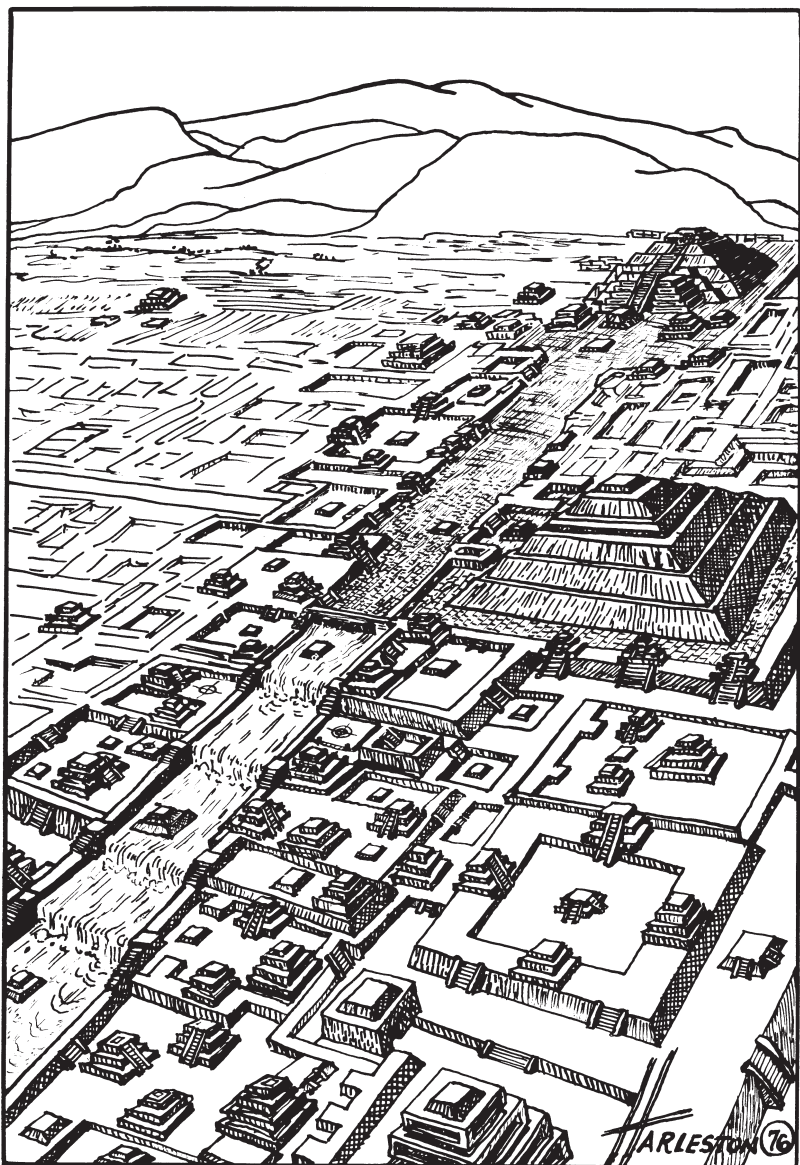
Согласно этому толкованию, близнец поврежденной планеты Шине Шолотль, Красный восточный Бог с содранной кожей, или Марс, удалился на новую орбиту на среднее расстояние 228 миллионов (от 206 миллионов до 249 миллионов) километров от Солнца. Его поверхность покрылась кратерами, которые стали доказательствами небесной бомбардировки, что подтвердили космические научно-исследовательские станции в 1976 году.

В этой небесной драме (по Велихову) Венера, бывший близнец Земли, попала на почти круглую орбиту, на симметрично расположенную позицию в 108 миллионах километров (в среднем) от Солнца, что составляет три четверти расстояния от Солнца до ее сестры Земли. Если верить Харлстону, то «стрела», которую, по словам ацтеков, выпустила Венера, возвратилась к ней в виде гравитационного поля, и она отскочила к Солнцу, прекратила свое вращение по часовой стрелке и начала вращаться в обратном направлении. Впоследствии Венера стала мертвой планетой, а ее раскаленная атмосфера начала медленно остывать и дошла до температуры, при которой, однако, кипит масло (около 750°K , т. е. до 477°C).

В этой легенде Земля, планета с железным «сердцем» (ядром), была не такой легкомысленной, как Кецалькоатль, полая луна, появлявшаяся с запада (ее орбита находилась дальше от Солнца), так что теперь она отклонилась от своего полета по круговой орбите только на 6%. Согласно легенде, восстановленной Шлеммером, скорость вращения Земли, вероятно, изменилась вместе с углом наклона земной оси, что вызвало климатические изменения, широкомащтабные землетрясения по всей планете, метеоритные дожди, наводнения и общее опустошение, которые остались запечатленными в подсознании тех, кто все это пережил.

ным — как и любой читатель «Корней совпадений» Артура Кёстлера, — что сделали вывод о том, что они, пожалуй, недооценили научные способности жителей Теотиуакана и всеохватывающий размах демонстрации их математических достижений. Им казалось, что константа, найденная в Теотиуакане и равная 1,059, может обеспечить коэффициент при вычислении расстояния от Солнца до орбиты планеты, а ϕ или 1,618, может быть коэффициентом времени, причем оба они заключены в законы небесной механики.

Если бы повторяющиеся орбитальные данные могли быть подтверждены дальнейшими исследованиями космоса, то, как считал Харлстон, за пределами орбиты планеты «X» может существовать не одна, а еще две планеты. Первая, планета «У», тогда находилась бы на расстоянии 100 астрономических единиц от Солнца, а ее орбита имела бы угол наклона 2,09 градуса по отношению к эклиптике. А планета «Z» находилась бы на расстоянии 150 астрономических единиц, или 22,5 миллиарда километров от Солнца, а угол наклона составлял бы 0,44 градуса.

Воображаемая реконструкция Харлстона, показывающая, как потоки воды могли каскадами переливаться из одного водоема в другой вниз по дороге Мертвых, питаясь источниками с горы Серро-Гордо. Когда их перекрывали снизу шлюзами и использовали в качестве отражающих водоемов, то тогда, по мнению Харлстона и Шлеммера, стоящие волны, порожденные в водоемах разного размера далекими землетрясениями, могли служить жителям Теотиуакана чем-то вроде сейсмографа

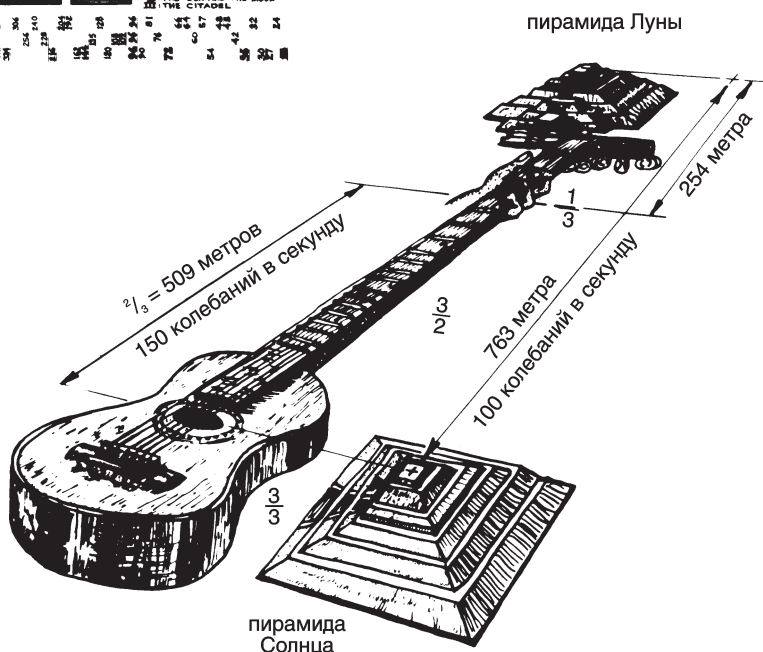

Дальнейший ключ к разгадке возможного расположения дороги Мертвых пришел к Шлеммеру, когда он наблюдал за чашей с маслом, стоявшей на тягаче. Стоячие волны очень специфической формы в чаше порождались поступательным ходом тягача, на результат которого накладывались разной силы колебания в вертикальной плоскости (неровная дорога).

Шлеммер решил, что если землетрясение в одной части нашего вращающегося земного шара может вызывать образование стоячих волн на жидкой поверхности на другой стороне планеты, то несколько перегороженных уровней дороги Процессий, чьи длины совпадали с его торсионными константами, могли использоваться в качестве отражающих водоемов, каскадами спускающихся от подножия пирамиды Луны к пространству перед Цитаделью, подобно водоемам королевского дворца Касерта под Неаполем. Гармонично спланированные, эти водоемы давали возможность жителям Теотиуакана считывать со стоячих волн, образующихся на них, информацию о местонахождении и силе землетрясений по всему земному шару и предсказывать их в своих собственных краях. Затем Харлстон подумал, что в то время, когда землетрясения оказываются более частыми и более опустошительными, знание характеристик резонансных колебаний могло дать возможность жителям Теотиуакана использовать несколько водоемов в качестве сейсмических мониторов дальнего действия. Это также могло быть указанием на то, что существующая в настоящее время любовь к проектированию зеркальных прудов, как и к возведению обелисков, может быть просто непонятым наследием древней науки. Безусловно, ряд зеркальных прудов с возвышающейся на заднем плане пирамидой Луны был бы таким же впечатляющим зрелищем, как и Тадж-Махал. И в поддержку теории Шлеммера говорит то, что у подножия каждой из разделительных стен вдоль дороги Процессий до сих пор видны шлюзы.

Подгоняемый тщеславием, Харлстон не мог больше сдерживаться. Внезапно он увидел, что план Теотиуакана содержит возможные ключи не только к орбитам планет и земным сотрясениям, но и к гораздо большему объему закрытой информации. Харлстону пришло в голову, что дорога Мертвых, если на нее посмотреть с высоты птичьего полета и нанести на карту, как это сделал Акоста, могла показаться огромной гитарой, ладами которой были стены зеркальных прудов Шлеммера. Могли ли жители Теотиуакана, спрашивал себя Харлстон, включить в план огромной дороги Процессий музыкальную гамму, состоящую из семи нот? В поисках «музыкальных связей» с расстоянием между стенами-«ладями» Харлстон произвольно взял в качестве ноты си отметку, которую он нашел и которая соотносилась с расстоянием от Солнца до орбиты Меркурия. Таким же образом на октаву ниже шла Венера, а

По словам Харлстона, длины элементов конструкции в Теотиуакане можно сравнить с музыкальными октавами. Если бы расстояние с севера на юг между пирамидами Солнца и Луны представляло собой огромную гитарную струну длиной 763 м, можно было бы себе представить ее звук как основной музыкальный тон, производимый вибрацией, подобно контрабасу, или как самую низкую ноту на фортепиано. Харлстон произвольно называет этот звук С (или до). Чтобы воспроизвести звук G (или соль), гитаристу нужно зажать пальцем одну треть струны на расстоянии 254 м от пирамиды Луны и дать оставшимся двум третям возможность свободно колебаться. Струна будет колебаться в полтора раза быстрее, чем до этого.

Харлстон обнаружил, что три «аккорда» частично перекрывают друг друга на одной длине волны, равной 96 единицам, которые он называет относительным расстоянием орбиты Земли до Солнца в планетарии Теотиуакана. Орбитальная пропорция Меркурия тогда стала бы, по его схеме, нотой В (или си), одной октавой ниже расположилась бы Венера, а двумя октавами ниже — Марс. Когда соразмерные «ноты», соответствующие ступеням, стенам и зданиям на дороге Процессий, Цитадели и пирамидам Солнца и Луны, были преобразованы в «аккорды» и переложены на бумагу, появились три больших аккорда, которые, к изумлению Харлстона, совпали с начальными тактами «Так говорил Заратустра» Рихарда Штрауса, которые использовал Стэнли Кубрик в качестве фона в начале своего кинофильма «2001»

двумя октавами ниже — Марс. Но расстояние между отметками было не совсем то, по крайней мере, пока он руководствовался частотами нашего «хорошо темперированного клавира», который был разработан Иоганном Себастьяном Бахом и в котором математическая повторяемость слегка подправлена, чтобы радовать слух западных слушателей и для удобства оркестровой аранжировки. Некоторые ноты были на четыре такта ниже, чем математически повторяющиеся величины, представленные измеренными расстояниями в Теотиуакане. Затем Харлстон вспомнил, что, когда он впервые приехал в Мексику в конце 1940-х годов, его привели в дом мексиканского композитора Хулиана Карильо, который сочинял музыку в другой гамме. Ее он называл «13 звуков», потому что математически октава делилась на корень двенадцатой степени из двух — Харлстон считал эту величину константой, найденной в Теотиуакане, — и разбивалась на тринадцать нот (между которыми были равные интервалы или всего двенадцать интервалов), а располагались они на семи белых и пяти черных клавишах. В такой системе каждая частота, умноженная на 1,059, давала следующий полутон, который, в свою очередь, будучи умноженным на самого себя, давал следующий полный тон.

Харлстон обнаружил, что музыкальные пропорции Карильо, которые оказывали необычное действие на слушателя и оставляли впечатление какой-то экзотики, сильно приближались к соотношению замеров, сделанных вокруг памятников Теотиуакана.

Мир, безусловно, подчиняется законам математики и гармонии и соотносим с орбитой планеты, делением плода на пять частей, спиральным ростом виноградной лозы или формой сот медоносной пчелы — все выражается в математических терминах: даже строение костей, нервов, мускулов, клеток, молекул и атомов — все оказывается подчиненным математическому закону.

Свет, музыка, цвет и даже периодическая таблица химических элементов (открытая Д. Менделеевым в 1869 г. — *Ред.*) оказываются гармонически связанными. Если бы человеческое ухо было способно различать звуки, производимые химической активностью, мы могли бы воспринимать музыкальную гармонию или, лучше, симфонию во всех формах жизни. В прошлом некоторые члены общества, возможно, обладали такими способностями.

Если верить Майклу Хелеусу, астрологу из Сент-Питерсберга, Флорида, который разработал теорию под названием «астроакустика», реальное движение планет по орбитам вокруг Солнца порождает звуки или создает длину волн, влияющую на человека по-разному в зависимости от того, гармонизируют они или нет с его картой рождения.

Путем воспроизведения волн различной длины, связанных с движением планет по орбитам, и путем усиления этих звуков до такой сте-

Мексиканский композитор Хулиан Карильо. Харлстон считает, что, когда Теотиуакан стал один за другим выдавать свои секреты, он начал ощущать широту взгляда его создателя. «На более низком уровне колебаний три основные аккордные последовательности сливаются на общей ноте, которая символизирует орбиту нашей планеты: 96. В промежуточном диапазоне видимого спектра шесть сбалансированных оттенков света указывают на невидимые колебания за пределами наших обычных оптических возможностей. А за пределами этого слышны звуки нашей спиральной вселенной, являющиеся эволюцией бесконечной звуковой волны, которая становится четырехмерным радиальным космосом и трехмерным расширяющимся временем, тетраэдром и сферой»

пени, что они становятся различимыми на слух, по утверждению Хелеуса, можно по желанию подвергать людей астрологическим воздействиям.

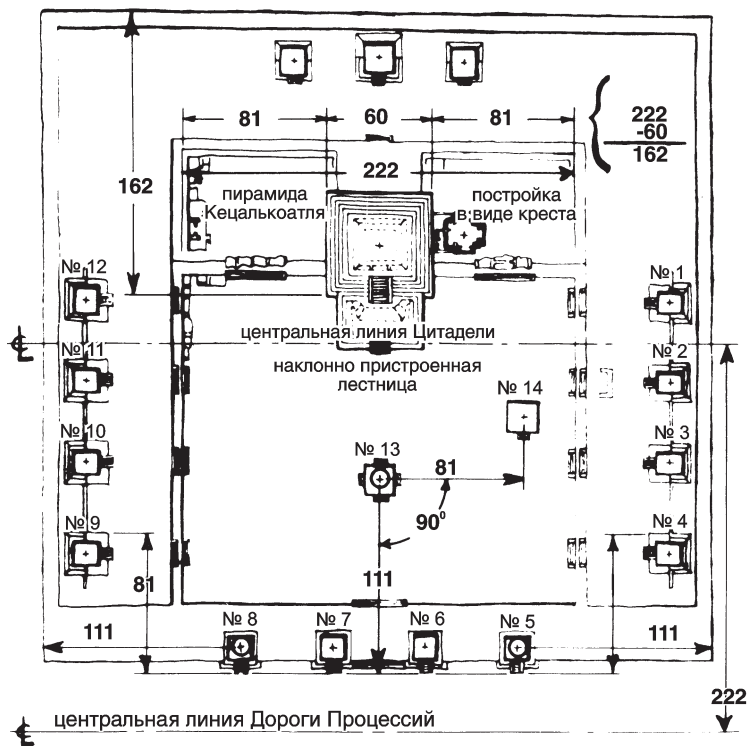
Подобно Орфею, который мог очаровать любого своей лирой, настроенной на движения планет, Хелеус, по его словам, мог вызывать болезненные или приятные ощущения у людей. Уже упоминавшийся Гурджиев также описывает целый диапазон музыкальных воздействий, включая развитие на теле нарывов под воздействием мелодии.

Ссылаясь на стандартный пример, когда от голоса певца вдребезги разбивается стеклянный стакан, потому что на определенной длине волны он поглощает большое количество энергии, Хелеус выдвигает предположение, что предметы, а особенно здания на Земле обладают способностью поглощать и вновь передавать энергию только в том случае, если их пропорции соизмеримы с земными или гармонируют с длинами волн из космоса. Он считает, что ярд, фут и дюйм более созвучны земным и космическим силам, чем не отвечающий этим требованиям метр.

Могут существовать даже длины волн и чувствительные формы, которые вместе вызывают естественный рост и воспроизведение — эти воздействия относят к пропорции *фи* — в противоположность другим длинам волн и формам, которые ограничивают их или затрудняют.

Затем Харлстон увидел в плане Теотиуакана возможный ключ не только к длинам волн окружающего мира, в котором мы живем, состоящего из звуков, тепла, цвета, запаха и осязательных ощущений, но и к длинам световых волн, к микромиру атомов и макромиру галактик.

Было это известно проектировщикам Теотиуакана или нет, а Харлстон понял, что константа 1,059 управляет не только звуковыми, но и

Водородная константа.

Когда физик пытается просчитать оптические свойства вещества, или то, как будет вести себя какой-либо предмет в присутствии света, водородная константа, равная 1,37037037, дает ему возможность уложить результаты своих экспериментов в теорию, которая, возможно, в значительной степени основывается на неправильных допущениях. Константа, считает Харлстон, должна быть особенно полезна, когда людям приходится справляться с очень большими объемами энергии

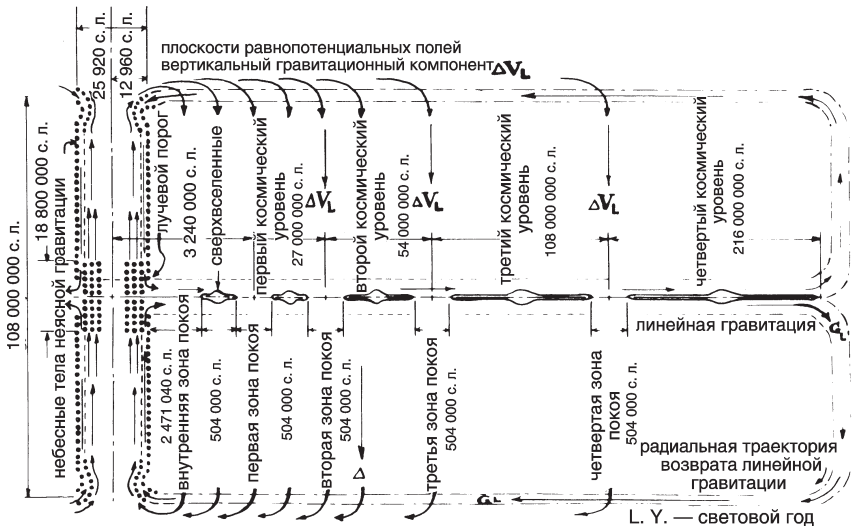
световыми частотами. Если видимый свет делится на шесть основных цветов от ультрафиолетового до инфракрасного, упуская второстепенный синий, то частота каждого последующего цвета получается путем умножения на константу 1,059 или ее квадрат. Седьмая частота с любого конца цветовой полосы остается невидимой. Харлстон обнаружил и другие явления, такие как тот факт, что когда частоту оранжевого цвета умножают на 1,059, то получается длина волны неонов-гелиевого лазера.

Харлстон пишет, что симметричную последовательность Шлеммера, описывающую расстояния от Солнца до орбит планет, можно пропорционально сократить до внутренней части Солнца и, наконец, до

Переделанный Харлстоном логарифмический план Большой Вселенной, составленный А.А. Зацю

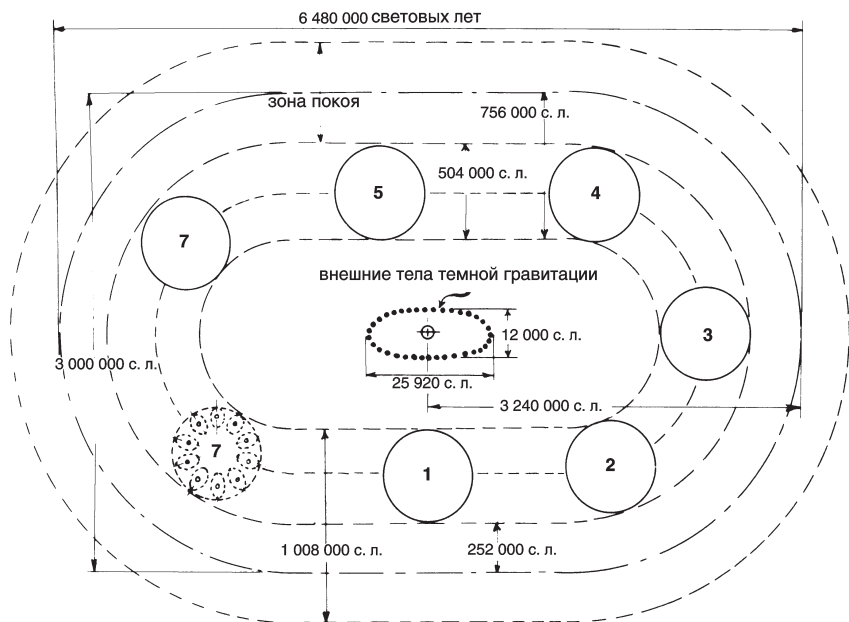
Поперечное сечение Большой Вселенной согласно теории Зацю

строения атомов, что указывает на то, что Теотиуакан, возможно, также должен был демонстрировать информацию о космосе.

Из всех чисел, которые, по мнению Харлстона, были намеренно продемонстрированы вдоль дороги Процессий, его озадачивало число 148, пока он не разделил его на 4 и не получил 37. Более тщательное обследование Цитадели показало Харлстону, что платформы на западной ее стороне были расположены на расстоянии 111 хунабов от северного и южного краев — то есть на расстоянии 3×37 . А центральная площадь в Цитадели имела длину 222 хунаба, или 6×37 . В поисках какого-нибудь смысла в этом явно преднамеренном указании прошло какое-то время, прежде чем до него не дошло отношение 37 к 27. В физике XX века отношение 37 к 27 равно числу 1,370370370, в котором 037 повторяется бесконечно, представляет собой физическую константу, образующую связь с атомным уровнем. Умноженное на 100, это число представляет собой обычную точную константу для водорода и тяжелого водорода, которую опубликовало в 1972 году в Вашингтоне Бюро стандартов. По словам Харлстона, это были базовые исходные данные для возможного макроэнергетического регулирования.

Такой исходный элемент показался ему еще одним указанием на то, что, если посмотреть на комплекс Теотиуакана с другой размерной точки зрения, можно увидеть, что он содержит в себе жизненно важные физические данные об энергетических и геометрических составляющих космического пространства.

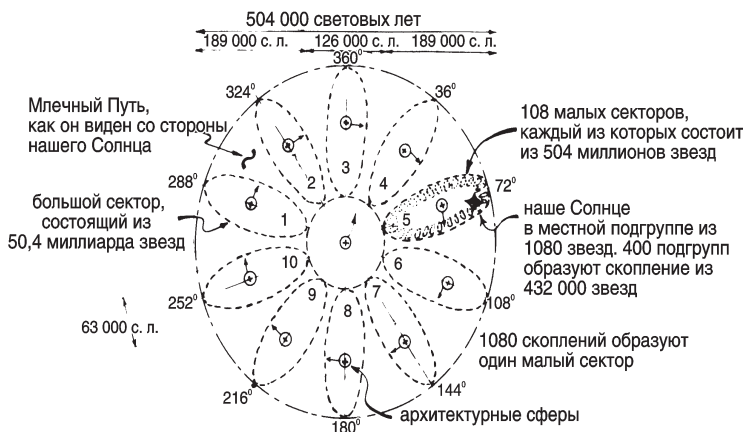
Харлстон приводит цитаты из космологии А.А. Зачоу, который теоретически допускает существование сверхвселенных, которые движутся по эллиптической траектории вокруг тел темной гравитации, известных современным астрономам как «черные дыры», чтобы показать, что параметры Теотиуакана могли также быть связаны со строением макровселенной. Космология Зачоу подразумевает, что собственные движения близлежащих солнц указывают на расположение «разумно направляемых» центров тяжести, а это предполагало бы, что звезды, так же как и группы звезд и галактики могут оказаться расположенными на симметрично повторяющихся орбитальных оболочках, когда в будущем анализ позволит сделать какие-то сравнения. Так как каждая из сверхвселенных Зачоу включает в себя семьдесят две галактики, которые придают нашему Солнцу семь определенных направлений движения через сверхвселенную, то Харлстон высказывает предположение, что стандартная единица измерения в Теотиуакане, или хунаб, может быть натуральной пространственно-временной единицей. Выбор меры, которая объединяет пространство и время и взята из постоянного размера планеты (такого, как ее диаметр у полюсов), по словам Харлстона, дает возможность в упрощенной форме увидеть космические взаимосвязи, такие как орбитальная симметрия. Он счи-

Схема расположения сверхвселенных, составленная Зачоу

тает очень вероятным, что такое же точно соотношение должно было бы существовать на всех планетах, и предполагает, что одна двенадцатимиллионная доля диаметра могла бы дать единицу измерения, подходящую для этой орбиты, правильно соотнося ее с этой единицей и диаметром всех других планет.

Углы и проекции в планировке Теотиуакана, как кажется Харлстону, показывают строение объединенных земли и неба — наряду с мегапространством небес над ними — как плоды труда специалиста-математика. Для Харлстона послания Теотиуакана указывают на новый способ увидеть время и пространство и на какой-то новый источник энергии из космоса, какую-то новую пространственную материю, которую наша наука еще не выделила. Он считает, что если бы Теотиуакан мог выразить знание космических взаимосвязей в воздвигнутых постройках церемониального центра, то весь этот комплекс мог бы служить университетом. Церемониальный центр, архитектура которого выражает такую информацию, как расстояние, пройденное при вращении Земли на экваторе за данный промежуток времени плюс позиционные широты и расстояния, пройденные по долготу при вращении, мог бы быть использован в качестве образовательного центра для изучения геодезии и навигации.

Взгляд Заочу на нашу сверхвселенную

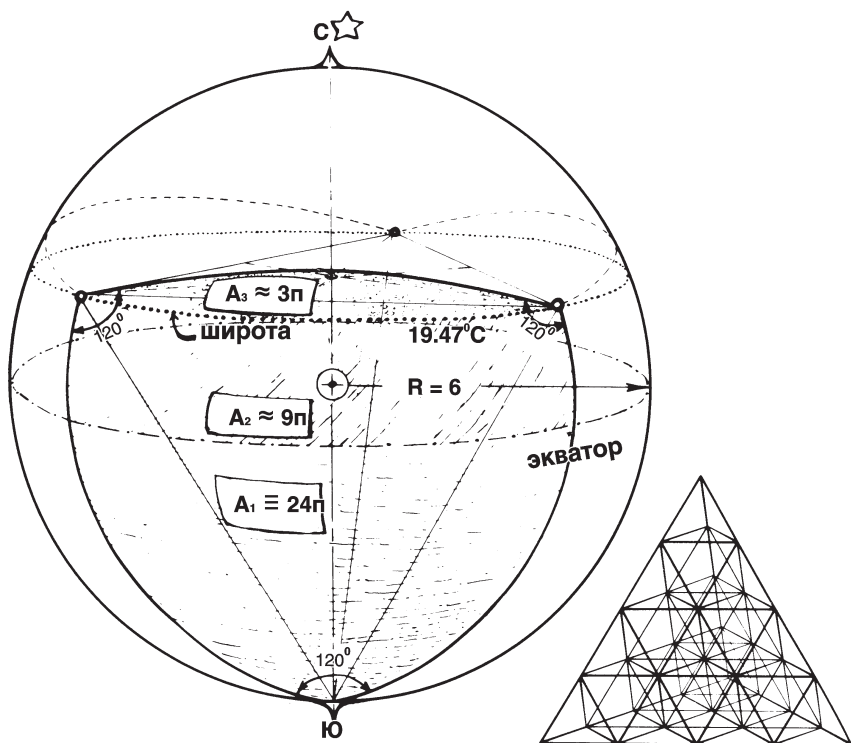
Для Харлстона послания Теотиуакана являются неограниченными во времени понятиями, которые могли бы научить интересующегося человека превзойти свои возможности и достичь более широкого видения взаимосвязи человека с космосом и человека с самим собой, как с носителем знаний, постигающим все новое. Он пишет, что информация, даваемая Теотиуаканом, представляет логические связи так просто, что основные принципы можно выучить за день. Из этих принципов можно вывести космические данные. «Словно жители Теотиуакана, — пишет Харлстон, — хотели создать настолько простой метод обучения космическим истинам, чтобы, будучи однажды выученными, они могли помочь тем, кто выжил в непредвиденном катаклизме, восстановить по памяти свои знания».

Харлстон пишет, что, как только ученый в Теотиуакане узнал, какими важными величинами являются треть, седьмые и девятые доли, а также то, что квадраты и квадратные корни суть основные математические инструменты, следующим шагом было понимание взаимосвязи в пространстве двух простых геометрических тел: сферы и тетраэдра.

Прошло еще какое-то время, прежде чем Харлстон обнаружил ключ к геометрии тетраэдра, включенной в комплекс Теотиуакана, но он в конце концов нашел его в размерах пирамиды Солнца. В отличие от пирамиды Хеопса, которая является очень точной масштабной моделью Северного полушария Земли (вершина пирамиды — это Северный полюс, основание — экватор, а ее периметр равен половине угловой минуты), пирамида Солнца не вписывается в такую схему. Однако она с большой точностью моделирует всю поверхность Земли.

Харлстон поделил эту поверхность на четыре огромных круга, построив четыре огромных сферических треугольника, каждый из ко-

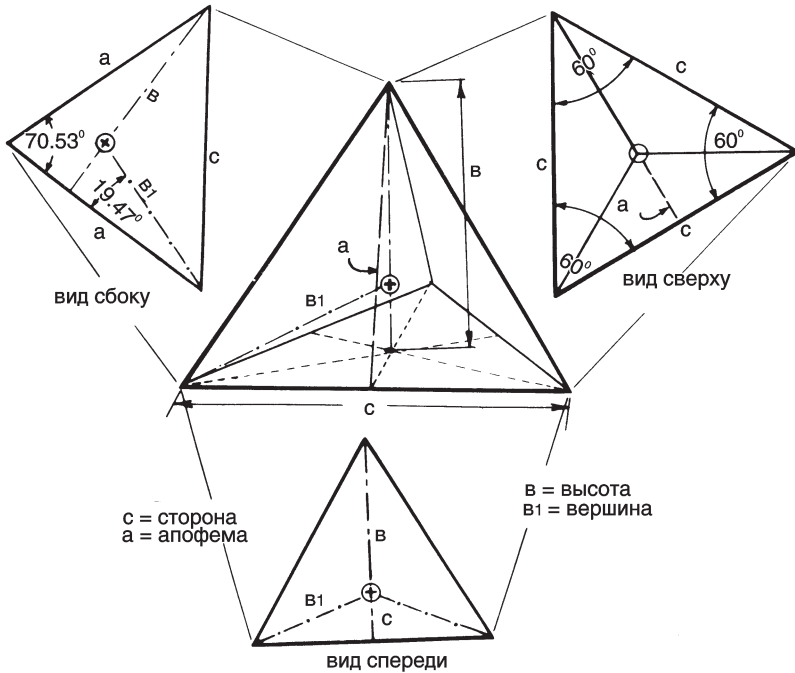
Харлстон находит очень важным тот факт, что если поставить вершину тетраэдра в точку Южного полюса, то он образует над экватором три треугольника, раскалывая земной шар на четыре равносторонних треугольника, вписанные в огромный круг, причем одна треть стороны такого треугольника будет находиться над экватором, а две трети — под ним.

Диаметр сферы Теотиуакана равен 12, что дает площадь, равную 144 пи, четверть которой легко подсчитать: это 36 пи и так далее. И опять все числа выстраиваются в ряд: 3, 6, 9, 12, 24, что характерно исключительно для сферы с диаметром 12.

Тетраэдр, самый простой из пяти геометрических тел Платона, является совершенной пирамидой, геометрической фигурой, представляющей собой наименьшее число точек, которые образуют тело в трехмерном пространстве. Она строится путем соединения краев четырех одинаковых равносторонних треугольников так, чтобы образовалось геометрическое тело с четырьмя вершинами, четырьмя гранями и шестью ребрами.

Харлстон обращает внимание на то, что отвлеченные характеристики такого тетраэдра с шестью ребрами включают в себя функции от 3, 6, третьей, квадратной корней и числа 1,06 — все они акцентированно выражены в планах построек Теотиуакана.

Когда он вписывает тетраэдр в сферу диаметром 12, возникают необычные взаимосвязи. Когда диаметр окружности равен 12 (а значит, ее радиус равен 6), соотношение площади поверхности сферы и площади поверхности тетраэдра равно 2,72 к 1. Это единственный случай, когда возникает такая важная корреляция.

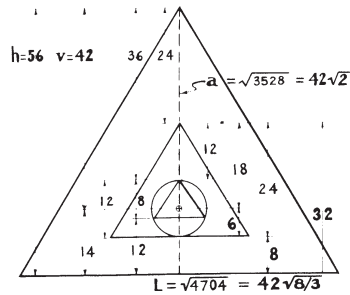

Харлстон продемонстрировал, что тетраэдр с высотой 12 имеет длину стороны, равную квадратному корню из 216, что является длиной основания пирамиды Солнца, то есть $6 \times 6 \times 6$, или 6 в кубе.

Высота равностороннего треугольника с основанием 216 будет равна корню квадратному из $3 \times 6 \times 9$, или 162, что является длиной основания пирамиды Луны.

Если взять тетраэдр большего размера, так, что сфера точно вписывается в него, причем поверхность сферы соприкасается с центрами четырех граней тетраэдра, то характеристики описанного тетраэдра будут ровно в три раза больше величин вписанного в сферу тетраэдра, а его высота будет равна удвоенному диаметру сферы.

На Харлстона сильное впечатление произвел тот факт, что апофема, или наклонная высота тетраэдра, равно как и его площадь и объем, являются числами кратными 216, длине стороны пирамиды Солнца, выраженной в хунабах. Отношение объема к площади этого тетраэдра равняется 2 : 1, то же самое и в сфере с радиусом 6, которую он в себе включает. Все приведенные выше цифры являются основными измерениями комплекса Теотиуакана. Харлстон считает тетраэдр главным в послании жителей Теотиуакана. Тетраэдр внутри сферы будет иметь линейные характеристики, равные одной трети характеристик тетраэдра, описанного вокруг сферы

Правильный тетраэдр

торых соответствовал одному из фасадов пирамиды Солнца. Это решение повлекло за собой вопрос: как и почему жители Теотиуакана выбрали такую очевидно сложную схему? Вот здесь-то и пришел черед тетраэдра.

Четыре точки, в которых встречаются огромные круги, образуют вершины тетраэдра, вписанного в сферу. Эта, очевидно, случайная взаимосвязь показала при более близком рассмотрении, что необычная и уникальная зависимость существует между тетраэдром и сферой, диаметр которой равен 12, из чего получаются космические данные.

Странность это или случайное совпадение, но взаимосвязь между тетраэдром и сферой составляет главную тему работы Бакминстера Фуллера, который в своей книге «Синергетика» утверждает, что тетраэдр дает основную математическую схему вселенной.

Из того, что он называет «изотропной векторной матрицей», Фуллер получает константу, равную корню квадратному из девяти восьмых, или 1,06066, которая настолько близка по величине константе Харлстона, равной 1,059, что также практически вписывается в комплекс Теотиуакана.

Разница между ними — всего лишь одна тысячная доля — дает разницу в длине менее метра на всем восьмисотметровом расстоянии между пирамидами Солнца и Луны и менее 10 м, если брать всю длину долины Теотиуакана целиком. Эти различия легко поглощаются пределами допустимой погрешности Харлстона.

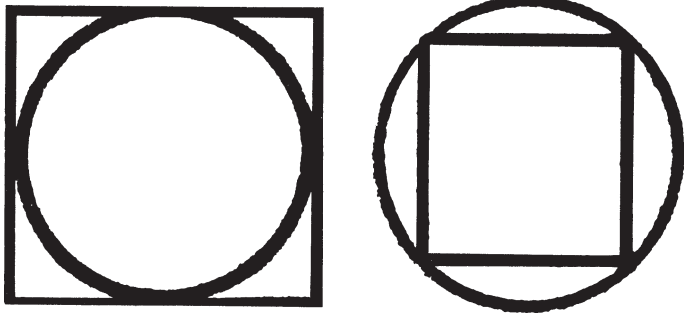
Указав на то, что атом углерода — а он является основным строительным кирпичиком, из которых состоит материя всех живых организмов, — представляет собой правильный тетраэдр и что молекула воды обладает характеристиками, соответствующими строению тетраэдра, Харлстон делает вывод, что основное послание, переданное жителями Теотиуакана, состоит в том, что материальный мир имеет форму тетраэдра, начиная с микроскопического уровня атома и кончая макроскопическим уровнем галактик по шкале колебаний, в которой человек стоит почти в центре.

Что же говорит в пользу того, что древние жители Мезоамерики обладали достаточными знаниями физики, математики и космоса, чтобы оставить нам такое послание?

Глава 20

МУДРОСТЬ ДРЕВНИХ

В Мезоамерике самым подробным текстом о происхождении и механике вселенной является рукопись народа майя-киче «Чичикастенанго», более известная как «Пополь-Вух», которая мягко перехо-

Хунаб Ку, источник движения и меры, символизировал для майя вселенную в виде круга с вписанным в него квадратом. Круг был символом бесконечности, духовного начала, квадрат — материального. Таким образом, Хунаб Ку представлял собой всемирный динамизм или был началом, которое побуждает и стимулирует жизнь в ее общем проявлении в качестве духа и материи, все в одном. Мартинес указывает на сходство между символом Хунаба Ку у майя в виде квадрата в круге и масонским символом Великого Зодчего Вселенной: окружность и квадрат. Мартинес пишет, что «хун» на языке майя означает «один» или «единственный», «нааб» означает «мера», а «ку» означает того, кто дает

дит от описания материального мира людей к описанию духовных сущностей и источников, их породивших.

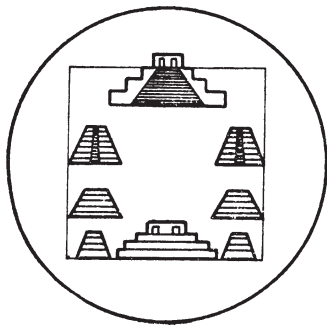
В тщательно аргументированном анализе ее текста видный лингвист и филолог майя Доминго Мартинес Паредес делает вывод, что на американских континентах существовала очень древняя и высокоразвитая культура, космогония которой близко схожа с современной гипотезой о происхождении вселенной и ее эволюции.

Если верить Мартинесу, майя пришли к математически подтвержденной достоверности существования космического разума, творца мира, который они называли «Хунаб Ку», или «Унаб», и который был единственным источником мер и движения; ему они и приписывали математическое построение вселенной. Это божество они изображали в виде круга, в который был вписан квадрат, точно так же, как это делал Пифагор.

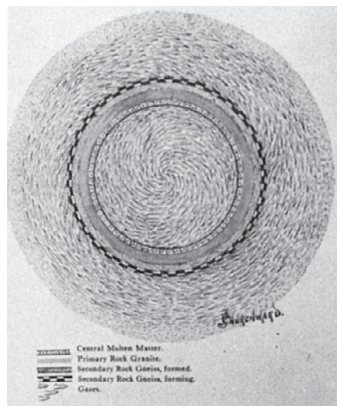
Майя верили, что их верховное божество действовало по принципу динамического дуализма или полярности, активного и пассивного начала, положительного и отрицательного, мужского и женского, благодаря которым посредством четырех основных стихий: воздуха, огня, воды и земли (они символизировали пространство, энергию, время и материю) — был создан весь материальный мир (13 небесных и 9 подземных миров).

Майя полагали, что земля образовалась из туманности посредством соединения огня, воды и газов, которые произвели «твердую» мате-

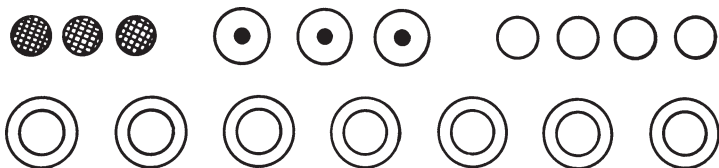

Согласно Мартинесу, центральная церемониальная часть мезоамериканского пирамидального комплекса была создана в форме квадрата, вокруг которого описана окружность, символ Хунаба Ку

Майя верили, что мир образовался из сгустившейся туманности, как это показано здесь в изложении Черчуорда

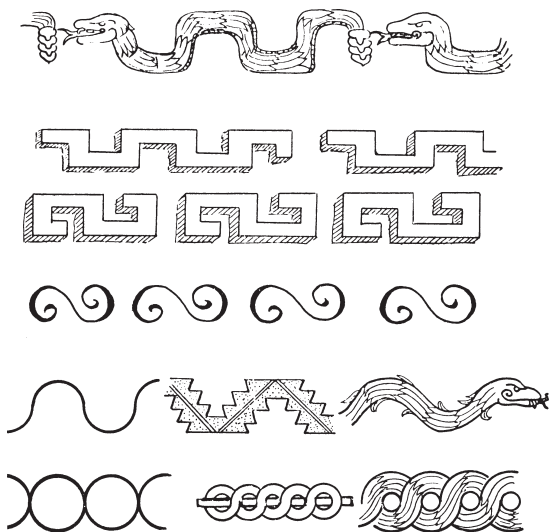

Мексиканский математик Гектор М. Кальдерон считает, что народ, в таком совершенстве владевший математикой, как майя, должен был бы включить свои теогонические концепции в реальные числа и использовать их, чтобы выразить свои взгляды на вселенную. Он приводит примеры: Цаколь, создатель, — 1; Кукулькан — 2; Битоль, портной, — 3; Алом, прародительница-женщина, — 4; Кахалом, прародитель-мужчина, — 5 и Тепеу, правитель, — 6. Все они считались частями Хунаба Ку, первоначального источника движения и меры. Первый из них, Цаколь-создатель, считался сверхъестественным создателем энергии, времени, пространства и материи. Созидание, пишет Кальдерон, считалось чуждым закону сохранения энергии, и ничто не могло быть создано или уничтожено, только видоизменено.

Символом единицы у майя была точка, которая, в зависимости от своего расположения, могла вырасти в своей величине до бесконечности

рию. Своего менее важного бога, бога созидательной энергии, они называли Канн; а Уракан был вращающимся вихрем, который сделал возможной конденсацию самых первых элементов, включив их в ядро и воссоединив, таким образом, элементы, разобщенные Хаосом. Гукумац был водой, Тепеу — огнем, а четыре стихии, символом которых является квадрат, также представляли материю в ее четырех состояниях: плазменном, газообразном, жидком и твердом. (Хотя Творцом

Число 2 символизировало Кецалькоатля, воздушного пернатого змея, перья которого изображали духовное и абстрактное начало, в то время как змея была земной и вполне осязаемой. Она изображала единство духа и материи во вселенной

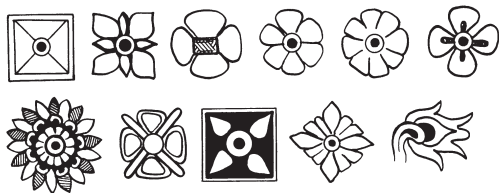
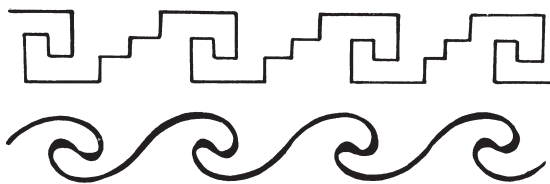
мая считали Хунаба, но обращались к нему редко, считая его совершенно недоступным. Общепризнанным верховным богом был его сын Ицамна. А молились чаще всего богу дождя Чаку. — *Ред.*)

Майя считали, что каждый элемент в природе включен в космическую гармонию, будучи заключенным своими собственными колебаниями в геометрическую форму, вид и качество которой изменялись с изменением колебаний. Современная наука, подчеркивает Мартинес, установила, что ни одна клетка, ни одна молекула животного, растительного или минерального происхождения не лишена геометрической формы.

Для индейцев майя Земля не была мертвым или инертным телом, а живым организмом, тесно связанным с существованием человека как физически, так и психологически. Майя знали, что если лечь обнаженным на землю, то можно восстановить свои силы. Они видели, что деревья и вода постоянно очищали человека и восстанавливали его силы, что было частью мирового порядка.

Во всей природе майя видели бесконечные сочетания и проявления первородных сил, которые они включали в свою архитектуру в виде геометрических рисунков и изображали группкой природных духов. И все же они не нарушали основную идею единого созидательного принципа, вездесущего верховного бога, состоящего из двух начал, который создал самого себя и все, что существует в мире.

Для жителя Мезоамерики у всего сущего имелся свой «почитаемый дух». Не только царства минералов, растений, птиц, животных и людей, но и горы, облака и звезды — все имело свои невидимые жиз-

Число 3 принадлежало у майя Битолою, разработчику и проектировщику, который из глины создавал бесчисленное количество эволюционных образцов все большей сложности. Его символом была волна, основной даритель формы миру, представленная у майя в образцах их архитектуры. Она символизировала полярность или двигательный принцип космоса, который сам от атома до звезды является положительно-от-

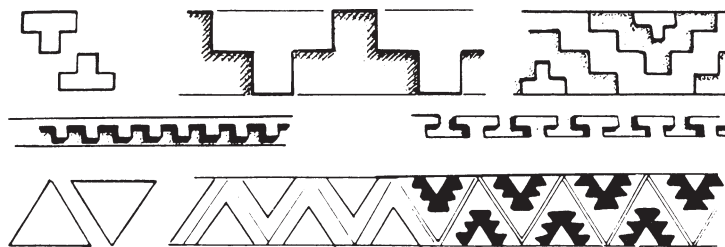
рицательным; последнее не обязательно хуже, просто противоположное качество, как тяжесть противоположна легкости. С точки зрения чисел 3 произошло от суммы 1 и 2.

Четвертым номером шла Алом, мать, дающая жизнь, символом которой был цветок, который принимает оплодотворяющую пыльцу; это Мать-Земля, которая принимает зерно и впитывает благотворные лучи Солнца. Ее символом является квадрат, разделенный диагоналями на четыре части. Кахалом, пятый номер, является Отиом, дающим жизнь, или $\begin{smallmatrix} \cdot & \cdot \\ \cdot & \cdot \end{smallmatrix}$. Солнцем в зените, купающим землю в оплодотворяющей энергии. Его символ — это небесный божественный крест, 4 точки с центральным Солнцем, который приобретает вид $\begin{smallmatrix} \cdot & \cdot & \cdot \\ \cdot & \cdot & \cdot \\ \cdot & \cdot & \cdot \end{smallmatrix}$, или 7, если сюда добавить восток, запад и живительный дождь. Для майя число 13 представляло собой Солнце среди 12 зодиакальных созвездий

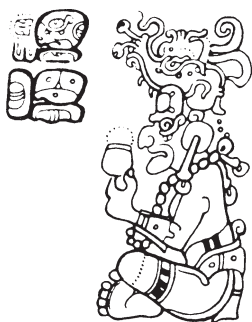
ненные силы, духовные компоненты внешних физических форм. Эти силы или первозданные образы изображались в виде людей в необычных антропоморфных масках.

Подобно индусам и другим, майя принимали на веру ритм астрономических циклов, в результате которых появлялись и исчезали великие цивилизации. Об этих циклах знали их жрецы и могли разбираться в них благодаря своим знаниям математики, астрономии и астрологии.

В основном в хронологии Мезоамерики рассматривались четыре большие эры или периода, которые прошли до наступления существующего, или пятого мира, в котором они жили. Жители Мезоамерики верили в то, что каждый из предыдущих миров был уничтожен: первый — ягуарами, олицетворяющими землю, второй — воздухом, третий — огнем, четвертый — великим наводнением. Пятый мир, по их предсказанию, будет уничтожен катастрофическими землетрясениями (по другим данным, было три мира, и все уничтожены потопами. Нынешний, четвертый мир смешанных племен, сменивший мир карликов, мир преступников и мир майя, также будет уничтожен потопом. — *Ред.*).

Кальдерон показывает, как правитель Тепеу, устанавливающий порядок до самых отдаленных уголков созданного мира, изображался индейцами майя числом 6 или 3 и 3, рядом переплетенных букв тау, что означало: «как вверху, так и внизу», «синтез и его противоположность»

Ицамна, возглавляющий пантеон майя

Кукулькаи, бог ветра

Чак, бог дождя

Бог жертвоприношения

Иштлильшочитль, который писал свои труды в XVI веке, изучив источники на языке науатль, пришел к выводу, что создание Пятого Солнца произошло в 3245 году до н. э. Но современные эксперты отдают предпочтение хронологии майя и, следуя соответствию, выведенному Гербертом Джозефом Спинденем, переносят начало Великого Цикла

Кальдерон показывает, как индейцы майя использовали клетчатую доску или коврик, разделенный на девять или шестнадцать клеток, для осуществления таких математических действий, как сложение, вычитание, умножение, деление и извлечение квадратных корней, с минимумом усилий и без необходимости запоминать сложную таблицу умножения

Они ни в коем случае не были посредственными математиками. Благодаря системе шахматной доски майя умели обращаться с очень большими числами без особых усилий. Их система была настолько проста, что четырехлетний ребенок мог умножать, делить и извлекать квадратные корни, не нуждаясь в запоминании таблицы умножения. При этом система была настолько универсальна, что домохозяйка могла с ее помощью рассчитывать свой бюджет, а астроном мог составить карту движения звезд на столетие, чтобы вычислить, когда наступит новое затмение.

майя на 12 августа 3113 года до н. э. В их толковании пророчества майя указывают на то, что конец этого пятого мира наступит 24 декабря 2011 года, когда землю должны разрушить катастрофические землетрясения.

В конце своей удивительно умной и чуткой книги «Мистика Мексики, или Пришествие разума шестого мира» Фрэнк Уотерс поместил приложение, автором которого является астролог г-жа Роберта С. Скlover. Она вычислила, что такое особое расположение планет, как в 3113 году до н. э., происходит только каждые 4500 лет. А такое расположение планет, как в 2011 году н. э., по ее оценке, может иметь место раз в 45 200 лет, что позволило Уотерсу заметить: «Из такой необычной модели мы вполне могли бы ожидать необычного результата».

Идея о том, что Земля периодически подвергается уничтожению, существовала не только в Мезоамерике. И Гераклит, и Аристарх были согласны с этим, равно как и Гесиод, который подробно рассказал об уничтожении предыдущих миров. Индусы, тибетские буддисты и персидские приверженцы зороастризма — все они разделяли эту идею.

Убежденные в том, что природой правят циклические законы, майя верили, что все можно предсказать — при условии, что вы разбираетесь в числах, которые стоят за внешними проявлениями.

Майя были известны наши значки: +, -, =, : и X, но ноль у них не служил обозначением для «ничего»; он изображал «завершение», семя, из которого произрастает все.

В своей книге «Математическая наука у майя» мексиканский инженер Гектор М. Кальдерон тщательно проанализировал математическую систему майя. Он пишет, что майя умели решать сложные математические задачи, возможно, за несколько тысячелетий до Христа (явное преувеличение. — *Ред.*) посредством очень простой системы зерен двух цветов, которые изображали числа 1 и 5 и помещались на различные места клетчатой доски, которую майя могли нарисовать на любой плоской поверхности. При помощи этих досок, которые изображены на их памятниках, рисунках, одежде и ковриках, майя могли заниматься хронологическими вычислениями, астрономией, техническим проектированием и архитектурой.

Кальдерон указывает, что майя использовали технику метрических вычислений, которая была заново разработана только в середине прошлого века, так как была потеряна для человечества на протяжении многих веков, когда использование клетчатой доски выродилось в магию, гадание и простую игру. Он также обращает внимание на то, что универсальность абстрактных чисел, концепция, с такой настойчивостью выражаемая майя в их декоративных досках, была заново принята без доказательств только в XX веке вместе с размерным анализом и законами подобия.

Легче изобразить числа и их взаимосвязи при помощи групп или наборов точек, чем при помощи наших цифр-символов.

Наука, пишет Кальдерон, в настоящее время признала, что во внутренних механизмах всех явлений существуют определенные математические отношения, независимые от пространства, времени и количества, в которых они проявляются. Недавнее открытие этого

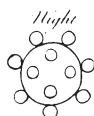
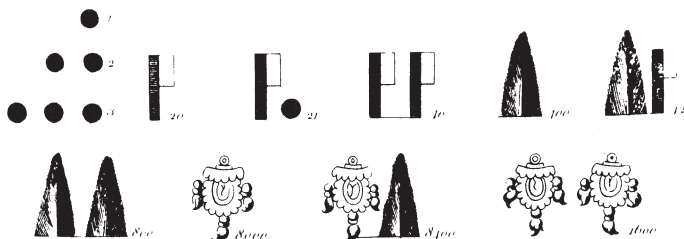
Чтобы сложить следующие колонки чисел майя

•	••			
••	•	••	•••	
•••	••	••	•	•••
•••	•••	••	••	••
11 000	455	16 142	127	1503
				Сумма = 29 227

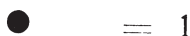
майя сдвигали их все вместе, добавляя по очереди каждую колонку слева, должным образом прибавляя каждый квадрат и двигая вверх любой остаток свыше 20.

	1	2	3	4	5
A	•••	•••			
B	••• •••	••• •••			
C	••••• ••••• •••••	•			
D	••••• ••••• •••••	••			

•••	=	3 × 8000	=	24 000
•••	=	13 × 400	=	5200
•	=	1 × 20	=	20
••	=	7 × 1	=	7
				Итого: 29 227

Числа ацтеков

= 1

= 5

= 0

Числа майя

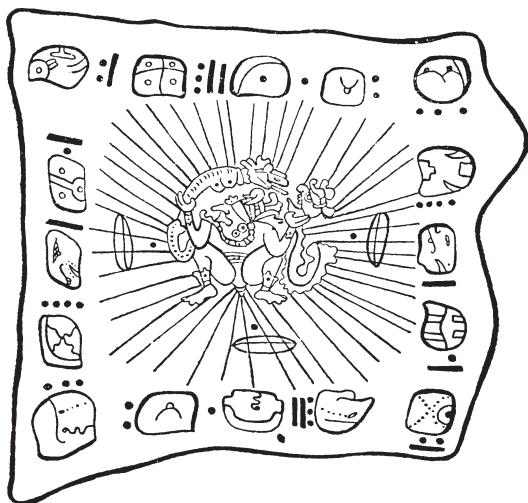
принципа дало возможность вывести несколько основных уравнений в каждой категории человеческих знаний. Благодаря этим уравнениям, пишет Кальдерон, в настоящее время существуют гидравлические узлы и структурные аналоговые компьютеры для рациональной обработки статистических данных. Например, сейчас есть

возможность использовать воду, текущую через определенным образом установленные рычаги на точках опоры, чтобы прийти к результатам математического вычисления.

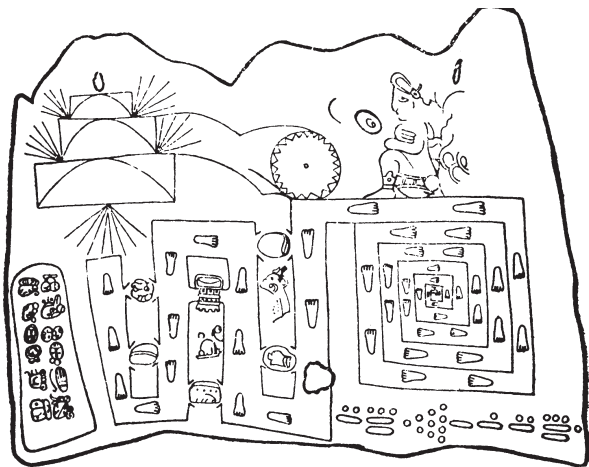
Интуитивно считая Землю частью целого и полагая, что она подвержена циклическим воздействиям со стороны Солнца, Луны, планет и звезд, древние жители Мезоамерики искали законы, согласно которым они периодически возвращаются в одну и ту же точку.

Еще до рождения Христа прекрасно зная о том, что основы хронологии лежат в повседневном вращении Земли вокруг своей оси и ее годовом обращении вокруг Солнца, жители Мезоамерики делили свой год на 360 дней и прибавляли 5 дополнительных дней в обычные годы и 6 дней в високосные или 13 дней каждые 52 года.

В этом месте начинаются дебаты. Майкл Д. Коу из Йельского университета категоричен в своем утверждении, что «нет никаких доказательств, что жители Мезоамерики когда-либо вставляли в свой кален-

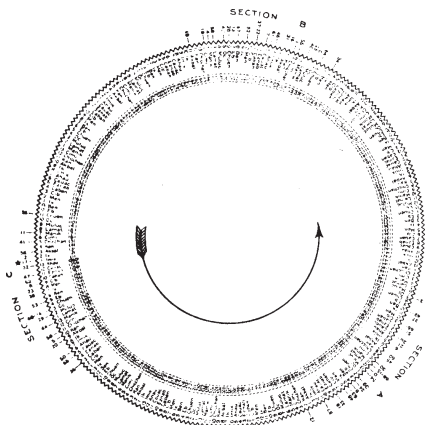

По словам Кальдерона, майя отождествляли человека с космосом и создали школу философии, основанную на символике чисел, возможно (не доказано. — Ред.), до бога Гермеса Трисмегиста («трижды величайшего», как называли его в эллинистическом Египте, отождествляя с древнеегипетским богом Тотом, изобретателем письма, искусств и наук, а также алхимии — «герметического искусства». — Ред.) или Пифагора. Мартинес утверждает, что «Кодекс Порруа» изображает объединение человека с космосом, а символы для обозначения единицы и ноля, расположенные справа, слева и под ним в квадрате, составляли календарные иероглифы и числа. Человек держит женщину-змею в правой руке, а мужской символ в левой, что Мартинес истолковал как изображение мужчины, времени и пространства

Мартинес показывает, как эти «странствия» из «Кодекса Порруа» прекрасно объясняют движение по извилистой линии и круг над квадратом, великолепно изображающие человека и вселенную. Все происходит в рамках двух геометрических форм, круга и квадрата

Большой, состоящий из 260 дней, календарь «цолкин» у майя, известный у ацтеков как «тоналаматль», показывает, как делятся лунные дни на три части

дарь дни или високосные годы». По мнению Коу, из-за того, что тропический год имеет продолжительность 365,2422 дня, «неопределенный» год, состоящий из 365 дней, просто получал прибавку в 13 дней по истечении каждых 52 «неопределенных» лет. Но факт остается фактом: какую бы систему ни использовали в Мезоамерике, в результате их календарь был более точен, чем наш.

Вычислив, что Земля проходит по своей орбите вокруг Солнца за 365,242 дня, майя отмечали завершение года водружением камня, который у них назывался «тун». Так они поступали на протяжении цикла из двадцати лет, или «катуна». Этот период времени, по их убеждению, находился под управлением союза Юпитера и Сатурна.

Кроме того, они отмечали прохожде-ние лет, используя четыре особые системы, которые выполняли контрольную функцию по отношению ко всем остальным. Наряду с годом продолжительностью 365 дней и более точным тропическим годом продолжительностью 365,242 дня существовал год, равный 365,25 дня

Кипу, или веревки с узелками, которые использовали индейцы, в частности ацтеки и предшественники инков, египтяне и китайцы в качестве мнемонического средства, подобного католическим четкам, для отчисления и запоминания больших исторических периодов. Математическая доска с черными и белыми фишками использовалась для того, чтобы делать математические вычисления высокой степени сложности. Кальдерон пишет, что на территории обеих Америк до начала испанского завоевания применялась схожая, если не идентичная математическая система, использующая разноцветные бобы или камешки на расчерченной в клетку доске. Он также указывает на то совпадение, что наше слово «калькулировать» происходит от латинского слова «calculi», означающего «маленькие камешки»

(год Сириуса у египтян, доля 0,25 которого была полезна при расчете равноденствий, солнцестояний, прохождения зенита, затмений и метонических циклов), лунный год из 354 дней и особый «священный» год, состоявший из 260 дней, который майя называли «цолкин», а ацтеки «тоналаматль».

Этот особый календарь, состоявший из 260 дней, который был назван «одной из величайших жемчужин проявления человеческого гения на протяжении веков», делился на 13 месяцев по 20 дней в каждом, а числа кратные 13 и 20 стали основой хронологических вычислений, «поразительных по своей простоте и точности».

Ежемесячно названия двадцати дней каждого месяца соединялись с числами от 1 до 13, и получалось 260 различных комбинаций, таких как 1 аллигатор, 2 ветер, 3 дом, 4 ящерица.

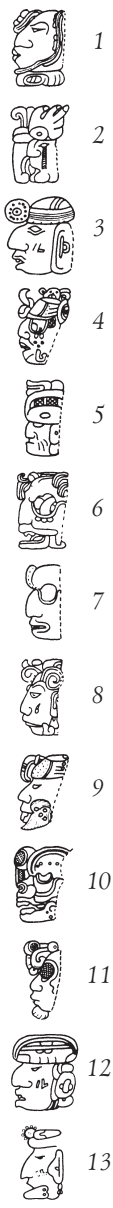
Поэтому день с одним и тем же названием и числом мог быть только один раз за 260 дней, образуя цикл, который мог повторяться бесконечно безотносительно реальных перемещений Солнца и планет, которые отмечали природные отрезки времени.

Цикл большей величины, состоявший из 260 лет, представлял собой 13 последовательных циклов из 20 лет, управляемых Юпитером и Сатурном. Считалось, что каждый из них наделен особыми качествами в зависимости от последовательности углов, образованных между Юпитером и Сатурном во время каждого «катуна».

Священный календарь использовали как гадальный альманах или, скорее, как «Книгу Хороших и Плохих Дней», «Книгу Судьбы», нежели как календарь, зависящий от времен года.

Каждым днем «цолкина» правило божество, которое, как полагали, оказывает на этот день хорошее либо дурное влияние. Каждый отдельный день майя считали отдельным богом, иероглиф для обозначения которого представлял собой стилизованный портрет его качеств. Числа от 1 до 13 также были представлены в виде голов соответствующих богов.

Младенцу давали имя по тому дню, в который он родился. Имя любовницы Кортеса Малинче (Марины), например, было искаженным вариантом «Се Малиналли» или 1 Трава.

Сверху вниз обозначения чисел: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13

Установление этого 260-дневного календаря было далеко не случайным. Жители Мезоамерики правильно вычислили, что 260×18 — это то же самое, что и 360×13 , 260×7 это все равно что 364×5 , что 260×73 равно 365×52 и что 260×1461 (цикл Сириуса у египтян) равно $365,25 \times 1040$.

Все эти календари попадали в 260-дневную схему, и к ним добавлялись уточнения для вычисления синодических обращений Луны и других планет.

На широтах Мезоамерики планета Венера вырисовывается на утреннем небе необычайно ярко, и астрономы как ацтеков, так и майя уделяли особое внимание этой планете, особенно ее восходу вместе с Солнцем.

Венера делает оборот вокруг Солнца каждые 224,7 дня, но из-за того, что Земля движется по своей собственной орбите, эта планета появляется в одном и том же месте на небе чуть меньше чем через 584 дня. Так как 5×584 равно 8×365 , майя считали восемь венерианских лет равными пяти солнечным годам. А так как 365×104 равно и 146×260 , и 65×584 , то священный солнечный и венерианский календари совпадают каждые 37 960 дней, или 104 года, что равнялось двум мезоамериканским векам по 52 года в каждом.

На самом деле майя знали, что период обращения Венеры равен 583,92 дня, а не округленному числу 584, поэтому они вычитали 4 дня всякий раз по прошествии 61 венерианского года, чтобы компенсировать расхождение и получить круглое число, делящееся на 260.

Астрономы незамедлительно обращают внимание на то, что такое точное знание венерианского цикла, который не бывает постоянным, указывает на длительные и непрерывные наблюдения.

К тому же жители Мезоамерики составили лунный календарь, который подходил бы другим календарям. Подсчитав, что 405 лунных месяцев, или 11 960 дней, точно делятся на 260 (260×46), они получили лунный цикл, равный 29,53 дня, с расхождением в 112 тысячных долей дня от той величины, которая нам известна сейчас. Это дало им лунный календарь с точностью до одного дня за период в 300 лет.

Они также понимали, как понимал это афинский астроном Метон в V веке до н. э., что 19 астрономических (сириусских) лет по 365,25 дня в каждом равны 235 лунным месяцам, или 6940 дням, что, как правильно вычислили майя, на 260 дней (= «цолкин») меньше одного «катуна», равного 7200 дням.

В качестве простого способа справиться с долей немного большей половины дня, набегающей за 29 дней лунного цикла, майя считали свои луны группами по пять или шесть, чередуя периоды по 29 и 30 дней. Таким образом, они могли точно сказать, через сколько дней после новой луны может наступить искомая дата, сколько лун данной

Иероглифическое изображение затмения Солнца

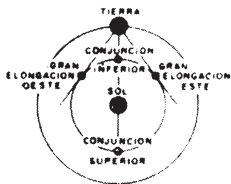
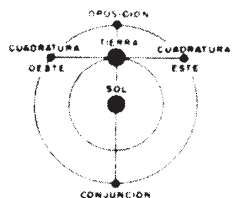
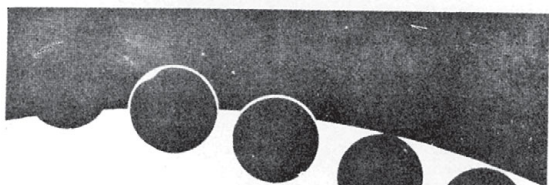
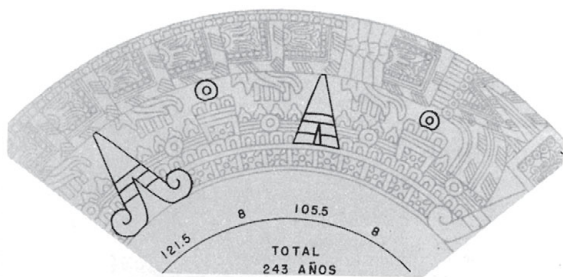

$$\begin{aligned}
 &= 16 \\
 &= 0,5 \\
 &= 5 \\
 &= 8 \\
 \hline
 &29,5
 \end{aligned}$$

Расшифровка 295 дней ацтекского лунного цикла, сделанная Норвегой

Анализ ацтекского солнечного календаря, охватывающий период из 243 лет между прохождениями Венеры перед Солнцем, сделанный Раулем Норвегой

Явление, впервые вычисленное в Новое время Кеплером в 1631 году и впервые наблюдавшееся в 1639 году, можно было увидеть в Мехико в 1882 году

То же самое явление записано на камне Тицок в несколько иной манере

группы уже прошло и имеет ли наступивший лунный цикл длину 29 или 30 дней.

По иероглифу они могли сказать, через сколько дней после полной луны наступит та или иная дата, какая это будет луна и какая продолжительность была у предыдущего лунного цикла.

Что касается затмений, как солнечных, так и лунных, то вместо того, чтобы страшиться их, как это делали их современники в Европе, жители Мезоамерики точно вычисляли день их наступления, чтобы использовать в дальнейшем в качестве проверки взаимосвязи циклов обращения планет.

Мексиканский юрист и антрополог Рауль Норьега, всю свою жизнь изучавший системы летосчисления мексиканцев для того, чтобы выпустить необычайно информативную книгу «Камень Солнца», посвященную камню-календарю мексиканских индейцев, использовал каталог солнечных и лунных затмений Оппольдера — затмений, которые можно было (и можно будет) наблюдать в Мезоамерике с 1204 года до н. э. по 2250 год н. э., и обнаружил, что почти все затмения соотносились с числом дней кратным 260.

Планета Марс также прекрасно вписывается в эту систему: один синодический оборот Марса занимает 780 дней, что составляет ровно три священных календарных интервала по 260 дней.

Проанализировав два десятка мексиканских камней-календарей, Норьега показывает, что майя (так же как и ацтеки) умели с высокой точностью вычислять синодические обращения Сатурна, Меркурия и Юпитера.

Одну из основных загадок календаря майя в наше время, оказываясь, разрешил один из технических служащих НАСА, ответственный за полеты «Аполлона», Морис Шатлен, родившийся во Франции, но двадцать лет проживший в Калифорнии. В своей книге «Наши предки прилетели из космоса», опубликованной в 1975 году Робером Лафоном, Шатлен составил базовую систему летосчисления майя, которая оказалась очень похожей на систему летосчисления шумеров (основоположников цивилизации в Месопотамии).

Решение пришло к Шатлену, когда он ломал голову над необычайно большим числом 195 955 200 000 000, которое оказалось на одной из тридцати тысяч глинописных табличек, найденных в библиотеке Ашшурбанипала среди руин ассирийской столицы Ниневии.

По словам Шатлена, он был потрясен до глубины души, когда понял, что это число представляет собой 86 400, умноженное на 2 268 000 000, а эти 2268 миллионов являются количеством дней в 240 циклах предварений равноденствий (по 25 890 лет в каждом).

Другими словами, какой-то астроном в древности подсчитал 240 предварений равноденствий не в днях, а в секундах, так как число

86 400 составляет количество секунд в дне. Затем Шатлен начал понимать, почему жители Мезоамерики обращались к таким протяженным временным отрезкам. Он даже еще больше удивился, когда обнаружил, что это огромное число у жителей Месопотамии было кратно всем периодам обращений планет и их взаимопересекающимся циклам, которые он смог проверить, включая спутники планет и кометы, и результаты были точны до десяти тысячных долей! Это сделало 2268 миллионов лет, или 240 циклов предварений равноденствий по 25 890 лет, основной константой или общим знаменателем жизненных циклов Солнечной системы.

После этого Шатлен разгадал загадку чрезвычайно больших чисел майя благодаря тому, что связывал их не с Землей в соединении с другими планетами, а искал среди взаимопересекающихся циклов других планет друг с другом.

Цикл майя из 942 890 дней, или 2582 лет, оказался 130 взаимопересекающимися циклами Сатурна с Юпитером. (Он также охватывает и другие циклы: 15 Нептуна с Ураном, 1555 Юпитера с Марсом, 2284 Марса с Венерой, 6522 Венеры с Меркурием и 2720 Солнца с Марсом.) Будучи умноженным на два, этот цикл (5163 года) представляет собой 260 совпадений Сатурна с Юпитером, что дает большой цикл, равный такому же числу, сколько дней в священном году майя.

Чтобы посмотреть, не приведет ли такой цикл в прошлое, Шатлен взял 18 630 год до н. э., фигурирующий на страницах «Ватиканского кодекса», и, двигаясь вперед скачками по 5163 года (или 260 взаимопересекающихся циклов Сатурна с Юпитером), он получил годы: 13 467 год до н. э., 8304 год до н. э. и 3141 год до н. э., который совпал с принятием у майя началом последнего цикла из тринадцати «бактунов».

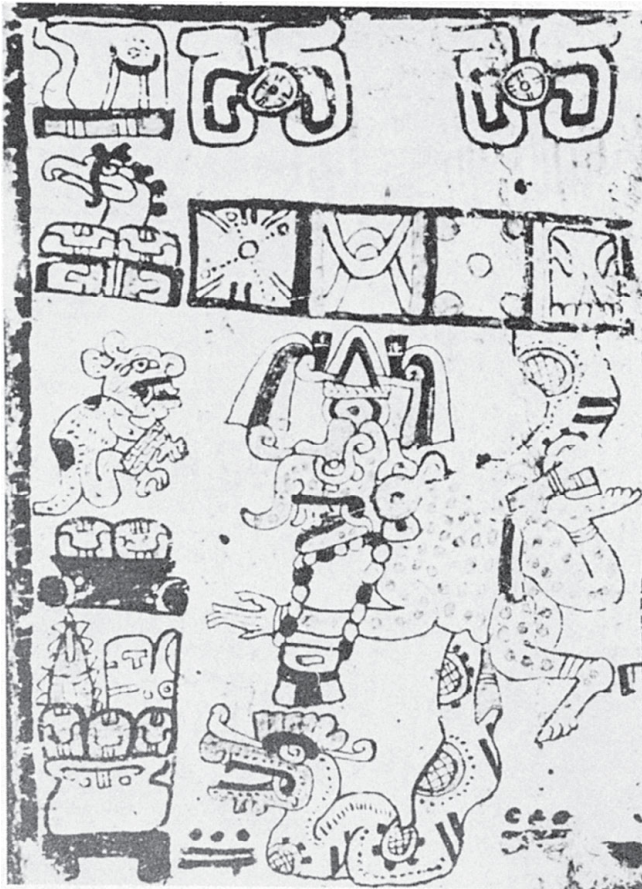
Шатлен увидел, что этот большой Сатурно-Юпитерианский цикл из 5163 лет, или 1 885 780 дней, можно разделить на 13 «бактунов» по 397,2 года в каждом (145 060 дней), или один «катун» из 19,86 лет (7253 дня). Каждый катун делился на 20 «тунов» по 363 дня в каждом. Он также вычислил еще больший цикл, равный 18 720 «катунам», или 135 776 160 дням.

Затем Шатлен понял, что следующая цифра, равная 34 020 000 000 дням, встречающаяся среди символов майя, являлась пятнадцатикратно умноженной константой, обнаруженной в Ниневии, равной 2268 миллионам лет, а следующее, еще большее число из символов майя, равное 147 420 000 000 дням, представляло собой эту константу, умноженную на 65. Он также увидел, что 147 420 миллионов дней составляют 78 170 циклов по 260 взаимопересекающихся циклов Сатурна с Юпитером. Ему стало ясно, что шумеры в Месопотамии использовали ту же самую базовую константу, что и майя, только умноженную на 86 400 секунд своих суток.

Вильяорта описывает туловище большого крокодила, исходящего из иероглифов, которые признаны иероглифами для обозначения планет Венера, Марс, Меркурий и Юпитер, а с него свисают символы, обозначающие Солнце и Луну. Из пасти крокодила льется поток воды, который затопливает Землю, в то время как черный бог уничтожает человечество пригоршней стрел.

По мнению Вильяорты, очень вероятно, что жрецы майя хотели в этой реалистичной сцене изобразить уничтожение мира либо в каком-то отдаленном будущем, либо, возможно, во всемирном потопе, вызванном выходом океанов из берегов, как об этом рассказывает «Пополь-Вух», когда боги пожелаали стереть мир людей с лица земли.

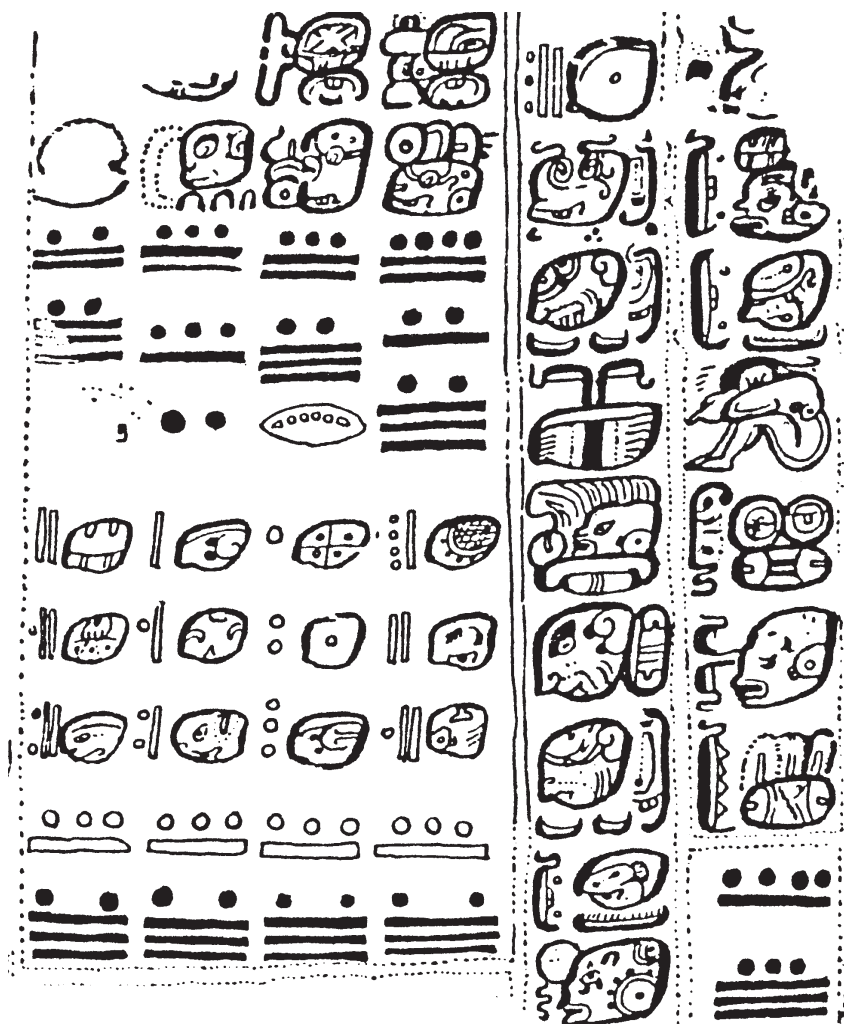

В начале 30-х годов XX века юрист из Гватемалы Х. Антонио Вильякорта составил серию книг, в которых были воспроизведены три главные рукописные книги майя, известные как Мадридский, Дрезденский и Парижский кодексы. В них были даны описания разнообразных символов и изображений майя вместе со всеми их значениями, которые он смог путем тщательной подборки собрать из различных источников. Чтобы сделать точные копии всех страниц кодексов, он привлек своего племянника Карлоса.

Сами усилия не привнесли ничего нового в искусство расшифровки символов, но та тщательность, с которой были воспроизведены изображения, и систематичность приведенных напротив них примечаний сделали доступными другим исследователям копии этих кодексов по разумной цене, чтобы они могли приложить свои таланты к их расшифровке.

В начале 50-х годов советский ученый Юрий Кнорозов предположил, что майя, возможно, использовали два или три фонетических синлабических значка, соединенные вместе, для составления одного слова. Это был такой же радикальный подход, как и подход Ланды, и он был встречен таким же противодействием. За годы работы Кнорозов выпустил толстую книгу о майя и их иероглифах. Он перевел «Чилам-Балам» и другие летописи на русский язык и добавил к ним

краткий словарь языка майя вместе с репродукциями многих символов — почти так же, как это уже делал Томпсон. Кнорозов также воспроизвел в своей книге рисунки из кодексов, сделанные Вильякортой.

В 60-х годах три советских математика, работавшие в институте Академии наук в Новосибирске над развитием компьютерных систем, загорелись идеей использовать материалы Кнорозова для предпринимаемой ими попытки расшифровать символы майя в качестве теста для нового компьютера с широкими возможностями, который они разрабатывали. По совету выдающегося российского математика Соболева, возглавлявшего в этом институте отдел математики, трое советских компьютерных специалистов Е.В. Евреинов, Ю.Г. Косарев и В.А. Устинов ввели в компьютер все известные символы майя, полусимволы, аффиксы и префиксы, которые они смогли найти, томясь в тревожном ожидании того, что им, возможно, удастся наконец расшифровать тек-

сты майя. Когда все данные были введены под номерами в компьютер, результаты заняли четыре толстых тома, в которых были тысячи беспорядочных фраз, составленных из слов и слогов майя, но все это не очень приблизило к пониманию того, что было написано на языке майя.

Дж. Эрик С. Томпсон, крупный специалист по части иероглифов майя, обвинил Кнорозова в насилии над языком, причиненном «его пренебрежением ко всему, что известно о контексте и предмете обсуждения». Критика Томпсона была уничтожающей. «Эти многочисленные попытки навязать шелковых кошелечков из свиного уха Ланды закончились крахом; сумасбродства дешифраторов, нарастающие с каждой неудачей, погребли под ворохом фантазий три-четыре разумные расшифровки».

В 1976 году Кнорозов выпустил новую книгу, которую агентство «Рейтер» объявило прорывом, но Кнорозов, видимо, просто перевел на русский язык случайные фразы, собранные вместе Вильякортой, которые были подвержены компьютерной обработке математиками в Новосибирске. В последующей публикации Кнорозов пообещал дать более глубокий анализ. Но тот факт, что русские внезапно стали проявлять явный интерес к разгадке символов майя, может указывать на то, что, по их подозрениям, в них содержится интересная информация, которую из них можно извлечь, или, возможно, они уже получили такую информацию.

Самым четким символом, узанным Вильякортой на 12-й странице «Кодекса Тро-Кортесианус», является символ Солнца, окруженного тучами, из которых льются тропические либни. Тут же пониже, в четырех квадратах, расположены символы Меркурия, Марса, Венеры и Юпитера. Вильякорта считает, что большая фигура, падающая из-под этих четырех планет, есть бог дождя, нарицательный голубой краской. У него на шее висит мешочек с камедью, разрисованный красным, желтым и голубым цветом. Майя жгли камедь как ладан, вознося молитвы о дожде. На теле большой змеи, извивающейся внизу страницы, есть четыре чикчанских символа, каждый из которых можно истолковать как «змея». Как утверждает Вильякорта, эта страница является прологом к сцене, изображенным на следующих семи страницах (одной из них не хватает), где пять больших змей (и, возможно, недостающая шестая) символизируют время.

На 60-й странице «Дрезденского кодекса», согласно толкованию Фёрстеманна, изображена «Битва планет», включая Солнце, Луну, Марс, Венеру, Меркурий, Юпитер и Сатурн, а также символы, обозначающие затмение. В самом верху рисунка, если верить Фёрстеманну, Солнцу угрожает затмевающая его Луна, которую символизирует изображение, названное им собакой, которая находится под возвышением. Собака собирается пожрать иероглиф, обозначающий знак дня Ламат. Фёрстеманн считает, что изображение позади Луны — Марс.

Внизу страницы, по словам Фёрстеманна, изображена сцена другой борьбы между планетами в их циклических появлениях, исчезновениях и обгонах друг друга. Здесь изображены: Солнце, Луна, Марс, Венера, Меркурий и Сатурн.

Вильякорта пишет, что фигурка слева вверху, едущая верхом на змее, изображает Венеру, побеждающую Меркурий с завязанными глазами, — это планеты, которые чередуются как «утренняя и вечерняя звезды».

Напротив них Юпитер побеждает Сатурн с черным глазом и ссылает его в дальний уголок неба.

В 1739 году в Вене библиотекарю Королевской Дрезденской библиотеки Иоганну Кристиану Готце дали загадочную рукописную книгу размером 12 футов (= 3,66 м) на 8 дюймов (= 20,32 см), сложенную как веер на 39 листов, которые он зарегистрировал, сделав примечание: «Мексиканская книга с неизвестными героями и разноцветными иероглифическими изображениями на обеих сторонах».

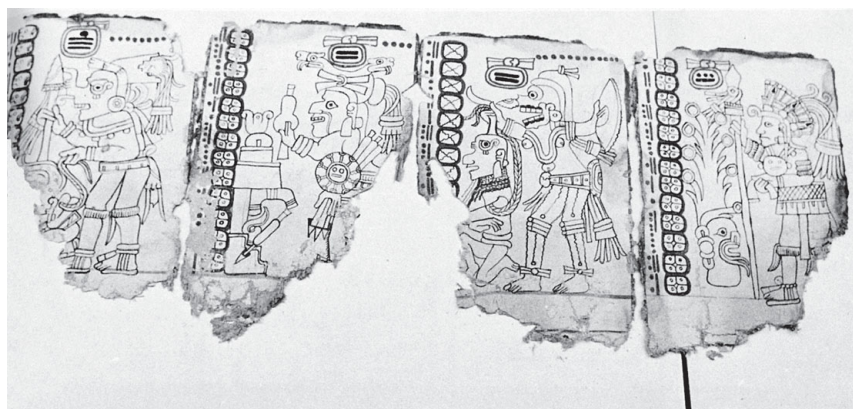
В 1813 году Гумбольдт опубликовал несколько страниц этого кодекса в «Видах Кордильер», а Агостино Аглио скопировал его для «Древностей Мексики» Кингборо, которые вышли в 1831 году. И все же почти ничего нельзя было понять из того, что было изображено на семидесяти четырех страницах из коры фигового дерева, на которых были видны рисунки, раскрашенные белым, красным, желтым, синим и коричневым цветом, до тех пор пока в 1880 году Науманн не сделал с них фотографии (затем раскрашенные). Имея копию кодекса, Эрнст Фёрстеманн, директор Дрезденской библиотеки и сын математика из Данцига, получил возможность более тщательно изучить его и увидеть в его символах астрономический трактат. За четырнадцать лет Фёрстеманн сумел составить календарь мая для длинного счета, определяющий местоположение пяти числовых знаков с соответствующими величинами: 1, 20, 360, 7200 и 144 000. Затем он указал на появление нуля почти во всех вычислениях, установил цикл обращения Венеры, равный 584 дням, и нашел исходную дату для лунного календаря.

Следующий значительный шаг в расшифровке «Дрезденского кодекса» сделал Джон Типл, американский инженер-химик, который занялся изучением кодексов мая, чтобы развлечься во время длительных поездок по железной дороге.

Типл увидел, как мая вычисляли синодические циклы Венеры, которые варьировали между 580 и 588 днями, давая в среднем 583,92 дня. Чтобы компенсировать это расхождение между округленной цифрой 584 дня, мая добавляли 24 дня после каждого 301-го цикла, сокращая ошибку до одного дня за 6000 дней. Во время Первой мировой войны другой немец, Мартин Майнсхаузер, смог расшифровать в этом кодексе календарь затмений, а во время Второй мировой войны друг Фёрстеманна адвокат Пауль Шеллаус, убитый нацистами в 1944 году, описал пятнадцать богов мая, которые появились на протяжении всей рукописи мая. Эта рукопись, которую хранили в винном погребе во время бомбежек Дрездена, чуть не сгорела в огне и была немного повреждена водой. В середине 70-х годов подвергнутый скрупулезному исследованию в отделе иероглифов Института изучения мая при Музее наук в Майами, этот кодекс, можно сказать, представляет собой чрезвычайно сложный прибор для астрономических вычислений.

На страницах 57 и 58 «Дрезденского кодекса» дан бесконечный лунный календарь из 11 960 дней, состоящий из 405 месяцев, разделенных на 69 групп по 177, 178 или 148 дней. Это очень точный лунный календарь, приводящий таблицу новолуний для предсказания солнечных затмений. 11 960 дней, поделенные на 405, дали мая число 29,5308, составляющее количество дней лунного цикла. В подсчетах современных астрономов это число равно 29,5309. В «Дрезденском кодексе» число 11 960, поделенное на 69, дали мая число 173,3333 — среднее количество дней между затмениями. 69 групп дают дни, когда могут произойти солнечные затмения, в то время как новая луна проходит между Землей и Солнцем.

Другое приспособление для календарных вычислений в «Дрезденском кодексе» представляет узор из змей, обнаруживающийся, если двигаться с одного сектора вверх на два ряда через один, а затем вниз на два ряда через один. Это дает бесконечный счет из 91 дня в общем количестве из 20 циклов, или 1820 дней. Так как каждое время года отделяется от следующего интервалом в 91 день между солнцестояниями и равноденствиями, то календарь дает возможность составить план последовательности равноденствий и солнцестояний по образцу, начинающемуся в любой отдельный момент 260-дневного священного календаря, возвращаясь к этой точке, чтобы заново начать бесконечный цикл. Чтобы объяснить расхождение в 4,968 дня каждые четыре года, мая добавляли пять дней

Недавно обнаруженный кодексы.

В 1971 году четвертая рукописная книга майя обнаружилась в Нью-Йорке, была выставлена на всеобщее обозрение в клубе Гролье, по которому и получила свое название. В настоящее время она благополучно вернулась в музей Мехико. По мнению доктора М.Д. Коу из Йельского университета, этот кодекс, представляющий собой рисунки на «ткани из коры», датируется 1400—1500 годами. Сохранилось 11 страниц из 20-страничной подлинной книги. На каждой странице представлены колонки из тринадцати символов дней с соответствующими символами.

Подобно «Дрезденскому кодексу», представляющему собой венерианский календарь на 104 года, «Кодекс Гролье» представляет собой календарь фаз Венеры, но дает гораздо более сложную схему. Хотя на поверхностный взгляд кажется, что это просто календарь на 104 года, о нем пишут, что это «первый в мире и единственный известный бесконечный венерианский календарь, когда-либо созданный какой-либо цивилизацией». По словам Х. Лакомба, «этот древний документ майя должен занять место среди наивысших интеллектуальных достижений в истории человечества».

Этот кодекс предсказывает появление и исчезновение Венеры в огромном цикле из 845 обращений, равном 1352 годам; по завершении цикл повторяется бесконечно благодаря сдвигу в порядке строк и способе их прочтения.

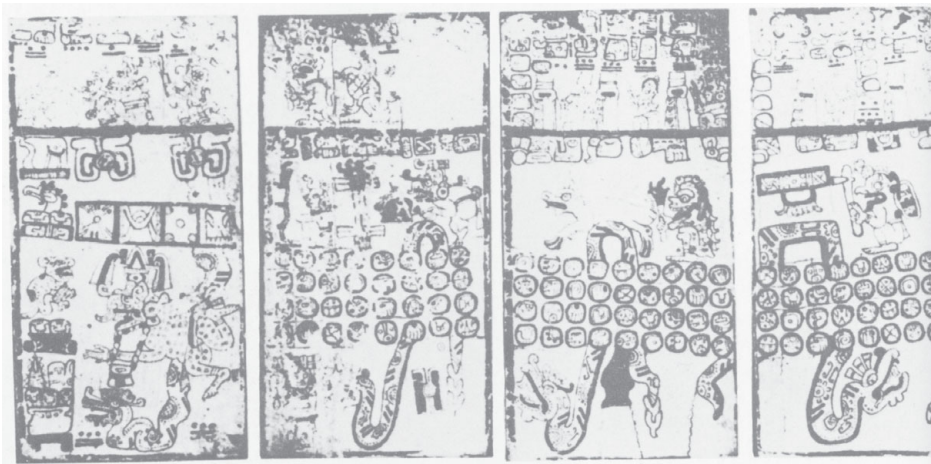
Если смотреть по горизонтали, каждый ряд рисунков представляет восьмилетний цикл обращений Венеры, а так как там 13 рядов рисунков, то здесь изображены 13×5 или 65 обращений, равных 104 годам. Но поскольку каждый ряд поднимается вверх на одно место каждые 104 года, а верхний ряд уходит вниз, то каждый ряд возвращается на свое место к концу 1352 лет. С этой точки процесс повторяется в виде бесконечного цикла бессрочного календаря.

Задавшись вопросом, откуда в календаре оказались дополнительные 104 года, Лакомб понял, что это было необходимой коррекцией, встроенной в схему, чтобы сделать ее бесконечной.

По словам доктора Дьюка, профессора астрономии в университете Майами, Венера делает на самом деле только 780 синодических обращений, что соответствует 1247 годам, и возвращается в точно то же место в точно то же время, когда она начала свой цикл.

«Кодекс Гролье» также свидетельствует в пользу корреляций Спиндена и Мейкемсона, которые дату происхождения системы майя относят к 3374 году до н. э.

«Кодекс Тро-Кортесианус».

Подробный анализ, сделанный отделом иероглифов Института изучения майя при Музее науки в Майами, обнаружил, что иллюстрации в нем прекрасно выполняют функцию компьютера для астрономических данных.

По словам Ч.Х. Лакомба, заведующего отделом иероглифов, и С.С. Блока, архитектора из Майами, которому принадлежит несколько достижений в расшифровке астрономического назначения иероглифов майя, эта часть кодекса «невероятна по своему совершенству и простоте; она мгновенно выполняет невероятную комбинацию математических функций, требующихся для того, чтобы программировать и извлекать математические данные».

Символы дней майя, которые колонками по четыре тянутся со страницы на страницу, переплетаются с пятью змеями, и, возможно, есть шестая, которая, видимо, была на странице, в настоящее время недостающей. Если их прочесть сверху вниз, эти символы составляют солнечный календарь из 365 дней; так как последовательности повторяются, то они составляют бесконечный календарь на 4×13 , или 52 года. Те же самые символы дней, прочитанные слева направо группами по 13 знаков 5 раз, или 65, дают венецианский календарь (в каждом из них 584 дня), что эквивалентно 104 годам по 365 дней или двум 52-летним циклам.

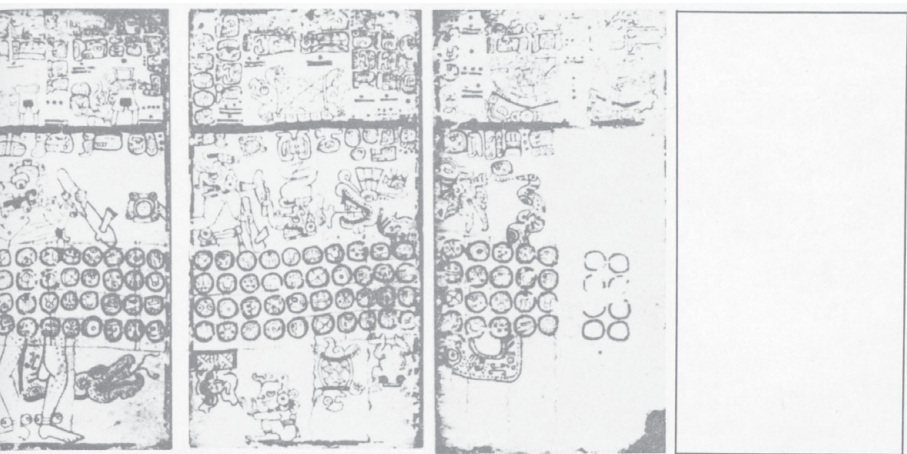
Если их прочитать по диагонали, как бы описывая последовательный ряд букв М через все страницы (Блок называет это «любопытной, но захватывающей экономией в программировании»), то этот способ показывает Венеру как утреннюю звезду, вечернюю звезду и ее высшие и низшие совпадения.

Чтобы определить две точки на диагонали, разделенные венецианским годом, или 584 днями, компьютер делает сдвиг на 65 промежутков вправо девять раз и один промежуток влево, и всего получается $65 \times 9 - 1 = 584$.

Пять змеиних тел, петли которых вплетены в солнечный и венецианский календарь, также расположены настолько точно — с точки зрения математики и геометрии, — что они также выполняют функцию компьютерного механизма: они дают синодические циклы не только Венеры, но и Меркурия, Марса и Юпитера. Объясняющие полосы наверху и внизу страницы кодекса содержат символы, изображающие эти планеты, а также там изображен длинноносый бог дождя Чак-Мооль, свешивающийся над одной змеей.

Головы двух первых змей повернуты налево, головы двух вторых — направо, а голова пятой смотрит налево, перевернувшись. Тело каждой змеи пересекает-

ся с полосой символов в четырех точках. Общее количество дней, охваченных в местах пересечений со всеми шестью змеями, равно 2600 дням, или десяти священным «цолкинам» маяя.

Лакомб и Блок подчеркивают, что эта система проявляет особенную гибкость в том, что символы дней появляются на этой схеме без необходимого цифрового коэффициента, и поэтому их можно читать снизу вверх, сверху вниз или по диагонали, получая показания различных календарей и узнавая дни равноденствий, солнцестояний, солнечных затмений и дней, по которым могут сойтись два небесных явления или более.

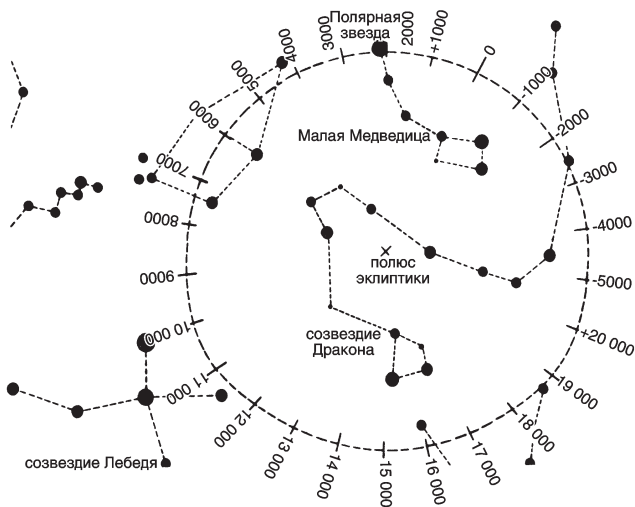
После долгих тщательных наблюдений астроном М.П. Хэтч не так давно обнаружил, что различные положения змей точно совпадают с траекторией движения созвездия Дракона, как она выглядела бы на вечернем небе две тысячи лет назад.

Д-р Хэтч заметил, что звезда Эта созвездия Дракона уникальна в том, что она одна из всех звезд действительно не изменила своего прямого восхождения за 2300 лет между 1800 годом до н. э. и 500 годом н. э. и регулярно проходит через меридиан в полночь 23 мая и 22 ноября с отклонением менее чем в один градус. Таким образом, звезда Эта созвездия Дракона дала майя точный эталон сидерического года и мерку для сравнения тропических и сидерических лет, а также отставания других звезд.

Хэтч обнаружил, что траектория движения звезды Эта по небесной сфере в течение года полностью соотносится с изображениями змей на страницах «Мадридского кодекса»; каждая из этих змей в плане астрономии представляет на каждой странице циклический сдвиг на небе на 45 градусов. Когда созвездие Дракона видно на западной части неба, соответствующая змея смотрит налево; когда созвездие Дракона находится на востоке, голова змеи повернута вправо.

Заметив, что слово «цаб» на современном языке майя с Юкатана означает и погремушку, и гремящую змею, и созвездие Плеяд, Хэтч, к своей радости, обнаружил, что кольца на хвостах змей также соотносились с различными положениями Плеяд на небе.

Символ с перекрещенными полосами, который появляется в этом кодексе, Хэтч истолковал как изображение созвездия Лебедя. Звезда гамма этого созвездия при переходе через меридиан в полночь обычно возвещала жителям Мезоамерики наступление летнего солнцестояния.

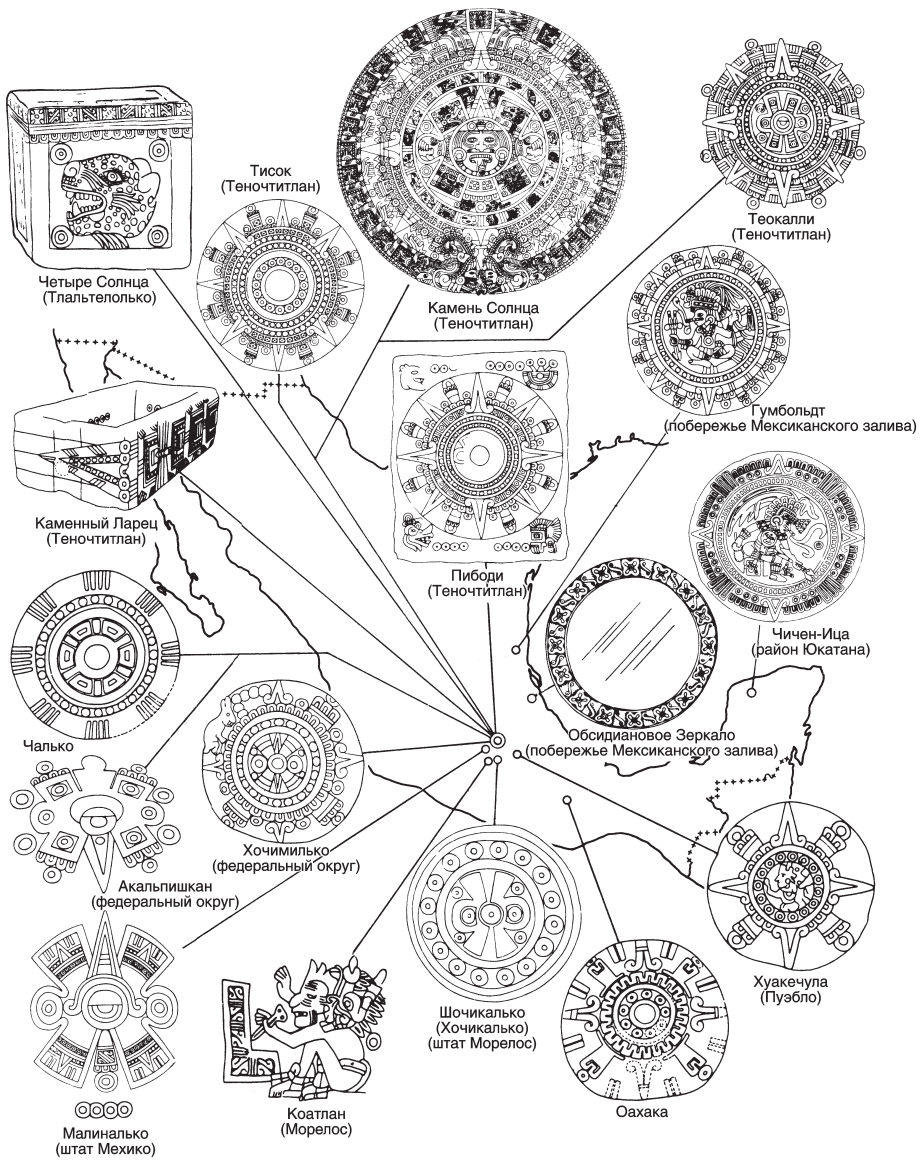
Рауль Норвега сумел достичь того, о чем подозревали, но не смогли в полной мере довести до конца Леон-и-Гама и Гумбольдт. Он продемонстрировал, что огромный монолит ацтеков представлял собой космические часы чрезвычайной сложности.

Норвега понял, что, за исключением явно вымышленных изображений (таких, как символы двадцати дней в круге и символы четырех веков во втором круге), большая часть других символов, вырезанных на огромном камне, носила чисто математический характер с алгебраическими функциями, которые могли быть использованы в огромном количестве вычислений, гармонично сведенные в единое эстетическое целое. При помощи очень небольшого числа символов и нескольких значков умножения древние мексиканские индейцы могли показать, по желанию, либо очень малые, либо очень большие циклы астрономического календаря, выраженные в днях, неделях, месяцах, годах и веках.

Норвега нашел астрономические вычисления, которые продемонстрировали точное знание циклического движения планет; были вычислены их синодические (или видимые в противоположность сидерическим или реальным) обращения с точностью до стотысячных долей измерений, сделанных современными астрономами.

Календарь давал возможность жрецам вычислять ритмический цикл солнечных и лунных затмений, прохождение Солнца через зенит, дни равноденствий и солнцестояний, самые дальние точки горизонта, которых достигали восходящие и заходящие Солнце и Луна в различные времена года, совпадающий с солнечным восход Венеры и прохождение Венеры через солнечный диск (четыре раза за 243 года), наблюдавшееся, вероятно, через тонкие пластинки слюды. Третий календарный цикл, пишет Норвега, покажет современному учащемуся высшей школы, как определять повторение взаимопересекающихся планетных циклов в прошлом или будущем на протяжении тысячелетий.

Установив при помощи каталога Опольцера, что в средней части Северной Америки с 1207 года до н. э. по 2161 год н. э. можно наблюдать 454 солнечных затмения, Норвега сумел показать точность повторяемости солнечных затмений, замеченных древними мексиканцами за временные промежутки, равные 52, 104, 156, 208, 260, 416, 780 и 1248 годам — все эти числа кратны мексиканскому веку, равному 52 годам.

В солнечном календаре Норвега обнаружил систему значков умножения, которую он расшифровал следующим образом:

$$\begin{array}{c} \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \end{array} + \begin{array}{c} \text{┌} \\ \text{└} \end{array} + \begin{array}{c} \text{┌} \\ \text{└} \end{array} = 30$$

$$\begin{array}{c} \text{┌} \\ \text{└} \end{array} \begin{array}{c} \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \end{array} \times \begin{array}{c} \text{┌} \\ \text{└} \end{array} 12 = 360$$

$$\begin{array}{c} \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \end{array} = 365$$

$$\begin{array}{c} \text{┌} \\ \text{└} \end{array} \begin{array}{c} \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \end{array} + \begin{array}{c} \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \end{array} = 360$$

$$\begin{array}{c} \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \end{array} = 366$$

$$\begin{array}{c} \text{┌} \\ \text{└} \end{array} \begin{array}{c} \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \circ \end{array} =$$

Цикл из 1248 лет совершенно поразительный. Он представляет собой 12 веков по 104 года, в каждом из которых 365 дней. В этот период планета Венера делает столько синодических обращений, сколько дней в одном обороте Марса (780), а Марс делает столько оборотов, сколько дней в одном обращении Венеры (584). В 1248 годах также содержится 1752 календаря по 260 дней.

Поняв, что на Землю оказывают влияние соответствующие движения Солнца, Луны и других планет, древние мексиканские индейцы, по словам Норвеги, стали стремиться овладеть этими циклами путем подсчета дней, недель, лунных месяцев, лет, веков и синодических возвратов планет с далеко идущей целью

найти повторяющуюся систему в катастрофах, циклонах, торнадо, землетрясениях, наводнениях, эпидемиях и периодах относительного спокойствия. Норвега понял, что четыре ячейки вокруг центральной плоскости камня-календаря — 4 Экатль, 4 Куциутль, 4 Атль, 4 Оцелотль — вместе с основными четырьмя символами Олина сообщали о периодах синодических обращений планет.

Норвега расшифровал второе кольцо камня-календаря: оно указывало на синодические возвращения планет. Если вести вычисления от значка 4 Солнце до 4 Ураган, а затем до 4 Циклон, 4 Вода и 4 Оцелот, то все они вписываются в рамки 260-дневного календаря, который дает следующие временные интервалы.

От 4 Солнце до 4 Ураган 65 дней, или одна четверть священного календаря, что также равняется одной девятой венецианского и одной двенадцатой марсианского цикла. От 4 Ураган до 4 Циклон 117 дней, или один оборот Меркурия (+ 1 день), что равняется одной пятой венецианского цикла. От 4 Солнце до 4 Циклон 182 дня, или половина оборота Земли (- 1 день). От 4 Циклон до 4 Вода 130 дней или половина священного календаря, что равно одной шестой марсианского цикла. От 4 Солнце до 4 Оцелот 377 дней, или один цикл Сатурна (- 1 день). Норвега обращает внимание на то, что все циклы имеют в своей основе числа кратные 13 (это число является базисным для календаря жителей Мезоамерики) и что 44 лунных месяца, по их подсчетам, составляют 1300 дней, или 260×5 (на самом деле это число 1299,34596). Доминго Мартинес Паредес считал, что ладонь (пальм) у народа майя была самой древней постоянной единицей измерения. Древние майя называли ее тем же самым ладонем, что и волнообразное движение: «нааб». У майя были в ходу несколько ладоней, одна из которых равнялась приблизительно семи дюймам (17,8 см).

Один английский специалист в области радиоэлектроники обнаружил, что каждые семь дюймов (или очень близко к этому значению) ротационная полярность поля радиоэлектронной энергии, распространяющейся от магнитного компаса, меняет свое направление на противоположное. Об этом говорит изменение в направлении вращения маятника над горизонтальной плоскостью, на которой лежит компас. По мнению астролога Майкла Хелеуса, это значит, что в древности ладонь (равная почти семи дюймам) могла быть мерой длины, действительно связанной с магнитными и радиоэлектронными свойствами вселенной. Хелеус предполагает, что маятник, реагирующий на волнообразное движение магнитного поля, меняет полярность на противоположную в точках, расстояния до которых являются числами, кратными длине ладони, последовательность чередования которых напоминает о соразмерных Земле ладонях в древнегреческих (и египетских) футах и локтях.

Теоретические рассуждения в поддержку этих наблюдений представил Д.Б. Ларсон в «Строении физического мира». В этой работе Ларсон выдвигает гипотезу о том, что расположение атомов (а в действительности и их возникновение) является результатом взаимодействия двух противоположных сил. Первая, которую он называет пространственно-временной прогрессией, беспрестанно движется изнутри наружу из каждой точки со скоростью света, которую он считает единичной. Вторая — это вращение, которое, где бы оно ни существовало, является противоположностью пространственно-временной прогрессии, а если оно выходит за рамки этой прогрессии, то создает внутреннюю силу, дающую начало материи и гравитации

Более того, жители Месопотамии связали свои единицы измерения времени и пространства — у них были секунды временные и секунды угловые. 34 020 миллионов дней — это не только количество дней в 3600 шумерских циклах предварений равноденствий, но и 3600 десятых градуса (это 36 000 египетских футов; египетский фут равен 0,308 метра), а это длина земной окружности в угловых секундах. В качестве единицы измерения жители Месопотамии выбрали фут, не только соразмерный габаритам Земли; он также был соразмерен с большим платоновским годом, равным 25 890 годам. Странно было бы, если бы единица измерения, данная народу майя Хунабом Ку, также не была соразмерна Земле. И в Теотиуакане, и в Паленке, как и в пирамиде Хеопса, этот древний ближневосточный фут подходит для всех измерений так же идеально, как и хрустальная тупелька для ножки Золушки.

Фрэнк Уотерс считает бесполезным рассуждать о том, как жрецы-астрономы майя «без телескопов, измерительных приборов, компьютеров и знания дробей смогли создать с такой поразительной точностью эту необъятную и сложную систему летосчисления». Еще более необъяснимым он считает то, что они смогли объединить «трудную для понимания математику и астрономию с метафизической космологией и мифологией». Эта проблема заставляет его искать ответ на вопрос, «могли ли астрология, символика и мифология быть скорописью для использования в науке, охватывающей галактические масштабы и другие измерения и отличающейся от обычной физики, при помощи которой мы характеризуем земные явления».

Ключ к разгадке того, как жители Мезоамерики могли достичь таких поразительных результатов, был получен в 1950-х годах Джефффри Ходсоном, «необыкновенным ясновидящим» и теософом, когда он вошел в состояние транса на вершине пирамиды Солнца в Теотиуакане. С закрытыми глазами Ходсон смог вызвать в своем воображении картины прошлого. Ходсону было ясно, что в древности жрецы Мезоамерики обладали способностью к ясновидению, с помощью которого они могли узнавать, когда и где расположатся различные планеты, и из этого знания они смогли вывести и составить точную астрономическую систему, не имея мощных телескопов. Такая точная астрономическая наука вкупе с тщательно накопленными знаниями о наглядных последствиях взаимосвязей между планетами могла привести к возникновению эффективной науки астрологии.

Ходсон считает, что посвященные были специально обучены замечать сочетания планетарных воздействий в астрологических аспектах. Вероятно, они могли ощущать их, зная, когда и где планеты образуют аспекты, стыкуясь, образуя каре или противостояния, которые или усиливали, или ослабляли звездные, зодиакальные или более сильные космические воздействия на Землю.

Ходсон пишет, что физические, астральные и ментальные тела жрецов, натренированных таким образом, становились чувствительными до такой степени, что они превращались в обсерватории, заключенные в человеческом теле, в чем им помогало обнаружение местоположения планет.

Более того, французский астролог Александр Волгин полагает, что в те времена зрение у майя было более мощным, чем в наши дни, хотя даже с острым зрением было бы трудно сейчас объяснить то, каким образом майя знали о 400 звездах, входящих в состав Плеяд, тогда как сейчас невооруженным глазом мы можем увидеть только шесть звезд. Видимо, человеческие чувства скорее деградировали, чем развились под влиянием так называемой цивилизации. Волгин пишет, что жители Восточной Сибири до сих пор могут различать спутники Юпитера, и добавляет, что нет причин считать, что майя не могли видеть невооруженным глазом Уран, Нептун, Плутон и, возможно, даже планету, расположенную дальше Плутона, существование которой теоретически допускал Харлстон и другие.

Глава 21

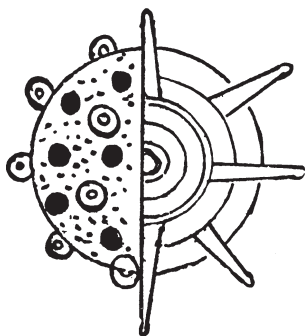
АСТРОНОМИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Все большие храмы древности, как достаточно полно показал Ливио Стеккини (см. приложение к «Тайнам Великой пирамиды» и другим его работам), служили для того, чтобы определить место человека во вселенной (как в пространстве, так и во времени), «спуская» знания о небе на землю.

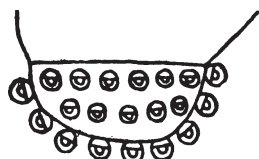
Как считали жрецы гватемальского племени чорти, их предки видели вселенную в виде четырехугольника. Чтобы опустить этот четырехугольник на Землю, в качестве геодезических маркеров они выбрали четыре точки небесного свода, где Солнце покоится на заре и на закате во время солнцестояний.

В «Пополь-Вух» сказано, что поверхность Земли была поделена на четыре части, соответствующие четырем сторонам света, каждая имела свои цвета, судьбу и богов. По сообщениям епископа Ланды, города на Юкатане были распланированы таким образом, что четыре главных входа в них образовывали крест. И по сей день деревни в стране майя имеют планировку по старому образцу, чтобы наблюдать Солнце в моменты равноденствий и солнцестояний с целью определить точки, в которых следует ставить каменные метки.

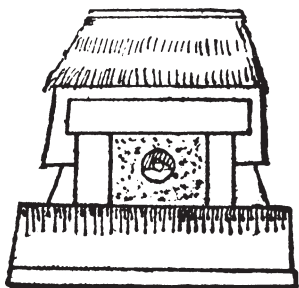
«Дрезденский кодекс» показывает, что с точки зрения геодезии майя принимали в расчет и стороны света, и промежуточные точки солнцестояний, для чего они со временем построили комп-

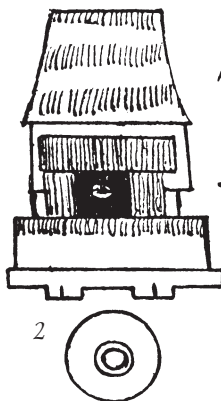
Это круглое изображение с символом Солнца справа и звездным небом слева ясно показывает деление суток на две равные части, день и ночь, или равноденствие

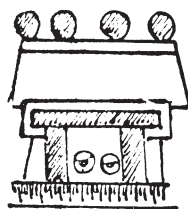
На этой иллюстрации из «Кодекса Мендосы» (репродукция Кингсборо, том 5, с. 101) изображен сидящий жрец, чей взор устремлен на символ ночных небес, представляющий собой полусферу с нарисованным на ней множеством глаз, изображающих звезды

1

2

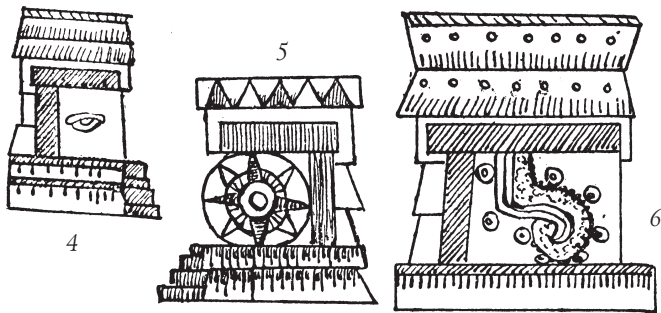

3

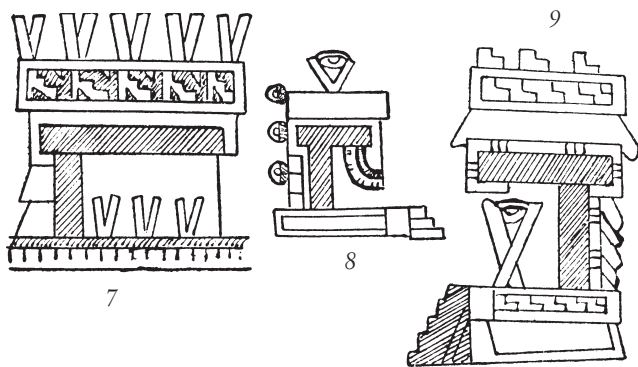
На рисунках 1—3 («Кодекс Борджиа») изображены открытые дверные проемы, в центре которых плавает одинокая звезда. Первая дверь изображает небо в сумерки или на заре, а вторая — ночью. Под вторым храмом расположен символ большой звезды или планеты. На четвертом рисунке изображены две звезды в дверном проеме

лексные обсерватории для определения точного момента солнцестояния.

Цитата из книги «Чилам-Балам» Ройса гласит: «Когда наступит одиннадцатый день июня, это будет самый долгий день в году. Когда наступает тринадцатое сентября, то этот день имеет точно такую же продолжительность, что и ночь. Когда приходит двенадцатый день де-

Вход в храм, показанный в профиль, был у местных художников распространенным способом изображать храм. На первом храме изображена одна звезда, на втором — Солнце, а на третьем — все созвездие в виде изогнутого предмета, усыпанного звездами, который очень похож на созвездие Скорпиона

В древности астрономы мексиканских индейцев не ограничивались наблюдениями за небесными телами через отверстия, сделанные в зданиях. На рисунке 7 изображен храм, на крыше и в дверном проеме которого стоят ряды раздвоенных палок. Их назначение, по словам Целии Наттолл, раскрывает рисунок 8, на котором изображен храм для наблюдения за звездами, о чем свидетельствуют три звезды на задней стене храма. На крыше в развилке тоже видна звезда. Прямоугольный орнамент на крыше третьего храма, рисунок 9, указывает на еще один способ выстраивать в одну линию небесные тела

кабря, день короток, зато ночь длинна. Когда придет десятый день марта, день и ночь будут равны по продолжительности».

Расхождения с нашими датами 23 сентября и 22 декабря связаны со сдвигом на один день за семьдесят два года, вызванным предварением равноденствий.

Диего Дуран, Торибио Мотолиния и Фернандо Иштлильшочитль, описывая жрецов Солнца в Мексике, отмечали, что они долгие ночи проводили за систематическими наблюдениями за небом, отмечая дви-

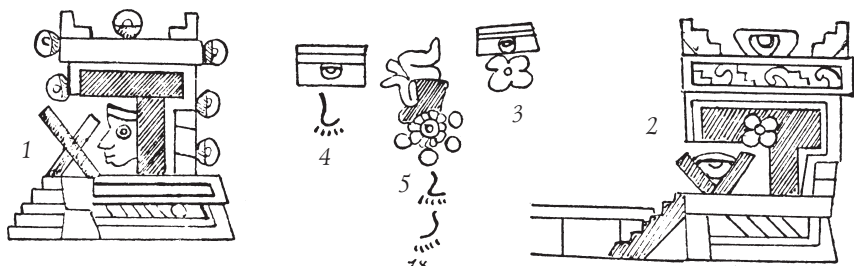

Рисунок 1. Здесь крыша и стены храма увенчаны шестью звездами, а нарисованное человеческое лицо (или маска) смотрит из дверного проема через скрещенные палки. На рисунке 2 изображена звезда, заключенная в треугольник, образованный раздвоенной палкой на вершине храмовой лестницы, в то время как другая большая звезда помещается на крыше точно между ступенчатыми углами здания. На дверном перекрытии храма изображен цветок с четырьмя лепестками. Доказательство того, что это действительно был знак определенной звезды, дается на рисунке 3, на котором виден точно такой же цветок на полосе, усеянной звездами, которая изображает ночное небо. На рисунке 4 полоса со звездой нарисована над отпечатком ноги, направленным вниз, рядом с сидящей фигурой, возле которой стоит символ дня и года, рисунок 5. Г-жа Наттолл считает, что, возможно, таким способом было отмечено расположение какой-либо конкретной звезды в определенный день. Похожий отпечаток ступни, ведущий в сторону от храма, на рисунке 2 дает возможность г-же Наттолл предположить, что, возможно, вход в храм был обращен на восток, а отпечаток ступни имеет отношение к местонахождению звезды-«цветка» или ее созвездия в определенное время года

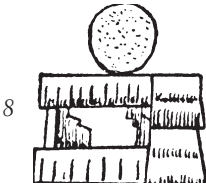
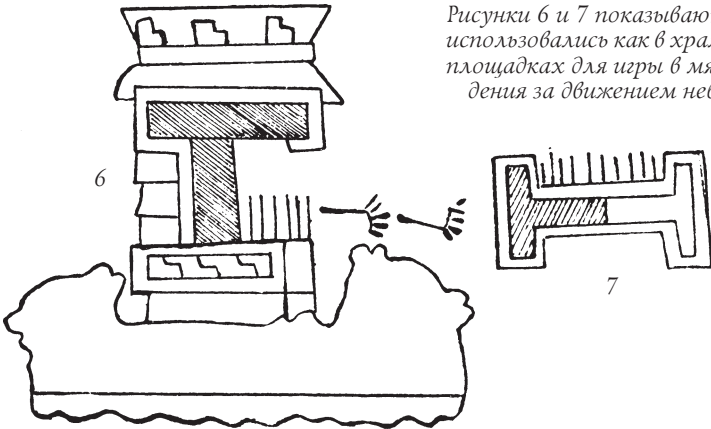
жения небесных тел. При помощи столбика-указателя солнечных часов они получали точные знания о равноденствиях и солнцестояниях.

Мотолиния пишет, что праздник в Теночтитлане под названием Тлакашипеуалицтли «проходил тогда, когда Солнце стояло посреди Уичолобос, что происходило в день равноденствия, а так как он был немного смещен, Монтесума хотел снести его и построить как надо». В официальные обязанности Монтесумы входило регулярно вставать в полночь и курить ладан в честь определенных главных звезд. Другие жрецы наблюдали за появлением определенных звезд в сумерки, в три часа ночи и непосредственно перед зарей. Это время возвещалось боем барабанов и звуками труб из храмов.

Целия Наттолл (хотя на нее мало обращали внимания) продемонстрировала неоспоримые доказательства того, что древние мексиканские индейцы не только использовали в качестве астрономических обсерваторий построенные точно фасадом на восток храмы и площадки для игры в мяч, но и изобрели для оснащения этих обсерваторий оригинальные приспособления — для точной регистрации периодических появлений и исчезновений важных небесных тел. Майя и другие использовали раздвоенные палки, прямоугольные орнамен-

Рисунки 6 и 7 показывают, что палки использовались как в храмах, так и на площадках для игры в мяч для наблюдения за движением небесных тел

На рисунке 8 изображена Венера, лежащая на вершине усеченной пирамиды, без дополнений, похожих на крылья; очевидно, планета находится в какой-то другой фазе своего обращения

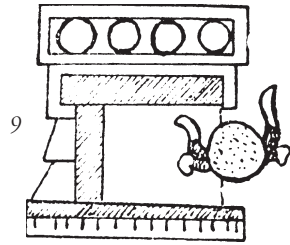
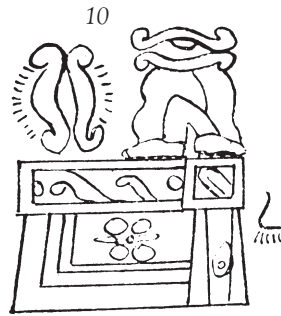
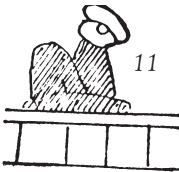
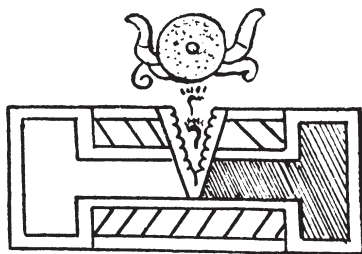

Рисунок 9 показывает нам Венеру, за которой ведется наблюдение с храма

На рисунке 10 изображены вместе звезда-«цветок» и отпечаток ноги, направленный вниз, очевидно, к ее местонахождению. На вершине террасы расположено занятное приспособление, напоминающее соединенные конечности сидящей человеческой фигуры. Еще лучше это видно на рисунке 11. Целия Наттолл пишет, что это приспособление служило той же цели, что и раздвоенная палка, и указывает на то, что на языке науатль (ацтекском) слово, обозначающее «на колене», можно прочесть как омоним со значением «на вершине», или «голова земли», или «земля»

На этом рисунке изображена Венера как утренняя звезда в период самой сильной яркости. Она изображена в виде большого блюда с двумя, похожими на крылья, дополнениями. Из рисунка также ясно, что за ней наблюдали из центра площадки для игры в мяч, откуда виден ее восход. То, что половина площадки затемнена, может указывать на восход Венеры в день солнечного равноденствия

ты вдоль крыш вытянувшихся в линию домов, ряды вертикально стоящих палок и стелы, специально расположенные на расстоянии нескольких миль друг от друга.

Еще в начале XX века г-жа Наттолл нашла в кодексах иллюстрации, описывающие способы, которыми пользовались жрецы в Мезоамерике для наблюдения за звездами и планетами. На рисунках изображены древние астрономы, как в Месопотамии или Египте, которые ведут наблюдения за определенными звездами, сидя в темной келье или комнате и глядя через дверной проем храма, расположенного на возвышенности.

Целия Наттолл также верно предположила, что высокий купол Караколя в Чичен-Ице представлял собой гномон, который не отбрасывал тени в полдень в те дни, когда Солнце находилось в зените в мае и июле (объявляя населению наступление сезона дождей и начало нового календарного года).

Луис Арочи, автор книги, посвященной астрономическому расположению «Кастильо» в Чичен-Ице, также демонстрирует серией замечательных фотографий, что ступени этой постройки так искусно спроектированы и расположены, что только в дни весеннего и осеннего равноденствия солнечные лучи заставляют огромную змею (чья голова вырезана у подножия ступеней) ползти вверх или вниз по лестнице: вверх — весной и вниз — осенью, образуя семь правильных треугольников, узор из которых носит на себе местная гремучая змея рода *Crotalus*.

Несмотря на Дж.Э. Томпсона, который считается самым главным из всех существующих специалистов по культуре майя, но который пренебрежительно относится к Караколю, видя в нем не что иное, как «двухъярусный свадебный торт в квадратной коробке, в котором его привезли», недавние научные исследования показали, что это необычное здание было замысловато спроектированной астрономической обсерваторией и геодезическим указателем.

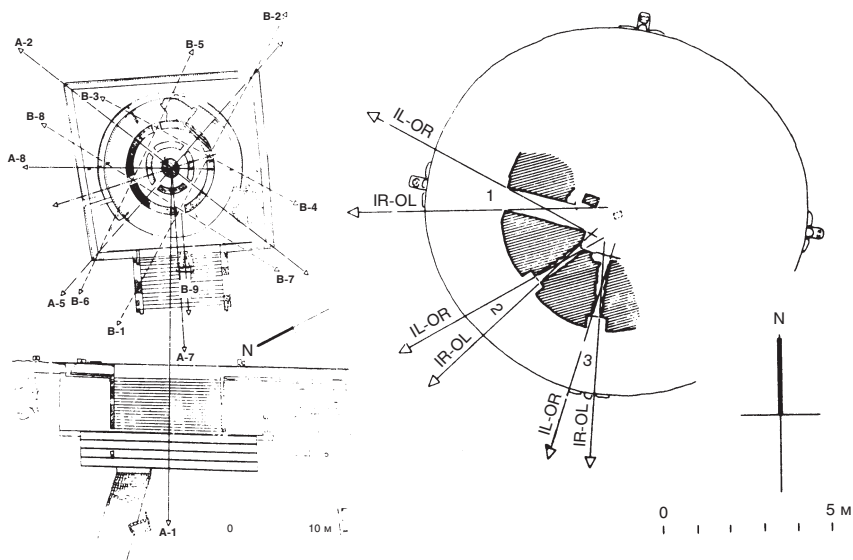
Астроном Э.Ф. Авени, историк Ш.Л. Гиббс (оба с факультета Колгейтского университета в Гамильтоне, Нью-Йорк) и Хорст Хартунг (Гартунг), архитектор из университета города Гвадалахары, Мексика,

Миштекская рукопись, известная под названием «Кодекс Наттолл».

В начале XX века во Флоренции Целия Наттолл услышала от Паскуале Виллари, итальянского сенатора и бывшего министра высшего образования, что, когда он двумя годами ранее проводил исследования в библиотеке Сан-Марко, к нему обратился монах с необычной рукописью. Это был бурный период объединения Италии, так что, когда библиотека была передана государству, эта рукопись была уже продана одному англичанину, проживавшему во Флоренции, который подарил ее своему другу в Англии. Приняв решение вернуть рукопись, Целия Наттолл обыскала всю Англию, установив в конце концов, что она была подарена сэру Роберту Керзону, 14-му барону Зушскому. Эту рукопись Целия Наттолл нашла среди бумаг 15-го барона, где она пролежала нераскрытой двадцать пять лет. В настоящее время рукопись находится в Британском музее, а точная ее копия, опубликованная в 1901 году Целией Наттолл, вышла в виде книги в мягкой обложке. История рукописи неясна, но возможно, она находилась среди подарков, посланных Кортесом Карлу V

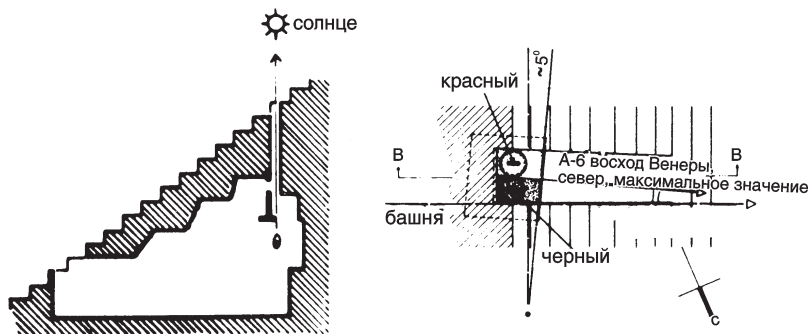
Схемы, нарисованные Э.Ф. Авени, которые показывают различные астрономические конфигурации, сделанные с постройки под названием «Караколь» в Чичен-Ице

утверждают, что диагонали главной платформы указывают на восход Солнца в день летнего солнцестояния и на его закат в день зимнего солнцестояния. По их мнению, другие астрономические наблюдения могли быть сделаны в различные времена года в различных частях здания жрецами-астрономами. В документе, представленном сорок первому международному Конгрессу американистов, проходившему в Мехико в 1974 году, они пошли дальше и выразили предположение, что большая часть асимметрий, встречающаяся в архитектуре Караколя, была намеренно заложена в его проект, чтобы создать такие прямые линии, которые указывали бы на астрономические явления.

Снимок, сделанный Л. Арочи, на котором видна огромная змея с ячеистым рисунком, спускающаяся со ступеней «Кастильо» в Чичен-Ице в день равноденствия

Следуя гипотезе Рикетсона о том, что окна предназначались для астрономических наблюдений и что одно из них, возможно, специально было спроектировано так, чтобы оно указывало

Схемы, сделанные Авени, на которых показаны методы ведения наблюдений за звездами и Солнцем с мезоамериканских построек

на закат в дни равноденствий, эта троица стала вести наблюдения. Им удалось увидеть, что прохождение Солнца через весеннее равноденствие происходило в течение десяти минут на закате. Край заходящего Солнца образовывал почти идеальную прямую линию с узким оконным проемом, давая возможность через эту щель наблюдать закат.

Так как наблюдения за звездами особенно важны во время солнцестояний или пребывания Солнца в зените (для получения большей точности), эти трое ученых считают, что отверстия для наблюдений, прямоугольные, горизонтально расположенные туннели шириной от восьми до двенадцати сантиметров, пронизывающие башню на уровне земли под верхним молдингом и над ним, тоже, вероятно, выполняли свою функцию в астрономических наблюдениях. Вышеупомянутая троица нашла линейные построения для совпадающих с восходом и заходом Солнца восходов таких основных звезд, как Канопус, Кастор и Поллукс, что привело их к предположению, что целые созвездия, такие как Плеяды, вероятно, можно было более точно наблюдать из окон в такие важные моменты, как день прохождения Венеры.

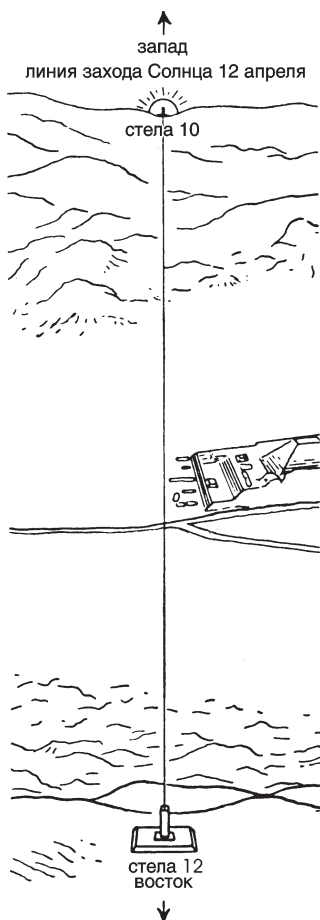
Поскольку Венера, которую по яркости превосходят только Солнце и Луна, достигает на горизонте своих крайних точек на севере и на юге через регулярные промежутки времени календарного года, эти трое ученых выдвинули предположение, что расположение окон «Кастильо» могло определяться положением Венеры на закате.

Возвышение в Ушмале, служащее основанием для Дворца правителя, повернуто фасадом к восходу Венеры. Доказательства этого Томпсон нашел в замысловатом венерианском календаре из «Дрезденского кодекса». Считается, что этот календарь был составлен в окрестностях Чичен-Иццы и свидетельствует о том, что древние мексиканские индейцы интересовались восходом и заходом Венеры.

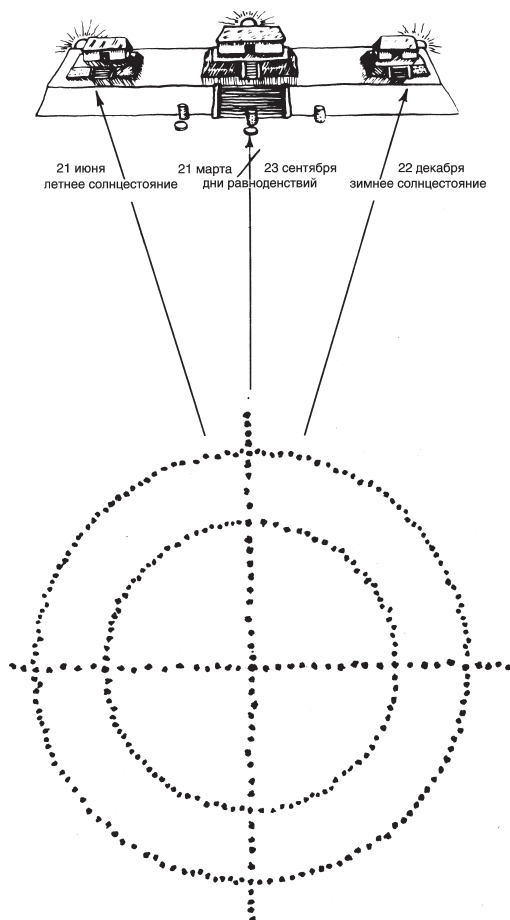

Авени заметил церемониальный центр, расположенный на холме в 5 км от дворца правителя в Ушмале (впервые его увидел Стивенс и назвал Нохпат) на одной линии с колонной и Чак-Моолем, чтобы указывать на максимально южную точку местонахождения Венеры

Выстроившиеся в одну линию Солнце и стелы «солнечных часов» в Копане, Гондурас

Храмы равноденствий и солнцестояний в Вашактуне

А недавние достижения отдела иероглифов Института изучения культуры майя при Музее науки в Майами указывают на то, что в кодексах содержатся сложные и бесконечные вычислительные схемы таких скоротечных явлений, как совпадение циклов гелиакических (совпадающих с восходом и заходом Солнца) восходов Венеры с солнечными затмениями.

Авени также искал подходящие места, которые могли указывать на заход Луны, когда она находится в своих максимально крайних точках на севере и на юге. Оказывается, каждые 18,6 года полная Луна, по времени ближе всего находящаяся к зимнему солнцестоя-

Чак-Мооль.

Вогнутое круглое блюдо, лежащее на животе Чак-Мооля, впервые было обнаружено Ле Плонжоном. Точно такое же блюдо было помещено на вершине лестницы так называемого храма Воинов в Чичен-Ице, которое, вполне возможно, использовалось в качестве емкости для воды или ртути (которая была знакома народу майя); здесь плавал кусок магнитного железняка или стрелка компаса. Эта чаша также могла служить зеркалом для наблюдения за мгновенным переходом звезд через меридиан — этим способом до сих пор пользуются в наши дни в Военно-морской обсерватории в Вашингтоне, округ Колумбия, и пользовались, по крайней мере, пять тысяч лет назад на Великой пирамиде Хеопса.

Так как ряд важных исторических мест в Южной Мезоамерике, такие как в Уимале, Копане и Цибильчальтуне, имеют в своей основе планы, ориентированные немного восточнее астрономического севера, близко к нынешнему направлению стрелки компаса, Роберт Фурисон в своей работе «Летописи ассоциации американских географов» в 1969 году высказал предположение, что майя могли быть знакомы со свойством намагниченных предметов располагаться по линии север—юг и использовали кусочки обработанного магнитного железняка. Такие кусочки были найдены, и было установлено, что они относятся к доколумбовой эпохе (использовались для украшений. — Ред.)

нию, заходит в максимально северной точке. Это должно было дать майя периодически повторяющийся цикл, подобно линейным построениям в Стонхендже. В кодексах также содержится точная информация о различных циклах луны.

В настоящее время другие круглые башни страны майя под Тулумом, Аке и Косумелем, тоже посвященные Кецалькоатлю, изучаются в плане их астрономической ориентации.

В Копане (Гондурас) при помощи солнечных часов была установлена основная линия, проходившая в девяти градусах севернее западного направления, которая указывала на заход Солнца в дни солнцестояний и равноденствий. В Вашактуне (Уашактуне) три храма и две стелы служили точными ориентирами положения Солнца во время солнцестояний и равноденствий. В Шочикалько (Хочикалько) огромная пирамида содержит в себе вертикальную шахту, которую освещает Солнце, находясь в зените, дважды в год. И именно тогда, когда Солнце находится в зените, пирамида отбрасывает абсолютно круглую тень.

Маркуина и Руис выдвигают предположение, что местоположение Плеяд было возможным ориентиром для осей пирамид в Теотиуакане и Тенайука. Авени пишет, что во время строительства дороги Мертвых Плеяды должны были соприкоснуться с горизонтом в точке над вершиной Серро-Колорадо под углом $284^{\circ}40'$ или $14^{\circ}40'$.

Авени считает, что Плеяды также могли выполнять функцию «оповещения» о первом в году прохождении Солнца через зенит в Теотиуакане, так как восход и прохождение Солнца через зенит случались приблизительно в один и тот же день — 58 дней спустя после весеннего равноденствия.

Эту теорию в 1967 году поддержал Дж.У. Доу в своей работе «Астрономическая ориентация Теотиуакана в древности». Доу высказывает предположение, что основная линия, идущая с востока на запад, была базовой для плана города и что Дорога Мертвых проходила по отношению к ней под прямым углом.

Глава 22

ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ ОТМЕТКИ

Когда в 1937 году американский археолог Оливер Г. Рикетсон впервые обнаружил в Вашактуне отметку, с которой можно было наблюдать равноденствия и солнцестояния, он заметил, что она была сделана в форме креста, составленного из восьмидесяти одного отверстия. Многими годами ранее Висенте Рива Паласио использовал похожую отметку в качестве иллюстрации в своем четырехтомном труде «Мексика сквозь века». Но никто не мог понять назначение или смысл этих восьмидесяти одного отверстия.

В начале 1970-х годов, ведя поиски храмов на холмах вокруг долины Теотиуакана, Харлстон и группа археологов-любителей нашли целую систему похожих каменных указателей, которые явно образовывали одну линию с пирамидой Солнца. Были найдены также и другие четко выраженные отметки, которые указывали на восход и заход

Указатель, расположенный на американо-мексиканской границе, о котором сообщил В.Р. Паласио в 1889 году.

До сих пор не было возможности установить точную дату, когда эти метки могли быть изготовлены. Были ли надписи на них сделаны, как это требовалось для строительства пирамид, где-нибудь в начале христианской эры или, возможно, раньше или гораздо позже? Может быть, их сделали те, кто вел наблюдения, пытаясь заново установить визирные линии солнцестояний и равноденствий после того, как в VIII веке произошло падение Теотиуакана?

Солнца в дни солнцестояний, равноденствий и прохождения Солнца через зенит.

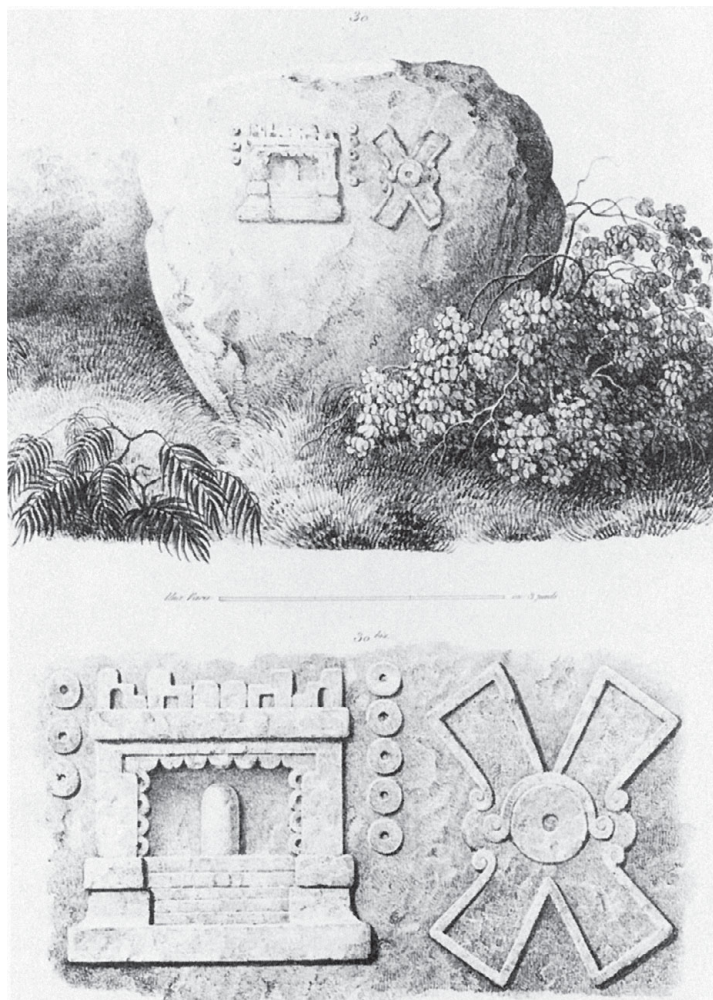
Эти отметки указывают на то, что различные постройки пирамидального комплекса использовались в соединении с маркерами, расположенными на холмах и горах, окружающих долину, для геодезического и астрономического визирования, по крайней мере, еще в период падения Римской империи или, возможно, гораздо раньше.

То, что маркеры выполняют именно эту функцию, было установлено исследователями после неоднократных наблюдений восходов и заходов солнца в Теотиуакане, где они выстраиваются в ряд с такими установленными линиями визирования, как углы пирамиды Солнца, и указывают на летние и зимние солнцестояния. Подробности этих открытий и наблюдаемых явлений были представлены на сорок первом Международном конгрессе американистов в Мехико в сентябре 1974 года.

Маркеры — некоторые из них имеют более метра в диаметре — представлены в виде крестов в одинарном или двойном круге или в виде строенных листьев клевера. Маленькие дырочки шириной в один сантиметр, расположенные на расстоянии приблизительно двух сантиметров друг от друга, были проделаны на обнаженной твердой поверхности вулканических пород или в тысячелетних пластах известняка и измельченных вулканических породах таким образом, что вырисовывались математически значимые числа, такие как: 4 «крыла» креста по 20 дырочек плюс 1 в центре в итоге давали 81 отверстие, или 9 раз по 9. Ряды отверстий либо образуют углы 90 градусов, либо выстроены в ряд, образуя с географическим севером углы 48, 60, 66, 72, 144 или 228 градусов. Астрономические и геодезические функции некоторых линий азимута были расшифрованы исследователями, другие же остаются загадкой.

Самый сложный маркер, тройной лист клевера вокруг координатного креста Декарта, был обнаружен 9 марта 1974 года Альфонсо

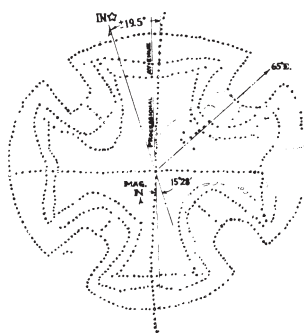

Петроглифы, найденные Дюпэ, понять значение которых он так и не смог

Моралесом. Моралес занимался планированием водных ресурсов и, подобно другим исследователям, хотел ускорить археологические исследования для лучшего сохранения древних памятников Мексики.

Моралес нашел этот маркер под неутрамбованным слоем нанесенной ветром земли и мусора, оставленного туристами, рядом с лоджией, расположенной во внутреннем дворике к западу от главной оси Теотиуакана дороги Процессий (так называемой дороги Мертвых) напротив пирамиды Солнца.

Тройной крест

Крест состоит из 30 дырочек каждой части плюс 1 дырочка в центре, то есть всего 121 дырочка, или 11 в квадрате. На каждый листок клевера приходится 63 дырочки, или 9×7 .

Часть центрального креста, направленная с севера на юг, шла под углом 19,5 градуса восточнее северного направления. Когда этот маркер показали Харлстону, он отметил, что одна линия, состоявшая из углублений, выразительно указывает на азимут, оказавшийся равным почти 65 градусам.

Чтобы проверить такую ориентацию с возможно большей точностью, исследователи вернулись к полуденной точке в день весеннего равноденствия, захватив с собой треножник и указатель на центр тройного креста. И им тогда удалось при помощи Солнца проследить прямую линию, проходившую через этот маркер без отклонения от астрономической линии запад—восток. Эта линия была особенно точно выверена в 1974 году, потому что случилось так, что Солнце пересекло экватор в полдень по центральному поясному времени (что совпало с полуднем в Теотиуакане).

Перпендикуляр, проведенный к этой линии, дал исследователям географическое направление север—юг, от которого можно было измерить азимут, отмеченный отверстиями на известковой плите; он был равен точно 65 градусам к востоку относительно севера.

Согласно вычислениям, основанным на широте Теотиуакана и угла наклона Солнца, солнечный азимут в утро летнего солнцестояния равен 65,007 градуса.

Чтобы лично наблюдать это явление, Харлстон и Мануэль Гайтан, семидесятилетний профессор, занимавшийся археологической реставрацией в Мексиканском институте антропологии свыше тридцати лет, получили от института разрешение провести ночь 20 июня в палатке на дороге Процессий, готовясь к солнцестоянию 21 июня.

На протяжении всей ночи дождь то шел, то прекращался. Сезон дождей в долине Мехико длится с июня по сентябрь. Но сразу после рассвета 21 июня и вскоре после восхода Солнца дождь прекратился настолько, чтобы двое наблюдателей, расположившихся возле тройного креста, могли увидеть Солнце, появляющееся из-за верхней части юго-восточного угла третьего уровня пирамиды Солнца таким образом, что это было однозначно узнаваемо.

Это явление привело двоих наблюдателей к предположению, что должна существовать другая отметка, с которой восход Солнца можно было с точностью наблюдать дважды в году: утром в те дни, когда

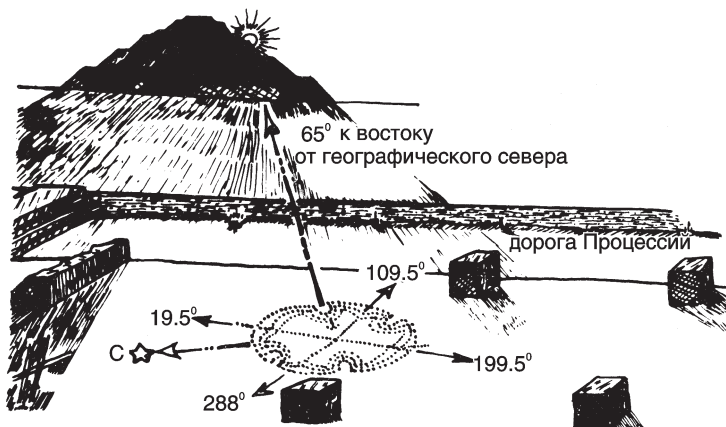
Солнце пересекает зенит над пирамидой Солнца — в 1974 году это были дни 19 мая и 25 июля. Харлстон вычислил место, где нужно было находиться наблюдателю, чтобы иметь возможность видеть поверх вершины пирамиды: оно находилось на расстоянии 14 километров к юго-западу от пирамиды на высоте 2630 м, образуя с ней линию, составляющую с направлением на север угол 70,2 градуса к востоку.

Чтобы быть уверенным в точности своих вычислений, Харлстон организовал подтверждение их правильности из трех независимых источников. Это сделал главный геодезист Мексики Мануэль Медина Перальта, бывший декан факультета геодезии Мексиканского государственного университета и автор книги «Элементы позиционной астрономии»; доктор Йоджи Кондо, астрофизик НАСА из Джонсоновского космического центра в Хьюстоне, Техас, и турецкий астроном доктор Парис Пиджмидж. Все они согласились с полученными Харлстоном данными.

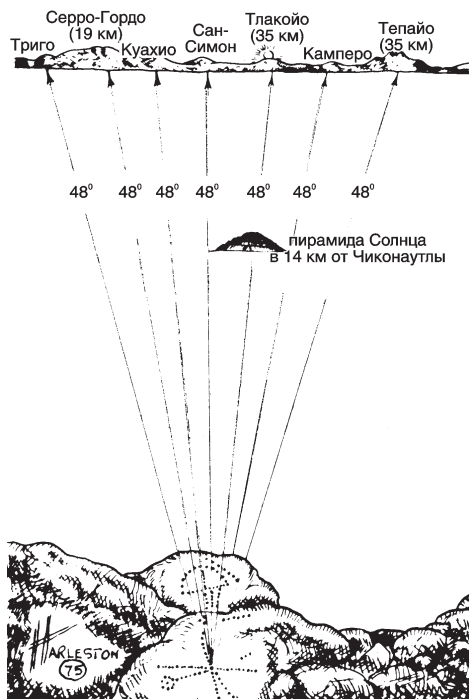
Три разведывательные вылазки были сделаны в выбранный район рядом с вершиной горы под названием Чиконаутла («Место Девяти»), что расположена в 300 м над долиной Теотиуакана и в 2650 м над уровнем моря, но они оказались бесплодными: никакой отметки не нашли. Будучи убежденными в том, что они каким-то образом пропустили отметку, Харлстон и Гайтан провели ночь на 24 июля (которая предшествовала восходу Солнца в день прохождения через зенит) в лагере, расположенном в полукилометре от расчетного места. Снова шел дождь, рассвет был туманным сквозь легкую морось, но как раз в момент восхода Солнца тучи над долиной достаточно разошлись для того, чтобы Гайтан сфотографировал появление солнечной сферы над пирамидой Солнца. В это время Харлстон, проклиная погоду, поднимался к вершине Чиконаутлы, находящейся приблизительно в 60 м над лагерем по крутому склону. Но потом он понял, что следовало быть благодарным дождю.

На мокрой и блестящей поверхности лавовых пластов, изъеденной дождями и ветрами, стали видны слабые углубления многоугольного маркера, который появился на вершине горы точно под вычисленным углом 70,2 градуса и на высоте 2632 м. В то утро маркер образовал абсолютно прямую линию с восходом Солнца, когда на широте 19°41' Солнце в полдень стоит прямо над пирамидой Солнца.

Предположив, что и другие маркеры для визирования летнего и зимнего солнцестояний также должны были быть расположены в соответствующих местах, поисковая группа нашла еще две отметки, расположенные ближе к отметке, обнаруженной в 1963 году американским археологом Джеймсом Беннихофом. Взятые вместе, маркеры образуют треугольник, который дает возможность наблюдателю вести наблюдения в различных направлениях и видеть восход и закат Солнца как во время летнего, так и зимнего солнцестояния.

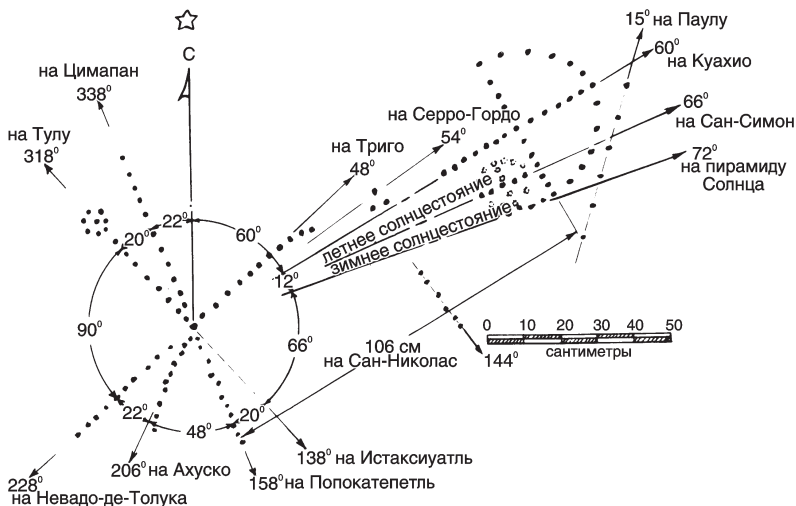

Солнце во время летнего солнцестояния 21 июня, когда оно появляется из-за третьего уровня пирамиды Солнца, если смотреть, находясь у тройного креста в Теотиуакане

Восход Солнца 19 мая и 25 июля, в дни, когда Солнце в зените над Теотиуаканом. Вид с отметки, расположенной на горе Чиконаутла

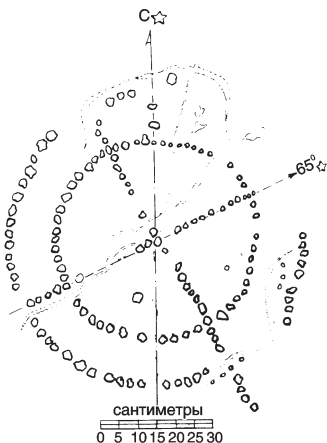
Будучи убежденным в том, что еще один наблюдательный пункт, с которого можно было бы видеть появление солнечного диска во время зимнего солнцестояния, должен быть расположен ближе к пирамиде Солнца, Харлстон вычислил, что он должен был бы находиться не менее чем в двух километрах от пирамиды, на азимуте 117 градусов, так что горы одна за другой уходили из поля зрения наблюдателя, оставляя единственную высоту — пирамиду. Вместе с Мэтью Уолдресом, доктором археологии, который работал с Рочестерским университетом Мийона над картографическим проектом, они нашли нужную пирамиду. Она была отмечена на карте Мийона и находилась в 1200 м от пирамиды Солнца точно под углом 117 градусов. Если

Отметка, названная Уак-Кан — пункт наблюдения № 1, была замечена Харлстоном благодаря тому, что рано утром шел дождь, который намочил поверхность и позволил исследователю увидеть слабые углубления в камне. Эти углубления расположены таким образом, что дают углы направлений на главные горные вершины, а также составляют линии, направленные на восход солнца в дни солнцестояний и прохождения солнца через зенит. Это навело Харлстона на мысль, что древние индейцы-геодезисты использовали систему 6-градусных делений, которую предпочитали и в Месопотамии.

Отметка Беннихофа.

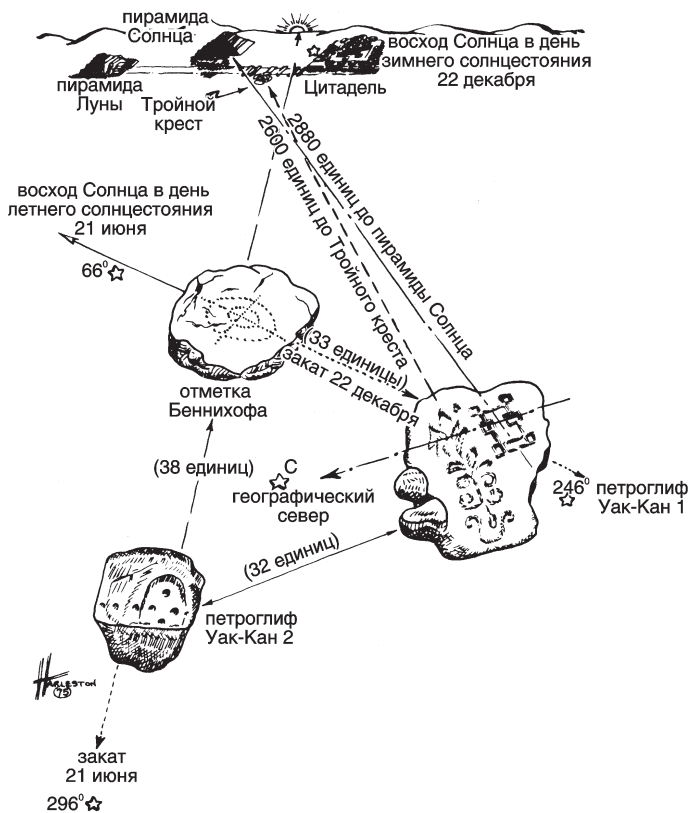
В 1963 году, когда проводилась съемка склонов гор вокруг Теотиуакана для картографического проекта Мийона, археолог Джеймс Беннихоф, прогуливаясь по южному склону Малиналли в местечке под названием Колорадо-Чико, нашел почти незаметный каменный маркер. Он состоял из двух кругов и креста; перекладины креста были направлены под углом 65 градусов к востоку от географического севера. Но этот факт был замечен только одиннадцать лет спустя. находка Беннихофа не находила себе применения до того момента, пока в 1973 году она не была упомянута во введении к «Карте Теотиуакана»

смотреть с нее, то Солнце в день зимнего солнцестояния появлялось над юго-западным углом второго яруса пирамиды 22 или 23 декабря.

При дальнейшем изучении карты Мийона обнаружился целый ряд остатков пирамид, расположенных на разных расстояниях и под раз-

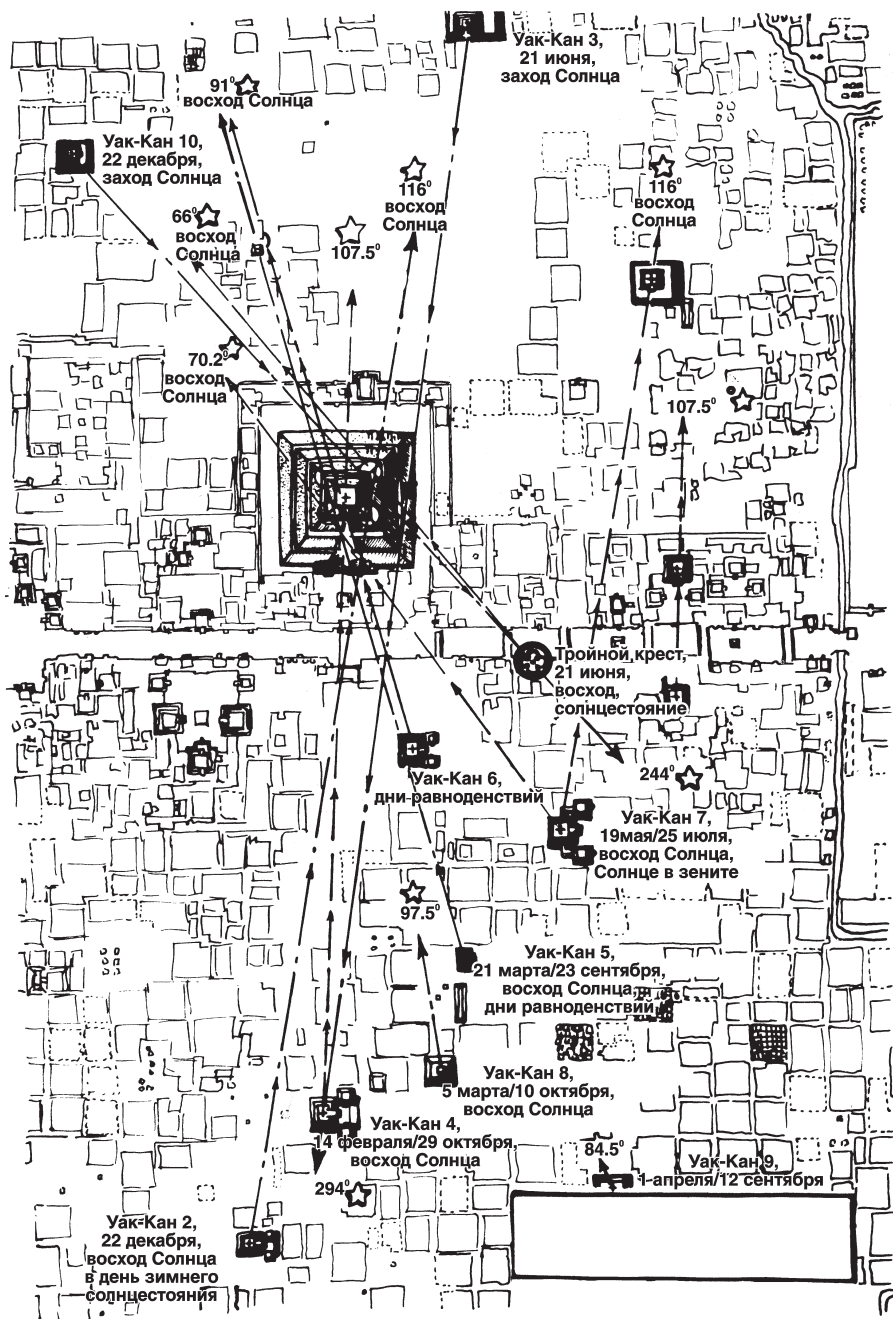

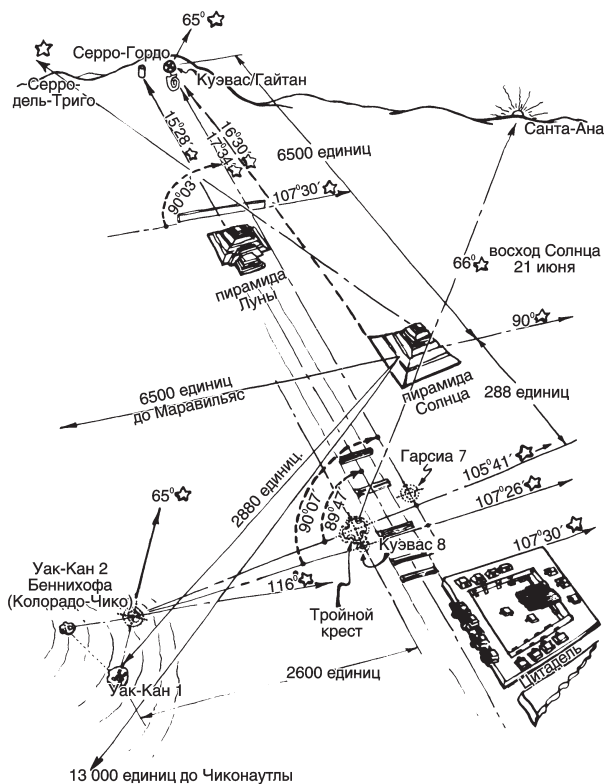
Два новых указателя, обнаруженные Харлстоном и его коллегами, — они назвали себя группой Уак-Кан (на языке майя это слово обозначает «Шесть Змей») — демонстрируют прямые линии, направленные на закат и восход Солнца во время летнего солнцестояния под углом 66 градусов, а во время зимнего солнцестояния под углом 116 градусов

личными углами к востоку и западу от пирамиды Солнца в пределах двух километров. Азимутальные углы восхода и захода Солнца в дни летних и зимних солнцестояний, а также равноденствий и в дни прохождения Солнца через точку зенита проходили прямо через определенные пирамиды, указывая на то, что на этих пирамидах, возможно, проходили торжественные церемонии в честь важных солнечных циклов. Из расположения многих других пирамид, разбросанных в пределах городской черты, сейчас вполне возможно вывести даты других празднеств, которые проходили в Теотиуакане с целью отметить фазы Луны и такие движения звезд, как восход и заход Сириуса и Плеяд.

С двух других отметок, расположенных в районе юго-западнее пирамиды Луны, кажется возможным проводить визирование через третий

Наблюдательные пункты, расположенные на пирамидах вокруг пирамиды Солнца, и даты солнечных явлений

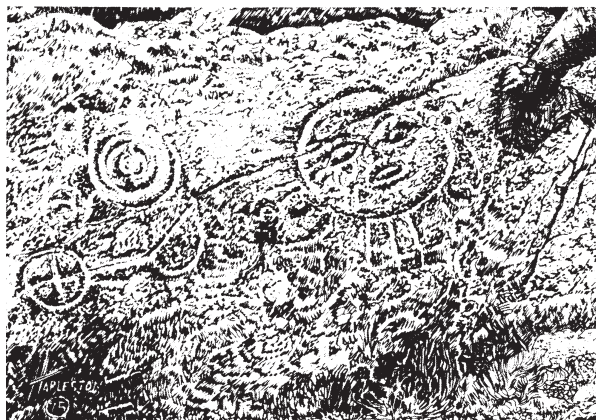

Другие наблюдательные пункты.

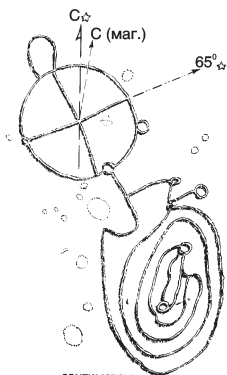
Наблюдательный пункт Уак-Кан 2 был обнаружен доктором Мэтью Уолресом. Он представлял собой курган, развалины древней пирамиды, расположенной в 1240 м (1170 условных единиц измерения) к северо-западу от пирамиды Солнца. Линия, идущая под углом 116 градусов на восток, проходит через юго-западный угол четвертого яруса точно напротив того места, которое использовалось для наблюдений за Солнцем в день летнего солнцестояния с Тройного креста. Эта пирамида уже есть на карте Теотиуакана от 1973 года, но она не была определена как наблюдательный пункт, когда составлялась карта.

Дальнейшие исследования показали, что по крайней мере 11 пирамид к западу и востоку от пирамиды Солнца могли выступать в роли наблюдательных пунктов. Все они расположены в радиусе 2 км от пирамиды Солнца, а шесть из них расположены в местах, удобных для ведения наблюдений за Солнцем в дни солнцестояний, равноденствий и пересечения Солнцем точки зенита; шесть — общее число главных солнечных явлений в году. Другие обсерватории могли быть предназначены для церемоний 14 февраля и 29 октября, последняя позднее перенеслась на 1 ноября, важный День Всех Святых, до сих пор являющийся одним из главных праздников в Мексике.

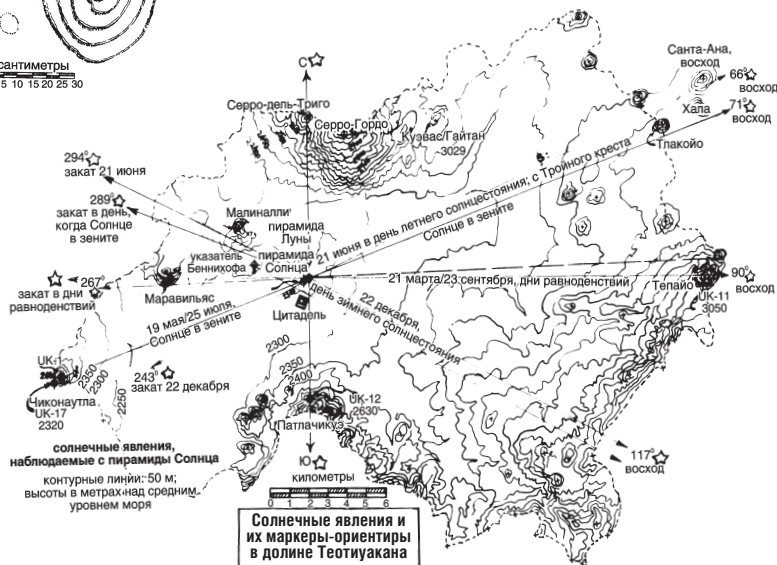
Дальнейшие вычисления привели к предсказанию расположения еще семи обсерваторий, включая две, которые, возможно, были разрушены или перестроены рыцарями священнослужителями в XVIII веке и стали функционировать в качестве местных земельных отметок. Эти два маркера должны находиться восточнее на Тепайо (Уак-Кан 11) и южнее пирамиды Солнца на Патлачикуэ (Уак-Кан 12)

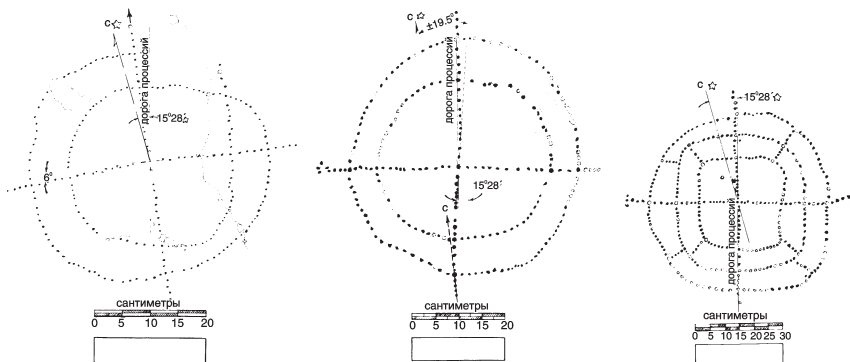

На вершине Серро-Маравильяс (гора Чудес — исп.) Мануэль Гайтан опознал маркер, получивший название Уак-Кан 14, который должен был быть расположен к западу от пирамиды Солнца на возвышении, дублирующем камень Беннихофа. Помимо круга и креста на этом камне есть тройной эллипс, напоминающий конфигурацию на маркере Гарсиа 6, и круг с изображением лица, похожий на рисунки, уже встречавшиеся в Теотиуакане, но с неглубокими бороздками «солнечных лучей» (что нетипично для Теотиуакана). Полагают, что они были сделаны в более поздний период, возможно аутеками в XIV веке. Они, видимо, не смогли устоять перед искушением, чтобы не добавить к оригиналу свои детали

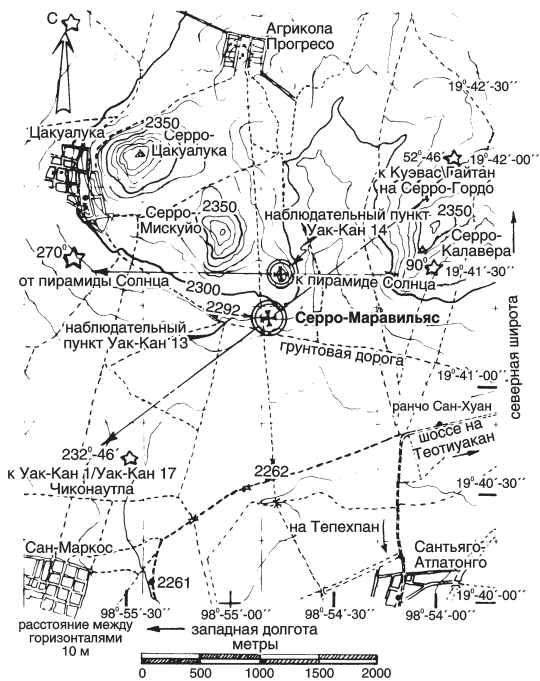
САНТИМЕТРЫ
0 5 10 15 20 25 30

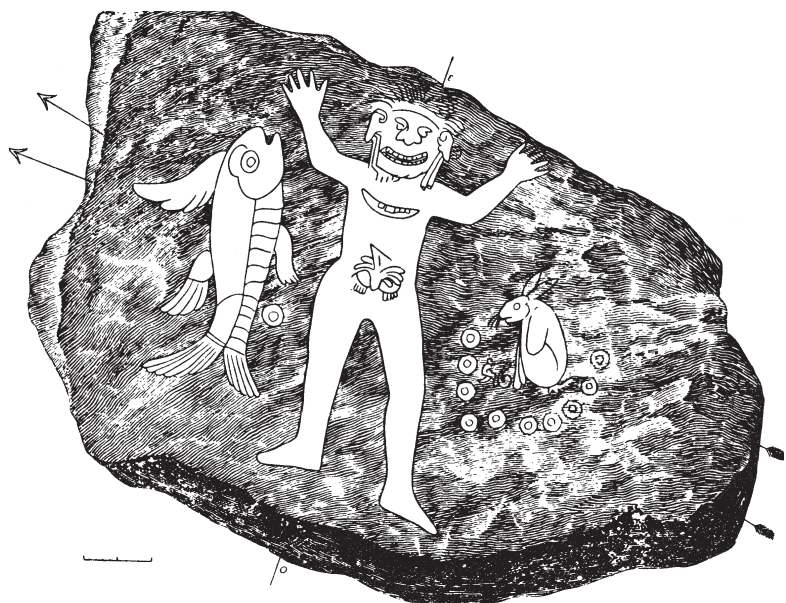
Указатель Гарсия.

В 1964 году мексиканский археолог Браулио Гарсия в ходе реставрационных работ в храмах, расположенных вдоль дороги в так называемой зоне 7, что в 300 м к югу от пирамиды Солнца, обнаружил цементный пол, датированный IV веком. На нем в виде углублений были нанесены две concentric окружности и крест. Северный луч креста на 19 с половиной градусов отклоняется к востоку от направления на географический север. Гарсия нашел также еще одну конфигурацию на полу внутреннего двора, расположенного через дорогу в зоне 6. А его коллега Альфонсо Куэвас обнаружил местонахождение третьего маркера в зоне 8, находящейся в 83 м южнее. Данные об этих маркерах были занесены в архивы, но опубликованы были только данные о маркере Гарсия 7

Указатели на горе Маравильяс показывают угловые отношения с другими маркерами и с пирамидой Солнца

Дюпэ нашел эту каменную глыбу (изображение имеет длину 8,2 м) на полу хижины недалеко от Орисабы. По словам археолога Даниэля С. Бринтона, этот «великан-людоед ужасной наружности» является изображением Цонтемека Миктлантекутли, «владыки царства мертвых», «того, у которого падают волосы». Бринтон считает, что «падающие волосы» символизируют косые лучи заходящего Солнца в день зимнего солнцестояния, а значки доносят до нас конкретную дату: зимнее солнцестояние в год 1 Рыба 10 Кролик

уровень пирамиды Луны и наблюдать максимальное движение Луны в северном направлении в конце ее девятнадцатилетнего метонического цикла. Если это действительно возможно, то названия, данные ацтеками двум огромным пирамидам, Солнца и Луны, возможно, были связаны с исчезающей традицией вести с них наблюдения за относительными движениями этих небесных тел; это их назначение было вновь открыто лишь в наши дни.

Как и в древней Британии времен Стоунхенджа, в середине лета, то есть в день летнего солнцестояния, сигналы могли посылаться при помощи костров с вершины пирамиды Солнца от пункта к пункту на большие расстояния. И тут стоит заметить, что Саагун сообщал о том, что Теотиуакан был известен не только как «место, где люди становятся богами», но и как «место, с которого подаются сигналы».

Похожие рисунки-маркеры на камнях были найдены расположенными по кругу на расстоянии ста километров к югу от Теотиуакана и на севере, на американо-мексиканской границе. Координаты

этих камней позволили предсказать и обнаружить неизвестные до этого маркеры, расположенные относительно недалеко (в пределах видимости) от пирамиды Солнца, которые, очевидно, использовались для ведения наблюдений за астрономическими явлениями и для определения расстояний, соразмерных габаритам Земли, и получения другой информации о космосе.

Это привело Харлстона к предположению, что, возможно, были построены и другие церемониальные центры в тех местах, через которые, по выражению английского писателя Альфреда Уоткинса, проходили земные магнитные энергетические линии, расположенные под различными углами к Теотиуакану. Таким центром мог быть комплекс майя в Тупилько, находящийся в 630 км к юго-востоку от Теотиуакана, где в настоящее время происходят его раскопки.

Вашактун, который был захвачен жителями Теотиуакана в III веке, расположен в 989 км к юго-востоку от Теотиуакана под прямым углом к Дороге Мертвых.

За пределами церемониальной зоны на разных расстояниях, выраженных в километрах, которые уместаются в модуль, равный 2268 *хунабам* Харлстона, или 7800 египетским футам, существуют другие пункты. И они наводят на мысль, что геодезическая информация была тесно связана с точным планом церемониальной зоны глобальной системой маркеров.

Дополнительная информация по теоретической части геодезического плана Теотиуакана была представлена на Конгрессе американистов в сентябре 1976 года. Она указывает на возможность существования схемы-сетки, которая была обнаружена поисковой группой Уак-Кан в долине Тепостлана, расположенной в 85 км к юго-западу от пирамиды Солнца на линии визирования, проходящей с севера на юг через 196°30'.

Глава 23

КОСМИЧЕСКИЕ И ЗЕМНЫЕ СИЛЫ

Джон Мичелл, автор книг «Взгляд на Атлантиду» и «Город открытый», убежден в том, что пирамида Солнца в Теотиуакане является, подобно пирамиде Хеопса, одной из постоянных точек всемирной геодезической системы, спланированной в огромных масштабах с высокой точностью какой-то ушедшей цивилизацией, обладавшей научными знаниями и тем, что в настоящее время считается магией. Умение составить такую сеть астрономических и геодезических линий на поверхности планеты, пишет Мичелл, подразумевает обладание передовой технологией.

Он полагает, что кем бы ни были те, кто построил такую систему, они владели «какой-то чудесной силой», при помощи которой они могли вырубать и поднимать огромные каменные глыбы. У них в большом количестве имелись инструменты для ведения астрономических наблюдений, пирамиды, круги из колонн, циклопические каменные платформы — все они связывались воедино сетью линий, направление которых от горизонта до горизонта было отмечено камнями, курганами и земляными сооружениями. Это было «огромным научным инструментом, растянувшимся по всей поверхности земного шара».

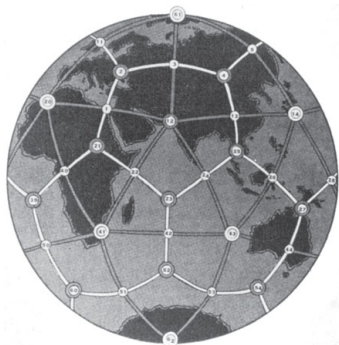
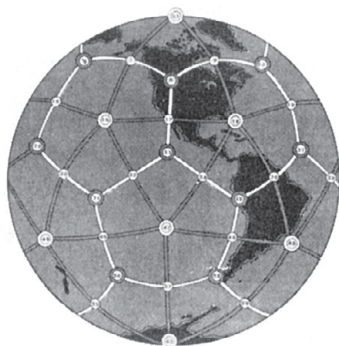
Древние карты, такие как португальские лоции, карты Пири Рейса, Оронтеуса Финеуса и многие другие, свидетельствуют о том, что кто-то составил карту всего земного шара с точностью, которой невозможно было достичь вплоть до конца XVIII — начала XIX века. Также очевидно, что составители древних карт использовали не координаты Декарта, широту и долготу, а некую систему сферических треугольников. При этом они, возможно, пользовались каким-то прибором, при помощи которого они могли проследивать магнитные энергетические линии Земли, а не руководствовались только стрелкой компаса, указывающей на Северный магнитный полюс.

Трое русских ученых, Н.Ф. Гончаров, В. Мороз и В. Макаров, не так давно сделали открытие, подтверждающее, что слабые магнитные линии, которые опоясывают всю планету, делают из нее двенадцатигранник, наложенный на двадцатигранник, как будто Земля когда-то была огромным кристаллом или будто бы ее энергетическая природа была обусловлена каким-то кристаллическим ядром.

На географическую карту русские ученые нанесли места распространения древних культур, которые, как оказалось, тяготели к магнитным или энергетическим линиям двадцатигранника.

При помощи метеорологической и геологической карт ученые обнаружили, что все центры максимального и минимального атмосферного давления на Земле совпадают с двадцатью узлами каркаса двенадцатигранника. В этих местах зарождаются ураганы или же распространяются гигантские водовороты океанских течений.

К. Берд сообщает, что другой русский ученый, В. Кабаченко, изучавший фотографии Земли, сделанные из космоса, обнаружил глубоко залегающую сетчатую структуру литосферы, или верхней твердой части Земли, которая временами как будто «просвечивает». Это явление, по словам Кабаченко, проявляется в виде черных полос на поверхности океана, а в небе — в виде едва различимой сети из полос тумана. Берд цитирует еще одного советского геолога и минеролога, доктора В. Неймана, который предполагает существование охватывающей весь мир и пронизывающей пространство сети, которая управляет положением не

Так, по сообщению Кристофера Берда, выглядит земная сетка, открытая советскими учеными.

Тонкие линии сетки образуют двенадцати-гранник, имеющий жесткую структуру благодаря двенадцати пятиугольным ячейкам. Платон сказал, что «земля, если на нее посмотреть сверху, напоминает мяч, сшитый из двенадцати лоскутков кожи».

Толстые линии образуют двадцатигранник, состоящий из двадцати ячеек. Поэтому планета с энергетической точки зрения существует, пульсируя между одной формой и другой.

Советские ученые обнаружили, что хребты на дне океанов, разломы земной коры и зоны геологической активности располагаются вдоль краев этих наложенных кристаллообразных ячеек, а такие места с магнитными аномалиями, как Бермудский треугольник, находятся в узлах стыковки этих ячеек.

Айвен Сандерсон, биолог по профессии, который основал Общество для исследования необъяснимых явлений и благодаря которому Бермудский треугольник стал знаменит, предположил, что существуют еще девять похожих районов, расположенных симметрично по всему земному шару: пять из них находятся выше экватора, а пять ниже его.

К ним советские ученые добавили Северный и Южный полюса, чтобы у них получился их двенадцатигранник

только планет и звезд, но и галактик, а также межгалактическим пространством. Подобно Вильгельму Райху, предположившему существование основного эфира жизненной силы, который движется волнами по спирали, а материя образуется там, где происходит наложение двух спиралей, Нейман заменяет идею о первоначальном хаосе понятием регулирующей пульсации, при которой вся материя — галактики, звезды, планеты — образуются в узлах сети.

Доказательство, подтверждающее существование на Земле сети энергетических линий, представляет француз Эме Мишель, пишущий об НЛО. Он утверждает, что линии визирования на планете проходят вдоль схожих магнитных линий. Эти линии пилот новозеландских ВВС Брюс Кейти в своей книге «Гармоника 695» изобразил в виде сетки, покрывающей земной шар. Схожие энергетические линии были получены Бакминстером Фуллером — они у него имеют вид огромных окружностей, определяющих наименьшее общее кратное треугольников его векторного равновесия, а их в сфере имеется сорок восемь. Если какое-то ребро кубооктаэдра Фуллера лежит на экваторе, то пересечение

трех его огромных окружностей определит широту Теотиуакана с точностью до четверти градуса.

Из таких подходов явствует, что если бы планета — так считали Гете и Рудольф Штайнер — была живым дышащим организмом, она приняла бы форму двенадцати-двадцатигранника при самом предельном сжатии. Расширившись в середине, она приняла бы форму фуллеровского кубооктаэдра векторного равновесия. Полностью расширившись, она приняла бы форму усеченного тетраэдра.

Древние, видимо, считали Землю не только живым организмом, но и организмом, имеющим нервную систему, связанную с ее магнитным полем, силовые узлы которого схожи с акупунктурными точками на теле человека.

Эти прямые линии, идущие от одного узла к другому, по-видимому, были связаны с силой, символом которой были змей или дракон. Китайцы называли эти невидимые линии, покрывавшие всю поверхность земли, «жилами дракона». Затем китайцы разделили «жилы дракона» на два вида, отрицательные и положительные, или «инь» и «ян», которые изображались в виде белого тигра и синего дракона (эти символы очень похожи на Тескатлипоку в виде ягуара и пернатого змея Кецалькоатля).

Считалось, что «ян», или мужские «жилы дракона», проходят вдоль горных хребтов и рядов холмов, а «инь», или женские «жилы дракона», проходят вдоль долин, рек и подземных русел.

Эти силы также символизировали космические и земные силы, которые, соединяясь в брачном союзе, начинают созидать, подобно лучам Солнца, зарождающим жизнь в матери-Земле.

Мичелл не сомневается в том, что «жилы дракона» являются природным силовым током, имеющим отношение к магнитному полю земли и по своей природе схожим с «оргоновой» энергией, вновь открытой Вильгельмом Райхом. Райх теоретически допускал, что эта энергия присутствует во вселенной в каждой частице материи, каждом кусочке пространства. Она движется по определенным линиям и при определенных обстоятельствах накапливает силу по закону животного магнетизма Франца Антона Месмера, Карла фон Рейхенбаха и в настоящее время известна как «энергия пирамиды».

Как и Райх, Месмер и Рейхенбах, древние пришли к выводу, что энергия дракона целебна, придает силы и расширяет умственные способности. Проходящая по прямым линиям, эта энергия несла земле плодотворяющую жизненную силу.

Самыми благодатными считались те места, где пересекались два энергетических потока. Чтобы найти такие места, призывали ясновидящих и лозоходцев. Когда такое место находили, на нем строили храм, и оно становилось местом поклонения, или же здесь водружа-

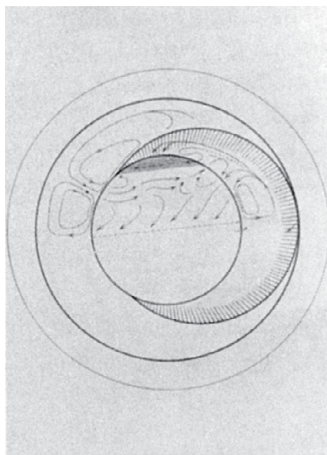
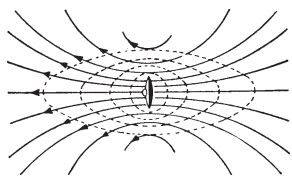

Рисунок Ваксмута из серии иллюстраций, изображающих живую дышащую Землю

Предполагаемый способ продвижения НАО вдоль линий магнитной сетки

ли огромный камень. Это место посредством энергетических линий Земли было связано с другими такими же «горячими точками».

Мичелл пишет, что для обнаружения этих энергетических потоков использовали особых людей, геомантов, которые давали толкование влияния потоков на землю, по которой они проходили, отмечая направление движения «энергии дракона» линиями из курганов и камней. А затем эти линии становились традиционными маршрутами паломников от одного святого места до другого.

По словам Мичелла, ориентация святынь, а позднее и отдельных церквей, включая подробности их размеров и архитектурные планы, определялась этими линиями энергетического потока, самый сильный источник которого часто находился под башнями. Считалось, что в этом месте влияние небес соединялось с земной силой и сливалось с ней.

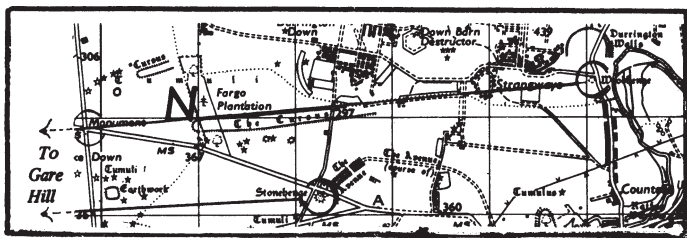
Луи Шарпентьер в книге «Les Mystères de la Cathédrale de Chartres» («Тайны Шартрского собора» — *фр.*) пишет, что собор стоит на большом древнем кургане, насыпанном над погребальной камерой, и выступает в роли естественного места встречи

нескольких мощных потоков земной энергии.

По мнению У.И. Эванса-Уэнца, на Земле, очевидно, существуют места, где ее магнитные и даже более слабые потоки легче всего ощущают люди, чувствительные к ним. Говорят, что таким местом во Франции является Карнак, в Англии — Гластонбери, в Шотландии — о. Айона, а в Ирландии — Фата.

В древней Британии, а когда-то и во всем мире постройки и камни размещали согласно магической схеме, которая выражала законы математики и музыки в геометрии земной поверхности.

Специалисты в области геомантии, такие как Мичелл, считают, что состав почвы, над которой проходят магнитные токи, оказывает воздействие на их силу и активность. Говорят, что над твердой плоской местностью они спокойные и постоянные, над каменистой и неровной земной поверхностью магнитные потоки становятся интенсивны-

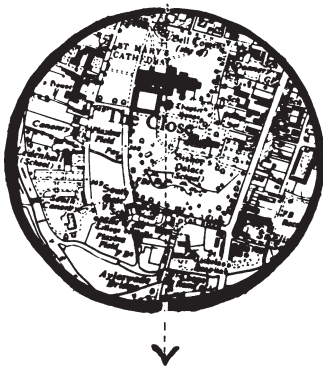
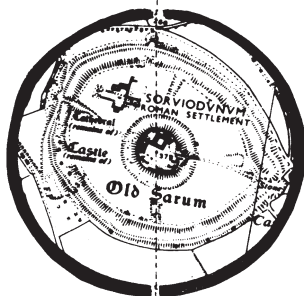
В книге «Взгляд на Атлантиду» Мичелл показывает великоленную линию визирования, проходящую по энергетической линии Земли, — ее заметили и Локье, и Уоткинс — через Стоунхендж, собор в Солсбери и доисторические земляные насыпи в Олд-Сарум, где до этого также находился собор. Единицей измерения является фарлонг, равный 220 ярдам (201,2 м)

ми и бурными, вступая в реакцию с элементами, которые вызывают магнитные бури или полярные сияния. Рядом с геологическими разломами и сдвигами или вулканами магнитный поток, как считают специалисты, приходит в особенно возбужденное состояние, потому что в этих местах его источники прорываются на поверхность через земную кору.

Сила и направление токов магнитного поля, которые проходят над всей поверхностью Земли, очевидно, подвергаются воздействию таких факторов, как близость и соотносительное расположение других небесных тел Солнечной системы, главным образом Солнца и Луны. При этом Солнце задает дневной ритм, корректируемый такими воздействиями, как лунный цикл, а Луна влияет на магнитный поток точно так же, как на приливы и отливы.

Вот почему, считает Мичелл, древних так занимали лунные затмения, которые не оказывают видимого физического воздействия на Землю помимо воздействия на уровень магнетизма.

В определенные времена года, как полагали древние люди, линии оживали от тока невидимой энергии, достигавшей своего пика в оп-

«Стонхендж» Стьюкли

ределенные дни, которые могли оказывать оплодотворяющее воздействие на почву.

Один лозоходец, живший на юге Франции и убитый немцами во время Второй мировой войны, создал машину, посредством которой он мог контролировать космические потоки, входившие в почву, оказывавшие воздействие на минералы, а затем выходявшие из земли в других определенных точках в виде земных токов.

Направляя воздействие этих токов на своих пациентов, он получил возможность излечивать людей от многих разнообразных болезней.

Молодой английский инженер М. Уотсон, который участвовал в строительстве «Конкорда», сумел спасти записи этого француза и утверждает, что с их помощью сфотографировал то, что, по его мнению, является четвертым агрегатным состоянием воды, или воду в ее плазменном состоянии. Он считает, что такие элементы, как плазма воды, имеют запрограммированные цели, которым они следуют, подобно охватывающим землю духам, близким к созидательным силам, описанным такими авторами, как Г. Ваксмут, и в которые верили древние жители Мезоамерики.

Из книги Мичелла «Взгляд на Атлантиду». Мичелл высказывает предположение о существовании связи между пирамидой и обелиском или вертикально установленным каменным маркером. Он пишет: «Вертикально стоящие камни, которые во многих уголках света и по сей день считаются фаллическими символами плодородия, связаны одной живой нитью с Великой пирамидой, стоящей у центрального хранилища земных токов».

Мичелл цитирует мага Ямбликуса, жившего в IV веке, в части, касающейся использования камней фаллической формы в качестве маркеров, посредством которых местные геоманты направляли течение магнитного потока так, чтобы он обогащал почву.

«Мы говорим, что установление фаллических символов есть определенный знак плодотворной силы, которая посредством этих символов призывается к производительной энергии мира».

Мичелл добавляет, что анализ каббалистических чисел раскрывает четкую связь между земными токами и влиянием луны

Схема спиритического управления с участием пирамиды, стоящего камня и магнитной траектории

Австрийский ученый и мистик Р. Штайнер проводил многочисленные эксперименты, раскрывшие, в какой мере планетарные воздействия влияют не только на магнитные токи земной поверхности, но и на пласты минеральных руд, лежащих глубоко под землей. По словам Штайнера, минералы, скрытые в каменистых породах, никогда не находятся в пассивном состоянии, а всегда в циклическом движении в соответствии с орбитами той планеты, на которую они в основном реагируют. Он утверждает, что в определенные времена года они получают заряд энергии, которую постепенно высвобождают в почву, и это позволяет семенам прорасти и стимулирует рост побегов.

Возможно, во время сезонных праздников и «шествий дракона» музыкальные инструменты производили определенные колебания и создавали намагничивающий эффект, что-то вроде инъекции энергии, чтобы повысить в людях уровень жизненных сил и стимулировать рост растений, благодаря которым древние существовали и преуспевали и которые в настоящее время мы отравляем ядовитыми аэрозолями и истощающими «удобрениями».

Древние считали, что одним из наиболее сакральных мест, где встречаются самые мощные земные и космические силы созидательной направленности, является пещера с природным источником, расположенная под курганом пирамидальной формы.

В 1930 году француз-лозоходец Поль Берже, именовавший себя «разведчиком на большие расстояния», исследовал при помощи ивового прута фотографию пирамиды Солнца в Теотиуакане и сказал, что обнаружил скрытый вход еще в один коридор на глубине приблизительно трех метров от основания первого уровня. Берже, заявивший,

что он специализировался на обнаружении залежей минералов и проводил разведку полезных ископаемых в Швейцарии, Канаде и США, утверждал, что вход замураван, но за этой преградой идет тоннель к центру пирамиды. Там, по его словам, он заканчивается комнатой, закрытой со всех сторон, за исключением небольшого коридора справа и еще одного помещения слева, в которой он смог различить шесть предметов, лежащих в ряд; ему показалось, что они золотые. Берже предложил указать точное место начала коридора, чтобы сократить до минимума работу, необходимую для его обнаружения.

Когда редактор «Искусства и археологии» А.С. Риггс попытался проверить информацию Берже у министра народного образования в Мехико, то занимающийся вопросами археологии дон Хосе Рейгадас Веритс ответил ему, что о таком коридоре ничего не известно и он не верит в его существование.

Рене Мийон, ничего не знавший о сообщении французского лозоходца, продолжал пребывать в уверенности, что под толщей пирамиды Солнца существует какое-то святилище, несмотря на неудачу Мануэля Гамио и Эдуардо Ногеры, пытавшихся найти его при помощи своих тоннелей. Наконец, в 1959 году Мийон получил из Национального научного фонда в Вашингтоне достаточно средств, чтобы организовать группу для проведения в туннелях более тщательных поисков остатков земляных и глиняных конструкций, которые, возможно, не были замечены Гамио и Ногерой. Группу Мийона интересовало, какого рода наполнитель был использован при строительстве пирамиды и каким образом использовались кирпичи из необожженной глины.

Углубившись приблизительно на пятьдесят пять метров в тоннель Ногеры, новые исследователи обнаружили стены из необожженного кирпича. Затем, продвигаясь по более узким проходам на север и на юг, ближе к центру пирамиды они наткнулись на то, что они и должны были найти, как надеялся Мийон: остатки главной постройки, которая могла быть мавзолеем огромных размеров. Это была пирамида гораздо более древней постройки, в которой земляное ядро было покрыто необожженными кирпичами, а сверху — обработанными камнями и булыжниками. Большая ее часть была разрушена. Они также нашли остатки когда-то большой ямы. Мийон все еще верил, что дополнительные заваленные проходы откроют доступ к гигантской могиле.

Пока Мийон со своими коллегами писал отчеты о результатах своих поисков для научных кругов и заинтересованных археологов, прошло целое десятилетие, и ничего интересного для непрофессионалов не ожидалось. Но осенью 1971 года ливневые дожди вызвали появление глубокой впадины у основания главной лестницы пирамиды Солнца. Осматривая впадину, Эрнесто Табоада, местный чиновник, ответственный за эту археологическую зону, нашел остатки древней

полуразрушенной лестницы. Когда убрали обломки, Табоада обнаружил ступени, которые вели вниз на глубину шесть метров к входу в природную пещеру. Пещера имела высоту два метра и была расположена горизонтально в скальном основании под пирамидой.

Чтобы осмотреть это место, вызвали Хорхе Акосту, отвечавшего за все раскопки в Теотиуакане. Он немедленно взял под свою ответственность расчистку и укрепление найденного места. По иронии судьбы, именно он заметил секцию этой же самой лестницы шестью годами раньше, но вынужден был скрыть свою находку из-за недостатка средств на расчистку этой впадины. Теперь же он был полон решимости пройти по этой пещере или тоннелю, куда бы он ни вел.

Так как вход в пещеру совпадал с центром главной лестницы пирамиды, Акоста понял, что вход в пещеру, вероятно, был известен еще до того, как началось строительство пирамиды. Это привело его к предположению, что его наличие, возможно, даже определило место для возведения пирамиды.

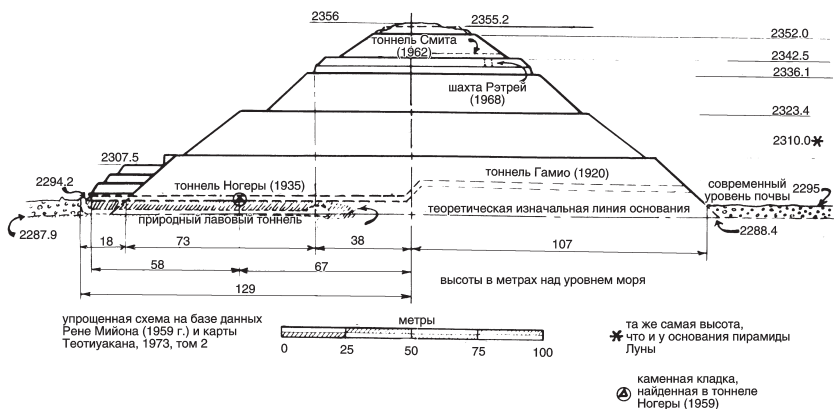
Войдя в пещеру с группой археологов, Акоста увидел, что это природное сооружение высотой два метра и почти такое же по ширине, ведет в восточном направлении. Геолог из Института геологии при Университете Мехико и консультант Института антропологии Фредерик Музер сказал, что, по его мнению, это пещера природного происхождения, возникшая от потока лавы более миллиона лет назад. Пещера была приспособлена человеком для какой-то цели, так как ее стены были обмазаны глиной, и, кроме того, положены тяжелые каменные плиты, причем некоторые из них до сих пор были на месте.

По мере продвижения группы по подземному коридору при свете фонаря вдруг обнаружилось, что ей преграждает путь стена из саманных кирпичей, скрепленных строительным раствором, которая заполняла пещеру, за исключением ее правого верхнего угла. Там стена была проломлена, очевидно, вандалами или предыдущими исследователями и, возможно, совсем не так давно, как кто-то захотел бы признать.

Группа, медленно двигавшаяся вперед по проходу, наткнулись еще на девятнадцать преграждающих путь стен. Все они были проломлены. Археологи также отметили, что известковый раствор между кирпичами в этих стенах был выровнен только с внешней, восточной, стороны. Видимо, это сделали каменщики, двигавшиеся к выходу.

Пройдя по тоннелю сто три метра, археологи увидели необычное зрелище: четыре пещеры, расположенные в виде листка клевера неправильной формы. Все пещеры, каждая из которых имела от десяти до двадцати метров в окружности, оказались естественного происхождения, специально расширенные руками человека.

На утрамбованном полу исследователи нашли многочисленные соуды грубой работы, а также сланцевые диски, на которых были выре-

Дразнящий ложными надеждами вопрос о том, что может быть скрыто в глубинах огромных пирамид или под ними, был впервые поставлен Мануэлем Гамио в 1917 году, когда он решил прорыть тоннель в основании пирамиды Солнца. Начав сразу же над уровнем земли с восточной стороны, он пробил к центру пирамиды тоннель около двух метров в высоту и чуть меньше в ширину, который был направлен слегка вверх.

Прежде всего Гамио хотел установить, есть ли внутри пирамиды какая-либо значительная каменная постройка, которая указала бы на то, что пирамида строилась поэтапно. Руководствуясь теорией, что пирамида была построена целиком и сразу, Гамио не обнаружил следов более ранних построек. Когда тоннель достиг длины 100 м, Гамио прекратил работы, удовлетворенный тем, что доказал свою точку зрения.

Семнадцать лет спустя, размышляя на эту тему, инженер Эдуардо Ногера сомневался и получил разрешение пробить тоннель с западной стороны пирамиды навстречу тоннелю Гамио, чтобы состыковаться с ним в центре. Поскольку таким образом все основание пирамиды Солнца оказалось бы пересеченным, он надеялся доказать или опровергнуть теорию Гамио. Вход в тоннель Ногеры находился несколько ниже нынешнего уровня земной поверхности, от дождя его защищала каменная пристройка к *adoso* (невысокая конструкция, присоединенная к западному фасаду пирамиды). Тоннель дошел до центра пирамиды приблизительно на шесть метров ниже уровня тоннеля Гамио и был смещен приблизительно на два метра к северу. Два тоннеля, общая длина которых составляла 218 м, соединила лестница.

И хотя Ногера усердно искал, он не нашел следов ни более древней пирамиды, на которую могла быть наложена более поздняя постройка, ни каких-либо внутренних укрепляющих элементов. Поэтому он сделал вывод о том, что единственным, что удерживает огромную насыпь от разрушения, было внешнее покрытие, состоявшее из 15—20-сантиметрового слоя скрепленных строительным раствором саманных кирпичей и камней.

А что все-таки нашел Ногера, так это около 35 тысяч глиняных черепков, относящихся к самому древнему периоду истории Теотиуакана (специалисты называют его архайским, или Теотиуакан-1, или периодом Цакуалли), которые указывали на то, что пирамида была построена приблизительно в эпоху Христа или чуть раньше.

Эти находки, возможно, решили вопрос о времени постройки пирамиды, но не ответили на вопрос, касающийся ее внутреннего устройства.

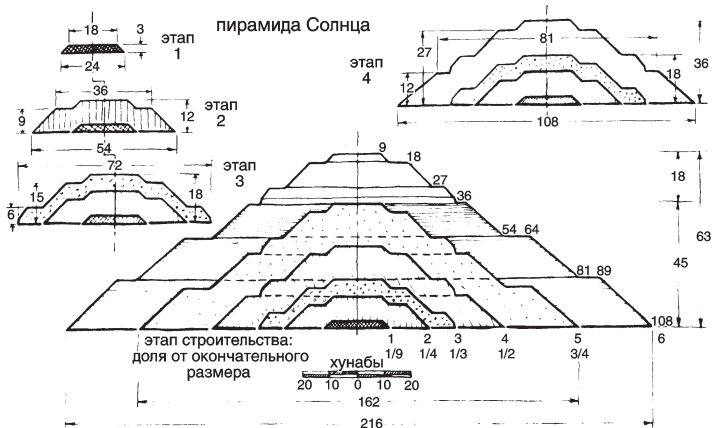
заны красивые человекоподобные фигурки; одна из них была наряжена ягуаром, а другая птицей. Акоста задался вопросом, не могли ли они быть погребальными жертвоприношениями, но не смог найти никаких останков скелетов или признаков сожжения.

Кусочки зеркала, найденные на полу пещеры, указывали на их возможное использование для прорицаний (как в Дельфах в Древней Греции), так как в древности зеркала использовались для гаданий. Но что еще интереснее, по словам Целии Наттолл, это то, что жрецы низшей касты, олицетворявшие собой Тескатлипоку, или «Дымящееся (или курящееся) Зеркало», использовали в качестве вспомогательного средства реальное зеркало из отшлифованного обсидиана при оглашении окончательного приговора преступникам. По-видимому, они использовали его в качестве хрустального шара, чтобы установить контакт с потусторонними силами.

Там не было ничего, что свидетельствовало бы о наличии какого-то источника или водного потока, который обычно ассоциируется с подземными святынями, такими как в Лурде (Франция). Но отдельные куски соединенных частей водостоков, вырезанных из камня, указывали на то, что когда-то они могли использоваться для направления течения подземного потока. Жидкая растительность, пробивающаяся из-под пирамиды, которая была видна Мийону на картах, сделанных при помощи аэрофотосъемки, указывала на возможность существования когда-то подземного ручья, который, вероятно, уменьшился до тонкой струйки.

Тоннель вместе с пещерами, расположенными в виде листка клевера, представлял собой главное и загадочное открытие, сведения о котором специалисты решили не разглашать, чтобы дать себе время прийти к заключению о возможном использовании и изначальном предназначении пещер. Ученым уже было известно, что пещеры с глубокой древ-

В 1962 году Смит при поддержке музея Пибоди прорыл тоннель почти до центра восточного фасада пятого яруса пирамиды Солнца. Шесть лет спустя доктор Эвелин Рэтрей, работавшая с Мийоном, вела раскопки на южной стороне тоннеля Смита, пока не наткнулась на огромную наклонную стену высотой два метра, что указывало на более раннюю внутреннюю постройку. Основываясь на документах, составленных доктором Рэтрей, Харлстон подсчитал, что угол наклона этой стены с севера на юг составлял 70,5 градуса, демонстрируя более ранний этап строительства, схожий с тем, что виден на четвертом уровне пирамиды, реконструированном Батресом. Свое утверждение Харлстон основывал на том, что Батрес научился восстанавливать с большей точностью по мере приближения к вершине пирамиды. Так как стена находилась с северной стороны, угол ее наклона мог служить той же самой цели, которой служила и современная нижняя часть четвертой ступени: для наблюдения за тенью в день равноденствия, за несколько дней до и после него

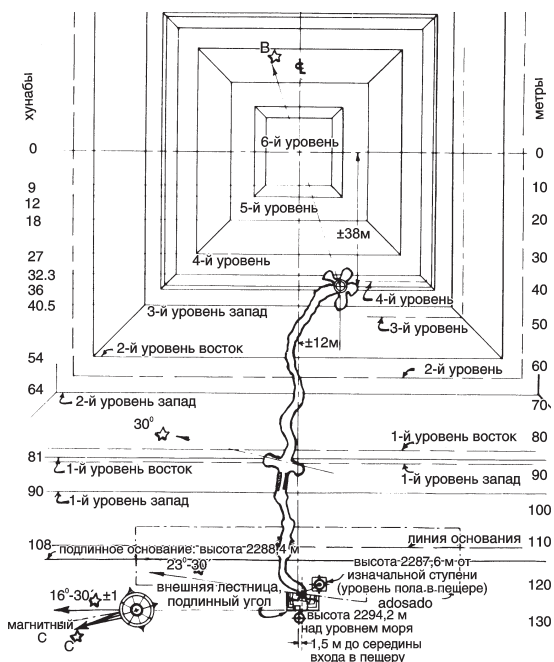
«Теоретическая последовательность строительства пирамиды Солнца» Хью Харлстона.

Если пирамиду Солнца строили поэтапно, возведя сначала шестой уровень на земле, затем наложив на него конструкцию, равноценную четвертому и пятому уровням, то верхние очертания пирамиды могли постепенно подниматься выше, сохраняя постоянные контуры. По предположению Харлстона, угол в 70 градусов на третьей ступени использовался для установления дня равноденствия. Таким образом, его могли использовать неоднократно, пока не подняли до пятой ступени. Харлстон предполагает, что строители, возможно, строили ступени пирамиды в течение четырех 52-летних циклов, постоянно поддерживая в хорошем состоянии приспособления для слежения за тенью

Воспроизведенный Харлстоном вход в пещеру, расположенную под пирамидой Солнца ниже adosado

Вид сверху на тоннель под пирамидой Солнца, нарисованный Харлстоном по данным, собранным в 1974 году группой Уак-Кан. Пунктирные линии обозначают реконструкцию, проведенную Батресом в 1906 году. Сплошные линии показывают гипотетическую реконструкцию Харлстона

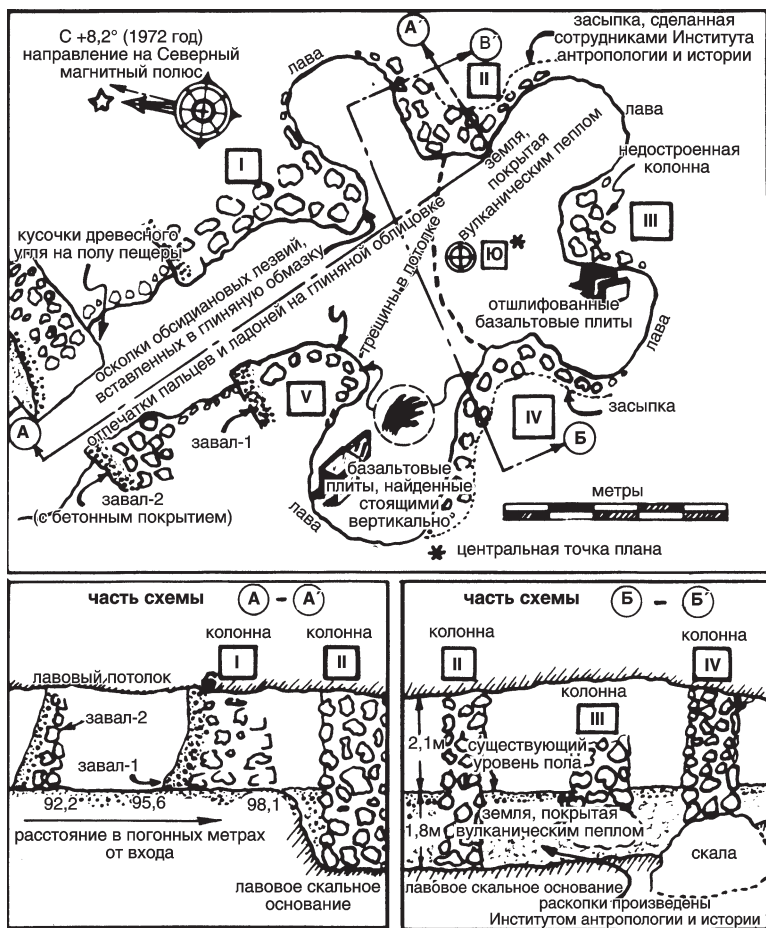
Дорис Хейден, археолог из Нью-Джерси, перебралась в Мексику после Второй мировой войны, чтобы изучать искусство в Университете Мехико, где вышла замуж за своего преподавателя антропологии. Она пришла работать в Мексиканский институт антропологии и истории и буквально ухватилась за пещеры под пирамидой Солнца, чтобы написать несколько статей и докторскую диссертацию «Символизм пещер в общественной, экономической и религиозной жизни древней Мексики».

Сначала Хейден задала себе вопрос: не могли ли пещеры под пирамидой Солнца быть прообразами мавзолея, подобно тому, который был найден в храме Надписей в Паленке. Там он был помещен под пирамиду намеренно, чтобы скрыть свое содержимое от людских глаз. Но его уже давно опустошили любители пожить.

Затем она предположила, что эти пещеры также могли быть предназначены для ритуального погребения детей, принесенных в жертву богу воды. Брат Мотолиниа описывает жертвоприношения Тлалоку, во время которых приносили в жертву четырех детей, тела которых помещали в пещеру, вход в которую замуравывался до следующего года, когда церемония повторялась. Саагун рассказывает о ритуале, во время которого с жертвы сдирали кожу, после чего жрец натягивал ее на себя и носил на протяжении двадцати дней, а затем уже кожу относили в пещеру, находящуюся «в пирамиде под названием Йопико». Говорили, что эта пещера расположена у подножия лестницы, ведущей на верх пирамиды, «под землей... за передвижной дверью».

Хейден также обратила внимание, что в Мексике многое указывает на то, что в пещерах оракулы делали свои пророчества. В Морелосе есть изображение, вырезанное на камне и относящееся приблизительно к 600 году до н. э., на котором видна фигура, находящаяся в пещере. Из ее рта исходят огромные завитки, обозначающие речь и указывающие, по словам Хейден, на то, что человек говорит что-то очень важное

Схема, составленная историком Джорджем Бейкером. На ней изображено то, что было найдено в конце тоннеля, расположенного под пирамидой Солнца. Это свидетельствует о том, что кто-то когда-то укрепил стены, чтобы избежать появления дополнительных трещин из-за землетрясений. Там также имелись признаки того, что эти камеры постоянно использовались после постройки пирамиды. Отпечатки пальцев и ладоней были все еще видны на тысячелетних необожженных кирпичиках. Возможно, они принадлежали злоумышленникам

ности имели очень большое значение в истории религии Мезоамерики, будучи символом созидания и самой жизни.

Они также знали, что водные источники считались проходами в подземный мир и к богам земли, бесчисленным ее духам. Во многих легендах говорилось о богах или внеземных существах, которые создавали людей в их настоящем виде внутри лабиринтов пещер.

Целия Наттолл утверждает, что в древней Мезоамерике существовали два основных обряда: один, в котором преобладало мужское начало, совершался солнцепоклонниками на ступенях и вершинах больших пирамид; другой, с преобладанием женского начала, был посвящен Матери-Земле и силам тьмы и проходил ночью в пещерах.

Об обрядах, совершавшихся ночью, Наттолл пишет, что опасности и беды, сопутствующие культу Земли, стали ассоциироваться с женским полом, так что «приверженцы культа Неба, естественно, стали считать женщин источником искушения и деградации». По словам Наттолл, в конце концов из-за распушенности при распитии пультке во время ночных обрядов на Юкатане этот ночной культ женского начала стал таким отвратительным, что разгневанное население подняло настоящий бунт, расправилось с высшими жрецами и разогнало его последователей.

С другой стороны, рассказ ясновидящего Д. Ходсона о том, что реально могло происходить во время обрядов, посвященных Солнцу, на вершинах пирамид, ужасающе эмоционален. Он описывает, как вызывают земных духов, в частности Кундалини, а также силы Солнца и то, что он называет высшими силами. Ходсон пишет, что он имел возможность наблюдать, как силы Солнца быстро проникают через голову и проходят по позвоночнику жрецов, совершающих обряд, и других присутствующих на нем людей, чтобы встретиться с восходящими земными силами. Соединившись, пишет Ходсон, они составляют очень мощный ступок солнечных и планетарных сил в телах присутствующих и «объединенных разумах в храме Солнца и вокруг него».

По мнению Ходсона, древние жители Мезоамерики считали, подобно современным теософам, что планеты управляются разумом и силами, обращаться к которым жрецы Мезоамерики научились без медитации, особенно к силам Солнца, Венеры и Марса.

Ходсон полагает, что цвет одежд жрецов и нарисованные изображения в их храмах были предназначены для того, чтобы входить во взаимный резонанс или создавать гармоничные колебания с этими сверхъестественными силами и разумами.

Верховный жрец и его помощники, по словам Ходсона, очевидно, прекрасно знали о Кундалини, огненной силе змеи, скрывающейся в центре Земли и в человеке, так как они использовали определенные обряды, позы и заклинания, чтобы вызывать Кундалини и заставлять огненную силу протекать по позвоночникам жрецов, совершающих обряд, и тех, кто принимает в нем участие.

Ходсон пишет, что главный жрец на церемонии в храме, расположенном на вершине пирамиды Солнца в Теотиуакане, видимо, был тем, кого он называет, выражаясь языком теософии, «посвященным

Джеффри Ходсон и теософы утверждают, что Кундалини, или Змеиный Огонь, обладает способностью давать или распространять Жизнь, в отличие от Праны, или жизненной силы, которая может образовывать Жизнь, и Фахат, или космического электричества, обладающего способностью управлять Жизнью. Для теософов эти три космические силы «одушевляют» весь материальный мир. Фахат, или космическое электричество, Ходсон называет универсальной создательной силой всего мироздания. Свернувшееся спиралью в центре Земли, оно является хранилищем солнечного Кундалини. Когда оно сосредоточено в спинном мозге человека, его называют Кундалини, или Змеиным Огнем, «силой, которая движется, подобно змее». Будучи заключенной в человеке богоподобной силой, свернутой спиралью у основания позвоночника, она нуждается в том, чтобы ее выпустили на свободу. Сторонники подобных взглядов говорят, что, пробудившись при помощи йоги или в результате эволюционного развития, Кундалини начинает струиться по эфирному руслу в спинном мозге, оживляя и

четвертой расы, или расы предков-атлантов». Это был высокий мужчина с медно-коричневой кожей и четкими чертами лица, с большим орлиным носом и властным взглядом; лицо его было суровым и излучало огромную силу. По описанию Ходсона, на нем был надет высокий головной убор из перьев и красивое одеяние, в котором преобладали красный, желтый, зеленый и пурпурный цвета. Его шею, руки и ноги украшали изделия из драгоценных камней.

Ходсон пишет, что высоко в небе над Теотиуаканом он видел большой круг диаметром по крайней мере с милю, в котором над пирамидой Солнца парили золотые ангелы на высоте нескольких тысяч футов. «Их ауры соприкасались и образовывали чашу, наполненную «солнечным» вином, формой энергии, полученной из высших сфер».

По его словам, ножка огромного кубка, представлявшая собой сплетение разумов и сил, спускалась вниз и проходила через храм и пирамиду в землю, а в это время огромное количество других ангелов летали высоко в воздухе над краями чаши, а один очень большой ангел наблюдал за всем происходящим, видимо, будучи ответственным за религию и этот регион на протяжении многих веков.

Этот храм, по словам Ходсона, был духовным центром всего этого региона, и здесь регулярно проводились по крайней мере три больших ритуала: на восходе Солнца, в полдень и на его закате, причем самым важным из них был полуденный ритуал. Ходсон отмечает, что сам миг, когда Солнце находилось в зените, определялся при помощи вертикального шеста над самым верхним храмом, который в настоящее время уничтожен.

Он утверждает, что некоторые люди обладали способностью видеть ауры вождей: они были яркими и большими — именно это помогало поддерживать порядок в этих краях.

В определенное время церемонии, проводимой, когда Солнце пересекало меридиан, вершину пирамиды, казалось, охватывал сверхъе-

пробуждая в человеке осознание себя за пределами материального мира. Они утверждают также, что Кундалини наделяет способностью совершать астральные перемещения.

Эта сила открывает знание об уникальности жизни, прямое подсознательное духовное восприятие. Она усиливает способность к ясновидению, способность по своему желанию покидать свою телесную оболочку и возвращаться в нее безо всякого нарушения сознания.

По словам Ходсона, система головного и спинного мозга человека, загадочным образом оживленная при помощи Кундалини, во многом напоминает телевизор, в котором на экране-мозге показывают сверхъестественные передачи.

Символом Кундалини является кадуцей, посох бога Гермеса, представляющий собой жезл, оплетенный двумя змеями. Сфера с крыльями изображает освобожденную душу человека, который как бы проснулся и научился использовать скрытые в нем силы

стественный огонь, когда «астро-ментальное пламя» поднималось над ней со всех сторон на сотню ярдов и даже больше. Это, по словам Ходсона, было олицетворением культа Солнца в его самом величественном и чистейшем проявлении, потому что все это было ответом на заклинания, обращенные к солнечному разуму и богам.

Если просто среднему человеку и даже среднему ученому Солнце кажется частью вселенной, существующей по строгим законам механицизма, то для теософов Солнце представляет собой видимую ауру мощного солнечного разума, часть живой, пульсирующей вселенной, всепроникающую Божественную жизнь, в которой мы все живем, двигаемся и существуем. Для теософов все объекты Солнечной системы, независимо от их природы, подчинены тому, что они называют «космической жизненной силой»; в качестве аналогии они приводят организм человека. «Каждый из нас, — пишет Л. Пламмер в своей «Математике космического разума», — состоит из несметного числа зависящих друг от друга сущностей, из которых лучше всего известны всем клетки нашего тела, включающие в себя кровяные клетки. Каждая из них является живым организмом, который сам по себе очень сложен. И тем не менее они все функционируют под воздействием жизненной силы человека, пока он жив».

Теософы говорят, что подобно тому, как через кровь и нервы в теле человека происходит постоянная циркуляция жизненной эссенции, в Солнечной системе происходит непрерывающийся взаимный обмен жизненными силами согласно рисунку электромагнитных линий. При этом каждая планета отдает свою жизненную силу другим планетам и Солнцу, которое, как бьющееся сердце, дает жизнь всей системе.

Человек, считают они, это неотъемлемая часть вселенной, его окружающей, в которую он должен вернуть частицы своей жизненной силы. Понимание этого может помочь вложить смысл в ритуал жертвоприношений ацтеков, когда во время пролития крови из тела освобождается дух. Подобно теософам, ацтеки верили, что мир населяют огромные скопления сущностей, находящихся в других измерениях на всех ступенях развития, начиная от атома и заканчивая богами, которые движутся от тела к телу по электромагнитным траекториям вселенной.

Георгий Иванович Гурджиев считал, что космические излучения в форме материи или вещества передавались и передаются планетами, Солнечной системой, звездами и солнцами Млечного Пути к исходному источнику, который он называет «Абсолют». Материя, исходящая от Абсолюта, встречаясь со звездами, Солнечной системой и планетами, по мнению Гурджиева, меняет свою плотность в порядке, соответствующем музыкальным нотам до, си, ля и так далее на протяжении различных октав.

Георгий Иванович Гурджиев в Нью-Йорке в 1924 году

Согласно мудрости древних, галактическая вселенная в целом представляет собой некое живое существо, «организм, обладающий такой могучей силой, что ничто за исключением вселенной не может его представлять». Теософы заслуживают характеристики изрядных оригиналов, когда указывают, что «космос» ученого является на самом деле иллюзией, вызванной нашим сознанием; он не то чтобы не существует, а скорее мы не воспринимаем его таким, как он есть в действительности.

Часть шестая

ПЕРЕОЦЕНКА ДОИСТОРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Глава 24

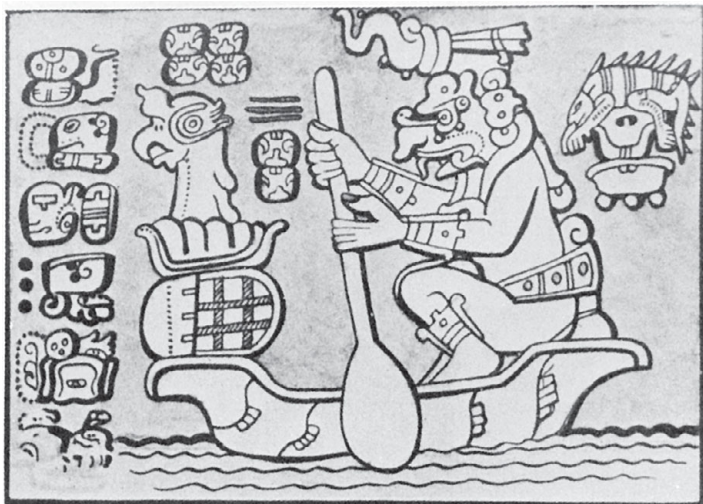
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАРОДА МАЙЯ

Картина, воссозданная Ходсоном, вызывает в воображении образы духовно развитых жрецов, потомков атлантов, которые совершают, как и прежде, жизненно важные ритуалы, но уже на пирамидах Мезоамерики. Совпадает ли такая картина с тем, что известно о жителях Теотиуакана, ольмеках или майя? Сильванус Г. Морли, несмотря на то что он умер несколько десятилетий назад, и по сей день остается в Северной Америке главным авторитетом в том, что касается майя, и он любого заставил бы поверить, что цивилизация майя развилась внезапно, возникнув в полной боевой готовности, как богиня Афина в шлеме и панцире вышла из головы Зевса.

«Древние майя, — писал Морли, — вышли из варварства, вероятно, в первом или втором веке христианской эры». В доказательство он приводит то, что, по его мнению, является самыми древними стелами майя, воздвигнутыми в Тикале и Вашактуне. Но Морли не смог объяснить тот факт, что в этих стелах заключена не только развитая система письма и чисел майя, но и система летосчисления, такая замысловатая, что она одна указывает на века, если не тысячелетия предварительных точных астрономических наблюдений.

Специалисты, придерживающиеся другой точки зрения — такие, как архитектор из Калифорнии Роберт Б. Стейси-Джадд, который провел четырнадцать лет, исследуя Юкатан, чтобы издать прекрасную книгу «Атлантида, мать империй», — утверждают, что цивилизация майя появилась в Центральной Америке уже в развитом состоянии, зародившись где-то в другом месте. По его мнению, Атлантида, или остров Антилья, последний большой уцелевший кусок империи Атлантиды, это приблизительно то, что в настоящее время называется Большая Багамская банка.

Поскольку не существует никаких исторических документов, современных появлению майя в Центральной Америке, а есть только археологические толкования зданий, стел, скульптур и керамики, найденных

Изображение Ицамны, плывущего с востока, взятое из одного из кодексов

в незначительной части, возможно, сотен или даже тысяч еще не открытых городов и селений древних майя, то наиболее достоверную информацию можно почерпнуть из местных источников, из книг, составленных по памяти народами киче и майя, вроде «Чилам-Балам» и «Пополь-Вух», которые были заново найдены и опубликованы Брассёром де Бурбуром.

Книги «Чилам-Балам» повествуют о том, что первыми жителями Юкатана были чаны, «люди змеи», которые якобы в 219 году приплыли с востока в лодках, возглавляемые вождем Цамной (он также известен как Ицамна), «Змеем Востока». Он был целителем, который мог исцелять наложением рук и, подобно терапевтам (еврейская аскетическая секта I века. — *Пер.*), оживлял мертвых.

Одна из книг «Чилам-Балам» даже еще более конкретна. В ней говорится о первых обитателях Юкатана, известных как «люди змеи», которые приплыли в лодках с востока, чтобы поселиться на острове Косумель недалеко от побережья Юкатана. Так как численность населения росла, то этот народ ица перебрался на материк и построил города — всего их было 150, — включая Чичен-Ицу («Отверстие Колодезев Ица»), Исамаль, Аке, Ушмаль и Майяпан (Маяпан).

Рисунок из книги «Чилам-Балам»

Реконструкция изображения на стеле, найденной рядом с Ла-Вентой, на котором видна экзотическая фигура жителя Среднего Востока, известная археологам как «дядя Сэм»

которые старики на Юкатане говорят, что они слышали от своих предков, что на этой земле жил народ, пришедший с востока, которому Бог помог добраться сюда, открыв двенадцать путей в море».

Морли утверждает, что регионы, заселенные майя, были обитаемы от двух до трех тысяч лет до этого. На них жили племена, говорившие на языке майя, которых он называет кочевыми, но больше ничего он о них сказать не может.

Затем археологи обнаружили остатки другой цивилизации на восточном побережье Мексики, чуть севернее страны майя, со своими иероглифами, системой летосчисления и пирамидальными комплексами религиозного назначения, которая, по-видимому, предшествовала «цивилизованному» майя Морли почти на тысячу лет. Не найдя лучшего названия, археологи назвали этих людей ольмеками, или «народом точильного камня», хотя никто не знает, как эти люди могли называть себя.

Когда археологи копались в почве островка посреди болот почти в двадцати километрах от побережья Мексиканского залива, вблизи за-

«Пополь-Вух» менее ясен, но более поэтичен: «И тогда они прибыли; они выдернули там колья и покинули Восток... Каждое племя все вставало, чтобы увидеть звезду, которая была предвестником Солнца (Венера). И этот знак зари они несли в своих сердцах, когда они прибыли с Востока; и с той же самой надеждой они покидали эти места, такие далекие, если верить теперь их песням...»

История Цодцила, написанная Хуаном Даррейгосой, как один из самых первых отчетов испанских конкистадоров, входила в «Неопубликованные документы, имеющие отношение к открытию и завоеванию Новой Испании». В ней излагалась та же самая легенда: «Самыми древними людьми, которые прибыли на эту землю, были те, что населили Чичен-Ицу... и были первыми после Потопа».

Из отчетов епископа Ланды видно, что чужестранцы не пришли, как предполагает Морли, по суше с юго-востока, а приплыли из-за моря: «Не-

падной границы штата Табаско, известного под названием Ла-Вента, они наткнулись на стелу высотой 14 футов (4,3 м), шириной 7 футов (свыше 2,1 м) и толщиной 3 фута (0,9 м), на которой были изображены две явно беседующие фигуры. Когда с резных изображений смыли грязь, землекопы увидели высокого красивого человека внушительного вида; у него был нос с горбинкой и борода, и он вел беседу с человеком меньшего роста. Эта фигура так сильно напоминала «дядю Сэма», что пораженные археологи так его и прозвали. Черты лица этого человека были явно не индейскими. Более того, на человеке была длинная мантия, замысловатый головной убор и башмаки с необычно вздернутыми носами.

Восхищенная этой стилистической аномалией, Констанция Ирвин, расследующая загадку древних мореплавателей, прибывших в Новый Свет, в своей спорной книге «Светловолосые боги и каменные лица» задает себе вопрос: кем же был тот, кто носил башмаки с заостренными загнутыми носами в первой половине 1-го тысячелетия до н. э.? Ведь именно этим временем специалисты датировали эту стелу.

После продолжительного изучения этого вопроса она установила, что башмаки с загнутыми носами носили индоевропейцы хетты (их держава, основанная в 2200—2000 годах до н. э. выходцами из Восточной Европы, рухнула около 1200 года до н. э. под ударами новой волны арийских переселенцев, в т. ч. «народов моря») или подражавшие им их вассалы-финикийцы (сеμιтоговорящие, смешанного происхождения), известные мореплаватели, которые постоянно носили длинные двойные халаты, тюрбаны с ленточками, заостренные бороды и башмаки с загнутыми мысками.

Настолько впечатляюще доказательства, собранные учеными, в пользу того, что финикийцы (или люди из Карфагена, финикийской колонии в Северной Африке) достигали берегов как Северной, так и Южной Америки, что трудно понять, почему это продолжают замалчивать.

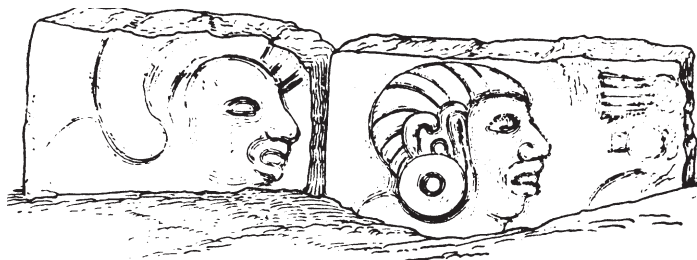
Поддержка версии о высадке финикийцев на восточном побережье Мексики появилась в виде огромных каменных голов с явно негроидными чертами лица в головных уборах-шлемах. Эти головы были откопаны в грунте Ла-Венты, и эксперты датируют их приблизительно 500 годом до н. э. (некоторые 900 годом до н. э. и даже древнее).

Указывая на другие финикийские резные изображения черных рабов в точно таких же шлемах, Констанция Ирвин высказывает предположение о том, что для финикийских мореплавателей и торговцев не было ничего более естественного, чем взять африканских негров на западном побережье Африки и поплыть с ними через Атлантический океан в Мексику.

В Ла-Венте, близ побережья залива Кампече, углубившись в лес всего на полсотни метров, археологи наткнулись на огромный камень в форме полусферы, оплетенный лианами и почти неузнаваемый до тех пор, пока люди не стали работать дальше и не расчистили гигантскую голову высотой около 2,5 м с широким носом и толстыми губами. Еще три головы, все повернутые лицом на восток, были найдены поблизости (со временем на юге штата Веракрус и в штате Табаско было найдено немало голов). Одна из голов была высотой более 2,5 м и в окружности 6 м 58 см. Многие из найденных позже голов были обезображены. У одной из них была черта, присущая исключительно египтянам: трубка для говорения, которая шла от огромного уха и возникала между двумя огромными каменными губами. Через нее, вероятно, можно было слышать голос говорящего жреца. Поблизости был обнаружен огромный пирамидальный курган, который поднимался на высоту 30 м вблизи колоннады из плотно подогнанных колонн

Гигантские головы на барельефе, найденные неподалеку от Оахаки

Хью Фокс в своей книге «Боги всемирного потопа» пишет, что ассоциация с трансом йогов особенно очевидна на этих изображениях из Монте-Альбана, потому что рисунки на телах танцоров являются «чакрами», «мистическими центрами, связанными с успешной медитацией»

Удивительные явно семитские фигурки, найденные на территории Центральной Америки

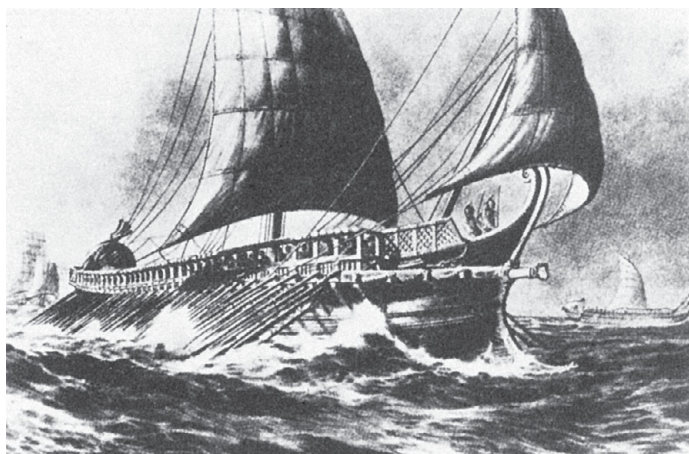
Фокс указывает на выражение экстаза на лице человека, принявшего дозу коки, которого изображает фигурка, относящаяся к культуре Мочика (Южная Америка, Северное Перу): обращенный внутрь взгляд, застывшее, неподвижное, лишенное всякого выражения лицо, — и сравнивает его с экстазом от йоги

Другие доказательства присутствия людей с негроидными чертами лица, сопровождающих бородатых семитов-финикийцев, также обнаружились еще западнее — в штате Оахака, где был найден Монте-Альбан.

Подобно ольмекам из штата Веракрус, у самых древних из всех известных жителей Монте-Альбана была иероглифическая система письма, календарь и математическая система для осуществления вычислений при помощи палочек и точек. После этих поселенцев остались несколько необычных камней гигантских размеров, встроенных в здания, на которых есть изображения танцующих негров в натуральную величину. У них плоские носы, круглые лица и толстые губы. Наряду с ними есть изображения людей с орлиными носами и бородами лопатой. Все они совершенно не индейского типа. Археологи относят эти находки приблизительно к 100—500 годам до н. э. и приписывают эти руины ольмекам и сменившим их сапотекам (Монте-Альбан II).

В списке общественных институтов и обычаев, существовавших как у финикийцев в 1-м тысячелетии до н. э., так и у жителей Центральной Америки в этот же период, Констанция Ирвин отметила несколько пунктов, начиная с развитых знаний в области математики и астрономии (их финикийцы позаимствовали у жителей Месопотамии). Подобно майя, шумеры и их наследники вавилоняне были отличными математиками (лучшими до классических греков). И они так же умели выражать большие числа. На это указывает клинописный текст, найденный в Месопотамии, в котором фигурировало число 195 955 200 000 000, не являющееся для нас уже загадочным. Как подчеркивает С.У. Серам, на Западе понятие миллиона получило распространение не ранее XIX века. Подобно майя и их возможным предшественникам ольмекам, в Вавилоне имелись записи наблюдений за звездами, которые велись, как утверждалось, в течение 370 000 лет; хранились гороскопы, составленные при рождении всех детей на протяжении тысячелетий, при помощи которых вычислялись влияния различных планет и созвездий на человека. Как и майя, шумеры и вавилоняне измеряли год 360 и 365 днями и вычисляли период обращения Луны с точностью до секунд. В отличие от римлян, которые полагали, что утренняя и вечерняя звезда — это два разных небесных тела, Люцифер и Геспер, и вавилоняне, и майя знали, что это одно и то же небесное тело: Венера.

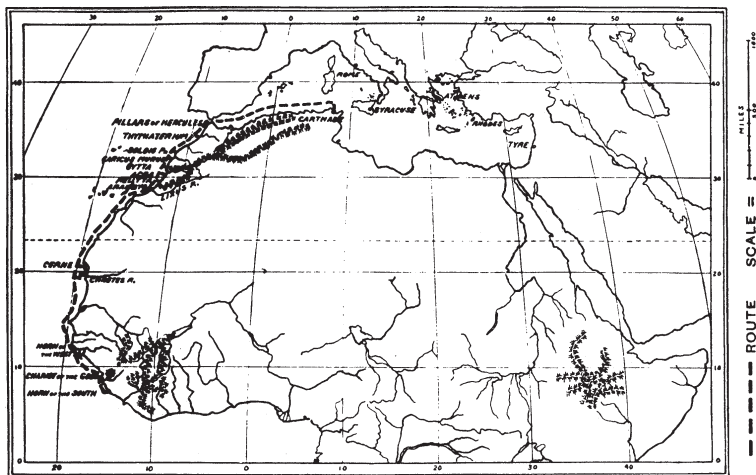
Другими общими чертами у финикийцев и их современников в Центральной Америке были: иероглифическое письмо, обычай деформировать головы младенцев, принесение в жертву детей, использование ладана, культ фаллоса, наличие изображений богов, плывущих горизонтально над головами смертных, занятых беседой, узор из сплетенных веревок по краю саркофагов и печатей, пирамидальные храмы, подни-

Известно, что финикийцы, происхождение которых было смешанным, плавали на север от Геркулесовых Столбов до Британии за оловом и даже еще дальше, до Скандинавии и в Балтику за янтарем. В южном направлении они плавали вдоль побережья Африки, основывая свои колонии чуть ли не до самого экватора. В какой-то момент, состоя на службе у египетского фараона Нехо около 600 года до н. э., они совершили на кораблях путешествие вокруг африканского континента (есть мнение, что это сделали греки на египетской службе. — Ред.) — за две тысячи лет до того, как португальцы повторили этот подвиг. На запад финикийцы плавали до Азорских и Канарских островов, которые послужили плацдармом для Колумба и где с востока дуют благоприятные для судов ветры, а Северное пассатное течение вдоль двадцатой параллели и южнее неизбежно вынесет судно к Антильским островам и далее, к Мексиканскому заливу. Диодор Сицилийский (древнегреческий историк I века до н. э.) писал о земле, которая лежит далеко на западе и которая не была известна никому, кроме финикийцев и карфагенян (к этому времени Карфаген был уничтожен в 146 году до н. э. Римом, а Финикия также находилась, как и весь Левант, под римским господством с 63 года до н. э. — Ред.). По его словам, жители города Тир и их колонии в середине I-го тысячелетия до н. э. наряду с греками были хозяевами Средиземного моря, предлагали послать на нее колонистов

В Туле, столице тольтеков, отгребая мусор от остатков дома, Дезире Шарнэ нашел много любопытного, например, огромные обожженные кирпичи, фильтры, изогнутые водопроводные трубы, маленькие финикийские печати и вазу с изображением бородатого, усатого, одетого в мантию Тлалока, держащего в руке молнию

Карфагенский мореплаватель Ганнон в рассказе о своих странствиях описывает флотилию из шестидесяти пятидесятивесельных кораблей, на борту которых было 30 тысяч мужчин и женщин, отправившуюся приблизительно в 500 году до н. э. на юг вдоль западного побережья Африки. Они везли с собой достаточно припасов, чтобы проделать путь от Карфагена до Геркулесовых Столбов (Столбов Мелькарта, как их называли карфагеняне, ныне Гибралтарский пролив) и далее вдоль западного побережья Африки. Были основаны колонии (на территории современного Марокко и, возможно, южнее. Плывая дальше, Ганнон достиг четвертого градуса северной широты (вулкан Камерун и залив Камерун), откуда привез в Карфаген шкуры убитых горилл

мавшиеся ступенями к усеченной вершине и используемые в качестве астрономических обсерваторий, поклонение Солнцу и Луне, для которых воздвигались храмы, использование гномонов для измерения тени от Солнца и определения широты, изготовление глиняных фигурок карликов и — что самое поразительное — изображение бога дождя Тла-лока в Центральной Америке в виде фигуры белого человека с усами и длинной бородой, держащего в руке молнию точно так же, как это делает его финикийский двойник (см. вазы Шарнэ).

Когда финикийский город-крепость Тир, построенный на острове, потерял былое влияние, ему на смену постепенно пришел Карфаген, который стал самым богатым городом в Древнем мире (пока не был разгромлен Римом). Основанный финикийской царицей Дидо в 825 веке до н. э. вблизи нынешнего города Туниса, Карфаген стал самым важным аванпостом финикийской культуры в Западном Средиземноморье с населением около 700 тысяч человек (согласно Страбону), проживавшим за его стенами. Чтобы дать выход растущему населению, Карфаген посылал на кораблях своих колонистов, которые проплывали мимо столбов Мелькарта (как они называли Гибралтар) на юг

Археолог Хью Фокс видит глубокую религиозную связь между древними жителями Мезоамерики и Месопотамии. Эта связь возникла благодаря путешествию на запад финикийцев и карфагенян. В своей книге «Боги Всемирного потопа» Фокс сделал вывод: Уцилопочтли, сочетая в себе черты различных богов, является на самом деле финикийским вариантом греческого Кроноса (римского Сатурна) — Баал-Хаммоном. Баал-Хаммону (а также богине Тамит) в Карфагене приносились многочисленные человеческие жертвы, а во время многих обрядов на Ближнем Востоке «верующие были одеты в шкуры принесенных в жертву животных». В Шипе-Тотеке, ацтекском боге весны и сева со снятой кожей, он видит Адониса или Осириса, или Диониса, или Баал-Хаммона — все это боги плодородия. Снятие кожи с живого человека было любимой пыткой у карфагенян.

По словам Фокса, в то время как, например, иудаизм развивался от человеческих жертвоприношений в сторону замены их на принесение в жертву животных, затем злаков, а затем к символическому жертвоприношению, «ацтеки восприняли ханаанейскую религию на ее самой примитивной ступени развития и развили ее почти исключительно в направлении каннибализма и людских жертвоприношений». Он указывает, что финикийцы были большими любителями приносить в жертву детей и что ветхозаветных богов можно было умиротворить только кровью жертвы. Куда бы ни отправились финикийцы, они всюду оставляли после себя следы (и наследие) кровавых жертвоприношений. Для разума финикийца, пишет Фокс, будь то в Сирии, Палестине или Северной Африке, «вся система жертвоприношений имела в своей основе попытку пре-

дотвернуть другую — и самую последнюю — Великую Катастрофу». Фокс поместил двуполого бога, совместившего черты богини Тамит и Баал-Хаммона, на самую вершину ацтекского пантеона богов и видел в нем ацтекский вариант индусской богини-матери, разрушительницы и созидательницы, в знебной своей форме известной как Кали (Черная) или Чанди (Лютая). По Фоксу, великодушная богиня-мать (Сати, или Парвати, или Аннапурна, или Лакшми и др.) могла превратиться в злобную разрушительную Кали (или Чанда, или Дургу) в результате катаклизма. Для Фокса ясно, что, убивая свою жертву жертву и принося ее сердце Венере, Вечерней Звезде, майя приносили эту жертву из страха перед финикийской Тамит. Он добавляет, что индейцы хопи находились под сильным влиянием финикийцев, а ольмеки были черными африканскими (смешанными) финикийцами или убежавшими финикийскими африканскими рабами.

Подводя итог, Фокс задает риторический вопрос: «Если вся эта религия была религией финикийцев, как это, безусловно, кажется, и если самая древняя память о теологических источниках ацтеков уходила корнями в прошлое и достигла Теотиуакана, то не делает ли это Теотиуакан финикийской колонией?

А Кецалькоатль финикийским жрецом?»

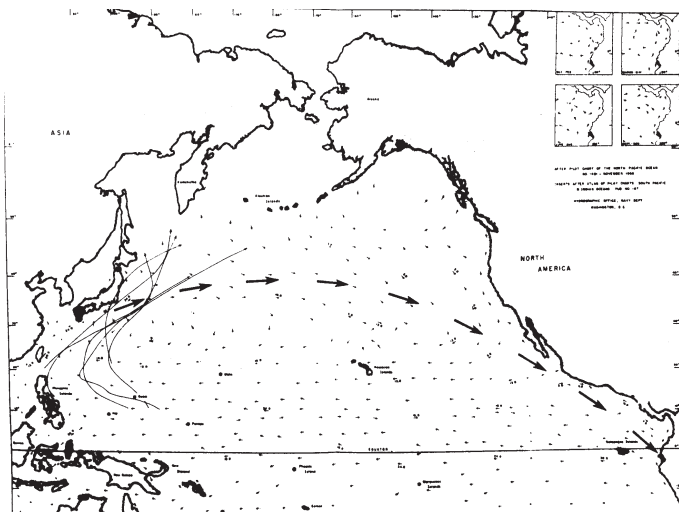
вдоль побережья Африки (вдоль до четвертого градуса северной широты), везя с собой свои знания и верования.

С той широты карфагеняне, подобно своим финикийским предшественникам (осуществившим, кстати, по приказу египетского фараона Нехо плавание вокруг Африки, через два года на третий, около 609—595 годов до н. э. — по Геродоту), вполне могли доплыть до Нового Света и совершить высадки на Юкатане, в Табаско или Веракруссе, давая фактическую основу для легенды о Вотане. Чтобы герои могли совершить обратное путешествие до Средиземного моря, как об этом рассказывается в «Одиссее Вотана», Гольфстрим и преобладающие западные ветры должны были пронести их корабли по Атлантическому океану на северо-восток до района севернее Азорских островов, а оттуда — домой, в Северную Африку. На о. Корву, самом северо-западном из Азорских островов, расположенном в 6 тысячах километрах от Юкатана и в более чем в 2 тысячах километрах от самых близких берегов Северной Америки (о. Ньюфаундленд), был найден тайник с карфагенскими монетами, датируемый IV—III веками до н. э. В 1975 году на атлантическом побережье США вблизи п-ва Кейп-Код были найдены камни с надписями, составленными из букв южноберрийского алфавита, которые приписывают Ганнону (карфагенский мореплаватель V века до н. э.) и датируют 480—470 годами до н. э.

Но легенда о путешествии на запад на этом не заканчивается. После финикийцев и карфагенян греки, римляне, ирландцы, валлийцы и всевозможные скандинавы оставили сказания и доказательства своих путешествий к обеим Америкам. Книги с информацией об этих плаваниях заполняют несколько полок на стеллажах Библиотеки конгресса. Некоторые из них содержат специфические исследования, подобные исследованиям профессора Сайруса Гордона, другие представляют собой популярные краткие изложения, такие как книга Чарльза Майкла Боланда «Они открыли Америку».

Существуют в равной степени интригующие доказательства путешествий к Америке с запада, через Тихий океан. Объясняя изобилие в Мексике индейцев с ярко выраженными китайскими чертами лица (естественно, они родом из Азии. — *Ред.*), Генриетта Мертц в своей книге «Бледные чернила» рассказывает о двух китайских экспедициях в Америку. Одна из них состоялась в V веке, а другая — гораздо раньше, аж в XXIII веке до н. э. (когда и китайцев не было. Первое государство в Китае, сложного происхождения, Шан, возникло около 1520 года до н. э. — легендарная дата 1766 года до н. э. — *Ред.*). Записи об обеих этих экспедициях существуют в китайских летописях (чего там только нет. — *Ред.*).

Экспедиция V века описана Хуай Шенем, буддийским монахом, который делал записи о путешествии пяти буддийских миссионеров в

Путь, якобы проделанный японцами (точнее, их предшественниками айнами. Современные японцы — потомки переселенцев в III—I веках до н. э. из Китая и Кореи. — Ред.), чтобы достичь Эквадора до начала христианской эры, по Бетти Дж. Меггерс (весьма сомнительно, если не сказать невероятно, учитывая мореходность и автономность плавсредств как айнов, так и, в дальнейшем, японцев и китайцев. — Ред.)

страну под названием «Фусан», расположенную далеко на востоке. Генриетта Мертц и некоторые другие современные историки отождествили ее целиком с Мексикой, от Лос-Анджелеса до Юкатана, особенно с регионом вокруг Чичен-Ицы. Название «Фусан» было дано этой стране китайцами из-за ее деревьев, которые были похожи на бамбук, но приносили съедобные плоды в форме груши красноватого цвета, которые можно было хранить в течение года, и они не портились. В начале христианской эры кукурузный початок в Мексике имел красноватые зерна, был в длину всего около трех дюймов и шире у основания, как груша.

Хуай Шень описывает, как в Фусан был обнаружен цивилизованный народ, который умел писать на бумаге из какого-то растения и который, хотя железо ему было неизвестно, имел много золота и серебра. По словам Мертц, это посещение Мексики в V веке изменило весь ход мексиканской истории. В истории Хуай Шеня китайских аристократов самого высокого ранга называли «туй-лу», и в книгах майя, входящих в «Чилам-Балам», рассказывается о вожде, пришедшем с запада, из Тулупана, у которого был титул Тутул Шиу. Мертц изображает Тутула Шиу как китайского Кецалькоатля, который принес в Мексику восточные знания: календарь, астрономию, металлургию, сельское хозяйство, резьбу по нефриту и компас.

(Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в стране Фусан «у быков необычно длинные рога... В повозки впрягают лошадей, быков и оленей». Таким образом, Фусан можно искать где-то в нынешнем русском Приморье, где во времена Хуай Шеня начало образовываться тунгусское государство Бохай (оформилось около 700 года, погибло в 924—926 годах). Или на островах Восточной Азии. А в Америке ничего из вышеописанного быть не могло — надо внимательно читать источники! — *Ред.*)

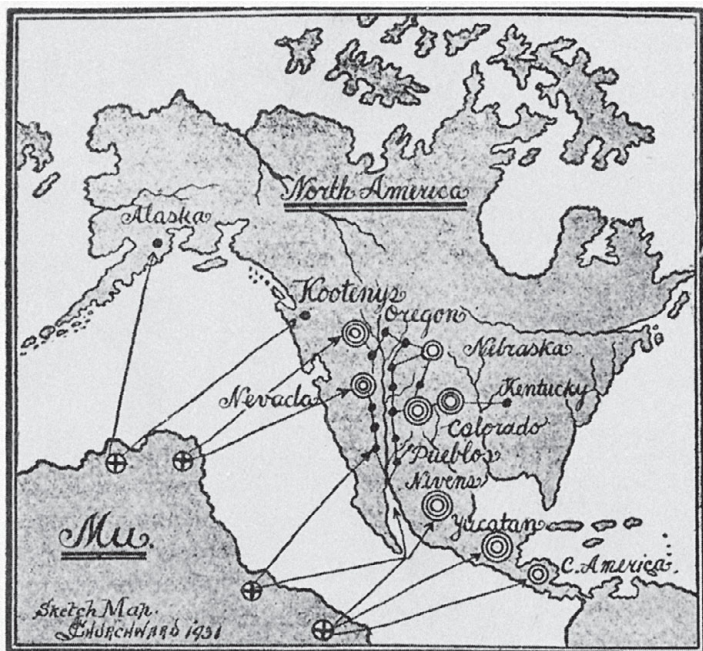
И японцы, и китайцы пишут о том, как тысячи людей выходили в Тихий океан на лодках. Правда, мореходность их была низкой, и они могли достичь лишь ближайших островов. Все же большинство рассказов о переселенцах из Азии (кроме научно доказанного заселения Америки выходцами из Восточной Азии около 12—15 тыс. лет до н. э., перешедшими по сухопутному мосту на месте Берингова пролива) носит несерьезный характер (про шарлатанов, возлюбивших Фусан, можно писать долго).

Глава 25

МЕКСИКА В ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

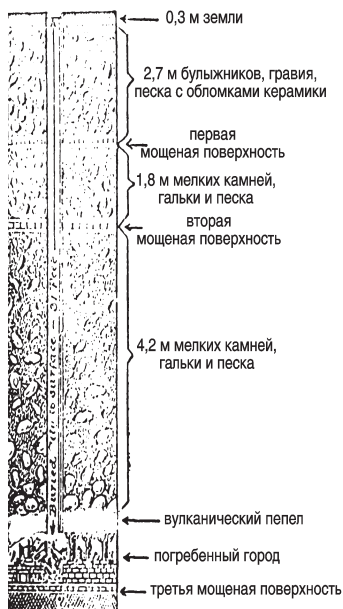
Одно указание на то, что в долине Мехико существовала гораздо более древняя цивилизация, чем та, до которой добрались лопаты Мануэля Гамио, исходит из завораживающих открытий, сделанных в Мексиканском нагорье шотландцем Уильямом Нивеном. Будучи горным инженером, работавшим на мексиканскую компанию, Нивен рассказал о том, как он наткнулся на следы двух разных доисторических цивилизаций на глубине от 1,8 до 9 м ниже современного уровня долины Мехико. Эти открытия, сделанные между 1910 и 1930 годами, «научный мир» почти не принял во внимание отчасти потому, что они не вменяются ни в какие рамки каких-либо предвзятых мнений, и отчасти потому, что их использовал еще более неортодоксальный автор Джеймс Черчуорд — для подтверждения своей еще более фантастической гипотезы о существовании в Тихом океане огромного континента, который он назвал «Му» и который, по его словам, был родоначальником нескольких цивилизаций, распространившихся по всему земному шару.

Работы Черчуорда, хотя они и были очень популярны среди любителей сказок об Атлантиде и Лемурии (и часто пророчески точны в некоторых деталях), из-за бесосновательных и совершенно невероятных идей, высказанных Черчуордом, были отмечены официальной наукой, которая вместе с «лемурийской» водой Черчуорда, возможно, выплеснула из купели и живых, кричащих младенцев.

Карта Северной Америки в доисторические времена в интерпретации Черчуорда, на которой изображена часть огромного гипотетического «континента Му», находящегося в Тихом океане

В нескольких пластах, как это отчетливо выявили шурфы, Нивен, по его словам, нашел следы трех хорошо сохранившихся бетонных полов или мостовых на глубине от 1,2 до 9 м. Над первой мощной поверхностью был слой мелких булыжников, гравия и песка, покрытый плодородной почвой долины толщиной около 0,3 м. Повсюду в первой толще обломков Нивен находил фрагменты разбитой керамики, небольшие глиняные фигурки, бусины из диорита, наконечники для копий и стрел, веретена и другие остатки материальной культуры древних людей, большей частью разбитые

Получая поддержку от некоего Фримейсона, Черчурд мог помочь Уильяму Нивену не больше, чем это было в случае с Ле Плонжоном, за исключением того, что благодаря тысячам экземпляров книги Черчурда, проданным по всему миру, имя Нивена не кануло в Лету. Когда в 1937 году Нивен умер, в его некрологе, помещенном в «Американском историческом журнале», он был назван профессором, который несколько лет занимался поиском полезных ископаемых, почетным пожизненным членом научного общества при Американском музее естественной истории и различных других подобных научных обществ. Еще было сказано, что он был вовлечен в археологические работы на территории Мексики, — и больше ничего. Ничего такого, что указывало бы на то, что он совершил, возможно, самое спорное археологическое открытие в западном мире.

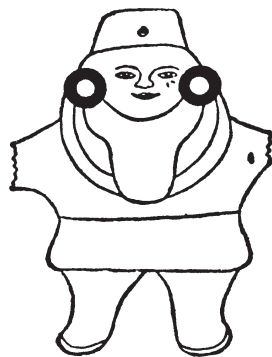
В действительности Нивен проводил исследовательские работы в Мексике с 1889 года. Во время проведения раскопок среди древних разрушенных городов в малоизвестной и малонаселенной части штата Герреро к югу от Мехико в районе Акапулько к нему начали периодически приходить местные индейцы и приносить с собой для продажи терракотовые статуэтки и другие предметы. И хотя индейцы делали вид, что нашли эти предметы в пирамидах Солнца и Луны в Сан-Хуане Теотиуакане, Нивен понял, что источник этих артефактов должен находиться ближе. При помощи взятки, равной пяти песо (в то время два с половиной доллара), ему удалось обнаружить это место.

Между деревушками Тескоко и Халуэпантла севернее Мехико он обнаружил сотни, если не тысячи ям, вырытых в песке и глине, и белый строительный камень, использовавшийся строителями Мехико на протяжении более трехсот лет. Исследуя эти ямы или шахты (которые, по словам Нивена, расположены на участке приблизительно десять на двадцать миль (16 на 32 км) в северо-западной оконечности долины Мехико), он наткнулся на обширные пласты, как оказалось, очень древних руин. Это были целые доисторические города, лежавшие на глубине 9 м под поверхностью равнины, которые, очевидно, были разрушены катастрофическими приливными волнами. Возможно, это происходило с интервалами в несколько тысяч лет, и волны, по рассказу Нивена, оставили характерный слой гальки, песка и мелкого щебня. По глубине их залегания под поверхностью почвы Нивен приблизительно подсчитал, что самым древним остаткам, вероятно, 50 тысяч лет.

По словам Нивена, на глубине от 1,2 до 1,8 м от первой мощеной поверхности он нашел второй «бетонный пол», но в пространстве между ними ему не удалось найти ни единого кусочка керамики или других следов, указывающих на то, что здесь когда-то жили люди. Под второй мощеной поверхностью он наткнулся на то, что он назвал «са-

Нивен считает, что фигурка «китайца», которую он нашел на глубине 9 м под землей в шурфе, выкопанном в Сан-Мигель-Амантле, что близ Халуэпантлы в 30 с лишним километрах от национального дворца в Мехико, была погребена тысячи лет назад. По словам Нивена, раскосые прорези глаз, объемный кафтан, свободные штаны и тапочки явно указывают, что статуэтка изображает китайца. Объясняя отсутствие косы, Нивен подчеркивает, что китайцы не носили кос, пока не были покорены различными полчищами, приходившими с севера (наиболее известны монголо-татары с XIII века по 1368 год и маньчжуры с 1644 по 1911 год).

Статуэтка имеет около 18 см в высоту и сделана из ложкой глины, которая с внешней стороны превратилась в камень. Ее ширина около 9 см в груди и около 4 см в области живота. Уши у статуэтки украшены кольцами, на голове надета шапочка, в центре которой есть пуговка, точь-в-точь как на шапочках китайских мандаринов

мой большой находкой за многие годы моей работы в археологии на территории Мексики».

Под четко очерченным слоем пепла вулканического происхождения толщиной от 0,6 до 0,9 м Нивен различил признаки многочисленных больших построек правильных размеров. Это были остатки большого города, который располагался равномерно на одном и том же уровне на протяжении более чем тысячи глиняных шурфов. В одном из домов (большая их часть была разрушена и уничтожена), заполненном обломками и пеплом, он нашел деревянную дверь с полукруглым верхом, которая превратилась в камень. Стены этого дома были скреплены белым цементом, который был тверже самого камня. В одной неразрушенной комнатке площадью около 3 м² с плоской крышей из камня и бетона, полной вулканического пепла, Нивен, по его словам, наткнулся на множество артефактов и человеческих костей, «которые при прикосновении к ним крошились, как гашеная известь». Согласно его подробному отчету, на полу все еще лежал полный набор инструментов ювелира и около двухсот форм для изготовления статуэток и божков, сделанных из глины, превратившейся в камень. Каждая форма была покрыта толстым слоем ярко-желтого оксида железа, который, очевидно, был нужен для того, чтобы не дать расплавленному металлу прилипнуть к формам во время литья.

Нивен пишет, что украшения не были похожи ни на какие другие, найденные в Паленке или Митле или где-либо между ними. Работа была тонкой, прекрасная шлифовка говорила о развитой цивилизации. На стенах Нивен обнаружил рисунки, сделанные красной, синей, желтой, зеленой и черной краской, которые, по его словам, не уступали в

сравнении лучшим из виденных им подобных работ, сделанных греками, этрусками или египтянами. Фоновый цвет стены был бледно-голубой. На расстоянии 15 см от потолка высотой 4,3 м по стенам проходил, опоясывая комнату, бордюр, выполненный темно-красной и черной краской. Он был покрыт, как глазурью, каким-то местным воском, который прекрасно сохранил и цвет, и узор, состоящий из картинок из жизни какого-то человека, очевидно пастуха, от самого его рождения и до смерти.

Под полом Нивен нашел могилу глубиной 0,9 м, выложенную цементом, в которой находились семьдесят пять костей — все, что осталось от скелета. В большом куске черепа сохранилось лезвие кованого медного топора, явившегося причиной смерти, так как лезвие не было вынута. В могиле Нивен также нашел 125 различных предметов: маленьких божков из терракоты, фигурки человечков, статуэтки и посуду. У некоторых фигурок были черты лица, сильно напоминающие финикийские или семитские. Одна из них изображала человека, сидящего скрестив ноги; у него была пустая подвижная голова, посаженная на шею при помощи шипа, хитроумно вставленного в паз у основания черепа.

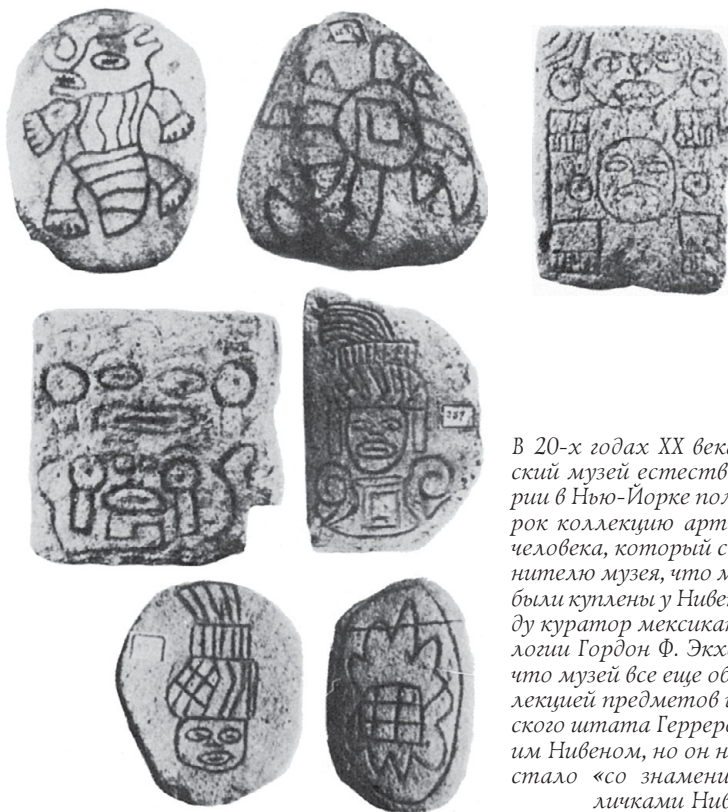
Менее чем в 5 км Нивен нашел в песках и гравии русло древней реки, где, по его словам, были тысячи фигурок из терракоты и глины, лица которых «представляли все народы Южной Азии».

Затем в 1921 году в ходе раскопок в деревне Сантьяго-Ауисоктла, расположенной по соседству с Амантлой, приблизительно в 8 км к северо-западу от Мехико, Нивен сделал такое поразительное открытие, которое, по его словам, развернуло для него новое поле археологических изысканий. На глубине более 3,5 м, как рассказывает Нивен, он наткнулся на первые каменные таблички с очень необычной пиктографией. Методично исследуя другие глиняные шурфы и каменоломни на территории более 50 км², ему, по его утверждению, в течение последующих двух лет удалось откопать еще 975 табличек. В итоге, как пишет Нивен, он нашел их более 2600 штук. И хотя на этих табличках не было ничего такого, что могло помочь установить их точный или приблизительный возраст, по глубине их залегания и по скопленению обломков над ними Нивен сделал вывод, что им более 12 тысяч лет, а вероятнее всего, даже ближе к 50 тысячам лет.

Таблички Нивен тщательно пронумеровал в порядке, в котором он их находил. У них не было какой-то особенной формы. Они оказались обточенными водой камнями с гладкой поверхностью, на которой были вырезаны изображения, часто повторяющие форму камня и во многом похожие на так называемые камни Кабреры — эти камни были найдены почти в это же время в Перу и изображали необычных четырехпалых людей, сражающихся с динозаврами, хотя такие

Витрина № 6, содержащая часть коллекции камней с резными изображениями, найденными Нивеном в долине Мехико. Когда в 1937 году Уильям Нивен умер в городе Остине, штат Техас, «Нью-Йорк таймс» написала о нем как о выдающемся минералогe и археологе, который обнаружил погребенные в долине Мехико доисторические города. Он также был отмечен как первооткрыватель четырех новых минералов, включая цитриалит, торогон и нивенит. Как было написано в «Таймс», Нивен передал в дар правительству Мексики самые лучшие из своих находок, сделанных в Мексике, оставив себе лишь некоторую часть. Кое-что он продал, чтобы финансировать дальнейшие археологические экспедиции. Тех предметов, что остались, было достаточно, чтобы открыть в Мехико частный музей, насчитывавший 30 тысяч экспонатов

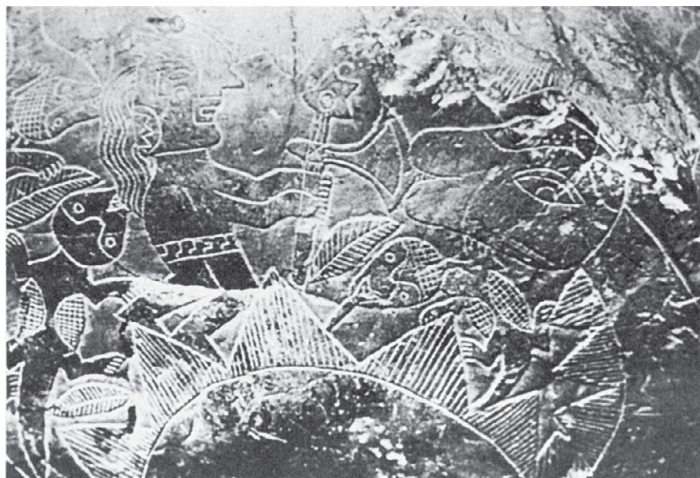
В 20-х годах XX века Американский музей естественной истории в Нью-Йорке получил в подарок коллекцию артефактов от человека, который сообщил хранителю музея, что многие из них были куплены у Нивена. В 1976 году куратор мексиканской археологии Гордон Ф. Экхольм сказал, что музей все еще обладает коллекцией предметов из мексиканского штата Герреро, проданной им Нивеном, но он не знает, что стало «со знаменитыми табличками Нивена»

доисторические существа, как полагают, вымерли за много тысячелетий до появления на планете человека.

Когда Нивен показал копии с изображений на этих табличках «знающим профессионалам, как американским, так и зарубежным», включая Сильвануса Г. Морли, ему было сказано, что эти символы не похожи ни на что, когда-либо виденное ими. Ни один из известных археологов не смог расшифровать ни одну из табличек. И поэтому Нивен взял на себя немалую заботу о том, чтобы сделать копии с изображения на каждой табличке, и послал их своему давнему другу Джеймсу Черчуорду, чтобы тот дал свои пояснения. И ящик Пандоры был открыт.

Черчуорд сказал, что он ни в малейшей степени не удивлен, что ни один археолог не смог расшифровать рисунки на табличках. Он, с другой стороны, узнал на табличках Нивена символы и рисунки, схожие с теми, которые ему показали в монастыре в Тибете и которые называли «Наакальскими табличками». По словам Черчуорда, эти таблички содержали в себе «Неприкосновенные Священные Писания», созданные на исчезнувшем «континенте Му», который погрузился в воды Тихого

Вырезанные на камне изображения людей, сражающихся с динозаврами, — часть коллекции из двадцати тысяч подобных камней, не так давно найденных в Перу доктором Кабрерой, который считает, что им более пятидесяти тысяч лет. Коллекция включает в себя анатомическую библиотеку, точно показывающую внутренние органы человека, и ряд табличек, на которых изображена необыкновенно сложная трансплантация сердца (или пособие для жрецов-живодеров. — Ред.)

океана около 12 тысяч лет назад, приблизительно в то же самое время, когда последние остатки Атлантиды ушли на дно Атлантики.

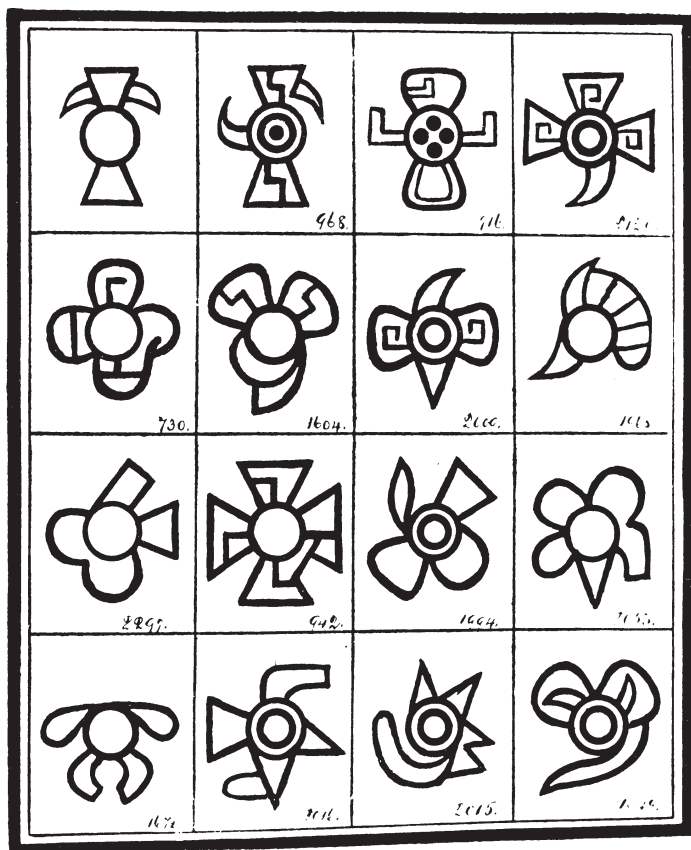
После более тщательного изучения Черчуорд сказал, что мексиканские таблички Нивена подтверждают данные, которые он извлек из тибетских «Наакальских табличек», и многое для него проясняют.

Из глубоко связанных между собой своим содержанием рисунков на табличках Нивена Черчуорд сделал вывод о том, что они были творением рук колонистов с «континента Му», которые поселились в долине Мехико за тысячи лет до рождения Христа.

Это духовное братство, по словам Черчуорда, было послано с «континента Му». Представители этого братства, отправившиеся на запад, учили жителей Юго-Восточной Азии священному писанию, вмещавшему в себя религию и науку родной страны. Оттуда члены братства перебрались в Индию, а затем в конце концов нашли убежище от преследований в горной цитадели монастыря в Тибете.

Если верить толкованию рисунков на табличках, сделанному Черчуордом, они охватывают историю человечества, уходящую в глубь веков на 200 тысяч лет.

Археологи, естественно, не только не одобрили высказывания Черчуорда, но и точно так же отнеслись и к Нивену.

Рисунки, найденные на мексиканских табличках Нивена. По словам Черчуорда, они подтверждают те данные, которые он якобы получил из «Наакальских табличек» в Индии. По мнению Черчуорда, эти рисунки изображают «четыре великие основные силы природы»

Ничуть не упав духом, Черчуорд использовал данные, полученные от Нивена, для подкрепления своей собственной теории.

Книги Черчуорда о «континенте Му» получили новый импульс, когда Библиотека Пейпербэк в Нью-Йорке переиздала пять его книг и еще одну книгу Ханса Стефана Стеффансона с объяснениями под названием «Понять Му».

В 1970 году Нью-Йоркская библиотека пошла еще дальше: был опубликован небольшой том книги «Открытый континент Му» Тони Эрла, в котором автор описывал недавние раскопки, проведенные профессором Рисдоном Хердлопом на том месте, где в свое время проводил их Нивен. Профессор сообщил о том, что под полом небольшого храма,

Одной из причин, по которой Нивен, возможно, не получил заслуженного внимания, было обнаружение им в найденных при раскопках фигурках символов, напоминающих масонские, а также изображения фаллоса (в соответствующем культе), что стремились в то время как-то затушевать. В слоях лавы, насчитывающих более десяти тысяч лет, Нивен нашел фигурки, у которых одна рука прижата к губам, а другая лежит на голове. В этих жестах он увидел сходство с теми, которые и по сей день существуют у масонов. Нивен не стал осторожничать и указал, что «эти миниатюрные таинственные фигурки, как мужские, так и женские, демонстрируют свои совершенно обнаженные гениталии, словно они имеют отношение к обрядам, связанным с культом фаллоса».

Далее Нивен отметил, что у женских фигурок «наружные половые органы изображены очень подробно; и здесь есть еще кое-что удивительное: предмет, который как будто падает и на первый взгляд похож на маленький бубен, но при более близком рассмотрении видно, что это изображена капля спермы, вытекающая из женского репродуктивного органа».

Нивен добавляет, что на барельефе из Хонуты (под номером 26 в галерее мольотов, находящейся в Мехико в Музее археологии) символы мужского репродуктивного органа, изображенные в виде выступающих долек вокруг головы храмового жреца, явно «выделяют сперму»

обнаруженного Нивеном, был найден каменный саркофаг. В саркофаге находились шестьдесят девять свитков из листьев папируса, на которых были нанесены необычные письмена.

Было сказано, что профессор Хердлоп хорошо известен в археологических кругах своей работой в местечке Джохор-Лама, где находится древний город Сингапур, и в Кота-Гинги, где он продолжил работу, начатую покойным доктором Джеральдом Броссо Гарднером, который и нашел это место поселения древних людей. Сообщалось также, что консультировал профессора Хердлопа сэр Ричард Уиндстед, бывший в то время главным британским советником в Джохоре.

К 1964 году, пишет Эрл, свитки были расшифрованы в достаточной степени, чтобы понять, что в них содержатся мельчайшие подробности жизни людей на «континенте Му» (в свитках эта земля называется Мурор) в годы, предшествовавшие его гибели. Профессор Хердлоп датировал свитки 20 000—25 000 годами до н. э. В письменах на свитках, которые оказались личным дневником молодого жреца по имени Кланд, содержались описания домов, семей, храмов, средств передви-

жения, войн, выборов вождей, преступлений и наказаний, хозяйственных расходов и личные письма.

И хотя профессор Хердлоп счел, что открытия Черчуорда заслуживают дальнейших исследований, «он мало понимал, — пишет Эрл, — что это приведет к одному из величайших открытий нашего времени, которое можно сравнить с открытием Шлиманом Трои и работой Эванса на руинах минойской цивилизации».

По словам Эрла, он последовал за Хердлопом в Мексику из Индии через Египет и Англию, где они встретились для беседы с руководителями Лондонского института Маркуина-Жоликёр, готовясь к экспедиции для проведения раскопок на старом месте в Мексике (где когда-то работал Нивен). Очевидно, они были первыми после Нивена. В остальной части книги Эрла рассказывается о том, как шла работа над свитками при помощи датчиков и пинцетов, как открывались фрагменты текста, а разорванные фрагменты соединялись вместе. Эрл пишет, что посредством радиоуглеродного анализа было установлено, что тексту 23 тысячи лет; его перевод был сделан при помощи доктора Эдварда Стича из Бостона.

К сожалению, имя Тони Эрл оказалось анаграммой слова «ненастоящий», а в реальной жизни это доктор Реймонд Бакленд, канадец из штата Нью-Гэмпшир США, в настоящее время занимающийся черной магией. Профессор Хердлоп никогда не проводил раскопки в том месте, где это делал Нивен, и не находил никакого саркофага с дневником жреца по имени Кланд, написанного на древнем папирусе. Имя профессора — анаграмма имени северного оленя Редноуза Рудольфа. Поэтому предостережение читателям халтуры в мягкой обложке: остерегайтесь принимать на веру не соответствующую действительности информацию от предшественников и последователей Эриха фон Дэникена. На обложках таких книг нет никаких указаний — ни спереди, ни сзади, ни где-то между ними — на то, что работа Эрла, рекламирующая себя как «археологическое открытие, которое переписывает историю земли», фальшивка. А мир, в котором мы живем, ничуть не лучше Средневековья, когда иезуиты присваивали себе важные научные работы, как, например, труды Парацельса, заменяли их изданиями, из которых было выброшено все нежелательное, и распространяли слухи о том, что Парацельс обманщик. И такое представление о нем просуществовало до XX века, когда парочка шведских исследователей, наконец, предоставила более соответствующую действительности версию работ этого естествоиспытателя и врача.

Был ли Черчуорд обманщиком? Придумал ли он «Наакальские таблички»? А как быть с табличками Нивена?

Наконец, в настоящее время на работу Нивена серьезное внимание обратил Роберт Уикс из Университета Вашингтона в Сиэтле, который

готовит к публикации книгу о Нивене и найденных им табличках. Переписьваясь с ведущими специалистами в области памятников древней мексиканской культуры, Уикс сумел получить от них признание того, что пренебрежение, с которым относились к работе Нивена, вероятно, было ошибкой.

Возможно, в свое время не только работы Нивена, но и Черчуорда будут вновь оценены по достоинству, как это было с работами Месмера и Парацельса, который на протяжении веков подвергался оскорбительной клевете. Возможно, придет черед новых раскопок на местах, где их проводил Нивен, чтобы более пристально взглянуть на исчезнувший «континент Му», ведь за древними мифами, как утверждали Гумбольдт и Брассёр, могут еще всплыть какие-то исторические события.

Глава 26

ЧЕРЧУОРДА: ВЫМЫСЕЛ ИЛИ ФАКТЫ

На основании своего толкования табличек Нивена Черчуорд переписал текст своей книги «Затерянный континент Му» и посвятил ее Нивену. В своей книге он пишет, что «страна Му» была большим континентом, расположенным между Америкой и Азией, центр которого находился немного южнее экватора. Его площадь Черчуорд оценивает, основываясь на его остатках, в настоящее время видных над водой: это скалистые острова, разбросанные по Тихому океану, на которых до сих пор стоят какие-то стены, выложенные из камня каналы, мощеные дороги и огромные монолиты и статуи, подобные тем, что были обнаружены на острове Пасхи.

По мнению Черчуорда, «континент Му» простирался почти на 9600 км с востока на запад и на 4800 км с севера на юг. Это было обширное холмистое пространство между Гавайскими островами на севере и островами Фиджи на юге, разделенное на три части неширокими морями.

Он описывает его — то ли по наитию, то ли основываясь на какой-то реальной информации — как прекрасную тропическую страну с широкими равнинами, на которых простирались пастбища и возделанные поля под сенью роскошной тропической растительности — настоящий рай для веселой и счастливой жизни 64 миллионов человек, объединенных в десять племен. Там жила раса белых людей или людей с кожей оливкового цвета, большими темными глазами и прямыми черными волосами, раса желтокожих людей, людей с коричневой и черной кожей. Каждая раса жила отдельно, но все они подчинялись одной власти, власти строителей огромных храмов и дворцов из камня, мореплавателей, совершавших кругосветные путешествия на

своих кораблях и оставивших после себя надписи и легенды в разных странах от Китая до Среднего Востока.

Черчуорд пишет, что, если верить табличкам, когда колония выходцев из «Му» разрасталась настолько, чтобы быть самодостаточной, она становилась самостоятельной. Одна ветвь колонизации от «континента Му» шла к Центральной Америке, оттуда к Атлантиде, а затем к Средиземноморью и Малой Азии. Другая ветвь была направлена от западного побережья Северной Америки на юг к восточному побережью Южной Америки, которую можно проследить до самой Аргентины.

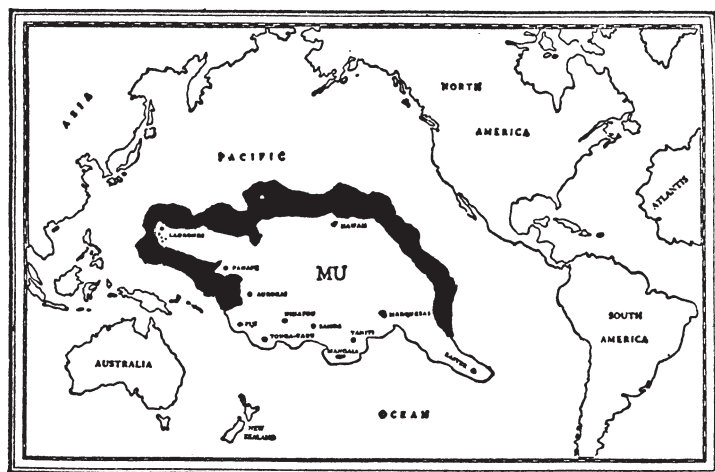
До того как «страна Му» ушла в пучину океана, в Южной Америке существовала великая цивилизация в районе Тиауанако, пишет Черчуорд и добавляет, что инки — народ не доисторических времен, а народ, возникший в результате смешения индейского племени майя-киче, перебравшегося в Перу из Гватемалы, с местным индейским племенем аймара.

Некоторые таблички, которые показали Черчуорду в Тибете, по его словам, описывали долгую историю Атлантиды. На одной из них была карта площадью около 2,5 м², на которой была изображена Атлантида и очертания другой суши в Атлантическом океане, сильно отличающиеся от сегодняшних. Атлантида на ней не остров, а соединена с Америкой, Европой и Африкой, и это было в те времена, «когда по земле бродили огромные чудовища и моря были полны исполинскими существами».

Таблички, пишет Черчуорд, также рассказывают о том, что Осирис родился на Атлантиде, откуда он уехал и странствовал за 20 тысяч лет до рождения Христа, чтобы добраться до «страны Му». Там он стал учителем, а затем вернулся на Атлантиду, чтобы искоренить «нелепичу, предрассудки, ложные представления и домыслы, которые проникли в религию Атлантиды». Таблички сообщают о том, что Осирис вновь ввел в Атлантиде первоначальную религию любви и простоты, верховным жрецом которой он стал. С Атлантиды, пишет Черчуорд, религия Осириса была перенесена в Египет Тотом около 16 тысяч лет назад. Эта религия, по словам Черчуорда (и как явствует из табличек), слово в слово совпадала с учением Христа, и из нее Моисей создал свое учение единобожия.

В другом направлении, к западу от «страны Му», существовали, по описаниям, несколько ветвей колонизации. Наиболее известная ветвь шла через Бирму к Индии, Месопотамии и Египту, разрешая, таким образом, кажущееся противоречие, существующее в легендах, о том, что Египет был заселен чужеземцами, пришедшими как с северо-востока, так и с запада.

Черчуорд пишет, что Нижний Египет был заселен колонистами из «страны Му», прибывшими через страну Майя и Атлантиду, то есть с

В поддержку теории о том, что многочисленные группы островов Тихого океана образуют остатки когда-то большого континента, Стейси-Джадд пишет, что аборигены острова Пасхи в Тихом океане, расположенного в 3800 км к западу от Чили, утверждают, что их предки не прибыли из Лемурии, а они сами и есть лемурийцы, живущие на вершине священной горы лемурийцев, единственной части Лемурии, оставшейся над водой

Сравнительная таблица иероглифов жителей острова Пасхи (колонка справа) и иероглифов жителей долины Инда. Остров Пасхи известен как один из геодезических центров Земли. Барбьери пишет, что после деградации и гибели культуры, существовавшей на острове Пасхи, миссионеры нашли здесь деревянные таблички с иероглифами, похожими на те, что были найдены в Мохенджо-Даро, а также на древние

				U	U	OK	OK
				U	U	)	)
				U	U	U	U
				U	U	>	>
				U	U	8	8

китайские иероглифы эпохи Шан (Инь). В 1886 году У.Дж. Томпсон перевел одну из табличек следующим образом: «Этот маленький остров был когда-то частью большого континента, который пересекали множество дорог...» Около двадцати такого рода табличек с письменами с острова Пасхи разбросаны по музеям всего мира

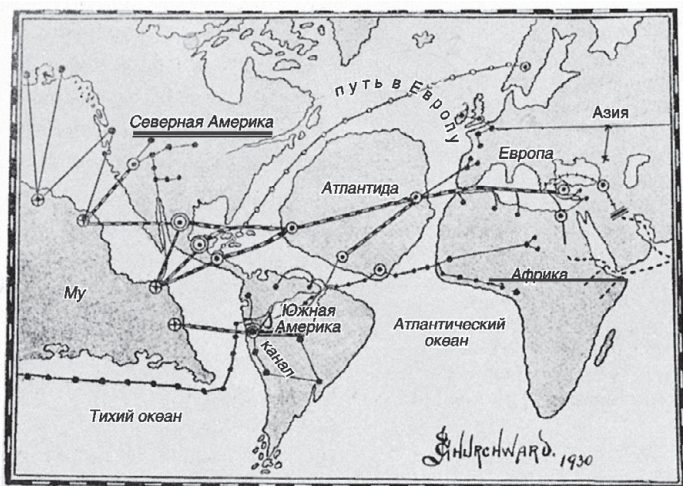

Схема осуществления сообщения из «страны Му» со Средиземноморьем через Северную и Южную Америку и Атлантиду, в изложении Черчуорда

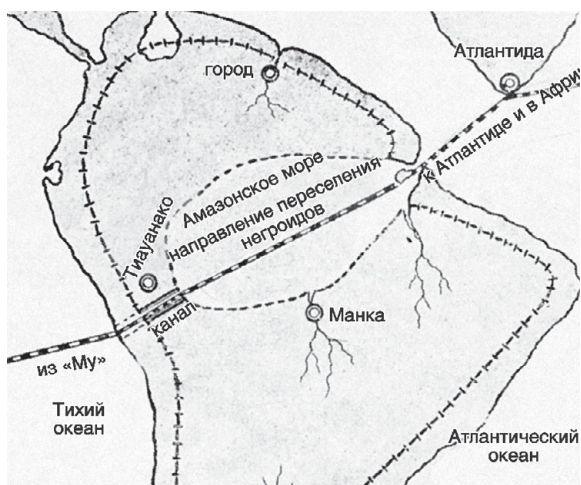
запада, в то время как жители Верхнего Египта пришли сюда из «страны Му» через Бирму и Индию — с востока.

Последние, по рассказу Ле Плонжона, были известны как «наги». Летописи индусов рассказывают о том, что центральные части Индии (плоскогорье Декан) сначала были колонизированы белыми людьми, которые пришли в Индию через Бирму из своей родной страны, находящейся на расстоянии одной луны пути в сторону восходящего солнца, восточнее Бирмы, где сейчас расположены острова Полинезии. Черчуорд считает, что это переселение состоялось более 15 тысяч лет назад. С этими же «нагами» связывают и начало месопотамской цивилизации, обнаруженные клинописные таблички которой содержат религиозные концепции, схожие с теми, о которых будто бы сообщалось в «Наакальских табличках».

По словам Черчуорда, когда он сравнил документы древних цивилизаций с легендами о «стране Му», он, к своему удовлетворению, установил, что цивилизации древних греков, шумеров и их наследников в Месопотамии, иранцев, египтян и индусов произошли от цивилизации «страны Му».

Что же касается евреев, пишет он, то, когда они были пленниками в Вавилонии (586—539 годы до н. э.), они имели возможность учиться в местных школах, где они и выучились «космическим наукам». «Школы в Вавилонии, — пишет Черчуорд, — были бесплатны и открыты для всех, кто хотел прийти туда, чтобы получить знания. Ученики не платили за обучение. Как только человек переступал порог школы, он ста-

Амазонский канал.
 Этот канал и Амазонское море изображены на карте Южной Америки, которую, по словам Черчуорда, он обнаружил на табличке в монастыре, расположенном в Тибете во время своей последней поездки туда. Он пишет, что дата составления карты была отмечена положением определенных звезд в конкретных созвездиях, и астрономы сказали ему, что в данном положении эти звезды находились 25 тысяч лет назад

новился на равных со всеми. Они оказывались как бы у ног Небесного Отца и становились поистине братьями. Эти евреи, хотя они и находились в неволе, посещали школы и становились учителями».

Второстепенная линия переселения на схеме Черчуорда шла от «страны Му» к островам Малайского архипелага, а оттуда в Южную

Линии связи, идущие из «Му» в западном направлении, как их видит Черчуорд

«Великая Уйгурская империя», которая, по мнению Черчуорда, существовала в кайнозойскую эру и простиралась от берегов Тихого океана до современных Британских островов

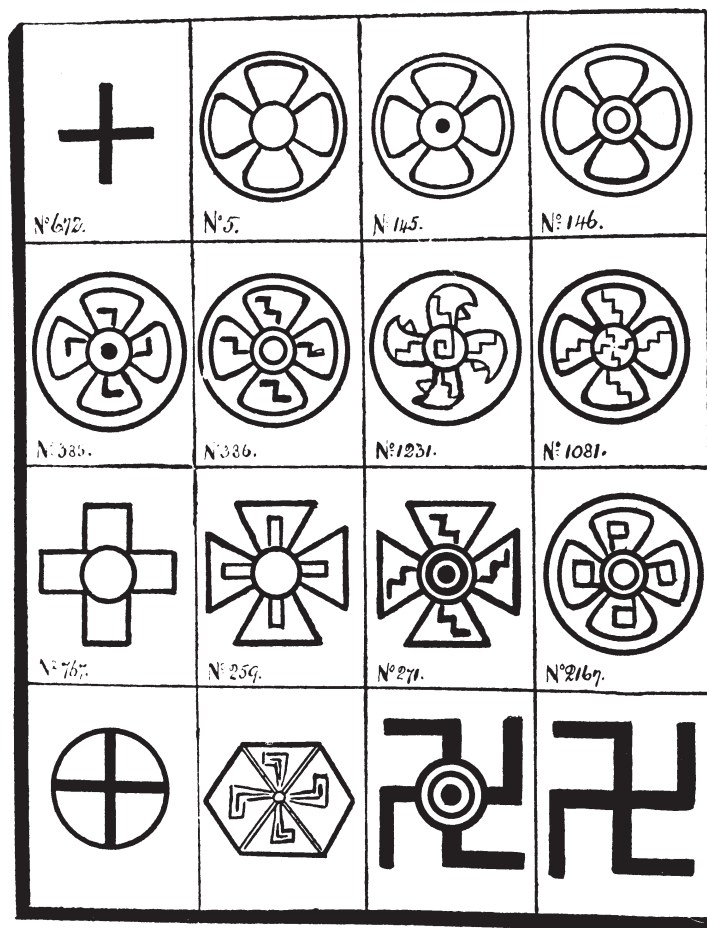
Индию, которую называли «Дравида», а из Индии в Африку, где переселенцы остановились южнее Нубии и стали предками эфиопов.

К северо-западу от «Му» свою страну основали предки японцев, а на материковой части Азии, по словам Черчуорда, образовалась самая большая и игравшая самую значительную роль колониальная империя, которая когда-либо брала начало в «стране Му». Это была огромная Уйгурская империя, которая простиралась от берегов Тихого океана до нынешней Москвы и имела свои аванпосты в Европе до самого атлантического побережья, где Британские острова в те времена, 17 тысяч лет назад, еще не отделились от Европы. Эта империя, чью южную границу образовывали Кохинхина (юг Вьетнама), Бирма, Индия и часть Ирана, была, согласно некоторым источникам, частично уничтожена еще до потопа, положившего конец «стране Му», и частично после него. Ее история, по мнению Черчуорда, это начало истории арийских (индоевропейских) народов.

В различные колонии и колониальные империи, как пишет Черчуорд, священные документы из «страны Му» попадали благодаря группе учителей, известных как «Наакали». Они создавали школы во всех странах, в которых жрецов-учителей можно было научить религии и наукам, а жрецы, в свою очередь, потом обучали народ.

В воспроизведении Черчуорда, религия «страны Му» не имела догматов. Религии обучали самым простым и понятным языком, который

Древние символы священных четырех стихий.

Черчуорд утверждает, что «Наакальские таблички», которые ему показали на Тибете, содержат религиозные идеи и космологию очень высокого порядка. По его словам, цивилизация, которая создала эти таблички, была далеко не примитивной, хотя некоторые таблички выглядят грубовато. Знания этой цивилизации, по Черчуорду, о космических «энергетических» силах были будто бы паразитическими, а таблички продемонстрировали ему глубокое понимание основ науки, «которая только озаряет современный научный мир и которой еще не овладел современный человек»

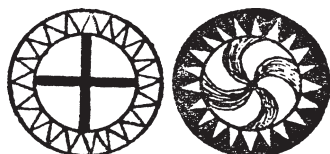
мог воспринять самый невежественный ум. Путаница, по словам Черчуорда, возникла только после исчезновения «Му», когда возникли фанатизм и невероятные богословские течения. «В различные периоды человеческой истории недобросовестные служители культа становились причиной ниспровержения религии из-за введения в нее по-

Четыре силы в интерпретации Черчуорда, происходящие из одного источника

Четыре силы внутри абсолюта

Лучи, исходящие из четырех сил

Четыре силы, действующие с востока на запад

рочных богословских конструкций, собранных из выдумок, вздора и безнравственности, а также ложных переводов Священного Писания, основы всех религий, с целью вызывать суеверные страхи, заманивать людей телом и духом в рабство к священнослужителям». По завершении этого, пишет Черчуорд, жрецам не нужно было много времени, чтобы стать богатыми и всемогущими.

Веды, пишет Черчуорд, были взяты из «Наакальских табличек» и подменены браминами, чтобы навязать их потом в качестве своих собственных высоких раздумий, тогда как богословие браминов превратилось — как и было задумано — в учение, насаждающее суеверия и благоговейный страх, уводя народ от вершин цивилизации к самой нижней ступени этой лестницы.

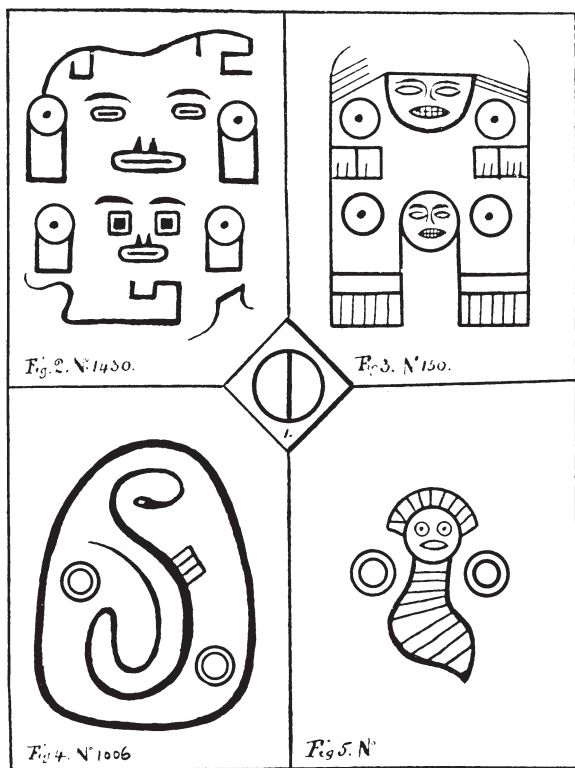
Священнослужители Египта, пишет Черчуорд, «вызвали гибельную волну ложных богов, идолопоклонства и духовной деградации, которая охватила страну».

Толкование Черчуордом «Наакальских табличек» и табличек Нивена указывает на существование гораздо более ранних знаний о том, откуда взялся на Земле человек, зачем он здесь, и о том, каким образом управляется вселенная.

Таблички, по словам Черчуорда, рассказывают о том, что первоначально вселенная представляла собой единую душу или дух.

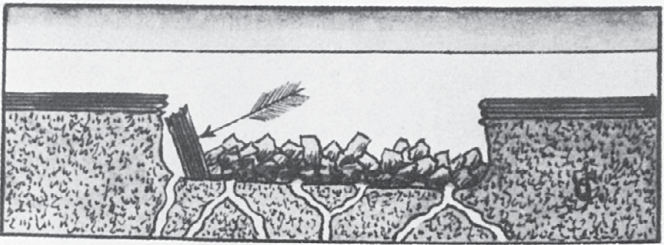
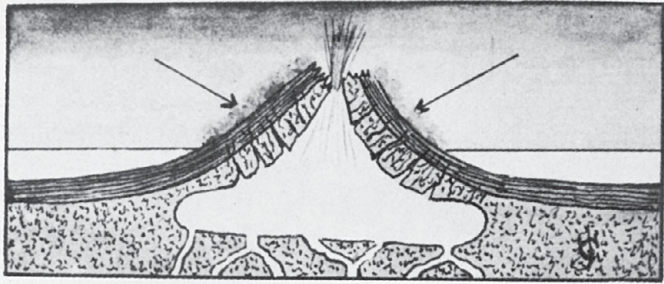
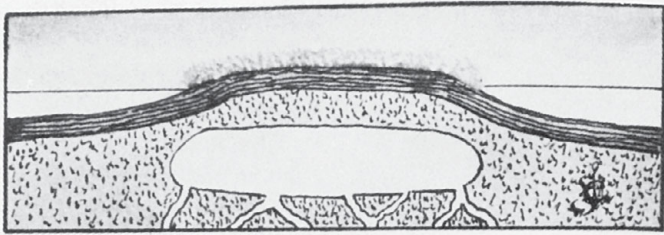
Основным символом на табличках было Солнце, монотеистический или собирательный символ Создателя. Позднее оно получило много атрибутов, каждый из которых тоже был представлен в виде символа, хотя подчеркивалось, что эти атрибуты были всего лишь свойствами одного Высшего Начала.

Согласно интерпретации табличек Черчуордом, для созидания требовались две космические силы; соответственно, первые четыре бога

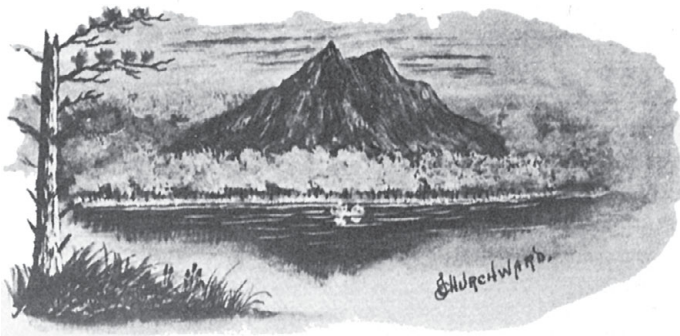

Группа из четырех табличек, которые, по словам Черчуорда, символизируют двойственный принцип созидания. Черчуорд пишет, что алфавит «страны Му» состоял из шестнадцати букв и большого количества дифтонгов, каждая буква для обозначения которых имела три различных символа. Если верить Черчуорду, первый символ был иератический, или священный, который также нес в себе скрытое значение, известное только жрецам, да и то не всем. Вторым использовался в написании слов, а третий был определением для выразительности. Он пишет, что основная масса табличек содержала в себе отрывки и фразы из священного писания «страны Му», и в большинстве случаев использовались эзотерические или храмовые символы. Он полагает, что древние мексиканские индейцы взяли свое учение о происхождении и развитии вселенной из священного писания «страны Му», которое было первоисточником

были четырьмя исходными силами, которые создали закон и порядок из хаоса и стали создателями всего материального, что есть во вселенной. В христианском и мусульманском мире их называли бы четырьмя архангелами. Черчуорд добавляет, что Пифагор учил: число четыре имеет отношение к Великим Созидательным Силам. Если говорить словами Штайнера, эти силы могли проявлять себя как силовые поля после водорода, кислорода, азота и углерода.

Поднятие и разрушение гор под действием очень сильных подземных взрывов газа, которые, как пишет Черчурд, происходили в более близкие к нам времена, чем это готовы признать геологи

Рисунок Черчурда, изображающий гору, поднимающуюся из равнины

Далее с развитием истории человечества, согласно анализу Черчуорда, к списку богов стали добавлять освобожденные от тела души людей. Тот, кто сформулировал такую богословскую теорию, по словам Черчуорда, знал, что человеку при его создании были даны космические силы, контролируемые его душой, и что когда душа покидает физическое тело, то она уносит эти космические силы с собой, назад, к Богу, от которого они исходили.

Черчуорд утверждает, что символы «страны Му» раскрывают происхождение масонства: оно возникло гораздо раньше, чем в Египте 5 тысяч лет назад. Он также заявляет, что священное писание Наакалей, содержащее в себе много масонских символов, очевидно, появившихся в «стране Му» более 70 тысяч лет назад, будто бы представляет собой первое из известных религиозных учений. Современные масонские догмы являются его фрагментами, обрисовывая в общих чертах монотеистическую религию Все-в-Одном с любовью к Создателю как к Отцу Небесному, любовью к людям как к братьям, которая передавалась от поколения к поколению с самого исчезновения «страны Му» 12 тысяч лет назад. С тех пор, пишет Черчуорд, человек прожил много жизней в разных местах, и не всегда в этом мире, и каждая жизнь отделялась от другой завесой тьмы, нарушаемой только в каких-нибудь видениях или случайных мыслях о предшествовавших обстоятельствах, которые все в конце концов откроются (все вышесказанное — на совести Черчуорда, видимо, давно связавшего свою судьбу с масонами. — *Ред.*).

Самое невероятное объяснение Черчуорда, которое он дал приливной волне, пронесшейся по долине Мехико, находящейся на высоте выше 2200 м *над* уровнем моря, состоит в предположении, что долина когда-то располагалась *на* уровне моря, а обширные горные хребты были вытолкнуты из недр Земли взрывом подземных газов в относительно недавний период, не более 12 тысяч лет назад. Схожее объяснение он предлагает и для многочисленных фактов, указывающих на то, что город Тиауанако в Боливийских Андах, находящийся в настоящее время на высоте около 4 тысяч метров, также когда-то располагался на уровне моря. Он не принимает во внимание теорию Х.С. Беллами о том, что воды океанов когда-то доходили до такого уровня, когда их удерживала сила притяжения спутников Земли, предшествовавших нашей Луне, которые вызвали на Земле катастрофические приливные волны, когда они распались и упали на Землю. Высвободилось огромное количество воды, которое скопилось у экватора. И хотя каждая из гипотез кажется надуманной, они (а теория Беллами в особенности) являются, по крайней мере, попыткой объяснить удивительные факты, которым археологи не всегда могут дать объяснения.

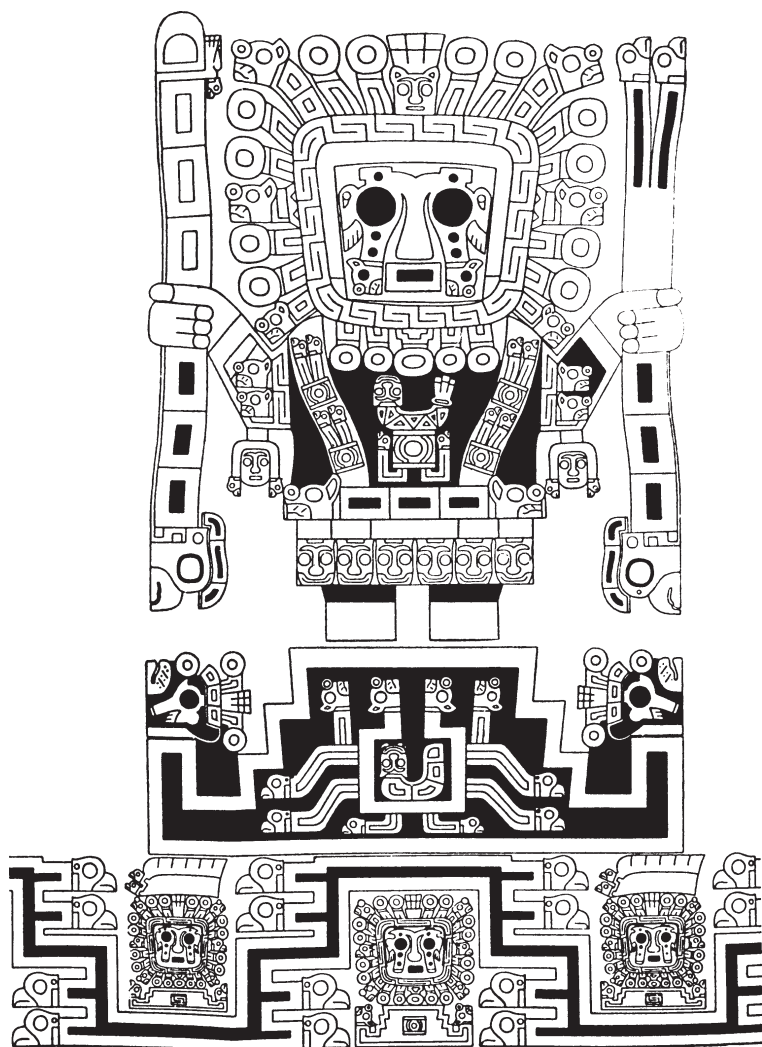
Рассказ о «стране Му» все же дает объяснение притоку людей в Центральную Америку и заполняет некоторые пробелы разумным образом. Но так как никто, кроме Черчуорда, по-видимому, ничего не сообщал о «Наакальских табличках» и так как Черчуорд дает иллюстрации только немногих из них — среди них нет ни одной фотографии, — его словам могут верить только те, кто хочет верить.

Рассуждения о геологических возможностях существования в Тихом океане затонувшего материка поэтому могут показаться химерой, если бы не большое количество достоверных данных, относительно недавно представленных группой советских ученых. Советский автор Н.Ф. Жиров, который ясно изложил всю информацию в своей «Атлантиде», полностью разделяет мнение В.В. Белоусова, который пишет в работе «Геологическое строение океанов»: «Можно утверждать, что очень недавно, отчасти даже в эпоху существования человека, Тихий океан значительно увеличился в размерах за счет огромных кусков материков, которые вместе со своими молодыми горными хребтами были им затоплены. Вершины этих гор можно увидеть в цепочках островов в Восточной Азии».

Жиров также цитирует один интересный документ, прочитанный Джорджем Кронуэллом на 10-м Всемирном тихоокеанском конгрессе, посвященном открытию угольных месторождений на французском острове Рапа (расположен в 1200 км к юго-юго-востоку от острова Таити), в котором приводятся неопровержимые доказательства того факта, что в этой части океана когда-то находился континент. Растительность на этом острове также восходит к далекой древности. На основании этих открытий, которые, по словам Жирова, прошли на самом деле незамеченными, Кронуэлл допустил существование в Полинезии и к югу от нее обширного затопленного участка суши.

Сравнение островной и континентальной лавы привело Р. Фуруна в работе «*Sur des trilobites dragues à 4255 de profondeur par le «Talisman»*» к предположению о том, что Гавайские острова когда-то были частью Тихоокеанского континента. «Мы полагаем, — пишет Жиров, — что в не очень далеком прошлом подводный Гавайский хребет представлял собой большой участок суши, Гавайи. Возможно, человек был свидетелем погружения под воду его остатков: давайте вспомним полинезийскую легенду о счастливом крае под названием Гавайики, о местонахождении которого существуют самые различные догадки». Жиров добавляет, что в какое-то время Гавайи, возможно, были цепью островов или даже большим куском суши, через который человек (вероятно, монголоидные племена и предки айнов в эпоху мезолита и неолита) переселился из Азии в Америку и на юг, в Полинезию.

К северу от Новой Гвинеи находится обширное подводное плато, над которым высятся Каролинские острова. Этот регион является ро-

Часть огромного календаря в Тиауанако, Боливия, от Х.С. Беллами

диной загадочной мегалитической культуры, о происхождении и людях которой имеется очень мало достоверной информации. Колыбель этой культуры, по словам Жирова, находилась на о. Понпеи (в старых атласах Понапе), где сохранились остатки великого загадочного порта Намматала в базальтовых скалах. Иногда его называют «Тихоокеанской Венецией». Сейчас на этом острове находится столица Федеративных Штатов Микронезии Паликир.

Есть один необычный источник, поддерживающий идею о существовании «страны Му». В своих обширных «видениях», сделанных им за четверть века, самый выдающийся американский ясновидящий Эдгар Кейс широкими мазками и тонкими штрихами описывает затопление двух огромных континентов: «континента Му» в Тихом океане и Атлантиды в Атлантическом. Он также в общих чертах описывает религию, очень похожую на ту, о которой, по словам Черчуорда, рассказывали мексиканские таблички Нивена.

Свою информацию Кейс извлекал из своих толкований «прошлой жизни» нескольких сотен людей, телесные воплощения которых на Атлантиде, в «стране Му» и их колониях он описывает в таких захватывающих подробностях, что, как говорят итальянцы, «*se non è vero è ben trovato*» («если даже и неправда, недурно закручено»).

«Страну Му» — так Кейс для краткости называет Лемурию — он описывает как континент, занимавший большую площадь в южной части Тихого океана, который погрузился под воду даже еще раньше Атлантиды. Появление спасающихся бегством лемурийцев на полуострове Юкатан, по словам Кейса, сыграло свою роль в изменении цивилизации, которая уже была создана там атлантами, хотя именно цивилизация атлантов оказала самое сильное влияние на формирование самой древней культуры на Юкатане. Если верить Кейсу, во время окончательной гибели Атлантиды большая часть полуострова Юкатан тоже погрузилась в море, и полуостров принял свои современные очертания.

И снова может показаться бесполезным следовать таким зыбким указаниям, как толкования ясновидящего Кейса, если бы не тот факт, что многие видные советские геологи, которых цитировал Н.Ф. Жиров, высказываются в поддержку того, что некий большой континент погрузился в воды Атлантики в сравнительно недавние времена. Более того, ведущий геолог университета в Майами Чезаре Эмилиани категорически утверждает, что на основании данных, полученных при помощи колонкового бурения в Мексиканском заливе, затопление части Юкатана произошло около 12 тысяч лет назад. По его словам, в конце последнего великого оледенения колоссальные потоки ледяной воды подняли уровень воды в Мексиканском заливе (как и во всем Мировом океане) более чем на 130 м. Указывая на карте на Антильские острова, он очень конкретен: «Именно здесь могли погрузиться под воду последние остатки Атлантиды Платона».

Затонувший континент Атлантида, которую Кейс располагает почти там же, где поместил ее в Атлантическом океане Платон, погрузилась

под воду, по словам Кейса, в результате последовавших один за другим трех катаклизмов. Основываясь на своих видениях, Кейс утверждает, что многие массивы суши поднимались из моря или погружались в его пучину в ходе ряда катастроф за сотни тысяч лет, неоднократно смещая полюса и заставляя замерзать тропики, в то время как в регионы с вечной мерзлотой приходило тепло, а почва постепенно становилась плодородной.

У первой катастрофы, происшедшей с Атлантидой, нет определенной даты, хотя упоминается 50 722 год до н. э., когда состоялось собрание, посвященное обсуждению того, как избавить Землю от угрожающих полчищ доисторических зверей. Первая катастрофа на Атлантиде, очевидно, произошла вскоре после этого.

Толкования Кейса рассказывают о том, как перед первой катастрофой небольшая часть атлантов уплыла с родины в Южную и Центральную Америку, Египет и в края, которые теперь называются Испанией и Португалией, чтобы найти себе там убежище.

Кейс описывает борьбу на Атлантиде между двумя основными кланами: «сыновьями единого закона», которые считали, что их тела — это храм живого бога, с которым они могут общаться при помощи медитации, и «сыновьями духа зла», противостоявшими «сыновьям единого закона» и использовавшими свои созидательные силы для возвышения над другими людьми и обретения власти над ними. Бедствия, постигшие Атлантиду, Кейс приписывает отчасти пагубному влиянию «сыновей духа зла», отчасти просчету других людей при использовании энергии.

Во время первого разрушения Атлантиды большая часть региона Саргассова моря ушла под воду — был затоплен огромный массив суши, который «сам мог бы считаться континентом». В результате такого дробления, очевидно, появились большие острова, «разделенные проливами, ущельями, заливами, бухтами и реками».

До этой катастрофы, по словам Кейса, Земля вращалась вокруг Солнца иначе, двигаясь по орбите вокруг Арктура и Плеяд. Когда земная ось сдвинулась, люди стали массово перемещаться на юг, и в это же время исполинские животные, угрожавшие заполнить Землю, были все случайно уничтожены при сдвиге полюсов.

Второй период разрушений, по мнению Кейса, произошел «приблизительно за двадцать восемь тысяч лет до нашей эры». Он рассказывает, как во время этой катастрофы жители Атлантиды покинули родину и поселились на территории нынешнего Юкатана. Если верить видениям Кейса, они покинули свою страну на воздушных кораблях, а также на морских судах.

В другом месте Кейс описывает воздушный корабль, «поднимаемый газами», и другие средства передвижения, «которые движутся низко над землей», а также суда, которые плавают по воде и под водой.

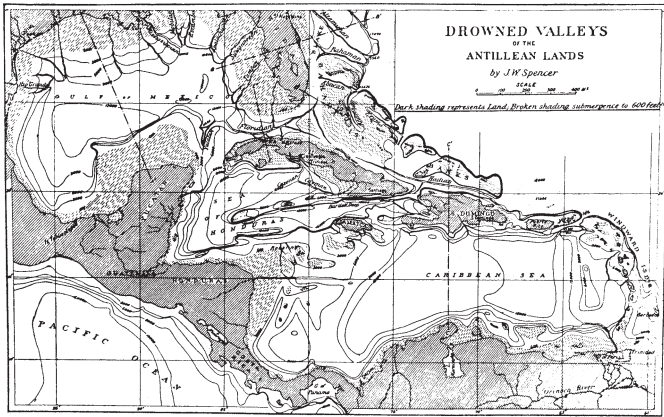
Антилья (В) и Атлантида (А)

Для энергоснабжения таких судов на расстоянии, по описанию Кейса, существовал загадочный, похожий на стакан, камень цилиндрической формы, помещенный в овальное здание, где его можно было активировать при помощи солнечных лучей. Он производил небывалую энергию, которую атланты, очевидно, научились передавать на расстояние.

Кейс пишет, что знания о том, как построить такой «мощный огненный камень», были привезены на Юкатан, где и были сохранены. Записи о способе постройки такого камня были засекречены на Земле в трех местах: «на утонувшей части Атлантиды, или Посейдии (Посейдонии), где какую-то часть храмов еще можно найти, под вековым илом морских вод — рядом с местом, которое сейчас называется Бимини (? — *Ред.*)... И в храмовых записях, которые были в Египте... Также были записи, которые увезли туда, где теперь Юкатан».

Большую часть рассказанного Кейсом либо подтверждают, либо дополняют исследования, проведенные Робертом Б. Стейси-Джаддом, который полагает, что кроманьонцы, вторгшиеся в Европу в 23 000 году до н. э., также были атлантами и что другая большая волна переселенцев нахлынула приблизительно в 14 000 году до н. э. По его словам, кроманьонцы (относящиеся к европеоидной расе современного человека. — *Ред.*) были высокими, хорошо сложенными людьми с черепом удлинен-

Карта Дж.У. Спенсера показывает прибрежные районы Карибских островов, Флориды и Юкатана, которые находились над водой до подъема уровня Мирового океана, который, по оценкам геологов, произошел около 12 тысяч лет назад, по окончании последнего оледенения

ной формы, высокими, сравнительно прямыми лбами, характерным для европеоидной расы строением лица (выступающий нос, ортогнатизм, т. е. отсутствие или незначительность выступаania вперед верхней челюсти по отношению к фронтальной плоскости лица), со светлой или загорелой кожей; это был «один из самых лучших народов по умственному и физическому развитию, который когда-либо жил на свете».

По словам Стейси-Джадда, кроманьонцы принесли с собой в Европу довольно смешанный багаж, включавший в себя искусство строительства пирамид, черную магию, культ фаллоса и поклонение Осирису. Он пишет, что все древние европеоидные народы, в отличие от негроидов (которым, кстати свойствен прогнатизм, т. е. выступание челюстей вперед, образующее острый лицевой угол. — *Ред.*), утверждают, что их предки приплыли на лодках из страны, которая погрузилась в воды океана там, где садится солнце, то есть на западе. По его словам, с каждым последующим оседанием почвы распадающейся Атлантиды толпы спасающихся людей хлынули на берега Средиземноморья, медленно прокладывая себе путь на восток, к плодородным землям Египта, уже заселенным колонистами со своей собственной родины.

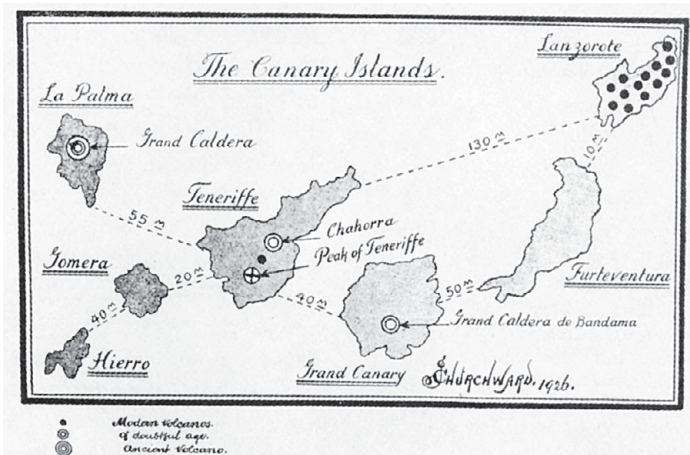
По мнению Кейса, бегство с Атлантиды было не случайным рассеиванием людей по свету, а организованным движением по колонизации тщательно выбранных земель. Некоторые его видения и толкования указывают на то, что на Юкатане уже жили люди, когда сюда впервые прибыли атланты, хотя они и были менее развиты, чем пришельцы.

Теоберт Малер получил это изображение катастрофы, происшедшей на Атлантиде, с барельефа, находившегося в далеком и тогда еще неизвестном месте глубоко в джунглях Юкатана. На барельефе изображен извергающийся вулкан, разрушающийся храм пирамидальной формы, уходящая под воду суша, тонущие люди и уцелевший человек, спасающийся на лодке. Оригинал фотографии находится в собственности Роберта Б. Стейси-Джадда, который предполагает, что между 200 и 500 годами до н. э. последние части огромной империи атлантов исчезли в волнах Атлантического океана, а остатки ее высокоразвитого народа, последние из рода атлантов, поспешно бежали на Юкатан и в Центральную Америку. Они принесли с собой — наряду с другими многочисленными признаками великой цивилизации — высокоразвитое искусство строительства симметричных пирамид и впоследствии, смешавшись с местными индейцами, стали известны как майя

Немалую активность в строительстве храмов на Юкатане Кейс связывает с беженцами-атлантами, храмы которых должны были распространять их изначальную веру и сохранять «знания, которые должны были способствовать унификации осмысления людьми их связей с созидательными силами». Из видений и толкований Кейса явствует, что цивилизация атлантов была хорошо развита, а их искусство вновь появилось на Юкатане уже в зрелом виде.

Кейс рассказывает о вожде по имени Ильтар и группе его единомышленников, «приверженцев веры в Единого Бога», которые прибыли на Юкатан с востока, чтобы там развивать свою цивилизацию, как на Атлантиде. По словам Кейса, первые храмы, которые были возведены Ильтаром и его сподвижниками, были разрушены в период окончательного разрушения Атлантиды, когда произошли также большие изменения и в очертаниях береговой линии Юкатана. В одном из тол-

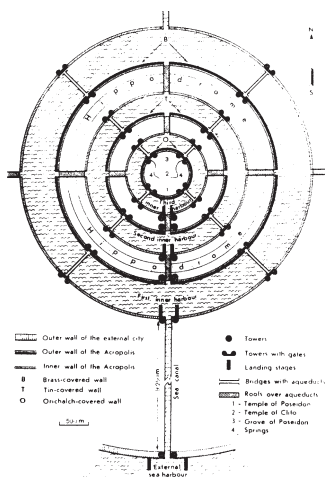
Канарские острова в изображении Черчуорда

Стейси-Джадд полагает, что бежавшие с родины атланты стали кроманьонцами, которые поселились, в частности, на Канарских островах. Гумбольдт и Бонплан вели поиски останков древней Атлантиды среди потухших вулканов Канарских островов

кований свой видений Кейс добавляет, что эти храмы, построенные атлантами на Юкатане, были вновь обнаружены в 30-х годах XX века, а многие храмы второй и третьей цивилизаций, возможно, так никогда и не будут открыты, потому что если сделать это, то «будет уничтожена нынешняя цивилизация в Мексике».

Поддерживая Ле Плонжона, Кейс говорит, что развалины храмов до сих пор стоят на Юкатане и хранят свои секреты. Что же касается храма, построенного Ильтаром, то, по его словам, он находится на той час-

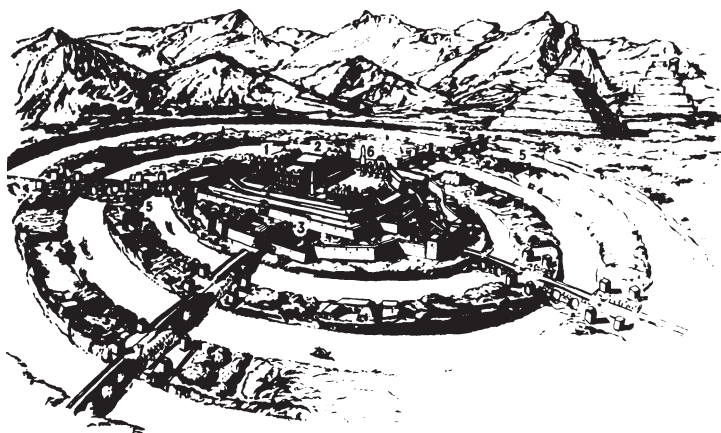
План столицы Атлантиды, какой она представляется советскому геологу Н.Ф. Жирову в его книге «Атлантида»

ти суши, которая в настоящее время покинута под водой, но может еще подняться вновь.

Кейс подразделил то, что осталось от Атлантиды, на две группы: «камни, которые имели круглую форму» и «алтари для очищения тел людей». Толкования Кейса говорят о том, что эти алтари не были предназначены для человеческих жертвоприношений. Тела тех, кого надо было «очистить», клали на алтарь, чтобы избавить человека от таких нежелательных качеств, как ненависть, злора, потакание своим слабостям. Это делалось «посредством восхождения посвященных из источников света».

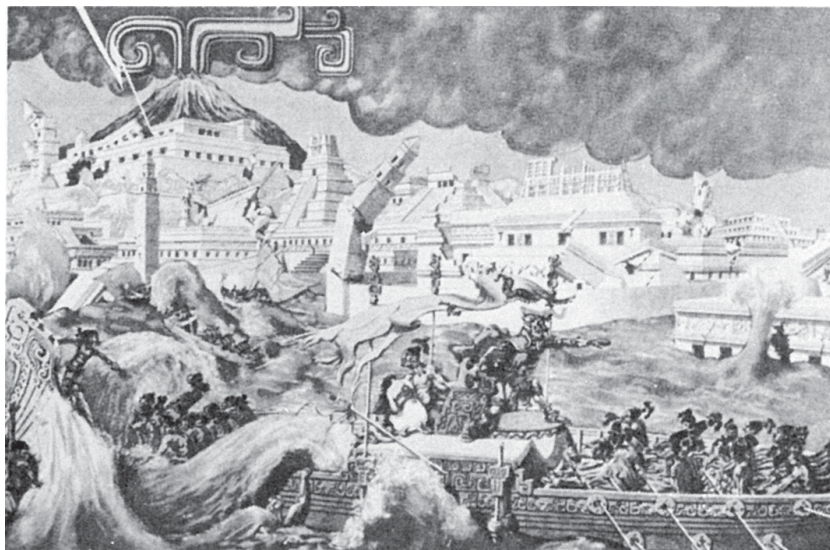
Алтари, очевидно, служили для фокусирования духовных сил, принесенных «источником света», а очищение совершалось через некое подобие духовного исцеления.

Отчасти подтверждая идеи Ле Плонжона, Кейс говорит, что небольшие группы египтян также прибыли на Юкатан, где они подготовили «храм Прекрасного», в котором использовали песни и музыку для того, чтобы «потерять всякую связь с телом», за исключением телесных колебаний, которые «содействуют свету, затем становятся цветом, потом звуком, а затем становятся энергией...»

В изложении Платона столица Атлантиды была поделена на чередующиеся между собой полосы суши и воды

Идеализированная версия Стейси-Джадда крушения Атлантиды и описание Эдгаром Кейсом этих событий, сделанное необычно архаическим языком, каким он начал говорить, когда впал в транс

Записи, находящиеся в Египте, говорил Кейс, содержат «летопись Атлантиды с начала тех времен, когда Дух обрел форму и начал делать постройки на этой земле, и разбивать народы, проживающие вместе. И в ней повествуется о первом разрушении Атлантиды и об изменениях, происшедших в этой стране. В ней описывается разнообразная совместная деятельность людей в других землях и есть запись о встречах всех народов для обсуждения действий, ставших необходимыми в связи с окончательным разрушением Атлантиды и строительством пирамид для проведения обрядов посвящения». Если верить Кейсу, строительство Великой пирамиды в Гизе (Египет) было закончено приблизительно в 10 000 году до н. э., и ее стали использовать в качестве храма для проведения обрядов посвящения в «Белое Братство»

Вместе с музыкой были танцы, которые «давали возможность тем, кого что-то беспокоило, стать прямее телом, и в мыслях, и в делах... быть в мире и все же не принадлежать ему...»

По словам Кейса, «дети единого закона» умели концентрировать свои мысли, чтобы использовать силы вселенной, под руководством, как в наше время сказали бы, святых. Через концентрацию коллективного разума они могли достичь более высокого уровня сознания, который приводил их в четырехмерное сознание, во «внетелесное» состояние.

Кейс рассказывает о том, что атланты умели перемещать «вещи, которые не были частью их самих, при помощи мысли, и эта способность находилась внутри каждого из них». Он предполагает, что атлан-

Так, по мнению Барбьеро, выглядел в древности континент Атлантида. Барбьеро утверждает, что 15 тысяч лет назад уровень воды в морях был на 130 м ниже, и вся эта недостающая вода была сконцентрирована в северных частях Европы и Северной Америки, в виде 80 миллионов кубических километров льда. Барбьеро опирается, главным образом, на данные геологов, говорящие о том, что большое небесное тело упало в воды Северной Атлантики приблизительно 10—12 тысяч лет назад. Он цитирует австрийского геолога Отто Х. Муха, который пишет о том, что небесное тело весом 2 миллиарда тонн упало на землю вблизи Флориды, расколовшись на два больших куска. Согласно утверждению Муха, это событие произошло 5 июня 8496 года до н. э. в 20:00 по местному времени.

Далее Барбьеро пишет, что из-за притяжения Луны Земля не может поддерживать ось своего вращения в постоянном положении по отношению к эклиптике. По его словам, притяжение Луны заставляет меняться угол наклона земной оси на десятки градусов за период 20 тысяч лет, увеличивая или уменьшая количество льда на полюсах и вызывая циклические оледенения. 10—12 тысяч лет назад, пишет Барбьеро, земная ось была наклонена к плоскости эклиптики не более чем на 4—5 градусов (сейчас $66^{\circ} 33' 22''$ — Ред.).

Профессор Чезаре Эмилиани, глава кафедры геологии университета в Майами, основываясь на глубоководных пробах грунта со дна Мексиканского залива, составил график, который указывает на то, что оледенение и таяние льдов происходило циклами приблизительно по 20 тысяч лет за прошедшие 700 тысяч лет. Последнее глобальное отступление ледников произошло 16—11 тысяч лет назад, когда вода от таяния льдов последнего оледенения (в Северной Америке Висконсинского, в Европе — Валдайского, Вюрмского) подняла уровень Мирового океана примерно на 130 м. Это случилось в то время, которое приводит Платон. Эмилиани принимает без доказательств тот факт, что последовавшее затопление низменных прибрежных районов, многие из которых были заселены людьми, дало толчок к возникновению рассказов о потопе, встречающихся в преданиях многих народов

ты не только умели перемещать материальные объекты во вселенной, но могли перемещаться сами в своем сознании за пределы земли.

По его словам, они «полностью осознавали свою способность связываться с Созидательными Силами или понимали взаимосвязи между ними и как ими пользоваться в материальном мире». Он добавляет, что в период существования Атлантиды и Лемурии (или «Му») эта способность принесла людям разрушения из-за использования ее в эгоистических целях.

Что касается затерянных «десяти колен Израилевых», Кейс утверждает, что какая-то часть евреев из разгромленного в 722 году до н. э. ассирийским царем Саргоном II Израильского царства (после чего остались только два «колена» — в Иудее южнее) уцелела и будто бы добралась до самой южной части Соединенных Штатов, смешавшись с беженцами из «страны Му», а затем перебралась в Мексику и на Юкатан, но в основном туда, где сейчас находится Мехико. По его словам, они появились здесь гораздо позже, чем переселенцы с Атлантиды или «страны Му», но все же оказали некоторое влияние, как отметили мормоны, на смешение культур, накопившихся в Центральной Америке за тысячи лет. Он считает, что эти евреи тоже приплыли на судах (финикийских?), а остальные жители Израильского царства были поселены на окраинах в Ассирии, где частью погибли, частью ассимилированы в местах нового проживания.

Несколько проведенных проверок на достоверность толкований Кейса уже оказались в его пользу. От его пророчеств у некоторых просто захватывает дух.

И хотя все вышеприведенные материалы носят гипотетический характер и едва ли имеют историческую подоплеку, гипотезы, сведения и видения, приведенные Черчуордом, Нивеном и Кейсом, несут в себе разумное зерно и проясняют столько явных несоответствий в картине доисторических времен, что их, вероятно, следует детально проработать, а не сбрасывать со счетов заранее.

Но проверки не закончились. До 1998 года Кейс предвидел еще один сдвиг полюсов, который должен был повлечь за собой большие потрясения. Земля, по словам Кейса, должна была разломиться во многих местах, список которых он составил для тех, кто желал прислушаться к его предостережениям. Если еще какие-нибудь события, которые он предсказал, состоятся (не сбылось, не состоялось. — *Ред.*), то можно внимательнее взглянуть на описания Кейсом событий, которые, по его утверждению, произошли на нашей планете в далеком прошлом. И даже еще более внимательно можно будет отнестись к его описаниям религии атлантов, остатки которой были перенесены на Юкатан и в Центральную Америку, — ради того, чтобы найти лучший способ решать человеческие проблемы на нашей планете.

Из первых отчетов испанцев в Мексике было очевидно, что ступенчатые пирамиды, увиденные ими, использовались для религиозных обрядов, но с тех пор, как они (и пирамиды и обряды) появились, прошло уже много лет, религиозные культы во многом деградировали и стали оформлением бессмысленной резни и живодерских ритуалов. Испанцы также обнаружили, что похожие на стадионы площадки индейцев для игры в мяч, как оказалось, когда-то имели отношение к астрономии и космосу.

Философ и психолог Эдмон Бордо Шекели, автор многих книг о древних цивилизациях, чью блестящую книгу о Мексике называют в «Справочнике по Латинской Америке» «кратким изложением дезинформации с необоснованными выводами для объяснения представлений о мире тольтеков, ацтеков и майя», на самом деле глубоко погрузился в философию древней Мексики и дал убедительный анализ обрядов, проходивших на пирамидах и площадках для игры в мяч. Он указывает на то, что первоначально они были предназначены для разыгрывания посвященными жрецами драм на религиозные сюжеты, чтобы донести до большой аудитории религиозные истины космической важности.

Знаток санскрита и арамейского языка, чей отец, выходец из Трансильвании Кзона де Керёш, составил первую грамматику тибетского языка, Шекели утверждает, что расшифровал не поддающийся расшифровке символизм древних жителей Мезоамерики, и показал, что их пиктография содержит в себе жизненную философию, схожую с картиной мира у шумеров и иранцев, которая давала толкования реалиям вселенной и находила выражение для необычных сил внутри человека и сил, окружающих его.

Предшественники ацтеков, по словам Шекели, верили, что все в мире, включая жизнь и человеческий разум, было создано в борьбе двух космических начал, Жизни и Смерти. Такая система взглядов схожа с религией, основанной между 1500 и 1200 годами до н. э. иранским пророком Заратуштрой (греки называли его Зорастром), согласно которой Ахура-Мазда (или Ормузд), высший и всезнающий бог, творец всего сущего, связанный с божественным порядком и справедливостью, борется с Анхра-Майнью (Ариманом), злым божеством, которое вместе со своим воинством, дэвами, вредит четырем стихиям природы (огню, земле, воде, небосводу), выражают худшие человеческие качества — зависть, лень, ложь. В итоге Ахура-Мазда должен выйти победителем и уничтожить зло навсегда.

В Мезоамерике, пишет Шекели, духа Света и Жизни символизировал пернатый змей Кецаалькоатль. Его противника, духа Тьмы и Смерти, — ягуар, один из образов Тескатлипоки.

Находившийся в центре этой борьбы человек, созданный свободным, мог встать на сторону либо Жизни, либо Смерти и открыть себя либо для добра, либо для зла. Своими поступками человек мог служить добру или злу и таким образом усиливать то или другое.

Чтобы в лицах изобразить борьбу за душу человека между силами добра и зла, жрецы древней Мезоамерики, если верить Шекели, придумали религиозный обряд, который должен был разыгрываться на ступенях огромных пирамид. Этот обряд был не просто инсценировкой, а объединял в себе знания из области астрономии, философии, психологии, общественного устройства и понимание времени.

По словам Шекели, все пирамиды, открытые в настоящее время, содержат в себе символы двух космических начал, Жизни и Смерти. В Мексике, Гватемале, Гондурасе и на Юкатане все ступенчатые пирамиды, ведущие к небу, имеют изображения пернатого змея и ягуара.

Позднее этот обряд был перенесен на плоскую поверхность площадки для игры в мяч и постепенно упростился до простой демонстрации атлетической мощи и ловкости или кровавого жертвоприношения. Шекели восстановил первоначальный обряд, основываясь, главным образом, на дошедших до наших дней кодексах. По его словам, пирамиды были разделены на одиннадцать горизонтальных и девять вертикальных уровней, в результате чего появлялись девяносто девять квадратов. Более крупные пирамиды состояли из нескольких таких базовых конструкций, а затем эту схему перенесли на плоские площадки для игры в мяч.

Подобно древнегреческому философу Протагору (около 480 — около 410 года до н. э.), объявившему человека мерилом всех вещей, так и в древней Мексике существовал обряд, во время которого жрец в человеческой маске стоял в центре пирамиды (на шестой по горизонтали и пятой по вертикали позиции). Шекели показывает, что в кодексах числа, обозначающие поднимающиеся вверх ступени, были написаны по горизонтали, а те, что обозначали квадраты, писали по вертикали. В различных квадратах стояли двадцать основных действующих лиц религиозного действия: десять из них изображали силы Жизни, а другие десять — силы Смерти, и на каждом была соответствующая маска, символизирующая ту или иную силу. По словам Шекели, маски, которые и по сей день надевают танцоры во время празднеств в Центральной и Южной Мексике, являются пережитками тех древних обрядов, происходивших на пирамидах, и их первоначальное значение давно уже утрачено.

Цель драматического спектакля, действия в котором имели глубокий символический смысл (подобно ритуалам масонов), состояла в том, чтобы человек, стоявший в центре сцены, поднялся к вершине пирамиды при поддержке сил Жизни, построившихся в боевой порядок для отпора силам Смерти, которые стремились стащить его вниз и сбросить с самой нижней ступени пирамиды.

Если человеку удавалось восторжествовать над силами Смерти и уничтожения и достичь вершины пирамиды, то его дух мог тогда праздновать победу над силой притяжения и преображался в свет Кецалькоатля, вечерней звезды.

Пирамиды, по словам Шекели, всегда были спроектированы таким образом, чтобы в них был уровень, образующий угол с траекторией движения Венеры. В этой игре, когда человек переставал подчиняться силе притяжения планеты, это означало, что он по-настоящему возвращается к звездам, и происходит воссоединение с космическим океаном жизни.

По словам Лоретты Сежурне, когда внутренняя война в человеческом сердце завершалась примирением двух враждующих сил, символами которых были огонь и вода, человек «мог расцвести» и из материальной оболочки воплотиться в дух, который в конце концов освобождается от двойственности: происходит сбрасывание человеком своей земной оболочки, чтобы освободить дух из брэнного тела.

Для Лоретты Сежурне Теотиуакан был местом, где змей чудесным образом научился летать, то есть «где человек через свой внутренний рост переходил в категорию небесного существа».

Основываясь на скудных остатках двух дворцов, расположенных внутри Цитадели, которые недавно были раскопаны и измерены Друкером, Сежурнэ высказывает предположение о том, что в Теотиуакане, вероятно, было два правителя: один руководил обрядом Пернатого Змея, или Кецалькоатля, и жил в одном дворце, а второй правитель, очевидно, отождествлялся с Тескатлипокой и жил в покоях, которые Друкер, используя эвфемизм, называет «другим» дворцом.

Следуя анализу Шекели, если человека спускали с лестницы и сбрасывали к подножию пирамиды, его должны были растерзать на куски и пожрать ягуары, он терял свою индивидуальность, и ему приходилось начинать другой космический цикл жизни.

Подобно иранцам, пишет Шекели, жители Мезоамерики верили, что после смерти тело распадается на части и возвращается «в царство силы тяжести» — это то, что в современной науке называется «энтропией». Но каждое рождение человека или организма иранцы считали победой Жизни над Смертью. В Мезоамерике Кецалькоатль считался началом, причиной зарождения жизни в семени, рождения ребенка или животного, источником изобилия жизни во всех ее проявлениях.

Он был Аттисом (во фригийской мифологии бог плодородия, возлюбленный богини Кибелы. Соответствует финикийскому Адонису и вавилонскому Таммузу, происшедшему от шумерского Думузи), и Адонисом, и Таммузом, и Дионисом (он же Вакх, у римлян Бахус), и Озирисом (Осирисом), богом умирающей и воскресающей природы, и, вполне возможно, Паном (греческим богом стад, покровителем пастухов, а затем и всей природы, у римлян ему соответствовал Фавн) Западного полушария.

Кецалькоатля также рассматривали и как объединяющий символ, который мог соединять в себе противоположности: небо и землю, утреннюю и вечернюю звезду, материю и дух, свет и тьму, мужское и женское начало, добро и зло (которые по отдельности могли быть Кецалькоатлем и Тескатлипокой). Борьба между ними, пишет специалист по индейцам Фрэнк Уотерс, и их примирение приводили в движение и давали жизнь человеку и вселенной.

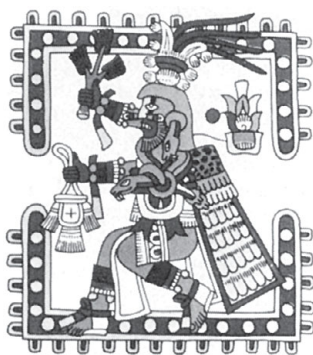
Из взаимодействия этих двух противоборствующих сил возник мир, а вместе с ним и жизнь, изменения и движение, понимаемое как бесконечное превращение одной силы в другую.

В восстановленном Шекели обряде, происходившем на мексиканских пирамидах, жрец в маске человека, или *tla*, как его называли ацтеки, перемещался вверх или вниз по ступеням, в зависимости от того, поддерживали ли его мысли и действия силу Жизни или силу Смерти. Если мысли и поступки благоприятствовали Тескатлипоке, он шел вниз, если же он благоволил к Кецалькоатлю, он передвигался наверх. По фасаду пирамиды человек мог двигаться только наклонно, как лучи Солнца, потому что считалось, что Олин, Солнце, был источником любого движения, а значит, и источником силы, стоящей и за Кецалькоатлем, и за Тескатлипокой.

В реконструированном обряде Шекели поборники смерти жрецы Тескатлипоки занимали более высокие ступени пирамиды, пытаясь столкнуть человека вниз, в то время как дарующие жизнь силы Ке-

Тескатлипока у ацтеков

Так ацтеки изображали Кецалькоатля

цалькоатля занимали нижние ступени, надеясь поднять человека повыше.

Coatl, змей, символизирующий движущуюся по спирали энергию, — это Кундалини из тантр, или длина волны в современной науке, которая рассматривает всю вселенную, от малейшего колебания атома до самой протяженной длины волны в сверхгалактиках как пульсацию в диапазоне каких-то 144—151 октав.

Находящийся в движении, извивающийся змей в Мезоамерике символизировал жизнь, власть, планеты, Солнце, звезды, галактики, сверхгалактики и бесконечное космическое пространство. Перья, по словам Шекели, были добавлены как символ легкости, с которой птицы могут преодолевать силу тяжести лучше, чем другие живые создания. Когда перья изображали сложенными внутри круга, образованного телом змеи, они обозначали материю в ее скрытой форме, в виде потенциала, как это было до создания звезд и Солнечной системы. Если же перья на змее расходились веером, они символизировали вселенную со всеми ее созданными мирами, и каждое перо символизировало какую-то одну основную стихию природы: огонь, землю, воду или воздух.

Изображенный с хвостом в пасти, змей изображал бесконечность, вечность без начала и конца. Этот символизм сравним с символизмом индуистских космических циклов Брахмы. Когда Брахма спит, материальная вселенная не существует. Когда Брахма просыпается, начинается мироздание. Когда спустя вечность, Брахма снова погружается в сон, планеты, солнечные системы и вся энергия космоса обращаются в ничто.

Силу тяжести и распад целого на части символизировал ягуар Тескатлипоки, который все возвращал в Царство Смерти.

Как и у Гете, идеалом жителей Мезоамерики была победа легкости над силой притяжения. Пирамиды являлись символами этой победы, символами восхождения шаг за шагом человека из темных подземных пещер царства Тескатлипоки к свету и мудрости Кецалькоатля высоко над землей.

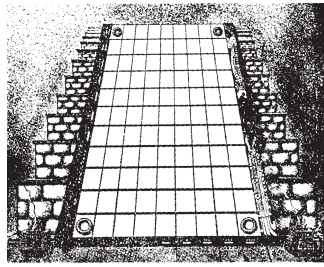
В обряде, который изображал космическую жизнь человека, живущего в мире, управляемом абсолютными законами кармы, каждое хорошее деяние стремилось освободить человека из рабства силы тяжести и давало ему ту легкость, благодаря которой ягуар уже не мог больше удерживать его.

Айрин Николсон было ясно, что кровавые ритуальные жертвоприношения у ацтеков являлись искажением когда-то необычного видения места человека и органической жизни во вселенной.

В Кецалькоатле она видит бога ветра, олицетворяющего освобожденный от материи дух, а в целом это сложная фигура, «рассказываю-

Площадки для игры в мяч.

И Бринтон, и Тронкосо отмечали, что игра в мяч у жителей Мезоамерики имела своей целью изобразить идею вечного движения небесных тел. По всей Мезоамерике Тескатлипока, Властелин Дымящегося (Курящегося) Зеркала, Повелитель Ночного Неба, каждую ночь отражался во множестве зеркал. Его жрецы, которые называли себя «сыновьями ночи», ассоциировались с предсказанием человеческой судьбы, которое было связано с движением звезд.

Целия Наттолл привлекает внимание к тому факту, что такие площадки называли *tlach-tli*, что буквально означает «место, где смотрят», или обсерваторию. А *tezca-tlachtlí* означает обсидиановое зеркало-обсерваторию. Площадка имела форму двойной буквы «тау» и была огорожена высокой стеной с зубцами. Ночью ее использовали для ведения наблюдений, а днем — для игры в мяч фигурами, изображенными с обсидиановыми зеркалами.

Астрономы мексиканских индейцев широко использовали черные обсидиановые зеркала в качестве отражающего вспомогательного средства при ведении астрономических наблюдений. По словам Наттолл, помимо зеркал на вершинах храмов и гор в кодексах изображены квадратные колонны, помещенные на возвышенности и облицованные широкой полосой отшлифованного обсидиана. Эта полоса, пишет Наттолл, будучи должным образом ориентированной, должна была служить в качестве прекрасного средства регистрации периодического возвращения планет, звезд и созвездий к определенным положениям; они отражались бы на полированной поверхности, как в кадре. Таким образом, обсидиановое зеркало стало в Мексике символом приверженцев культа звезд. Небольшие зеркала из полированного пирита — их использовали для концентрации солнечных лучей, чтобы зажечь священные костры в полдень в день весеннего равноденствия и в день летнего солнцестояния — символизировали культ Солнца

щая о многочисленных ступенях, которые проходит материя при соиздании; это нечто вроде лестницы, в центре которой стоит человек, а ниже него — животные, вода и минералы, выше — планеты, животворное Солнце и боги-создатели».

На самой нижней ступени пирамиды, согласно Шекели, находился первый представитель сил Кецалькоатля, поддерживающий человека. Ацтеки называли его *malinalli*, трава, потому что трава растет на поверхности земли, где объединяются основные животворные элементы: воздух, вода, земля и Солнце. Трава также постоянно обновляется, поэтому ее считали источником возрожденных жизненных сил, источником пропитания для всех живых существ, который позволял им занять первую ступень в покорении силы притяжения.

В противоположность траве на верхнем уровне пирамиды стоял череп, или голова смерти, олицетворявший распад целого и возврат к земному. Человек был изображен двигающимся вверх и вниз между этими двумя границами.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
·					a					11
				c		b				10
∴			f		e		d			9
∴		k		j		h		g		8
∴										7
·					M					6
		K		J		H		G		5
∴			F		E		D			4
∴				C		B				3
∴					A					2
·										1
·	·	··	···	····	—	·	··	···	····	

Таким образом Шекели расставил участников действия на ступенях пирамиды.

A. Трава — Малиналли — Жизнь

B. Пернатый Змей — Кецалькоатль — Создатель

C. Дом из саманного кирпича — Калли — Хранитель

D. Цветок — Шочитль — Радость

E. Собака — Ицкуинтли — Любовь

F. Олень — Масатль — Мир

G. Солнце — Оллин — Движение и Энергия

H. Ящерица — Куэцпаллин — Плодородие

J. Орел — Куаутли — Воздух и Мудрость

K. Вода — Атль — Источник Жизни

M. Человек

a. Череп — Микуюцтли — Смерть

b. Крокодил — Сипактли — Праздность

c. Гриф — Коскакуаутли — Мародер

d. Тростник — Акатль — Пустота

e. Ягуар — Оцелотль — Ненависть

f. Обезьяна — Осоматли — Плохой человек

g. Кролик — Точтли — Слабость

b. Кремень — Текпатль — Бесплодие (бедность)

j. Буря — Эекатль — Жестокость и Невежество

k. Ливень с ураганом — Куауитль — Насилие и Разрушение

Вторая негативная или движущая вниз сила была представлена крокодилем, которого ацтеки называли *sipactli*, тварью, которая нежится на солнце и ничего не создает. С другой стороны — ведь жизнь имеет и аспект созидания, и аспект ее сохранения — маленький глинобитный домик (у ацтеков он назывался *calli*) символизировал идею сохранения, посадки растений, поливки садов, создания картин, строительства чего-то нового, предотвращения порчи и повреждения. А всякий вред символизировал гриф, который быстро замечает смерть и разложение.

Рисунок отца Дурана, на котором изображены различные маски и костюмы, надевавшиеся мексиканскими участниками ритуальных танцев, первоначальное назначение которых утрачено

Стилизованный цветок, *xochitl*, считался веселым, положительным персонажем. Его цвет, форма, аромат и благотворное влияние, которое он оказывал на людей, олицетворяли радость. Его противоположностью был тростник, символизировавший пустоту.

Бескорыстную любовь и преданность олицетворяла собака, *itzcuintli*. В Мексике, где до появления испанцев было мало домашних животных — не было коров, лошадей, ослов или мулов, — собака была самым верным спутником человека и единственным существом, которое сопровождало тольтека в его путешествии в загробном мире.

Собаке противопоставлялся *ocelotl* (ягуар), самый отвратительный из убийц, враг всех животных, который, чтобы выжить, должен был убивать каждый день.

Символом мира у жителей Мезоамерики был олень, или *mazatl*, животное, питающееся только растительной пищей, никогда не нападающее на других животных, мирное, безобидное, олицетворяющее идеал спокойной, безмятежной жизни.

Олицетворением дурного человека была обезьяна, слабости — кролик, плодородия — ящерица или тритон, потому что последнего также считали, с точки зрения алхимии, близким к основным стихиям: земле, воде, воздуху и огню. Символом бесплодия ацтеки выбрали кремень, символом мудрости — любимого персонажа Кецалькоатля, орла — за то, что летает высоко и видит далеко. Насилие и невежество символизировала бессмысленно разрушительная сила *ehesatl*, или ураган. Воду, которую считали источником жизни, символизировали три капли воды. Ее противоположность, опустошающий ливне-

TLA

MAN

вый дождь, символизировал quiahuitl, или муссон. Такова трактовка Шекели древних символов. Всего при помощи десяти положительных символов жители Мезоамерики могли изобразить силы Жизни: жизнестойкость, творчество, сохранение, веселье, любовь, мир, мощь, плодородие, мудрость и вечную жизнь. В противовес им стояли десять беспощадных сил: праздность, порочность, пустота, ненависть, неполноценность, слабость, бесплодие, насилие, тупость и разрушительная сила.

Целью каждого обряда на ступенях пирамиды было вдалбливание в сознание зрителей того, что считалось основной моралью: когда человек сталкивается в своей жизни с проблемами, то результат зависит исключительно от его собственных мыслей и действий; от самого же человека зависит, поднимется ли он к звездам или сорвется в преисподнюю. Зрителям показывали, что, имея свободу выбора, человек сам отвечает за свои поступки, что его прошлые действия оказывают влияние на его будущее и что человек, подчиняющийся нерушимым законам вселенной, определяет свою судьбу своими мыслями и поступками, положительными или отрицательными в конечном итоге. Человек может породить изобилие или разрушение. Он может быть полон благодарной радости или пуст, как тростник. Он может любить или ненавидеть. Он может обладать мудростью и быть источником жизни или же быть праздным, порочным и нести смерть.

Шекели восстанавливает древний обряд, во время которого верховный жрец, находящийся на возвышении на вершине пирамиды, под аккомпанемент барабанов объявлял стоящей внизу толпе о передвижении каждого действующего лица от квадрата к квадрату на ступенях пирамиды. Барабанный бой и голос были достаточно громкими для того, чтобы зрители, находящиеся в полутора километрах, могли также участвовать в действе. Целия Наттолл описывает два вида барабанов: большой huehuetl, который издавал громкий, глубокий звук, слышимый на расстоянии нескольких километров, и небольшой переносной барабан, который вешали на шею и который издавал резкие, пронзительные звуки, выполнявшие роль сигналов.

В начале действия человек находился в центре сцены; его целью было подняться до одиннадцатого уровня и не дать столкнуть себя ниже первого уровня. Этот обряд, пишет Шекели, был настоящим испытанием человека на хорошие и плохие поступки. Как в наши дни за преступление человека судит судья и присяжные в соответствии с запутанным сводом законов, так в то время в Мезоамерике человека судили по сумме его прошлых поступков, плохих или хороших, которые определяли два верховных жреца. Один из них искал поступки во имя Кецалькоатля, а другой — поступки, радующие Тескатлипоку. Если человек полил дерево, починил стену или спас птицу, то очки

набирала команда Кецалькоатля; если же он убивал, калечил или ненавидел, то он набирал баллы в пользу Тескатлипоки.

За каждый балл человеку полагался небольшой круглый предмет, или *pelota*, изначально сделанный из камня, а позже из резины, с дырочкой в центре, чтобы его можно было нанизать на ремешок. Эти *pelotas* отдавались игрокам команды, с которой он сотрудничал.

В ходе обряда, когда у игрока в маске оставался лишь один мяч, он должен был выйти из игры и больше уже не мог влиять на движение человека вверх или вниз по ступеням. Если человек мало сотрудничал с силами Тескатлипоки, то тогда у соответствующей команды было мало *pelotas*, и ей приходилось уходить со сцены, позволяя человеку быстро подняться на вершину.

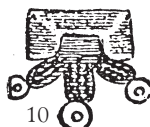
С такой четко обрисованной всеобъемлющей картиной «кармического» закона человеку было легко согласовывать свои действия. По словам Шекели, древний ацтек, тольтек, майя и, очевидно, теотиуаканец, делая какой-то шаг, спрашивал себя, согласуется ли то, что он делает, с позитивными, созидательными принципами Кецалькоатля или с негативными, разрушительными принципами Тескатлипоки.

При помощи всего лишь двадцати символов, пишет Шекели, жрецам Мезоамерики было легче внедрить в общество нравственные нормы, нежели в наше время судьбе управиться с современным человеком, имея тысячи законов, сведенных во множество томов.

Яркий мир Кецалькоатля в представленных Шекели толкованиях десяти символов, обозначающих у ацтеков дни

МИР КЕЦАЛЬКОАТЛЯ

Символ	Название на языке ацтеков	Название на русском языке	Значение символа
1	Малиналли	Трава	Жизнь
2	Коатль	Пернатый Змей	Создатель
3	Калли	Дом	Хранитель
4	Шочитль	Цветок	Радость
5	Ицкуинтли	Собака	Любовь
6	Масатль	Олень	Мир
7	Оллин	Солнце	Энергия
8	Куэцпаллин	Ящерица	Плодородие
9	Куаутли	Орел	Воздух
10	Атль	Дождь	Вода

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

Со временем обряд на пирамиде переместился на ровную площадку, сохранившую пирамидальную разметку, которую можно было увидеть только с птичьего полета: крест с точкой в центре, символизирующий лучи солнца. В этом ритуале человек по-прежнему занимал центральное место, символизируя свое принципиальное единство с Создателем. Здесь человек напоминал пешку на шахматной доске и был движим вперед или назад силой своих собственных прошлых поступков.

В различных районах этот обряд варьировал, по словам Шекели, пока царь Нецауалькойотль, поэт, философ и законодатель (сравниваемый Шекели с израильско-иудейским царем Соломоном, правил в 965—928 годах до н. э., после него царство раскололось), не объединил четыре варианта игры Теотиуакана, Монте-Альбана, Тулы и Тенайуки в одну новую игру. В игре Нецауалькойотля двадцать классических символов были установлены на площадке для игры в виде каменных стел с тремя отдельными отверстиями, через которые мяч нужно было загонять битой, бить по нему ногой или бросать руками.

В эту игру играли с резиновым мячом, и она была явным прототипом нескольких наших современных игр, смесью крокета, бейсбола, футбола и баскетбола, а счет очков был схож с игрой в гольф и зависел от числа ударов, приведших к финишу. Эта игра, по мнению Шекели, представляла собой «одну из самых развитых судебных систем в истории человечества». В ней учиты-

Десять символов, обозначающих у ацтеков дни, которые связаны с ужасным миром Тескатлипоки, в интерпретации Шекели

МИР ТЕСКАТЛИПОКИ

Символ	Название на языке ацтеков	Название на русском языке	Значение символа
1	Микуйцтли	Череп	Смерть
2	Сипактли	Крокодил	Праздность
3	Коскауаутли	Гриф	Мародер
4	Акатль	Тростник	Пустота
5	Оцелотль	Ягуар	Ненависть
6	Осоматли	Обезьяна	Плохой человек
7	Точтли	Кролик	Слабость
8	Текпатль	Кремень	Бесплодие (бедность)
9	Экатль	Ураган	Жестокость
10	Куиауитль	Ливень	Волнение

валось не только совершенное преступление, но все прошлое человека, в нем обвиняемого.

Всякий раз, когда человек нарушал закон, жрец шел в его дом и к соседям, разговаривал с его друзьями, соседями и членами семьи и объективно собирал данные о его хороших и плохих делах. Поскольку в игре было шестьдесят отверстий для мяча, то шестьдесят добрых дел могли благополучно привести обвиняемого в центр поля, в теокалли, «дом богов». Меньшее их количество должно было принести ему наказание, как бы хорошо он ни играл.

Красота игры в описании Шекели выражает акцент, который делает закон, — акцент скорее на стремлении к добрым делам, нежели на наказании зла, плюс дает дополнительный стимул для поддержания себя в хорошей физической форме на случай испытания.

В конце концов эта игра превратилась в зрелище. Профессиональные игроки в мяч разъезжали по стране и демонстрировали свое умение, возбуждая страсть к азартным играм.

Несколько раньше, вероятно, это было даже еще более поразительной демонстрацией доблести.

Автор «Нематериальной археологии» Стефан Шварц и психиатр из Питтсбурга доктор Линдсей Джэкоб, изучавшие толкования Кейса и занимавшиеся археологией страны майя, основываясь на барельефах со стен Чичен-Ицы, высказывают предположение о том, что, возможно, в игре «тлачтли» было что-то большее, нежели традиционно понимается археологами. Шварц и Джэкоб подумали, что первоначально мяч мог быть из материала «более нежного, чем резина», и предположили, что это было чем-то вроде плазмы шаровой молнии (! — *Ред.*), что требовало большого умения двигаться по площадке и попадать мячом в кольцо, расположенное высоко на стене. Это было возможно при наличии таких развитых способностей, которые описал Карлос Кастанеда в своей трилогии, посвященной сверхъестественным деяниям индейцев яки-бруха. Неумение управлять шаровой молнией могло привести к взрыву «мячика» и гибели человека (или нескольких членов команды игроков).

Археологи сходятся во мнениях, что игра влекла за собой суровые последствия, и проигравшие могли поплатиться жизнью за проигрыш так же легко, как это было на пирамиде. Это тоже было искажением изначальной версии такого спорта.

Некоторые исследователи связывали площадки для игры в мяч с картами звездного неба. Если верить Ливио Стеккини, огромная площадка для игры в мяч в Чичен-Ице имеет на своих стенах изображение прохождения планет по зодиакальному кругу в цилиндрической проекции Меркатора, 14-градусную полосу, расположенную симметрично над и под плоскостью эклиптики, вдоль которой движутся пла-

неты, нечто вроде площадки для игры в мяч для богов, чтобы загонять планеты в лузы.

Другие исследователи предположили, что на площадках для игры в мяч разыгрывалась более крупная игра, игра жизни во всей вселенной, символизирующая различные уровни, на которых дух создает материю и управляет ею. Они предлагают считать, что кольцо, через которое должен был пройти мяч, могло изображать то место на небе, откуда на нашу планету прибыли путешественники со своей предыдущей космической родины.

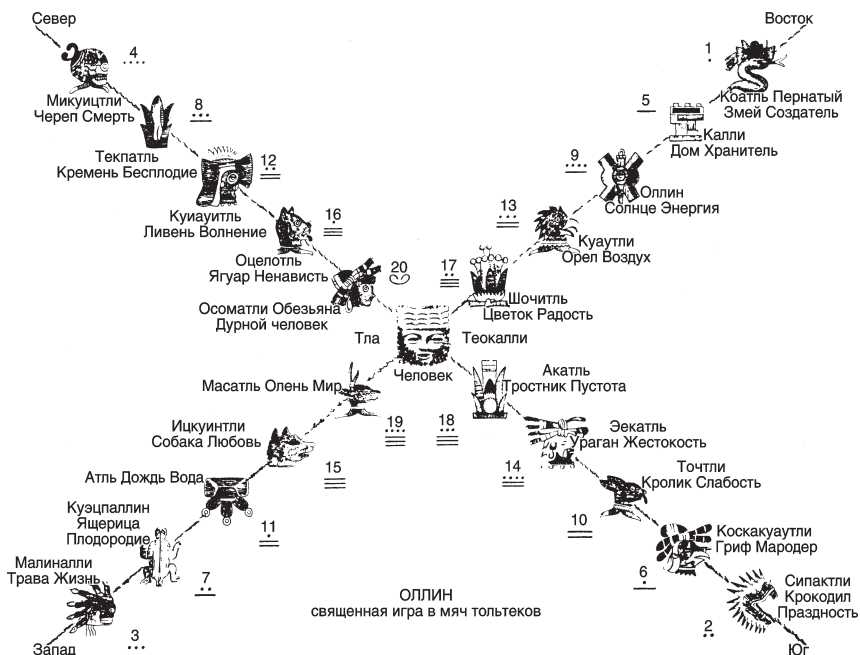
В то время как обряд на пирамиде, по-видимому, был инсценировкой земной борьбы человека между полюсами духовного и материального, между гравитацией и левитацией, игра в мяч на горизонтальной площадке, вероятно, разыгрывалась как космические приключения, описываемые современными писателями-фантастами: духи, управляющие телами, роботы и космические корабли, летающие меж разными планетами и звездами в различных галактиках. Все это кажется менее фантастическим с тех пор, как человек высадился на Луне, и с тех пор как существование НЛО было признано маститыми академиками.

Рон Хаббард, создатель дианетики и сайентологии, дал точную информацию о таких «космических играх», мысленно возвращая людей в их мечтах назад во времени к далеким эпохам, когда они описывали вторжения на нашу планету инопланетян. К этому Хаббард добавил данные своих собственных «внетелесных» исследований вселенной и своего собственного путешествия по оси времени. В начале 50-х годов XX века он использовал электропсихометр, гальванометр, усовершенствованный Олином Матисоном, в качестве обычного детектора лжи, только более чувствительного, и окупился в более дальние путешествия во времени, чтобы исследовать расовую память, уходящую на тысячи лет назад.

Движения чувствительной иглы электропсихометра тонко и едва различимо отражают схему мыслей респондента, давая возможность человеку, задающему вопросы, исследовать воспоминания, очень насыщенные эмоциями. Когда человек обращается к ним, они бегут, разбросанные во времени и пространстве, почти бесконечной вереницей, раскрывая трехмерные драматические сценарии во всех красках, звуках и ощущениях в самом экзотическом окружении. Благодаря этому техническому приему любой человек может стать потенциальным Эдгаром Кейсом, способным мысленно переносить свою точку зрения через пространство, приему, который дал возможность Хаббарду выпустить одну из своих наиболее неортодоксальных, но удивительных книг: «Историю человека».

Говорят, что в «космической опере» далекого прошлого, между наукой и вымыслом, существует группа инопланетян, известных под на-

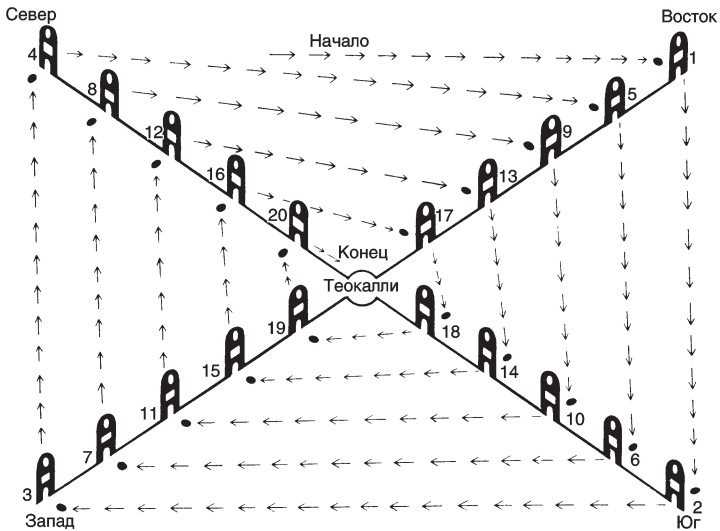

Расположение игроков на горизонтальной площадке во время игры в мяч, созданной царем Нецауалькойотлем, в изображении Шекели

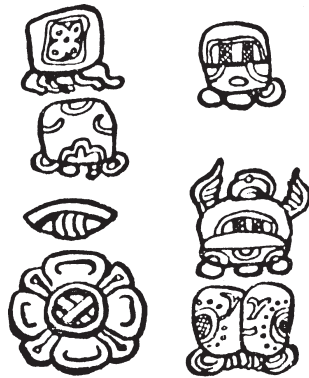
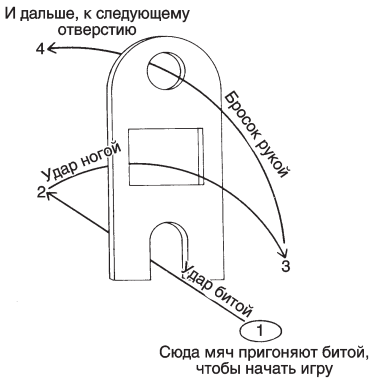
званием «Братство змеи» — слова, знакомые нам по истории майя. Их называют членами «Великого Белого Братства», которые прибыли на Землю со своих баз, которые они основали на Марсе и Луне во время эпох Атлантиды и Лемурии, чтобы открыть здесь школы таинств и обучить людей умению освобождаться от смертельных пут. Этих «братьев змеи» описывают как поборников эволюции, по указаниям которых, как полагают сторонники этой весьма смелой гипотезы, были построены первые пирамиды в Египте и Центральной Америке.

Г.И. Гурджиев в своих «Сказках Вельзевула своему внуку» утверждает, что люди, основавшие школу оккультных наук, в которой он учился в Центральной Азии, и те, которые развили суфизм, — также имели базу на Марсе.

Медиумы описывают некоторые храмы на Атлантиде, жрецы которых заключали духов в человеческие тела, чтобы они могли научиться лучше заботиться о них. Этот процесс, очевидно, упростился до стадии отождествления с телом, в котором они забыли, кем были. Это состояние могли излечить только другие посвященные жрецы, способные извлечь людей из их тел — через посвящение.

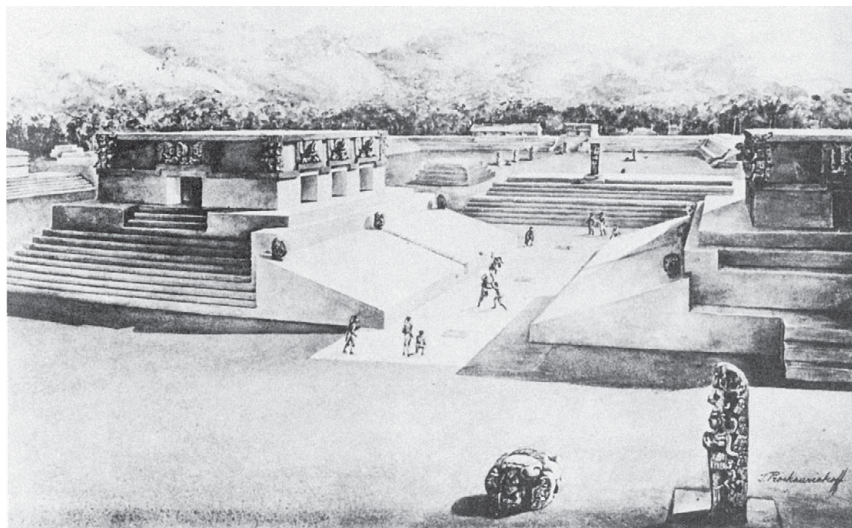
Порядок, в котором, если верить Шекели, мяч нужно было двигать к победному голу в центре горизонтального игрового поля

В воссозданной Шекели игре игрок должен был бить по мячу битой, ногой и бросать его рукой через проемы в каменном маркере

Фрэнк Уотерс выразился так: «Тоналаматль можно рассматривать как четырехстороннюю пирамидальную структуру, состоящую из двадцати символов дней, расставленных на пяти террасах по четыре ступени в каждой, которые символически показывают процесс создания: рождение духа в матери, смерть мира форм и подъем духа на более высокий уровень, примером чего служил Кецалькоатль».

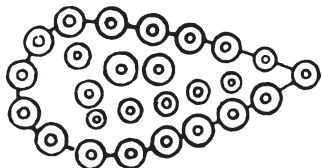
Толкование следующих один за другим дней у майя, символизирующих цикл жизни человека от его рождения до смерти и воскресения, также приводится в книге «Мифы Мексики и Центральной Америки» Айрин Николсон

Площадка для игры в мяч в Копане, которая, по оценке археолога Проскурякова, существовала в 600 году

Из собранных данных об обрядах посвящения в школах таинств ясно, что посвященного учили видеть, быть и знать без тела, а также относиться к неким «внетелесным» ужасам как к иллюзиям, с которыми можно справиться при помощи допущений и воли. Инициация была вторым рождением — приходом в мир, где отсутствует гравитация и царит понимание того, что никакой вред не может быть причинен духу, за исключением того, который он наносит себе сам, главным образом желая зла другим или ограничивая свои собственные неограниченные возможности — ради капризного удовольствия получить такие ощущения. Пройдя посвящение, человек мог существовать в этом мире, но больше не был его частью, мог видеть его как завораживающую игру, в которой игрок может попасть в ловушку, поверив в то, что он материален, или согласившись с тем, что должен испытывать боль, когда его телу ее причиняют, или умирать, когда умирает тело, несмотря на тот факт, что такое знание легко, за 20 минут, снимается гипнотизером. И тогда боль можно рассматривать как субъективное приложение к телу и понимать, что человек может видеть и существовать вне рамок пространства и времени.

Любой индеец, употребляющий мескалин (психотропное средство, алкалоид, содержащийся в одном из видов кактусов, произрастающих в Мексике, вызывает озноб, тошноту, замедление пульса, сужение зрачков, резкое повышение чувствительности к световым раздражителям, зрительные и слуховые галлюцинации. — *Ред.*), может сказать вам, что

Согласно Саагуну, так ацтекки изображали Плеяды

Большая Медведица из одного ацтекского кодекса

наркотик оказывает подобное же воздействие. Находясь «вне тела», каждый наркоман может сказать, что он, подобно Эдгару Кейсу, «видел и существовал» на расстоянии тысячи или миллиона миль.

Фрэнк Уотерс в своей «Книге об индейцах хоппи» пишет, что хоппи до сих пор утверждают, что индейцам майя помогали инопланетяне, или «люди со звезд». По его словам, индейцы кочинес также заявляют о том, что прибыли на Землю из космоса и помогали майя.

Члены племени догонов, что на западе Центральной Африки, рассказывали о своих контактах с людьми с голубой кожей, якобы инопланетянами с Сириуса, — эту завораживающую тему подробно представил в своей книге «Тайна Сириуса» Роберт К.Г. Темпл. На протяжении всей человеческой истории изо всех уголков мира поступали сообщения о людях с голубой кожей, которые каким-то образом связаны со звездой Сириус. В Ведах были боги с голубой кожей, сообщали о людях с голубой кожей на севере Японии и на Марианских островах, а также в Уэльсе.

Abb. 6a.

Abb. 7a.

Abb. 9a.

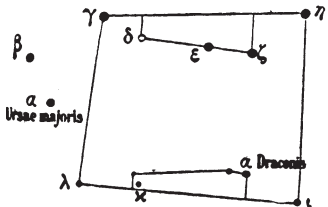

Abb. 8a.

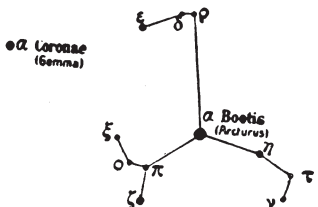

Abb. 10a.

По Шекели: арены для игры в мяч среди созвездий

Сириус — это бело-голубая звезда, которая больше и горячее нашего Солнца, в тридцать четыре раза его ярче и в восемь раз тяжелее. В оккультной литературе говорится, что она играет роль космического центра этой части галактики и является как бы ее «горлом», а Плеяды — ее «сердцем».

Лао Рассел, жена выдающегося писателя-мистика Уолтера Рассела (некоторые называют его «современным Леонардо да Винчи»), говорит, что она общалась с группой людей, которые сказали, что пришельцы с Сириуса прибыли на Атлантиду приблизительно 20 тысяч лет назад и оставили после себя важные документы, которые после погружения Атлантиды под воду были переданы финикийцам, а те отвезли их в Бразилию. Там они остались замурованными в пещере в скалах, помеченных финикийскими петроглифами.

Люди, обладающие оккультными способностями, утверждают, что «Люди змеи» должны вернуться на Землю в 2011 году, чтобы помочь создать всемирное правительство. Но все это не так просто. В противовес «Братству змеи» в «большой космической опере» есть свои злодеи: члены «Конфедерации Маркаба». Маркаб — звезда в созвездии Пегаса. Она расположена в том же общем направлении, что и звезды, относящиеся к группе звезд, восстановленных в трехмерной модели Марджори Фиш, а она взяла их из звездных карт этой части космоса, которые описала, находясь под гипнозом Бетти Хилл (которая видела их, находясь на борту космического корабля).

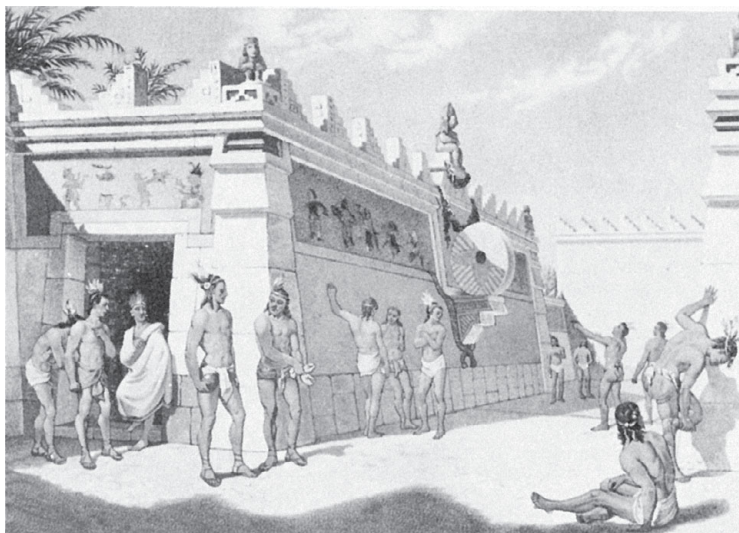
Оккультисты утверждают, что эти инопланетяне наблюдают за нашей планетой и посылают сюда разведчиков в человеческом обличье для подготовки своего массового появления.

Некоторые люди, которые мысленно возвращались в более древние времена или находились в состоянии «вне тела», говорят, что жители Маркаба существуют около 200 тысяч лет и управляют людскими телами и человекоподобными роботами, но они потеряли силу и не могут выйти из своего нынешнего положения. Находясь в этом ослабленном состоянии, они, очевидно, могут только пытаться контролировать других и подтягивать их до своего уровня.

Сторонники теории, связанной с «Конференцией Маркаба» и «братья змеи», предвидят борьбу между инопланетянами за души, умы и тела землян, причем пришельцы с Маркаба будут использовать методы управления людьми, чтобы держать их в невежестве и рабстве, в то время как «братья змеи» будут использовать методы посвящения, чтобы помочь людям вновь обрести знания об их истинной духовной индивидуальности.

Тождество с телом легко может привести к шантажу со стороны контролирующего, который хочет поработить человека, просто обеспечив его кровом, пищей, сексом и защитой. Отсюда различные по-

В этом уголке мира, очевидно, преобладали игры в мяч, развивающие тело

пытки избежать этого через соблюдение постов, воздержание (или, наоборот, свободную любовь) и бродяжничество. Мера, предложенная Хаббардом, состоит в том, чтобы заново обрести уверенность в своей духовной сущности и научиться действовать — успешно и по своей воле — в физическом теле или без него.

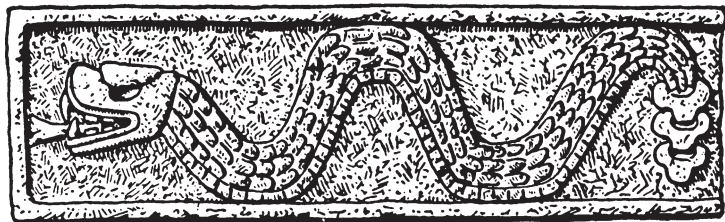
Многое в бурной истории и доисторических временах нашей планеты, вероятно, можно разумно объяснить гипотетическим конфликтом между «контролерами маркабского типа» и «освободителями» из числа «братьев змеи» (их роли при желании можно поменять местами).

Для тех, кому трудно принять на веру существование — даже в космосе — друзей и врагов по типу Кецалькоатля и Тескатлипоки, предлагается понять следующее: космическая игра, подобно любой другой земной игре, требует существования позиций «друг» и «враг», расположенных в гармонической очередности, иначе уровни сольются в одно целое и все в конце концов окажутся на одной стороне — и тогда конец игре.

Как подчеркивает Хаббард, чтобы игра шла, необходимо установить барьеры и границы — произвольно. Вряд ли можно забить гол, если нет ворот. Чтобы были неожиданности и разнообразие, должно быть что-то, о чем человек не знает или временно скрывает от себя. Чтобы было соревнование, должны быть соперники. Чтобы появился победитель, кто-то должен потерпеть поражение. Таким образом, игры могут привести

к падениям, а более тяжелые падения могут привести к тому, что будет забыто, что это игра и что ее кто-то придумал.

Если все это звучит слишком надуманно и далеко от темы пирамид, то это не более чем суть всех мифов и большинства существующих религий: это вечная тема большого искусства и литературы; и в равной степени это источник создания как «Волшебной флейты», так и «Сна в летнюю ночь».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Часть первая ПОДГОТОВКА ДЕКОРАЦИЙ

Глава 1. Возвращение «богов»	11
Глава 2. Индейцы разбиты	23

Часть вторая ПЕРВЫЕ НАБЛЮДАТЕЛИ СО СТОРОНЫ

Глава 3. Сообщения из Новой Испании	40
Глава 4. Миссия Гумбольдта	57
Глава 5. Путешествие англичан	81
Глава 6. Новый взгляд испанцев на древности Мексики	98

Часть третья ИССЛЕДОВАТЕЛИ-РОМАНТИКИ

Глава 7. Открытие страны майя	113
Глава 8. Еще один Шампольон	136
Глава 9. Новое «завоевание» Мексики	146
Глава 10. Максимилиан и Теотиуакан	160
Глава 11. Иностранная интервенция	173
Глава 12. Первые настоящие раскопки	187
Глава 13. Исследование глубин	203

Часть четвертая ЗАНАВЕС ПОДНИМАЕТСЯ

Глава 14. Археологическая кормушка Батреса	225
Глава 15. Хорошие и плохие американцы	243
Глава 16. Мексиканцы для Мексики	255
Глава 17. Столица империи	272

Часть пятая
НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

Глава 18. Математические выкладки	286
Глава 19. Космический университет	316
Глава 20. Мудрость древних	338
Глава 21. Астрономические наблюдения	367
Глава 22. Геодезические отметки	379
Глава 23. Космические и земные силы	392

Часть шестая
ПЕРЕОЦЕНКА ДОИСТОРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Глава 24. Происхождение народа майя	412
Глава 25. Мексика в доисторические времена	424
Глава 26. Черчурд: вымысел или факты	435
Глава 27. Мезоамерика Кейса	448
Глава 28. Театр	458